

Wanderung

Иван Ильин

**Иван Ильин
Москва, 1918 г.**

И.А.ИЛЫИН

**Собрание сочинений
Том девятый - десятый**

Москва
• РУССКАЯ КНИГА •
1999

И.А.ИЛЬИН

**Собрание сочинений
в десяти томах**

Москва
• РУССКАЯ КНИГА •
1999

УДК 1/14
ББК 87.3
И 46

Составление и комментарии
Ю. Т. Лисицы

Художник
Л. Ф. Шканов

Ильян И. А.
И46 **Собрание сочинений: В 10 т. Т. 9-10/Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы; Худож. Л. Ф. Шканов. – М.: Русская книга, 1999. – 512 с., 1 л. портр.**

В том вошли статьи и речи И. А. Ильина, хронологически охватывающие период 1906 – 1940-х гг. В основном все они посвящены выявлению причин кризиса общественно-политической системы царской России, анализу политической ситуации после Февральской революции, разъяснению сущности белого движения и перспективам борьбы за новую Россию.

ISBN 5 – 268 – 00456 – 5
ISBN 5 – 268 – 00432 – х

УДК 1/14
ББК 87.3

© Лисица Ю. Т., 1999 г., составление и комментарии.
© Шканов Л. Ф., 1999 г., оформление.

О ВОЙНЕ

ДУХОВНЫЙ СМЫСЛ ВОЙНЫ

Николаю Карловичу Метнеру¹

I

Теперь уже нет сомнения в том, что русский народ испытал и испытывает настоящую войну как *призыв*, — как призыв, ответить на который составляет для него не только правовую обязанность или моральный долг, но живую духовную потребность. Мы словно проснулись и опомнились, поняли, что над нами стряслось, и почувствовали, как вновь загорелось в душе древнее *чувство родины*. И вот мы сами, охотно, доброю волею, делаем то, что нужно для победы; мы не нуждаемся в чужом понуждении и сами не заставляем себя служить нелюбимому, постылому делу; мы ждем лишь указаний: что нужно сделать; а сила духовного подъема дает нам желание и энергию.

Что же это за призыв и откуда он? Что зовет нас? Что заставило нас восстать и доброю волею принять на себя бремя великой и напряженной народной войны?

С детства привыкаем мы жить, сосредоточиваясь на непосредственных и «ближайших» интересах небольшого круга людей, будь то семья отца и матери или семья, основанная нами. Мы незаметно, но прочно свыкаемся со всевозможными перегородками и разделениями, обособляясь и отъединяясь во все стороны, нередко с тем большею настойчивостью, с тем большим увлечением, чем меньше имеется для этого объективных и существенных оснований. Душа наша обрастает целым множеством узаконенных ледяных покровов, избавляющих нас от необходимости «отвечать» на призыв, если он «чужой», и отзываться на беду, если она не «наша». Мы живем, не замечая, что это кольцо «нашего» постоянно тяготеет к умалению и сужению и что каждого из нас влечет центростремительная сила самосохранения. Величайшее нравственное и духовное разъединение царит в современном обществе. У всякого *своя*, особая цель в

жизни, *своей* интерес, отдельный от других; ибо кто же еще, кроме меня, полагает своею главною жизненною целью *мое* личное устройство и благополучие? Если я сам не буду заботиться о себе всеми силами души, то кто же позаботится *так* обо мне? Никто, конечно; а если бы нашелся такой человек, то разве не опутал бы он тотчас же мою жизнь требованиями ответного внимания, имеющего вознаградить его за его старания? Кто из нас умеет любить «не для себя»? Чья любовь не подавляет любимого своей требовательностью?

Наши души разъединены именно потому, что каждая занята *своей* заботой, *своею* судьбою, *своим* устройением; и в этом отношении, как и во многих других, своекорыстие семьи и своекорыстие индивидуума суть явления одного порядка. А между тем при таком положении дел цели других в общем *подобны* моей, но *не совпадают* с ней: каждый — за себя и о себе, каждый «понимает» (в лучшем случае) себя и «не понимает» других; и наши повседневные беседы и обычные споры, в которых каждый слушает только себя и глух для мысли другого, выражают именно эту глубокую разъединенность душ. Каждый ищет *своего* и живет насторожившись, не доверяя другим, часто бессильный перед «потемками» чужой души. Каждый щедр для себя и «не имеет» для других; и кажется иногда, что скоро доброта сердца истает в людях без остатка.

Как это привычно, как элементарно и общеизвестно; и в то же время как тяжело!.. И так привыкаем мы к этому, что нередко искренне удивляемся самой возможности говорить о другом и видим в этом проявление наивности или бестактного чудачества. Пусть беспокойные и неудобные мечтатели, подобные Льву Толстому, говорят об ином², обнаруживая свою явную не приспособленность к «практической жизни» и побуждая «легковерную молодежь» относиться серьезно к этому «беспочвенному идеализму»; «большинство» будет по-прежнему ставить все вопросы жизни на «единственно реальную» почву личного интереса, и «трудно» будет тем, которым не удастся примириться с этим «неизбежным» «минимумом» житейской черствости.

И даже «сочувствие» и «солидарность», объединяющие нас на момент или на срок, слишком часто лишены истинного и глубокого значения: временные параллели в личных судьбах и путях у двух своекорыстных людей не могут взрастить семени добра.

И вот война вторглась неожиданно в нашу жизнь и заставила нас гореть не о себе и работать не для себя. Она создала возможность взаимного понимания и доверия, она вызвала нас на щедрость и пробудила в нас даже доброту.

Война насильственно вдвинула в наши души один *общий* предмет; она противопоставила нашему мелкому повседневному «здесь» — некое великое «там» и потрясла нас этим «там» до корня. То, что было «здесь», не исчезло после начала войны, но наряду с ним выдвинулось что-то *новое* и, может быть, даже заслонило повседневность. Каждая душа услышала зов, и от каждой протянулась куда-то нить, напряглась и задрожала и связала душу с другими в одном, сразу далеком и близком «там». Все нити встретились в этом общем пункте и скрепили народ в единство. Все, что «оттуда», стало важным; ибо то, что «там», оказалось родным и дорогим и существенным, и притом как бы при смерти больным. Оно тоже для каждого «мое», но по-особому «мое»: такое «мое», что *не только мое*, но и мое, и чужое. Оно — *наше*; оно — общее. Это пункт, где радость не одинока и где горе разделено, ибо тому, чему я радуюсь, радуются и другие; и то, что тяготит меня, угнетает и других. Оказалось, что все имеют общий предмет любви и забот. Оказалось, что есть пункт, в котором моя любовь, мое волнение, моя боль, мое усилие горят о том же, о чем горят другие люди, *чужие* мне. Но если так, то они мне уже не чужие... И вот тает чуждость и смягчается изолированность людей. В минуты подъема и волнения теряет даже смысл деление на «знакомых» и «незнакомых»: люди, впервые видящие друг друга, уже соединены где-то, в самом важном. У них уже есть знание друг о друге: я знаю, где у другого, «чужого» мне человека, боль и радость; на что он надеется и что его беспокоит. И это знание есть взаимное приближение; оно сближает людей и сокращает

расстояние между ними: все легче становится найти отклик, сочувствие и совпадение; все легче встретиться и вместе загореться и согреться у одного огня. Возникает взаимное понимание; слагается уверенность друг в друге; создается доверие друг к другу. А доверие есть ключ ко всем замкам души, сковывающим ее входы. Является область, где не нужны эти замки, где можно раскрыться, где нет уже оснований к отъединению. Мы говорим друг с другом о войне и не чувствуем ложного стыда — любить наше общее, вместе радоваться его подъему и его высоте, вместе скорбеть об его несовершенствах и неудачах.

Эта открытость душ и их совместное горение смягчает сердца; а смягченные сердца уже стоят на пути к восстановлению отмершей доброты. Люди чувствуют себя как бы ветвями и листьями единого дерева; их корни где-то сплелись; их души тянутся к одной и той же, единой цели. Где-то там — мы *одно*. Там *наше* дело, *наша* беда, *наша* опасность, *наше* страдание, *наша* победа, *наше* восстановление, *наше* возрождение. И это сознание, что «там» «мы одно», научает людей радоваться тому, что у них *единое* солнце, *единый* воздух, *единая* родина. Там я неотделим от других, от тех, кто огнем *любви* своей говорит: «Я русский». Там нет этого разъединяющего настроения «я, а не другие». Там — мы; мы — русский народ. И для всех нас сообща — там решается один вопрос: о нашем общем деле, о нашем общем духовном достоянии.

Что же это такое, это «там»? И к чему зовет оно нас? И о каком нашем общем достоянии решается здесь вопрос? Раскрыть это — значит установить *духовный смысл войны*.

II

Бывают в жизни народов периоды и времена, когда вся жизнь — интерес, воля, воображение, мысль и действие — сосредоточивается вокруг единого пункта. Перед важностью его отходит на второй план все остальное; ибо его значительность, интенсивность и трагичность поглощает чуть ли не все остальные жизненные цели и стремления.

Как во время смертельной болезни нежно любимого человека, душа испытывает в такие периоды какой-то незабываемый гнет. Что бы ни делал человек, чем бы он ни занимался, ко всему присоединяется тревожный гнетущий вопрос: «А что там?» Вся жизнь окрашивается в отношении к этому пункту. Все меняется и сдвигается с его появлением. Как во время землетрясения, люди чувствуют, что колеблются какие-то стихийные основы жизни; что удержать или прекратить эти колебания не в их власти; что в жизнь их вторглось что-то новое, неизвестное; что привычная перспектива жизни и даже ближайшего будущего покрылась неверною тьмою. Как во время урагана, люди чувствуют, что их «между прочим» захватило в огромный круговорот и что отныне жизнь их уже не строится ими, а мнется и комкается хаосом событий. И неизвестно, куда выбросит их и что сделает с ними ураган.

Эта вспыхнувшая стихия не в земле и не в воздухе, а *внутри людей*, в той сфере, о которой прозвучали некогда тихие слова: «Царство Божие внутрь вас есть»³; в той сфере, в которой *может* раскрыться и осуществиться прекраснейшее на земле и которая теперь сделалась поприщем тягчайших решений, противоречий и деяний. Что-то перенапряглось в душах людей и оборвалось. Где-то далеко у людей, располагающих большой властью, исчезла возможность «говорить» и «убеждать»; и уже нет у нас более надежды, что кто-то с кем-то снесется, переговорит и «уговорит». Где-то оказалось чрезмерное упорство, не поддающееся никаким уговорам; где-то оказалось непреодолимое желание поставить на своем. И в результате этого — мы больше не *зрители*, а *участники*.

Согласен я или не согласен, готов или не готов — я *призванный участник дела*. Это участие означает, что настал для меня час принять *лишения*, вероятно, тяжелые физические *мучения* и, может быть, *смерть*. Это участие означает, что по внешнему принудительному приказу я должен оставить главное и любимое дело моей жизни, которому я обычно отдаю все мои силы; оставить дорогих мне людей, без которых мне, может быть, трудно прожить и один день — жену, детей, отца и мать, друзей;

оставить мое жилище, мои удобства, мои привычки и удовольствия; одеться в непривычную, неудобную, тяжелую одежду и начать жить по чужому приказу; неудобно и мало спать, невкусно есть, может быть, голодать, носить тяжелые вещи, много ходить; переносить непогоду, рискуя здоровьем и жизнью; жить с чужими и чуждыми мне, нелюбимыми людьми; по приказанию стрелять и рубить, ранить и убивать других, незнакомых мне людей; самому подставлять себя под чужие удары и выстрелы; жить так недели и месяцы, может быть, год; наверное, видеть насилие, кровь и смерть; вероятно, получить телесное мучительное повреждение; может быть, стать калекою на всю жизнь; может быть, в мучениях умереть.

Да, именно смерть, возможность личной смерти, ставит перед нами война. Ее наступление властно обрывает обеспеченность моей личной жизни, мою безопасность, мое спокойствие за себя. Война как будто говорит мне: «Доселе ты жил так, как ты впредь жить не будешь; и может быть, ты вообще больше не будешь жить». И в большей или меньшей степени этот голос звучит для всех: и для военных, и для запасных, и для их семей, и для врачей, и для пограничного и не пограничного населения. Помимо воли моей, без всякого повода с моей стороны в моей жизни состоялся какой-то перелом, непоправимая беда: передо мною встало *начало конца моей жизни*.

И в ответ на это у человека пробуждается инстинктивный протест и желание отклонить от себя эту беду. Угроза смерти и мучений будит в душе *инстинкт самосохранения*.

Почему я должен обрывать мое жизненное дело и идти на смерть? Разве я ответственен за то, что другие не сумели мирно и полюбовно сговориться? Разве нельзя было не воевать? И почему эта гнетущая и разрушающая мою жизнь повинность падает именно на меня? Почему остаются дома столь многие другие?

И если нет разумного, удовлетворяющего ответа на эти инстинктивные вопросы, то в душе вспыхивает бесильная досада и злоба, жажда забыться и одурманить свое сознание: в народе разыгрывается пьяная мобилиза-

ция и погромы запасных, снова повторяется «глуповская»⁴ трагикомедия: толпа ищет виновного и, не найдя его, сбрасывает с раската первого попавшегося. Темный протест нуждается в опьянении и жертве, и в результате — вместо духовного подъема воцаряется деморализация.

Здесь впервые обнаруживается, что война есть не только потрясение, но *духовное испытание* и *духовный суд*.

«Доселе ты жил так, как ты впредь жить не будешь» — вот голос войны. Но чем же я жил до сих пор?

Всегда, когда человек стоит перед лицом смерти и видит, что будущего нет или что он бессилен перед ним, что он уже не строит его, он обращается вспять и пересматривает свой жизненный путь. И если это бывает даже при стремительном наступлении смерти, когда прошлое пронесится вихрем в угасающем сознании, то война вызывает этот пересмотр с особенной силой и отчетливостью.

Итак, чем я жил до сих пор? Почему, за что я оказываюсь обреченным на смерть? И пересматривая мою жизнь, я вижу, что мне *нет оснований* умирать за что-нибудь. За мною нет никакого особенного преступления, которое должно было бы привести меня по закону к смертной казни. Я не совершил ничего особенно дурного. Да и может ли быть такое дурное дело, чтобы человека, совершившего его, следовало лишить навсегда возможности исправить себя и искупить свою вину? Преступник, кто бы он ни был, больше всех нуждается в долгой жизни, полной внутренних, очищающих усилий, труда и борьбы с собою.

И вот, с одной стороны, я не повинен смерти за преступление или в наказание.

Но, с другой стороны, защищать то, чем я жил доселе, *рискуя своею жизнью*, совершенно не стоит. Если я даже любил свое дело и увлекался им, то все же *жизнь* всегда будет мне дороже всех дел. Лучше *какая-нибудь* жизнь, чем ее преждевременный, неожиданный, насильственный конец. *То дело, которому я посвятил мою жизнь, не стоит того, чтобы я защищал его, не останавливаясь даже перед смертельной опасностью.*

Но не заключается ли в этом признании приговор моему делу? Не значит ли это, что я жил тем, чем вообще жить не сто́ит и не стоило? В самом деле, какая же цена мне и моему делу, если я при первой угрозе готов бросить его, если я при первой опасности обращаюсь в бегство? Если мое дело было правое и святое, то за него сто́ит и умереть; если же его не сто́ит отстаивать *всеми силами*, тогда оно есть дело не верное и не стоящее... Тогда им не стоило и жить; и не стоило любить его и отдавать ему все свои силы.

Вот в чем состоит духовный суд, перед которым война ставит человеческую душу. Сто́ит ли жить тем, чем мы живем; сто́ит ли служить тому, чему мы служим? Война, как ничто другое, ставит этот вопрос с потрясающей силой и вкладывает в него простой и глубокий ответ: *«жить сто́ит только тем, за что сто́ит и умереть»*⁵. Ибо смысл войны в том, что она зовет каждого восстать и защищать до смерти то, чем он жил доселе, что он любил и чему служил. Что бы ты доселе ни делал, чем бы ты ни занимался, чему бы ни служил — словом, чем бы ты ни жил, — *умей умереть за то, чем ты жил*. Этим война ставит перед человеком начало *ответственности*: каждый отвечает за то, *чем он жил и как он жил*.

Какова была твоя жизнь доселе? Что ты любил? О чем старался? Что создал? Чему радовался? О чем мечтал? К чему стремился? Встань и прими это достояние твое, худо оно было или хорошо. И если предмет твоей жизни и содержание твоей жизни были плохи или нестоящи, то зачем же они были плохи и нестоящи? Встань, прими на себя это нестоящее содержание, раз что⁶ оно было *твое*, сумей ответить за него, постоять за него и, если понадобится, умереть за него. Потому что война зовет тебя защищать *свободу твоей жизни* от насилия поднявшихся врагов-иноземцев. Худо ты жил или хорошо, но идти к врагам в невольники ты не можешь и не должен хотеть. И если ты жил хорошо — ты с бодрюю решимостью встанешь на защиту твоей свободы. Но если ты жил плохо, то война заставит тебя защищать *свободу твоей дурной жизни*; ты имел эту свободу и не замечал ее, пользовался ею, не ценя ее, и пользовался дурно. И вот пришел час

для тебя утратить ее совсем или отстоять ее во что бы то ни стало.

Если бы ты знал, что скоро пробьет этот час суда, ты, может быть, жил бы лучше; но теперь он уже пробил и тебе остается одно: воспрянуть, чтобы отстоять свободу, и, отстояв свободу, *жить потом иною жизнью*. Ты можешь, конечно, убоявшись, не принять на себя этого нового бремени и ответственности и не выдержать этого испытания. Но только человек, который вступит на этот путь, добровольно признает себя рабом: он жил тем, чем не стоило жить, и трусливо бежал от ответственности; он жил, рабствуя своим инстинктивным влечениям и мелким интересам, и испугался первого окрика. Он жил как раб и не сумел умереть как свободный. И народ, который вступит на этот путь, есть народ духовно погибающий: придут иноземцы, покорят его и сделают его духовным невольником, живущим не по своей воле, а по чужой.

Так война несет людям и народам *духовное испытание и духовный суд*. И перед лицом этого испытания инстинкт самосохранения зовет человека на путь духовного падения и деградации: сохранить себя как живую особь, но ради этого признать себя *неспособным ответить за себя* и свою жизнь. Каждый из нас имеет свой крест, свою плохость и свои качества; и война учит нас брать на себя свой крест и свои дела и отвечать за них, памятуя, что каждый человек, кто бы он ни был и чем бы он ни занимался, есть *сам творец своей жизни*. И если жизнь его плоха, то он сам сделал ее плохую, потому ли, что не видел ее недостатков, или потому, что они ему нравились. От него зависело жить тем, что есть самого важного в жизни; *главным*, объективно прекрасным: душою, открытою для добрых чувств, прекрасных образов, истинного знания. И тогда оказалось бы, что ему поистине стоит защищать до самой смерти то, чем он жил; и что смерть в этой борьбе не поразила бы его своею неожиданностью и ненужностью.

Война учит нас всех — призванных под оружие и не призванных — жить так, чтобы смерть являлась не постылым и позорным окончанием озлобленного и хищного прозябания, но естественным увенчанием жизни, последним, самым напряженным, *творческим актом* ее;

чтобы действительно каждому стоило защищать дело его жизни хотя бы ценою мучений и смерти. И это простое правило сосредоточивает в себе всю вековую нравственную мудрость человечества. Оно дает преодоление смерти потому, что превращает самую смерть в *подлинный акт духовной жизни*.

Война учит нас проверять нашу жизнь, ее достоинство, ее качество, ее верность, ее правоту, поставляя ее перед необходимостью защищать дело ее до конца; война учит нас судить и испытывать жизнь смертью и превращать смерть в высшее жизненное и духовное проявление. Она указывает нам путь *героя* и требует, чтобы этот путь стал общим, универсальным; и этим она дает разрешение основной жизненной проблемы.

Этот путь необходимо предполагает такую жизнь, при которой отказ от нее был бы *не труден* человеку. Эта духовная естественность и нравственная незатрудненность в отказе от жизни недоступны тем, кто — сознательно или бессознательно — полагает центр тяжести в своем *личном* удовлетворении и благополучии. Если в жизни я занят более всего *собой*, то смерть, ликвидирующая мое эмпирическое существование, повергает меня в растерянность и бледный страх: как отдам я *мою жизнь*, если *моя жизнь* есть для меня самое главное? Или если в жизни я занят более всего *моим богатством*, то как отдам я *мою жизнь*: мое имущество перестанет тогда быть *моим* имуществом. И так во всем: для того, кто в *себе* и *своем* полагает главное, смерть никогда не станет актом жизни; смерть всегда будет для него концом его «главного». Смерть всегда останется для него поражением и никогда не станет победой; ибо умереть, защищая *свою* жизнь, есть действительно поражение: даже в том случае, если человек, умирая, сразил своего недруга, он все же потерял то главное, которое он защищал, — *свою жизнь*. В самом деле, если он *погибает*, *храбро* защищая свою личную жизнь от своего личного врага, напавшего на него в глухом месте, то тяжелое положение его может вызвать в нас сочувствие, а храбрость, проявленная им, — наше удивление. Но гибель его останется *неудачей* его жизненного дела; дело его было смертно, как он сам,

и погибло вместе с ним: ибо дело его сводилось к его *личному самосохранению*. Он пал, не победив. Не благодарнее ли ему было *бежать* от опасности, спасаясь? Ибо стоит ли вообще рисковать своим главным делом, т. е. своею жизнью? Не проще ли поставить ее вне опасности, освободить ее от необходимости этой опасной самозащиты?

Именно так слагается *настроение дезертира*. Дезертир — это человек, который жил так, что умирать за свое жизненное содержание ему не стоит, и у которого нет ничего такого, что он любил бы больше себя. Таково душевное состояние человека, который деморализуется немедленно после начала духовного испытания: призыв на войну есть для него начало падения, а не подъема. Восстать на защиту, не опасаясь мучений и не избегая, если нужно, и смерти, поистине может только тот, кто вообще способен любить что-нибудь *больше себя*. Может быть, нигде это чувство не живет так естественно и целно, как в душе матери. Мать, когда встает опасность для ее ребенка, защищает его, не помышляя об опасности для себя: ребенок, ее *главное*, ее любимое, ее выстраданное, дороже ей, чем ее жизнь. Тургенев видел однажды, как птичка бросилась защищать своего птенца от сильнейшего врага, и, потрясенный виденным, записал: «Любовь сильнее смерти и страха смерти; только ею, только любовью держится и движется жизнь»⁷. Не с тою ли же непосредственностью защищает муж свою жену? И вот так же просто встают люди на защиту своей родины и ее духовного достояния.

Во всех этих порывах одно всегда имеется налицо: горящее чувство, что без этого, защищаемого мною предмета, мне самому *нет жизни*. Если *это* погибнет, то я не могу жить; конец *этого* есть *мой* конец. Жизнь станет мне смертью, пустыней, могилой; невыносимым бременем, может быть, духовным разложением. *Все* лучше, чем это. Все не страшно, только бы *этого* не случилось. Все перенесу, только бы *это* спасти. И даже мыслей этих может не быть, а только один огонь чувства.

Если человек, живя так, любит что-нибудь больше себя — свой народ, или его искусство, или свободу, или хотя бы природу своего отечества (вспомним Карамзи-

на⁸), — тогда в трудах и опасностях он не видит *долга* или обязанности, он не «приносит *жертву*», он не знает колебаний. Нет долга, но есть *добрая воля*, своя охота. Нет жертвы, но свободная легкая отдача себя, и, может быть, даже больше, чем себя: любимых людей (мужа, детей, друзей); и такая отдача не есть «жертва», ибо в жертве всегда остается еще жалеющая судорога скупца. Нет колебаний, но целостное, нераздвоенное решение, непосредственное и незаметное. Тогда человек твердо знает и чувствует, что иначе нельзя; что иначе он не может и не хочет; и не может иначе хотеть; и не хочет иначе мочь. Смерть есть конец *его*, но не его дела. Лучше ему не быть, решает он, чем чтобы воцарился на земле грубый произвол своекорыстных людей, идущих покорить его родину.

Этому учит нас духовный смысл войны: «Живи так, чтобы ты при жизни любил нечто высшее *более, чем себя*». Только тогда ты справишься легко и непосредственно не только с тем духовным испытанием, которое несет тебе война, но и со всяким бременем жизни. Потому что только тогда ты осуществишь в душе твоей состояние истинного, непоколебимого *удовлетворения*, наполняющего жизнь радостной, творческой легкостью, и в то же время — состояние целостной, *нравственной красоты*, слагающей духовный образ *героя*. Об этом свидетельствовали все великие нравственные учителя человечества. Скажи мне, что ты полагаешь самым важным и главным в жизни, и я скажу тебе, кто ты.

Именно на этом пути слагается истинное *нравственное добровольчество*⁹. Добровольцы, совершая доброе дело, совершают его не потому, что так велит закон государства или к этому понуждает чувство долга, но потому, что они *любят свое дело*, притом любят его *больше себя*. Здесь следует разуместь не только военных добровольцев, да и не ко всем к ним это относится; но *нравственных, духовных добровольцев* в самом широком смысле этого слова, *жизненных добровольцев*, тех, кто в обычной жизни живет добровольцем добра и духа. Эти люди и в повседневной жизни, даже когда жертвуют, то не «жертвуют», а отдают добровольно, легко и удовлетворенно. Говоря об

этом добровольчестве, не следует иметь в виду только войну; нет, война есть только переходная, преходящая эпоха; война есть только одно из явлений народной жизни; жизнь шире войны и больше войны. И не нужно совсем, чтобы *все* шли добровольцами на войну, потому что из этого не вышло бы ничего, кроме ратной помехи, духовного застоя и экономического разорения. Но война учит нас *жить всегда так, чтобы быть готовыми встать на защиту того высшего, которое мы любим больше себя.*

Каждый час жизни несет нам повод и возможность стать дезертиром или добровольцем; бежать, спасая себя, или отдать все на защиту. И каждый из нас слагает свою жизнь как компромисс из дезертирства и добровольчества. Но хуже всего то, что мы так легко прощаем себе это нравственное дезертирство по мелочам. Прощенные мелочи незаметно въедаются в ткань нашей души и разъедают ее; а когда приходит час духовного испытания, то мы можем вдруг оказаться бессильными и безвольными дезертирами в большом.

Правда, живя изо дня в день, мы нередко сами не знаем, какая сильная любовь к родине дремлет в нашей душе. Но неужели в самом деле иноземный враг должен напасть на нашу родину для того, чтобы мы вспомнили о смерти, о любви и о нашем высшем духовном призвании?..

Правда, русский народ не раз доказывал свою способность превратиться из «дезертира по мелочам» в «добровольца великого дела». Но неужели мы способны к этому только в годину бед? Неужели, когда пройдет эта година, мы снова начнем копошиться в мелочах своекорыстного укрывательства?

Пусть же будет так, что если мы переживем эту войну, то духовные уроки ее останутся жить в нас всегда.

III

Итак, война имеет *духовное значение*. И притом *всякая* война, хотя и *не всякая* война имеет *духовное оправдание*.

Духовное значение имеет *всякая* война, ибо *всякая* война есть *потрясение, испытание и суд* для *всей* жизни народа, который в ней участвует, а следовательно, и для ее духовных сил. Однако если *всякая* война есть потрясе-

ние, испытание и суд для жизни народа, то *не* всякая война есть правая для того народа, который в ней участвует. Воюя, народ может быть прав и не прав; и война его будет иметь духовное оправдание лишь в том случае, если он прав, воюя.

Духовная оправданность войны определяется теми *мотивами*, которые побудили народ открыть военные действия, и теми *целями*, которые он, воюя, имеет в виду и осуществляет. Скажи мне, *ради чего* ты начал войну и ведешь ее, и я скажу тебе, прав ты или не прав. Эти мотивы и цели бывают обыкновенно ясны и *до* начала военных действий и во всяком случае выясняются быстро и отчетливо. Между тем *духовное значение* войны определяется творческой деятельностью народа *во время* войны и *по окончании* ее. Оно определяется тем откликом, тем движением в народе, которое вызывается войною; тем *духовным подъемом*, который слагается в народе во время войны и после нее. Скажи мне, что вызвала война в твоей душе; скажи мне, *как* ты воевал и что извлек ты из трудов и страданий войны, и я скажу тебе о том, каково было ее духовное значение в твоей жизни.

Понятно, что духовное значение и духовное оправдание могут находиться в самом различном соотношении. Так, народ может быть прав, вступая в войну, если, например, на него совершают, по-видимому, ничем с его стороны не вызванное нападение; но испытания своего он может в ней не выдержать, обнаруживая духовное оскудение или неспособность восстать на защиту своего духовного достояния; или же превращая войну в мародерство и сам впадая в озверение; или, наконец, обнаруживая неспособность творчески справиться с военным потрясением, его уроками и последствиями. Напротив, народ может быть *не прав* по тем мотивам и целям, которые привели его к войне; но зато обнаружить в войне огромную любовь к родине, истинное самопожертвование или же способность творчески справиться с военным потрясением, его уроками и последствиями.

Понятно также, что каждая война требует особого рассмотрения с этих двух точек зрения и что притом положение каждого народа должно быть рассмотрено осо-

бо. В качестве общего закона здесь можно установить лишь то, что духовно живой, духовно сильный и творческий народ растет и возрождается и после тех войн, в которых он потерпел ратную неудачу: так было с Россией после крымской и японской войн, с Германией после наполеоновских войн. И в качестве общего правила можно установить, что каждому народу следует желать, чтобы война имела для него максимальное духовное значение, т. е. чтобы она вызвала расцвет его лучших духовных сил, от которых питаются и должны питаться все последующие поколения и другие народы.

И еще одно несомненно: какова бы ни была война и каковы бы ни были ее духовные последствия, ей всегда гарантирован известный минимум духовного значения. От нас зависит превратить этот дающийся нам минимум — в максимум. И для этого нам надлежит помнить ежечасно: мы *еще* творим эту войну, и в этом творчестве ни одно усилие, ни один порыв, ни одно живое искреннее слово не пропадает даром. И если перед нами сейчас встанет вопрос, справимся ли мы духовно с этой войною, то попытаемся прежде всего отдать себе отчет в том, что такое война как явление народной жизни; какие цели и какие мотивы могут сделать войну духовно оправданной и, наконец, каково наше положение в настоящей войне. И тогда только мы найдем путь к осознанию встающих перед нами духовно-творческих заданий. В осознании их — залог нашей духовной победы.

Мы установили духовный смысл войны как испытания и суда над жизнью людей и народов. Война учит нас жить, любя нечто высшее, такое, за что стоило бы и умереть; любить его больше, чем себя, и доброю волею становиться на его защиту. Но все ли заслуживает такой любви и такой защиты? И если не все, то что же именно? И против чего воздвигает угрозу война, подобная той, которую мы теперь переживаем?

В жизни народа, как и в жизни отдельных людей, бывают эпохи, когда он видит себя лицом к лицу с некоей *внешней силой*. Эта сила, развиваясь по своим внутренним законам, осуществляя *свою* природу, властно решает вопрос о бытии и жизни народа; решает как сильный о

слабом, творя свою силу и не спрашивая слабого об его согласии; решает от себя и помимо него: *быть ему или не быть*. Такую эпоху народ переживает каждый раз, как перед ним *реально* (т. е. не только в отвлеченной возможности) встает *практический* (т. е. призывающий не к размышлению только, а к действию) вопрос: *будет ли он и впредь существовать как духовно живой и духовно творящий народ* или же перед ним начало разложения, пассивности и гибели?

Такую эпоху народ переживает *не только в войне*. Кроме войны, наряду с нею есть еще целый ряд событий и обстоятельств, которые ставят народ перед тем же вопросом о жизни и смерти, о расцвете его духовных сил или начинающемся угасании их. В такую эпоху народ вступает каждый раз, как слагаются условия, угрожающие общему народному духовному достоянию.

В чем же состоит это достояние? И что значит «духовное достояние»? И какие же условия могут угрожать ему?

Условимся называть «душою» весь поток наших внутренних переживаний, во всем его объеме и разнообразии. Душа — это вся совокупность того, что происходит в нашем «сознании», а равно и в нашем «бессознательном», на протяжении всей нашей жизни: это наши чувства, болевые ощущения, приятные и неприятные состояния, воспоминания и забвения, впечатления и помыслы, проносящиеся в нас мимолетно, а также деловые соображения и заботы, приковывающие нас к себе надолго. Если мы будем называть все это «душою», то «духом» мы назовем душу только тогда, когда она живет своими *главными силами и глубокими слоями*, устремляясь к тому, что человек признает *высшим и безусловным* благом. Следовательно, «дух» — это прежде всего то, что *значительно* в душе. Это «*значительное*» слишком часто не совпадает с тем, что имеет «*субъективное значение*» для того или другого отдельного человека; мы нередко интересуемся неважными и неглавными делами в жизни, влечемся к тому, что нам «приятно», приковываемся ко второстепенным подробностям, дорожим интимными пустяками, любим то, что не заслуживает ни любви, ни

признания. Замечательно, что в таких случаях и чувство наше становится обыкновенно маленьким и слабым: легко угасает и не зажигает душу красотой и героическим порывом; когда же вспыхивает сильнее и принимает форму страсти, то увлекает душу в смешные и жалкие положения или, в худшем случае, приводит человека к неистовым, озлобленным и жестоким, слепым и несчастным поступкам.

В отличие от того, что имеет *только* «субъективное значение», есть на свете и такое, что имеет *объективное* значение. И вот, когда человек живет *духовной жизнью*, то он испытывает нечто как самое лучшее и высшее; не как для него только наиболее удобное и приемлемое, приятное (от прияти, принять); но как объективно важнейшее, как *действительно* самое главное, как значительное в *последнем измерении*, оно остается самым важным даже и в том случае, если многие или все люди отвернутся от него, отвергнут его и откажут ему в своем признании: потому что не человеческим избранием определяется достоинство предмета, но истинным внутренним качеством его, верностью и совершенством его *перед лицом Божиим*. Когда человек живет духовною жизнью, то это «важнейшее» становится и для него, в его жизни именно в силу своего внутреннего достоинства перед лицом Божиим, — предметом любви и радости. Душа, побежденная объективным качеством предмета, тянется к нему, как к солнцу, сердцем, волею и помышлением; и бескорыстно радуется этому предмету и его качеству, предчувствуя в нем и достигая через него сама высших граней, доступных человеку. Душа посвящает себя этому предмету; она творит его в жизни, осуществляет и раскрывает его, зная, что только ради этого творчества людям и стоит вообще жить на свете.

Все, что люди сделают на земле в таком духовном устремлении, — даже если они при этом добросовестно заблуждаются, — *все* это получает *духовное* значение и *духовную* ценность. Человеку не дано сразу познать *истину*, создать *красоту* и осуществить в себе *добрую волю*; ему суждено пройти долгий путь уклонений и заблуждений, выстрадать глубину падений и отчаяния. Но все эти *сту-*

пени, по которым совершается духовное восхождение человека, и точно так же все то в *природе вещей*, что ведет к расцвету на земле красоты, истинного знания и добра, являясь или *прообразом*, или *необходимую основу* высших достижений, — все это слагает вкуче духовное достояние и духовное богатство человечества.

Согласно этому, *духовным достоянием*, которое действительно стоит защищать всеми силами как высшее благо, следует признать, во-первых, все то, *что создано* человечеством, и в частности данным народом в его духовном устремлении — его науку, его философию, его религию, его музыку, его живопись, его литературу, его театр, его песню, его архитектуру. Во-вторых, все те *живые силы*, которые *создают* эти богатства или *могут* создавать их и создавали бы при другом, более совершенном устройстве жизни: и прежде всего жизнь каждого отдельного человека как возможность своеобразного отражения и выражения духовной высоты и особенно — личную жизнь национального гения как уже осуществившееся чудесное выражение духовного полета. Наконец, все те основные и необходимые жизненные условия и формы, вне которых гибнет или не расцветает духовная жизнь народа: это — свобода жизни, искания и созидания, т. е. экономическая, политическая и церковная нестесненность в личном, групповом, национальном и государственном самоопределении. Чтобы жить *прекрасно*, надо жить *свободно*: человек не должен притеснять человека. Чтобы жить прекрасно и свободно, народ не должен прозябать впроголодь или платить за пропитание неотрывным, целодневным, изнуряющим трудом.

Все это — духовные блага, духовное достояние народа. В этом объёте все то, без чего жизнь людей на земле не может стать достойной и прекрасной: то, *что* творится в духовном устремлении, те, *кто* творит явление духа, и та *основа жизни*, на которой слагается и вырастает духовное явление. Из этого достояния не должна быть изъята и так называемая «материальная культура». Пусть люди, пренебрегающие душою и не ведающие духа, предаются служению ей как якобы самостоятельной ценности и живут в слепоте к ее духовному назначению; они осущес-

ствляют хозяйство ради хозяйства, накапливают богатство ради богатства, развивают технику ради технического развития, предпринимают вооружение ради того, чтобы лучше вооружиться; они слепнут постепенно, застревая во вторичном и служебном, в средствах, принимая элементарную и материальную основу прекрасной жизни за самую прекрасную жизнь; и только величайшие кризисы и потрясения, — экономические, политические и военные, — в которые их неизбежно вовлекает их слепая работа, способны хоть на миг пробудить их и напомнить им о высшем назначении человека.

И вот тогда, когда народ *сознает* свое общее достояние и умеет любить его и когда совершается событие, угрожающее этому духовному достоянию, его бытию и росту, — тогда он внемлет призыву: встань и смотри, что угрожает твоему духовному состоянию и что надлежит тебе делать?

Таковы все события, допускающие и требующие творческого ответа со стороны народа, усилий и борьбы. Уже тогда, когда близится голод или черная смерть и мор грозит унести несметные народные силы или когда стихия огня или воды грозит истребить жизнь и жилища и иное богатство народное, — лучшие силы нации идут на борьбу с бедою и полагают свою жизнь ради предотвращения худших зол и бед.

Но несравненно глубже потрясение и одухотвореннее призыв тогда, когда опасность грозит не элементарной основе духа, а зрелому явлению его.

Таков прежде всего момент, когда из жизни уходит *гений*. Невидные, часто ускользающие от душевного внимания, но творческие, драгоценные духовные нити связуют нашу жизнь с жизнью национального гения. Жизнь такого человека составляет поистине духовное достояние его народа, и смерть его испытывается нередко как внезапное общее оскудение; потому что мы все связаны им и в нем воедино; мы все связаны через него с *откровением духовным*. Еще на смерть Пушкина Россия недоуменно молчала, и горе Лермонтова и горе Гоголя было одиноко. Но уже кончину Достоевского многие испытали как стрясающую надо всеми нами беду. Толстой как бы нес

на себе бремя нашей совести; и уход его мы испытали как удвоение нашей моральной ответственности; тогда вставал перед нами вопрос: как будем мы жить без его зова? справимся ли с удвоенным бременем? сумеем ли поддержать в себе и в жизни нашей огонь его нравственного горения? чем засвидетельствовать нам, что мы действительно хотим быть достойными его, что дело его жизни мы признаём нашим общим делом?

Таков, далее, момент, когда гибнут — по несчастию или по злему умыслу — создания народного искусства, предстоящие в виде хрупких, сгораемых, незаменимых по своей форме и по своему духовному содержанию вещей. Единственные в своем роде, неповторимые и невозстановимые, эти создания живописи, скульптуры и архитектуры переживаются нами как дар особого счастья, как сосредоточенное выражение того лучшего в нас, что не есть уже человеческое, но божественное, что есть выстрадавший и постигнутый нашим народом вкупе лик Божества. Это изображение божественного в материи является уже *общечеловеческим* достоянием, и истребление произведений искусства, созданных нашим народом, может испытываться нами поэтому не только как насилие и несправедливость, причиненные *нам*, но как прямой ущерб, понесенный *всею* духовною жизнью человечества.

Таков, далее, момент и таковы целые эпохи, когда происходит подавление свободной, научной и религиозной очевидности, идущие от косной догмы и корыстной силы. Во все времена и у всех народов гибнет лучшее духовное достояние, когда истинные ученые, бескорыстно ищущие знания, преследуются и сожигаются как колдуны или изгоняются, обвиненные, подобно Сократу¹⁰, в «пагубном влиянии на молодежь», когда против еретиков идут крестовые походы, а Джордано Бруно¹¹ и Гус¹² всходят на костер, когда от лица науки и философии говорят льстец и демагог или гибнут, как в Лувене¹³, целые гнезда научной жизни. Тогда на святом месте воцаряется запустение, и возникающее отсюда духовное разложение гораздо страшнее, чем разрушение здания или сожжение книгохранилища.

Таковы, далее, те эпохи, когда обычный уклад жизни народов, всегда остающийся далеким от справедливости, принимает совершенно уродливые формы и одна группа или класс людей получает возможность осуществлять принудительно по отношению к остальным людям свой узкий групповой интерес. Сколько раз история была свидетельницей того, как вставала и осуществлялась угроза естественным правам личной свободы; как политическое и экономическое преобладание увлекало преобладающую группу на путь полного подавления обездоленных групп; как люди, принадлежащие к господствующей нации, видели в угнетении привходящих национальностей свое истинное назначение и не останавливались ни перед какими, даже самыми отвратительными, средствами. Тогда общественная жизнь переполняется чувствами страха, подозрения и презрения, и встает опасность полного вырождения ее: кажется, еще немного — и души разорвутся от бессильного озлобления и погибнут последние остатки доброты в стихийном порыве неправой злобы и правого негодования.

Таковы, наконец, те эпохи, когда один народ совершает нападение на другой ради подчинения и своекорыстного угнетения. Пережить такое нападение выпало на долю России в наши дни.

И вот история свидетельствует о том, что творчески и духовно живые народы умели достойно реагировать на все эти опасности и угрозы, особенно, если они касались осознанного и любимого народом зрелого духовного достоинства. Такой народ отвечает на духовное бедствие духовной активностью, напряженною героическою борьбою. Он отвечает на стихийное бедствие организованной самопомощью; на смерть гения — порывом к духовному самоуглублению и очищению; на подавление религиозной очевидности — реформацией; на борьбу со свободною наукой — открытым исповеданием истины; на несправедливый гнет — политической самоорганизацией; а на внешнее нападение — народною войною.

IV

Бесспорно, такую эпоху народ переживает не в каждой войне. Не всякая война имеет такое *духовное оправдание*, хотя каждая воюющая сторона старается изобразить свое дело как духовно оправданное. Это стремление обнаруживается в наш век больше, чем когда-нибудь. И вот мы видим, как слагается так называемая «публичная идеология» войны, которая имеет свою практическую задачу и нередко осуществляет ее даже в том случае, если вся она насквозь фальшива и искусственна. Но именно поэтому ее необходимо отличать от подлинных духовных целей войны. Публичная идеология есть нередко не что иное, как идейный дурман, потребный воюющему для поддержания в себе воинственного самочувствия. Напротив, истинные духовные мотивы войны не могут быть выдуманы искусственно; они нередко лишь смутно чувствуются народом; они нередко живут наряду с публичной идеологией, утверждая свою независимость и свою жизненную силу, т. е. свою способность направлять деятельность людей.

Народная совесть, не обманутая ложью и не затемненная «публичной идеологией», решает, нередко с поразительной безошибочностью, вопрос о духовной оправданности войны. Она ставит этот вопрос так: что будет с нашим духовным ростом и, далее, шире, что будет с духовным развитием человечества вообще, если *не мы* победим в этой войне? И прежде всего: останемся ли мы свободно живущим и духовно творящим, духовно *самобытным* народом? И еще недавно, в японскую войну, мы говорили: да, останемся; война эта не грозит нашему духовному достоянию; нельзя воевать просто из-за территории или из-за сомнительного рынка. И война та не стала народной войною.

А теперь мы говорим: нет, не останемся. Германия идет на нас, презирая наши духовные силы; она идет принудительно навязать нам штамп своей культуры как в ее здоровых, так и в ее больных частях, безразлично; она идет превратить нас в свой покорный и выгодный рынок; она видит в нас варваров, «русские орды», которые должны, в благодарность за благодеяния принудитель-

ного цивилизования, предоставить себя (хотя бы из простого приличия, если не из чувства благодарности) для экономической эксплуатации. Германия идет на нас, открыто признавая, что «сильный всегда прав» и что народы, у которых техническая и политическая сторона жизни развита недостаточно, суть дикие народы, предназначенные нести на своих плечах народ более преуспевший в своем жизненном устройстве. Она идет отсечь от нас живые члены нашего духовного славянского единства и водворить в русской жизни те начала, слепая работа которых вовлекла ее самоё в столь глубокое потрясение и кризис.

Осознав все это, мы увидели в этом нападении тяжелую угрозу всему нашему духовному достоянию и встали на защиту нашей свободы и самобытности. Только мы сами и никто другой за нас или вместо нас, только мы сами, свободным самостоятельным духовным трудом можем выбрать из немецкой культуры то, что в ней общечеловечно, глубоко или хотя бы просто здорово, от того, что в ней разложилось, отцвело или омертвело; только мы сами можем, отбросив второе, свободно, творчески усвоить себе первое, оставаясь независимой и великой нацией. И русский народ доказал уже свою способность признавать духовные достижения других народов и учиться у них тому, что у них есть лучшего.

Как это просто и понятно: нельзя дать себя поработить; нельзя дать превратить себя в средство для хозяйственного процветания другого народа. *Духовный рост немислим в условиях принудительности и порабощения.* Эту элементарную, великую аксиому мы все признали и восстали. И война эта, воистину духовно оправданная война, стала *войною народною.*

После всего сказанного нетрудно признать, что всякая оправданная война есть *духовно оборонительная.*

Здесь, как и во многих других случаях, философия вкладывает особый смысл в обиходный или специальный термин. Обычно отличают наступательную войну от оборонительной в зависимости от того, кто первый объявил войну, или кому принадлежит инициатива на ратном поле, или кому удалось перенести столкновения на вра-

жескую территорию. Мы же называем *оборонительною* ту войну, в которой опасность грозит духовному достоянию обороняющегося народа и народ этот поднимается на его защиту. Это есть *духовная* оборона, и перед этою основною сущностью войны оказывается второстепенным, кто именно объявил войну, занял ли кто-нибудь чужую территорию и т. д. Эта духовная оборона может даже при случае получить характер явного нападения. Так, войны с Наполеоном в 1813 — 1815 годах имели характер нападения, но были по существу оборонительные войны, хотя союзники прошли через Европу и вступили в Париж. Точно так же война 1877 года за освобождение славян была войною оборонительною, хотя русские войска дошли почти до Константинополя. Подобно этому настоящая война наша с Германией есть война духовно оборонительная и останется ею даже в том случае, если русские войска войдут в центр Германии и если мир присоединит к России польские и славянские земли. Потому что великий народ, обороняясь, заставляет прежде всего признать свою самобытность, заставляет противника покончить со всеми этими недостойными разговорами о мнимом варварстве, заставляет отныне уважать себя и видеть в себе равного, хотя по возрасту и младшего, брата в духовной семье великих народов. Обороняясь, он утверждает свое неотъемлемое право на свободный рост и духовную независимость; он собирает в этой борьбе свои племена и ответвления и полагает основание свободному и равному общению между народами. Так, настоящая война должна повести к тому, чтобы все иностранцы и, главное, немцы рассмотрели, наконец, духовную самостоятельность и духовную глубину России, ее духовную силу и значительность. Эта самобытность никогда не мешала нам учиться у других народов и не помешает этому и впредь; но «учение» это должно оставаться всегда делом нашего внутреннего и самостоятельного труда, не заслуживающего ни в каком отношении и ни с чьей стороны презрения. И после этой войны наши враги и наши союзники поймут, что им следует изучать прежде всего русский язык с тем вниманием и с тою лю-

бовью, с какими мы изучаем *их* языки. Потому что русский язык есть язык Пушкина и Лермонтова, язык Державина и Тютчева, Гоголя и Грибоедова, язык Толстого и Достоевского; язык нашей науки, нашей церкви, нашего театра и нашего философского искания.

И вот теперь если сказать, что война имеет духовную природу и духовный смысл, то это не должно показаться неожиданным. Война есть прежде всего явление народной жизни; а жизнь народа имеет духовный смысл, определяющийся единым и высшим назначением человека. Война есть совместное, совокупное деяние людей, сознательное, напряженное творческое дело огромного множества сотрудников. В этом творчестве участвует *весь* воюющий, и тело его, и душа, т. е. и сознание, и чувство, и мысль, и воля, и воображение, и то бессознательное, расстройство которого приводит к нам с передовых позиций душевно больных воинов. И прежде всего, и главнее всего война есть дело *воли*, подчиняющей себе воображение и чувство, извлекающей из тела и души максимум усилий и стойкости.

Все то, чем человек в обычное время любит благородство и презирает низость; радуется красоте и страдает от уродства; мыслит в познании и рвется к лучшему; сомневается и верует, — все эти силы души и духа оказываются вовлеченными в войну. Война есть деяние не только тела, но и души; не только тела и души, но и духа. Война не есть чисто физическая или физиологическая борьба вооруженных масс; она есть, как это ни странно на первый взгляд, *общение* людей, хотя и с резко и неравномерно распределенным «содействием» и «противодействием». Война, подобно спортивной борьбе, пешеходному путешествию, физическому труду, есть порождение телесного «могу», вызываемого и руководимого душевным «хочу», «понимаю», «чувствую». Это телесное «могу» имеет, конечно, свои пределы; но пределы эти подлежат огромному расширению и чуть ли не упразднению под давлением *духовно живущей воли*.

В войне сталкивается именно воля с волей, дисциплина с дисциплиной, и это одно вовлекает в нее *все* духовные силы человека. Страшна и непобедима армия, *ре-*

шившая победить; деморализация армии есть именно разложение ее воли и решимости. Но воля, питающаяся из духовного подъема, не поддается разложению; ибо акт души именно тогда стоит на своей жизненной и творческой высоте, когда он есть акт *духа*. Для того-то и служит публичная идеология, пытающаяся оправдать войну; ибо армия, чувствуя себя духовно и нравственно неправой, катится по наклонной плоскости вниз. Душа, именно как дух, есть полновластный руководитель всего человека и его действий. Доказывать этого не стоит; достаточно просто указать на исторические примеры: на Муция Сцеволу¹⁴, на христианских мучеников, на крестовый поход детей, на пытки, вынесенные Кампанеллою¹⁵, на судьбу всех идейных мучеников и заключенных, — на все те реальные явления, когда тело, *насыщенное одухотворенною душою*, возносило человека к победе в непосильной борьбе. И в этом сокрыт для нас новый и глубокий урок войны.

Теперь нам не нужно уже доказывать, что каждый народ воюет именно так, как он жил до сих пор. Война как духовное испытание развертывает и в армии, и в населении, оставшемся на местах, именно тот дух, который выношен народом в мирное время. В современной войне, оперирующей огромными массами мирного, так называемого «запасного» населения, эта связь становится особенно понятной. Каждый народ вносит в свою войну те нравы, те обычаи, то представление о доброте и зле, то правосознание, ту доброту и то озлобление, ту способность к состраданию и самопожертвованию, которые он взрастил в себе у своих очагов. Момент напряженной борьбы обостряет и проявляет духовный уклад народной жизни и обнажает с неумолимою силою духовные и нравственные недочеты народной души. Каждый народ может и должен осознать в недостатках своей военной организации и своего воинского духа — пороки своей жизни, найти в себе их корни и обратить свою духовную энергию по окончании войны на излечение этих больных корней.

Кадры армии суть не что иное, как живые куски народного состава, и эта связь оказывается тесною и прочною до последней степени, когда вспыхивает *народная война*.

Народная война есть совокупное духовное напряжение *всей нации*, направленное к победе над тою силою, которая стала на пути духовного роста народа. В такой войне неминуемо отходит на второй план юридическое деление народа на «комбатантов»¹⁶ и «не-комбатантов». Международное право делит так население воюющей страны, признавая комбатантами тех, кто открыто, с разрешения главного командования носит оружие. В народной войне это различие теряет свою реальную важность, потому что отношение человека к войне определяется более существенным, из глубины идущим подъемом духа. В народной войне, которая является скрытою формою или началом партизанской войны, воюющим оказывается как носящий оружие, так и не носящий его. Всякий, кто участвует в этом совместном духовном направлении *воли, мысли, чувства и действия*, ведущем к общему и единому результату, именуемому *победою*, — всякий является *духовным воином*. Все граждане, творчески горящие о войне, — все воюют; все поднимают бремя этой единой великой борьбы, каждый на своем месте, по-своему, в своей доле, определенной, помимо закона, еще и добровольно. Дающие, организующие, лечащие, пишушие, говорящие и даже те, кто лишен почему-нибудь возможности помогать словом и делом, просто печалятся о страшной беде и радуются удаче, — все воюют. И если война есть бедствие, то все, творчески горящие о войне, — все участвуют в этом бедствии. И если война как организованное убиение есть вина и жестокость, а как духовный порыв и самопожертвование — подвиг, то все эти люди разделяют эту вину, и жестокость, и подвиг.

Такая война является поистине духовно творческим процессом в жизни народа. В ней дух народа становится духом армии; а дух армии питается из единого всенародного порыва. Солдат, носящий оружие, является вооруженным воином; а мирные граждане становятся невооруженным воинством. В такой войне призыв под оружие меняет лишь *способ* участия и *степень* участия в войне. В такой войне воевать — не значит сражаться; но сражаться — значит воевать в духе и ради духа. Тогда сражение получает значение духовного подвига; а война захватыва-

ет всю душу и весь дух народа. Война получает значение всеобщего духовного пожара, и нет сил, которые могли бы победить такой народ.

Такая война с силой, подчас неожиданной, заставляет человека почувствовать и признать, что его «я», весь его внутренний мир существует на свете только в качестве живого члена народа, единой живой нации, этого большого, растянувшегося во времени и с виду разбросанного в пространстве «мы». Каждый из нас незаметно с раннего детства впитывает и уже впитал в себя элементы того характера, той добродетели, той красоты, того мироощущения, того чувства Бога, которые уже осуществлены и еще осуществляются нашим народом сообща. И часто мы забываем о том, на чем мы стоим, *из чего мы состоим*, чем проникнуты, — ту духовную основу, на которой каждый из нас вышивает своею жизнью новый, еще никогда не бывший, своеобразный узор; забываем потому, что сосредоточиваемся на наших личных особенностях, на том, в чем мы не похожи на других, на тех индивидуальных отличиях в нравах и в судьбе, в которых утверждается наше «я» и его жизнь.

И вот война есть тот час, в который обособившееся в этих отличиях «я» испытывает, мало сказать: свою связь, — свое тождество, свое постоянное, непрекращающееся совпадение с элементами общего народного духа. В такие минуты человек, потрясенный и духовно раненный, испытывает с необычайной силой, что он *немыслим и невозможен* без своей родины, т. е. без вскормившей его духовной жизни его народа. Каждый из нас чувствует, что поток, в котором он всю жизнь плыл и будет плыть до смерти, есть поток *русской жизни*; что дом его, в котором он живет духовно, сложен из камня нашей России; что огонь, от которого загорелась его жизнь, был русский огонь и погаснет он как русский. Конечно, тело «мое» и душа «моя» могут жить и вдали от родины; это испытали мы все, бывшие за границей. Но дух, оторвавшись, прекратится так, как умирает отсеченный член организма. Именно эту связь имели в виду Аристотель и Гегель, когда говорили, что без народного духа реально невозможен личный дух¹⁷.

И когда война ставит под угрозу это единое, вскормившее нас всех лоно, то душа каждого из нас слышит вопрос: если *это* тебе не важно, то что же тебе вообще важно и дорого на свете? если *это* не уводит тебя из узких и душных сфер лично-мелочного житейского кропанья, то что же вообще может увести тебя? и если мы *этого* не защищаем, то что же мы такое?

В самом деле, что мы без Пушкина, Гоголя, Достоевского и Толстого? Без Глинки, без Мусоргского и Врубеля? Без нашего старообрядчества и сектантства, без нашего храмового зодчества, без нашего русского старчества, без русской былины и песни, без Петра Великого и Бакунина, без Ломоносова, без нашей героической и бескорыстной науки? И если мы *этого* не защищаем в общем и напряженном духовном подъеме, то, может быть, нам вообще лучше *не быть вовсе*? Потому что древесный лист, безучастный к удару дровосека по стволу дерева, свершил свою судьбу и нашел свой конец: он скоро высохнет и упадет мертвый.

В такое время естественно отложить или отодвинуть на второй план все узколичные дела и интересы. Но тем сильнее должен разгораться *духовный подъем*.

Духовный подъем есть то настроение души, когда она энергично и сознательно направляет свои силы на творческое осуществление безусловного и конечного блага; когда человек начинает жить высшим и лучшим, что ему доступно на этом свете, — истинным знанием, создаваемой красотой, добротой и благородною волею. У этих источников, и только у них, душа почерпает, всегда почерпала и всегда будет почерпать *непобедимость в борьбе*: когда она с силою духовной очевидности *знает* истинную цель своей жизни; с силою духовного чувства *любит* то, за что борется; с силою духовного стремления *желает* осуществления своей цели и с силою духовного *верования* убеждена в неминуемой победе благого и правого дела.

Нет и не может быть такой эпохи, когда духовное напряжение было бы несвоевременным или излишним. Нет такого момента в жизни человека и не может быть; и наша задача не только в том, чтобы кормить, и греть, и лечить сражающихся; но, делая это, гореть с ними и за

них духом. И когда мы видим, что русский солдат молится перед боем; и когда мы вспоминаем, как горели духом в эпохи войн Макиавелли, Фихте и Гегель, Бетховен и Ницше, Достоевский и Толстой; и когда мы вспоминаем профессоров Парижской коммуны, работавших полдня в своих лабораториях, а потом шедших на бастионы, — то мы знаем, что это явления одного и того же порядка. И потому мы можем сказать: если в воюющей стране воцарится упадок духа, прекратится наука и философия, умолкнет искусство, угаснет нравственное и религиозное искание, то страна эта станет на краю поражения. Ибо дух армии таков, каков духовный подъем среди ее народа. Свободное, углубленное искание истины, добра и красоты должны не прекратиться среди народа, вовлеченного в войну, но разгореться еще ярче.

Великий народ, т. е. всякий духовно творческий народ, только и может и должен воевать, оставаясь на духовном уровне. Такой народ не может, и не должен, и не смеет мириться с тем, что война станет для него духовным падением. Война есть для него духовный подъем, в котором он не только останется верен себе и своему уровню, но поднимается еще выше, почерпая силу в своей правоте и во всенародности своего порыва.

В такой войне мало воевать; необходимо воевать, оставаясь на духовной высоте. Пусть же будет воинственный подъем, но не озлобление, и не ненависть, и не уличные погромы; пусть будет личное бесстрашие, но не презрение к врагу, к его храбрости и его подъему; пусть будет искусное обезвреживание врага, но не месть, и не жестокость, и не корыстная травля; пусть будет обдуманность и осторожность, но не низменная хитрость и не система национального шпионства. В такой войне мало и победить: ратная победа не должна стать для нас духовным падением, как это случилось с Германией после 1870 года¹⁸. Победа не должна вызвать в нас самоуверенность и самодовольство, гордость и национальное самопревознесение; она не должна вызвать в нас нелепую и чудовищную уверенность в том, что мы — единственный «избранный» народ, высший и лучший из всех существо-

вавших, что к нам «переходит» теперь «гегемония» и руководство всеми другими народами; она не должна пробудить в нас хищные инстинкты и мстительные чувства и увлечь нас на путь политического и тем более духовного подавления нашего врага; она не должна привести нас к культу силы и милитаризма. И особенно мы должны быть свободны от внезапно наступающей слепоты к тем духовным достижениям, которые или уже осуществлены нашими нынешними врагами в прошлом, или еще могут быть ими созданы в будущем, когда военная буря отрезвит их самодовольство и пробудит в них древнюю глубину их духа. Да не уподобимся же мы тем скверным школьникам, которые с тем большей разнузданностью рады надругаться над тенью учителя, с чем большею покорностью они подражали ему доселе.

И вот, если мы подойдем к победе на *этом* уровне, то победа наша будет действительной, истинной победой. Ибо она будет победою сразу над врагом и над собою. Вспомним и не забудем, что жизнь России не кончается этою войною, а может быть, только начинается; что нам предстоят еще впереди горы напряженного, самоотверженного труда над нашим внутренним устройением; что нельзя сводить все задачи России к ратному напряжению ближайших месяцев и ограничивать ее жизненные перспективы этою войною. Необходимо все время помнить; что война есть этап не только во внешней истории, но и во внутренней жизни России; что она не есть эпизодическое событие, вдвинувшееся механически между прошлым и будущим; что победа может быть добыта только в результате духовного подъема и духовного напряжения живых внутренних сил России. А этот подъем есть уже сам по себе начало нашего возрождения.

Этот духовный подъем необходим сам по себе, а не только для победы. Он есть уже достижение и преодоление; он есть *безусловная ценность*. А победа армии будет его неизбежным результатом, его необходимым и естественным плодом. Ратная победа без духовного подъема будет поражением; а духовный подъем, создавшийся и удержавшийся

на должной высоте, исключает всякое поражение. Он повлечет за собою не только ратную победу, но и другие, непредвидимые, неоценимые заранее достижения.

И, веря в это со всею силою предметного видения, мы можем сказать: пусть же наша армия будет действительным, истинным авангардом нашей великой России, ее грядущего возрождения и духовного расцвета.

**ПОРЯДОК
ИЛИ БЕСПОРЯДОК?**

СВОБОДА СОБРАНИЙ И НАРОДНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

ГЛАВА 1

17 октября 1905 года был опубликован в газетах манифест¹, которым Россия признана страной конституционной. В этом манифесте объявлена «непреклонная» воля Государя:

1) «Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов».

...3) «Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от Нас властей»...

Этот манифест третьим пунктом своим ввел в России конституционное правление. Конституционным правлением называется такое, при котором верховная законодательная власть в стране не может действовать без участия народных представителей.

До 17 октября законодательная власть находилась в руках Царя, который мог, если хотел, советоваться, но мог и не советоваться со своими подданными. В манифесте же, изданном 17 октября, Царь изъявил свою непреклонную волю и обещал всенародно изменить такой порядок издания законов. Впредь законом будет только такое постановление, которое одобрено Государственной Думой, т. е. палатой представителей. Все, что не одобрено народными представителями, не может уже получить силу закона. Поэтому с того дня, когда впервые соберется Дума, в России не будет издано ни одного такого закона, который бы не был одобрен Государственной Думой. Таково было желание народа и таково было непреклонное решение Государя: сделать так, чтобы воля народа имела доступ к изданию законов, мало того, помимо воли народа ни один закон не мог стать законом. Раз что

это установлено — Россия стала конституционной страной.

Но можно ли сказать, что Государственная Дума представляет собою волю народа? И при всяких ли условиях? Если нет, то при каких условиях можно и при каких нельзя?

Никто не станет спорить, что лучше всего было бы устроить так, чтобы всякий подчинялся только тому закону, в обсуждении и голосовании которого он имел право сам лично участвовать.

Каждый сам себе голова: и сам за себя все дела обсуждает, и голос свой на общем собрании подает. При таком устройстве — прямо, или непосредственном, — народная воля вся как на ладони видна. Никто своего мнения никому не передает и защиту своих интересов в чужие руки не доверит. Однако всякий согласится, что такое устройство возможно ввести лишь в очень небольшой общине, когда и идти на сходку недалеко, и народа немного должно собраться. Такое устройство существовало и на Руси в старые времена. Так управлялись казацкие общины, так управлялись и города. На вече могли участвовать все взрослые мужчины-домохозяева, но приходили и другие без всяких ограничений. Подобное же устройство существует и в наше время в пяти кантонах Швейцарии (небольших областях величиною с нашу волость).

Но как же быть в таких больших государствах, как Россия? Не может же все взрослое население России (до 150 миллионов) собраться вместе для выяснения народной воли по каждому вопросу государственного устройства и управления России? Понятно, что из этого ничего не выйдет, кроме общего недоразумения и замешательства. Однако народную волю знать необходимо, и если только Россия должна сохранить в настоящее время свое единство — нужно прибегнуть к народному представительству.

В то время, когда в России не существовало народного представительства, народ искал и нашел способ, как выразить свою волю. Он прибег к собраниям и выразил свою волю дружно, согласно и одновременно. Никто, и даже само правительство, не сомневался в октябре, чего

хочет народ. *Свободные собрания представляют единственный способ для выяснения народной воли при отсутствии или бездействии народного представительства.* Это особенно ясно видно тогда, когда коренные политические и хозяйственные перемены необходимы широким слоям трудового народа. Так обстоит дело у нас в России. Правда, общий дружный голос народных собраний был поддержан не только печатью (газетами и журналами), но и подкреплён всеобщим временным отказом от работ. Но сила свободных собраний, влияние их как меры, подводящей итог народной воле, объединяющей и выражающей желания, требования и цели людей, добивающихся признания своих насущных прав и нужд, — сказались в октябре с необыкновенной наглядностью. Голос был общенародный — правительство не могло с ним не считаться и уступило. Правда, желания народные были признаны и удовлетворены далеко не все и не вполне. Но это будет уже делом дальнейшей борьбы. Митинги единодушно *провозгласили* то, что поддержала печать и что было подкреплено забастовкой.

Но ведь выяснять таким путем народную волю хорошо тогда, когда народ держится в массе единодушно, когда он в большинстве и даже в огромном большинстве своем согласен в том, какие именно реформы ему нужны и какие нужды его необходимо удовлетворить немедленно. А между тем такого единодушия можно добиться лишь по очень немногим, и то самым общим, вопросам, да и нужды народные различны по классам, профессиям (роду занятий), местностям. Как же быть, если, напр<имер>, рабочие и часть крестьян на своих собраниях будут требовать демократической республики (т. е. чтобы страной правили народные представители и выборный глава государства), а другая часть крестьян и помещики будут настаивать, чтобы место главы государства замещалось по праву наследования? Ясно, что тут уже придется прибегнуть к опросу всех по порядку (плебисциту), т. е. решить этот вопрос всеобщим голосованием. Но тут еще далеко не конец всем затруднениям.

Законы издаются ведь не по одним вопросам государственного устройства и не ограничиваются одними об-

щими словами. У каждого класса есть свои нужды, и люди, привыкшие к одному роду занятий, часто и не знают ничего о нуждах людей другой профессии. Не всякий по всякому вопросу народной жизни может судить. Далее, написание законов дело не простое. Здесь нужно много обдумать, много принять во внимание, нужно быть образованным человеком: нужно знать, как живут люди в других странах, как наука объясняет то или другое в жизни народа, нужно знать людей и свое отечество. Наконец, понятно, что нельзя решать сложные и трудные вопросы государственного устройства и управления на многолюдных собраниях в присутствии, может быть, многотысячной толпы, часто возбужденной, нетерпеливой, волнуемой. Собрание, и только свободное собрание, может, конечно, верно указать ту или другую нужду трудового народа, может указать и правильный выход из затруднительного положения, особенно когда дело идет, как у нас в России, о реформе в государственном управлении. В этом значение и польза свободных собраний, особенно когда народное представительство еще не действует.

На свободных собраниях можно прекрасно *выяснить* нужды народа и *выразить* его волю, но *осуществлять* эту волю должно другое собрание — собрание свободно избранных народных представителей. Только собрание народных представителей может взять на себя трудное дело обсуждения и издания законов.

Законодательная власть должна существовать в стране постоянно и действовать в строгом порядке и уравновешенно. Собрания же собираются время от времени и проходят часто в беспорядке, при большом стечении народа. Законодательная власть должна считаться с интересами всех классов и слоев населения; ей постоянно нужно иметь точные и верные сведения о жизни, деятельности и нуждах граждан. На собраниях же бывают часто люди одной только профессии, одного класса; от этого освещение нужд других классов может получиться неверное и неправильное. Наконец, и это самое главное, для справедливого устройства государства необходимо, чтобы законы служили на пользу трудящимся классам; трудя-

щиеся классы всегда составляют огромное большинство населения, и нужно, чтобы этот численный перевес всегда сказывался на всех издаваемых законах. Этого только и можно добиться при введении народного представительства, основанного на всеобщем и справедливом голосовании. Если *все* подают голос и у всех равно по *одному* голосу, то ясно, что трудовой народ, раз он составляет большинство, — может послать от себя большую часть представителей. Свободные собрания могут прекрасно выразить волю народа, когда народ весь дружно требует одних и тех же перемен; они могут выразить и интерес каждого отдельного класса. Но они не могут сделать так, чтобы на каждом законе сказывались интересы всех классов, и притом соответственно численности и сознательности каждого класса в отдельности. Только такой закон можно назвать справедливым, который служит на пользу всем гражданам или большинству. А при народном представительстве и при всеобщем и равном голосовании — чем многочисленнее каждый класс и сознательнее, тем больше представителей от себя он может послать и тем сильнее его интересы будут представлены и защищены при издании законов.

Ясно, что свободные собрания очень полезны и имеют огромное значение, но народного представительства заменить не могут.

ГЛАВА 2

Итак, для того чтобы выяснить и провести в жизнь, исполнить волю народа, необходимо правильное народное представительство. Но при всяких ли условиях оно будет действительно выражать волю народа? И какое значение после введения народного представительства будут иметь собрания?

Было бы очень долго перечислять все, что нужно для того, чтобы Государственная Дума действительно представляла народную волю. Самое главное — это: справедливое избирательное право, всеобщее, равное, прямое и тайное; сюда же относится пропорциональное представи-

тельство* и особенно те «незыблемые основы гражданской свободы», которые обещаны в манифесте 17 октября, т. е. неприкосновенность личности, свобода слова, печати, союзов и собраний. Я буду говорить главным образом о последней — т. е. о свободе собраний.

Итак, свобода собраний есть одно средство к тому, чтобы палата представителей (у нас Государственная Дума) точнее и полнее представляла волю народа и выражала ее в законах.

После всего что нам известно из жизни западных государств и за последний год и по собственному опыту, никто не станет говорить, что митинги — праздная забава или пустое времяпрепровождение. Но этого мало. Мы увидели уже, какое громадное значение имели собрания в деле борьбы трудового народа России за освобождение. Мы по своему опыту знаем, что могут сделать свободные собрания при отсутствии народного представительства. Мы должны теперь посмотреть, какое значение имеют собрания в конституционном государстве, и мы увидим, что это действительно одно из лучших средств добиваться признания и исполнения народной воли.

Начнем с предвыборного времени.

В государстве, в котором существует народное представительство, народ никогда не живет такой страстной, возбужденной жизнью, как во время предвыборной агитации. Я сказал выше, что у каждого класса есть свои нужды и что поэтому каждому классу нужны такие законы, которые удовлетворяли бы этим нуждам. Поэтому каждый класс заинтересован в том, чтобы провести в Государственную Думу побольше представителей от себя, и для этого должен образовать крепкий союз, который называется политической партией. Политическая партия имеет своей главной целью то, чтобы провести как можно больше своих членов в палату представителей. Каждая партия имеет список требований, в котором указано,

* При пропорциональном представительстве те избиратели, которые остались в меньшинстве (представители избираются всегда большинством голосов), могут и от себя послать одного или нескольких представителей по известному расчету; при таком устройстве выборов в законодательной палате будут представлены все партии, имеющие в стране какой-нибудь вес и значение.

какие нужды партия считает необходимыми удовлетворить и за какие законы члены ее будут стоять в палате представителей. Этот список называется программой партии.

Ясно, что каждой партии удастся провести тем больше своих сторонников в Государственную Думу, чем больше избирателей узнают ее программу и согласятся с ней, примут ее. Те избиратели, которые приняли программу какой-нибудь партии, — подадут, конечно, свои голоса за того кандидата, которого партия предложит. Понятно, что партия тем сильнее, чем больше избирателей подают за нее голоса; чем больше своих сторонников она проведет в Государственную Думу, тем скорее законы будут издаваться такие, которые указаны в партийной программе.

Поэтому первая задача каждой партии в предвыборное время состоит в том, чтобы программа ее имела успех. Каждая партия старается сделать так, чтобы все знали ее программу и чтобы все правильно ее понимали. Нужно, чтобы все знали, чего хочет партия, нужно, чтобы все понимали, почему она требует именно таких законов, а не других, чтобы всем было ясно, какими средствами она пользуется и почему ее требования и средства наилучшие. Особенно важно для партии, чтобы члены того класса, за интерес которого она стоит, — знали и правильно понимали ее требования и способы борьбы.

Все эти разъяснения и указания партия дает в своей газете, в лекциях, в брошюрах, листовках, а главное — на собраниях в виде речей и споров. Лучшее средство предвыборной агитации (так называется привлечение партиями на свою сторону избирателей) — это собрания.

За газету нужно еще заплатить, да и доступна она только грамотным. На публичное же собрание, открытое для всех, избирателей и неизбирателей, — доступ свободен, вход открыт всякому желающему. Горячее, свободное слово партийных ораторов, возможность устроить всегда перекрестный допрос, спросить разъяснения неясных мест, указать на неточности или неправильности в программе — делают собрания прекрасным средством для агитации. Люди, присланные на собрание партией,

всегда могут разъяснить непонятное, доказать правильность своей точки зрения, ответить тем, которые им возражали, и объяснить, почему партия настаивает именно на таких законах и стоит за удовлетворение таких-то нужд.

После собрания и по окончании споров и разъяснений присутствующим обыкновенно предлагают записаться в число членов партии, если они приняли ее программу, и этим самым обещать партии свой голос на выборах.

Теперь ясно видно, какое незаменимое средство агитации в предвыборное время представляют публичные собрания; можно сказать, что та партия, которая совсем не устраивает почему-нибудь публичных собраний, — не будет иметь никакого успеха на выборах. Ей не удастся провести своих кандидатов в палату представителей и некому будет там отстаивать ее программу, бороться за ее требования.

Теперь видно еще и то, какое огромное значение имеет *свобода* собраний в предвыборное время.

Если устройство публичных собраний обставлено всевозможными стеснениями со стороны правительства и полиции, то много собраний созвать не удастся.

Если, например, для того, чтобы устроить собрание, партия каждый раз просит особого разрешения у губернатора или у полиции, то возникнет очень много неудобств. Прежде всего всегда отнимает время подача прошений. Далее, полиция может разрешить собрание, а может и не разрешить по своему усмотрению, и успех агитации зависит, как оказывается, от произвола полицейских чиновников.

Еще хуже бывает тогда, если правительство имеет возможность вовсе запрещать собрания какой-нибудь партии. Предположим, что эта партия отстаивает интерес какого-нибудь класса. Например, партии социал-демократическая, социалистов-революционеров и народной свободы отстаивают интересы трудового народа.

Правительство запрещает им почему-нибудь собрания. Что же окажется тогда?

Окажется, что все партии будут иметь успех на выборах и проведут в Государственную Думу своих кандидатов; все классы будут иметь в Думе своих представителей,

все классы будут иметь там защитников своих интересов; один трудовой народ останется без представителей в Думе и некому будет отстаивать там интерес крестьянина и рабочего. А ведь трудового народа в России, как и везде, огромное большинство!

Если нет полной свободы собраний в предвыборное время, можно ли сказать тогда, что Государственная Дума представляет волю народа? Нет. Потому что большинство народа не имеет в ней своих представителей. Без свободы предвыборной агитации, и в частности без полной свободы собраний, — нет и не может быть правильного народного представительства.

ГЛАВА 3

Итак, мы видим, что в предвыборное время необходима полная свобода собраний. Время выборов есть то время, когда народ выбирает себе будущих законодателей. Он не может постоянно осуществлять законодательную власть сам, непосредственно, и выбирает своих представителей. Он выбирает тех, которые, выполняя его волю, должны будут писать для него законы. И вот, если он не может не только выяснить свою волю на собраниях, не только высказать свои пожелания, но не может даже сговориться о том, за кого следует подавать голоса, кого послать представителем в законодательную палату, то выборы целиком теряют всякий смысл и всякое значение.

Что это за представители народные, если они выбирались втемную, наудачу? Или если сговориться могли только те партии, которые угодны правительству? Как могут они выполнять волю народную, если они ее не знают? Как может народ доверять им, если они не знают его нужд? Нет, выборы должны производиться свободно, иначе они не имеют смысла. Первым же и основным условием свободных выборов является полная свобода собраний.

Кончилось предвыборное время, собрались представители в законодательную палату и началась их работа.

Народ передал им законодательную власть.

Но значит ли это, что он может или должен теперь успокоиться и сложить руки? Значит ли это, что палата

представителей все может, а народ должен ей лишь подчиняться?

«Пусть будет во всем воля народная!» — говорили лучшие люди на Руси, и этого требования мы никогда не должны забывать. Палата представителей может неверно и неправильно понимать народную волю. Она, может быть, совсем не захочет признавать ее, не захочет считаться с интересами трудового люда. Если избирательное право устроено несправедливо, если выборы были не свободны, то можно даже наверное сказать, что палата представителей будет заботиться только об интересах фабрикантов, купцов и помещиков. Депутатам и в голову не придет тогда считаться с трудовым народом, заботиться о его нуждах. Народное представительство может совсем не выражать народной воли и наложить цепи на народную свободу.

Как же быть тогда? Как быть с несправедливыми законами, которые издает неправильное народное представительство?

«Даже самый хороший и способный министр не в силах сделать народ великим и счастливым, пока он сам не будет стремиться к этому», — сказал один английский министр², и слова его должны навсегда остаться для нас уроком. Даже самое хорошее и правильное народное представительство не сделает народ свободным, если он сам не сумеет желать свободы и бороться за нее. Только тогда сможет народ добиться истинной свободы, когда он сумеет объединить и дружно выразить свою волю. Ту волю, которую народное представительство может неправильно понимать, с которой оно, быть может, вовсе не захочет считаться, эту волю нужно открыто и единодушно высказать, нужно сделать так, чтобы с этой волей нельзя было не считаться.

Я разъяснил уже выше, почему необходимо народное представительство. Я говорил, что оно должно представлять и выполнять народную волю.

Но если оно создано и выбрано неправильно, то оно совсем не может выразить ее. И тогда народ должен заявить помимо него, открыто и самостоятельно, что воля его не представлена законодательной палатой, что нужны

другие законы и другое устройство избирательного права. И народ воспользуется для этого опыта своим испытанным средством — свободными собраниями.

И действительно, мы видим, что повсюду в Западной Европе, где палата народных представителей не считалась с народной волей или неправильно ее выполняла, — по всей стране начиналась широкая агитация и созывались для протеста многочисленные собрания.

И собрания выражали народную волю так решительно и прямо, что сопротивляться долго было нельзя. История показывает нам, с каким успехом начиналась и кончалась такая агитация в Англии и других странах Западной Европы, каким могучим средством борьбы являлись всегда свободные собрания в конституционных государствах и как воля народная не раз торжествовала полную победу над незаконным управлением чиновников и неправильным законодательством народных представителей. И в самом деле, как противостоять неудержимым волнам народных желаний, когда они заявлены на больших свободных собраниях? Перед глазами правительства десятки и сотни тысяч граждан, пользующихся и не пользующихся избирательным правом, собираются в полном порядке на собрания, чтобы в принятии резолюций и в подаче петиций выразить свое недовольство, свои желания, свои требования. Посылаются адреса и петиции, покрытые сотнями тысяч подписей, в парламент, печатаются в газетах резолюции и постановления, принятые на митингах, собрания созываются повсюду, и общее недовольство в стране достигает угрожающих размеров. Волнение в стране не может не захватить представителей, сидящих в палате депутатов. Они все выбраны этим самым народом, который теперь, волнуясь, громко заявляет свое недовольство ими. Они знают, что на новых выборах опять станут лицом к лицу со своими избирателями, что те потребуют от них отчета в их образе действий. И вот эта связь между депутатами-законодателями и народом, эта живая связь между выбранным и избирателями делает палату представителей по необходимости отзывчивой и чуткой к свободным проявлениям народной воли и общественного мнения.

В 1763 году в Англии был введен налог на сидр^{*}. При введении нового налога акцизным чиновникам, взимавшим его, было предоставлено широкое право производить днем и ночью обыски в частных домах обывателей для надзора за выделкой сидра. Новое бремя налога и нарушение основного конституционного права — неприкосновенности жилища — возбудило всеобщее недовольство, и началась агитация за отмену налога на сидр. Был создан ряд собраний для протеста, в палату представителей^{**} было представлено несколько петиций об отмене налога, волнение росло, и в 1766 году налог был отменен.

С тех пор борьба народа за свои права и нужды при помощи собраний принимает все более широкие размеры.

За несколько лет до этого депутатом от одного местечка в Палату общин был избран некто Джон Вилькс. Незадолго до этого он был привлечен к суду за резкие нападки на правительство в газетах. И вот, в 1764 году, пользуясь тем, что Вилькс уехал для поправления здоровья во Францию, сторонники правительства провели в Палате общин постановление об исключении его из Палаты за написание «оскорбительной и мятежной клеветы». Нужно добавить, что постановление это имело в виду не прежние писания Вилькса, а новую статью, которая даже не была напечатана, а выкрадена из его дома по внушению одного из министров.

Когда в 1768 году Вилькс снова был избран от того же округа, Палата опять не признала его депутатом. В округе этом были назначены новые выборы, и Вилькс опять получил большинство голосов. Несмотря на это, Палата признала избранным не его, а другого кандидата, получившего меньшинство голосов.

Тогда по всей стране началось сильное движение. Англичане вступились за одно из неотъемлемых своих прав — за право свободного избрания. «Если, — говорил своим избирателям Вилькс, — министерству будет предоставлена возможность указывать избирателям, кого они

* Дешевое яблочное вино.

** В Англии нижняя палата, соответствующая нашей Государственной Думе, называется Палатой общин.

не должны избирать, то следующим шагом будет указание, кого они должны выбирать». Митинг созывался за митингом, и все указывали на одно и то же, на то, что «у народа отнимаются самые дорогие и существенные права его».

Под петицией, составленной в виде протеста, было собрано свыше 65 000 подписей. Но победа далась не сразу. Сначала король и парламент отнеслись к этой агитации, как к непозволительному своеволию, к которому народ побуждают злонамеренные люди. Но затем наступило время смущения и нерешительности. Недовольство и возбуждение все росли, и в Палате депутатов стало заметно колебание.

Когда же в 1774 году Вилькс снова был избран депутатом, «король и правительство, умудренные опытом прошлого и не желая возбуждать новую агитацию, предоставили ему спокойно занять его место в Палате общин».

Так создавался в Англии обычай свободно и открыто критиковать действия правительства и дружно противопоставлять общественное мнение страны взглядам и настроению министров и депутатов.

Отметим, что в то время в Англии все устройство выборов было совершенно несправедливым и неправильным, вследствие чего большинство в Палате общин составляли крупные помещики, и она вовсе не представляла волю народа.

И вот с конца XVIII века, отчасти под влиянием успехов Великой революции во Франции, в Англии началась невиданная дотеле агитация в пользу реформы избирательного права. С 1793 года начались один за другим большие митинги, которые почти везде проходили в образцовом порядке. На одном из первых же собраний было постановлено, что народу «следует требовать всеобщего представительства как права, а не просить его как милости».

Однако эта первая попытка объединить народ на требовании политической реформы скоро окончилась ничем. Опасаясь успехов революции во Франции и желая положить конец агитации, правительство ввело исключительный закон, и митинги стали невозможны.

Но лишь только окончился срок действия исключительного закона, как агитация началась с новой силой.

На первом же собрании было принято воззвание к народу, которое призывало бороться за реформу законными средствами, и адрес королю.

Образовавшееся «Общество друзей народа» стало во главе этой агитации и созывало митинг за митингом. В октябре 1795 года состоялось огромное собрание в 150 000 человек, которое составило и приняло новый адрес королю.

Снова правительство обратилось к исключительным мерам, и поводом к этому послужило случайное оскорбление, нанесенное королю на улице. Чрезвычайный закон, принятый в Палате общин, стеснил всю политическую жизнь в Англии, и агитация замерла как будто навсегда.

Однако еле 20 лет прошло с тех пор, движение разгорелось опять и исключительные меры уже не могли остановить его. Классы, в интересах которых была эта реформа, выросли и окрепли, и бороться с агитацией было уже нельзя.

Это движение отличалось необыкновенной продолжительностью и упорством. Правительство пробовало оттянуть его исключительными законами и устроило даже на одном из собраний дикое побоище. На митинг, собравшийся в числе 60 000 — 70 000 человек, был послан отряд кавалерии, который ворвался в мирную, безоружную толпу, нескольких убил и до 500 человек ранил. Палата общин, несмотря на всеобщее негодование, отказалась расследовать это злодеяние, и одно время казалось, что движение опять заглохнет. Но этого не случилось. Народ вырос умственно и сознавал уже свои права. Он любил свободу и умел ценить ее и пользоваться ею. Он умел дружно бороться.

Когда в 1832 году предложение реформы было внесено в Палату общин и в обществе создалось опасение, что реформа не будет принята, — страшное возбуждение овладело народом. «Подобно тому, — говорит историк Джефсон, — как резкий гул угрожающего землетрясения выгоняет на улицу всех городских жителей в беспорядочной массе, так известие о том, что биллю (предложению) о реформе грозит опасность, согнало почти все население на публичные митинги. Снова собирались десятки и сотни тысяч жителей, и не было города, не было такого места, которое не примкнуло бы к выражению народного негодо-

вания. Такого возбуждения Англия еще не видела никогда раньше. Палата общин была завалена ходатайствами и советами отказать правительству в денежных средствах. Всюду была выражена решимость прекратить уплату налогов. Не будет принята реформа, не будут платиться налоги — таков был зловещий голос агитации, среди которой с сочувствием принимались намеки на необходимость запастись оружием». В течение 10 дней состоялся 201 митинг. За 15 дней в Палату общин поступило 290 петиций с требованием не давать правительству денег на управление.

Через 3 недели реформа стала утвержденным законом.

ГЛАВА 4

На этих примерах, взятых мною из истории Англии, можно многому научиться.

Мы видим, что свободные собрания, которые представляют единственное средство для выяснения народной воли при отсутствии народного представительства, в конституционном государстве сохраняют все свое значение. Разница в том, что теперь мы имеем перед собой людей, выбранных самим народом, которые постоянно принимают участие в составлении и издании законов. Безответственный чиновник, занимающий свое место по назначению, не связан ничем с народом, и от него ничего не зависит. Не он служит народу, исполняя его волю, а народ служит и повинуется ему. И голос народа для него не имеет значения. Нужно необычайно сильное движение в стране, нужно целое потрясение всей хозяйственной и политической жизни, нужны такие меры, как всеобщий отказ от работ для того, чтобы заставить чиновников признать и выполнить народную волю.

При народном представительстве дело обстоит гораздо легче и проще. Выбранные самим народом и связанные с ним этой выборностью, народные представители чувствуют всегда живую связь и зависимость свою от народа. Голос народных собраний при свободе печати доходит до них легко и скоро. И воле народной, поскольку она выражается и провозглашается на свободных собраниях,

открыт более прямой и легкий доступ к давлению на законодательную машину.

Кончится срок, начнутся новые выборы, и все представители предстанут перед народом на тех же собраниях избирателей, перед которыми они говорили раньше о своей программе и своей будущей деятельности. И избиратели подвергнут их опять перекрестному допросу о том, что они делали в палате представителей и почему не считались с волей народной. Они предстанут на гласный и открытый суд общественного мнения, и этот суд произнесет над ними свой приговор.

И они знают это и внимательно прислушиваются к голосу свободных собраний. Они знают, что на этих собраниях народ приучается и уже привык обсуждать свои нужды и разбираться в вопросах государственного устройства и управления. Как в школе, воспитывается народ на свободных собраниях и приучается к тому, что все стороны народной жизни, все вопросы управления, все законы и распоряжения касаются всех граждан, для всех имеют значение и всеми могут и должны обсуждаться. Даже самый безвредный по видимому закон, если он трудовому народу не полезен, — вредит ему, ибо отнимает время у народных представителей. И вот народ, добившись того, что воля его решает, быть закону или нет, привыкает изъявлять эту волю сам, помимо народного представительства, но для него, для его сведения и выполнения. В конституционном государстве народ принимает самое деятельное участие в управлении и издании законов и депутаты работают в парламенте у всех на виду и при общем обсуждении каждого их шага. И зная это, они волей или неволей становятся слугами народа, послушными исполнителями народной воли. Этим-то, между прочим, и объясняется обычай, довольно распространенный в Западной Европе, который состоит в том, что видные государственные деятели и министры объезжают крупнейшие города и на созванных для этого митингах избирателей разъясняют свою программу, свой образ действий и планы на будущее.

Это они обращаются непосредственно к народу, становятся лицом к лицу с народной волей, обращаются

прямо к общественному мнению. Править в согласии с народной волей — не только как она выражается в палате представителей, но и так, как она в подлинном виде обнаруживается на свободных собраниях — вот чего хотят они, и они твердо знают, что то правительство, которое разошлось с общественным мнением, которое не считается с голосами свободных собраний, может быть уверено, что дни его сочтены и оно скоро перестанет быть правительством: на его место станет другое, послушное народной воле.

В свободных собраниях народ принимает непосредственное участие в государственном управлении, и чем шире он пользуется ими, тем полнее властвует воля его, тем свободнее он, тем легче ему живется.

ГЛАВА 5

Но собрания должны быть прежде всего свободными.

В чем же состоит свобода собраний?

Свободой собраний называется такой порядок, при котором каждому гражданину обеспечено законом право собираться где угодно, когда угодно и в каком угодно числе. Посмотрим, что это значит.

Свобода собраний есть прежде всего такой порядок, при котором каждому гражданину законом обеспечено право собираться. Это значит, что должен существовать такой закон, в котором сказано, что все граждане имеют право собираться и им никто не может мешать в этом. Мало того, этот закон по своей важности должен быть наряду с законами, обеспечивающими другие свободы — свободу печати, совести, слова, союзов и стачек, — издан одним из первых и включен в число основных законов. И действительно, мы видим, что почти во всех государствах законы, признающие государственное устройство конституционным, говорят об обеспечении народу его неотъемлемых, священных прав — прав свободы.

Еще в начале Великой французской революции (в 1791 г.) народные представители провозгласили в числе других прав «человека и гражданина» следующее: «свободная передача другим мыслей и мнений есть одно из драгоценнейших прав человека; посему всякий гражда-

нин может свободно говорить, писать, печатать под страхом ответственности за злоупотребление этой свободой в случаях, определенных законом»³.

С тех пор по мере того, как народы добивались в других странах введения народного представительства, неизменно в число первых и важнейших законов включались законы, обеспечивающие гражданам пользование свободами.

Однако мы уже теперь можем сказать, что законы не только обеспечивают пользование свободами, но и ограничивают его. Они обеспечивают свободу тем, что всякий, кому помешают в пользовании его правом, может привлечь нарушителя своего права к суду. И нарушитель понесет наказание, какое наложит суд. Они ограничивают свободу тем, что прибавляют оговорку об ответственности за злоупотребление свободой.

Но в чем же состоит злоупотребление свободой? И какие меры принимают правительства для того, чтобы предотвратить эти злоупотребления?

Было бы очень долго и сложно передавать во всех подробностях те ограничения и стеснения, которым подвергается свобода собраний в разных государствах. Скажем только, что различные законодательства не сходятся между собою в том, каким ограничениям должны быть подвергнуты собрания, но что известные ограничения установлены повсюду. В одном сходятся почти все законодательства — это в запрещении собраний, на которые граждане собираются с оружием в руках. Не будем обсуждать, правы в этом отношении законодатели или не правы. Скажем только, что никогда запрещение носить оружие не могло предотвратить народных революций и восстаний с оружием в руках. Укажем еще, что в основных законах Соединенных Штатов Северной Америки (поправки ст. 2) есть такое постановление: «Так как для безопасности свободного штата необходима хорошо организованная милиция*, то право народа — иметь и носить оружие — не должно быть нарушено».

Большинство законодательств различает также собрания в закрытых помещениях и на открытом воздухе — и последние всецело подчиняются полицейским распоряжениям.

* Народное ополчение.

Меньше всего стеснений для собраний в Англии. В обыкновенное время, когда нет исключительных законов, в Англии совсем не существует каких-нибудь законодательных ограничений свободы собраний.

Так же, как я могу, идя по улице или остановившись, разговаривать вслух с приятелем или с несколькими попутчиками — точно так же я могу держать речь к толпе в 5, 10, 15 тысяч, если только мы при этом не загородим проход и проезд по улице. Никто не обязан спрашивать особого разрешения на созыв собрания или заранее извещать об этом полицию. На большой площади или на бульваре, где всем будет свободный проход и проезд, каждый может обратиться с речью к собравшимся в любом числе гражданам и говорить о чем угодно. Это не значит, что в Англии нет никаких ограничений. Там различаются собрания законные и незаконные, и в крайних случаях правительство имеет даже право пустить в ход оружие и войска против незаконного собрания. Но каждый может потом привлечь нарушителей своей неприкосновенности к суду. В Англии нет особого права собраний. И каждый из собравшихся, считая, что полиция не имела права арестовать его или заставить его уйти с того места, где он стоял, — может подать от себя иск в суд и обжаловать то стеснение, которое он потерпел противно закону. Гласный суд присяжных выработал в течение многих лет обычай различать в каждом отдельном случае законное собрание от незаконного и налагать строгие наказания на полицейских, не в меру усердствующих. Нигде нет такой свободы собраний, как в Англии, но свобода эта не дарована народу законодателем, а взята народом самим в долгой и дружной борьбе за свободу. И тут мы видим, что чем меньше стеснений в свободе собраний, тем легче бороться народу за свои права, и чем больше народ привык бороться за свои права самостоятельно, тем шире права, предоставленные ему.

В свободных собраниях проявляется народная самодеятельность, и мы должны привыкнуть и научиться искусно пользоваться этим могучим средством борьбы.

Мы должны твердо помнить, что свободу собраний нужно завоевать для того, чтобы через нее проводить народную волю и заставлять других считаться с ней: чтобы волей народной народ стал свободен.

ЧТО ТАКОЕ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

Тяжело жить на Руси трудящемуся человеку. Работает он тяжелую работу, трудится весь день напролет, а живет плохо и голодно. Высокие налоги, маленькое жалованье, неправильные суды, произвол начальства и много других несправедливостей терпит он всю жизнь.

Давно уже существуют на Руси такие порядки: казалось, и конца им не будет. Да и откуда было облегчения ждать? Кто сам за себя постоять не умеет, за того и другой никто не заступится: у всякого свой интерес, всякий свою выгоду блюдет, всякий и должен свой интерес отстаивать. А бедного человека — крестьянина и рабочего — долго в темноте держали; понимал он, что порядки устроены несправедливые, но как помочь беде, не знал. Не понимал он того, что трудящийся должен бороться за свои интересы не один, а в союзе с другими трудящимися: рабочий с рабочими, крестьянин с крестьянами; что там, где одному не сладить, там он с товарищами может победу одержать и облегчений добиться.

Но вот пришли другие времена. Выросли большие фабрики, большие фабричные города. В громадных фабричных корпусах рабочие объединялись за общей работой; тут они начали понимать, что все они в одинаковом положении, что и интересы у них общие, что и бороться за общие интересы нужно сообща. И вот возникли первые рабочие союзы. «Много работы и мало жалованья» — вот первое, против чего восстали рабочие, и началась у них борьба с фабрикантами-хозяевами за прибавку жалованья и за уменьшение часов работы.

Долгое время рабочие не имели успеха в этой борьбе; начнется ли стачка — для стачки нужно действовать дружно, нужен союз. Но союз, или, как иначе говорят, организацию, устроить нельзя: союзы рабочих запрещены *законом*. Нужно на общей сходке свои нужды выяснить, обсудить средства борьбы; но сходки устраивать трудно: они *законом* не допускаются и полиция разгоняет собрания. Говорить свободно тоже нельзя: правительство преследует свободную мысль и свободное слово. Нельзя и

газету рабочую издавать: *закона* нет такого, который бы позволял печатать каждому, что он хочет — с ответственностью лишь по суду. Одним словом, рабочие поняли, что нужны другие законы, такие законы, которые клонились бы к пользе трудящегося люда, а не фабрикантов и помещиков. Теперь, после манифеста 17 октября, как будто и должно было стать полегче; но на самом деле этого не видно. Правительство одной рукой даст, а другой отнимет...

И поняли рабочие, что нужно коренное переустройство русского государства. Поняли они, что законы несправедливы потому, что издаются неправильно, что нужна *политическая реформа*. Нужно сделать так, чтобы закон издавался не чиновниками (эти люди не по уму и способностям назначаются и известны жадностью и своекорыстием), нужно, чтоб закон издавался *народными представителями*. Пусть всякий имеет право принять участие в выборе этих представителей. Богатый ли, бедный, фабрикант или рабочий, помещик или крестьянин, мужчина или женщина — всякий, кому есть 20 лет, может подать свой один голос за того, кто ему по душе; и каждый пусть подает голос за того, кому он верит, кто, по его мнению, правильно понимает его интерес и сумеет за него постоять. Соберутся эти люди, выбранные всенародно, в Учредительное Собрание и решат, как нужно переустроить русское государство для того, чтобы законы издавались справедливее. Они увидят, что нужно многое переделать, что многие законы нужно совсем отменить (напр<имер>, закон о военном положении, о земских начальниках и др.), а многие нужно издать заново. Но главное, что они сделают, так это вот что: они совершенно изменят самый порядок, в котором до сих пор составлялись и издавались законы. Они введут на его место новый порядок, и вот применительно к этому новому порядку я и хочу сказать кое-что.

При новом порядке будет проведено основное правило: ни одно постановление, ни одно распоряжение не может получить силу закона, если оно не одобрено народными представителями. Они-то, эти народные представители, или, как их иначе называют, — *депутаты*,

собранные воедино, образуют собою законодательный орган, *палату депутатов*, или *парламент*. Каждое предложение, внесенное в палату депутатов министром или кем-нибудь из представителей, обсуждается палатой, а затем ставится на голоса. То предложение, за которое выскажется большая часть депутатов, и получит силу закона. Какое бы предложение ни обсуждалось — будь это введение восьмичасового рабочего дня, отмена выкупных платежей, справедливое распределение земли, — оно получит силу закона только в том случае, если большая часть депутатов его одобрит.

При таком порядке издания законов особенно важно устройство союзов и организаций.

Положим, что рабочему нужен восьмичасовой рабочий день и он хочет добиться такого закона, который бы запрещал работать одной смене больше восьми часов.

Пробовал он просить такого закона у правительства при старом порядке, но правительство и слышать не хотело об этом. Петербургские рабочие во главе со священником Гапоном¹ пробовали подать правительству просьбу (*петицию*) о своих нуждах (9 января 1905 года), но войска по приказанию верховной власти расстреляли безоружных просителей...

При новом порядке суть дела будет уже не в просьбах по начальству...

При новом порядке прежние власти — министры, чиновники — не могут уже сами издать закона: палата представителей сейчас же сместила бы их за это. Только они, народные представители, всенародно избранные, могут провести закон о восьмичасовом рабочем дне. Только они могут издать такой закон; но для этого нужно, чтобы большая часть из них признала этот закон необходимым и высказалась за него.

Как же быть, спросят теперь, рабочему, который желает закона о восьмичасовом рабочем дне? Чем же новый порядок лучше старого?

А вот чем. Все мы примем участие в выборе народных представителей. Эти представители, от согласия которых будет зависеть потом каждый закон, — выбраны нами же. Так вот, с самого начала, еще во время выборов, мы

должны постараться о том, чтобы было выбрано как можно больше представителей, согласных с нами. Но каждый из нас отдельно вряд ли может много сделать: он подаст свой один голос за верного человека, может быть, уговорит еще двух-трех товарищей подать свои голоса за него же.

Вот теперь-то и видно, как важно устраивать союзы и организации. То, что одному человеку сделать не под силу, того много людей, действуя дружно, добьются легко. Нужно образовать такие союзы, которые объединяли бы всех людей, *требующих одних и тех же законов*. В такие союзы войдут рабочие не одной только фабрики, крестьяне не одной только деревни, а *все* рабочие, *требующие одних и тех же законов*, *все* крестьяне, желающие одних и тех же порядков. Такие союзы будут бороться не за частные дела рабочих какого-нибудь района и не за подробный распорядок в какой-нибудь одной крестьянской общине — а за то, чтобы были изданы законы, нужные всем членам союза. Такой союз называется *политической партией*.

Итак, политическая партия — это союз людей, которые соединились для того, чтобы добиться нужных им всем законов. Политические партии, или, как их называют, просто — партии, образуются обыкновенно не ради одного какого-нибудь закона, а для борьбы за целый ряд законов. Дело партии есть дело сложное и трудное. Работы у партии много, работы она требует дружной и согласной, но зато победа партии есть победа всех ее членов.

Как же составляется политическая партия и в чем состоит ее победа?

Прежде всего нужно твердо запомнить, что всякий закон удовлетворяет чей-нибудь интерес. Нет такого закона, который бы не удовлетворял интересам какой-нибудь группы людей. Весь народ делится на классы, причем класс от класса можно отличать тем, что интересы одного во всем или в чем-нибудь расходятся с интересами другого. Например: интерес фабрикантов состоит в том, чтобы машины принадлежали только им и чтобы рабочие без них не могли приложить своего труда к производству;

интерес же рабочих в том, чтобы каждый, желающий трудиться, мог приложить свою работу к производству без того, чтобы кто-нибудь другой мог соглашаться на это или не соглашаться, нанимая его или рассчитывая.

Ясно, что интерес фабриканта и интерес рабочего противоположны.

Или — помещик заинтересован в том, чтобы иметь много земли, брать с крестьян большую аренду и судить их своим судом; интерес же крестьянина обратный: ему нужно, чтобы земля не принадлежала никому, чтобы всякий мог работать на ней без аренды и батраков, чтобы суд был для всех равный и справедливый.

Все эти требования различных классов в наше время нуждаются в том, чтобы получить признание в законах. И вот все классы народа стараются сделать так, чтобы законы клонились в их пользу, чтобы издавались законы, выгодные именно этому классу. Фабрикант хлопочет о том, чтобы на заграничные товары высокую пошлину наложить (тогда он свои товары дороже продаст), рабочий добивается законов о страховании на счет государства, о восьмичасовом рабочем дне, помещик стремится у государства денег занять и хлопочет о соответствующем законе, крестьянин требует уравнительного передела всей земли.

Теперь рабочий и крестьянин поняли, что до сих пор все законы издавались на пользу фабрикантов и помещиков, которые по числу своему представляют маленькую горсточку в сравнении с остальным народом. И вот они потребовали народного представительства на основании всеобщего и справедливого (прямого, равного, тайного) голосования. Они понимают теперь, что добиться нужных им законов они могут лишь тогда, когда им удастся послать в палату представителей большинство депутатов от себя. Если им удастся это сделать, если действительно большинство в палате будут составлять люди, выбранные трудящимися классами, то ясно, что законы будут издаваться только в интересах этих трудящихся классов, что законы будут издаваться только справедливые.

Для того чтобы добиться этого, нужны политические партии: рабочая и крестьянская. Рабочая будет отстаивать

интересы всех наемных рабочих без различия национальности и пола, крестьянская — интересы всех крестьян, работающих на земле без батрацкого труда.

Такие две партии есть в России и работают они уже давно. Партия социал-демократов отстаивает главным образом интересы наемных рабочих, но не забывает и крестьян; партия социалистов-революционеров добивается удовлетворения справедливых требований как крестьян, работающих на земле, так и наемных рабочих.

Таким образом, мы видим, что политическая партия всегда добивается издания таких законов, которые нужны ее членам; мы знаем, что всякий закон удовлетворяет интересам какого-нибудь класса; мы никогда не забудем, что классовые интересы фабрикантов и рабочих, с одной стороны, помещиков и крестьян — с другой, — противоположны.

Поэтому первое, что мы должны сделать, — это ответить себе на вопрос: к какому классу я принадлежу и какая политическая партия отстаивает интересы того класса, к которому я принадлежу? Только тогда, когда мы решим эти два вопроса, мы можем сказать, какая партия заслуживает нашего внимания.

Но на этом нельзя успокаиваться.

Прежде чем признать себя членом какой-нибудь партии и принять участие в ее работе, нужно подробно и основательно прочитать и усвоить себе ее требования. Всякая партия, которая хочет провести в палату депутатов побольше своих сторонников, старается привлечь на свою сторону как можно больше избирателей-граждан. Для этого партия составляет список своих требований и приблизительно намечает те законы, за которые члены ее будут стоять в палате.

Этот список требований называется *программой* партии. Каждая партия имеет свою программу, печатает ее, обсуждает ее в газетах и на собраниях и старается сделать так, чтобы как можно большее число граждан познакомилось и согласилось с ней.

Кроме тех двух партий, на которые я указал, в России есть еще партии, и не одна, а несколько. Каждая из них

старается и будет стараться привлечь на свою сторону избирателей. Для этого партии пускают в ход всевозможные средства. Найдутся из них и такие (партии богачей — фабрикантов и помещиков), которые не останутся и перед бесчестными средствами вроде спаивания и подкупа избирателей. Бедному человеку нужна будет подчас сила воли и выдержка, чтобы не пойти на эти приманки и не поддаться угнетателям. Пусть все помнят, что при голосовании важен каждый голос, что дело выборов есть дело величайшей важности, есть дело всего народа трудящегося и угнетенного: это дело его освобождения. Тот, кто действительно понимает свое положение и сознает свой классовый интерес, никогда не пойдет на приманки богачей: он не даст себя ни заговорить, ни подкупить и никогда не изменит делу народной свободы!

Вот почему так важно разобраться в программах, в требованиях партий. Кто разберется в них и поймет свое положение — тот выберет себе партию сознательно и примкнет к ней.

Итак, прежде всего нужно познакомиться с программой партии. Как только явится оратор и начнет говорить от имени партии и рассказывать ее программу, — нужно потребовать от него эту программу напечатанную. Оратор может неправильно ее изложить, он может заведомо ее переиначить. Пусть всякий унесет домой программу в напечатанном виде. Пусть он в свободный час спокойно и основательно прочитает ее, обдумает и обсудит. Пусть он взвесит каждое слово в программе; иногда отдельное слово может внести много лазеек и кривотолков. Но пусть избиратель не удовлетворяется и этим. Есть партии — это партии богачей и собственников, — партии буржуазные, которые не отстаивают народных интересов, но любят прикрыться каким-нибудь требованием или громким словом. Одни из них назовут себя демократами, т. е. людьми, стоящими за народную власть, другие — объявят себя партией «правового порядка», третьи — заявят, что они требуют для рабочих восьмичасового рабочего дня, четвертые скажут, что они стоят за отмену выкупных платежей и т. д.

Нельзя им давать веры. Это они делают только затем, чтобы привлечь на свою сторону несознательных избирателей; всякий, кто внимательно прочтет их программу, увидит, что такое требование или слово попало к ним неправильно и идет вразрез с другими требованиями. Хорошо бывает также задать партийному оратору несколько перекрестных вопросов и потребовать от него немедленного, точного и краткого ответа; напр<имер>, что сделала до сих пор ваша партия для народной свободы, что сделает она в случае войны или народных волнений, почему в вашей программе не сказано ни слова о той или иной народной нужде, как ваша партия относится к другим партиям, с какими из них она может заключить временный союз и т. д.

Итак, первая и самая важная обязанность каждого избирателя — это знать программу своей партии и понимать, почему он не может пристать к другим партиям.

Оставаться же вне партий не следует: всякий, кто хочет лучших порядков и законов, — пусть выбирает себе политическую партию и пусть вместе с ней дружно борется за право и свободу. Тот, кто хочет победы, — пусть идет в ряды партий.

Но какую же победу может дать политическая партия и какими средствами она будет ее добиваться?

Побеждает та партия, которая посылает большинство депутатов в палату представителей. Победа ее будет состоять в том, что ни один закон нельзя будет издать без ее согласия; члены этой партии будут всегда составлять большинство в палате и воспротивятся всякому закону, который не полезен тому классу, интересы которого защищает их партия. Трудящиеся классы составляют в России, как и везде, громадное большинство населения. Поэтому можно заранее сказать, что если они завоюют себе всеобщее, прямое, равное и тайное голосование без различия пола, национальности и вероисповедания, если они сумеют держаться дружно и сознательно выберут своих депутатов, то в Учредительном Собрании представители крестьян и рабочих составят большинство и проведут все те законы, которые им нужны. Та партия, которая побеждает, — завладевает через своих представителей

законодательной машиной и получает возможность осуществить все свои требования, удовлетворить нужды тех, за интересы которых она боролась.

Какими же средствами добиваются партии победы?

Первое средство — это *пропаганда*. Партия старается сделать так, чтобы все знали ее программу, ее требования и чтобы все правильно ее понимали. Нужно, чтобы все знали, чего хочет партия, нужно, чтобы все понимали, почему она требует именно таких законов, а не других, чтобы всем было ясно, какими средствами она пользуется и почему ее требования и средства — наилучшие.

Средства, которыми партия ведет борьбу, и пути, по которым она идет к своей цели, называются ее *тактикой*.

Пропаганда есть разъяснение партийной программы и тактики. Партия дает эти разъяснения в своей газете, на собраниях в виде речей и споров, в лекциях, в издании книг, брошюр и листовок. Партия добивается того, чтобы все люди, а главное члены того класса, за интерес которого она стоит, — знали и правильно понимали ее требования и способы борьбы. Так, рабочая партия ведет свою пропаганду главным образом среди рабочих, крестьянская — среди крестьян и т. д.

Но этого мало. Партия старается не только разъяснить свою программу и тактику, но и привлечь к себе деятельных работников. Она старается вовлечь в партийную работу и борьбу возможно большее число сознательных людей. Возбудить в людях недовольство старым строем и подвигнуть их на борьбу за лучшее будущее — такова вторая основная задача народных партий.

Это называется *агитацией*.

Трудно перечислить все те меры, к которым прибегает для этого партия: начиная от печатного воззвания и горячего изустного слова и кончая отдельными геройскими поступками, которые, потрясая душу, могут внушить людям уважение к силам партии, заставить темных задуматься над своей темнотой и окружающей несправедливостью или даже вызвать значительное массовое движение среди измученного народа.

Но самой трудной и сложной работы требует от партии *время предвыборное*. За несколько месяцев перед выборами народных представителей все партии начинают деятельно вербовать себе сторонников. Разъяснение программ, собрания — так называемые *митинги*, торжественные шествия по улицам (*демонстрации*) с флагами, на которых написано название партии и ее основные требования — все это средства, которые партия пускает в ход для того, чтобы затронуть в своей работе широкие круги народа. В это время борьба между партиями бывает очень велика, но борьба эта — мирная, организованная, партии не должны чинить насилия одна над другой; свобода в это время должна быть предоставлена самая полная — всем и каждому говорить и печатать что угодно, с ответственностью только по суду и то по окончании предвыборного времени. Тогда победит та партия, которая лучше понимает народный интерес, сумела лучше доказать это и работала более дружно и сплоченно.

Политическая партия должна быть поэтому хорошо организована. Во главе ее обыкновенно стоит центральный совет партии, а на местах работают местные комитеты. Эти комитеты заведуют пропагандой и агитацией в городе или округе, вербуют членов партии, производят денежные сборы и сносятся с центральным советом партии. Верховным органом является общий партийный съезд делегатов, посланных от местных комитетов.

Партийный съезд руководит деятельностью всей партии, вырабатывает ее программу и намечает ее тактику, т. е. указывает лучшие средства борьбы и пути, ведущие к цели. Съезд делает постановления от лица всей партии, и подчинение этим постановлениям является делом первостепенной важности. Партия не может успешно работать, если деятельность ее не будет объединена, партия никогда не победит, если не будет работать согласно и дружно. Строгая выдержка и подчинение решениям съезда и комитетов — эта так называемая *партийная дисциплина* — есть одно из основных условий успеха.

Такая согласованность в работе нужна особенно в предвыборное время. Необходимо, чтобы все члены партии, да и не только они, а по возможности весь народ, знали, за кого партия будет голосовать. Обыкновенно партийные комитеты выставляют от себя верного человека, за которого и предлагают избирателям подавать голоса.

В каждой местности каждая партия выставляет своего кандидата. Пройти из них может один на каждые 100 000 населения или на целый круг. Оказывается, что везде на одно место является несколько человек кандидатов и тот из них будет считаться избранным, который получит за себя большинство голосов. Обыкновенно для избрания нужно получить голосов больше половины. Вот тут-то, напр<имер>, и необходима партийная дисциплина. Нужно сделать так, чтобы голоса в партии не разбились. Если одни члены партии будут голосовать за одного, а другие за другого, то наверное случится так, что ни тот, ни другой не будут избраны; тогда большинство голосов получит кандидат другой партии, и в этом месте дело будет проиграно.

Член партии, который согласился на то, чтобы его избирали, или, как говорят, выставивший свою кандидатуру, — связан программой своей партии. Это значит, что он, заявив себя сторонником партии, тем самым обещает, что будет в случае избрания стоять за те законы и проводить те требования, которые отстаивает его партия. Всякий, кто подает за него голос, поручает ему тем самым бороться за свои интересы. Понятно, что избиратель будет потом внимательно следить, как держится его поверенный в Учредительном Собрании. Каждую речь, которую тот произнесет, избиратель прочтет потом в газетах; депутат же знает, что вся партия как один человек следит за ним, и горе ему, если он изменит народному делу!

Мы видим, что политическая партия не только объединяет всех людей с одинаковым классовым интересом, но и ведет объединенный класс к победе. Хорошо объединенная политическая партия живет этой борьбой как один человек. Члены ее хорошо знают, кто им друг и кто

враг, они не обманутся, не ошибутся, не повредят дорогому общему делу. Каждый новый успех партии есть успех не только каждого из ее членов, но и каждого из людей, принадлежащих к тому классу, за интересы которого борется партия.

Раз одержав победу, получив большинство в палате депутатов, хорошо организованная партия постарается не выпустить ее из рук. Мало раз победить на выборах: партия должна победить при новых выборах, еще и еще, чтобы иметь возможность много лет подряд проводить в жизнь свою программу. Правительство всегда представляет власть той партии, которая имеет за собой в палате большинство представителей. Министры всегда принадлежат к партии большинства: иначе ни одно предложение их не будет принято палатой и им останется только уйти в отставку.

И вот главная цель политической партии и состоит в том, чтобы большинство народных представителей и министры были ее членами, чтобы желания партии стали законом для всей страны.

Итак, нужно твердо помнить: чтобы победить, надо бороться, надо объединяться, надо дружно и сознательно действовать. Правда, политическая партия может добиться победы нелегко и не сразу. Нет спора, что конституционное правление, т. е. такое, при котором законодательная власть принадлежит народным представителям, — не дает и не даст скоро совершенного устройства. Но для настоящего времени такое правление есть лучшее. Со временем же, когда усовершенствуется производство фабричное и земледельческое, когда народ вырастет духовно и станет сознательнее и самостоятельнее, — он сумеет устроиться иначе: он найдет себе тогда лучшие формы правления, а может быть, устроится и совсем без него...

ПАРТИЙНАЯ ПРОГРАММА И МАКСИМАЛИЗМ

1. Ныне происходящее революционное движение должно использовать политический опыт 1905 года. Если оно повторит его ошибки, то ему обеспечена тяжелая неудача: разложение России в гражданской войне, восстановление старого порядка и подчинение немцам.

2. Движение 1905 года творило две основные ошибки:

а) описание далекого идеального строя («программа-максимум») превращалось в список очередных требований (в «программу-минимум») и определяло линию поведения (тактику) борющихся народных групп;

б) революционные партии недостаточно считались с тем, что плодотворная борьба за программу-минимум возможна только при наличности действительной организованности народа, так что между требованиями дня и наличной организованностью должно быть всегда необходимое соответствие.

Эти ошибки обозначаются яснее всего двумя событиями:

начало декабря 1905 года — вооруженное восстание в Москве при отсутствии надлежащей подготовки и с явным тяготением к максимализму;

начало июля 1906 года — безмолвие народа в ответ на роспуск первой Государственной Думы¹ и на Выборгское воззвание².

3. Каждый социалист имеет две программы: максимальную и минимальную, и от этого не становится, да и сам себя не считает, изменником делу, родине или классу.

Программа-максимум содержит описание «самого лучшего», идеального и потому желанного строя; она обозначает *далекую цель*, которая *теперь не может* осуществиться. Это список тех мер и реформ, которые *можно будет начать* требовать и осуществлять только тогда, когда будет целиком осуществлена программа-минимум.

Поэтому все пункты программы-максимум *не суть* «требования»; они указывают только *будущие* требования, которые будут предъявлены и из-за которых начнется борьба только тогда, когда осуществится *программа-*

минимум и указанный в ней политический строй и когда при этом новом строе сложатся классы и партии, которые начнут ее «требовать».

4. Итак, никакая мера не может стать «требованием», не может войти в «программу дня», пока не возникли, не организовались и не сговорились те общественные классы, которые за нее стоят и борются.

В общественном и политическом развитии есть своя необходимая *последовательность*, которую *нельзя* пренебрегать безнаказанно. Если политическая борьба начинает пренебрегать ею, то она вступает на путь злосчастных нелепостей и губит все дело.

Так, нелепо «требовать»: чтобы печаталась ненаписанная книга; чтобы пекся незаквашенный хлеб; чтобы делалась крыша на непостроенном доме; чтобы 10—12 миллионов русских пролетариев вводили пролетарский строй для остального 160-миллионного русского народа.

5. Программа-минимум социалистических партий требует установления *последовательного демократического порядка*, при действии которого пролетариат получит возможность свободно организоваться и готовиться к социалистическому строю; это значит, что сами социалисты не считают переход к социализму очередным «требованием дня»: сначала необходимо осуществить правовое государство *демократического*, но *буржуазного* характера.

Поддерживая такое разделение программы, социалистические партии совершенно правы. Социализм есть особая *разновидность* государственного *самоуправления*: народ должен сначала приучиться к *буржуазному самоуправлению*, прежде чем переходить к *самоуправлению социалистическому*. Введение социализма действительно предполагает:

а) что большая часть народа станет пролетариатом;

б) что большая часть народа выносит в душе глубокую и зрелую способность к *личному, общинному и государственному* самоуправлению и, следовательно, будет иметь здоровое, зрелое и могучее *правосознание*.

6. Итак, программа-максимум есть *далекая цель*, *теперь, при настоящем положении вещей*, неосуществимая и невозможная.

Поэтому включать максимальные пункты в программу дня — значит давать заведомо *неисполнимые обещания* и призывать к заведомо *безнадежной борьбе*; это значит разжигать страсти посредством обмана или, в лучшем случае, становиться жертвою самообмана.

7. Максимальзация программы дня побуждает «требовать» того, чего не только никто не может «дать», но чего *и сам требующий* не мог бы *ни взять, ни сделать, ни осуществить* — если бы все согласились ему не мешать.

8. Максимальзация программы дня побуждает *верить в возможность* того, что на самом деле *невозможно*. Этим она будит в душах неутолимые притязания и готовит поверившим тяжелое разочарование; разочарование наступает *неизбежно* и сопровождается кровавыми жертвами, утомлением, упадком духа и разложением политической борьбы.

9. Объективная невозможность начинает изображаться как неосуществимость *по чьей-то вине*. Возникает судорожное, озлобленное искание виновника или многих виновников. Это искание направляется в сторону других общественных классов, и особенно в сторону промышленной буржуазии. Слагается тяготение к разрушительным порывам (погромы «на экономической» почве), от которых страдает общенародное богатство, и к убийству, в виде мести, отдельных лиц (экономический личный террор и «пропаганда фактом» у анархистов): начинается гражданская война.

10. Тот, кто максимализирует программу дня, начинает неизбежно, иногда сам того не замечая, —

с одной стороны, умалять, искажать и извращать далекую *идеальную цель*, изображая ее как что-то близкое, простое, легкодоступное;

с другой стороны, искажать и извращать *окружающую действительность*, то умалчивая о неблагоприятных явлениях, то выдумывая несуществующее, — преувеличивая одно и преуменьшая другое, — и прежде всего, преувеличивая на словах наличную организованность своей общественной группы.

Он вступает на путь бессознательной, а иногда и сознательной политической лжи.

Этим он:

1) уничтожает и обессиливает идеальный порыв, необходимый для того, чтобы политическая борьба велась со всей энергией и оставалась на настоящей высоте, не вырождаясь в гражданскую войну;

2) нарушает необходимое доверие людей друг к другу: и партии — к вождям, и партии — к другим партиям, и, главное, — неорганизованной массы народа к партиям и ко всей политике вообще.

11. Двигаясь по этому пути, руководители политических партий впадают сами в своеобразную болезнь перспективы — *дурную дальностьзоркость*:

они видят далекое, как близкое, а близкое — не видят вовсе.

Суждение их о событиях, о мерах борьбы, о цели и о средствах получает характер постоянного *уклонения* от истины и от целесообразности.

Они всегда имеют дело с *воображаемой* действительностью и ведут партию согласно предвзятым, отвлеченным теориям. Максималисты суть слепые вожди слепых.

12. Они не умеют сберечь и использовать как следует *запас революционной воли*, скопившейся в народных массах и в обществе.

Применяя эту волю к неосуществимым целям и растрачивая ее в тщетной борьбе с непреодолимыми препятствиями, они быстро истощают ее запас и губят движение в общем упадке духа: падает вера в борьбу, исчезает желание бороться; гнет оправившейся реакции довершает дело, и самый драгоценный результат движения — *организация народа* — распыляется без следа.

Борьба за «максимум» губит борьбу за «минимум» и завоевания внезапно сводятся почти к нулю.

13. Таким образом, этот путь воспитывает партию и народ к слепоте и беспомощной ненависти. Страстная и слепо-героическая борьба за неосуществимую цель заставляет судорожно хвататься за *все средства* и не останавливаться ни перед какими мерами. Так возникли в 1906 и 1907 годах революционные «экспроприации» частных капиталов, быстро выродившиеся в заурядные уголовные грабежи.

Трагедия этого метания от одного средства к другому состоит в том, что *все* они — бессильны.

14. Обращаясь ко *всем* и ко *всяким* средствам, борьба теряет и организованную форму, и политический характер. Тактика вырождается в судорожные и пагубные эксцессы, с которыми реакция расправляется легко и быстро.

Политическая борьба движется нормально не на пути уголовных правонарушений (краж, вооруженных нападений граждан друг на друга, поджогов, погромов, избиений, взаимных убийств), но на пути *публично-правовом*, т. е. через планомерную организацию народа — к *полномочию властвовать от лица государства*.

Тактика максимализма, напротив, прилепившись к программе-максимум, отворачивается от публично-правового пути, ибо он *не сулит* и *не может сулить* осуществления максимальным требованиям.

Истинная революционная борьба ищет *права* и *публичного полномочия*, она стремится к тому, чтобы государственная власть *по праву* перешла в руки народа и чтобы народ через это мог сам устраивать свою жизнь.

Максималисты, напротив, ищут в своей работе *не права* и *не публичного полномочия*; они ищут фактического обладания и обращаются к нарушению частного права — *захватом*. Вследствие этого политическое движение превращается в состязание сильных и ловких правонарушителей друг с другом, в своего рода торжество «кулачного права», или — в *гражданскую войну*.

15. Гражданская война есть начало *гибели* народа и государства, потому что она убивает в народе *сознание его единства* и *волю к политическому единению*, без этого сознания и без этой воли — от государства остается одно название.

Политическая борьба, даже при резких партийных расхождениях, *соединяет всех* живым образом вокруг *единого для всех*, полномочно властвующего центра — *государственной власти*; этим она заставляет всех реально почувствовать, что *мы — одно*, именно потому, что у нас у *всех* один, для *всех* *общий*, источник права — *наша государственная власть*, переходящая в руки самого народа.

Поэтому политическая борьба, пока она ведется — зиждет единство народа и государства и охраняет их от

гражданской войны. Вот почему успешная революция, создавая возможность *свободной и сознательной политической борьбы*, ведет народ к *единению* и спасает государство от разложения.

16. Революция, не удавшаяся в 1905 году, стала ныне возможна благодаря всенародному *единению*.

Это единение вызвано войною, которая принесла с собою великую всенародную опасность; угроза и опасность пробудили в душах *древнее чувство родины* и ввели в сознание государственно-народное единство. Воля гражданина перестала сосредоточиваться на особенных, частных интересах отдельного *класса* и опустилась в государственно-народную глубину *общеполитического единства*.

Русский народ нашел свою *единую волю: спасти родину от нашествия и осуществить свободное народовластие*.

Эта воля возникла и осуществилась не в результате сознательных организующих усилий, но под давлением внешней опасности. Ныне эту волю необходимо организовать и направить в русло *политического единения*.

17. Итак, революция выросла на единении и дальнейшая судьба ее связана с единением народа. Разбрестись ныне на максимальные классовые программы — значит погубить единение и с ним вместе все дело революции. Это значит создать условия для возвращения старого порядка, всегда старавшегося поддержать свою власть посредством *разделения* своих врагов, по правилу «раздели их и тогда господствуй над ними».

Понятно, что реакция судорожно заинтересована в том, чтобы разжечь в партиях настроение максимализма, и будет энергично работать над этим на путях провокации. Все русские граждане должны помнить это и не отзываться на посулы и призывы, ведущие к гибели. Победное окончание войны и Учредительное Собрание скуют политическое единство русского народа и откроют путь для организованной политической борьбы классов и партий.

О СРОКЕ СОЗЫВА УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

1. Для того чтобы правильно разрешить вопрос о сроке созыва Учредительного Собрания¹, необходимо дать себе ясный отчет в его значении и задачах, а также в тех внешних — общественных и политических — условиях, при которых будет осуществляться его созыв.

2. Основное значение Учредительного Собрания в том, что оно является органом государства, осуществляющим *верховенство народа*, и притом в основном деле — в создании нового государственного устройства. Основная задача Учредительного Собрания состоит поэтому в том, чтобы *выяснить верно и неискаженно волю всего русского народа*. Это значит, что всякий, кто хочет правильно решить вопрос о сроке его созыва, должен иметь в душе своей искреннюю и сознательную *волю к народной воле*, т. е. стремиться к ее подлинному выяснению и обретению.

3. Вопрос о сроке созыва Учредительного Собрания должен решиться исключительно в зависимости от требований *политической демократии*, т. е. свободного, исчерпывающего и не искаженного выяснения воли всего русского народа. Выборы должны быть приурочены к такому времени, которое давало бы наибольшие гарантии, т. е. обеспечивало бы наилучшим образом *подлинность народного представительства* (как *по составу избирателей и по сознательности* голосования, так и по сходству партийных программ). Пренебрегать этим — значит готовить почву для гражданской войны.

4. Истинная демократия требует, чтобы народ *дейтельно и сознательно* участвовал в выборах и в учреждении нового строя. Всякое говорение *вместо* народа, *за* народ, *про* народ — нарушает самую сущность демократии (т. е. народного правления) и искажает, подменяет и сознательно *из* народа и *от* народа. Тот, кто ее голос. Воля народа должна быть высказана самодеятельно объявляет себя демократом и не ищет средств для обеспечения такого голосования, — творит лицемерие: ибо на самом деле он *боится* воли народа и надеется подменить ее в удобный момент *программой своей партии*.

5. Учредительное Собрание послужит к действительному учреждению, т. е. *устроению и объединению*, русского государства лишь при том условии, если оно *в самом деле* будет выражать *волю всего народа*. Оно будет могучей и авторитетной силой, выковывающей единство и правопорядок только тогда, если выборы в него дадут *всем* русским гражданам живое и уверенное чувство, что они в самом деле *включены* в русское государство, что их голос и их воля приняты, учтены и представлены. Необходимо, чтобы каждый гражданин сознавал себя входящим в жизнь *государственной власти*, а через это и в жизнь *самого властвующего государства*; необходимо сделать так, чтобы никто не чувствовал себя изгоем и пасынком, чтобы все уверенно почувствовали себя русскими гражданами. Вне этой уверенности нет гражданина, но есть лишь холоп своего господина и батрак своего хозяина: в душе их живет приниженное и бездеятельное правосознание — злосчастное наследие старого порядка.

6. Сущность народного правления, как и всякого политического порядка, подвержена своеобразному вырождению, которое состоит в том, что жизненное *осуществление* оставляет от него одно название. Это бывает всегда, когда *способ выяснения народной воли* не дает гарантий (т. е. не обеспечивает) от бессознательного искажения и сознательной подмены ее. Равенство голосования («никто не имеет более одного голоса»); прямая подача голосов (избиратель подает голос не за «выборщика», а прямо за члена Учредительного Собрания); соблюдение тайны при голосовании, отсутствие такого неправильного и злонамеренного деления страны на округа, которое лишает, например, городских рабочих своего представителя; отсутствие давления на выборы со стороны правительства, всяких «разъяснений», «устранений», арестов, высылки и искусственного деления на курии² — все это не исчерпывает еще необходимых гарантий. Необходимо еще *время для свободной предвыборной агитации* как главного средства борьбы с темнотою и несознательностью избирателя.

7. Соблюдение этой истинной гарантии народоправства получает особое значение в настоящей русской революции ввиду ее острой ущемленности между крайними

течениями: между притаившимися ныне, но втайне усиленно работающими сторонниками старого порядка (реакционеры и провокаторы) и группой крайних левых, тяготеющих к захвату государственной власти и действующих от имени городского пролетариата. *Способ* выяснения и *срок* выяснения народной воли должны непременно дать гарантии от всякого неправильного захвата и подмены — будь то вправо (подобно плебисциту Наполеона III³) или влево (подобно движению монтаньяров в эпоху Великой французской революции⁴).

8. Сущность народоправства требует, чтобы каждая сословная и классовая группа населения при создании новой власти примирилась со своим *действительным* удельным весом в составе всего народа и не присваивала себе преимущественного и решающего голоса в определении судеб *всей страны*. Данные 1914 года: сельское хозяйство занимало в России — 75% всего населения; обрабатывающая промышленность, ремесла и промыслы — 10%; частная служба — 4,6%; торговля — 3,8%. Для выяснения подлинной народной воли необходима свободная политическая организация всех классов населения, и прежде всего — земледельческого крестьянства. Политическая мудрость состоит не в том, чтобы трусливо избегать коренных реформ и искать во что бы то ни стало «золотой середины»; но в непреклонном стремлении к тому, чтобы каждая реформа имела за себя *действительную народную потребность*, чтобы эта потребность была самым народом осознана и поддерживалась бы *народною волею*.

9. *Слабое развитие правосознания* у русского народа делает такое соблюдение политических гарантий особенно необходимым. Нет сомнения, что крайние правые элементы не остановятся перед злостными попытками замути народное настроение и оказать всяческое давление на избирателей. Время войны дает им для этого особенно благоприятную почву. Они попытаются запугать крестьян возможностью отобрания в казну всех земель, помещиков — аграрными беспорядками; они будут внушать рабочим, что Временному правительству⁵ нельзя доверять, и постараются использовать наступление Гинденбурга⁶ для создания паники и беспорядков, с тем чтобы этими

беспорядками напугать буржуазию. И если в этом замешательстве будут происходить выборы в Учредительное Собрание: когда народ не успел еще как следует сорганизоваться; когда предвыборная агитация будет протекать спешно и беспорядочно; когда можно будет безнаказанно пустить в ход подкупы и нелепые вымыслы; когда интеллигентные силы будут заняты неотложными нуждами обороны и продовольствия; когда народные учителя будут все еще изъяты из широких масс и неравномерно распределены в армии; когда в деревне будут преобладать женщины — наименее сознательный и наименее устойчивый элемент всего русского населения, — то правильность, сознательность и свобода выборов окажутся *неосуществимыми*. Учредительное Собрание, созванное при таких условиях, во время войны будет иметь *случайный состав и никак не выразит волю народа*.

10. Созыв Учредительного Собрания во время войны делает невозможной и *всеобщность* голосования. Обширные круги народа окажутся исключенными от участия в выборах или же будут участвовать в них лишь по внешней видимости.

Так, неизбежно будут устранены от участия в государственном строительстве два-три миллиона русских военнопленных, находящихся в Германии и Австрии, т. е. множество русских граждан, особенно страдавших за родину и умудренных тяжелым опытом жизни.

Точно так же окажется устраненным оставшееся на местах население занятых неприятелем русских губерний.

В тяжелом положении окажется и русская армия, стоящая на фронте и мобилизованная в тыловом запасе. Вести в действующей армии свободную предвыборную агитацию невозможно: это значило бы разбить душевные силы, отвлечь внимание от обороны и ослабить сопротивление врагу; это значило бы расшатать необходимую для победы воинскую дисциплину — посредством политической страсти; это значило бы вызвать повсеместную борьбу между политической свободой и воинской обязанностью; это значило бы внести партийное разделение в армию и тем подготовить почву для гражданской войны; это значило бы допустить в армию и агитаторов про-

тив войны, и агитаторов за восстановление старого порядка; это значило бы уменьшить сознательность голосования, ибо грамотный элемент сосредоточен по большей части в канцелярских частях тыла. Но предоставить армии голосовать *без всякой агитации* — значит свести ее участие в выборах к чистой случайности и пустой видимости. *Устранить* же действующую армию *совсем* — значит лишить голоса свыше 10 миллионов взрослых и правоспособных мужчин, т. е. свыше *одной четверти* всего русского мужского населения, имеющего больше 20 лет, и свыше *одной седьмой* всего, мужского и женского, населения России того же возраста.

В таком же положении окажутся все русские войска, ныне находящиеся во Франции и на Балканском полуострове.

Наконец, созвать Учредительное Собрание *до* конца войны — значит или обеспечить государству несознательное голосование приблизительно тридцати миллионов женщин сельского населения, что может создать *опасность для демократии*; или же устранить их от голосования, лишив тогда права голоса и *всех* русских женщин вообще, т. е. около сорока миллионов избирательниц. Всеобщность голосования будет этим в высокой степени ограничена.

Все это заставляет желать и требовать, чтобы Учредительное Собрание было созвано лишь по окончании войны.

11. При наличных условиях нужно ожидать, что учредительная деятельность в России будет протекать без вынужденных уступок старому политическому строю, т. е. что государственное устройство в России возникает не в порядке «пожалования» или «соглашения», но в порядке всенародного самоустроения. Возможность свободного учредительства вне давления со стороны правительства, но согласно голосу *разума и справедливости* требует особой мудрости и уравновешенной зрелости от состава собрания. Это может быть обеспечено только тем, что Учредительное Собрание будет созвано в то время, когда народу можно будет сосредоточить все свое внимание на выборах.

12. Учредительному Собранию придется решать проблемы невиданной в мире трудности. Нелепо думать, что

дело сведется к решению о том, что глава государства будет приобретать свои полномочия наследственно и располагать ими пожизненно (монарх) или — по выборам и на срок (президент республики). Учредительное Собрание должно будет выработать для России новое политическое устройство, соответствующее ее духовным, национальным, общественным и хозяйственным задачам; наладить денежное хозяйство России, расстроенное войною; положить начало восстановлению разоренных войною губерний и т. д. Такие задачи нельзя решить наспех, среди военной тревоги и военного напряжения.

13. Все это делает необходимым созыв Учредительного Собрания *по окончании войны* при возможно полном соблюдении гарантий народоправства. Подготовка созыва сама по себе потребует несколько месяцев, для того чтобы разделить страну на округа и участки, составить окружные и участковые бюро, составить и проверить списки, дать срок для их обжалования и т. д. Эти месяцы, ныне уже начавшие свое течение, будут заняты военными действиями. Работа, выполненная в течение их, будет дополнена внесением в списки солдат, отпущенных из армии, вернувшихся военнопленных и осевших на своих местах беженцев.

14. Для того чтобы созыв Учредительного Собрания мог быть осуществлен на таких условиях, необходимо доверие народа к Временному правительству. Временное правительство, уже побудившее бывшего царя⁷ и его брата Михаила⁸ отречься от престола и издавшее целый ряд актов, свидетельствующих о его верности народному делу⁹, нуждается прежде всего в народном доверии для того, чтобы вывести Россию на путь нового устройства. Ныне русский народ имеет полную возможность свободно организовать свои силы, и эта все растущая организация неизбежно укрепит в нем доверие и к своим силам, и к Временному правительству, и в то же время она обеспечит ему и своевременный созыв Учредительного Собрания, и сознательное участие во всенародных выборах.

ПОРЯДОК ИЛИ БЕСПОРЯДОК?

1. Тому, кто стремится ныне поддержать всенародное русское дело освобождения и победы, необходимо дать себе ясный отчет в том, почему совершился переворот, как он стал возможен и что необходимо для прочного установления нового строя. Вдумчивое, спокойное отношение к событиям и сознательное, уверенное участие в них есть главный залог успеха. Итак, прежде всего необходимо понимание сущности происшедшего переворота.

2. Всегда ли возможна в стране революция? И если *не* всегда, то почему? Что мешает недовольным слоям и группам народа начать революцию в любой момент и что заставляет иногда прекратить ее *без* всякого политического или социального обновления? Нет ли здесь какой-нибудь закономерности, и если есть, то в чем она?

Для того чтобы в стране была возможна революция, необходимо, чтобы *в народе* скопился достаточный *запас революционной воли*, если нет этого запаса, то никакой переворот невозможен и все отдельные попытки добиться чего-нибудь посредством «заговора», местных беспорядков или «покушений» не приведут к революции. История декабристов и народовольцев свидетельствует об этом с очевидностью.

Воля к революции, накапливаясь в народе, имеет два вида: у нуждающихся слоев народа должна быть *активная*, боевая воля произвести переворот и добиться необходимых реформ; у других классов, и особенно *в армии*, должна быть, по крайней мере, *пассивная*, попускающая воля, согласие не мешает перевороту. Для того чтобы революция была возможна, должны быть налицо *оба вида*. Если не будет активной воли, то движение совсем не начнется; если у других классов, и особенно в армии, не будет сочувствия к движению, — то старая власть найдет себе всегда опору в народе и поддержку в армии и начавшееся движение будет легко остановлено и залито кровью.

Поэтому не правы те, кто думает, что для революции достаточно одного боевого настроения в народной массе: всякая сила сильна не только своим напором, но и *отсутствием препятствий*; и *нет* той силы, которая не могла бы быть остановлена достаточным сопротивлением.

В государство входят люди с самыми *различными* интересами и желаниями, а государственное устройство *для всех* едино и обще; поэтому всякий государственный строй существует лишь до тех пор, пока у одних *есть желание поддержать его во что бы то ни стало*, а у других *нет желания изменить его во что бы то ни стало*. Это обнаруживается и при революции: революция становится возможной только тогда, когда у одних людей является *решение совершить ее во что бы то ни стало*, а у других *исчезает решение помешать ей во что бы то ни стало*.

Всякое «да» сильно не только *своею силою*, но и слабостью враждебного «нет». Всякое усиление враждебного «нет» есть всегда тем самым ослабление самого «да».

3. Всякий общественный и государственный строй есть особый *порядок* жизни, устанавливаемый правовыми нормами (общеобязательными правилами внешнего поведения) и поддерживаемый государственною властью, например: порядок законодательства, порядок управления, порядок суда, порядок купли-продажи, порядок наследования, порядок распределения собственности и т. д. Всякий порядок жизни имеет известные недостатки, и, по общему правилу, устранение этих недостатков достигается посредством отмены неудовлетворительных правовых норм и установления других, лучших. Каждый правовой строй должен непременно открыть людям эту возможность: *совершенствовать законы по закону*, т. е. улучшать правовой порядок, не нарушая правового порядка. Правовой строй, который закрывает эту возможность для всех или для широких кругов народа, лишая их доступа к законодательству, готовит себе *неизбежную революцию*.

Воля к революции накапливается в стране тогда, когда старое устройство жизни — дурное и несправедливое —

не поддается изменению *по закону*, т. е. когда старый строй не только дурен, но и не позволяет перестроить себя, хотя бы понемногу: для этого он придает себе особую неотменимость или неизменяемость и тем замуровывает выход к лучшему. Тогда оказывается, что старый строй необходимо изменить, но что изменить его, *не нарушая порядка*, — невозможно; что новый порядок — необходим, но что к нему можно только *прорваться* посредством открытого и, может быть, бурного *беспорядка*. И вот активная *революционная воля* — это та воля, которая желает *нового порядка* с такою силою, что не останавливается перед временным водворением *беспорядка*. Этот беспорядок должен привести к тому, чтобы был признан и утвержден *новый закон*, открывающий возможность изменить старый строй.

Итак, *революция* есть всегда временный общественный *беспорядок*, который начинается и производится *ради* прорыва к новому, справедливому общественному *порядку*.

4. Понятно, что *воля к революции* всегда имеет против себя *волю к порядку* и что «подготовить революцию» — значит постепенно перетянуть эту волю к порядку на сторону революции. Это совсем не так легко, как иногда думают: воля к порядку настолько сильна в народе, что склоняется к беспорядку лишь медленно и с трудом. Народ в целом всегда инстинктивно тяготеет к *порядку и правопорядку* настолько, что иногда годами и десятилетиями предпочитает *дурной порядок* — беспорядку.

Напрасно было бы думать, что это тяготение есть результат инерции, косности, бессознательности или отсутствия воли к лучшему. Думать так — значит осуждать, не понимая.

5. Корни порядка и правопорядка заложены глубоко, в совместной жизни людей. Общественная жизнь по самой природе своей есть организованный и устойчивый порядок, и в иной форме она невозможна. Чем дольше живет человечество на земле, тем это становится нагляднее. Каждый человек не может делать *все* и исполнять *все* работы: вся жизнь людей основана на *разделении труда*. Благодаря разделению труда все люди *зависят* в своей

жизни друг от друга, и каждый, работая свое, для других, нуждается в уверенности, что и другие *смогут, захотят* сделать и действительно *сделают* то, что ему необходимо. Эта уверенность настолько нужна и драгоценна, что обеспечивается *организацией*: люди *распределяют* между собою важнейшие дела в виде *обязанностей и полномочий*, так чтобы про каждое из этих дел *все* наверное знали, что оно *будет* сделано и кем именно, а тот, кто взял его на себя, имел бы надлежащее полномочие и обязанность и подлежал бы ответственности.

Такое разделение труда есть уже не только *организация*, т. е. водворение порядка, но *правовая организация* (распределение полномочий и обязанностей), т. е. водворение *правопорядка*. Вне организации невозможны ни хозяйственная жизнь (напр<имер>, железные дороги, фабрики, сельское хозяйство), ни политическая жизнь (напр<имер>, выборы в парламент, управление страной, суд), ни ведение войны (напр<имер>, наступление и отступление, подвоз снарядов и провианта, вывоз и лечение раненых). Беспорядок состоит всегда в том, что люди начинают не исполнять своих обязанностей, превышать свои полномочия и совершать запрещенные законом поступки. Необходимое оказывается несделанным; каждый поступает по своему усмотрению, не считаясь с пределами своих полномочий; запрещения уже не останавливают людей. И если *все и постоянно* начинают действовать так, то жизнь превращается в борьбу множества *разбойников* (в одиночку и шайками) друг с другом, в непрерывную смуту и безысходное разложение. Начинается общая неуверенность в жизни, расстройство в продовольствии и в делах, а потом паника, взаимное озлобление, усталость и готовность признать *любой порядок*, даже самый несправедливый и не свободный, только бы не было беспорядка.

6. Необходимо раз навсегда понять и убедиться, что *общественная жизнь невозможна вне порядка*, т. е. вне устойчивой правовой организации; что разрушать эту организацию легко, а создавать очень трудно; и что всякое разрушение потом приходится восстанавливать и навестывать. Тяготение к порядку и организации подсказывается народу *чувством самосохранения*, ибо можно

с уверенностью сказать, что народ, оказавшийся без организованного порядка, — или *создаст* его, или *погибнет*. Это чувство самосохранения научает людей не только слагать новые, лучшие и свободные организации, но и *блюсти* те, которые уже действуют: ничто не должно быть разрушено *зря* и *без крайней* надобности, ибо почти всякая организация может быть обновлена постепенно, не разрушением, а *реформой*, преобразованием. Соблюдение этого мудрого правила вносит в жизнь народа начала экономии сил, *целесообразности* и *свободы*: целесообразности потому, что люди могут осуществлять свои *цели* только через упорядоченную организацию; свободы потому, что люди могут быть свободны только там, где каждый твердо знает, что ему по праву можно, должно и нельзя, т. е. где имеется правовая организация. Английский народ всегда соблюдал это мудрое правило и ныне ведет жизнь наиболее свободную.

7. Теперь понятно, что тяготение народа к порядку и правопорядку есть не только проявление косности и бессознательности, но и действие глубоко верного *чувства самосохранения*.

Но именно это тяготение является всегда главным препятствием для революции.

Для того чтобы в стране скопилась революционная воля, необходимо, чтобы чувство народного самосохранения, обычно тяготеющее к порядку, увидело *спасение во*¹ временный запрет на свое негодование. Таким образом, к <...> и государственного самосохранения должно породить *волю к беспорядку* как *единственному и неизбежному* средству создать новый, лучший порядок². Необходимо, чтобы народ *поверил в целесообразность беспорядка* и притом в его необходимость для перехода к *новой организации*; поверил в то, что временное расстройство и разложение жизненного строя откроет путь к новому, лучшему устройству. Без этой веры не может сложиться революционная воля, а без этой воли не может произойти революционный переворот.

Откуда же могла ныне возникнуть в народе вера в целебную силу беспорядка?

8. События 1905 года могли только подорвать в русском народе веру в возможность и спасительность революции.

Революционная воля была расшатана ошибками максималистических течений, ослаблена кое-какими реформами (закон 9 ноября³) и отдушинами (Государственная Дума) и подавлена преследованиями старого правительства. Тяжелая военная опасность, с самого начала признанная всем народом, легла сдерживающим бременем на всякий революционный порыв. Все классы и слои русского народа поняли, что война не есть время, благоприятствующее революции; что революционные волнения неминуемо расшатывают хозяйственную и военную организацию страны, вызовут расстройство в снабжении и пополнении армии и поведут к тяжелым военным неудачам. И русский народ наложил временный запрет на свое негодование. Таким образом, к началу 1917 года революционная воля в России была совершенно неорганизована и пребывала под запретом. *Воля к победе и к порядку*, необходимому для победы, превозмогла всякий протест и всякое негодование и удерживала в тисках *волю к революции*. Поэтому совершившийся переворот *никем* не был подготовлен; никто его не обдумывал, не предусматривал и не «назначал». Никто не брал на себя решения «начать беспорядки» и свергнуть старое правительство: никто — потому уже, что *некому* было сделать это, ибо революционные партии находились в состоянии распыления. Никто не знал, имеется ли в стране достаточно *активной* воли, чтобы совершить революцию, и достаточно *пассивной* воли, чтобы ей не помешать. *Все для всех* было *загадочно и неизвестно*; и воля к беспорядку, если и была у кого-нибудь, — то только у слуг старой власти, мечтавших о сепаратном мире.

Это значит, что совершившаяся революция *не была* чьим-то обдуманным делом или *подготовленным мероприятием*, все силы, способные к организации, работали над установлением *порядка* в стране — в хозяйстве, в продовольствии, в снабжении армии. Беспорядка в России не хотели, а избегали, понимая его опасность.

И тем не менее революция состоялась. Как же это было возможно?

9. Революция состоялась быстро, почти безболезненно и успешно потому, что ее создала *общая воля к порядку*.

Старое правительство отчасти по неумению, отчасти по злой воле водворило в России, всюду, где только могло, беспорядок, расстройство и дезорганизацию. Чем дальше развивалась война, тем шире и глубже становилось внутреннее расстройство: сначала снаряды, потом амуниция, продовольствие, уголь, железные дороги, сельское хозяйство, наконец, политическое управление — все разлагалось и расстраивалось, медленно, но неуклонно. Наконец, совершенно открыто разложилась *воля верховной власти*: она перестала быть орудием *народного и государственного самосохранения*, и это обнаруживало, что дни ее сочтены.

Водворение этого беспорядка развинчивало и ослабляло старую власть и подрывало ее авторитет, доверие к ней и желание поддерживать ее. Война явилась испытанием для нее, и она не выдержала этого испытания. Всем становилось ясно, что России предстоит или погибнуть, или создать новое правительство: *Правительство народного самосохранения*. Это новое правительство было необходимо для того, чтобы создать в стране новую *хозяйственную, военную и политическую организацию*, т. е. водворить новый, могучий, справедливый и свободный порядок. Необходимо было *правительство народной организации*, или *правительство нового порядка*. Только организация и порядок могли соединить все живые силы России; и притом организация, основанная не на приказах сверху, а на самодеятельности народа; только самодеятельность народа могла пробудить *всю его* волю и дать ей творческий исход: политическое обновление русского строя стало условием военной победы. Необходимо было *правительство народной самодеятельности*, или *правительство победы через порядок*.

Вот почему русскую революцию создала *воля к порядку во имя победы*, или, что то же, *воля к победе через порядок*.

Время шло, беспорядки в стране увеличивались, и русский народ стал отчетливо понимать, где лежит ко-

рень расстройства. Революционная воля все еще оставалась под запретом, накапливалась и созревала. Чувство народного самосохранения подсказывало, что революция должна вспыхнуть не во всей стране, а именно в центре, в Петрограде, чтобы там рассечь гордиев узел, не расстраивая преждевременно и вконец остатки необходимого порядка в остальной России. Активная воля к революции сосредоточилась в Петрограде, а пассивная революционная воля разлилась по всей стране.

В «спасительность беспорядка» никто не верил; напротив, все сознавали, что длительные беспорядки или повсеместные, повторные, неудачные «волнения» могут погубить все дело: укрепить старую власть, расстроить войну и привести к неудачам и сепаратному миру. Но в то же время «беспорядок» сам по себе становился все менее страшен: слишком велик он был и без того. Размеры общего хозяйственного и политического расстройства развязывали волю к революции и укрепляли ее, приближая минуту выбора: или *прорыв к спасению через революцию*, или *военное хозяйственное и политическое разложение России*.

И вот, *воля к победе выковывает волю к порядку*, а *воля к порядку создает революцию*. Старый строй разрушил себя сам до такой степени, что разрушающий порыв революции мог сосредоточиться в Петрограде и почти не внести нового беспорядка.

И это состоялось.

10. Итак, русская революция 1917 года была с самого начала *революцией во имя порядка*.

Старая власть отошла в прошлое под флагом «беспорядок во имя самодержавия, поражения и сепаратного мира». Новая власть вступает в будущее под флагом: «порядок и организация во имя русского свободного народоправства и во имя победы в союзе с великими демократиями Запада (Англией и Францией)».

Это можно выразить так: судьба русской революции связана с ее целью — *порядком* (во имя победы и демократии). Эта революция стала возможною благодаря тому, что воля к порядку перестала ей сопротивляться; февральский переворот 1917 года есть порождение всена-

родной воли к порядку, т. е. к *свободной организации* народа и всенародного сознания, что демократический строй необходим для победы, а с победою связана судьба русской демократии. Война помогла русскому народу найти свою *единую волю*: спасти *родину от нашествия и осуществить свободное народовластие*. Эта воля есть воля к *порядку и организации*. Ею порождена была революция, и с успехом ее дела связана судьба нового строя.

Если новый строй окажется способным *организовать страну* для победы и через победу спасти и упрочить дело демократии, — то русское всенародное дело государственного обновления и устройства выйдет на великую дорогу. Если же новому строю не удастся ввести организованный порядок в хозяйственное и военное дело, если беспорядок будет расти или вспыхнут новые беспорядки, если окажется, что политическое обновление не может исправить грехи старой власти, а Россия не умеет поддерживать свое единство и неспособна к единению, — то вера в революцию быстро начнет гаснуть, партия дурного порядка, т. е. «порядка во что бы то ни стало», соберет свои силы, разочарование и утомление убьет революционную волю и народ повлечется за первым вожаком, враждебным революции, который сумеет обеспечить порядок кровью и оружием, а уставшим и угнетенным массам народа бросит неизбежные «подачки».

11. Всякая революция кончается, как только в широких кругах народа *воля к порядку* отворачивается от революционного пути и становится враждебною беспорядку. Чем скорее это наступает, тем менее успевают сделать революция.

Порядок и организация народной жизни не могут разрушаться без конца: рано или поздно чувство народного самосохранения *отвернется от разрушения* и выскажется за водворение порядка. И если беспорядок все-таки будет продолжаться, то *необходимость жить* заставит народ потребовать «порядка во что бы то ни стало». Отдельные революционеры могут поставить перед собою такую задачу: *или* продолжать разрушение и борьбу до наступления

идеального строя, *или* же, если он невозможен, то умереть в этой борьбе, но умереть, разрушая. Но для народа в целом такое героическое самоубийство неприемлемо и неосуществимо. Инстинкт самосохранения всегда подскажет народной массе: «лучше жить *как-нибудь*, чем совсем не жить». И в результате дело освобождения придет к горестному концу: разрушители погибнут жертвою собственного слепого неистовства, а народные массы вернутся в состояние рабства и распыления, бессильного скрежета и шкурного страха.

Все спасение в том, чтобы сама разрушающая воля тотчас же после своей победы превратилась в волю к *новому порядку и новой организации: разрушающий порыв должен уметь вовремя стать созидающим*. Если это превращение не удастся и разрушение, раз одержав победу, пойдет по инерции дальше, увлекаемое собственным размахом и распалаясь страстью от каждого нового удара, то его ждет насильственный, бесславный и бесплодный конец. Величайшая ошибка Бакунина состояла именно в том, что «дух разрушения» *не* есть еще тем самым «созидающий дух»⁴; мало того, бывает так, что душами овладевает *жажда разрушения*, не способная превратиться в *созидающую волю*, и тогда революция быстро вызывает к жизни контрреволюцию, а обновлению приходит конец.

12. Если «*революционером*» называется тот, кто стремится сначала вызвать революцию, а потом через нее создать, упрочить и расширить политическое и хозяйственное обновление страны, — то человека, задерживающего наступление революции или содействующего ее политической и хозяйственной неудаче, следует называть «*контрреволюционером*». Контрреволюционеры (враги революции) бывают двоякого рода: одни противодействуют движению сознательно и открыто, потому что опасаются за свой интерес и не желают обновления страны; другие противодействуют движению, сами того не замечая, думая помочь, но губя все дело своим близоруким, неистовым и неумелым поведением. Первые принадлежат к крайним правым политическим партиям (так называемые «черносотенцы»⁵); вторые образуют крайние левые политические группы (таковы социал-демократы «большевики», «максималисты»⁶ и анархи-

сты⁷). Враги революции справа и слева *не* состоят в соглашении друг с другом; но первые посылают ко вторым своих *тайных* агентов, которые притворяются крайними левыми, входят в их партии и разжигают их контрреволюционную деятельность с тем, чтобы заставить их принять как можно больше вредных и глупых решений и совершить как можно больше пагубных поступков. Плоды этой деятельности потом собирают крайние правые.

Те *крайние левые*, которые ныне после состоявшегося революционного переворота решили, что время беспорядка не только не прошло, но еще только начинается, — являются настоящими *контрреволюционерами*. Они не понимают, что обновление России ныне зависит целиком от поддержания в стране *организованного порядка*; что революция стоит и падает вместе с порядком; что отказ различных классов и партий от *политического единения* есть отказ от *государственного и народного единства* — и неизбежное превращение России в многомиллионную толпу сражающихся друг с другом врагов; что этот путь ведет к народному разорению и делает Россию добычею организованных чужеземцев.

Не понимая этого и не желая этого понять, они объясняют свое поведение тем, что преследуют классовый интерес наемных рабочих (пролетариев).

Интерес пролетария они видят в осуществлении социализма и хотя сами знают и открыто признают, что социализм *неосуществим* до тех пор, пока пролетарии составляют в стране *огромное меньшинство*, и к тому же неразвитое и неорганизованное, — тем не менее они зовут *продолжать в России революционные беспорядки*, пока не будет водворен социализм. Они называют это «непрерывной революцией»⁸ — выдавая себя за главных, настоящих и единственных революционеров, они оказываются на самом деле *злейшими врагами революции*.

Таковы те социал-демократы, или «коммунисты», которых ведет за собою Н. Ленин⁹.

13. Они суть враги революции, *во-первых*, потому, что не дают ей организовать в стране порядок, необходимый и для войны, и для продовольствия, и для созыва Учре-

дительного Собрания; этим они разочаровывают весь народ в возможности обновления через революцию; они делают революцию нецелесообразной и готовят ей быстрый конец.

Они суть враги революции, *во-вторых*, потому, что сознательно и нарочно (они проводили такие резолюции на митингах) превращают ее в *гражданскую войну* всех со всеми. Гражданская война состоит в том, что все классы, группы и граждане с оружием в руках стремятся захватить себе как можно больше различных благ, не считаясь ни с каким правом и стараясь только подчинить всех своей вооруженной воле. История показывает, что народ, разделившийся в гражданской войне, бывает рано или поздно покорен и усмирен вооруженной силой и подчинен самовластию победителя: революция приводит от старого гнета к новому, а люди, не сумевшие быть свободными, остаются рабами, хотя и меняют своего господина.

Они суть враги революции, *в-третьих*, потому, что не умеют и не хотят беречь революционную волю народа, но быстро и бесцельно растрачивают ее, заботясь не об *организации* рабочих в интересах рабочего класса и государства, а о *дезорганизации государства в интересах рабочего*. Этим они остро обособляют политику рабочего класса от всех остальных классов, восстанавливают всех против пролетариата и ставят его в неверное, недостойное и вредное положение «волка на псарне». Величая пролетариат «революционным авангардом», они стремятся превратить его в застрельщика реакции и вызывают контрреволюцию.

Всем этим они заставляют чувство народного самосохранения отвернуться от революции и революционного пути. Они подрывают в народе *веру* в то, что совершившаяся революция приведет к желанной цели, и *волю* к тому, чтобы поддерживать совершающееся движение. Этим они готовят торжество худшей из политических партий, той, которая всплывает на поверхность в эпоху всеобщего утомления, упадка и деморализации: *партии порядка во что бы то ни стало*.

14. Великая опасность для ныне совершающегося движения скрывается в том, что эти враги революции

именуются крайними революционерами и говорят так, как если бы они были самыми яркими сторонниками народовластия. Эти сторонники крайнего и непрерывного беспорядка суть опаснейшие враги революции, но это не мешает им называть «врагами революции» всех более опытных, дальновзорких и осторожных.

Беда в том, что старый порядок воспитал целые поколения русских людей в положении бесправных, подавленных и озлобленных «подданных». Они способны только к политическому *отрицанию*: к осуждению, недоверию, ненависти, подозрению, презрению и разрушению; но они не способны к созидательной работе, не ценят ее и не хотят ее делать. И те из них, которых старая власть не превратила в запуганных и скользких обывателей, которые сохранили независимость *воли* и остались верны своей политической программе, часто оказываются потерявшими, сами того не замечая, *независимость* ума и способность руководить своею страстью: они выковали себе умение говорить стойкое «нет» и настойчивое «дойди», но разучились говорить твердое «да» и творческое «пусть будет так».

Крайние левые (социал-демократы «большевики») особенно отличаются этим неумением.

15. Всякая государственная работа требует, чтобы люди, принадлежащие к *разным классам, но к одному государству*, умели находить условия для *взаимного доверия и совместной организации*, такие условия, при которых они могли бы сказать друг другу: «да, доверяю; участвую в общей работе; распределяю между тобою и мною общественные дела, обязанности и полномочия; беру на себя часть общего дела и общей ответственности». Всякая политическая работа есть в основе своей работа созидательная, ибо она даже в борьбе партий выковывает государственное единство и единый, общий для всех правопорядок, т. е. правовой порядок жизни. Эта работа непременно требует некоторого *доверия* к своим сотрудникам, а именно: признания их не своими смертельными врагами, а своими *согражданами*. Государство есть *организация*, нельзя участвовать в единой, общей организации

с тем, в ком я вижу своего смертельного врага. Быть *гражданином* — значит быть членом *государственного союза*, значит *признавать* и других людей, хотя бы и другого класса, — членами того же самого государственного союза; это значит — признавать, что у *всех* у нас одна, общая нам всем *политическая власть*, и согласно этому *хотеть* ее создания. Быть гражданином — значит иметь *волю к политическому единению*, к политической *организации* и *порядку*. Тот, кто не хочет *выковы-вать вместе* с другими новую политическую организацию с тем, чтобы, создав ее, потом *через нее врозь идти* и врозь бороться за свою политическую программу, — тот ставит *себя вне государства и вне политической организации*. Он ставит *сам себя* в положение *внутреннего отщепенца* — врага своего государства и врага своего народа.

Такой человек, может быть, сам того не сознавая, выступает в жизни как *враг своей родины*.

16. И вот, социал-демократы «большевики» непрерывно уговаривают рабочих занять именно такое положение, пагубное и для рабочих, и для всей России. Они усвоили из учения Маркса прежде всего и тверже всего, что пролетариат *одинок* в своей стране, что все остальные классы суть расхитители создаваемой пролетариатом прибавочной ценности и что поэтому задача пролетария не доверять никому из своих сограждан и вести с ними непрерывную, скрытую или открытую, гражданскую войну. По их учению, рабочий класс не имеет родины и не имеет никакой государственной связи с отечеством*. Дело родины — не есть дело рабочего, а дело рабочего — не имеет ничего общего с делом его народа и его отечества. Политическое единение — хотя бы во имя Учредительного Собрания, во имя всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, во имя демократической республики — не входит в задачи рабочего класса: пролетариат, говорят они, должен видеть свой интерес только

* Ср.: Маркс, Энгельс. Коммунистический Манифест. — Часть II; Каутский. Эрфуртская программа. — Часть V, гл. 13.

в поддержании беспорядков, в разложении всего хозяйственного и политического строя и в борьбе не на жизнь, а на смерть со своими буржуазными согражданами.

Такое поведение явно повело бы к разложению России, к военной неудаче и к гибели всего политического движения и обновления. Поэтому задача каждого русского гражданина — понять сущность происшедшего переворота, его *цель* и его задачи и объяснить понятое всем остальным.

17. Судьба России ныне зависит от того, найдется ли у ее граждан достаточно *воли к порядку и достаточно умения для организации* ее внутренней жизни.

Необходимо понять, что в тот момент, как старая власть отпала и с нею вместе отпал прежний политический строй, *необходимость порядка* не только не исчезла, но стала *условием* всего дальнейшего существования России. Обязанность поддерживать и выковать новый порядок снялась со старой власти в момент ее исчезновения и *легла всею своею тяжестью на плечи каждого из нас*. Каждый взрослый русский гражданин стал в этот момент уполномоченным участником русской государственной власти, ибо он получил неотъемлемое право участвовать в выборах Всероссийского Учредительного Собрания; каждый русский гражданин с этого момента несет на себе *ответственность за судьбу всей России* — в ее военных, хозяйственных и политических делах. Каждый из нас ныне уже не «подданный», ожидающий одних приказаний, а *гражданин*, несущий в себе частицу государственной власти и отвечающий *за каждый свой шаг* перед всем народом и перед будущими поколениями.

Это значит, что спасение России стало, как никогда ранее, *делом каждого из нас*, это значит, что *организация и порядок* стали первой и ближайшей *всероссийской* задачей, разрешение которой зависит от *каждого из нас*.

ДЕМАГОГИЯ И ПРОВОКАЦИЯ

1. В тех странах, где народные массы не обладают ни достаточным политическим развитием, ни достаточной политической организованностью, народное правление приводит с собой целый ряд дурных, болезненных явлений, которые можно обозначить так: *политическая нечестность пользуется темнотою народа*. Если эти явления получают распространение или даже господство, то народное правление оказывается неспособным руководить жизнью государства: оно быстро вырождается и, подорвав веру в свободу и демократию, уступает место старому строю и старому гнету.

2. Введение народного правления сразу резко изменяет самое *строение* государства.

Без полномочия на власть («публичного полномочия») вообще нельзя властвовать от лица государства — ни при каком строе. Но по введении народного правления источником такого полномочия оказывается *сам народ*, передающий его посредством *избрания*: властвовать от лица государства может только тот, кто заручился на выборах *доверием и одобрением* народа. В этом основная сущность *демократии*: правление исходит от самого народа, который должен *избирать наилучших и честнейших* граждан и передавать им на срок ведение государственных дел за их личной ответственностью и за ответственностью их партий. При этом граждане, уполномоченные народом к власти, должны вести себя как *ответственные слуги государства*. Служение их состоит в том, что они посредством законов, указов и распоряжений устраивают государственную жизнь, руководясь своею политической программой; в политической же программе, которою они себя связывают, изложено их понимание государственного, т. е. всенародного, блага. Голосуя на выборах за какую-нибудь партию, народ выражает ей свое доверие и одобряет ее программу, а партия оказывается связанной обещаниями и обязательствами своей программы: и так, доверяя и одобряя, народ передает ей *полномочие служить государству, властвуя от его лица и исполняя свои политические обязательства*.

3. В этом порядке есть глубокая правильность. Нельзя решать за взрослых и сознательных граждан, в чем их благо, и наделять их этим благом принудительно: это значит — рассматривать их как малолетних. Нельзя управлять народом вопреки его воле: это значит — делать людей рабами. Нельзя заставлять людей жить так, как они этого не хотят: это значит — ставить их в положение животных.

Но этот порядок имеет свои затруднения и опасности. Далеко не всякий, не всегда и не во всех отношениях знает и понимает, в чем состоит *его собственное* благо, в чем интерес его *класса* и в чем благо *всего народа и государства*. Народ часто бредет в политике ощупью, недостаточно понимая свою задачу и не зная, кому верить и за что стоять. И поэтому в его среде легко распространяется уверенность, что в политике надо и можно стоять только за себя, да разве еще за свой класс; что политическая жизнь есть простое состязание частных и классовых интересов и что средняя линия государственного дела слагается сама в этой борьбе *неограниченных притязаний*, что надо всегда «требовать» как можно больше и что *всякая* ссылка на государственный интерес есть простое лицемерие.

Неспособность подняться до правильного понимания политической жизни заставляет темного, несознательного человека верить только тому, кто отстаивает его личный и его классовый интерес *без всяких ограничений*, и голосовать за ту партию, которая «обещает» ему больше других. Несознательность мешает ему понять, что *исключительное* торжество какого-нибудь одного класса может идти только в ущерб другим классам и что оно неизбежно должно вызвать с их стороны, рано или поздно, такой озлобленный отпор, который сведет к нулю все добытое. Точно так же неосведомленность мешает ему рассмотреть, *возможно ли, осуществимо ли* то, чего он требует и что ему обещает его партия.

В результате всего этого народная темнота ведет к тому, что народу не удастся выйти на верный путь *государственной* политики, а узкоклассовая борьба, лишенная государственного понимания, отдает его во власть *демагогов*¹.

5. Политическая партия, стоящая на высоте, *не ищет и не может искать* власти *во что бы то ни стало*.

Она составляет свою программу на основании того, как она *действительно понимает* государственный, т. е. всенародный, интерес. Она отправляется от того, что благо государства включает в себя *каждый справедливый общественный интерес каждого гражданина и каждого класса* и что, обратно, каждый интерес государства есть тем самым *кровный интерес каждого класса и каждого гражданина*. Нет и не может быть такого справедливого классового интереса, который не был бы в то же время интересом всего государства в целом; но зато и интерес каждого класса неизбежно ограничивается интересом государства и справедливыми интересами других классов. Поэтому *ни одна сознательная и честная* политическая партия не может включать в свою программу требований, отстаивающих *несправедливый* или *противогосударственный* интерес какого-нибудь класса; ни одна сознательная и честная политическая партия не может отстаивать такой классовый интерес, который *совершенно исключает* существование граждан другого класса, как бы стирая их с лица земли; и наконец, ни одна сознательная и честная политическая партия не может и не должна строить свою программу на требованиях народа, которые она признает не подлежащими, по справедливости, удовлетворению. Всякие отступления от правила, всякие допущения партийных «подачек» народу, «приманок», «соблазнов», «зазывающих обещаний» и «посулов» вносят в политическую жизнь *разложение*: они низводят политику на уровень недостойного торгашества, разжигают корысть и строят государственную жизнь на явной лжи и тайном подкупе. Такие партии лишают уважения и себя, и все государственное дело. Нельзя взывать к корыстной слепоте народа: иначе в жизни водворяется *политическая порочность*. Но именно так поступают *демагоги*.

6. Демагог есть политический деятель, который старается *во что бы то ни стало* привлечь к себе доверие и одобрение народа, и особенно избирателей.

Подобно тому как при старом строе честолюбцы и властолюбцы, искавшие власти *во что бы то ни стало*,

толпились вокруг трона, стараясь попасться на глаза, угодить, выслужиться и получить полномочие на власть; подобно этому при новом строе все, *ищущие власти во что бы то ни стало*, идут к народу с тем, чтобы угодить ему, выслужиться перед ним на словах и заручиться его голосами на выборах. Такие люди преследуют в политике не всенародный интерес и не государственные цели; они имеют в виду *частный* интерес своей политической партии и своего класса, а в худшем случае — *частный* интерес своей личной карьеры. Политическое воспитание народа, научающее людей быть гражданами, т. е. по доброй воле сливать свой интерес с интересом государства и переживать свою политическую свободу как ряд ответственных обязанностей, ничего не говорит их уму и сердцу. Они строят благо свое и своей партии не на зрелости народа, а на его незрелости и обращаются к народу не с тем, чтобы воспитать его к государственной жизни, а с тем, чтобы упрочить в нем неспособность к ней.

7. Политическое воспитание народа состоит прежде всего в том, чтобы научить народ *самостоятельно думать* о государственной жизни, понимать ее задачи и самостоятельно действовать во имя ее целей.

Именно эта самостоятельность в мысли и действовании неизбежно положит конец демагогии. Понятно, что демагог совсем не имеет интереса спешить навстречу своему концу и поэтому относится враждебно к политической самодеятельности народа. Он не просвещает тех, кому говорит, а запутывает, отводит глаза, наводит на ложный след. Он обращается не к разуму народа и не к доброй воле его, а к темному чувству и корыстной страсти. Лишенный чувства ответственности, он не выясняет истинное положение дел и не объясняет его, а искажает так, как это ему нужно. Он не доказывает, а прельщает или пугает; он старается разбудить в душах чувство подозрения, обострить недоверие, вызвать непримиримую жадность и ненависть. Он все время работает над тем, чтобы ослепить взор и заглушить разум, и в этой темноте выковывает свой успех.

8. Демагог ищет *слепого доверия* к себе; только оно удовлетворяет его, ибо зрячий ум быстро разглядит его

настоящую цель, быстро поймет, что за неистовыми словами скрывается не государственный интерес, а *частный*.

Добиваясь слепого доверия, демагог стремится освободить себя от возможной проверки его слов и необходимого контроля за его делами. Для этого, между прочим, он стремится поселить недоверие в народе ко всем остальным деятелям и партиям. Он ищет всегда изобразить своего противника как «обманщика» и «предателя» или, по крайней мере, как «контр-революционера», изобразить его как хитрого лжеца и лишить его всякого доверия; критика его постоянно похожа на инсинуацию (т. е. недостойное и неверное обвинение), возражения его постоянно компрометируют (т. е. лишают доброго имени). Добиваясь слепого доверия к себе, он истребляет доверие к другим; а сам не доверяет никому — ни другим партиям, ни самому народу.

Поэтому демагог вносит в политическую жизнь дух вражды, злобы и разъединения, подрывающий ту *необходимую* волю к единению, без которого народ не может создавать и иметь *единую и общую* государственную власть, т. е. не может оставаться единым государственным союзом.

9. Демагог ведет себя *перед народом*, как *угодливый льстец*, а *в отсутствии народа* — как *повелитель и деспот*. Обращаясь к народу, он ставит его выше себя, преклоняется перед ним, заискивает, а подчас бывает готов и на публичное унижение. Но именно тот, кто в глаза унижается перед народом, тот за глаза относится к нему с пренебрежением. В этом демагог подобен льстивому царедворцу, который часто тем более презирует своего владыку, чем раболепнее склоняется перед ним, угождая.

Демагог старается говорить народу то самое, чего народу хочется; но только для того, чтобы преклонить народное мнение на свою сторону и навязать ему *свое желание*. Слепое доверие необходимо ему для того, чтобы потом, заручившись им, говорить *от себя* за народ, *вместо* народа. Демагог ищет деспотической власти, но делает вид, будто ищет народную волю и творит только ее. Бросая народу подачки, он стремится самовластно вести его за собою так, как опытный сторож ведет за собою в клетку убежавшего носорога: бросив ему в рот желанную

жвачку, но не давая проглотить, он подергивает за нее и побуждает тем идти за собою.

10. Но если демагог не ищет подлинного выяснения *народной воли*, то он не является *демократом*: ибо демократ стремится прежде всего выяснить *действительную и сознательную политическую волю народа*, с тем чтобы подчинить ей пути государственной власти.

Демагог есть менее всего демократ: он — *деспот*, преследующий свой партийный или личный интерес. Он — деспот, который стремится господствовать не силой окрика или оружия, а силою лести, корысти и темноты. Он не ищет народной власти, а стремится выдать *свою* волю за волю народа. Он ищет власти, а не народовластия. Он хочет властно вести народ за собою, а не быть несомым народною силою. Ему важно, не что народ идет, а что *он ведет* за собою *толпу*. Ему важно получить голоса, но ему неважно, чтобы эти голоса были поданы сознательно и согласно с интересами государства. Он яростно изобличает других в том, что они не считаются с «желаниями многомиллионного народа», а сам стремится не взять свои лозунги у сознательного народа, но навязать *свой лозунг* бессознательным массам.

Демагог не верит в народ, в его природный разум, в его способность *понимать* и *иметь свою собственную волю*. Он боится этого понимания и этой самостоятельной воли; он *боится народа* и его подлинного голоса и не верит ему. В сущности говоря, народ всегда остается в его глазах толпою или даже чернью.

Поэтому демагог есть худшая разновидность деспота: он — *пресмыкающийся властолюбец*.

11. Демагоги, завладевая вниманием и доверием народа, ведут политические дела так, что народная *организация* оказывается *мнимой* и существует только по внешней видимости.

Они не имеют за собою никакой действительной силы и не умеют ее организовать. Поэтому они не знают, что такое *настоящий учет сил*: им некого и нечего подсчитывать, потому что они остаются всегда *минутными* вожаками толпы и теряют связь с народом тотчас же после того, как пройдет минута шумного выступления. Прохо-

дит момент, волна движения стихает, вожаки уходят к власти или исчезают, а распыленная и бессознательная масса народа остается с преувеличенными надеждами и требованиями и в состоянии острого разочарования. Между тем настоящая политическая организация, если она действительно возникла, существует не только во время общественного подъема, но и во время упадка движения. Политические деятели и борцы, раз устроив политическую партию, не теряют связи друг с другом и в то время, когда политическая жизнь, по-видимому, входит в свое обычное русло и как будто затихает: они по-прежнему помнят свою общую цель, сохраняют свой союз и поддерживают друг в друге бодрость, веру в дело и желание бороться дальше. Политическая партия, хорошо организованная, не идет за демагогами и не разделяет их судьбу.

12. Понятно, что такое состояние *бессознательности и распыления*, такая ослепленность *страстью и узкоклассовым интересом*, — оказываются в высшей степени подходящими для врагов народа.

Наемные слуги старой власти умеют ловко пользоваться этим состоянием и сами принимают на себя *обличие демагогов*.

Пользуясь тем, что массы народа не знают своих вожаков и что вожаки приходят к народу извне, агенты старого порядка проникают в революционные партии или даже сами устраивают подобие особых партий — то крайних левых, то крайних правых. Они легко и быстро усваивают манеры и речи демагогов, а страстность движения и бессознательность народа помогает им укрываться за личиною вожаков. Они вкрадываются в доверие и ловкими маневрами ищут погубить все дело.

Задача этих агентов, называемых «провокаторами», состоит не только в том, чтобы узнать имена и замыслы революционных вождей и положить конец их деятельности доносом и арестом, но нередко и в том, чтобы *усилить среди них демагогию*, овладеть движением изнутри и направить его к гибели. Задача их в том, чтобы *окончательно* запутать сознание народа, разжечь в нем страсти, ослепить его разум и в то же время сосредоточить на себе

его доверие, а в своих руках — руководство движением. Достигнув этого, они вызывают в партии и в народе склонность к нелепым и вредным начинаниям: например, открыть вооруженную борьбу тогда, когда у народа нет оружия, а войска поддерживают старую власть; или начать дикий и бессмысленный погром лавок и домов, с тем чтобы восстановить все остальное население против погромщиков и лишить сторонников революционного беспорядка всякого сочувствия; пока старое правительство на месте, они стараются отвлечь от него гнев народа и устроить ему «революционный громоотвод», сливая вину на евреев, на армян, на масонов, на студентов, на профессоров или на кого угодно; а как только старое правительство оказывается низложенным, они подговаривают народ идти против временного правительства, выдумывая о нем разные небылицы и всячески стараясь обострить беспорядки и вызвать в деревнях погромы и поджоги. Им необходимо как можно скорее растратить и утомить революционную волю, напугать всех беспорядком и безначалием и заставить желать *порядка во что бы то ни стало*, хотя бы ценою свободы и обновления.

13. Их называют «провокаторами» потому, что они стремятся *вызвать* (провоцировать) народ на такие поступки, которые выгодны *им*, но *пагубны для народного дела*. Когда им надо, они *вызывают* панику, а когда надо — ярость. Они подражают ловкому карманнику, который кричит в театре «пожар!» и во время общей суетоки вытаскивает кошельки и бумажники. Или они подражают той овце, которая бросается бежать через рельсы, сама перебегает и спасается, но увлекает все остальное стадо под поезд. Они знают, что гнев народа непобедим, если он накапливается медленно, если он зреет в страданиях и размышлениях и организуется; именно поэтому они стремятся то отвести его на другое, то разрядить его раньше времени, то не дать ему сорганизоваться: разряженный пистолет не опасен, и они стараются заставить разрядить его в воздух. Они выбирают то вредный момент, то вредный способ действий, то вредное направление. Они овладевают рулем только для того, чтобы посадить корабль на мель или бросить его на ска-

лу. Для них хороши *все* средства, когда надо добиться успеха: провокатор может притвориться революционером для того, чтобы потом провороваться и подорвать доверие к партии; но он может притвориться и монархистом, который кричит и проливает слезы при виде царя.

Провокатор есть человек, который, служа за деньги старому порядку, стремится погубить народное движение посредством политического притворства, лжи и предательства, посредством коварного подталкивания людей на вредные и глупые поступки. Понятно, что народная темнота и неорганизованность открывают ему настежь двери; понятно также, почему поведение демагогов особенно благоприятствует его пагубным начинаниям.

14. Провокация может иметь успех только там, где народ политически *бессознателен* и *неорганизован*, где ум его *ослеплен страстью* и не может трезво разбираться в событиях жизни. Но именно такое состояние поддерживает в народе демагогия. Поэтому демагоги, иногда сами того не зная, готовят почву для провокаторов: они создают в политике ту «мутную воду», которая необходима агентам старого порядка. *Недостаточная политическая честность* создает те условия, в которых потом делает свое дело *политическая подлость* и *политическое предательство*.

Так, если партийный вождь способен утверждать неправду, а народ способен ему верить, — то для злостной лжи провокатора в душах приготовлено помещение. Если партийный вожак не умеет учитывать и беречь силы и народ не привык к обдуманности в решениях, то провокатору ничего не стоит толкнуть движение в сторону нелепого и вредоносного взрыва. Если партийный вождь недостаточно известен народу и пристегивается к движению извне или в последний момент, — то провокатору легко пристегнуться рядом с ним. Если народ неорганизован, — то он представляет из себя пеструю толпу со случайным составом, а толпа всегда имеет неустойчивое настроение и, подобно ребенку, отдается первому острому впечатлению и порыву. И так же во всем остальном.

Вредно и пагубно жить в политике одним чувством; еще вреднее и пагубнее приучать к этому народ. Полити-

ческое просвещение («пропаганда») должно всегда и непременно готовить всякое политическое действие; призыв действовать («агитация») только тогда не есть призыв губить дело, когда призывающий объясняет, а призываемый понимает, что нужно делать и для чего именно. Политическая борьба имеет смысл только тогда, если ею руководит воспитанная воля и просвещенный разум, т. е. воля, умеющая владеть страстью, и разум, понимающий *цель* политической борьбы и ее *средства*.

Тот, кто хочет участвовать в политической жизни, должен прежде всего отчетливо *понять*: что такое государство? каковы его цели? в чем задачи политической борьбы? что такое право? что значит быть гражданином? что такое политическая свобода? что такое политическая партия? что такое партийная программа? и какими путями можно и нельзя идти в политике?

Тогда он поймет все опасности, к которым ведет господство *чувства* и *страсти* в политике: он поймет, что демагог взывает к *одному чувству*, а провокатор разжигает необузданную *страсть*.

15. Теперь уже нетрудно понять, почему именно крайние партии особенно подвержены ошибкам демагогов и участию провокаторов.

Это объясняется тем, что в крайние партии входят люди, особенно остро неудовлетворенные существующим строем: крайние правые хотят резко изменить его в пользу деспотизма, богатых классов и несправедливости; крайние левые хотят резко изменить его в сторону народного правления, в пользу неимущих классов и справедливости. Между теми и другими есть глубокое различие — и политическое, и общественное, и нравственное. И несмотря на все эти различия, они похожи друг на друга в том, что руководятся в политике прежде всего *страстным чувством*. Страсть всюду остается страстью: дурная страсть крайних правых, отстаивающих свой несправедливый классовый интерес, настолько же может отнять руководство у воли и разума, насколько и благородная страсть крайних левых, отстаивающих справедливый классовый интерес. Эта классовая и политическая страсть ослепляет взгляд вождя и туманит понимание народа.

Злая корысть, направляя поведение крайних правых («Союз русского народа»), лишает их всякого нравственного и политического смысла; она ведет их по пути погромов, доносов и беззастенчивой лжи и ставит их на одну доску с провокаторами. Это² люди *совершенно лишены правосознания и чувства ответственности.*

Справедливо, но узко и односторонне понятый классовый интерес, направляя крайних левых (социал-демократы «большевики», «максималисты», анархисты), лишает их трезвого и верного понимания того, что теперь на самом деле происходит и что при существующих условиях возможно и осуществимо; это заставляет их тяготеть к длительным революционным беспорядкам, к захватной борьбе и разжиганию классовой ненависти. Они не видят того, что такой способ борьбы растрчивает революционную волю народа на мимолетные завоевания и отвлекает силы от организации. И когда они допускают демагогические приемы в обращении к народу, то они обнаруживают, что у них в душе живет *нездоровое, изуродованное правосознание* — печальное наследие старого строя.

16. Не следует думать, однако, что демагогия уживается только в крайних партиях, и что провокация есть прием борьбы, свойственный только переодетым агентам старого строя.

Демагогические приемы могут пускаться в ход людьми самых различных партий и воззрений; повсюду и всегда эти приемы остаются *порочными*. Каждый раз, как партия для привлечения голосов на выборах включает в свою программу пункт, отстаивающий в виде «подачки» интерес, который она не признает справедливым и которому она не сочувствует, — она оказывается повинною в *частичной демагогии*. Каждый раз, как оратор, обращаясь к народу, доказывает свое мнение не по существу, не от предмета, а стараясь привлечь на свою сторону корысть, или честолюбие, или слепую страсть, или дурную склонность своих слушателей, — он бывает повинен в *демагогии*: он низводит политику и сам опускается до уровня тех людей, которые ищут *не политической правды, а политической заразы*. Всякий, кто думает, что *истина*

меняется в зависимости от человеческого мнения; что о любом предмете можно говорить и *за*, и *против*, сразу имея два «убеждения»; что истина — это то, в чем я сумею «убедить» других и т. д.; всякий, кто говорит к народу не по совести и не от совести, не будучи сам твердо убежден в том, что отстаивает, — всякий в большей или меньшей степени окажется, сам того не замечая, повинным в демагогии: он начнет неизбежно *приспособлять* истину и свое *убеждение* к мнению слушателей, заставляя свою совесть и свою речь *пресмыкаться перед мнением толпы*. К демагогическим приемам может обращаться и дурное правительство, с тем чтобы прикрыть свою корысть волею народа.

Демагогия есть *яд*, который незаметно проникает в людские души, и только *мысль да честное повиновение совести* в делах политики могут служить здесь противо-ядием.

17. Тяготение к *демагогии* вспыхивает в политической жизни особенно тогда, когда в связи с народным движением выдвигаются идеи *демократии*. При недостаточной политической зрелости народа это тяготение обнаруживается в самых различных общественных организациях.

Всегда и всюду есть высшие и низшие. Более опытные, более образованные, руководители дела, начальники всегда стоят и *всегда будут стоять* выше менее опытных, менее образованных сотрудников, помощников и подчиненных. Никакое *политическое равенство* не устраняет этого и не устранил. Политическое равенство состоит в том, что *каждый* человек, без исключения, признается *гражданином*, имеет *один* голос на выборах и *может получить доступ* (в зависимости от ума, таланта, знания, честности и опыта) ко *всякому* званию и должности. Но такое равенство совсем не означает, что каждый гражданин способен занять всякое место и всякую должность по своему усмотрению; такое равенство совсем не означает, что каждый гражданин может делать все, что захочет; что всякий ко всему уполномочен; или что никто никому не обязан подчиняться; или что необразованный человек способен делать то же самое, что делает образованный, и т. д. Учитель *всегда* останется выше ученика,

директор — выше подчиненного, врач — выше фельдшера и сиделки, офицер — выше солдата, мастер — выше рабочего, министр — выше простых чиновников. Они будут всегда *равны как граждане*, но в своем деле они будут всегда *не равны*.

И вот, дурное, ложное понимание демократии приводит к тому, что люди перестают с этим считаться и воображают, что каждый равен каждому *во всех отношениях*. Они не понимают, что *большее полномочие* возлагает на человека *большую обязанность* и *большую ответственность* и что не всякий человек способен взять на себя эту *большую ответственность* и *большую обязанность*; они не понимают, что тот, кто желает иметь высшее полномочие, должен обладать высшими способностями: мало того, что он *по праву*, в определенном правовом порядке, т. е. с согласия других, ведающих это дело, должен взять на себя и эту высшую обязанность, и эту высшую ответственность. После долгого политического гнета душами людей овладевает *слепое влечение к равенству* и слепое преклонение перед ним. Дурная привычка беспрекословно и во всем повиноваться и лишь про себя протестовать превращается в *полное нежелание повиноваться*; всякий думает, что он во всем «не глупее других» и «тоже может распоряжаться»; мало того: слагается уверенность, что в этом-то и состоит сущность демократии и что все устроится быстро и к лучшему, если властей будет столько, сколько голов.

Если высшие не стараются разъяснить низшим ошибочность этого убеждения, но сами подговаривают их действовать в этом направлении, то они становятся *демагогами* самого неприглядного свойства. Из страха, или из корысти, или от политической незрелости они отдают свое дело, свое ответственное полномочие, свое призвание — в безответственные, неумелые, непризванные руки и тем обнаруживают, что сами не понимают сущности демократии. Ибо демократия *не* состоит в том, чтобы *правили худшие*, а в том, чтобы народ умел выбирать *лучших* и, признавая их правление, помогал им устраивать государственную жизнь к лучшему. Можно быть заранее уверенным, что такой демагог станет худшим деспотом при возвращении старого строя.

18. Неправильно было бы, далее, думать, что *провокация* есть прием борьбы, свойственный только переодетым агентам старого строя. В общественной жизни люди часто обращаются к таким приемам, которыми они пытаются вызвать со стороны противника вредный для его собственного дела поступок: например, в споре — обнаружить слабую сторону своего воззрения; или на войне — обнажить какую-нибудь часть своего фронта; или в игре и фехтовании — сделать неловкое движение. В политике провокация получает *порочный* характер тогда, когда она ищет *погубить* противника *коварством* или *обманом*.

Так, фабриканты могут в подходящий момент объявить рабочим массовый расчет (локаут) для того, чтобы вызвать с их стороны беспорядки, которые затем будут подавлены вооруженною силою, арестами и высылками. Так, венское реакционное правительство отменило 19 августа 1848 года правительственное пособие безработным для того, чтобы вызвать волнения среди рабочих и тем внести раскол между рабочими и национальной гвардиею. Таким образом, политическая провокация обычно пускает в ход все те уловки, которые известны под названием *военных хитростей*: это, естественно, делает борющихся *врагами* и вводит в жизнь начало *гражданской войны*. Деление народа на политические партии отходит на задний план и уступает свое место делению народа на два или более враждебных лагеря. Враги стараются посредством взаимной провокации не дать друг другу собраться и организовать свои силы, не дать заключить союз, вызвать друг у друга несогласие, раздор, панику, разложение и т. д. Государственная жизнь превращается тогда в поле брани, политическое единение исчезает и гражданская война охватывает страну.

Борьба на путях взаимной провокации оказывается не *политическим состязанием*, а *противогосударственною* взаимною *враждою* сограждан; она расшатывает самые основы государства и готовит конец политическому обновлению.

19. Политическая сознательность и организованность постепенно искореняют и демагогию, и провокацию.

Демагогия исчезает по мере того, как народ научается знать, что ему нужно, чего он желает и вместе с тем что возможно и невозможно. Народная воля и народное решение не предлагаются уже народу извне, со стороны, но вырастают из подлинной народной потребности и подлинного народного понимания. Политическая программа начинает слагаться в правильном порядке: в нее входят *потребности* народа, которые народ сам *осознал* и удовлетворения которых он *действительно желает*.

Сам выдвигая свои потребности и слагая свою волю, народ начинает выдвигать и своих вождей из своих собственных рядов. Руководитель партии, выдвигаясь из народной среды, перестает быть «вожаком» и становится истинным *вождем*: он сам выстрадал то, о чем говорит, и сам, подлинным опытом, дошел до необходимости того, что теперь отстаивает; умудренный своими и народными страданиями, он несет свои требования *от* народа и *из* народа. Он уже не ведет за собою темную толпу: сознательный народ несет его на своей вершине. Он уже не боится народа, потому что он сам живой орган народа. Он несет свое полномочие как трудную обязанность и сам дорожит своею ответственностью перед народом. Народ доверяет ему как самому себе, а он доверяется народу как своей политической совести. Вождь и народ оказываются спаянными общей целью, общею деятельностью и общею ответственностью: их питает одинаковое сознание, их ведет одинаковая воля.

В среду таких вождей уже не может замешаться провокатор, призывы его, идущие со стороны, такому народу не страшны. Организованность народа и духовная связь между ним и его вождем исключают возможность случайных влияний; истинная организация связывает своих членов непоколебимым взаимным доверием и поддерживает в них сознательное и мужественное спокойствие. Организованный народ никому не позволит вызвать себя на вредные решения и нелепые поступки. Он уверенно и спокойно идет к своей цели, создавая истинное народное правление и свободную, достойную жизнь.

ПОЧЕМУ «НЕ НАДО ПРОДОЛЖАТЬ ВОЙНУ»?

1. По вопросу о продолжении войны вся свободно говорящая Россия разделилась в настоящее время на две неравные части. Огромное большинство русских граждан понимает, что войну необходимо продолжать до тех пор, пока не восторжествует правое дело. Кровный интерес всего русского народа в том, чтобы отстоять свои земли; чтобы не отдаться германцам в кабалу и не платить им дань; чтобы отстоять свою внутреннюю свободу от войск Гинденбурга, который собирается на Петроград для восстановления старого строя; чтобы сломить воинственного соседа, всегда готового порвать все международные соглашения и пролить реки крови ради своей выгоды; чтобы заставить его согласиться вместе со всеми на разоружение и на подчинение международным судам; чтобы поддержать до конца наших союзников, отстоять вместе с ними дело демократии и восстановить раздавленные германцами малые государства.

Необходимо, чтобы русский народ вышел из этой войны с верою в свои силы и с уважением к себе, сознавая, что он боролся за свободу от иноземного ига *добровольно*, а не только из-под палки старого правительства; сознавая, что он добыл себе свободу внутреннюю и внешнюю, соблюл до конца свои союзные обязательства и обеспечил своим детям новую, лучшую жизнь.

Таков подлинный духовный, правовой и хозяйственный интерес всего русского народа, и особенно трудящихся масс: ибо каждая новая война, которую опять затеет воинственный и кичливый сосед, падет на трудовой народ новым тяжелым бременем крови, голода и налогов.

Но почему же социал-демократы «большевики», небольшая группа людей, объявляющих себя сторонниками народовластия (демократами), продолжают настаивать на окончании войны и подговаривают рабочих и солдат составлять такие резолюции (приговоры)? Зачем они мешают Временному правительству вести международные дела России со всем достоинством, которое подобает политически зрелому народу? Зачем они, пользуясь тем,

что среди народа и солдат есть люди темные, что весь народ устал от войны, подсказывают рабочим малодушное решение — отказаться от продолжения войны и поддерживать свое решение беспорядками.

2. Из того, что они сами пишут в газетах и говорят на собраниях, вытекает, что они понимают необходимость обороняться от наступления Гинденбурга. Но о том, что действительная оборона состоит в активном наступлении, они не желают и слышать. Они не поддерживают замысла «открыть минский фронт и впустить германцев для наведения в России порядка»; но они устами своего вожака Ленина призывают солдат впускать немцев в свои окопы для «братания», не считаясь с тем, что это «братание» есть со стороны врагов простая шпионская уловка. От Гинденбурга они не ждут для России ничего хорошего, но от тех его солдат, которые были до войны наемными рабочими и социал-демократами, они ожидают всяческой поддержки делу русской свободы. Они не предлагают солдатам прямо сдаваться в плен или бежать из действующей армии, но постоянно учат их не верить офицерам, не слушаться их — и этим расстраивают дисциплину в армии. Они не говорят, что тыл должен прекратить поддержку и снабжение армии, но делают все, чтобы это понемногу вышло само собою: они подговаривают граждан не доверять Временному правительству, они зовут крестьян захватывать земли насильственно, они зовут рабочих продолжать революцию непрерывно — словом, они изо всех сил стараются расстроить вконец всякую организацию в стране: и политическую, и хозяйственную, и военную; организацию, которая только что начала налаживаться.

Во всем этом есть зловерное внутреннее противоречие. Они, по-видимому, сами не решаются высказать до конца то, что думают и к чему направляют все дело. Чего же они хотят и как все это надо понимать? И почему социал-демократы «меньшевики», несогласные с ними, не хотят остановить их вредную агитацию?

3. Социал-демократы объявляют себя политической партией, отстаивающей интерес *пролетариата*.

Пролетариатом они называют класс *наемных рабочих*, не имеющих ничего, кроме своей рабочей силы: пролета-

рии — это те, кто не владеет средствами производства — ни землей, ни фабриками, ни машинами, ни денежным капиталом, но живут продажей своего труда. Поэтому они оказываются в полной зависимости от капиталистов и вынуждены работать на их фабриках и на их земле столько, чтобы покрывать и свою заработную плату, и расходы по производству и торговле (напр<имер>, наемную плату за землю под фабрику, процент на основной капитал, плату приказчикам, скидку торговцам, налоги государству и т. д.), и наконец, *давать прибыль фабриканту*. Если бы рабочий не работал, если бы он не создавал «прибавочную ценность», т. е. если бы он не зарабатывал больше, чем получает сам (в виде заработной платы), то никто не имел бы никакого дохода. Поэтому, говорят социал-демократы, все классы общества живут за счет рабочего, забирая себе большую или меньшую часть созданного им избытка и уменьшая этим его заработную плату. Пролетариат есть тот класс, трудом которого пользуются все остальные (буржуазные) классы, обирая (эксплуатируя) его и затрудняя ему борьбу за существование.

Поэтому пролетариат занимает в каждом государстве особое место: он отчужден от других классов и имеет свой, противоположный их интересу, классовый интерес. Социал-демократы и объявляют себя политической партией, поддерживающей этот классовый интерес пролетариата.

4. Этот классовый интерес пролетариата состоит в том, чтобы изъять из частной собственности все средства производства (все земли, все фабрики, все машины и все денежные капиталы) и сделать их собственностью государства, которое и устроит все народное хозяйство ко всеобщей пользе и справедливости. Такой строй называется *социалистическим*.

Переход к социалистическому строю (или «социализму») будет возможен только тогда, когда пролетариат завладеет государственной властью; а это будет невозможно до тех пор, пока другие классы, не желающие расставаться с частной собственностью на средства производства, составляют большую часть народа. В настоящее время пролетариат составляет в России приблизительно 7% всего населения (около 12 миллионов из 170

миллионов). Но социал-демократы высчитывают, что во всех странах пролетариев становится постепенно все больше и больше и что когда-нибудь, в более или менее отдаленном будущем, им удастся послать от себя в парламент (у нас — в Государственную Думу) большую часть народных представителей. Тогда социалисты захватят в свои руки всю полноту верховной государственной власти («диктатуру») и приступят к осуществлению социализма.

Таким образом, по учению социал-демократов, пролетариат есть тот класс, интерес которого связан с торжеством справедливости; однако этот интерес противоположен интересам всех остальных «буржуазных» классов, и это делает пролетария в его собственной стране отъединенным чужаком.

5. Пролетариат имеется в каждом государстве, и всюду он находится в одинаковом положении: всюду он борется за свой особенный классовый интерес, противоположный интересам всех других классов. Отсюда вытекает, что пролетарии всех стран стремятся к одинаковой цели и что им следует объединяться и помогать друг другу. В каждом государстве пролетариат окружен врагами у себя на родине и имеет друзей только за границей: так, социал-демократы всегда настаивали на том, что русский пролетарий имеет общий интерес с французским и немецким пролетариатом и вынужден постоянно бороться с русскими гражданами *не-пролетариями*, они всегда настаивали на том, что пролетариат вынужден вести оборонительную и наступательную борьбу со своими согражданами и что ему необходимо поддерживать мир и действовать солидарно (т. е. бороться за одинаковый интерес) с пролетариями других стран.

Вот почему социал-демократы всегда отодвигали на второй план *политическое* деление народов на *различные государства* и объявляли наиболее важным или даже единственно важным *хозяйственное* деление народов на различные классы. По их учению, важно не то, кто к какому *государству* принадлежит, все дело в том, кто к какому *классу* принадлежит. Так, пролетариат разных государств составляет единый союз, объединенный оди-

наковым интересом; а граждане *одного и того же государства, но разных классов* — подобны врагам, запертым в одну комнату и вынужденным бороться не на жизнь, а на смерть.

б. Отсюда возникло учение социал-демократов о том, что *пролетарий не имеет родины*.

«Рабочие не имеют отечества», — пишут Маркс и Энгельс в своем «Манифесте» (часть II). Развивая эту мысль, последователь их и признанный учитель партии Каутский, на сочинениях которого воспитываются целые поколения социал-демократов, излагает это так: «Капиталистический способ производства оторвал рабочего от почвы, сделав его неимущим. У него нет прочного отеческого дома, а потому нет и нравственной связи с отечеством. Подобно купцу, и он усваивает положение: где наилучшие условия работы, там и отечество» («Эрфуртская программа», часть V, глава 13). «Отправляясь на чужбину, он в большинстве случаев выбирает страну, где законы и государственный строй благоприятнее рабочим, чем на родине». И, поселившись там, «современный пролетарий отрывается от отечества гораздо полнее, чем странствующий подмастерье цехового периода или купец. Он становится истинным космополитом» (т. е. гражданином вселенной), «его отечество — весь мир» (там же).

Если усвоить эту точку зрения, то окажется, что пролетарий действительно *не имеет родины* и потому не может иметь патриотизма, т. е. *любви к отечеству*. «Законы, мораль, религия являются для него не более как буржуазными предрассудками, под которыми скрываются те или другие буржуазные интересы» («Манифест» Маркса и Энгельса, отдел I). Таким предрассудком оказывается и *родина*.

По учению социал-демократов, жизнь каждого человека определяется всецело его классовым интересом, так что во всех делах своих он служит только своей выгоде и явно или тайно любит только ее. Хозяйственная жизнь народов исторически сложилась так, что класс пролетариев не владеет ни землею, ни фабриками, ни машинами, ни денежными капиталами и что поэтому интерес его противоположен интересам всех других классов, стремящихся оттяпать у него часть созданной им «при-

бавочной ценности»; и вот, думают «большевики», пролетарию было бы вредно и нелепо поддерживать в чем-нибудь другие классы в ущерб своему собственному интересу. У него нет такого общего интереса со всеми остальными согражданами, который мог бы объединить его с ними в один *всенародный союз*; у пролетария нет *родного* народа, *родного* государства — у него нет отечества: он *не может* любить свою родину, ибо ему *не за что* ее любить, он и *не должен* ее любить и на самом деле *не любит* ее. Родина для пролетария — *пустой звук*: где выгоднее и свободнее живется — там ему и родина.

7. Можно думать, что социал-демократы «меньшевики» расходятся с «большевиками» уже в этом основном пункте. И если они склонны признать, что рабочий не может не иметь родины и что поэтому ему естественно отстаивать не только дело своего угнетенного класса, но и справедливое дело своего отечества, — то они в этом глубоко правы.

Душевное и духовное состояние рабочего является исключительно тяжелым во время войны. Существующий хозяйственный строй, особенно при старом порядке, ставит его в положение *пасынка* у него на родине. *Справедливый интерес пролетария* не признается интересом *самого государства* в целом, как это *должно* быть на самом деле: ибо на самом деле правильное строение государства имеется только там, где справедливый интерес каждого гражданина и каждого класса признается интересом *всего* народа и *всего* государства и где, обратно, каждый класс и каждый гражданин видит в государственном интересе свой, собственный, кровный интерес. Правильное понимание государства должно было бы привести к тому, чтобы *каждый гражданин* увидел в *справедливом интересе пролетария* свой *собственный* интерес, и это привело бы неизбежно к тому, что рабочие почувствовали бы себя органически включенными в жизнь и во власть русского государства. Между тем война началась при том строе, который не умел и не хотел вызвать в рабочих этого чувства. Трагическая острота их положения и героическое поведение их состояло в том, что они во время войны умели сдерживать порывы своего справед-

ливого негодования и откладывать энергичную борьбу за свой справедливый классовый интерес, чтобы не повредить делу своего народа, своего государства и своей родины — той самой родины, которая третировала их как пасынков и держала их в положении угнетенных подданных. Они умели делать это даже тогда, когда промышленники и фабриканты, работавшие на оборону, наживали в год от 100 до 300%.

Непосредственное и живое правосознание рабочих вело их по пути государственной мудрости и самоотвержения, по пути, противоположному пути большевиков. Они умели бороться за повышение заработной платы, не доводя дела до нелепых и зловредных столкновений, и ныне государственная власть, обновленная переворотом, может и должна оказать им поддержку в этой мирной и сознательной борьбе за их справедливый классовый интерес.

Социал-демократы «большевики», напротив, учат пролетария, как ему распределять свое доверие, сочувствие и поддержку. Доверять пролетарий должен тем, с кем у него одинаковый классовый интерес, т. е. *заграничным пролетариям; а своим согражданам он должен не доверять*. С кем бы из своих сограждан, принадлежащих к другим классам, ни говорил наемный рабочий, он должен во всем искать или неумышленного обмана, или злонамеренного подвоха. Говорил ли человек за республику или за страхование рабочих — если только он не называет себя социал-демократом, то он непременно лжет: говорит «республика», а думает про такой порядок, который и на республику не похож; говорит «страхование рабочих», а сам хочет все страховые взносы переложить на пролетария и т. д. Зато если говорящий называет себя «социал-демократом» и успел проникнуть в партию, то ему можно верить в каждом слове, даже если у него выходит, что «невозможное — возможно», что честный и самоотверженный политический деятель — «обманщик и предатель»; ему можно верить и тогда, если он, будучи *немецким* социал-демократом, распространяет двусмысленные и ложные известия из лагеря военных врагов.

«Большевики» постоянно учат русского рабочего, что он *даже во время войны с германцами* должен сочувствовать *немецким пролетариям, от них* ждать помощи, на них

надеяться, *им* оказывать поддержку. Они настаивают на том, что русские рабочие должны по-прежнему дружить, переговариваться и сговариваться с немецкими рабочими отдельно от остального русского народа и независимо от того, чего хочет вся Россия в целом.

8. Те, кто поддаются этому учению, неизбежно начинают рассматривать русский рабочий класс как особенное, самостоятельное целое в составе русского государства.

Это целое, именуемое «русским пролетариатом», не сливается с остальным русским народом ни в каком общем интересе. Если русский пролетариат *по внешней видимости* и составляет *часть* русского народа, то это и *есть только внешняя видимость*. На самом деле он есть некое самобытное и самостоятельное «тело» в русском государстве, которое движется по своему особому пути. Русский пролетариат, думают они, имеет свои особые задачи и не желает связывать свой классовый интерес с интересом *всего* русского народа и *всего* русского государства. Мало того, оказывается, что русский пролетариат имеет право говорить от лица всего русского народа о войне и мире и решать *от себя за всех* — продолжать ли нам войну с германцами или поскорее ее окончить и если окончить, то на каких условиях.

«Большевики» думают, что русский пролетариат имеет в настоящей войне некоторое высшее призвание, а именно: он должен заявить, что рабочие не желают больше войны, что они желают заключить как можно скорее мир и что поэтому он должен, минуя Временное правительство, завести от лица всего русского народа мирные переговоры с немецкими рабочими. Они думают, что русский пролетариат имеет право по соглашению с немецким пролетариатом указать всему русскому народу, что ему делать и какие условия мира принять от германцев. Они думают, что русские рабочие имеют право изъять вопрос о войне и мире из рук Временного правительства и решать его по своему усмотрению (речь докладчика в Петроградском Совете рабочих депутатов в марте 1917 г.).

9. Это значит, что социал-демократы «большевики» ставят интерес русского пролетариата выше интереса

всего русского народа в целом и пытаются захватить в свои руки права верховной власти (*право войны и мира*) для того, чтобы самовластно распорядиться судьбами русского государства. Зная, что «диктатура пролетариата» ныне в России *ни при каких условиях* неосуществима, потому что рабочий пролетариат составляет огромное меньшинство русского населения (меньше одной десятой части всего русского народа), они пытаются уже теперь, без всяких политических выборов, не заботясь о том, какие результаты даст всеобщее, равное, прямое и тайное голосование, — осуществить что-то вроде «диктатуры пролетариата» в вопросе о войне и мире.

Этим они доказывают, что они напрасно называют себя *демократами*. Демократ — это человек, который стоит за то, чтобы верховная власть принадлежала *самому* народу и *всему* народу и чтобы от лица народа говорили и распоряжались только те, кому народ изъявил свое доверие. Но «большевики» выступают не от всего народа и избраны не от самого народа, а от небольшого сравнительно числа наемных рабочих и желают решать вопрос всероссийского значения.

Поэтому они ведут себя не как сторонники *народной* власти, а как сторонники *классовой* власти («диктатуры пролетариата») и хотят, чтобы Россия преследовала не *всенародный* интерес, а *классовый* интерес пролетариата, и притом именно в том виде, как *они* его понимают.

10. Это поведение «большевиков» объясняется тем, что они, руководясь во всех делах своим особым *пониманием* классового интереса наемных рабочих, утратили *чувство народного самосохранения* и руководятся исключительно чувством *классового* самосохранения, да притом еще — истолковывая его неверно и уродливо.

Отстаивая интерес того класса, которому, по их мнению, принадлежит и сама *справедливость и все будущее*, они отказываются признавать *что бы то ни было*, кроме этого классового интереса. Они не признают, что остальные классы, составляющие большинство русского народа, имеют право на *свою волю и на свой интерес* и тогда, когда эта воля и этот интерес расходятся с волею и интересом рабочего класса. Они не признают, что народ *выше*, чем все отдельные классы, входящие в него; они ду-

мают, что есть класс, который не только выше всякого другого класса, но выше и самого народа, взятого в целом. Этот класс — пролетариат: он есть призванный вождь всего народа, за которым народ должен следовать; а они, «большевики», — суть призванные вожди пролетариата, лучше всех знающие его классовый интерес. Поэтому народ должен следовать указаниям рабочего класса, а рабочий класс должен указывать народу то, что ему подскажут «большевики».

Они не признают, что государство и *до социализма* может и должно быть *сверхклассовым* политическим союзом. Пока социализм не осуществлен, государство и все его законы остаются в их глазах искусным закреплением хозяйственного гнета: класс капиталистов нуждается в защите от пролетариата и создает для этого «государство» и поддерживаемое им «право» (Каутский. «Эрфуртская программа», III, 5). Новый демократический строй не приведет с собою немедленно социализма, а потому и при нем, думают они, пролетариат сохранит свое обособленное положение: его классовый интерес по-прежнему не будет *включен* в интерес всего государства. А это значит, что его чувство *классового* самосохранения не сольется с чувством *народного* самосохранения. Поэтому «большевики» и теперь, после революции, стараются противопоставлять интерес пролетариата интересу остального русского народа и пытаются провести свои намерения во что бы то ни стало.

Но именно поэтому русский народ, не исчерпывающийся ни *одним* из своих классов и имеющий *свой* интерес, *общий для всех классов*, не может допустить, чтобы его судьба решалась и направлялась «большевиками». Русский народ не может угасить в себе здоровое чувство народного и государственного самосохранения, это предлагают «большевики», и не может идти за теми, которые ставят класс выше народа.

Именно теперь, в трудную эпоху перехода к новому строю, под давлением военной опасности русский народ должен помнить *не* об особенных, классовых интересах, а об едином, общем спасении и возрождении *всей России*.

11. Итак, «большевики» научают рабочих ставить свой классовый интерес выше всенародного русского интере-

са. В своих речах и прениях они часто совсем не видят и не признают этого общего, всенародного интереса России и рассуждают так, как если бы его *совсем не было*, или так, как если бы он *совершенно совпал* с тем, что они выдают за настоящий интерес русского пролетариата. Они все время выделяют рабочего из русского государства так, как если бы судьба русского пролетария не была связана с судьбой всей России. Они рассуждают о задачах рабочего класса так, как если бы он мог бы быть *свободен в несвободной России*, трезв и образован среди пьяного и темного народа, богат среди всеобщей нищеты; они рассуждают так, как если бы расцвет русской промышленности при наличии народного правления и подъеме сельского хозяйства не сулил русскому пролетарию благоприятного положения в его классовой борьбе, как если бы на состоянии рабочего совсем не отзывались невыгодный для России торговый договор, падение цены русского рубля, упадок русского сельского хозяйства и т. д. Они до такой степени узко и односторонне проводят в жизнь учение Маркса о противоположности классовых интересов, что ставят рабочего в неверное, недостойное и вредное положение затравленного зверя. Они совершенно упускают из виду более глубокое и политически мудрое понимание *класса как живой части народа и классового интереса как части всенародного интереса*. Они изображают русский пролетариат как растение, могущее процветать и благоденствовать в отрыве от питающей его почвы, и подсказывают ему такое поведение, которое губит русское общегосударственное дело войны и обновления и вызывает в других классах враждебное отношение к пролетариату.

Они ведут себя с рабочими как настоящие демагоги. Их политическое поведение рассчитано на темноту и озлобленность народа. Мыслящий и понимающий рабочий быстро превращается в «меньшевика», принадлежность рабочего к фракции «большевиков» определяется именно его несознательностью и слепую страстностью. «Большевик» есть вожак толпы и улицы, но не вождь народа. Мышление его движется исключительно в прямолинейных, отвлеченных выводах (дедукция), которые он делает из заранее предвзятых основ и посылок; и ко-

гда он говорит к народу, он не произносит этих посылков, а несет их в виде страстного чувства, взывая к слепой страсти слушателей. И так они решают глубокие и сложные вопросы политической и государственной жизни, требующие прежде всего живого и непредвзятого наблюдения (индукции).

Поэтому их поведение близоруко и пагубно; оно вредит интересам как рабочего класса, так и всей России в целом.

12. Еще до начала войны социал-демократы разных стран думали, что рабочие сумеют предотвратить и остановить европейскую войну всеобщей забастовкой. Особенно много говорили об этом немецкие социал-демократы: международная солидарность рабочих, уверяли они, восторжествует над враждою и соперничеством капиталистов и не позволит им бросить народы друг на друга.

С самого начала войны оказалось, что немецкие рабочие всецело стали на сторону своих капиталистов и своего правительства, оказали им полную поддержку и, вступив быстро и охотно в ряды армии, хлынули в Бельгию, Францию и Польшу, захватывая соседей врасплох и завоевывая себе и своим капиталистам новые земли и новые рынки. Тогда всем стало ясно, что социал-демократы напрасно надеялись на международную солидарность рабочих; что вражда национальных капиталов оказалась несравненно сильнее, чем солидарность пролетариев, принадлежащих к разным государствам; что немецкий пролетарий нашел у себя общий интерес с немецким капиталистом и отбросил как пустые слова разговоры о международном союзе рабочих; что немецкий пролетарий слил классовый интерес с интересом Германии в целом и признал возможным и выгодным вести завоевательную войну. В течение всей войны немецкие рабочие и социал-демократы сражались за то, чтобы подчинить себе другие народы, подвести их под свое политическое и хозяйственное иго и утвердить свое благополучие на их покорности и их труде. И сознавая свой обман, они придумали неумное и нечестное объяснение своему поведению: «немецкий пролетариат», писали их газеты, «воюет только с русским самодержавием».

Ныне, когда война начинает близиться к своему концу; когда германским войскам удалось захватить обширные территории отчасти силою оружия (Бельгия, Сербия, Румыния, части Франции и России), отчасти силою союзнического захвата (Болгария, Турция); когда выяснилось, что германский пролетариат обеспечил себе и своим капиталистам если не завоеванные земли врагов, то захваченные рынки своих нерасчетливых союзников (Болгарии и Турции); когда голод и разоренье стоят у порога германцев; когда Англия и Франция начали свой победоносный удар на Западном фронте и доказали, что германская техника и организация ими превзойдена и что немцам предстоит отдать завоеванные территории, — немецкие пролетарии вспомнили о международной солидарности рабочих и пытаются завести мирные переговоры с русскими социал-демократами.

Понятно, на что они рассчитывают: они рассчитывают, что русский народ, утомленный войною и внутренними неурядицами, откликнется на их призыв и согласится прекратить войну. В то время, когда воля к «победе во что бы то ни стало» была в России непоколебима, — Германия действовала через Сухомлинова¹, Мясоедова², Штюрмера³ и ловко эксплуатировала разложившееся правосознание «верхов»; теперь, когда народ утомлен неудачною войною, но нашел в себе все-таки достаточно воли к победе, чтобы свергнуть старое правительство и перейти к демократическому строю, — Германия нашла себе противоестественных союзников в лице Ленина и других «большевиков» и ловко эксплуатирует незрелое или искалеченное правосознание русских «низов». В начале войны это была ставка на продажность и измену; ныне это есть ставка на политическую темноту и слепую классовую корысть. И если бы русский народ с самого начала войны имел свободный и демократический строй, то эти предательские ставки на внутреннее разложение не могли бы иметь места и Россия вела бы иначе свою войну.

Не ясно ли, почему Германия торопилась с войною, почему немецкий пролетариат нашел выбранный момент удачным и почему он все время голосовал за военные

кредиты? Не ясно ли, почему немецкие социал-демократы теперь начинают менять свое поведение?

В устах германских социалистов «международная солидарность пролетариата» имеет особенный смысл, а именно: солидарность немецкого рабочего с русским рабочим начинается с того момента, когда немецкому удастся обеспечить себе преобладание над русским, русский начинает изъявлять согласие на покорность.

13. Русские «большевики» не видят этого: их учение не признает и не предусматривает такого поведения немецких рабочих; но так как их учение «все предусматривает», то, значит, этого поведения и на самом деле нет и русский рабочий должен не считаться с его существованием. То, что есть, — того они не видят; зато они видят то, чего *нет*. Русские «большевики» фанатически преданы тому учению, которое возникло в Германии, но которого сами «немецкие учителя» не принимают во всей строгости. Их учитель умеет не верить своему учению, когда это ему важно и выгодно: но сами ученики слепо клянутся словами учителя и не видят, что слова наставника вполне разошлись с его собственными делами. Поведение германского пролетария объединило его с его главным «врагом» — германским капиталистом и бросило его на его «друга» — русского пролетария. Русский «большевик» не может этого признать и спешит навстречу той «международной солидарности», которой имя *господство* и *покорность*. Он видит *своих союзников* — в лице *своих врагов* и в лице *врагов русского государства*. И обратно: он видит *своих врагов* — в лице *своих союзников* и *союзников русского государства*. Социалистов Англии и Франции, воюющих за международную свободу и демократию, он объявляет слугами капитала; а социалистов Германии, завоевывающих себе и своим капиталистам новые территории и новые рынки, он провозглашает истинными демократами и друзьями свободы. Слепое неразумие «большевиков» ставит все вверх ногами и зовет к безумным решениям и делам; и силится навязать свои решения России в целом. «Большевики» зовут русский народ к тому, чтобы он изменил своим союзным договорам и обязательствам; чтобы он совершил *преда-*

тельство в разгар борьбы, и притом во имя нелепо и дурно понятого интереса русских рабочих.

14. Итак, войну «не надо продолжать» потому, что она вредит интересам русского рабочего класса; а интересы русского рабочего класса, «противоположные» интересам всех остальных русских граждан и самого русского государства, составляют то «высшее», во имя чего должен жить и действовать весь русский народ.

Продолжение войны вредит интересам русского рабочего класса не только потому, что оно требует дальнейших жертв — кровью, налогами и недоеданием; это бремя падает на *все* население, притом на другие классы нередко в большей степени, чем на пролетариев. Так, рабочие, работающие на оборону или в отраслях, «необходимых» для народного хозяйства, освобождаются от призыва в армию; крестьяне, городская буржуазия и помещики не освобождаются от призыва по роду занятий. Бремя налогов, вызванных войною, будет распределяться *по окончании* войны, в демократическом порядке, и можно заранее с уверенностью сказать, что оно ляжет главным образом на имущие классы. Мелкая буржуазия и интеллигентный пролетариат страдает от недоедания и продовольственной разрухи несколько не менее рабочих и к тому же в большинстве случаев не имеет возможности добиться повышения своего дохода или заработной платы. Армия же страдает от продовольственных затруднений, может быть, больше всех.

Поэтому, за исключением промышленников, работающих на оборону, и состоятельных классов, бремя войны испытывается ныне приблизительно одинаково различными классами населения.

Но, по мнению «большевиков», продолжение войны вредит интересам рабочего класса с особенною силою. Во-первых, потому, что война затемняет в сознании рабочих противоположность классовых интересов и международную солидарность пролетариев. Во-вторых, потому, что война задерживает и затрудняет осуществление «непрерывной революции».

15. С одной стороны, война заставляет рабочий класс объединяться с его «внутренними врагами» — т. е. с

другими русскими гражданами. Приходится им помогать в обороне страны; мириться с накоплением капиталов в руках промышленников; сочувствовать русской всенародной армии, стоящей на фронте; подчинять интересам войны свой классовый интерес. От этого в душах стираются грани между различными классами; «главный» интерес пролетария заслоняется, и рабочий забывает хотя бы на время, что он должен держаться, как «волк на псарне». Интересы государства начинают ограничивать интерес класса; рабочий начинает позволять себе недопустимую и вредную роскошь, а именно — иметь родину и любить ее.

С другой стороны, рабочий, вовлеченный в интерес своего государства и своей родины, перестает сочувствовать иностранным пролетариям *враждебных* стран. Он видит, что не все социалисты борются в этой войне за правое дело, убеждается, что можно быть *для себя социалистом, а для других народов — насильником и угнетателем*. Он начинает видеть в немецких, австрийских, болгарских и турецких рабочих — врагов и привыкает к той мысли, что немецкий пролетарий открыто предпочел союз с немецким капиталистом; он, может быть, преисполняется сочувствием к тем малым народам, которые страдают под игом немцев, и начинает расценивать мировые события не с точки зрения своего классового интереса, а по мерилу какой-то «общечеловеческой» справедливости.

В результате всего этого в его душе колеблется вера в солидарность немецкого пролетария с русским, а потом и вера в то, что *классовое* положение человека определяет все его поведение, *все* его интересы и *всю* его идеологию. Но это уже означает, что все основы социал-демократического учения оказываются поколебленными.

И вот, опасаясь распространения воинственного, патриотического настроения среди русских рабочих и острого отвращения к немецким пролетариям, «большевики» делают все возможное для того, чтобы привлечь их сочувствие к германцам и отвлечь его от союзных стран. Они работают изо всех сил над тем, чтобы изобразить правое дело союзников отвратительным порождением

промышленной жадности, а неправо дело австро-германцев — справедливой самообороной, или борьбою с русским самодержавием, или же распространением культуры и цивилизации. Они, сами того не замечая, впадают в настроение и в тон газеты «Русское знамя»⁴ и повторяют все лживые уверения германских завоевателей. Назло всему, назло справедливости, назло чувству собственного достоинства они готовы носить знамена с надписью «Да здравствует Германия!» и не замечают, что рядом с ними идут и говорят, подстрекая их, русские провокаторы и немецкие шпионы.

16. Войну не надо продолжать, во-вторых, потому, что она задерживает в России «непрерывную революцию».

В эпоху войны каждый сколько-нибудь политически зрелый народ дорожит своим единством, своею, хотя бы дурною или несовершенною, политической организацией, своим государственным порядком. Расстроить в стране весь порядок — всякую власть, всякую организацию, всякую дисциплину — значит превратить государство в беспорядочную толпу людей и лишить армию боеспособности. В таком состоянии невозможно вести войну, немисливо оборониться от вторжения. А между тем «непрерывная революция», замышляемая «большевиками», должна расстроить вконец всякий порядок в России: ее задача — окончательное расстройство всего ради полного переустройства.

Понятно, что война если не для «большевиков», то для народа является сдерживающим началом: *сознание опасности объединяет народ* и не позволяет ему разбредаться по максимальным, классовым программам; опасность заставляет дорожить государственным единством и поддерживать государственную власть. А «непрерывная революция», которая незаметно и естественно изливается в гражданскую войну, требует именно того, чтобы народ забыл свое государственное единство, пренебрег *политическою* борьбою и обратился к непрерывному разрушению и вооруженной борьбе.

Вот почему «большевики» стремятся к скорейшему окончанию войны. Они хотят не созидать, а разрушать, не объединять, а разъединять, не сосредоточить движение, а разбросать его. Война мешает не им, а *народу*: они готовы и *во время войны* расстраивать армию, призывать

крестьян к фактическому захвату, объявлять «гражданскую войну» Временному правительству. Они хотят мира во что бы то ни стало; но не решаются требовать *сепаратного* мира. Под давлением народного настроения и народной воли они даже отрекаются от сепаратного мира, а сами делают все возможное для того, чтобы Россия оказалась *не в силах* продолжать войну. Открытое заключение сепаратного мира невозможно — и они стараются заставить Россию *сепаратно остановить военные действия* в порядке *простого прекращения*. Вот почему они зовут солдат «брататься» с германцами; вот зачем они развинчивают армию речами и «приказами»; вот для чего они распропагандируют среди рабочих ложные представления о «врагах» и «союзниках».

Не решаясь открыто звать Россию к измене союзникам, они организуют эту измену фактически и незаметно: взывая к народной темноте и усталости, прикрывая свой призыв словами о «братстве народов», о «недопустимости кровопролития», о «самоопределении национальностей», о «жадности английских капиталистов», они настойчиво подвигают Россию к *позорному* окончанию войны, с тем чтобы вызвать потом «непрерывную революцию».

А так как «непрерывная революция» есть дело неосуществимое и заведомо обреченное на неудачу: ибо судьба ее в том, что она быстро вызовет всеобщее утомление, страх и озлобленность и поведет к кровопролитию и восстановлению старого строя, — то дело «большевиков» оказывается поистине *гибельным*. Они говорят «мир» и организуют позор для России. Они говорят «революция» и ведут себя как *контрреволюционеры*.

И опасность их деятельности увеличивается оттого, что другие левые партии и фракции не умеют отмежеваться от них, но заражаются их настроением и, сами не замечая, поддаются их несвоевременным призывам к «интернациональной» линии поведения.

БУНТ СТЕНЬКИ РАЗИНА

(Из русской старины)

ГЛАВА I¹

Трудно жилось на Руси в старину. Русское государство, не окрепшее еще в борьбе с внешними врагами, теснимое отовсюду беспокойными и жадными соседями, напрягало все свои силы для того, чтобы отстоять свою независимость и поддержать свое существование. Двести с лишним лет стонала Россия под татарским игом; в долгих страданиях и унижениях научилась она тому, что в единении — сила и спасение. Пока удельные князья враждовали между собою, пока каждый из них хотел быть выше всех и они оставляли друг друга в беде — враг без труда расправлялся с ними поодиночке. Князь князю не хотел подчиниться добром и согласием; род враждовал с родом, брат с братом, княжество с княжеством. Русь была как бы разобрана по прутикам, и враги разламывали ее по частям. И поняли тогда умнейшие из князей, что спасение надо искать в государственном объединении России; что надо создать одну-единую государственную власть, собрать вокруг нее все земли, подчинить ей все уделы и, объединив все силы русского народа, отстоять его от набегов, захватов и раздробления.

Немалая была задача, за которую взялись московские князья. Надо было и русскую землю собирать, и от других народов обороняться; надо было расходы большие нести и для того подати большие собирать; надо было и служилых людей найти, их прокормить и во всем государстве правовой порядок поддержать. А законов настоящих еще не было, да и большинство народа — и бояре, и дьяки, и воеводы, и купцы, и простой народ, — не понимали, что такое закон, что такое законное управление и в чем оно состоит. Порядок-то всем был нужен, а как его устроить, никто не понимал. Все были темны и необразованны; ни письменного дела, ни ратного дела, ни государственного дела никто путем не знал и не понимал. Управление было суровое и жестокое. Царь и воеводы верили в спасительность страха и не верили в

спасительность свободного подчинения; да и трудно было ждать такого подчинения при несправедливом порядке и народной темноте.

Из века в век ширилось и росло московское государство, укреплялось и упрочивало свою независимость. Но народу становилось жить все труднее. Не понимал он своего положения и не знал, как ему помочь. В темной страде народ терял порою терпение и возлагал свои надежды на «бунт». Там и сям вспыхивали народные бунты, малые и большие; но положения улучшить они не могли.

Бунт сам по себе никогда народу не помогал, да и помочь не может. Объявить себя «непокорным» — дело легкое; нарушить закон, отказаться от повиновения властям, что-нибудь разгромить, поджечь, может быть, несчастным делом избидеть кого-нибудь или еще и убить — не значит перестроить жизнь по справедливости. Кто разрушил, тот еще не создал; а от разрушения — прямые убытки всему народному хозяйству. Кто нарушил закон — тот еще не установил нового, справедливого закона, да и установить он не может: кто же его согласится послушать, если он никем не уполномочен? Отказаться от повиновения властям — недолго; но ведь для устройства жизни надо поставить новую власть, мудрую и законную, неподкупную и для всех равную: иначе каждый решит про себя, что ему «все можно», и вся жизнь пойдет вверх ногами. Изобидеть соседа или убить сумеет всякий; но ведь пролитая кровь зовет к наказанию, за убитого могут найтись мстители — и пойдет горькая межда усобица. Каждый у каждого постарается лучший кусок урвать — и наступит смута и разрушение на радость внешним врагам и на горе самому народу.

А уж особенно земельный вопрос этим порядком не разрешить. Пытались земледельцы и в России, и в других странах добыть себе земли захватом, да не удавалось никогда. Взять-то возьмут, а закрепить за собою по закону и не могут: не могут потому, что закон не допускает захвата, а требует, чтобы было все по закону. Как же можно, чтобы закон утвердил то, что *против* него сделано? Тогда это будет не закон, а произвол, и его никто не станет уважать и «закрепления» никакого не выйдет. И при-

ходило захваченную землю назад отдавать, а нередко еще и кровью расплачиваться. А совсем не закрепить землю по закону тоже нельзя. Если земледелец не может быть уверен, что закон его посеvy оградит и что по закону его урожай ему же и поступит, — то он и засеивать поля не станет и делается повсеместный голод.

Вот этим-то и объясняется, что *земледелие* может процветать только там, где есть *твердый государственный порядок*. Где пахарю и сеятелю по закону обеспечен урожай — там пахарь охотно пашет, а сеятель спокойно семена земле отдает. Нельзя быть народу земледельцем без государственного строя и без твердого порядка; это подтверждается и историей народов, потому что все первые большие государства в древности возникали там, где народ бросал кочевое пастушество и начинал обрабатывать землю.

Чтобы ввести справедливое владение землею — необходим государственный закон; а для этого народ должен участвовать в выборах государственной власти и вести все переустройство по закону. Бунт не может этого сделать; бунт есть беспорядок, временное, бурное восстание. Бунт не есть революция. Революция ведет народ к участию в государственной власти; она создает по закону новый правовой строй и только в начале своем свергает старую власть. Революция есть борьба согласная, планомерная, организованная; она ведет к новому, справедливому устройству жизни, а не к разрушению и кровопролитию. А бунт, как мыльная пена: вспенится и растает. Добра погибнет много; много крови прольется, а потом опять старая несправедливость и старый гнет.

Вот так было и с бунтом Стеньки Разина.

ГЛАВА II

Великие потрясения постигли Русь в 1670 году при царе Алексее Михайловиче. Вся юго-восточная половина России бунтовала и походила скорее на поле междуусобного сражения, чем на мирную земледельческую страну. Из села в село бродили партии крестьян и шайки всякого темного, беглого сброда, грабили помещиков и нападали на города. Теперешние губернии Астраханская, Саратов-

ская, Самарская, Симбирская, Нижегородская, Пензенская, отчасти Рязанская, Тамбовская, Воронежская и земля Войска Донского были вовлечены в это бурное движение. Объявлялись «льготные годы», крестьяне переставали платить подати и жгли бумаги и судебные дела. Правительство, не ждавшее напасти, посылало своих воевод с войсками — стрельцами и рейтарами — укрощать непокорных, и бояре-военачальники заливали страну потоками крови.

Глубоко коренились причины этого бунта. Чтобы понять это движение, названное по имени главного вожака «бунтом Стеньки Разина», надо посмотреть, как и чем жил тогда простой народ и что за бремя давило его плечи.

Трудно было тогда русскому государству бороться за свое существование, а труднее всех, как всегда, приходилось простому народу. Правительство не умело облегчить ему бремя, а сам народ умел только или покоряться, или «бунтовать».

В то время весь русский народ можно было разделить на два разряда: *служилый* и *тяглый*.

Теснимые со всех сторон другими народами, сначала монгольскими, а потом, кроме того, немцами и поляками, московские цари вели тяжелые оборонительные десятилетние войны. Войны требовали, как уже сказано, больших расходов, а расходы ложились всею тяжестью на народ. Внешние дела поглощали больше внимания, и войско было чуть ли не главной заботой. Война сменяла войну, подати и налоги росли и государство могло существовать только при том условии, что подданные были крепко и прочно привязаны к государству. При таком положении дел каждый человек рассматривался как составная, служебная часть государства.

Крепко-накрепко был он привязан к своему государству. Интересы государства стояли на первом месте, а интересы граждан — отодвигались на последнее. Подданный был обязан или службой, или повинен платить наложенные на него подати, или и то и другое вместе. Личность его была закреплена государству, и выбиться из этой крепости было очень трудно.

По роду повинностей и можно было разделить русский народ на два разряда. Первый, служилый, был обязан службой государству и получал за это вознаграждение — деньгами или поместьями. Второй был обязан платить подати и находился в полном подчинении у первого. Таким образом, тяглый разряд платил государству те деньги, которые шли на государственные расходы и на содержание служилого.

Посмотрим, какова была жизнь того и другого.

Служилые люди не все стояли в одинаковом положении. Те из них, которые назывались «служилые по отчеству», представляли собою именитое чиновничество, для которого служба была в то же время средством пропитания, а подчас и доходной статьёй. Сюда принадлежали бояре, заседавшие в царской думе и в приказах, окольные и думные дворяне и воеводы, сидевшие по городам.

Эти чиновники, служба которых состояла в управлении государством, получали в виде вознаграждения между прочим и поместья, т. е. землю. От земли они нередко и кормились, причем правительство заботилось о том, чтобы в их распоряжении было достаточно крестьянских рабочих рук. Кроме жалованных имений служилые офицеры при отправлении в поход получали жалованье деньгами, а в мирное время чиновники кормились и от воеводства.

Присутствовать в думе на совещании с царем при решении важнейших дел бояре назначались самим царем, но «не по разуму, а по великой породе», как говорит современник Котошихин². Многие из них были совсем неграмотны, все до крайности честолюбивы. Род не уступал роду, старший — младшему, совершенно так, как раньше удельные князья; все называли себя «холопами государя», и ни один не соглашался сесть за царским столом ниже того, выше которого по древности рода он себя считал.

Таким образом, важнейшие дела решались неграмотными честолюбцами, а местническая вражда их вела к интригам и жалобам. К тому же каждый из них готов был поживиться, чем мог. Известны злоупотребления царского родственника, боярина Милославского³, укрывав-

шего за взятки фальшивомонетчиков. Известно также, что в 1648⁴ и 1662⁵ годах в Москве было два народных бунта: народ пытался расправиться с ненавистными ему взяточниками из бояр.

Не лучше было и в других городах под управлением воевод.

Воеводами назывались тогда царские чиновники, управлявшие городами и уездами.

Воевода смотрел за порядком и спокойствием во вверенном ему крае, судил гражданские дела и споры из-за имущества и смотрел за правильным поступлением правительственных доходов.

Трудно представить себе, какие притеснения и обиды чинили воеводы тяглым сословиям, особенно крестьянам. Тяглые люди должны были давать деньги на содержание воеводы и его канцелярии, и тут приезжие чиновники не знали меры и удержу. «Они грабили иногда совершенно по-разбойничьи, — говорит историк Костомаров, — напр<имер>, в 1649 году в Старорусском уезде воевода со своими людьми ездил по волостям, подвергал крестьян разным истязаниям и вымучивал у них деньги: он учреждал пиры и звал к себе подчиненных, — те должны были подносить ему поклонное; а кто уклонялся — за тем он посылал приставов, как за подсудимыми, и сажал в тюрьму или отдавал на тяжелую работу, от которой надо было откупаться. Наглость их особенно была безмерна в отдаленных областях... В том же году об одном воеводе говорили, что он ходил постоянно с батогом в полтора аршина длиною и в палец толщиною и бил людей, кого только встречал на улице, приговаривая: я воевода такой-то — всех исподтиха выведу и на кого руку наложу, ему от меня света не видать и из тюрьмы не бывать»⁶.

Суд воеводы чинили продажно; прав оставался тот, кто больше заплатит. Подати собирали с принудой и побоями. Наказание неисправного плательщика называлось правежом и было явлением обычным; воеводы постоянно прибегали к телесному воздействию и подчас засекали недоимщика. Известно, что в 1618 году белозерский воевода побивал людей насмерть.

Хищничество и насилия, взятки и притеснения — таково было правление этих чиновников, справедливо называвшееся «кормлением», оно доставляло богатство воеводам, разорявшим народ.

Немудрено, что от такого правления люди разбегались в разные стороны.

К разряду служилых людей причислялись еще служилые по «набору». Это были главным образом рядовые в войсках, служившие за жалованье: пешие — стрельцы и конные — рейтары. Стрельцы вербовались преимущественно из «гулящих» людей, «не тяглых, и не пашенных, и не крепостных», «молодых и резвых и из самопалов стрелять гораздых». Обученные, но недоученные ратному делу, они жили особыми слободами и детям своим передавали свое звание по наследству. Темные и необразованные, буйные и самовольные, они всегда были готовы забыть, что они служат всему русскому народу и государству, перепиться, поднять бунт и неистовым образом вмешаться в государственные дела, в которых они по темноте своей ничего не понимали. Разные придворные партии искали опереться на них, угодить им вином и подкупом и сделать их темным орудием своего корыстного интереса. Немало было от того смуты и беспорядка в Москве.

Посмотрим теперь, как жилось тяглому сословию, выносившему на своих плечах тяжесть податей и налогов.

В состав тяглого сословия входили торговые люди и крестьяне.

Положение торговых людей — купеческого сословия — было сравнительно не худо. Богатейшие из них имели вотчины и крестьян. По городам купцы назывались посадскими, платили правительству большое тягло и пользовались известной долей самоуправления.

Зато положение крестьян было очень тяжелое — и помещичьих, и черносошных⁷, и дворцовых⁸.

Земля, которую обрабатывали помещичьи крестьяне, принадлежала не им. Полновластными хозяевами ее были служилые люди — вотчинники и помещики.

В древние времена крестьянин свободно переходил с земли одного помещика на землю другого. С каждым

заключал договор: сколько земли занял и какой оброк — деньгами и хлебом — обязывается платить землевладельцу. Такие переходы были невыгодны помещику: он никогда не был обеспечен нужным ему количеством рабочих рук. И вот мы видим, как лет за сто до описываемого нами времени правительство начинает принимать меры к тому, чтобы прикрепить крестьян к поместным землям, запрещается переход и переманивание их помещиками друг у друга. Правительство устанавливает разные сроки, в течение которых помещик может вернуть на свою землю ушедшего крестьянина; и наконец, лет за 20 до этого времени уничтожает всякие сроки для поимки беглых: «Уложение» царя Алексея Михайловича окончательно прикрепило крестьян⁹.

В то время тяглый человек не мог жить на Руси вольно. Крепко надзидало за ним государство, ища прикрепить его и получить с него подать. На чужом дворе, спасаясь от тягла да от служб, недолго выживешь... Правительство отыскивало каждого плательщика и преследовало гулящих людей: либо к поместью припишет, либо в стрельцы заберет. Запишется вольный человек в крестьяне сам: тогда это значит, что он закрепился навеки со всем своим потомством господину, которому будет принадлежать тот участок, на который он сел. Закрепился — и стал крепостным человеком. Повинен он тому помещику деньгами, натурой и службой. Господин смотрел на него как на своего работника и имел над ним большую власть. В крепостной записи написано, что он может продать его и заложить. Убежит крепостной — правительство поможет помещику вернуть его. Недаром иностранцы, ездившие в то время по России, писали, что русский крестьянин находился в рабстве у своего помещика.

И действительно, господин распоряжался им свободно. Мог он продать его с женою и детьми и со всем имуществом. Все, что заработает крепостной, помещик и его приказчик могли отобрать в виде оброка, оставляя только на прокормление. По свидетельству иностранцев, помещик, убивший своего крепостного, редко отвечал перед судом. Помещик имел право взыскивать со своего

крепостного и наказывать его. Бывало так, что крепостных наказывали за провинность их господина. В довершение всего случалось, что крепостные двух поссорившихся помещиков, угождая своим господам, били и грабили друг друга. Жизнь становилась подчас действительно неумолимою, и тогда помещичьи крестьяне разбредались и бежали куда глаза глядят...

Не красна была жизнь владельческих крестьян; хуже еще была жизнь холопов.

Холопом в старину назывался человек, который, поступая в услужение к господину, чаще всего за долг, давал ему на себя бумагу, в этой бумаге значилось, что он отдается ему в холопство на время или навсегда. В первом случае он назывался *кабальным* холопом, во втором — *полным*. Холопы составляли дворню своего господина и находились еще в более тяжелой личной зависимости от него. Массами убегали они от своих господ, часто предпочитая голодать и выносить преследования, чем исполнять свое тяжелое обязательство.

Тяжела была жизнь и черносошных крестьян, т. е. таких, которые, не принадлежа помещикам, были приписаны к городам и несли государственные подати. Несмотря на некоторую долю самоуправления, которою они пользовались, им приходилось терпеть и от воеводы, на содержание которого они давали вместе с посадскими деньги, и от самих посадских, городского купечества, которое было не прочь свалить на черносошных часть податного бремени. А подати были тяжелые: до восемнадцати разных видов повинностей деньгами и натурой отбывали постоянно тяглые люди. Кроме того, когда велась война, собирали с тяглых пятую, десятую и двадцатую деньгу. А тут еще воевода наедет, начнет насильничать да обирать, да вместо выборных земских старост — за взятки дурных людишек поставит. И от всего того крестьянам убыток и разорение. Случалось, что воеводы взимали подати два раза и за неисправность опять били на правее.

Возможность безнаказанно грабить народ была куда как заманчива, а правительство поддерживало эти злоупотребления воевод. Историк Соловьев рассказывает, напр<имер>, о том, как в царствование Алексея Михай-

ловича жители Кайгородка отказали воеводе Волкову в царских денежных доходах, приходили на воеводу, хотели его убить и отказали от воеводства. Правительство послало ему на помощь сотню стрельцов, и дело кончилось виселицами и пытками. И такие случаи повторялись постоянно. Подчиняясь силе, крестьяне занимали для уплаты деньги за большие проценты и разорялись вконец.

Не лучше было положение и дворцовых крестьян, которые были обложены оброками на всякие дворцовые расходы. Посаженные там управители — дворцовые приказчики — грабили крестьян не хуже воевод. В 1647 году, напр<имер>, в селе Дунилове приказчик брал взятки, чинил поборы, а неплативших бил на правеже, сажал в подполье, а зимой в одной рубахе сажал в холодное помещение. Брал холстом, сукнами, отдавал насильно крестьянских девушек замуж и не знал удержу. Взятки и поборы — таково было управление в дворцовых селах, как и везде. «Удивительно, — говорит иностранец Флетчер, — как люди могут выносить такой порядок и как правительство, будучи христианским, может быть им довольно»¹⁰.

ГЛАВА III

В самом деле, как же народ выносил такой порядок? От тяжелых налогов, от правежа и незаконного правления народ бежал. Трудно было беглому беспристанному человеку. По всей стране шел сыск беглых. В 1658 году вышел прямой приказ переписать всех бобылей и «гуляющих» для обложения их податью. А таких людей, не знавших, как помочь беде и не хотевших больше терпеть ее, становилось все больше. Еще в начале столетия целые области отмечались запустевшими. Теперь побегι умножились. Убегали со службы солдаты и, не возвращаясь домой, шатались из уезда в уезд. Бежали холопы, бежали крестьяне дворцовые, помещичьи, черносотшные. Бывало, что в челобитных (прошениях), которые население подавало царю с жалобами на воевод и служилых людей, просьбы об облегчении податей прямо сопровождались обещанием, что жители разбегутся куда попало.

Против побегов правительство принимало меры. Оно рассылало всюду своих сыщиков, которые занимались

ловлей беглецов и водворением их на место. Узнав по слуху, что в таком-то уезде много беглых, сыщик являлся туда и приказывал выкликать на торгах и базарах, чтобы все облеченные властью лица ловили беглых и приводили. Пойманного били кнутом и возвращали на место.

Ни народ, ни правительство не знали, как помочь беде, и не умели этого сделать. Народ не понимал, что *бегство* не поможет, а только приведет от *известной* беды к семи неизвестным бедам*. Бежать — не значит исправить дело: всем все равно не убежать, а общий, всенародный интерес можно отстаивать только по закону. Беглец спасает свою шкуру и думает только о себе; до других ему дела нет; он не понимает, что его беда — не только его беда, а всенародная и что помочь такой беде можно только через государственное переустройство.

И правительство не понимало, что такими мерами болезнь не вылечишь. Корень всякой болезни лежит глубоко, в расстройстве самого организма; нельзя лечить одни поверхностные явления, видные с первого взгляда. Нужно было приступить к коренному переустройству жизни, а сыск и кнут могли только вглубь загнать недуг народной жизни.

Так и происходило. Меры строгости не помогали. Одни беглые объявляли себя «не помнящими родство»; другие, потеряв все и ожесточившись, уходили в леса и составляли разбойничьи шайки.

Еще тяжелее становилось от разбойников и их нападений тяглым, сидевшим на местах. Одни села, побогаче, откупались от озлобленных головорезов, другие обращались к правительству за защитой. Являлись солдаты защищать и за это обрушивались тяжелыми поборами на голову крестьян: защитники обирали защищаемых, а по уходе их разбойники довершали разорение.

Число беглых все росло, и ничто не помогало. Правительство делало попытки вооружить самих крестьян для отражения разбойников, посылало войска, казнило пойманных. Разбойники бегали тогда из средних областей на окраины и сплачивались в дружины. Они бежали туда, где глуше леса или просторнее степи, где реже насе-

* С. 45-46¹¹.

ление, где легче уйти от погони и спастись от преследования. «В 1665 году заметили, — говорит Костомаров, — что преследуемые таким образом удальцы бегут преимущественно в низовья Волги; туда приходили бродяги из Воронежа, Шацка, Ельца и других мест, как будто ища сборного пункта»¹².

Вся Россия была в движении. Оно, правда, еще не имело вида начавшегося бунта, но скопление беглецов и преследование их должно было содействовать их объединению и приблизить наступление беды.

Дремучие леса на Волге и привольные степи Дона могли сделаться убежищами для всех тех, кто бросил свое оседлое жилище. Сюда шел всякий, потерявший терпение и не нашедший в себе ни понимания, ни умения, ни воли помочь горю. Все обиженные; все неустойчивые, все страдавшие от неправды, но не знавшие, как с нею бороться; все непоседливые; спившиеся с круга¹³ и искавшие приключения; наконец, все, не понимавшие, что такое государство, к чему оно, и не хотевшие нести государственное тягло, — все сходились и сбегались сюда, отыскивая кто простора для своей удали, кто богатства и сытости, что дается без труда, кто просто пристанище. Здесь-то среди казаков на Дону и на Волге и вспыхнуло то движение, которое носит название «бунта Стеньки Разина», но которое не создалось им, а только объединилось вокруг его имени и его приключений.

Это движение было с самого начала обречено на неудачу уже по тому одному, что это был бунт, т. е. беспорядочное, лишненное единой цели и единого плана, хаотическое движение. В нем не было ни организации, ни сознательности, ни единства. Правда, в нем было много участников, но каждый из них не понимал, что дело его есть единое и общее дело с другими. Каждый преследовал исключительно свое благо и свое облегчение; другие были ему лишь временными сообщниками, случайными спутниками, которых он быстро терял и с которыми не сговаривался. И, главное, все это движение было бессильно *создать* новый порядок и укрепить новый строй. Захватчик оставался захватчиком и не знал, где тот путь, который делает человека гражданином.

ГЛАВА IV

Еще за полтора года до описываемых событий спасались беглые люди в степи. Образовывали здесь вольные общины, заселяли окраины и признавали над собою власть московских царей, но признание это оставалось больше на словах: оно поддерживалось лишь постольку, поскольку общины видели от этого кое-какую выгоду. Называли они себя казаками, селились по большим рекам — Днепру, Дону, Волге, Яику и занимались мирным промыслом, а зауряд и грабительскими набегами.

В смутное время в начале XVII столетия, когда в России было междоусобица, дружины и разбойничьи шайки казаков широко разбрелись по всей Руси, становясь в ряды той стороны, которая больше платила и давала служилым больше воли. Эти продажные шайки грабителей нисколько не содействовали устранению смуты, а, наоборот, питали ее своими похождениями и сами кормились ею. При царе Михаиле Феодоровиче донские казаки присягнули московскому царю и обещали не нарушать порядка разбоями и нападениями на соседей.

Но трудно было унять обещанием людей, привыкших своевольничать, и правительство напрасно старалось превратить южных казаков в военное сословие, а бродячие шайки беглых побудить к оседлой жизни. Раз выбившись из колеи и превратившись в искателей приключений, люди не хотели жить оседлым трудом и беспокойный дух гнал их бродяжничать.

Присягнувшее казачество скоро разделилось на две партии: одни хотели остаться верными своему обещанию и действительно обзавестись постоянным жильем и хозяйством; другие влеклись к беспокойной жизни и продолжали считать себя, несмотря на присягу, независимыми. В смутное время ряды казачества пополнились множеством разбежавшихся от своих господ крестьян и холопов, которых теперь уже нельзя было вернуть к старому укладу. И с тех пор с учащением побегов число вольных, или, как их называли, «воровских» казаков все росло. Вся голытьба, шатавшаяся по Руси без пристанища и оседлости, укрывавшаяся от преследований в лесах

и тяготевшая к праздной жизни, находила себе приют и место на Дону.

Тяжелый недуг неустройства, подтачивавший народную жизнь, то и дело выбрасывал толпы беглых и гулящих людей из средней России на окраины. Сюда шли и обиженные, и те, что были мастерами других обижать; и те, что не нашли себе места в жизни, и те, которые его потеряли; и пропойцы, и шатуны, и забубенные головы.

Связанные общей бедой и общим убежищем, казаки охотно принимали беглых и никогда не выдавали их. Все жили так бы¹⁴ за круговую порукою; часто в ссорах и в междоусобных столкновениях, но всегда в полной и беспорядочной свободе; часто в нищете и впроголодь, но с соблюдением грубого и упрощенного равенства.

Все дела решались здесь радой — общей всенародной сходкой (вроде старорусского веча) — под открытым небом. Каждый член общины мог участвовать в ней и заявлять свое мнение, подавать свой голос. Объявляется ли поход, приезжает ли посольство из Москвы или из Турции, заключается ли договор, выбирается ли посольство ответное или атаман, происходит ли суд или дележ добычи — все решает общее собрание казаков, всем ведает община в целом. Община делилась на десятки и сотни с выборными сотскими и десятскими во главе. Все имущество — награбленная добыча или присланные дары — распределялось поровну.

Эти буйные ватаги, оторванные от родины, не умели различать врага от друга и готовы были поживиться и на счет иноземных соседей, и на счет своего брата, русского человека. Они находились в состоянии как бы непрерывной войны и могли объявить себя при случае врагами московского царя. Московское правительство понимало эту опасность и всегда старалось считаться со своей бунтующей окраиной, поддерживая с нею мир и делая ей уступки. Из Москвы к казакам наезжали послы с грамотами, с дарами, припасами и жалованьем, и посольства эти встречались обыкновенно с радушным гостеприимством.

Однако и к ним среди казаков бывало различное отношение. Казаков делили тогда на «домовитых» и «голутвенных людей», то есть на таких, которые сумели

обзавестись хозяйством и даже разбогатеть, и таких, которые проживали всегда все свое достояние и оставались опять неимущими; к неимущей голытьбе присоединялись и вновь прибывшие беглецы. Домовитые казаки являлись партией благоразумной, они догадывались о своем значении для Москвы и сами дорожили ее милостями и вниманием. Голутвенные ничем не дорожили кроме своей безудержной жизни; терять им было нечего, и они всегда готовы были кинуться в какую-нибудь новую бесшабашную затею. Единственно, о чем они заботились, это о равном разделе добычи да еще о том, чтобы найти удалого атамана.

Ясно, что, раз начавшись, брожение должно было найти именно в этой части донских казаков благодарную почву. Ряды их всегда пополнялись новыми беглецами, приносившими с севера свежие вести о новых обидах. Не привязанные к месту недвижимостью или трудолюбием, закаленные в бегах и жадные до добычи, решившие раз навсегда, что никому ни в чем запрета нет и что все всем можно, эти люди всегда готовы были пуститься в рискованное предприятие, повоевать, пограбить и, вспомнив старые обиды, выместить их на первом встречном, не разбирая правого и виноватого.

Стоило только появиться человеку с твердою волею и с предприимчивым характером, чтобы умел он приказывать голутвенной черни и держать ее под своим началом, чтобы соединял он в себе храбрость и жестокость с расчетливою ловкостью, чтобы умел он внушать доверие этому лихому сброду — и движение естественно должно было разгореться. Нужно было, чтобы он сумел объединить разрозненные дружины и вдохнуть некоторое единство в их замыслы — и вся эта разношерстная и часто нетрезвая толпа могла превратиться в силу, опасную не только купцам и их караванам, не только туркам и персам, но и большим городам России.

Масса голутвенных казаков была готова для бунта, как сухой валежник для огня: стоило упасть искре — и пожар должен был вспыхнуть неминуемо. Этот пожар, как всякий пожар, мог, конечно, только сжечь и разрушить; он мог опустошить и напугать, но он не мог ничего создать

и перестроить. Разрушением никто никогда не создает нового порядка. Тем более в разрушении нельзя найти справедливости и справедливого устройства: ибо справедливое можно обрести только в спокойном и добросовестном искании, но не в пожаре мстительных и корыстных страстей. Бунт мог только испугать; а страх — плохой советчик: он зовет к самообороне, к мести и крови, и взявший меч находит свой горький конец от меча.

ГЛАВА V

Был в то время на Дону казак Степан Тимофеевич Разин. Это был человек смелый, предприимчивый, с сильною и властною волею¹⁵. Он был невысокого роста, но крепкого телосложения, с повелительным взглядом и большою физическою силою. Одна внешность его внушала толпе готовность повиноваться. Его цельная и широкая натура не знала препятствий на пути, не знала колебаний и не позволяла ему останавливаться ни перед какими средствами. Что бы ни делал Разин, он во всем шел до конца и отдавался целиком своему настроению; он был способен и щедро одарить человека, и предать его самым жестоким и бесчеловечным пыткам; широкий и дикий разгул не мешал ему превращаться, когда было нужно, в сурового и неумолимого начальника. По преданию, он всегда готов был заступиться за обиженного простолюдина. Холоп ли, крестьянин или казак — всякий, кто терпел притеснение, находил в нем своего заступника. Разин не судил обидчика и не заботился о примирении его с обиженным: он просто предавал его немедленной казни без дальних опросов и разговоров. «Это был, — по словам Соловьева, — истый казак, один их тех стародавних русских людей, которым обилие сил не давало сидеть дома и влекло в вольные казаки, на широкое раздолье, в степь или на другое <широкое> раздолье — море или по крайней мере на Волгу-матушку»¹⁶. Обилие сил и неумение приложить их к настоящему делу; широкая натура и неспособность руководить ею; крепкая воля и неопределенная, часто случайная и вздорная цель — вот характер такого человека. Странное сочетание добродушия и щедрости с жестокостью и жад-

ностью. Вечное искание равенства и свободы — и готовность стать деспотическим вожаком, беспрекословным повелителем темного народа.

В этом человеке соединялось все, нужное для того, чтобы привлечь к нему толпу голутвенных казаков, расположить сердца беглого люда и бросить людей под его начало. Он вышел сам из той массы, которая поставила его у себя во главе и охотно подчинилась его слову. Люди, признавшие его своим атаманом, искали той же смутной, беззапретной свободы, как и он сам, и осуществляли эту свободу в грабеже и разбое. Они искали того смутного, недостижимого равенства, которое водворяется на минуту при дележе добычи и быстро исчезает, как только люди начинают распоряжаться добычей — всякий по-своему. Они искали того «нового порядка», который изливался у них в вечный, непрекращающийся беспорядок, в смутное, беспредметное волнение без конца. Они всегда готовы были протестовать против насилий и несправедливости; но свою жизнь строили неизменно на несправедливости и насилии. Они как будто сговорились поддерживать равенство и справедливость *промеж себя*, но добывали это ценою насилий над другими и грабежа. Обиды и притеснения породили в их душах чувство немолкающего протеста, но сами они могли только продолжать те притеснения и обиды, против которых протестовали. *Государственным* выборам и злоупотреблениям чиновников они умели противопоставить только *разбойничьи* поборы и злоупотребления. Они сами могли только продолжать то дело — дело взаимной неправды, — против которого бунтовали. Их бунт был не борьбою против старого порядка — за новый; их бунт был болезненною, нецелесообразною судорогою, от которой только увеличивалось количество горя, страданий и неправды на Руси. Они шли против дурно устроенного порядка; но порядок этот был все же государственный: он имел свою постоянную и необходимую цель. Надо было объединить Русь, оградить ее от соседей и обеспечить ей мирную жизнь и спокойное развитие. Государственные казаки и беглые являлись на Русь, как пасынки, обиженные и отвергнутые, но цель их была не общая, не народная, а

личная и корыстная: они искали мести и наживы, а не переустройства государственной жизни. Темная волна движения несла за собою темные души и будила в них темные чувства.

Понятно, однако, что эта волна несознательного и корыстного бунта должна была встретить могучий отзыв среди крестьян и холопов, живших оседло на местах. То, что было для одних разбойников походом, то вызывало в других смутную надежду на улучшение жизненного строя. То, что одни творили как лихой бунт и беспорядок, на то другие отзывались как на приближение нового порядка. «Бунт Стеньки Разина» совместил в себе две волны, два различных движения: грабежи и нападения казаков вызвали к жизни глубокое волнение среди трудолюбивых крестьян, стонавших под несправедливым гнетом воевод и крепостного права. Слухи, носившиеся по Руси из конца в конец, заставляли крестьян надеяться на то, что избавление придет откуда-то *помимо государства*; что может явиться какой-то народный герой, богатырь, который все сумеет, который поймет всю тяготу народной жизни и перестроит всю жизнь по-новому. Слухи вызывали в легковверных и темных душах веру в какую-то помощь, которая придет от нового, народного «царя» — не то «царя», не то «разбойника» — и положит конец всякой несправедливости. Не раз отзывался русский народ на эти темные слухи; не раз заражался этою темною надеждою; и каждый раз ничего не оправдывалось.

Не понимал тогда народ, что государственное устройство можно починить только в порядке государственном; т. е. что нужен новый закон о новом устройении. И не понимая этого, народ верил всяким «грамоткам», подметным письмам и прокламациям, которые обещали то нового «царя», то героя-бунтовщика. И каждый раз тот новый «царь» оказывался пройдохой-самозванцем, а герой-бунтовщик — предприимчивым разбойником. Корыстные люди дразнили народ корыстными зовами; и веря им, народ поднимался, громил и жег, творил расправы и «захваты»; потом мнимые герои исчезали, а разгоревшаяся война вела к разорению и кровавым жертвам.

Так было и с бунтом Стеньки Разина. Отзываясь на разбойное движение голутвенных казаков, крестьяне начали свое движение, свой бунт, которым Стенька уже не мог руководить, но которым он разжигал себе на подмогу, чтобы отвлечь от себя стрельцов и рейтар. Эти две волны соединились вместе и образовали то беспорядочное, кровавое восстание, которое носит в истории название «бунта Стеньки Разина».

ГЛАВА VI

Существует рассказ, будто Разин поклялся отомстить боярам и воеводам после того, как воевода Долгорукий¹⁷ повесил за послушание его старшего брата. Неизвестно, верно ли это предание. Бунт мог вспыхнуть и без всяких «личных» решений и обещаний. Толпы ждали своего вождя, а широкая натура Разина, его ум, сила и ловкость должны были быстро выдвинуть его на место атамана.

Так или иначе, но широкая известность Разина начинается с 1667 года — с того времени, как астраханские воеводы получили царскую грамоту, в которой государь писал между прочим следующее: «В Астрахани и в Черном Яру живите с великим бережением: на Дону собираются многие казаки и хотят идти воровать (т. е. грабить) на Волгу, взять Царицын и засесть там; во многие донские городки пришли с Украины беглые боярские люди и крестьяне, с женами и детьми, а оттого теперь на Дону голод большой». Так писал царь в Астрахань; а на Дону действительно объединялась казацкая голытьба, и начальство над ней принял Разин.

В то время главным городом на Дону считался Черкасск и был там атаманом глава домовитых казаков, пребывавших в верности царскому правительству, Корнило Яковлев. Хотел Разин спуститься со своей ватагой по Дону мимо Черкасска в Азовское море и пограбить турецкие берега, добыть себе славу ратную и набрать добычи. Да не пустили его домовитые казаки. Выход на море оказался закрыт, и повернула голытьба в другую сторону.

Поплыл Разин на четырех стругах (судах) вверх по Дону и в отместку погромил дома богатых казаков; ока-

зали ему тут помощь воронежцы порохом и свинцом, и поплыл Стенька дальше.

Приплыл он к месту, где Дон с Волгой ближе всех сходятся, и заложил свой стан близ городка Паншина. Здесь было привычное место сборищ вольных казаков. Было это в апреле месяце, и стан был окружен полой водой.

Узнал о прибытии его царицынский воевода и послал к Паншину пять человек для разведки. Ни с чем вернулись разведчики. Узнали только от паншинского атамана, что Разин насильно отобрал у него разные запасы и грозит расправиться с Царицыном, если ему воеводы мешать будут. Послал воевода еще двух духовных с грамотой и уговорами — но и те не добрались в стан.

А между тем ватага Разина устроила у себя казацкое управление, Стеньку самого сделали атаманом, разделились на сотни и десятки, потом перешли на Волгу и стали поджидать добычу.

Показался с севера по Волге караван судов: тут были суда и казенные, и патриаршие, и частных купцов, а на одном струге везли ссыльных в Астрахань; при караване был отряд стрельцов для охраны.

Напал Разин на суда со своею тысячею казаков и овладел караваном. Стрельцы не стали сопротивляться и передали своих начальников в руки Стенькины. Разин велел перебить всех начальников, а купцов или на мачтах повесил, или в Волге утопил. Потом освободил ссыльных и объявил всем стрельцам и рабочим, чтобы они доброю волею к нему присоединялись и шли в «казаки». И все рабочие и стрельцы пристали к разбойникам.

Поплыл Разин вниз по Волге к Царицыну уже на тридцати судах. Хотел воевода встретить его пушками, да порох не годился, и пришлось ему исполнить требование Разина: отправил он ему наковальню, мехи и кузнечную снасть.

В конце мая приплыли казаки к городку Черному Яру. Было у Разина 1500 человек, и не решались черноморцы вступить с ними в бой. Тут его вскоре встретил воевода Беклемишев, приплывший его усовещивать. Взял его Разин, обобрал, велел его плетью высесть и отпустил в

Астрахань: при этом три астраханские судна со стрельцами опять пристали к его дружине.

Выплыла потом ватага в Каспийское море и приплыла к устью реки Яика, где их уже ждали единомышленники. Атаман спрятал свою дружину, а сам взял несколько человек и пришел проситься в городок Яик, притворяясь, что хочет Богу «помолиться».пустил его стрелецкий голова, затворил ворота. Тогда мнимые богомольцы сами отворили их и впустили в город всю шайку. Овладев городом, Разин казнил стрелецких начальников, а так как в Яике были стрельцы, верные присяге, то он казнил и их, а прочих отпустил. Но потом, видя, как некоторые из них действительно направились в Астрахань, он сообразил, что сделал ошибку, что, отпуская стрельцов, он увеличивает этим силы своих врагов, догнал их и расправился ними. В Яике Разин обосновался. Отсюда он ходил походом на татар, живших в устье реки Волги, и ограбил мимоходом одно турецкое судно; здесь казаки и зимовать остались. Завели они постоянную торговлю с кочевыми ордами калмыков и жили с ними всю зиму в мире.

В конце года прибыло в Яик посольство с Дона; привезли послы к Разину увещательную¹⁸ царскую грамоту и поручение от астраханского воеводы Хилкова.

Собрались казаки в круг и выслушали грамоту, в которой им советовалось оставить «воровство» и вернуться на Дон. После общего совещания Разин дал по приговору круга уклончивый ответ — и больше ничего не добились от него посланцы. Отправил на него тогда Хилков товарища своего Безобразова с ратными людьми; этот думал взять атамана и уговором, и силою, — но погромил его Разин, а бывших с ним стрелецких голов повесил.

В мае 1668 года села вся дружина казацкая на суда и уплыла в море, и целый год не знали на Руси, куда они уплыли. Приходили слухи, что плавают они по морю, что громят персидское царство, но никто не мог сказать ничего решительного.

А между тем на Дону движение не улеглось. Все говорили об удачах Стеньки Разина, и все, что сидело там в праздности и мечтало о добыче, хотело или к нему пристать, или пойти по его стопам на свой страх. Приехал в

то время в Астрахань новый воевода, боярин князь Прозоровский, и назначил он в Яик казацкого голову; взяли яицкие жители присланного и ни с того ни с сего утопили его в реке.

А на Дону собралась новая ватага, человек в 700, выбрала себе атамана Сережку Кривого и затеяла идти на соединение с Разиным. Перешли они на Волгу и поплыли вниз по Волге в Каспийское море. Воевода Прозоровский послал на них письменного голову Аксентьева со стрельцами и пятью пушками. Разбил Сережка государевых людей, сто человек стрельцов к нему добровольно пристало, офицеров стрелецких казаки в Волге утопили, и сам голова еле в Астрахань ушел. Нагнал Сережка Разина и присоединился к нему.

Осмелели после этого казаки-разбойники. Всюду стали составляться дружины и шайки. Всякий, видя общую безнаказанность, начинал похваляться своим удалством. И стало совсем неспокойно в донских и приволжских степях.

ГЛАВА VII

А между тем Стенька со своею дружиною плывал по берегам Каспийского моря, громил прибрежных татар и персов и брал себе в добычу их имущество. Все взятое делилось сообща и поровну, чтобы в самой ватаге не было взаимной обиды.

Напали они сначала на дагестанских татар, которые сами занимались грабежом и торговлей рабами и попавших к ним христиан насильно обращали в магометанство. Жестоко погромили казаки весь берег <от> Дербента до Баку: много сел спалили они, много разорили, набрали пленных и большую добычу.

В городе Реште казаки потерпели неудачу. Узнали они, что ждет их тут войско, и прикинулись, будто хотят вступить в подданство к шаху персидскому. Поверил им правитель Решта, заключил с ними мировую и пустил в город. Перехитрили персы казаков: выбрали время, когда гости пьяны напились, напали на них врасплох, перебили и перехватили около 400 человек. Остальные казаки спаслись на своих судах и поплыли дальше.

Приплыли они к городу Фарбаху и решили выместить здесь свою неудачу. Объявил Разин жителям, что приплыл он к ним для торговли, и торговали казаки мирно пять дней. Потом по данному знаку разом бросились на персов, многих перебили, набрали много пленников, богатств и сожгли увеселительные дворцы персидского шаха, построенные на берегу моря.

Недалеко от Фарбаха осталась на острове ватага зимовать, и устроил Разин обмен пленных. Казаки давали по одному персиянину за трех-четырех христиан, и много освобожденных из плена примкнуло к их дружине.

Надоело персидскому правительству терпеть нападения казаков, и решило оно наказать вольницу. Но пока оно строило флот, казаки весной переплыли на восточный берег Каспия и погромили Трухменские берега. Тут Разин потерял своего верного товарища Сержку Кривого. Затем ватага раскинула стан на Свином острове и от времени до времени грабила прибрежных жителей. В июле показались персидские корабли: 70 судов и на них до 4000 войска. Завязалась битва, и разнесли казаки флот персов. Только с тремя судами спасся их предводитель Менеды-хан, а сын его и дочь попали в плен к победителям, и отдали донцы персидскую княжну в наложницы своему атаману.

ГЛАВА VIII

В августе 1669 года подплыли казаки к устью Волги и обобрали рыболовный учуг¹⁹ астраханского митрополита и два персидских корабля: на одном были купеческие товары, а на другом донские кони — подарок персидского шаха русскому царю. Узнали об этом в Астрахани и выслали против Разина 36 стругов и на них 4000 стрельцов под начальством воеводы князя Львова. Воевода имел с собой милостивую царскую грамоту на случай, если казаки принесут повинную. Но казаки приносили повинную только в виде хитрости. Когда они видели, что сила не на их стороне, что им все равно несдобровать и что надо оттянуть время, — они вступали в переговоры с воеводами, шли на уступки и давали мирные обещания. А потом обманывали тех при первом удобном случае и обходились с ними как с врагами.

Увидел Разин корабли Львова и пустился в открытое море; долго гнался за ним воевода, наконец, устал и послал казакам милостивую грамоту. Начались переговоры. Прибыли к Львову два казака и привезли повинную от всей ватаги. «Пушки вернем и служилых отпустим в Астрахань, — говорили они, — струги отдадим в Царицыне, когда по Волге доплывем до того места, где надо будет на Дон переволакиваться: но государь велел отпустить нас на Дон со всеми пожитками».

Привел Львов посланных к присяге, и все поплыли в Астрахань: впереди воевода со своими судами, а сзади Разин с разбогатевшей вольницей.

Прикинулись казаки сначала, будто вовсе покоряются воеводам и правительству: отдали 21 пушку, кое-кого из пленных, отправили в Москву выборное посольство из семи человек — государю челом бить, а воеводам поднесли богатые дары.

Десять дней стояли они под Астраханью и все время ходили по городу и вели переговоры с воеводами. Прослышали воеводы, что не всех пленных и не все пушки отдал Разин, что много еще у казаков награбленного добра, и стали требовать у него остальное. Но атаман не сдавался. «Нельзя, — говорил он, — вернуть товары, они частью проданы, частью в платье перешиты; нельзя и пленных отдать — мы их кровью и саблями добыли, а пушечки остальные нам для обороны в степи нужны, и вернуть их мы тоже не можем».

Уступили воеводы на казацкие отговорки: и раздражать боялись вольницу, и поверить им хотелось, да и подарки хорошие им Разин подносил, не жалея. Затеяли они было переписать казацкое войско, как из Москвы о том приказ был. Но тут атаман воспротивился. Почуял он, что перепись ограничит его затеи — и народ будет на счету, и имена станут известны, да и прикрепления государственного боялся, — и отказал воеводам. «По нашим казацким правам, — сказал он, — не повелось казакам перепись делать; ни на Дону, ни на Яике того не было и в грамоте того не написано, что вы, воеводы, говорите». Боялись казаки крепостного уклада и не пошли на перепись. А воеводы и не настаивали. Привлек их атаман щедростью, и пировали они с ним по-приятельски.

А казаки в это время, разодетые в шелковые, бархатные одежды, жемчуг и драгоценные камни, расхаживали по Астрахани и вели с астраханцами бойкую торговлю. Сбывали они награбленные материи втридешево и возбуждали в народе всеобщую зависть и удивление.

Если быть бесстрашным и все себе позволить, если не брезговать грабежом и убийством, то можно быть богатым и нарядным — вот какой урок извлекал для себя простой народ из общения с казаками и тут же начинал верить, что головореза всегда ждет счастье.

Сам атаман отличался от прочих казаков особою щедростью. Толпе деньги так и текли из его рук; направо и налево сыпал он серебром и золотом, и народ начал оказывать ему чуть ли не царское почтение. Одни снимали перед ним шапку, другие отвешивали даже земные поклоны; он и впрямь становился в глазах толпы богатырем и героем. Слухи о нем разносились по Дону и Поволжью, подвиги его преувеличивались, и даже о разбитных делах его передавались целые легенды. Народ стал величать его «батюшка Степан Тимофеевич». Дивились все на богатое убранство его корабля, на пиры его и попойки. Из уст в уста передавали рассказ о том, как он во время пира кинул с корабля в Волгу красавицу персидскую княжну и утопил ее, как будто хотел отблагодарить этим великую реку за свои удачи во время плавания²⁰. Молва росла, и народ начинал возлагать на лихого разбойничьего атамана какие-то смутные и несбыточные надежды.

В сентябре отправились казаки к себе на Дон со стрелцкими провожатыми. Захватили они с собой, кроме речных стругов, и морские корабли и поплыли к Царицыну, чтобы оттуда через Паншино пробраться на Дон. По пути к ватаге приставал простой народ и даже стрельцы, и Разин не выдавал их воеводам: «Это<го> у нас, казаков, никогда не водилось, — говорил он, — чтобы беглых выдавать; а кто к нам придет, тот волен, мы никого не силуем; хочет, пусть прочь идет»²¹.

В Царицыне к Разину пришли казаки с жалобой на злоупотребления воеводы Унковского, чинившего им всякие поборы и утеснения. Атаман явился к нему заступником с целой толпой и хотел его немедленно, без

суда, наказать. Но воевода успел спрятаться. Не зная, на чем сорвать свой гнев, донцы разбили тюрьму и выпустили колодников, и Разин ушел из Царицына с угрозами.

А в это время казаки напали на два купеческих судна, плывших по Волге, обобрали купцов, захватили сотника, который царскую грамоту вез, и самую грамоту в реку бросили.

Вскоре после этого от Прозоровского из Астрахани явился к Разину посланный с требованием выдать всех приставших к дружине стрельцов, под угрозой царской немилости. Но Разин чувствовал уже свою силу и ответил ему не хитростью, а дерзостью. Грубо напустился он на посланца воеводы.

«Как ты смел, — кричал он на него, — придти ко мне с такими <непочтительными> речами, чтобы я выдал друзей своих, которые ко мне пристали ради любви и приятельства<!> Ты еще смеешь грозить мне немилостью<!> Хорошо<!> Скажи же своему воеводе, что я не боюсь ни его, ни кого-нибудь повыше его<!> Он теперь надеется на свою силу и <...> хочет со мной обращаться, как с холопом, когда я вольный человек... Я сильнее воеводы: погоди, вот я свижусь с ним и рассчитаюсь тогда»²² ...

С этим и ушел атаман на Дон, и ясно было, что он таит в себе новые замыслы..

ГЛАВА IX

На Дону атаман разбил свой стан на острове и устроил здесь из землянок городок Кагальник. Казаки не пошли в Черкасск, где атаманствовал Корнило Яковлев, обвели свой городок земляным валом и обосновались. И стал Кагальник настоящей станицей для всех беглых и голодных. Отовсюду стекались к Разину и казаки, и холопы, и приходили с Украйны даже запорожцы (днепровские казаки).

Молва о нем разнеслась по всей России, и беглецы стали соединяться вокруг него. Казаки всех принимали, поили, кормили, давали оружие и место. Атаман был со всеми ласков и охотно делился остатками персидской добычи. Он выписал из Черкаска свою семью и брата Фрола, а сам туда не поехал. Он оставался в Кагальнике. Жил в простой землянке и набирал себе большую ватагу.

Казаки в это время никого не грабили и только усиленно к чему-то готовились. Никто не знал, что затевает атаман, но все доверяли ему и были начеку. Переманил Разин к себе черкасских купцов, и те стали охотно ездить в Кагальник, так как казаки за все платили им чистой монетой.

Забеспокоились воеводы в Астрахани, написали в Москву, что де вор Стенька что-то затевает, и отправили бояре в Черкасск посла Евдокимова с грамотою, велев ему выведать все о Стеньке. Решили было домовитые казаки отправить в ответ на грамоту свое посольство в Москву, как вдруг в Черкасск свалился, как снег на голову, Разин со всей своей ватагой.

Мигом все перевернулось. Простые казаки встретили Разина с восторгом; атаман объявил им, что Евдокимов подослан лазутчиком, и на другой же день царского посла утопили. Напрасно Корнило Яковлев старался помешать: толпа не слушала его и явно переходила на сторону Разина. Он стал настоящим господином в Черкасске и объявил всем, что думает идти на Волгу и всех желающих зовет с собой.

Тут пришло с севера известие, что в Воронежской и Тульской губерниях хозяйничает шайка, составленная из беглых крестьян и холопов, всего человек 500, которые под начальством атамана Васьки Уса разоряют помещиков и вотчинников, подговаривают крестьян с собою и похваляются еще худшими бедами служилому люду. Двинулся Разин к Паншину вверх по Дону и соединился здесь с Васькой. Собралось всего народу до 7 тысяч, и решили казаки идти к Царицыну.

Лишь только ватага обложила Царицын, как пять человек изменников прибежали оттуда к Разину и объявили ему, сколько в городе денег, какие запасы и как построены укрепления.

Сидел тогда в Царицыне воевода Тургенев: запер он ворота, расставил стрельцов, приготовился к приступу. Но к Разину явились еще пять человек царицынцев и просили разрешения выходить из города за водой. «Уговаривайте воеводу, — сказал им Васька Ус, — чтобы он отпер город, а если он заупрямится, то вы сами отбейте замок и впустите нас».

Боялись жители осады, поколебались они от уговоров, отперли ворота и впустили казаков. 13 апреля Стенька въехал в Царицын; духовенство приняло его с почетом, жители устроили ему приветственное угощение, а воевода с немногими преданными ему людьми заперся в крепостной башне. В городе начался общий пир, после которого башня была взята приступом и воевода утоплен. Тут пришли с двух сторон тревожные вести: с юга надвигалась рать астраханского воеводы, а с северной плыл на стругах отряд стрельцов в 1000 человек под начальством Лопатина. Разин разделил казаков на две части и двинулся против Лопатина; часть плыла на стругах вдоль лугового берега, а часть двигалась по нагорной стороне, и застали они стрельцов врасплох.

Стрельцы спокойно стояли в семи верстах от Царицына, как вдруг с двух сторон на них посыпались пули. Решили они прорваться к Царицыну и начали изо всех сил грести, отстреливаясь. Но лишь только они подплыли к городу, как оттуда в них хватили из пушек. Половину стрельцов перебили казаки, начальника отряда и офицеров утопили, а остальные со страху сами к ним пристали. Забрали разбойники казенные суда, а стрельцов обласкали и гребцами посадили.

Когда астраханский воевода князь Прозоровский узнал об успехах казаков, начал спешно сооружать целую эскадру и вооружил ее пушками. Посадил на суда 2600 стрельцов и 500 вольных людей, поручил начальство князю Львову, и двинулись 40 стругов вверх по Волге. Кроме того, целый полк сухим путем двинулся на помощь прежнему отряду.

А в это время Разин послал в Астрахань своих рассыльных агентов, которые везде сулили от его имени волю и равенство и тем многих сбивали с толку и склоняли к измене. Шептуны его рыскали всюду и подговаривали народ и стрельцов приставать к казакам.

И везде эти люди действовали с успехом. Недовольство жизнью и темнота были так сильны в народе, что и молодые и старые готовы были верить каждому новому слуху и надеяться на каждое бунтовское движение. В народе и среди стрельцов воеводы стали замечать усили-

вающееся недовольство и брожение. Им удалось поймать одного подстрекателя, и они повесили его перед флотилией для острастки недовольным. И прежде смерти его истерзали пытками, думая подавить недовольство ужасом. Но застрашивание не могло помочь. Недовольство было настолько сильно в простом народе, что довольно было малейшей надежды на улучшение, чтобы непокорность проявилась на деле.

Когда атаман узнал в Царицыне, что на него идет 40 кораблей, он собрал круг и с общего согласия двинулся навстречу.

Под Черным Яром корабли встретились, и тут произошло нечто такое, на что никто не рассчитывал. Едва Стенька Разин появился в виду астраханского войска, на всех казенных судах вспыхнул мятеж. Стрельцы и вольные, надеясь найти в Стеньке своего освободителя, бросились вязать своих начальников.

Знал Разин эту веру простого народа и эту надежду его и всегда старался поддержать ее: в том он видел источник своей славы, своей силы и безнаказанности.

«Здравствуйте, братья, — объявил он им, — мстите теперь вашим мучителям, что хуже турок <и татар> держали вас в неволе; я пришел дать вам льготы на свободу. Вы мне братья и дети, и будете вы так же богаты, как я, если останетесь мне верны и храбры»²³.

Всех офицеров побросали в воду стрельцы (уцелел только воевода князь Львов) и присоединились к войску Разина. И стало их тогда свыше 10 тысяч.

ГЛАВА X

Со взятия Царицына прошло не более месяца, а много событий случилось за это время, изменивших все положение. Чуть ли не на полгода обеспечили себя казаки от стрелецких отрядов. Они взяли города Камышин и Черный Яр, воевод утопили и везде, как в Царицыне, ввели упрощенное казацкое управление. Жители делились на сотни и десятки, составляли круг и назначали себе атамана. В Царицыне Разин на кругу объявил свой план, состоявший в том, чтобы идти по Волге вверх, брать города, нападать на воевод и помещиков, а затем двинуться

на Москву. Казаки восторженно приняли его предложение, и тут же всюду во внутренние губернии были разосланы люди с зажигательными письмами, в которых народ призывался устранять воевод и помещиков, не платить податей и заводить у себя казацкое самоуправление. Это означало, в сущности говоря, выход из русского государства и раздробление его на множество мелких, самостоятельных городов, посадов и сел. Казалось, что в то время русский народ был склонен искать спасения в распаде и распылении.

Наконец 18 июня рыбаки принесли в Астрахань весть, что Стенька Разин со своим войском стоит под городом.

С тех пор как пришло в Астрахань страшное известие об измене стрельцов, воевода Прозоровский стал готовиться к осаде города. Замечал он брожение среди стрельцов, видел настроение жителей, которые подчас говорили о сочувствии Разину, и понимал, что спасти его могут только свежие силы, если они придут из Москвы. Пробовал он посылать гонцов, да не доезжали они; а тут в народе стали говорить о разных предзнаменованиях, агенты Разина обещали всем льготные годы, и брожение усилилось.

За четыре дня до начала осады стрельцы пришли на двор к воеводе и потребовали себе жалованье, которое им не платили за недостатком денег. С трудом удовлетворил их воевода и уговаривал при этом «не сдаваться на изменнические внушения богоотступника Стеньки». Но разложение в рядах стрельцов было уже слишком велико и исход событий был предрешен. Лишенные государственного смысла и понимания, стрельцы часто оказывались плохую поддержкою и ненадежною опорой порядка.

18 июня от Разина пришли двое посланных — поп и боярский человек — с предложением сдать город. Воевода вместо ответа пытал обоих, ничего не добился, попа посадил в тюрьму, а боярского человека казнил и стал деятельно готовиться к приступу. Митрополит устроил крестный ход, а воевода осмотрел укрепления, вооружил посадских и расставил пушки.

20 июня Прозоровский, опасаясь измены, призвал на митрополичий двор стрелецких офицеров, начальник

которых был уже в сношениях с Разиным. Здесь митрополит увещевал их сражаться мужественно и обещал им за это вечные блага вместе с Христовыми учениками²⁴.

На следующий день раздался набат, возвещавший начало приступа, и воевода с дворянами и детьми боярскими стали у Вознесенских ворот. Но в то время, когда они готовились встретить отсюда осаждающих, казаки с другой стороны города подставляли лестницы и стрельцы помогали им взбираться на стену. Вслед за тем раздалось пять пушечных выстрелов, обозначавших сдачу города, и началось нещадное избиение всех, кто почему-нибудь был негоден погромщикам. Все, кто был сколько-нибудь побогаче или кто занимал какую-нибудь служебную должность и кто мог поэтому привлечь к себе зависть или недоброжелательство голытьбы, — все бросились спасаться; были и такие, что защищались, и по городу шло большое кровопролитие.

Сам Прозоровский был тяжело ранен и успел только причаститься; казаки и рядовые стрельцы перевязали всех оставшихся в живых и посадили возле храма, ожидая суда. Явился атаман. Народ встретил его приветственными криками, и началась дикая расправа. Воеводу сбросили с раската и многих казнили...

Тут всякий вспоминал свои обиды, бывшие и воображаемые; страсти расходились, народ рассвирепел и нещадно избивал всех, принадлежавших к высшему классу. Правый и неправый гибли в этой слепой и озлобленной бойне. Несколько дней продолжалась жестокая расправа. Все лавки были опустошены, купцы перебиты, все богатства из церквей вынесены, все товары сложены в одно место — и начался общий раздел поровну. После суда атаман велел вынести на площадь из приказной палаты все бумаги и дела и сжег их всенародно. «Вот так же, — похвалялся он, — я сожгу все дела наверху у государя»²⁵. А народ, видя это, радовался, ибо думал, что вся беда в писанных документах и что истребить их — значит перестроить жизнь по-новому.

Вслед за тем в Астрахани было введено казацкое устройство и управление. Жители разделились на тысячи, сотни и десятки; делами стал управлять круг, или народ-

ное собрание, с выборными атаманами, есаулами, сотниками и десятниками.

Но страсти не могли скоро улежся. Тяга к междоусобию жила в народе; да и боялись, что за месть придет ответная месть и за расправу — ответная расправа. Жители несколько раз приходили к Разину и говорили: «Многие из приказных людей и дворян схоронились; вели их отыскать и побить; а то как будет присылка от государя в Астрахань — они станут нам первые враги».

Однако Разина влекло уже дальше. Не сиделось ему в Астрахани.

«Когда я уеду из Астрахани, тогда делайте, что хотите», — отвечал он им.

Атаманом в городе был посажен Васька Ус, и под начальство его стала половина казаков астраханских и стрельцов московских.

И по уходе Разина в Астрахани осталось казацкое устройство. Но продержалось оно всего пять месяцев.

ГЛАВА XI

С лишком три недели пробыл Разин в Астрахани и в середине июля двинулся вверх по Волге. Желавших идти с ним было около 10 тысяч; плыли они на двухстах судах, да по берегу шла конница числом 2000.

Первый город, который предстояло взять Разину, был Саратов. Жители сдали Саратов без всякого сопротивления. Воеводу Лутхина утопили, чиновников и приказных перебили, а имущество их разграбили и разделили. В городе ввели казацкое управление и выбрали атамана.

Разин двинулся дальше и подступил к Самаре. Здесь были две партии: одни стояли за воеводу, другие за присоединение к казакам. Когда появилось за стенами войско, в городе началось междоусобие; но сторонники бунта оказались сильнее, и ворота были отперты.

И здесь была произведена такая же расправа, как в Саратове: воевода утоплен, приказные перебиты, имущество их поделено и в городе введено казацкое устройство.

В первых числах сентября войско атамана стало под Симбирском. Город был сильно укреплен, и сидел в нем боярин Милославский, с ним много стрельцов и дворян.

Впереди был посад с острогом, обведенный рвом и стеною. Лишь только показался атаман, жители посада впустили казаков в ворота, отперли острог и передались на его сторону. Но не так легко было взять самый город, и Разин стал готовиться к осаде.

Укрепили казаки посад, расставили пушки и стали метать в город горючие вещества, стараясь произвести пожар. Милославский отсиживался, тушил начинавшиеся пожары и посылал в Казань гонца за гонцом, прося о помощи. Но гонцы не доезжали, и положение его становилось тяжелым. Так прошел целый месяц; войско Разина все увеличивалось, к нему отовсюду стекались беглые крестьяне и восставшие инородцы (черемисы, мордва, башкиры).

Но вот в начале октября показалась помощь; с севера шел окольный князь Бярятинский с большою стрелецкою ратью. Проведал Разин, по какому пути идет рать, и выступил ей навстречу. Сошлись два войска в жестокой битве. Трудно было необученному люду бороться с солдатами, из которых некоторые были обучены как следует ратному делу. Казаки Разина могли побеждать только тогда, если в лагере стрельцов была измена или если они нападали на стрельцов в подавляющем числе. Войско Разина всегда оставалось не более как сборною ватагою, и настоящего боя оно выдержать не могло. И потерпело оно, как и следовало ждть, тяжелую неудачу. Отступили они к острогу, а Бярятинский взял четыре пушки и 120 пленных, которых и велел немедленно повесить. Вскоре после того Бярятинский подошел к Симбирску через реку Свягу и освободил Милославского: казаки не могли ему помешать.

Наступила ночь, и Разин пошел на приступ; тогда воеводы, желая отвлечь его внимание, послали ему в тыл целый полк и обманули вольницу. Подумали казаки, что пришла новая рать, что они окружены со всех сторон, и собрались на тайное совещание. Тут-то и обнаружилось наглядно, кто они и чье дело отстаивают. Решили они уйти потихоньку, не сказавшись простому люду — беглым крестьянам, доверчиво приставшим к их ватаге. Побоялись казаки, что не выдержат они боя и что разобьют

их окончательно, а судьба беглого люда их не беспокоила: убегут ли назад, откуда прибежали, или будут пойманы и повешены крестьяне, — не все ли равно, когда надо было *свою* шкуру спасти. И ушел Степан Тимофеевич по-предательски, никому не сказавшись: сели на суда и уплыли вниз по Волге.

Наутро увидели остальные, что казаки ушли, и бросились в диком страхе и давке занимать оставшиеся суда и спасаться. Пустились за ними стрельцы и дворяне в погоню и многих перекрошили и утопили. Резня была страшная. Многих в плен побрали воеводы и начали чинить над взятыми расправу без суда и следствия. Больше шестисот человек казнил Бярятинский; говорят, весь берег Волги был уставлен виселицами, других четвертовали и расстреливали...

ГЛАВА XII

Таким образом, нападение на Симбирск кончилось полной неудачей для казаков; с победой Бярятинского, которая, по мнению историка, спасла русское государство, действия их по средней Волге должны были прекратиться. Но с самим бунтом далеко еще не было покончено. Напротив, теперь-то он начал расходиться волнами во все стороны.

Мы видели, в каких тяжелых условиях жил русский простолюдин и как легко он проникался решением идти на что угодно, только бы выйти из невыносимого положения. Мы видели, как много было на Руси беглых и скрывающихся, как мало понимал простой народ свое положение и средства помочь беде, как доверчиво относился он ко всяким слухам и обещаниям и как он ждал спасения не от государственного переустройства и не от справедливых законов, а от бунта и восстания.

Мы можем поэтому легко представить себе, как должен был отнестись простой народ к возваниям и посулам Стеньки Разина. В этих грамотах атаман извещал, что он идет «истребить бояр, дворян, приказных людей, искоренить всякое чиновачалие и власть, установить по всей Руси казачество и учинить так, чтобы всяк всякому был равен»²⁶.

«Я не хочу быть царем, — писал он, — хочу жить с вами как брат»...²⁷

Посланные от Разина бродили по нынешним губерниям Нижегородской, Тамбовской, Пензенской, проникали в Москву и в Новгородские земли и даже к Белому морю. Везде обещали они льготные годы и проповедовали полное уничтожение властей.

Поднять народ было в то время нетрудно: недовольство тяжелым государственным гнетом и несправедливым хозяйственным укладом было и без того велико, а грамоты Разина разжигали слепую веру в то, что достаточно кого-то истребить, кого-то сжечь, объявить всеобщее равенство — и беде придет скорый и радостный конец. Не понимал народ, что вместо истребленных придут новые люди, вместо сожженных бумаг будут написаны новые, а вместо разоренных зданий будут построены другие; что объявленное равенство тотчас же само уничтожится благодаря различному поведению «уровненных» людей; что уничтожить власть — значит уничтожить государственное единство и предоставить раздробленную Русь на поток и разграбление соседям. Не понимал этого народ и широко отзывался на призыв Разина стихийным восстанием. Одни расправлялись с воеводами и вводили казачину; другие жгли усадьбы помещиков и не платили оброков; третьи бросали все дела и присоединялись к самому атаману. Пошли вздорные слухи о самозванцах. Говорили, что с Разиным идет на Москву только что умерший царевич Алексей²⁸, сын Алексея Михайловича; что он вовсе не умер, а бежал от козней бояр и гнева отца и должен теперь сесть на престол; другие говорили, что атаман укрыл у себя низверженного царем патриарха Никона²⁹, который теперь и ездит с ним на корабле, обитом черным бархатом... Молва народная разукрашивала восстание вымыслами и сказками, и простой люд стекался со всех сторон к атаману.

Так было до симбирского поражения.

Теперь, когда Разин был разбит и бежал на Дон, мятеж разлился с новой силой. Казаки партиями разбрелись повсюду и разносили повсеместно слухи и брожение; присоединяться было уже не к кому, и каждый начал

действовать за свой страх; волнение росло с каждым днем.

Агитаторы (подстрекатели) ходили из уезда в уезд, из города в город и увлекали народ к бунту. Люди составляли круг, чинили расправу над неугодными лицами и выбирали «своих». Иногда партии собирались в большие отряды, и тогда воеводам приходилось выдерживать настоящие сражения.

Начальство над всеми войсками, укромившими восстание, было поручено князю Долгорукому, и он вместе с Бярятинским деятельно принялся за усмирение. Но им пришлось порядочно повоевать: пока они усмиряли народ в одном уезде, в трех других местах вспыхивал мятеж; добирались они и сюда — снова восставали раз уже покоренные. Тогда воеводы прибегали к жестоким мучительствам и казням, и непокорные расплачивались имуществом, кровью и жизнью.

Разбив Разина под Симбирском, Бярятинский прежде всего двинулся в Алатырский уезд, где господствовали восставшие; тут ему пришлось выдержать бой с пятнадцатитысячным ополчением и даже понести немалые потери. Но в конце концов ополчение было разбито наголову и началось жестокое преследование. «За трупами нельзя было проехать, — доносил потом воевода, — а крови пролилось столько, как будто от дождя большие ручьи протекли».

Часть пленных воевода казнил, и Алатырь сдался.

В это время движение распространилось по северным уездам. В Козьмодемьянске к мятежным крестьянам пристали посадские, стрельцы и пушкари, воеводу и подьячего убили, выбрали старшину, атамана, освободили колодников и вооружились. В городе Василе воевода, узнав об этом, бежал, а жители поделили между собой казну и сожгли все делопроизводство и царские грамоты. То же самое повторилось в городе Ядрине.

Народ волновался, бунт увлекал посад за посадом. Но все это было безнадежно. Вооружение было плохое, и воевать жители не умели. Движение вообще делало крупные успехи только тогда, когда к нему присоединялись стрельцы.

Пришел Баятинский с обученными солдатами, и города сдались один за другим. Воевода казнил смертью 60 человек, у ста человек отрубил по одному пальцу, у других совсем отсек руки, а 400 человек нещадно наказал кнутом.

Распространяясь на юг, брожение достигло двух больших сел на Волге — Лыскова и Мурашкина.

Началось с того, что двадцать человек жителей собрались в круг по-казацки и отправили посланного в Симбирскую губернию к атаману Максиму Осипову просить его приехать и установить у них вольное управление. Атамана встретили с крестами и образами и приветствовали радостными криками. Были и такие, которые не сочувствовали беспорядку и удалились в Макарьевский монастырь, где и заперлись с монахами.

На общем совете было решено не оставлять в монастыре сторонников порядка и овладеть обителью. Сначала действовали уговорами; но монахи боялись за целостность монастырских сокровищ и послали в Нижний просьбу о помощи. Тогда приступили к правильной осаде монастырских стен. Монахи с помощью купцов, сложивших в монастыре свои товары, и посадских отстаивали вместе богатую обитель, но, наконец, напуганные подошедшей к ватаге помощью, разбежались. Обитель была взята и разграблена. Бунтовщики забрали все имущество, казну и товары и поделили между собою.

Тут нагрянул посланный Долгоруким воевода князь Щербатов со стрельцами, разбил непокорных и начал расправу. Одних вешал, других сажал на кол, иных прибавал гвоздями к доскам или раздирал крючьями и засекал до смерти.

После казней Щербатов двинулся к Нижнему. Сюда собралось много восставшего народа с Оки и Волги, обложили город кольцом и собирались его взять. А тем временем ловили в окрестностях помещиков и чиновников и чинили над ними самовольную расправу.

Щербатов разгромил их рать. Беглецы рассеялись по губернии, и вместе с ними распространился бунт по селам и деревням.

В это время князь Долгорукий, стоявший со стрельцами в Арзамасе, услышал, что неподалеку собралось

большое войско мятежников — тысяч около пятнадцати. Выступил воевода против них и дал им битву. Четыре раза сходились оба войска, но, наконец, стрельцы взяли верх. Плохое вооружение, отсутствие воинской дисциплины и ратная необученность не давали бунтовщикам возможности сопротивляться в открытом бою. Победители захватили шесть пушек и много пленных, привели захваченных в Арзамас и начали судить и казнить. С пытки все пленные показывали, что собирались они взять Москву и всех бояр, дворян и приказных людей перебить насмерть.

«Страшно было смотреть на Арзамас, — говорит современник, — его предместья казались совершенным адом; повсюду стояли виселицы и на каждой висело по сорока и пятидесяти трупов; там валялись разбросанные головы и дымились свежей кровью; здесь торчали колья, на которых мучили<сь> преступники, и часто (они) были живы по три дня, испытывая неопишуемые страдания»...³⁰

Но и такие казни не могли подавить восстание сразу. Бунт, как зараза, перекидывался сразу во много мест, и страх не мог погасить неудовольствия. Правительство не понимало как следует положения вещей и не могло придумать ничего, кроме кровавого подавления. Долгоорукому скоро пришлось идти покорять Тамбов и Пензу. Здесь движение распространилось с особенной силой. Чуть не все уезды и города приняли в нем участие и вооружились, чем попало.

Началось с города Корсуня, куда из-под Симбирска пришел атаман Мишка Харитонов с отрядом и объявил общую цель движения: брать города и бить воевод и служилых. Жители города пристали к нему, устроили казацкий круг и предали смерти воеводу, подьячего и стрелецкого голову. Потом толпа двинулась к Саранску, где жители немедленно казнили воеводу и объявили себя на стороне Разина.

Тогда Харитонов со своим ополчением пошел к Пензе; лишь только завидели пензяки его знамена, взбунтовались, перебили воеводу и служилых и устроили казачину. Здесь Харитонов соединился с саратовским атама-

ном Васькой Федоровым, и оба вместе двинулись к городу Нижнему Ломову.

Местный воевода Андрей Пекин видел, что у него нет войска для того, чтобы оказать сопротивление, но не бежал, а остался на своем посту. Незадолго перед тем он писал воеводе Якову Хитрову, сидевшему в Шацке: «Поминай меня, убогого, да и великому государю извести, чтобы указал в синодах записать с женой и детьми». И действительно, через несколько времени бунтовщики овладели городом и убили его, вздернув на копья.

В Верхнем Ломове бунтовщики объявили «льготные годы», сожгли царские грамоты и деловые бумаги и ввели казацкий строй.

Тут пристали к движению Темниковский, Кадомский и Тамбовский уезды. Крестьяне под начальством попа Саввы и старицы Алены составляли отряды, жгли и грабили и устраивали засеки в лесах для встречи ратных людей; при этом они, подражая другим, объявляли себя «казаками» и устраивали у себя «казачину».

Но и это движение было с самого начала обречено на неудачу. Никто не понимал, к чему надо стремиться и в чем задача движения. Не было ни единого плана, ни организации, ни вооружения. Казалось, что стоит только сделать то, что делают другие, когда «бунтуют», и начнется новый порядок. А между тем беспорядок рос, и расправа была не за горами.

С трех сторон двинулись воеводы укрощать восставших. Харитонов и Федорова разбил несколько раз воевода Хитрово, Щербатов овладел Ломовом, а Долгорукий двинулся в Темниковский уезд. Жители, слыша, что на них идет большое войско, робели, выходили навстречу с образами и, перетрусив, выдавали зачинщиков. При этом воеводы вешали этих зачинщиков по проездым дорогам, иногда человек по пятидесяти, а прочих приводили к присяге. Ежели же они встречали сопротивление, то прибегали к жестоким пыткам и казням.

Так, сожгли заживо старицу Алену в Темникове; в Тамбовском уезде некоторым отсекли руки и ноги и пустили для устрашения; бесчисленное множество крестьян было наказано кнутом. Многих воеводы в наказание пе-

реписывали из крестьян в холопы, а иногда предавали целые села огню и пускали жителей по миру.

Иностранцы говорят, что в это время погибло от казни до ста тысяч человек.

Еще вспыхнуло восстание на юге в Коротояке и Острогжске, на севере и Галицком уезде за Волгою; добралось движение и до Соловецкой обители, где двое казаков учили монахов не повиноваться церкви и не считать царя государем.

Но это были уже слабые отклики.

В Астрахани дольше всего продержалось казацкое управление, но и астраханцы сдались наконец Милославскому, когда увидали, что восстание кончается, залитое кровью замученных. При этом боярин обещал всем от имени царя прощение и помилование. Однако и здесь через полгода была произведена жестокая расправа, и этим движение могло считаться окончательно раздавленным.

Трудно сказать, как далеко могли пойти его успехи. Мы знаем из истории об удивительном сочувствии, которое встречали казаки в населении. Дошло до того, что в самой Москве стали говорить, что Стенька вовсе не вор и что в случае если он придет в Москву, его нужно встретить хлебом-солью. Но дело было проиграно.

Разину действительно суждено было въехать в Москву, но не победителем, а пленником.

Посмотрим, какова была его участь.

ГЛАВА XIII

После симбирского поражения атаман не потерялся. Саратовцы и самарцы не пустили его к себе в город, опасаясь погрома от воевод, и скрылся он с верными ему донцами в своем земляном городке.

Снова разослал он повсеместно свои воззвания, послал о себе весть в Астрахань и начал готовиться к новому походу. Но казаки были напуганы его поражением, и в Черкасске партия домовитых во главе с Корнилом Яковлевым брала верх. Двинулся Разин к Черкасску, но его туда не пустили; казаков у него было немного, и пришлось ему уйти к себе, ограничившись угрозами.

Стал он набирать новую ватагу и в это время казнил смертью некоторых врагов из числа домовитых, попавших к нему случайно в руки.

Рассердились на Стеньку домовитые казаки и послали в Москву просьбу прислать им помощь для расправы с ним.

Решили в Москве дать Корнилу Яковлеву стрельцов, а Разина и его единомышленников для отвлечения от них народного сочувствия предать церковному проклятию.

В апреле 1671 года двинулись домовитые из Черкаска к Кагальнику, взяли его, разорили, перевешали всех сообщников Разина, а самого атамана и его брата Фрола отправили в цепях в Москву.

4 июня Разина ввезли в столицу на телеге, прикованного цепью за шею к перекладине виселицы. Толпы народа сопровождали атамана до самого земского приказа. Тут обоих братьев подвергли жестокой пытке. Но Степан молчал, и от него не добились ни слова.

Через два дня его казнили на Лобном месте четвертованием, а брата его сослали в вечное заточение.

Так закончилась жизнь этого человека, о котором доселе трудно сказать вполне верное и справедливое слово. Народная молва разукрасила его жизнь и деятельность легендами, полными удивления и сочувствия. До сих пор живы былины, песни и сказания, посвященные ему и его товарищам, передающие много поэтического вымысла и небывальщины³¹.

Но настоящий смысл бунта мало кому ясен; и тот, кто захочет понять эту страницу из жизни русского народа, тот должен много и долго подумать над причинами и результатами всего движения.

Тогда он увидит, что бунтом нельзя перестроить государства; что страшная злоба и жажда мести всегда были плохими советчиками и что государственный уклад можно исправить только дружной, планомерной и организованной борьбой за новые, справедливые законы.

КРУШЕНИЕ РОССИИ

КУДА ИДЕТ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ?

Словно бесом, злобным и жадным, слепым и глухим, одержима наша Россия, и пути, по которым бредут народные массы, поощряемые демагогами, суть пути насилия и позора. Месяц за месяцем прививала государственная власть широким слоям населения ту идею, что «народу все дозволено» и что «народ не наказуем»; месяц за месяцем обеспечивала она свободу действия мнимореволюционным агитаторам; и месяц за месяцем русский народ, спаиваемый дурманом ложно понятой «свободы», пьянел от обещаний и призывов, от собственной жадности и провокаторского попустительства. Революция медленно, но неуклонно вырождалась в гражданскую войну; напряжение борьбы переносилось с фронта внутрь страны, и народные массы все более утрачивали *вменяемость*. Ныне необходимо признать, что «левые» партии «победили»; им удалось терроризовать и обессилить представителей государственной власти и превратить народ в распыленные, деморализованные толпы погромщиков. Они «углубили» революцию: «фактический захват» торжествует по всей линии, патриотизм смолк, государственность поругана, идея правовой организации народоправства не имеет будущего. Народ не «ждет» Учредительного Собрания и не верит в него. И в этом разложении права и государства «революционная демократия» найдет ту судьбу, которую она сама себе приготовила.

С самого начала революции искание *права и справедливости* вылилось в идею о правильно созванном Учредительном Собрании. Эта правильность созыва требовала и требует прежде всего известного *душевного равновесия* в широких слоях народа. Ожесточение, доведенное до гражданской войны; утомление и страх смерти, излившиеся в общую деморализацию; расшатание всех зачатков правосознания, превратившее гражданина в хищника, — все это делает народ *органически неспособным* к учредительному законодательству. Способен ли народ учреждать

новый государственный строй, если он не верит в необходимость всенародного *единения*, если он не чувствует общего, всенародного *интереса*, если он не верит в *правовые пути*? Старый строй подорвал в народе доверие не столько к «царю», сколько к «закону»; а новый строй, «углубляя» революцию, приложил все усилия к тому, чтобы поддержать и разжечь это недоверие к праву. Так называемая «революционная демократия», воспитанная в подполье, вышла на свет Божий с изувеченным правосознанием; она сама не верит в право и не умеет творить его; она сама верит только в лозунг экспроприатора: «что взято, то свято». И потому она сделала *все* для того, чтобы фактически разочаровать народные массы в государственной учредительной работе. Она сделала все, чтобы превратить народ в невменяемую толпу, одержимую бесом погромной жадности и не подготовленную к учредительным выборам.

И вот, сложилось положение вещей, при котором страна должна «выбирать», а к выборам не готова и не способна. Кого же пошлет погромщик, если не того, кто звал к погрому и потакал ему? Но что же будут делать с Россией в Учредительном Собрании эти пособники и укрыватели громил? К какому законодательству способны они? Что они могут «учредить», кого организовать, какую власть создать? Мало того, кому они могут импортировать? В чьих глазах они будут иметь авторитет?

Выброшенные бунтующей толпой и став у власти, они не сумеют ни «учреждать», ни властвовать. Им останется только два исхода: или по-прежнему идти в хвосте у погромщиков, или же найти себе нового «хозяина», который купит их со всем их душевным скарбом. Мнимый революционер, пробившийся к власти демагогическою «взяткою», извлечет новую выгоду из своей продажности, и революционная «гора» превратится в монархическое «болото». Этого ли позора ждать нам в России? Это был бы поистине скорбный и быстротечный путь от самодержавия, покоившегося на силе, через «бессмертную» революцию к самодержавию подкупа.

Еще весною мы, государственно мыслящие люди, видя, как под охраною словоохотливого вождя¹ крепнет партия развала, указывали на то, что нелепо и безумно было бы созывать Учредительное Собрание до окончания

войны и вне сознательной и спокойной предвыборной работы. Была вера в то, что воля народа, проявленная *сознательно и свободно*, не может захотеть ничего иного, кроме государственного блага и справедливости для всех. Не страх перед радикальными реформами и не лицемерный расчет двигал душами, когда раздавались призывы: «*ждать Учредительного Собрания*» и «*отложить* его до конца войны»; не страх, но твердое знание, что на слепой и разнузданной страсти нельзя построить государства и что только честное, свободное и сосредоточенное искание может найти путь к настоящему обновлению русской жизни.

Скажем открыто и прямо: эта вера, что «народ *хочет* правды» и *может* найти ее в спокойных и сознательных выборах, жива в нас и доселе. Но *камни вопиют* о том, что такие выборы *ныне невозможны*. То, что может произойти в ноябре под видом выборов, будет бессмысленной и угарной толчеей вокруг избирательных урн; народ все еще будет верить демагогическим посулам «немедленного мира» и «бесплатной земли» и отдавать свои голоса политическим авантюристам; еще сильнее, чем в сентябре, будет абсентеизм² в спокойных и уважающих себя кругах населения; честные и патриотические голоса будут еле слышны. Ноябрьские выборы в Учредительное Собрание будут проходить всюду под знаком *подкупа*: демагогия будет подкупать обещаниями темного избирателя, а крайние правые элементы — продажного депутата. Необходимо осознать это всенародно: в ноябре организуется невиданное, всенародное надругательство над идеею Учредительного Собрания.

Зачем же назначаются эти выборы? Почему власть не отложит их?

Отложить выборы нельзя по двум основаниям: во-первых, «не позволяют» советы, а власть *не смеет* их слушаться; во-вторых, сама власть ищет *хоть какого-нибудь* выхода из того полного распада, в котором она пребывает. Власть терроризирована советами: самый механизм властвования выпал из ее рук; ее *решения* остаются *ее* словами; она не смеет начать действовать и лишь запуганно косится на гнездо жалищих словами трутней революции. Россия гибнет от двоевластия, и обе власти

ее тонут в словах. Одна обессиливает другую, но не силой своею, а мертвым грузом своего бессилия. И обе ищут «исхода», инсценируя «всенародные» выборы под рев урагана. Напрасно думают обе «власти», что им удастся окрепнуть в результате этих выборов; результат ясен заранее: создастся третья, тоже бессильная и потому мнимая власть, создастся и повиснет на обеих — новым мертвым грузом. Ибо таков закон политической жизни: властвовать способен только тот, кто имеет в душе своей *гражданское мужество и государственное «правосознание»*. В политике «слово» не есть еще «дело», и способность к *государственному акту* не может прийти ниоткуда извне.

История покажет, как Учредительное Собрание ноябрьского срока завершит судьбу русской революционной демократии».

Отказ г. Керенского

Г. Керенский снова отказался, и притом «совершенно решительно и категорически». Но не от власти, а от *пользования* ею для водворения дисциплины в армии и порядка в стране. В этом отношении речь его, произнесенная на открытии «предпарламента», имеет недвусмысленное значение и окончательно выясняет ближайшие политические перспективы: власть будет «тревожно» взирать на всероссийское погромное движение и призывать страну к единению. А погромы будут идти своим чередом. Г. Керенский «заверил» окончательно «всю страну», что бегущие с фронта, буйствующие, громящие, спекулирующие и болтающие в «комитетах» солдаты «стремятся к торжеству права и справедливости» и что «воля их никогда не будет сломлена насилием»: правительство «служит идеям свободы, равенства и братства» и поэтому «не будет прибегать к мерам», «оскорбляющим эти идеи»...

Неужели не все еще понятно? Неужели еще есть слепцы? Неужели еще не ясна судьба, которую готовят России и революции?

Для того чтобы объяснить образ действий г. Керенского, есть, по-видимому, только два предположения:

или он вообще не понимает, в чем состоит сущность государственной власти; или же он совсем не осведомлен о том, что происходит в стране.

В чем же состоит сущность государственной власти? Она состоит в том, что власть имеет и право, и обязанность действовать *принудительно* всюду, где граждане открыто не подчиняются законам и не хотят их соблюдать. В этой *обязанности* принуждать и заставлять, в этой *обязанности* поддерживать правопорядок силою состоит и всегда состояла основная природа всякой государственной власти. Тот, кто берет на себя полномочие править, — берет на себя тем самым *обязанность* действовать *всюду*, где *необходимо*, *оружием*, *насилием* для поддержания гражданского мира и порядка. В этом состоит великое *бремя* власти — *бремя ответственности* перед всей страной, перед историей и, прежде всего, перед своею *честью* и *совестью*.

Поэтому тот, кто берет власть, обязан понимать и помнить, что берет *власть*, что полномочие его *обусловлено* обязанностью принуждать буйствующего; что нельзя оставить за собою пост и звание, а обязанность «не принять» или «не пользоваться» ею. Нельзя быть органом государства, а действовать так, как если бы наступил *анархический строй*. И тот, кто так поступает, обнаруживает, что у него нет представления о своих обязанностях, что у него *нет правосознания*. Нести власть — не значит изливаться потоком слов, фигурировать, наслаждаться «восторженным приемом» и — бездействовать в деле охраны порядка; от этой обязанности не могут освободить никакие сентиментальные ссылки на свои «мечты и цветы», никакое демагогическое преклонение перед волей громящей толпы.

Но было бы несправедливо сказать о г. Керенском, что он «не понимает» *принудительной* природы государства, что он совсем «не умеет» прибегать к силе, когда ему это кажется необходимым. За все время его властвования он *дважды* признал эту необходимость и дважды, не обинуясь, обращался к силе оружия. Один раз в самом начале июля, когда он понял, что большевики обратили свое оружие *на него* и хотят его свергнуть¹; другой раз в самом конце августа, когда он объявил «всем, всем, всем», что

генерал Корнилов «мятежник и изменник»², и поспешил «объединить» всю власть в своих руках. Оба раза колебалась власть Временного правительства, и опасения г. Керенского были велики и серьезны; необходимость защищаться силою оружия была налицо и принудительные меры были пущены в ход. Нельзя же было сдаваться большевикам; но нельзя было и уступить первенство великому патриоту, т. е. «мятежнику и изменнику» Корнилову.

Эти два случая непреложно доказывают, что г. Керенский вполне понимает свое *право* действовать силою и умеет пользоваться им, когда ему это кажется необходимым. Но понимает ли он, что это право есть *обязанность*?!

Однако, может быть, следует предположить, что он *совсем не осведомлен* о том, что происходит в стране? Может быть, ему неизвестно, что в России царит «безбрежная анархия, которая захватывает все новые и новые части нашей территории»; что «каждый день Временное правительство и министр внутренних дел получают телеграммы, которым трудно поверить» и что «эти телеграммы сообщают о фактах, которые воскрешают самые темные и самые мрачные времена безудержного и наглого самовластия клеветов старого режима»; что в России совершенно исчез «элементарный правопорядок», что ни «жилище», ни «жизнь» граждан не ограждены от «беззаконных вторжений»? Трудно предположить, что ему все это неизвестно: ведь все эти слова были произнесены им самим в предпарламенте.

Но может быть, ему неизвестно, что вот уже месяц по всей России толпы крестьян *убивают* помещиков, что это называется «устроить буржуйам рябинку»? Может быть, ему неизвестно, что члены *его партии* разносят по всей России весть о том, что «Корнилов — контрреволюционер», которого «*помещики выпустили на революцию*»? Может быть, ему неизвестно, откуда пошло это известие, что «Корнилов — контрреволюционер»? Может быть, ему неизвестно, что в августовских и сентябрьских растерзаниях офицеров повинен тот, кто первый пустил это известие в оборот?

Долг гражданина требует, чтобы все это было объявлено во всеуслышание и дошло до сведения г. Керен-

ского. В России идет не гражданская война, но *избиение культурного меньшинства темною толпою*: темные, слепые люди, которым еще с весны предоставили *взять все и пользоваться всем*, ныне избивают и громят, следуя лозунгам той партии, в рядах которой *состоит министр-премьер*.

Было бы несправедливо сказать, что войска *совсем не посылаются* в места погромов. Но почему-то обыкновенно бывает так, что разгром все-таки успел состояться, что толпа успела убить, кого ей хочется, сжечь, разграбить и разбежаться для отыскания новых жертв. Прибытие войск даже не локализует беспорядков, а «уговоры» и «увещания» открыто истолковываются толпою как *отсутствие запрета*. Безнаказанность в десяти случаях вызывает к жизни новые сто вспышек, а сверху, из Петрограда, идут «решительные заверения», что меры правительственного принуждения «недопустимы». Толпы громил объявляются «народом»; хищничество и кровожадность отождествляются с «волею» народа; власть склоняется перед буйством и, избегая применения правовой силы, предоставляет торжествовать бесправию и насилию.

Призраки прошлого встают перед глазами. Мы не забыли еще той роли, которую правительственные войска играли в еврейских погромах старого режима: отряд шел по пятам за погромщиками и убеждался, что «все, действительно, разгромлено» и что все неугодные убиты; а потом... все кончалось, потому что хищничество насыщалось и кровожадность бывала удовлетворена. И население тщетно пыталось организовать самооборону.

Простой гражданин, который видит насилие и убийство и не спешит на помощь, становится соучастником насилия и убийства. Что же думать о попускающей власти?

Можно ли молчать об этом? И неужели есть еще слепцы?

РЕЧЬ И. А. ИЛЬИНА НА 2-м МОСКОВСКОМ СОВЕЩАНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Революции в России сейчас нет, она кончилась. Есть разложение, позор, избиение. Когда началась революция, когда каждый из нас признал себя революционером, происходило единение, происходило то, за что можно было держаться и на чем можно было строиться. Я утверждаю, что революция по существу своему процесс не внеправовой и не противоправный. Это процесс, который совершается внутри правопорядка. Процесс, который совершается ради права и по праву. Не думайте, господа, что я бросил здесь смелый парадокс. Вы подумайте и вы поймете, что революция совершается по праву. Прежде всего не может быть такого правового режима, который, установивши известные законы, замуровал бы окончательно всякую возможность их усовершенствования. Каждый народ имеет право на революцию в тот момент, когда он видит, что все пути к совершенствованию законов уничтожены, когда он видит, что все пути национального прогресса закрыты.

Что осталось сейчас от власти? Семь месяцев она совершенствовала линию своего поведения и, наконец, излилась в своего рода словоблудие. Что осталось от революции? Революция превратилась в своекорыстное расхищение государства.

Когда смотришь на совершающееся вокруг, невольно спрашиваешь себя: провоцировать честного патриота, вовлечь его в своего рода неповиновение и объявить его мятежником и изменником — это тоже революция?

Тогда мы контрреволюционеры, ибо мы это признаем. (*Голоса «Браво», аплодисменты.*)

Создать разложение армии; научить, что армия может не защищать родину; научить ее, что бежать легче, чем идти вперед в наступление; создать разложение войска — это тоже революция?

Нет, господа, тогда мы контрреволюционеры.

Когда мы видим, в каком порядке, в каких формах протекают выборы по всей России; когда мы видим, что чернь подкупается неосуществимыми обещаниями, — тогда мы говорим, что тот, кто подкупает на выборах неосуществимыми обещаниями, нечестен. Тот, кто подкупает на выборах неисполненными обещаниями, зная, что сам не даст и не может дать обещанное, — тогда мы говорим, что это бесчестие в квадрате. Это двукратное бесчестие.

И если нам говорят, что все то, что происходит, есть революция, то мы, слава Богу, не революционеры. Мы контрреволюционеры.

Если, господа, революция есть фактический захват чужого, если революция есть погром; если революция есть лицемерное пустословие; если это есть расхищение России, — скажите прямо и честно: мы контрреволюционеры и мы не можем быть никем иным. Но запомним, что за этим контрреволюционным направлением нашим мы останемся и революционерами, и демократами.

В заключение И. А. Ильин говорит: партия развала имеет сейчас своего вождя — А. Ф. Керенского, а вождем партии порядка должен был стать генерал Корнилов.

ЧЕГО ЖДАТЬ?

По-видимому, в ноябре и декабре русскому народу предстоит *дожить* до Учредительного Собрания и *разочароваться* в нем. Такова его политическая судьба в ближайшие сроки.

Нелегкая и нерадостная перспектива. Она слагается в результате того, что Учредительное Собрание *может слишком много* и в то же время *почти ничего не может*. И все это при *неистовом, своекорыстном и противогосударственном напоре снизу*.

Учредительное Собрание может слишком много потому, что в его руках соединяются *все верховные полномочия* государства. С юридической точки зрения оно будет обладать всею полнотою власти: властью монарха, и вла-

стью министров, и властью Государственной Думы. Никто не имеет права ограничить его полномочия, поставить срок его деятельности, призвать его к ответственности. *Все* будет подчинено ему: вся деятельность государства и все должностные лица. У него будет право заключить какой угодно мир — хотя бы позорный и гибельный для России; в его руках будет разрешение всех вопросов, начиная от жизни граждан и кончая роспуском армии или продажей с молотка русских народных богатств — лесов и подземных сокровищ и железных дорог.

Народное собрание с такими полномочиями окажется *всецело предоставленным самому себе*. Нелепое, вредное, пагубное решение его не будет подлежать пересмотру или неутверждению. Оно будет иметь во всем *последнее и высшее слово*.

Весь политический опыт истории как бы смолкает перед таким учреждением. Все, что выстрадано государствами в прошлом, говорит о том, что опасно и пагубно сосредоточивать надолго *все полномочия* в руках одного, единого органа; что такой орган должен обладать совершенно сверхчеловеческими свойствами — непогрешимым пониманием, безошибочною волею, совершенным правосознанием; что государственная власть должна действовать в виде целой *системы* взаимно проверяющих и уравновешивающих друг друга органов, что, наконец, большие размеры государства и внутренняя неустроенность его требуют особенно тщательного *разделения властей*. Политический опыт, выношенный человечеством, показывает, что только *маленькое* государство, и притом только в *обычное*, мирное и спокойное время, может управляться из единого, безгранично-полновластного центра, и то только при наличности *большой политической зрелости* в народе.

Вера в работоспособность русского «революционного» Учредительного Собрания, созываемого в ноябре, может жить только в совершенно *наивной душе*. Политическая мысль, сколько-нибудь искушенная и вдумчивая, видит отчетливо всю трудность положения и не имеет оснований ждать спасения отсюда.

С самого начала революции стала слагаться эта нерадостная перспектива. Отпадение старой власти создало в

революционных кругах уверенность, что властвовать от лица государства уполномочен всякий, кто захочет. Полномочие править и повелевать стало рассматриваться как бесхозная вещь, которая может принадлежать всем и каждому, первому, кто ее подберет и захватит. В воздухе носился разрешающий и успокаивающий возглас «все всем можно»; и правопорядок держался только *инерцией и старым запасом напуганности*. В противовес этому тяготению к самоуправству и к немедленной гражданской войне всех со всеми политическая мудрость неустанно взывала к тому, что только всенародное Учредительное Собрание *уполномочено* создать новый строй и провести справедливые реформы. Только оно *имеет право* решать по закону все основные вопросы; *к нему* надо готовиться, *его* надо ждать, *через него* творить новый порядок.

Один за другим вставали вопросы народной жизни: национальный, финансовый, земельный, промышленный, рабочий, вопрос о войне. И каждый раз спрашивалось: «*Кто уполномочен* решать его?» И следовал ответ: «Только всенародное Учредительное Собрание». Постепенно на нем сосредоточивались все надежды; к нему направлялись все требования; до него откладывались все основные конфликты. Оно *перегружалось ожиданиями*: оно *переобременялось* в народном сознании *полномочиями*, на него возлагались совершенно *невероятные обязанности и неразрешимые задачи*. Глубокие, органические реформы, требующие многих лет напряженного всенародного труда, как, например, земельный вопрос или рабочий вопрос, стали представляться делом одного, «простого» и «ясного» законодательного акта: «Учредительное Собрание издает закон о земле, по которому вся земля»... Не правда ли, как «просто» и «ясно»? Ждали и еще ждут какого-то мага и волшебника, имеющего восстать из недр самого народа: прозорливый, всезнающий, абсолютно справедливый и всемогущий, — он «придет» и «скажет», и сразу удовлетворит все «справедливые», т. е. своекорыстные, требования всех классовых программ.

По сравнению со старым режимом изменилось немного: прежде *верили в чудо*, именуемое *царем*, потом стали *верить в чудо*, именуемое *Учредительным Собранием*. Но притом и прежде, и теперь пребывали в полной пас-

сивности, сами *не делали ничего* для того, чтобы «чудо» стало действительностью. Да и что же еще самим делать? Ведь на то оно и «чудо».

К Учредительному Собранию не готовился никто: ни власть, терроризованная советами и партиями и все время оправлявшаяся от какого-нибудь нового «страха»; ни революционные партии, которые были с самого начала свободны от веры в Учредительное Собрание, и притом от всякой веры — и наивной, и, тем более, мудрой; и народ, который сначала верил, а потом под влиянием «революционной демократии», собственной корысти и ничтожного правосознания — усвоил захватную линию поведения. И ныне к созыву и выборам не готов никто. Власть, угождавшая «народу», но не воспитывавшая его, утратила всякий авторитет и не способна оградить свободу выборов; революционные партии приготовили Учредительному Собранию только длинный список фактически захваченного, да еще собственное внутреннее разложение на подсекты и подфракции; народ идет к урнам без правосознания, без собственных вождей, без государственного понимания и подъема, но зато с ворами награбленного добра, с тем, чтобы Учредительное Собрание одобрило и утвердило этот грабеж...

Учредительному Собранию предстоит работать именно под неистовым, своекорыстным и противогосударственным напором снизу. Будут предъявляться требования, независимо от их государственной приемлемости; требования будут поддерживаться массовым террором и фактическим захватом, явным неповиновением и буйством. Власть, передаваемая Временным правительством, окажется *растраченною в уговорах и бессильною*.

Революционные партии обнаружат с полной очевидностью свою великую способность к ненависти, критике и угрозам и обратят всю силу свою на себя до полного самораспыления.

И в этом хаосе Учредительное Собрание явит миру невиданное зрелище: *всемогущей уполномоченности и крайнего политического расслабления*. Оно не сможет заключить сепаратного мира, потому что этого не позволит *международное соотношение сил*, но не сможет и поставить на высоту армию, ибо для этого ныне потребна

власть *государственно мыслящего диктатора*, а не безвластие классово чувствующих болтунов. Оно не может «отдать» всю землю крестьянам, ибо встретит на этом пути опасность земледельческого упадка, пассивного баланса, обнищания страны и голода; но *не посмеет* и оградить помещика от разгрома и разорения. Оно не сумеет добыть денег, ибо денег не дают без доверия, а доверять можно только могучей и государственно мыслящей власти; собирать же налоги нельзя без твердого правопорядка.

Трагическое зрелище *всемогущего бессилия* будет особенно оттеняться обилием «лозунгов» и пустых словесных жестов; оно будет углубляться отсутствием связи между распыленным народом и «избранником»; и усугубляться недостаточною моральною устойчивостью некультурного депутата.

И вот, они соберутся и, несмотря на все деловые усилия государственно-мыслящих партий и групп, будут «говорить». А война и анархия будут идти своим чередом.

И если будет так, то долго ли согласится их «слушать» народная совесть? Или, может быть, проснется? И что же тогда?

КОШМАР

Восемь месяцев тому назад наш ветхий, прогнивший и заселенный *предательскими* крысами корабль не выдержал напора бури и рассыпался на бревна и доски. Дружными, напряженными усилиями собрали мы кое-какие бревна, связали их остатками веревок, поставили *сероседой* парус и стали править по нестихшим волнам к твердой земле, где можно было бы *учредить* новый корабль. Но земля была далека, а буря не стихала; и никто не знал, куда править; и все говорили. Спорили и ярились; хулили друг друга и пустословили. И, ожесточившись, не гребли и не правили, а тягались из-за мест и из-за первенства и в дикой драке делили скудные остатки пищи. И больше всех пустословил кормчий, рисовался в упоении и ярился в словах.

А за нами на плот взобрались и *крысы* и спокойно продолжали свое дело. Мы видели их и не гнали их; а кормчий говорил: «Нельзя же сбросить в море живое существо!» И сам не мешал им и другим не позволял, во имя... свободы и республики. И *крысы сделали* свое дело.

Четыре месяца тому назад наш плот рассыпался, и волны стали швырять нас и засасывать. Кто-то воззвал к дружным усилиям и спасению, но храбрый кормчий покончил с ним ударом ножа и нарек гибельный хаос... республикой. Волны захлестнули нас, и мы шли ко дну, зажмурив глаза, беспомощно размахивая руками, но твердо веря, что это мы учреждаем новый корабль.

И вдруг последний взрыв урагана покончил со всеми иллюзиями. Мы ощутили под ногами твердую землю *дна*, не берега, где строят новые корабли, а *дна*, где гибнут; и мы поняли, что *крысы победили*.

Но ведь это сон, кошмарный сон! Ведь на дне не живут. На нем разлагаются трупы; а над трупами плавают акулы.

В чем же спасение? Где выход?

Спасение в том, чтобы *все очнулись*. Совсем очнулись; окончательно пришли в себя. Чтобы все поняли: *кошмарное плавание было только кошмаром*; дурной сон кончился. Мы не погибли еще; мы на земле, и под ногами у нас твердая почва. *Мы еще живы*, мы имеем *волю*, у нас есть еще *силы и любовь к родине*.

Выход в том, чтобы *создать единение* во имя родины и свободы, создать *патриотическое единовластие и полномвластие*. И для этого прежде всего *всех разбудить*, всех, кто еще бормочет и вскрикивает в кошмаре. Всем показать *правду*, всех убедить в неумолимой и трезвой *действительности* и в ее роковых *невозможностях*.

И если мы не сумеем сделать этого словом, то вина будет на нас, а голод и холод исправят наше упущение.

А если не исправят? Если не очнутся люди?

Тем, кто не сможет или не захочет очнуться, кто будет и впредь кричать, зажмуря глаза, и длить кошмар, — тем предстоит отрезвиться на *дне* под властью *морского царя*.

КТО ОНИ?

Свершилось.

Темнота народа, попустительство власти и происки германцев свергли русскую революцию в последнюю низину: к власти пробрались темные проходимцы, вожди соблазненной черни. Восемь месяцев вели они отвратительную толкотню и давку вокруг русской государственной власти и ныне вскарабкались сами.

Кто же они, эти темные люди?

Растерянно присматривается к их поведению русский обыватель и ждет всяких ужасов от *крайней левой*. Ведь «большевики» — социал-демократы; это крайнее течение русской «революционной демократии», руководимое «Лениным» и «Троцким»; они хотят немедленно ввести «социализм» или «полусоциализм»; они *уже издали* множество неслыханно радикальных «декретов»: сословия «отменены»; суды «упразднены»; земля «передана народу»; офицерство «распускается»; банковские суммы «конфискуются»; мир «заключается». Революция углубляется до самого дна; «равенство» вытесняет «свободу». Буржуазия трепещет и чуть ли не ждет конца. Ведь это — всем видно.

Но неужели больше *ничего* не видно?

Необходимо, чтобы дремлющие открыли глаза; чтобы близорукие надели очки. Необходимо, чтобы слепые прозрели.

Россия несетя на всех парах под сень самодержавия, и «направляет» ее «партия» большевиков.

Дело совсем не сводится к тому, что «эксцесс крайне левой неминуемо приведет за собою реакцию»; или к тому, что «уставшие и обманутые массы потребуют порядка во что бы то ни стало и уверуют вновь в самодержавную власть царя». Все это вероятно и правдоподобно; но не в этом только дело.

Дело в том, что единой «партии большевиков» *не существует*; что «большевики», как и всякий темный сброд, имеют *разнородный состав*; и что из этого состава наиболее умный, энергичный и организованный элемент составляют *не крайние левые, а крайние правые.*

В настоящее время только совсем наивные политики могут «не подозревать», что агенты старого режима копошатся и колдуют в крайнем левом лагере. Вдумчивые наблюдатели еще весною задавались вопросом: куда же скрылись все сторонники и все наемные агенты самодержавия? Что же, убежденные черносотенцы поколебались в своих убеждениях под влиянием революционной вспышки? Или их корыстные виды в чем-нибудь изменились? Или наемные агенты «охранки» и «сверхохранки» могли надеяться на амнистию и реабилитацию со стороны «внепартийного» суда «революционной демократии»?

Крутой поворот режима поставил и здесь все вверх дном; царившие скрылись в подполье, а сидевшие в подполье — воцарились. В одни щели ушли черносотенцы, а из других щелей хлынула «революционная демократия». И только наивные и сентиментальные люди могли думать, что скрывшиеся черносотенцы приняли директиву: молчать и бездействовать. Они остались среди нас, но перешли на «нелегальное» положение и... конечно, продолжали свою работу — под маскою и в темноте. Им поставили задачу: скомпрометировать революцию и политическую свободу; провалить страну в состояние общей анархии и общего террора; если нужно — то проиграть и войну, идя навстречу сепаратному миру; словом, создать бездну нелепости, страха, отчаяния и тем вызвать мечту о старой власти, жажду порядка, мольбу о деспотизме и — реставрацию.

Удалось ли им сделать свое дело?

Народная темнота и демагогическое, двоедушное поведение «революционной демократии» все время облегчали им работу, и недалек тот день, когда они пожнут плоды своей энергичной подпольной работы.

Теперь все видят и все понимают, что *революция скомпрометирована* и только не все способны в этом признаться. Создала ли она хоть намек на политическую свободу и правопорядок? Создала ли она хоть видимость государственной власти и единения? Поддержала ли она оборону страны? Накормила ли хоть армию? Что породила она, кроме общего пустословия и борьбы за власть? Что пробудила она в душах, кроме «классового» и лич-

ного интереса, кроме нежелания защищать родину, кроме погромной жажды? Чем завершилась она, как не восстанием черни и деморализованных солдат? С чем связала себя революция в народном сознании, как не с развалом России и отвержением родины? Революция превратилась в буйство, буйство развернулось в общий погром и развал.

Что же это за «партия», увенчавшая этот развал своим восстанием?

Она прорвалась к власти силою штыка и пушки. Не в этом ли ее «свободолюбие»? Она разослала по всем городам России карательные отряды с матросскими Минами и Риманами¹ во главе. Не в этом ли ее «революционность»? Она показала славный пример тому, как надо «разгонять» представительные органы, избранные всеобщим и равным голосованием. Не в этом ли ее «демократизм»? Ее агенты ограбили под видом обысков сотни квартир в Москве. И мы поняли, в чем ее «социализм».

Эта «партия» делает все, чтобы до смерти напугать всех «социализмом»: и буржуазию (конфискациями), и интеллигенцию (погромами, арестами и обысками), и рабочих (углублением промышленного кризиса). Она делает все, чтобы надолго скомпрометировать революцию. И мы понимаем, что она делает; но ее вожди не понимают? Что же, разве ее вожди поголовные идиоты? Не естественнее ли предположить, что среди них есть умные люди?

Кто из нас не помнит, как Распутин грозил заключить сепаратный мир в три месяца? Распутин болтал, но не дерзал: боялись народного гнева. Ныне военная программа старого режима идет к осуществлению. «Крайняя левая» покорно творит волю крайней правой. И это случайность?

Но если это случайность, то почему же «крайние левые» выпускают из тюрем на волю крайних правых? Что это за новый режим, при котором жандармские офицеры, доктор Дубровин², Климович³ освобождаются, а либеральные и радикальные деятели сидят в Петропавловской крепости? Почему томится в тюрьме Бурцев⁴? Разве его разоблачающие удары не падали всегда на *крайних*

правых? Почему же *крайние левые* так опасаются этого смелого человека и мстят за своих врагов?

Что же следует думать, когда красногвардейцы рассуждают на улице о том, что «Александра Феодоровна скоро даст нам сепаратный мир»? Или когда «большевики» рассказывают на перекрестках, что Николай II заявил: «Не положу оружия, пока не отдам крестьянам всю землю»?

Кто знает тех людей, которыми «большевики» заполняют свои кандидатские списки в Учредительное Собрание? Что это за имена? Какие это репутации? Откуда всплыли эти люди? Из каких охранных подполий?

Наивному обывателю предстоит в скором времени созерцать великое превращение. Из-за густого тумана «крайней левой» начнут вырисовываться очертания прямо противоположных фигур и программ: «большевик» растает и останется черносотенец. И когда темные массы, испуганные голодом, холодом и общим разложением, рванутся направо, агенты старого режима довершат свое великолепное дело: революцию будут проклинать, а страх породит реставрацию.

Кого же обвинит беспристрастная история?

Сомнений нет: прежде всего тех, кто так долго готовял «большевикам» их торжество и предавал революцию в руки темных агентов. Тех, кто демагогией, партийными распрями и политическим двоедушием разложил в России государственную власть и армию.

Кто же это?

Вы, господа меньшевики-полуленинцы, и вы, господа социалисты-революционеры.

УШЕДШИМ ПОБЕДИТЕЛЯМ

Вы победили, друзья и братья. И завещали нам довести вашу победу до конца. Верьте нам: мы исполним завещанное.

Победил не тот, кто временно осилил в борьбе, ибо грубая сила, одолевая, творит сама свое поражение, и рок увлечет ее в пропасть. Победил тот, кто своим деянием явил *силу духа и воли*, кто показал, что умеет *любить* не-

что *больше жизни* и *больше себя*; кто показал, что *страх* не влечет его к *покорности*, кто своим *деянием* проявил и пробудил в душах *непоколебимую волю к грядущей полной победе*.

Иго старой власти воспитало в русской душе бессильного и запуганного *раба*, молча приемлющего свое иго; раба, презирающего власть за насилие, а себя — за покорность; раздавленного, скрежещущего и безвольного. Иго старой власти приучило русского человека *жить чужою волею* и, задыхаясь от ненависти к ней, — *покоряться*. Оно научило нас *терпеть все* и предпочитать позорную жизнь доблестной смерти.

Ныне вы победили этого раба тем, что свободно, доброю и чистою волею поднялись против *нового ига*, ига темной массы и ее продажных совратителей. Не из классовой или личной корысти; не судорожным, темным мятежом, пробужденным силою голода, страха или жадности; не велением честолюбца встали вы. Без уговоров и заговоров, с малым оружием, слабые числом и лишенные вождя, вы встали потому, что *вы — не рабы*; вы встали для того, чтобы *искоренить раба в русской душе*. Вы не признали темных похитителей власти, которых нельзя признать, не став *рабом добровольно*. Вы предпочли смерть новому игу; вы предпочли не жить, чем жить, покоряясь коварным вождям темной толпы. Самая борьба ваша *была уже победою*, самое деяние ваше есть *уже достижение*.

Россия должна быть свободна от ига и *будет* свободна от него; от *всякого* ига; ибо русские предатели не лучше иноземцев и толпа не лучше тирана. Вы поняли это, и вы были правы. Вы, не колеблясь, поставили чувство собственного достоинства выше жизни; родину — выше класса; право — выше силы; свободу — выше смерти. Вы сумели узнать врага народа, укрывшегося за личиною демократа, и врага России, принявшего облик революционера. Вами двигало чувство национальной чести и верное государственное понимание. Вас вдохновляла любовь к родине. Знайте же: вы были глашатаями *нового русского правосознания* и *Россия пойдет за вашим зовом*.

В вашем лице русский народ воистину сложил с себя рабское звание и утвердил свою гражданскую свободу. На

этих основах, и только на них, возродится истинная мощь нашей чудесной и несчастной родины, создастся ее духовный расцвет. Пусть народные массы еще не понимают вас; они не понимали и декабристов. Пусть широкие слои революционной интеллигенции бредут в темноте, торгуясь со своим больным правосознанием и предавая Россию. Ваш подвиг — не дело единого дня; ваша победа не преходяща; ваша смерть дала вам бессмертие. Пока Россия будет жить, вас будут помнить и вами будут гордиться. Мы скажем о вас нашим детям и внукам; и они услышат ваш голос и поймут ваше деяние. Они поймут, что вы жили любовью к тому, что воистину *сто́бит любить*; они поймут, что вы умерли за то, за что воистину *стало умереть*. И они будут учиться у вас этой любви и этой смерти.

Вы победили, друзья и братья. И на вашей победе мы возродим Россию.

МОЛИТВА ПЕРЕД РЕШЕНИЕМ

Из записок убитого друга

«Ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными».

Римл. VIII, 26

8 ноября 1917 года

Эту ночь перед решением я не забуду никогда. Мне ясно было, что Россия стоит перед пропастью, что народ не умеет ни разобраться, ни противостоять соблазну, что нас, трезвых и верных, немного и что мы обязаны бороться до конца. Надо было решаться. И трагедия жизни впервые развернулась передо мною.

Трагедию я видел и вижу в том, что в жизни нет исхода, успокаивающего совесть; и она же сама, жизнь, требует решений и поступков. И чем драгоценнее и священнее то, за что ты борешься, чем меньше видно впереди, чем непоправимее последствия своих решений и поступков — тем труднее.

В России поднялись злодеи, люди не виданного еще на земле душевного склада, одержимые, свирепые, бесстыдные. А народ наш доверчив, как малое дитя, и страстен, как невоспитанный взрослый. Вижу соблазны, вижу надвигающийся позор, вижу неминуемое крушение — и сердце рвется от любви и скорби. Но не могу не видеть, что борьба будет беспощадная и кровавая, что в борьбе понадобится коварство и жестокость — и сердце содрогается от ужаса и отвращения.

И как легко сказать: «Господи, освободи меня от решения!..»

И невозможно. Ведь это значило бы сказать: «Возьми от меня силу моего духа, который есть живое подобие Духа Твоего! Погаси мою свободу, которая сокрыта в этой силе! Сними с меня и служение, и ответственность, и бремя жизни, и бремя мира Твоего!..» Это была бы молитва слабости, робости и бегства. Это была бы молитва об утшении человеческого достоинства, о лишении богоподобия: «Возьми от меня Твой благодатный огонь духовности, ибо я не могу и не хочу носить его!..»...

И я начинал мысленно искать помощи у других людей: советоваться, просить указания, мечтать о слепом подчинении приказу... Я был один, мне не с кем было перемолвиться; но казалось счастьем — сложить с себя необходимость решения и пойти за кем-то сильным, благим и грозным...

И я понял, что и это невозможно. Что же я буду прятаться за другого — от Бога и от себя самого? Того, кому я стал бы отныне подчиняться, я должен был бы выбрать сам. И мое решение «подчиняться» — тоже было бы моим собственным решением. И в чем бы я ни подчинялся, я каждый раз подчинялся бы сам, добровольно; и свободно осуществлял бы предписанное. И если бы потом оказалось, что случилась беда, или вина, или грех, или стыд, — то я с ужасом увидел бы, что беду я сделал сам, что вина — моя, что стыд и грех — мои: ибо ни сила, ни свобода, ни ответственность моего духа не покидали меня!

И тогда я понял, что человеку на земле не дано спрятаться за другого от решения и ответственности.

Надо встать, самому взять «одр» своего расслабления и идти...

«...Научи меня служить делу Твоему! Помоги мне найти пути Твои! Укажи мне волю Твою!..»

Но ведь есть заповеди, в которых выражена Его Воля. И поступая по этим заповедям, разве я не исполню волю Его? И разве тогда не снимается с меня ответственность? Вот — заповедь, данная Тобою, и я исполнил ее посильно... Надо только найти точное выражение этой заповеди — и не думать о последствиях... Высшая заповедь есть заповедь любви... Но какой любви? Деятельной или устраняющей? Грозной или умильной? Жертвенной или предающей? Как же это сказано в Законе буквально?!

И вдруг я понял, что я не смею укрываться за буквою закона, с тем чтобы возложить ответственность на Творца. Ибо заповеди даны не рабам, трепещущим перед буквою, а свободным, понимающим дух и смысл. Свободные же призваны видеть события, самостоятельно распознавать добро и зло, выбирать, решать и брать на себя ответственность. Да, любовь есть высшая из заповедей. Но возможно ли от любви к злодею предать ему слабого на растерзание? От любви к соблазнителю предать ему малых сих на соблазн? От любви к кощунствующему безбожнику предать ему святыни на поругание? А я незаметно вложу в заповедь любви этот порочный смысл и скажу: «Не Ты ли велел?!», пытаюсь снять с себя ответственность и возложить ее на Давшего закон...

От слабости — лицемерие. Из лицемерия — ложь. И все для того, чтобы отречься от духовной свободы...

«...Научи меня духовной свободе! Вынь из груди моей малодушие и трепетное сердце! Помоги мне свободно найти пути мои — мои пути, но не уводящие от Лица Твоего! Пошли мне полноту любви, не ожесточающуюся и в гневе на врагов Твоих! Дай мне ту силу любви, которая способна все отдать и будет исповедовать Тебя и в смертный час! И растопи во мне огнем Твоей любви человеческую ненависть! Не дай моему сердцу перегореть в ней! И не дай мне умереть в ожесточении гнева и кары!..»

Душу ли только отдам? Нет, но и душу души моей — нежность сердца, прямоу нелукавой воли, детскую чистоту безгневности... Восстановлю ли их? И как возвращу их себе?..

«Пошли мне силу безмолвной, но непрестанной молитвы! Пошли мне неизреченных вздыханий Духа Твоего! Пошли мне дар слезного очищения!...»¹

— Решение созрело. Я готов.

КОРЕНЬ ЗЛА

Трагическая судьба увлекает Россию. Свершается исторический рок, подводятся итоги наследственным грехам и вековым недугам. Великий и даровитый народ впервые раскрывает пред всеми и пред собою свое застарелое духовное увечие и пытается изжить его, предаваясь ему со всею беспомощностью ребенка. Никто не может помочь ему извне или со стороны; только *он сам*. Он выстрадает свое разложение и свое падение, опомнится, взалкает и возродится. В том порукою его немнимое величие и его подлинная даровитость.

Напрасно было бы сводить переживаемое ныне разложение России к ошибкам и провалам последних месяцев; коренные причины лежат гораздо глубже — в исторических путях и в строе духовной жизни. Самые ошибки порождены этими глубокими причинами; самые провалы явили только силу этих наследственных недугов.

Процесс, переживаемый ныне Россией, должен быть осмыслен как *органическое крушение самодержавия* и как *разложение созданного им уклада духовной жизни*. Этот строй и этот уклад породили *изувеченное и немощное русское правосознание*, которое не могло и не умело справиться с историческими и политическими испытаниями. Оно поколебалось в самых основах своих, изнемогло и разложилось; и в падении своем разложило всю политическую и общественную организацию страны.

Напрасно думать, что «все дело в войне» или «в революции». Война есть великое и грозное испытание; но это испытание оказалось все же по силам для многих других народов. Война есть напряженная борьба за *государственную независимость*, и эту борьбу народ может вести только тогда, если он сознает свое государственное единство, дорожит им и умеет подчинять ему всякий частный

и классовый интерес. Народ, лишенный *государственного правосознания*, может создавать только *видимость* государства, и политическое единение его призрачно и эфемерно. Не война разложила Россию, а неможное и изувеченное правосознание народа.

Революция, стрясаемая восемь месяцев тому назад, была совсем не «победою восставшего народа», а началом великого крушения — политического и духовного. Крушение началось сверху; рухнула крыша, венчавшая здание старого строя. Моральное вырождение властвующих верхов ускорило разложение их правосознания: воля верховной власти перестала быть орудием народного и государственного самосохранения; ее постиг паралич, и она исчезла в стремительном падении династии.

Но выковать новую верховную власть, создать «правительство государственного самосохранения», правительство народной самостоятельности — не смог, не сумел и народ. То, что было не по плечу старой власти, оказалось не по плечу и ему. Самодержавие оставило ему в наследие *изувеченное и неможное правосознание*, а с этим наследием нельзя ни учредить, ни оборонить, ни строить государства. Восемь месяцев толпился народ вокруг опустевшего трона царей, не зная, кому можно верить и кому повиноваться, расхищая по частям верховную власть и размножая узурпаторов и самозванцев. Взволнованная, ненасытная толпа не внимала политическому разуму и государственной мысли; она искала не общего, а частного, не власти, а своеволия, не спасения родины, а корыстного прибытка; она тяготела к распылению, к фактическому захвату, к мести и слепой расправе.

И навстречу этому гибельному тяготению все время шли слои так называемой «революционной демократии» — полуинтеллигентные ненавистники старого гнета, доведенные им до утраты истинного патриотизма, но не выработавшие в себе даже начатков государственного правосознания. С их горестной помощью народ утрачивал постепенно всякую способность и всякую волю к правовой организации и превращался в *чернь*. Партийная агитация левых не могла дать народу того, чего не имели и сами партии: государственного смысла и любви к родине; а

проповедь ненависти и «классового интереса» делала свое разрушительное дело.

Революционные демагоги — эти слепые вожди слепых — были не выше толпы и не понимали, что, превращая народ в *чернь*, они служат лишь *черной сотне*. Они превратили политическую борьбу в позорный аукцион, все надбавляя обещания, и русская государственная власть пошла с молотка. Трудно ли было предсказать, что последняя ставка останется за германофильской реставрацией?

То, что переживает ныне Россия, есть обнаружение воочию всенародного духовного недуга — недуга государственного правосознания. Этот недуг есть порождение и наследие самодержавного строя и развитие его может роковым образом восстановить тот строй, от которого недуг ведет свое начало.

Сущность самодержавного строя сводится к *систематическому отлучению* «подданного» от *власти* и от *государственного дела*. И это отлучение подрывает в корне самую сущность *государства* и *правосознания*.

Отлучение «подданного» от государственной власти душит, уродует политическую жизнь народа. Ибо политическая жизнь не только не исчерпывается пассивным подчинением чужой воле, но прямо *исключает* такое подчинение. Сущность ее состоит в *самоуправлении*, при котором каждый осязает в законе присутствие своей воли и своего разума. Отлучение народа от власти ставит его во внеполитическое состояние: жизнь государства совершается где-то *над* ним, *вне* его, *помимо* его, и он узнает о ней только в порядке вынуждаемого повиновения. Государство возносится над народом и давит его, как постороннее, чужеродное тело. Оно является не корпорацией, а *учреждением*, наподобие больницы или богадельни, но такой богадельни, которая заставляет призываемых работать на себя. Народ воспитывается в *слепоте*: он или *слепо благоговеет* перед властью, или, озлобившись, *слепо ненавидит* ее. Он не понимает, что такое государственная власть, какова ее природа и в чем ее задача. Он видит во власти не ответственное бремя, а выгодное преимущество и, в сущности, не умеет *ни доверять* ей, *ни уважать* ее, *ни поддерживать* ее. Народ вырастает

в *политической* пассивности и государственном безразличии. И в минуту испытания он оказывается поистине политически *недееспособным*.

Это отлучение от государственного дела убивает в народе всякий политический *смысл* и *разумение*. Народ не чувствует того общего *интереса*, который сковывает его в единство; и не зная этого *общего* дела, он не творит и политического единения. Все, что ему доступно от государства, есть приказывающая и понуждающая *власть*, «начальство», возглавленное персоною монарха. Развенчание *этой* власти он испытывает как отмену *всякой* власти, как падение законных запретов и предписаний, как разнуздание частного своеволия. Идея самообязывания и личного самообуздания не живет в его сознании, и воля его не умеет породить к жизни новый *автономный порядок*. Правосознание его немощно и бессильно, и правовое самоопределение ему недоступно.

Сама любовь к родине живет у такого народа лишь в виде смутного и непросветленного инстинкта национального самосохранения, и явная — личная или классовая — корысть без труда подавляет и на время даже заглушает этот верный инстинкт. Слово «родина» не связывается ни с каким определенным духовным и политическим содержанием, а идея национальной независимости мало говорит душе полураба. Власть иноземцев страшит его не более, чем власть старого режима; а демагогическую подачку можно принять и из германских рук. Старый строй сделал все, чтобы заморить любовь к родине в душе своего подданного, сосредоточивая его внимание на монархе; мудро ли, что охлаждение к монарху вызывает в народе падение патриотизма? Самодержавие умело связать собою идеи государства, власти, порядка и родины; и крушение его увлекает с собой на время все основы правосознания.

Россия разлагается потому, что самодержавный строй оставил народу в наследство изувеченную и немощную политическую волю. Он приучил нас всех повиноваться с проклятием на устах; но он не приучил нас участвовать в государственном деле, творить право, любить родину, уважать свою государственную власть и сливать свою судьбу с судьбою своего государства. Он положил начало той дезорганизации, которая губит оборону России; он

подготовил ту политическую деморализацию, которая губит ныне русскую свободу. Трагическое разложение и распыление России есть *его* дело; тупое безразличие масс к судьбе родины есть *его* порождение; торжество корыстных и погромных лозунгов есть *его* наследие; растление русского правосознания есть *его* вековое злодейство.

Ныне этот строй мечтает о возрождении под прикрытием крайней демагогии. Он отыскивает свои корни в том больном укладе духовной жизни, который был *им самим* изувечен. Он пытается спастись слепотою тех, кого он сам ослепил. Спасти — и погубить Россию.

Душа изнемогает от скорби и стыда при виде нашего великого крушения. Но из-за стыда и из-за скорби не угасает вера в наше грядущее возрождение. Русский народ выстрадает свое разложение и свое падение, опомнится, взалкает и возродится. В том порукою его немнимое величие и его подлинная духовная одаренность.

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ПРАВОВЕДЕНИЯ В РОССИИ

1

Силою вещей мне приходится принять на себя сегодня бремя почти непосильное — формулировать здесь те общие задачи, которые воздвигнуты историческими событиями перед русским правоведением.

В эпоху величайшего правового и государственного разложения, когда поколебались все нравственные устои и вскрылись вековые раны национального духа; когда обнажились самые элементарные основы социального бытия; когда нация стала общественным прахом и вихрь погнал этот прах навстречу гибели, — стоять годами в самом смерче, изнемогая от скорби и стыда, созерцать это беспримерное бедствие и пытаться уразуметь и высказать сокровенный смысл этой живой исторической трагедии, этого хаоса...

Да, это бремя непосильно. И тем не менее его необходимо поднять. И сделать это должны *мы*. Именно мы,

переживающие этот процесс на родине, оставшиеся здесь, чтобы все видеть, все перенести, все изболеть и *осмыслить*; чтобы выстрадать и приобрести тот *духовный опыт*, который будет потом светить нашим потомкам в поколениях.

Мы, видевшие и старое со всеми его недугами и во всей его государственной силе, и безмерное испытание войны, и упадок инстинкта национального самосохранения, и неистовство аграрного и имущественного передела, и деспотию интернационалистов, и трехлетнюю гражданскую войну, и психоз жадности, и безволие лени, и хозяйственную опустошительность коммунизма, и разрушение национальной школы, и террор, и голод, и людоедство, и смерть...

Это бремя опыта есть духовный дар и духовное богатство; этот дар обязывает. Этот опыт необходимо сделать достоянием *разума*.

Конечно, опыт, полученный нами, не есть только опыт *правовой и политический*: он глубже — до уровня нравственного и религиозного; он шире — до объема хозяйственного, исторического и духовного вообще.

Но прежде всего это есть новый опыт *в праве и в государстве*.

И вот основная задача русского национального правоведения, задача, и призвание, и обязанность — обязанность перед собою и перед всем человечеством — состоит в том, чтобы *осмыслить этот опыт*, чтобы углубить и расширить души до возможности *вместить его целиком*, чтобы увидеть и уразуметь его последнюю предметную *мудрость*.

Мы должны понять, и запомнить, и научить наших детей: этот опыт и эта мудрость куплены ценою великих национальных страданий; это одно из драгоценнейших достояний русской духовной культуры, добытое мукой и гибелью; а понести его, и соблюсти, и раскрыть должна *русская юридическая наука*.

2

Для того чтобы разрешить это великое и претрудное задание, необходимо подойти к нему с зрелую волею к *беспристрастному самопознанию*.

Во-первых, — в том смысле, чтобы каждый из нас, про себя, проник духовным взором в присущий ему лично способ воспринимать право и государство, жить ими и творить их в жизни; и, проникнув, установил бы *органически-причинную* и в то же время *духовно-символическую* связь между своим собственным правосознанием и всем тем, что произошло за пять лет в России.

Эти события с такою свирепою силою катились через наши души, что каждый из нас не только может найти их в себе, но должен, обязан *найти себя в них*.

Тот, кто действительно ищет правового видения и государственного ведения, — не смеет жмуриться перед лицом событий, или отворачиваться, или искать малодушных отводов, или избегать мук самообличения, или уходить из жизни с проклятием для других и с апологией для себя. *Всякий* должен найти себя в событиях: и министр, и придворный, и администратор, и судья, и ученый, и адвокат, и рядовой гражданин; и «крайний правый», и «правый», и «умеренный», и «левый», и тот, кто радуется происшедшему и считает свои заслуги и кому легко смотреться в это зеркало; и тот, кого гложет горе и стыд и кому тягостно смотреться в зеркало событий, ибо он видит в нем свои вины. В этом зеркале надо найти *не других*: не людей другой партии, другой расы, другой религии, другого государства, другого класса, другого мирозерцания; а *себя, себя самого* — во всех особенностях *своей* партийности, *своего* класса, *своей* религиозности, *своей* национальности, *своего* мирозерцания, *своего* личного правосознания и характера.

Эта связь между личным правосознанием и событиями, может быть, будет иметь *причинный* характер — будь то в *положительном* смысле (делал, писал, призывал, подговаривал, помогал, требовал, выражал «пожелания», сочувствовал) или в *отрицательном* смысле (не мешал, не опровергал, не отговаривал, молчал, держался безразлично).

Эта связь во всяком случае будет иметь характер *духовно-символический*: ибо исторические события осуществили в национальном масштабе и, так сказать, в филогенетическом порядке¹ именно то, что почти каждый индивидуум (в большей или меньшей степени и цельности)

таил в себе лично и осуществлял онтогенетически². Политическое событие есть всегда объективировавшийся сгусток множества *личных* душевных состояний и напряжений; ритм исторического процесса вырастает всегда из множества *индивидуально-духовных*, хотя и взаимодействующих, ритмов. Из действия миллиона *здоровых* правосознаний *не* возникнет общественно болезненное явление; а миллион *разлагающихся правосознаний* в их взаимодействии и сотрудничестве что даст кроме государственной гибели? И потому каждый русский человек обязан найти в *своем правосознании символ* национально-государственного распада, именуемого *революцией*, а в революции — химерически увеличенный образ своего правосознания.

И пусть одни, узнав это причинное и символическое средство, радуются и гордятся, принимая на себя ответственность и открыто провозглашая свою *заслугу*; не двоясь и договаривая все до конца.

И пусть другие, познав эту символическую и причинную связь, ужаснутся, потрясенные, и, приняв на себя ответственность как ответственность и вину как вину, вступят на новый путь — обновительный и для них, и для их родины.

Но пусть никто не пребывает в *наивности* или в *ослепении*, пытаясь усмотреть причины в случайном стечении обстоятельств или в деятельности нескольких бездарных или злонамеренных индивидуумов и т. п.

Причина кризиса — *духовная*, она — *в нас*; во *всех* нас; в свойствах *нашего правосознания*, *нашего* хозяйственно-душевного уклада, *нашей* религиозности. И прежде всего в *свойствах нашего правосознания* — общего, публичного и частного.

Задача русской интеллигенции — понять это и познать дефекты и недуги своего и общенационального правосознания.

Задача русского правоправедения — *прийти в этом на помощь интеллигенции и всему народу*: юристы должны осуществить это самопознание прежде всех и глубже всех и повести по этому пути за собой интеллигенцию и народ. Это и будет основой государственного обновления.

Только выполнив это условие *личного само-осознания в событиях*, русская интеллигенция во главе с русскими юристами сможет приступить к трем великим дальнейшим задачам:

*историко-объяснительной,
философско-научной
и жизненно-государственной.*

Первая задача — *историко-объяснительная*. Она состоит в том, чтобы усмотреть *историческую необходимость революции*, ее коренные причины в прошлом.

Доселе многие, непосредственно переживавшие ее напор, подавленные и оглушенные треском ее обвала, воспринимают ее как некую *ничем не подготовленную и непредвидимую* катастрофу. Им все кажется, что в ее лице вторглось в жизнь что-то «из другого плана бытия» — что-то *не органически назревавшее, а механически обрушившееся*; не *причинно-неизбежное, а неудачливо-случайное*; не подготовленное ошибками многих поколений и заблуждениями ста лет и — глубже — многовековыми дефектами национального характера, — а выдуманное и организованное группой крайних коммунистов.

Такое понимание до известной степени извинительно: где же *обывателю*, полузадавленному обломками рухнувшего дома, из-под которых он еще не выбрался, глубокомысленно теоретизировать о свойствах грунта, о сопротивляемости материалов, об ошибках архитектора и о размерах циклона.

Но *ученому юристу* это неестественно и неприемлемо: он *обязан быть этиологически зрячим³ и дальнорюким*; он не может и не смеет останавливаться на допущении генетического зияния, исторического прыжка, невиданного в мире перерыва в цепи сплошной причинности. Или не смещение повода и причины обязательно только при рассмотрении греко-персидских войн и падения Византии? Или значение личности в истории таково, что детерминанта⁴ «массы» и детерминанта «прошлого» теряют свое влияние? Или сами якобинцы не были *продуктом* французской духовной культуры, а пали из облаков и,

павши из облаков, «придумали» и «сделали» французскую революцию? Или мы не знаем, что бактерия туберкулеза живет во всех людях, а от чахотки умирает огромное меньшинство?

Нет, причина прежде всего — в стихии, а потом только и между прочим — в ее проводнике и разрядителе; в электрическом токе, а не в аккумуляторе; в слабости организма и вредном образе жизни, а не в симптомах, вызванных бактериями.

Уразуметь исторические события последних лет — значит не только усмотреть особенности *климата и почвы* в России или констатировать ее *хозяйственную и техническую* отсталость. Это значит *вскрыть те духовные основы* (чувствования, верования, навыки, склонности, слабости, воззрения, способы действия), *которые слагались и вынашивались в течение ряда веков в России, передаваясь из поколения в поколение, и которые сделали возможным великое разложение.*

Эти духовные основы — *давнего* происхождения и *застарелой* природы: они питали собою дефекты дореволюционного строя и, в свою очередь, поддерживались и закреплялись его ошибками; они пропитывали его собою, они вплетались в его ткань, определяли собою его ритм, его строение, видоизменяли и урезывали его силу и созидали его слабость. Он был до известной степени *их* комбинацией, *их* оформлением, не преодолевшим *их* отрицанием: ибо он держал их под спудом, под властным гнетом, в узилище гетерономной государственной формы⁵; но, сдерживая эти силы, эти склонности и влечения, он не просвещал их, не облагораживал, не воспитывал; он предоставлял им накапливаться в душевных и тюремных подземелиях, урезывая их проявления и не заботясь об их качестве, объеме и потенци.

Печать Сулеймана⁶ своею магическою силою долго удерживала семьсот шайтанов в кувшине; но однажды печать эта была сорвана...

Революция развязала эти отрицательные силы, освободила их, узаконила и *сама стала их новою комбинациею*, их соответствующим их природе оформлением.

Ее дело есть *порождение русского национального правосознания в его крайних вывихах и в его средней низине.*

Это старый негатив — под действием сильного проявителя.

Это расцветшее наследие многовекового прошлого.

Как бы неожиданна, как бы резка ни была смена *лиц* у кормила и смена *направлений* по компасу, — историческое разумение не может и не должно ослепляться этою видимостью; *совершилось* только то, что *могло* совершиться и не могло не совершиться, и притом потому, что скрыто, потенциально *уже имелось* *налицо*; неожиданность крушения свидетельствует только о подслеповатости неожиданных, но не разрешает им пребывать в наивности бессмысленного удивления.

Но для того чтобы перейти от испуга и растерянности к генетическому объяснению, необходимо свободное видение жизни бессознательного и свободное владение в себе всеми элементами правосознания.

Мало *иметь* правосознание; надо соследить, исследовать и *познать, что ты имеешь*. Ибо правосознание присуще человеку в огромном большинстве случаев *незаметно*: он живет и действует, не думая о том, что ему присущ особый *способ* жить, особый, устойчивый для него образ мотивации и действия. Но именно поэтому он вообще не в состоянии различить эти уклоны и разновидности правосознания у *других* — у современников и у предков; и не может разделить их на здоровые и больные; и установить генезис и последствия как тех, так и других: он просто не видит здесь целых сфер бытия и целых гнезд научных проблем. И именно от этого возникает *порочный жизненный круг*: бессознательность позволяет укрепляться больному влечению, а больное влечение отвращается от самопознания.

Тот, кто в зеркале современных событий увидит недуги и дефекты *своего* правосознания, тот тем самым откроет себе глаза на те недуги и дефекты *русского национального правосознания*, которые слагались и крепились веками и, наконец, принесли въяве зрелый плод.

Что же он увидит? Какие образы прошлого восстанут перед ним? Какие ревенанты⁷ заскользят в атмосфере наших дней, насыщая ее собою?

I. От безгранной природы, от территориальной раскинутости, от экстенсивной религиозности, от низкой духовной культуры, от ига татар, от семейного и политического подавления, от затянувшегося крепостного строя, от телесного наказания — русский человек имеет слабое, *поврежденное чувство собственного духовного достоинства*, и благодаря этому корень его гражданственности немощен и хил: он умеет хвастаться и тщеславиться, но не умеет уважать себя и блюсти свое достоинство: это значит, что он не чувствует своей *силы в добре* и не доверяет сам себе; и потому он так часто является то *слабым в добре, то сильным во зле*.

Не видя *своего* духовного достоинства, он не видит и достоинства *духа и духовной культуры* вообще, а потому не имеет верной и руководящей *градации жизненных ценностей* и меряет в жизни все не достоинством, а силою.

Вот почему *как личность* он столь склонен к неуважаемому поведению (он пьянствует, буйствует, сквернословит, мешает религию с развратом и в лучшем случае бросается из всепопирающей оргии в оковы епитимии⁸); *как гражданин* он считает преступление не постыдным, но делом удали; на протяжении всей истории он легок в клятвопреступлении; он сочетает чванство с раболепием; он то льстиво покорен, затаив обиду и месть, то впадает в бессмысленный и беспощадный бунт; *как властвующий* — он взяточник, вымогатель и самодур, не умеющий и не желающий отличать публичное благо от частного и жертвовать вторым — первому; *создавая власть*, он создает власть, не уважающую духовное достоинство гражданина, не доверяющую ему, отрицающую всякое значение свободы; власть, которая правит запретом и страхом и может поставить свое самосохранение выше достоинства своей страны.

II. Не от тех же ли коренных исторических причин в русском человеке не воспиталась *способность к внутренней духовно-волевой самодисциплине и к внешнему общественно-политическому самоуправлению?*

Автономное правосознание — в вопросах имущества, обязательства, чести, долга, лояльности, служения — или

совсем не живет в его душе, или пульсирует слабо и неверно; в нем не выросли и в него не вросли те *внутренние грани государственного разума и правовой мотивации*, без которых свобода есть разнузданность, власть — доходное место, государство — общественный пирог, а выборы — подкуп слабого обманщиком.

Когда воля русского человека *верна себе*, то она *неверна праву и родине*, а когда она лояльна, то она покорна за страх, напрягается *лишь наполовину* и в сущности *неверна себе*.

Душа русского человека не осмысливает права его *единою целью* и государства — его *верховным заданием*, и потому она измеряет и право, и государство его *пользой*, его личную и классовую полезностью и всегда готова обратиться к власти с *корыстным* — то униженным, то дерзким *притязанием*; и потому она не верит в цель права, и не ценит государственной власти, и тянет к *анархии*, к *оппозиции*, к *бунту*.

Вот почему русский человек как *гражданин* — искони *идеализировал преступление и разбой* и строил государство в *опеке и надзоре*. Ему как бы естественно пассивное критиканство в политике и неестественно поднимать бремя активного и инициативного строительства. *Строя государство*, он строит его не по типу корпорации, а по типу *учреждения* и тем закрепляет гетерономные мотивы своего правосознания, не воспитывая автономных. *И сама русская национальная власть*, вмещающая дефекты народного правосознания, *не ценила автономную лояльность в подданном* и потому не воспитывала его к *самодетельности* и свободе, требуя внешней покорности и формализуя государственный режим; и формализуя самые цели государственности, периодически являла свою собственную гетерономию то в форме беспредметной *тирании*, то в унижительном образе *временщика*.

III. Именно на почве такого исконно дефективного правосознания сложилась эта *слабость национально-государственной скрепы*: эта недооценка взаимного уважения и взаимного доверия — и гражданина к гражданину, и класса к классу, и граждан к власти, и власти к гражданам, — уважения и доверия как зиждущего, драгоценного начала государственности; и вместо этого: господство

системы взаимного подозрения, исключения, враждования, презрения — системы, насыщающей историческую атмосферу скрытою гражданскою войною.

Индивидуум является органически не-врощенным в ткань родной страны до отождествления с нею; напротив, он тяготеет к *атомизации*, к *распылению*, к уходу в ложную, мнимую самобытность обреченного на беспомощность существа.

Столетиями власть *держала в покорности* индивидуумов, и классы, и инородческие окраины, но *не вращивала* их в государственную ткань на основе *свободно ощущенной и благодарно принятой солидарности*.

Веками разрушалась и попиралась великая идея *«все за одного»*, — а государственное *тягло* налагалось, неотменимое, обременяющее, суровое, во всех его видах; *перенапрягалось и истощалось* у социального атома его терпение, его скромность, его подчиняемость, его самопожертвуемость; и тем разрушалась великая опора государства *«один за всех»*.

Русское национальное правосознание уходило в *центробежный уклон* и *слабело* в центростремительном.

Бремя государственности было исторически велико и сурово, а духовным противовесом служила *не духовная энергия здорового и патриотического правосознания*, а санкционированная религиею *пассивная терпеливость темного и покорного создания*.

IV. Это несоответствие между размерами бремени и *духовной* выносливостью и стойкостью усиливалось и сгущалось в социальном порядке *сверху вниз*: бремя крайне увеличивалось, гетерономно закрепленная пассивность и покорность становилась *единственною* опорю.

На протяжении столетий в России выработался режим, не ослабляющий эту обратную пропорциональность государственно-социального *бремени* и государственно- и социально-зиждательного *мотива*, а увеличивающий ее: я имею в виду *целевое первенство* (телеологический примат) *господствующего атома* над покорно и беззащитно кормящею массою — открытую или прикровенную *систему кормления* воеводы, городничего, заглазного управителя, комиссара, *взятку как режим*.

Этим в русском национальном правосознании подрывалось здоровое, общественно необходимое, государственно обоснованное и духовно освященное чувство *социального неравенства*, функционального *ранга*, публично-правового во-главе-стояния. Верхние слои длительно и традиционно злоупотребляли своим преобладанием, *обоснованным* их культурностью, но *не* обоснованным или недостаточно оправдывавшимся их *воленправлением* и их социально-политическим *образом действий*. Это расшатывало во всем народе как идею *социально-духовного ранга*, так и идею *государственно обоснованного принуждения*. Необходимая привилегированность высшего служения и духовной культурности дискредитировалась и превращалась в *непредметную*, а потому несправедливую привилегию. Необходимое, полное практической серьезности, *государственное принуждение* дискредитировалось и превращалось в *насилие класса над классом*.

Это вскармливало *завистливую химеру равенства внизу* и *покаянную химеру равенства вверху*.

Завистливая химера равенства, трижды разгоравшаяся в низах национальным пожаром (Смута, Разин, Пугачев), вела каждый раз не к мудрому исправлению государственно-политического воленправления верхних слоев, а только к *спорадическому перенапряжению принудительного аппарата*, — а следовательно, не к употреблению силы, а к *злоупотреблению силою*.

Это злоупотребление силою, дискредитируя *государственность принуждения* и окрашивая его в цвета узкоклассового, а потому противо-государственного насилия, вызывает в XIX веке в социальных верхах *покаянную химеру равенства* и *покаянное отвержение всякого, даже государственного, принуждения* как недопустимого насилия.

Тогда раскалываются и верхние слои: с одной стороны, остаются те, которые вынашивают *безгосударственное и противогосударственное правосознание*, народнически стыдящиеся неравенства и анархически-либерально отвергающие всякую принудительность; с другой стороны, те, которые, уступая и отступая, продолжают и все более обостряют политику злоупотребления государственною силою, не имея в то же время духовной силы пересмотреть основы своего узкого и ожесточившегося правосознания.

Под знаком этого конфликта, разыгрывающегося перед лицом и не без участия массы, алчущей *не равенства, а неравенства в свою пользу*, — протекает XIX век, засыпая искрами пороховой погреб и *развинчивая правосознание во всех группах*, правосознание дефективное и недугующее *искони*.

XIX век, подводя итоги прошлому, вел Россию от исторически данного не-до-обоснованного, предметно не-до-оправданного неравенства — он вел ее через столкновение трех лозунгов:

*первого: поддержание status quo*⁹ во что бы то ни стало;

второго: водворение противокультурного и противогосударственного беспредметного равенства (лозунг интеллигентской оппозиции и революции);

и *третьего: установление нового, духовно и государственно разрушительного, обратного неравенства* (смутное вожеление масс) — так, через столкновение этих лозунгов XIX век вел Россию к осуществлению *третьего лозунга при помощи второго* (наши дни) и, следовательно, к государственной и хозяйственной гибели страны.

V. Был еще один глубоко существенный недуг в русском историческом правосознании — *большое восприятие собственности и хозяйственного процесса*; и естественно, что именно в эту духовную каверну, сконцентрировавшись, излились все другие больные струи.

Здесь следует искать корней в исконном русском «безарядье»: княжая усобица; татарские погромы с их всесметающей силою и двух с половиной вековым игом; система кормления, земельных раздач, пожалований и административной кривды; тяжелое бремя государственности; крепостное право и поземельная община и, далее, в виде усиливающего порочного круга: расшатанное правосознание, экстенсивное хозяйствование и трикратная разорительная смута — все это *подорвало в русских массах веру в нормальный хозяйственный труд как источник имущественно-культурного благосостояния и склонность* к интенсивно-трудолюбивому вложению себя в хозяйственный процесс.

Русское простонародное правосознание *искони* привыкло не верить в «труды праведные», считая более до-

ходным *напор не на природу, а на имущество соседа* — все равно, богатого или бедного, а особенно богатого.

Оно ценит в собственности не воплощение своих предков и себя, не творчество, не качество, не *fidem*¹⁰ и не *justum titulum*¹¹, но количество, объем, власть, почет и возможность разнудания своих страстей; и потому оно почти всегда готово отдать и *fides* и *titulus*, и правовую крепость, и даже *tempus*¹² за *nudum corpus*¹³ захваченного блага.

«Что взято — то свято», жизнь коротка, «умрешь — с собой ничего не возьмешь», а богатство само купит себе и правовой титул и спасение души — и вот *detentio*¹⁴ ценится в народном сознании выше *proprietas*¹⁵, ненасытный *animus*¹⁶ пренебрегает этико-правовую форму имущества и *furtum*¹⁷ почти приравнивается к *acquisitio naturalis*¹⁸.

Вот почему, анализируя эту вечную тягу к аграрно-имущественному, «черному» и *не* черному переделу, социолог должен различать *потребность в земле* от *жадности к чужой земле* и подлинную нужду от вывихнутой хозяйственной воли.

Вот почему *криминалист*, говоря о *факторах преступности*, должен останавливаться прежде всего на больном правосознании.

А *историк права*, отмечая стихийно-погромные формы самочинного имущественного передела, в *четвертый* раз за четыре века осуществленного в России с большим или меньшим неуспехом, должен привлечь к освещению их *весь ряд аналогичных явлений*: ибо аграрный погром сродни еврейскому и армянскому погрому, конокрадству и казнокрадству, лихоимству и «шалостям» на больших дорогах, сентиментальным песням о Степане Тимофеевиче и интеллигентским «экспроприациям», анархизму и мародерству.

Само собой разумеется, что я не могу здесь ни поставить, ни развернуть ни одну из этих проблем, вырастающих в историко-этиологической перспективе; я вынужден ограничиться *намекami*.

Историку-правоведу придется углубиться в историю русской национально-духовной культуры и поднять ее почти нетронутую целину.

Он увидит в этом исследовании, что в России *еще не изжит частно-правовой подход к государству, а публично-правовой еще не воспитан*; что *размеры национально-государственной задачи* — и по объему, и по сложности, и по глубине — *были не по плечу исторически отсталому и шаткому русскому правосознанию*; что эти задачи требуют от персонального субстрата России той высокой, *солидаристически-корпоративной и патриотически-сознательной* спайки, которая не присуща массам, выросшим под опекою деспотического *учреждения*, что дореволюционный государственный строй своими традиционными заблуждениями и ошибками *сам породил и вскормил* своего антипода во всей его буреломно-отрицательной силе.

И многое осмыслится и объяснится еще в этом исследовании, предстоящем русскому национальному правоведению:

и шаткость русского патриотизма, с этою способностью предать дело публичного спасения за частный прибыток;

и неудача всех больших войн, ведшихся Россией за последние сто лет;

и русские идеологические заблуждения XIX века;

и политическое одиночество мудрых русских консерваторов — Карамзина, Жуковского, Пушкина, Сергея Соловьева¹⁹, Леонтьева²⁰, Достоевского, Чичерина²¹, Герье²²;

и судьбы русского дворянства;

и политическая безвольная немощь русского либерализма;

и политическое бессилие православной церкви за последние двести лет;

и возможность предреволюционного временщичества;

и трагические рецидивы самозванства и монархomanии;

и неудачи русской политики в национальном вопросе;

и возникновение идеи «внутреннего врага»;

и многое, многое другое.

Но главное — тогда только обнаружатся, познаются и утвердятся те *здоровые и глубокие основы русского правосознания*, на которых вопреки всему выросло *государственное и духовное величие нашей родины* в ее недоосознан-

ной еще другими народами самобытности, мудрости и славе.

5

Разрешение *историко-объяснительной задачи* выдвигает и развертывает следующую задачу, *философско-научную*.

Совершенно естественно и неизбежно ученому-правоведу, исследующему историческое правосознание своей родины, расширить свое видение до размеров *историко-сравнительного созерцания*.

Тогда вся история человечества предстанет перед ним как *история правосознания*, как множество отчасти замкнутых, отчасти взаимодействующих и отчасти преемственно связанных *духовных кривых*, выражающих своими волнами подъем и падение, усиление и ослабление, облагорожение и вырождение ряда национальных правосознаний и государств. Вся судьба каждого народа связана с жизнью и формой его политической организации; а политическая организация его есть не что иное, как *выражение его правосознания*, преломившего в себе его *естественную данность* (внешнюю и внутреннюю природу) и его смутные, инстинктивно переживаемые *цели*. Само же правосознание есть состояние не просто душевное, а *душевно-духовное*, которое стоит в глубокой и тесной связи с *религиозною жизнью индивидуума и народа* и со всем присущим ему *национальным характером и ритмом духовной жизни*.

В этом созерцании и исследовании правоведу придется стать *дескриптивным психологом*²³: он неизбежно установит, что правосознание всегда имеет *сложную психическую природу*, особое душевное строение, меняющееся по нациям и эпохам и налагающее свою печать на законы, учреждения и общественный строй; так, у одного народа в правосознании и, соответственно, в правотворчестве преобладает строго рассудочное *размышление* над прозаическим интересом, уравновешенная *интуиция справедливости* и холодная *воля к порядку*, у другого — беспокойная, темпераментная *мечта* и порывы *чувства*; одни не доверяют воле интуиции, регламентируют и записывают; другие, наоборот, спокойно уверены в правовых гранях

своего воления и не гонятся за словесною формулою; и так далее.

Мысль и воля, воля и воображение, фантазия и чувство, чувство и пластическая объективация — участвуют в правосознании в *различных* дозах и смещениях, то изливаясь в педантизме и формализме, то уходя в беспринципное верхоглядство, то развивая близорукую мелочность или беспочвенный максимализм.

И каждый раз оказывается, что правосознание *в зависимости от своего психического строения* бывает сильнее и слабее, более устойчивым и более шатким, более глубоким и более поверхностным, более зиждущим и более разрушительным; действительно, оно может быть шатким, беспочвенным, способным к утрате своих основных целей и к разложению; и наоборот — оно может быть глубоким, цельным, героически-непреклонным и благородным.

Это означает, что простое историко-сравнительное наблюдение научает нас *разно-силности и разно-ценности* правосознаний и заставляет правоведа-историка и психолога поставить перед собою центральную, философическую задачу всего правопведения — *проблему нормального правосознания*.

Говоря о «нормальном» правосознании, я разумею отнюдь не какое-то «среднее» правосознание, будь то в его персонально-типическом экземпляре или как воображением гипостазированный²⁴ продукт несовершенной индукции.

Нет, нормальное правосознание — это то, которое соответствует *норме*, которое в своей основе, в своем строении, в мотивации и в силе — *верно*; эта нормальность, эта верность его, взятая во всей полноте, *дает идеальное, совершенное* правосознание. *Основу, корень нормального правосознания* составляет *предметное, безошибающееся испытание самого права* — единого, *естественного права*; и воля к нему. Но систематическое испытание права, образуя как бы душу правосознания, выполняет ту функцию, которую выполняет *Совесть* в этике, *эстетический Вкус* в искусстве, *Очевидность* в познании. Из этого предметного испытания естественного права возникает переживание его во всей его *священной необходимости* для моего,

и для чужого, и для национального духа. И этот предметный опыт закрепляет *волю* к нему и порождает *знание* его.

Но для того чтобы установить и описать строение нормального правосознания, его необходимо *найти и укрепить в себе самом*. Совершенным правосознанием обладают, конечно, исключительные люди; но *основу* нормального правосознания, то, что можно назвать *актом правовой совести*, может осуществить в себе *всякий*, если не считать кретинов и духовно уродливых злодеев.

Этот акт правовой совести осуществляется через целостное сосредоточение внимания — чувства, воли и воображения — на *объективно-лучшем* и притом *самом лучшем в правоотношении человека к человеку*; и вслед за тем — на ассимилирующем усвоении, на *вживании* исследующего духа во *внутреннюю природу* этого воспринятого *идеального правоотношения*.

Этот метод исследования, открытый еще Сократом и характерный для всей философии вообще, основывается очевидно на том, что «нормальное правосознание» является не только *исследуемым* предметом (во *всей* его полноте), но в известном смысле и *органом, орудием исследования* (в его первоначально брезжущем, сначала довольно беспомощном виде).

Подобно тому как сущность и содержание совести можно исследовать, только осуществляя ее акты и испытывая ее зовы, т. е. *живя совестью*, подобно этому нормальное правосознание и его предмет (естественное право) можно исследовать, только *отыскивая* его переживание *в себе, воспитывая, укрепляя и углубляя* его в жизненном испытании и осуществлении.

Основа нормального правосознания дана, повторяю, каждому, и от него зависит развить его в себе для осуществления и познания; процесс *познания* совпадает здесь до известной степени с процессом *воспитания в себе*, так что каждый успех в *создании* будет открывать *познанию* нечто новое и каждый успех *познания* будет упрочивать дело *самовоспитания*.

Нормальное правосознание должно *жить и возрастать* в том, кто его исследует, и может успешно исследоваться только тем, кто выращивает его в себе. Это бу-

дет не индукция и не дедукция, но *систематическая интуиция духовного предмета, создаваемого в процессе само-совершенствования.*

Исследовать строение и предмет нормального правосознания является в наши дни снова *очередною задачею правоведения.* Я говорю «снова» потому, что естественное право повторялось в истории много раз, хотя чаще всего в дедуктивном порядке; а строение нормального правосознания хотя систематически и не раскрывалось, но в *задании предносилось человечеству от глубокой древности.*

Мало того, через всю историю человечества можно проследить два глубоких убеждения: первое, что *нормальное правосознание есть тем самым здоровое, сильное и творчески-зизждущее правосознание;* и второе, что корни его *связаны с нравственною добродетелью и с религиозностью.*

Посмотрите, как зрело это выражено в древней китайской летописи «Шу-кинг»²⁵ и как гениально это раскрыто в «Книге великого научения» у Конфуция²⁶; прочтите седьмую, восьмую и девятую книги законов Ману²⁷; вспомните Библию; перечитайте незабвенные страницы третьей книги «Истории» Фукидида²⁸ о духовных причинах Пелопоннесской войны — и разрешите мне не приводить других указаний.

Проблема нормального правосознания есть *проблема древняя, как мир.*

Но это возможно именно потому, что *не менее древне и само нормальное правосознание:* веками, в неудачах, падениях и гражданских войнах, выстрадавая политический опыт, люди замечали и понимали, что *доброкачественность* правосознания есть подлинная основа его *силы* и что эта *доброкачественность* присуща именно тем, чей *дух искренне и цельно парит к объективному совершенству.*

Эта доброкачественность (правда, в элементарном виде и проявлении своем) есть явление совсем не исключительное, и когда оно становится *исключительным,* то город и государство идут к разложению и гибели.

Нормальное правосознание составляет одну из лучших *потенций* человеческой души, которая *уже* реальна, но часто слаба, неустойчива и несознательна; которая в действительности далеко еще не стоит на высоте могущества

и далеко еще не определяет собою как следует жизнь человека. Будучи слабым, темным, подавленным, больным или заглушенным, оно продолжает жить в душе; и даже тогда, когда жизненная сила его сводится к минимуму. Это есть, если угодно, некое *«идеальное» состояние души*, но совсем не в том смысле, что его *нет* в действительности или что оно *не может* осуществиться. Это один из *реальных факторов исторического процесса*, который подлежит изучению и укреплению; и будущее принадлежит ему больше, чем ему принадлежало прошедшее.

Реальная сила этого фактора выражается в том, что всюду, где он действует в большем объеме или с большей интенсивностью, порядок общественной жизни оказывался и оказывается сразу: и более *совершенным*, и более *прочным и устойчивым*. Нормальность правосознания есть *главная основа государственной организации и огражденной ею духовной культуры*.

Философия здесь, как и везде, учит познанию того, что *благо есть реальная сила*, уже *данная человеку как факт*, как возможность большего и как предмет желания и в то же время еще *заданная* человеку для познания, для воспитания себя к нему и для полного осуществления.

В истории человечества периодически бывает так, что *дефекты и недуги правосознания подтачивают и расшатывают* его верный строй и силу; а расшатанное правосознание *само ускоряет наступление острых испытаний*, которых оно не в состоянии выдержать.

Образуется как бы некое *саморазжигание недуга*; слагается как бы некое *торопящееся самообрушивание*, могущее повести к настоящей катастрофе; и бывали в истории такие кризисы, от которых то или иное государство имело все основания *вести начало своего упадка*.

Для того чтобы этого не случилось с нашей родиной, мы и должны превратить *опыт* нашего правового, государственного и культурного крушения в источник нового *предметного знания о* природе права, государства и правосознания и в источник героической *воли* к их возрождению.

Вслед за вопросом о том, какие дефекты русского национального правосознания привели к этому крушению, мы должны поставить вопрос:

что такое правосознание, свободное от дефектов, здоровое, могучее, зиждущее?

какое значение имеет в его жизни чувство, воля, мысль, воображение, внешний поступок?

в каком *соотношении* они слагают его верный пульс?

входят ли *внутренние мотивы* в состав нормальной правовой жизни и если входят, то какие именно?

имеется ли у нормального правосознания *единая и объективно верная цель и какая именно?*

что есть *предмет* нормального правосознания — *естественное право* и в каком отношении оно стоит к положительному праву?

что *связует* и что *разлучает* нормальное правосознание с духовной жизнью и с духовной культурой, с добродетелью, с религиозностью, с патриотизмом, с международным братством народов?

в чем природа и каково строение нормального *политического правосознания?*

в чем естественно-правовая сущность *государства* и его *цель?*

в функции каких координат обретается *верная форма* государства?

в чем *цель* государственной власти, в чем ее *природа*, каковы ее *нерушимые аксиомы?*

и нет ли таких *основных аксиом*, которые лежали бы в самой основе нормального правосознания, обуславливая собою его верность и силу?

и каковы бывают, и как возникают, и куда ведут *недуги правосознания?*

Вот приблизительно тот цикл вопросов, который неизбежно восстанет перед каждым русским правоведом, восхотевшим подойти к основной проблеме философии права, а потому и всего правоведения.

Я далек от мысли разрешать здесь, сейчас эти вопросы: это все проблемы древние и вечные; и работы здесь хватит для поколений.

Но наше поколение, потрясенное невиданным в истории крушением своей родины, крушением, состоявшимся при его непосредственном участии и при его совиновности, должно понять, что без углубленного и сосредото-

ченного, патриотически направляемого ухода в эти предметные глубины — о *возрождении России нечего и думать*.

6

Однако дело совсем не только в том, чтобы русское национальное правоведение поставило перед собою эти задачи; но и в том, чтобы оно нашло для них *правильное разрешение*.

Необходимо прежде всего испытать, увидеть и понять, что право и государство, которые регулируют, конечно, не внутренние, а внешние деяния человека, тем не менее *живут* именно внутренними, душевными состояниями его, и притом не безразлично какими, а именно *душевно-духовными*. Внешний строй, внешний порядок, убывь правонарушений и преступлений есть только *поверхностная видимость* права и государства; она может быть налицо, а право и государство могут идти навстречу гибели.

Строить право — не значит придумывать новые законы и подавлять беспорядки; но значит *воспитывать верное и все углубляющее и крепнущее правосознание*.

Строить государство — не значит завоевывать территории и ради этого изнурять платежеспособность населения; но это не значит и вливать политически незрелую массу в правительство, предоставляя ей удостовериться в своей политической немощи путем погубления духовной культуры и персонального субстрата страны.

Но это значит *воспитывать в народе государственный образ мыслей, государственное настроение чувства, государственное направление воли*.

Человек творит право и государство именно *чувством, волею и сознанием*, не «просто» внешними поступками, но длительными, устойчивыми и содержательно-верными напряжениями души и духа.

Юристу, способному только к формальным анализам, и политику, воображающему, что спасение придет от максимального расширения публичных полномочий, конечно, может казаться, что все дело в *отвлеченных квалификациях и в механизме внешних возможностей и поступков*.

Они *предполагают наличность правосознания* и у себя, и у массы; у себя — и потому *запускают свое* духовное

воспитание, запутываются в казуальных конструкциях и ложных доктринах и теряют свою настоящую дееспособность; у массы — и потому не только *не воспитывают* ее, но готовы *преклоняться* перед дефектами ее правосознания.

Право и государство живут, по существу, в *субъекте права, им, субъектом*, — его душою, его духом. Но субъект права — это не только понятие, или категория, или абстрактная точка для умственного приложения полномочий и обязанностей; субъект права — это прежде всего *духовно организованная душа*. Юридически *квалифицироваться* в качестве субъекта права и подлинно *быть* субъектом права — не одно и то же. Юридически *признать* человека правоспособным и дееспособным и духовно *сделать* его правоспособным и дееспособным — не одно и то же; ибо признанная за ним правоспособность может остаться *мертвюю фикцией* без живого наполнения, без творческой плэромы²⁹; а предоставленная ему дееспособность может раскрыться фактически как способность к грабежу, убийству и разрушению государства.

«Юридически считается» и «духовно-правосознательно быть» — поскольку то и другое *не совпадает*, постольку «значащее» право и «действующее» государство строятся в воздухе и готовят себе разложение. Постольку они *не реальны*.

Ибо реальность их живет там, дальше, глубже, в тех *корнях души*, которыми человек *любит, желает, решает и идет на смерть*.

Правоспособность и дееспособность не фиктивны тогда, когда за ними действительно живет и их собою наполняет *чувство-способность, воле-способность и мысле-способность*. И притом не просто способность чувствовать, желать и думать вообще что-нибудь, все равно что (например, радоваться полученной взятке, желать незаслуженного почета, обдумывать предвыборную инсинуацию).

Настоящий, нефиктивный субъект права способен *чувствовать, желать и мыслить* предметную *цель* права и государства, и потому он переносит эти духовные напряжения свои на самое право, и на самое государство, и на государственную власть как на *верные и достойные пути к этой цели*.

Цель права и государства совсем не в том, чтобы более изворотливый и жадный, беспрепятственно, и не ограбляемый, обогащался за счет других; и не в том, чтобы люди, формально приписанные к данному государству, всюду плавали со своими дешевыми товарами, вытесняя дорогие товары людей, формально приписанных к другому государству.

Но она и не в том, чтобы искоренить в стране разделение труда и занятий, пресечь творческую инициативу индивидуума и принудительно уравнивать то, что в корне и навсегда не равно; и не в том, чтобы уговаривать граждан *других* государств к искоренению у них социальной дифференциации, к пресечению индивидуальной инициативы и к национальному разорению от имущественного передела.

Нет; настоящая цель права и государства — в устроении и ограждении *национального и тем самым* именно через это осуществляющегося *общечеловеческого духовного расцвета*. Расцвет национальной *духовной культуры* и ее коллективного субъекта как такового есть расцвет *родины*. Так что законы и государство образуют положительно-правовую форму родины; а родина — т. е. национальная духовная культура и ее живой и природный субстрат, составляет *содержание и цель государства и права*.

Субъект права, который *не любит* свою родину, не будет блюсти и не может блюсти ее интереса; ему не по пути с его собственным государством; начав постепенно действовать, он его тотчас *предаст* и быстро *погубит*. Такой субъект права *фиктивен*; и государство в его душе и в его делах *не имеет реальности*. Субъект права, *воля и мысль* которого не замечают родины, ее блага и ее формы, останется политически недееспособным, какая бы фиктивная квалификация ни была ему придана. Ибо *реальная глубина правовой субъективности лежит в правосознании человека, в его чувствовании, волеии, мышлении, в их верном направлении, в предметности и силе их интенции*³⁰.

Но ведь нельзя же *заставить* людей предметно чувствовать, желать и думать; нельзя даже *узнать* о каждом, как *именно* он на самом деле чувствует, желает и думает.

И тем не менее приятие родины, права, государства и власти личной любовью, уважением, доверием, волею и мыслью — составляет самую основную сущность нормального правосознания и государственного национально-духовного расцвета.

Заставить любить и желать *нельзя*; но *воспитывать* волю, но *взрачивать* любовь, но *образовывать* мысль можно и должно.

Проникнуть в подлинную жизнь личного — духа — *трудно*, но необходимо признать, что тот, кто без достаточных оснований, в порядке отвлеченного теоретического допущения, не считаясь с действительностью, объявляет всех людей без различия политически дееспособными субъектами права, — тот ведет государство к гибели, родину к унижению, а население к массовому вымиранию.

Быть нефиктивным субъектом права — значит быть духовно зрелой личностью — вот первооснова правосознания, вот аксиома философии права, длительное пренебрежение к которой таит в себе возмездие.

Нормальный субъект права не тот, кого *заставили* любить родину или желать государственной цели — это ложная постановка вопроса; но тот, кто *сам* любит родину, потому что видит ее духовную красоту и утверждает *ею самого себя*; и тот, кто *сам* находит чувством, и мыслью, и созерцанием единую, объективную цель своего государства и *сам* приемлет ее волею и действием.

Это значит, что нормальный субъект права как духовно зрелая личность ощутил и опознал *свою собственную природу*, как нечто *неразложимое* на простые животнотелесные потребности и на простые животнодушевные состояния; он нашел себя как существо духовное, т. е. измеряющее себя и всю человеческую жизнь не голыми «нуждами», «пользами» и «интересами», но *достоинством*, объективным и безусловным достоинством, честью, совестью, правотою *перед лицом Божиим*.

Только тот, кто — сознательно или бессознательно — измеряет жизнь и мир такую ценностью, может увидеть достоинство своей родины, права, государства и власти; только он сможет найти безусловное достоинство и в *себе самом*.

Нормальный субъект права имеет в основе своей жизни и своего действия *чувство собственного безусловного достоинства*; он уважает себя как личность; и уважает гражданина в себе; а потому он умеет уважать и свою государственную власть, не унижая себя и не пресмыкаясь; и нет условий, при которых он мог бы стать политическим Терситом³¹ или Калибаном³².

Но именно в этом достоинстве своем и уважении к себе нормальный субъект права имеет свою, самостоятельно испытанную и добровольно принятую *грань* в жизни и в действии; он имеет *в самом себе мотивы* для правого, верного, предметного поведения. Повинуясь праву и власти, он повинуется им не потому, что они грозят ему и заставляют его, а потому, что он уважает *себя и их*; и уважает в них — самого себя; и уважает их — в своем собственном лице.

Такой субъект права есть живой центр самоуправления; он способен *верно управлять своею* жизнью и только через это и благодаря этому он способен верно строить, а не разрушать *общественное и политическое* самоуправление. Повинуясь закону, он не только не нарушает этим свою свободу, но строит и утверждает ее: потому что он повинуется *по свободному убеждению*.

Он созрел к политической свободе потому, что он внутренне, духовно *освободил себя от зверя*; и потому его внешняя свобода проявляет не раба и не тирана, а нестесненное дыхание патриотизма и государственности; и нет условий, при которых он мог бы стать Емельяном Пугачевым или Андроником Комнином³³.

7

Итак, правосознание имеет свои *аксиомы*; утверждение их в себе делает правосознание нормальным, а субъекта права — *живым очагом правоты, реальною опорой государственности*.

Вскрыть эти аксиомы — вот великая задача правоповедения в наши дни; вскрыть их в той глубине нашего опыта, из которой они *сами уже вопиют к нам*, вскрыть их и развернуть в целостное понимание нормального

правосознания, в целостное учение о *нормальном субъекте права*.

И это учение о правосознании и о нормальном субъекте права поможет разрешить все другие указанные мною выше задачи.

Оно откроет все возможные *недуги правосознания* субъекта, творящего право через закон, через правление, через суд и через простое частнопрововое волеизъявление.

И публичное, и частное правосознание предстанут тогда перед правоведом в их анатомическом составе, в их физиологической динамике и в их патологических видоизменениях.

От этого *история права* в ее причинных исследованиях приобретает как бы новое измерение, новый углубленный предмет, новый создающий фактор и новый создаваемый итог.

История политических учений раскроется как история учений о правосознании, публичном и частном; и пустыня отживших догм оживет.

Общую теорию права придется пересмотреть всю. Самые идеи права и государства, отмиравшие в пустой отвлеченности, прикрепятся *внизу* к живой глубине правоощущающего духа и *вверху* к единой, объективной цели права и государства. По-новому раскроется идея *субъекта права* и всех элементов его статуса. Углубятся идеи правоспособности и дееспособности, правоотношения и правоприменения. Распутаются и разрешатся все основные «антиномии» общей юриспруденции:

проблема *бессильного права и бесправной силы*;

проблема *абстрактно-упрощенного правила и конкретно-сложного казуса*;

проблема столкновения между *положительным и естественным правом*;

проблема *автономного субъекта и гетерономно значащего закона*;

проблема *классовой борьбы и государственной солидарности*;

проблема *справедливого неравенства и уравнивающей несправедливости*;

и, наконец, проблема *международной беспринципности государства и антипатриотического интернационализма*.

Нет нужды перечислять все те проблемы отдельных юридических дисциплин, которые связаны с учением о нормальном правосознании: достаточно указать на то, что вопросы о *природе и реальности государства, о монархии и республике, о демократии и аристократии, о корпорации и учреждении, о федерации и автономии, об уголовной вине и наказании* — разрешимы вообще только как вопросы правосознания.

Юридическая наука должна строиться не просто как наука о «праве», но как наука о *«праве в нормальном правосознании»*: ибо мало думать о праве, надо его *испытывать и видеть*. Чисто умственное обхождение с правом имеет дело *не с правом*, а с его отвлеченными тенями; *не с предметом*, а с его праздными, возможными схемами; *не с реальностью*, а с произвольными комбинациями.

Юридической науке предстоит поставить перед собою кардинальный и труднейший вопрос: что есть настоящий *правовой опыт*, как он *добывается* и как возможно его *научно организовать*? Ибо юрист, считающий себя ученым и академическим преподавателем, а свою юриспруденцию — наукой, должен уметь ответить на этот вопрос. Ибо какая же есть наука без *организованного опыта*? И какой же возможен опыт, если исследователь не может указать того *органа, посредством которого емлется и испытывается его предмет*?

Право и государство не восприимлются в опыте внешних, телесных чувств; но в каком же опыте они восприимлются? Или юриспруденция не опытная наука, а жалкая смесь из дурной метафизики и радикальной публицистики?

Здесь обнаруживается некий глубокий дефект *всей современной юриспруденции*, совсем не только русской: она *не сознает своей опытной природы и не сознает природы своего опыта*; и потому она — или наблюдает и описывает внешние явления (поверхностные отражения правовых событий), или размышляет одним умом над отвлеченными различениями, комбинируя их то ради классификации, то ради профессионального злоупотребления.

Юриспруденция имеет задачу *выяснить природу своего опыта*, вернуть себе *его* и через него самый предмет свой; тогда перед ней откроется свободное и победное плавание — и, смотрите, как уже надуваются ее паруса попутным ветром исторической бури.

8

Не будем ни минуты преуменьшать размеров этих задач: они потребуют напряженных усилий от всего *нашего поколения* русской интеллигенции и *еще от нескольких*.

Но я глубоко верю в то, что эта духовная работа *будет* выполнена.

Русские юристы найдут в себе силы для того, чтобы превратить национальное бедствие в *источник света* не только для России, но и *для других стран*. Ибо не одна Россия переживает кризис правосознания, но в большей или меньшей степени *все народы*.

Весь мир переживает в наши дни одновременное обострение *национально-государственной конкуренции и классовой дифференциации* — процесс, который закончится не скоро и который подвергает великому испытанию правосознание *всех классов во всех странах*. А между тем исторически данное правосознание далеко не везде стоит на уровне испытаний; и там, где, как в Англии, классовое правосознание прошло уже через известное огосударствление, *государственно-международное правосознание* пребывает еще на уровне образцовой порочности. Недуг одного поворота правосознания может привести к кризису *весь его состав и в других его поворотах*. А между тем международное и классовое обострение разжигает *страсти, страсти отрывают* право и государство от их верной *цели* и, так сказать, обеспредмечивают их; а беспредметное право не способно вести правосознание и насыщать его; и вследствие этого правосознание отрывается от духовной, *сверхклассовой природы государства* и от *духовно-сверхнациональных горизонтов права* и разлагается от жадности, страха, злобы, мести и отчаяния.

При таких условиях *всякая* работа над очищением, углублением и опредмечением правосознания имеет *обще-человеческое* значение, а размеры политического опыта, данного *русскому* правоведению, помещают именно его на самое дно и в самый центр этой лаборатории.

Божие посещение не возлагает ни на кого непосильных заданий, но кому дает *опыт и призвание*, тому дает и *силы* для его выполнения. И к этим заданиям нам надлежит приступить с чувством великой ответственности и с готовностью к *великой ревизии* нашего достояния.

Целый ряд неверных уклонов и подходов, ставших уже до известной степени *традиционными*, придется нам преодолеть при этом в себе и в нашей среде.

Нам придется преодолеть в себе и склонность к юридическому формализму и схематизму; и профессионально-утилитарную близорукость; и искушение беспринципно-релятивистической, компромиссной беспочвенности; и опасности субъективистического психологизма с его злосчастным учением об эмоциональной *фантасме*, и соблазн слепого и заносчивого сверхправового идеализма; и мертвенность национально-патриотического безразличия; и разрушительную классовую концепцию государства.

И главное всего — надо будет преодолеть в себе эту *безвольную, пассивную, сентиментальную мечтательность* в государственном деле, которая имеет своим естественным коррелятом *ожесточившуюся и ослепшую в абстрактных дедукциях противогосударственную волю ко всеобщему ниспровержению*.

Скажем себе открыто и мужественно: *России необходимо поколение прозревших и перевоспитавших себя правове-дов, которые сумели бы начертать и осуществить систему верного социального воспитания* — воспитания в массе *нормального субъекта права*.

Это поколение не будет уже беспочвенно мечтать о химерической утопии и по-детски требовать немедленного осуществления любимой химеры. Оно сумеет *предохранить* свою родину от *повторения* злосчастных ошибок

прошлого — и в то же время оно сумеет *усвоить верную мудрость старого*.

Россия нуждается в том, чтобы ее праведы и вожди постоянно воспитывали в самих себе *художников естественной правоты*.

И пусть призывом к тому будет нам переживаемое ныне всею Россией безмерное, но очистительное посещение Божие.

РОДИНА И МЫ

РЕЧЬ

(на торжественном вечере немецкого
Красного Креста и общества по изучению
Восточной Европы) перед русскими
профессорами-изгнанниками
14 ноября 1922 года¹

Досточтимые господа, уважаемые коллеги, дорогие друзья!

Прошел немалый срок с того дня, когда мы, потерпевшие крушение, против своей воли, с женами и детьми, без толики скарба и куска хлеба высадились на гостеприимный берег Германии.

Да, против своей воли! Потому что добровольно мы никогда не покинули бы свою Отчизну, а тем более когда она в такой черной беде.

Проникнувшись любовью и болью, сдерживая праведный гнев, презирая смертельную опасность, мы бы оставались стойко на месте как стражи, как свидетели, как глашатаи ее Воскресения. Да, мы были в своем Отечестве. Для меня Отечество не столько географическое или этнологическое понятие, сколько *духовное*.

Любой народ живет ради того, чтобы стать духовнее, чтобы создать свою духовную культуру. И вот эту целостность духовно-национальной культуры мы называем *Отечеством*. Душа, утрачивая в себе животные начала, становится духом тогда, когда тянется к вечному, когда жаждет Божественного, когда ее мысль мыслит бессмертным и создает бессмертное в смертном. Вот почему только у духовного человека может быть Отечество, а любовь к Отечеству создает различие между человеком и зверем.

Вот почему разлука существует только с географическим и этнологическим субстратом, но никак — не с Отечеством.

Где бы я ни был и что бы я ни делал, мое Отечество всегда *во мне* как духовная сущность моей души, меня самого. У патриота вся жизнь пропитана Отечеством; ход его мыслей, ритм его воли, огонь его страстей — все

связано с Отечеством по его душевному складу и устремлениям.

Невозможно лишить Родины человека духовного; невозможно заставить его жить без нее. С нею разлучить его может только смерть, потому что, опять же, Родина сто́ит того.

Вот и мы, неся с собою и в себе свою Отчизну в первозданных глубинах своего духа, перенесли ее и сюда, оставив дома духовно больной, ослабевший, вконец запутавшийся субъективно субстрат. И тем не менее, преодолевая жесточайшую боль, разделенные пространством, но единые духом, мы все равно считаем высшим счастьем иметь Родину и то, что она у нас есть.

Я уверен, что все присутствующие здесь понимают меня и разделяют мои чувства. Потому что всякий духовный человек, исходя из глубин своей собственной любви к Родине, понимает и уважает это высшее счастье и в другом. Разве не счастье иметь, любить и уважать свою Родину; ведь любовь к ней — это Божье служение, которое для каждого само по себе и для других остается делом священным?

Как часто в своей жизни мы с восхищением, с уважением отмечаем любовь немцев к своему Отечеству. Как часто мы, русские, проявляли и на деле доказывали свой патриотизм. Видно, так уж повелось: из почитания и любви к своему алтарю почитаешь и чужой. Тогда-то и зарождаются, как неизбежное, дружба между народами, радость и мир на земле. Тогда-то и взмывает в высоту все, что несет в себе духовную любовь к Отечеству, все, что вызывает духовное взаимодействие наций.

Пью за здоровье всех присутствующих, за немецкое общество по изучению Восточной Европы, за немецкий Красный Крест!

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЖДИ

*Памяти князя Евгения Николаевича Трубецкого**

Год тому назад из жизни ушел замечательный драгоценный русский человек — князь Евгений Николаевич Трубецкой...

Он умер преждевременно, неожиданно, вдали от своего очага, не свершив до конца ни своего философского, ни своего патриотического жизненного дела. Он ушел в самый тягостный исторический час, когда величайшее духовное и государственное испытание, постигшее его родину, развернулось во всей своей трагической природе и не показало еще его скорбящей душе — ни исхода, ни целения, ни даже пути к нему; когда только религиозное видение могло открыть смущенному и вопрошающему духу — в самой *безмерности испытания*, в самой *глубине бедствия* — *Божий перст*, ведущий к духовному очищению, перерождению и обновлению национальной жизни.

Вся жизнь, вся мысль, все дела и все философское учение почившего были посвящены тому, чтобы верно испытывать, видеть и раскрывать для себя и для других водительные знамения Божия перста; чтобы верно осмысливать «немой язык» исторических символов**, принимать раскрытое с непоколебимою верою и следовать этим высшим зовам с бестрепетным спокойствием *верующего, уразумевшего свою веру*. Вся жизнь его могла дать и дала ему эту силу уйти с уверенным предвидением благого исхода.

Истинный оптимизм всегда имеет один источник: живое и непосредственное *чувствование силы добра* и его *предначертанной победы*. Эта уверенность, что добро не может не победить, потому что оно само по себе есть безусловная реальность и безусловная сила; эта уверенность в том, что «пропасть между Богом и тварью от века

* Публичная речь, произнесенная в Москве 21 февраля (6 марта) 1921 года.

** Ср.: К н. Е в г е н и й Т р у б е ц к о й. Два зверя. — М., 1918. — С. 5.

побеждена», что в Боге «победа от века достигнута»^{*} и миру предназначено явить эту победу; что «тварь призвана к полноте бытия»^{**} и что в мире «все охвачено стремлением к всеединству»^{***}; это глубоко уверенное созерцание творческой свободы искупленного человека, которому дано быть в «напоенности Духом Божиим»^{****} и дано осуществлять в себе «новое Богоявление»^{*****}, — эта уверенность составляла самую основную и глубокую, лично-духовную черту почившего. Он не просто «думал» так; он так *видел* и так осмысливал все; он с этим *жил* и этим мерил исторические события; он учился этому у мира и истории; он учил этому других. Эту веру в *божественное призвание* человека, лежавшую в самой иррациональной стихии его бытия, его самочувствия и его мироощущения, — он всю жизнь принимал и *разумом*, и *волею*, и *действием*.

Эта вера, как *вера*, давала ему религиозный опыт, покрывавший учение христианской православной церкви; эта вера, *разумно* осмысленная, раскрывалась в философское учение о сущности Бога, мира и человека; эта вера питала его жизненную *волю*, кристаллически-благородную, способную только к доброжелательству и в то же время бесстрашную и энергичную; эта вера насыщала собою всю его преподавательскую, литературную и общественно-политическую *деятельность*. Здесь не было у него ни сомнений, ни колебаний; он видел истинность веруемого обстоятельства и жил им. Это был религиозно и философски *цельный* человек, органически единый, самобытный в лоне своей народности — *русский национально-религиозный характер*.

Где бы и когда бы ни родился и ни действовал такой человек, он всюду и всегда стоял бы духовно в первых рядах своего народа; всюду и всегда утрата его была бы скорбна и опустошительна. В наши дни, в нашей стране, в наших духовных блужданиях и заблуждениях, при кри-

* См.: Смысл жизни. — М., 1918. — С. 79.

** Там же. — С. 126.

*** Там же. — С. 132.

**** Там же. — С. 190.

***** Там же. — С. 168. Ср.: Два зверя. — С. 10.

визне и вялом безволии русского характера, в *духовной самоутрате*, царящей уже не первый десяток лет среди русской интеллигенции; где религия, если она имеется, граничит с извращенностью чувства; где разум оторвался от духовного опыта и превратился в пустой рассудок; где люди поколениями приучались и приучились верить показаниям тела и не верить свидетельствам духа; где воображение стало орудием личных больных страстей, а искусство выродилось в нечистое самоопьянение; где утрачено чувство собственного духовного достоинства и в душах уродливо срослись тиран и раб; где корысть и трусость питают и ведут друга друга, — утрата такого человека была бы ничем не вознагражима, если бы самый уход его, самый переход его в другой род бытия не создавал некоторого глубокого и драгоценного обогащения. Эта утрата есть на самом деле не только утрата, но и *приобретение*, она порождает не только лишенность, но и *обогащенность*; она открывает не только зияние и мрак, но утверждает некое новое *достояние*, которое мы должны осмыслить, принять и понести.

Подобно единичному человеку, все народы — независимо от того, знают они о том, или не знают, — слагают свою жизнь, свои дела, свою историю перед лицом высших, безусловно ценных предметов, составляющих вкупе то, что можно было бы назвать *солнцем истории*. Однако солнце не только пребывает *вне* земной жизни и не только центрирует всю свою систему живым тяготением; оно реально излучено и непрерывно излучается (теплом и светом, энергией и жизнью) *в самую ткань* земнородных. Подобно этому божественное начало пребывает не только в сверхмировом состоянии как искомый и призываемый центр живых тяготений; нет, оно, кроме того, *реально излучено* и излучается в мир, в человеческую душу и во всю человеческую жизнь, сообщая ей действительную *реальность*, *энергию* бытия и действия, способность к непреходящим достижениям. Стихия божественного, принятая людьми и осуществившаяся в их жизни, в их делах и созданиях, есть не что иное, как *духовная культура*.

Всюду, где человек восхотел непреходящей и безусловной самооценности; всюду, где он поднял к ней око

своей души; всюду, где он пытался воспринять ее, удержать ее содержание, уловить и уплотить ее форму, — всюду зачалась или состоялась клетка духовной культуры; так, что даже предметные неудачи, даже ошибки и промахи входят в ее состав, образуя как бы отрицательный фундамент ее. *Ученый*, зорко высматривающий истинные законы бытия; *художник*, в страдании и радости вынашивающий прекрасные образы искусства; *патриот-политик*, строящий, как некий художник общения, достойную совместность людей; *совестный человек*, вырабатывающий в себе нравственный характер как живой ритм добра; *священник*, посвятивший себя воспитанию душ к нормальному религиозному опыту; и *все те*, кто каждый по своему и на своем месте постоянно или изредка, порывом или достижением, обратился, или воспринял, или создал, или открыл другим закон, или путь, или присутствие, или силу непреходящей безусловной самооценности — все они, именно постольку, суть носители или творцы духовной культуры, ее служители, ее сосуды; может быть, ее неугасающие очаги.

Кто из нас не чувствовал себя коснувшимся этой *живой стихии божественного*, ее веяния, — столь легкого и трепетного, пока душа еще не обратилась к ней, и столь могучего и победного, как только душа предается ей с любовью и радостью?

Тот осязал ее в священном холоде вдохновения; другой в умилении любви или властных зовах совести; тот в непреклонности мужественного характера; другой в молитве благодарности и зова; а тот в освобождающем ритме музыки или в откровении живописного образа...

Но не все из нас видят и понимают, что именно *эти* касания, эти порывы, эти достижения выводят человеческую душу из сомнительной сферы *эмпирического существования* и вводят ее в сферу *подлинного бытия*. Здесь — межа, здесь великая грань, не чисто субъективная, а *предметная*, не оценочная, а *онтологическая*, не условная, а *безусловная*; грань души — и духа; безвольной страстности — и волевого подвига; призрака — и субстанциальности; слепоты — и очевидности; пыли — и органичности; смерти — и жизни; возможного — и необходимо-

го. Именно через вхождение в *дух*; через непосредственное приобщение личным опытом к *божественному*; через любовь к *объективно совершенному*; именно через прорыв к *предметной очевидности*, через одержимость божественным — человек приобретает подлинное *бытие* и подлинную *силу*: не ту силу, которая сильна чужою слабостью, чужим ничтожеством, низостью черни (призрачную силу вампира, который вернется в свое небытие, как только пробьет урочный час), но силу боговдохновенного, орлего лета, силу *блага*, творящего свою победу в самые часы своей видимой неудачи.

Быть — значит быть в божественном содержании, *его* удерживать в себе, *им* строить себя; в идеальной полноте — это значит принимать путь божественного Предмета как *свой* путь; *Его* дело как *свое* дело; *Его* страдание как *свое* страдание. Подобно тому, как из многих возможных звукосочетаний музыки непреходящее бытие имеет только то, которое *необходимо* и которое художник, раз вняв ему, «не властен, не должен, не смеет»* не избрать; именно потому, что оно единственно верно, единственно художественно и прекрасно и в силу этого необходимо; и как духовно необходимое — пребывающе, бессмертно; подобно этому, только пребывание человека *всем сердцем, всею душою и всем помышлением* в божественной стихии мира (как внешнего мира, так и внутреннего) делает его душу *необходимым, подлинно реальным* орудием или органом Блага.

Несомненно, что все люди имеют *существование*: они существуют в виде множества своеобразных комбинаций телесно-душевного материала. Но каждая из этих комбинаций, сколь бы ни была она объяснима по причинам *телесной* и *душевной* природы, является *неоправданною, пустою возможностью* по законам *духа* до тех пор, пока она не утвердит себя этими законами и не построит себя ими. Человек преодолевает свое «существование» и придает себе *бытие* тогда, когда в основу своего жизненного самоопределения он полагает не «*возможность*» *личного произвола*, но *необходимость сверхличного Предмета*. «Я

* См. переписку А. С. Пушкина. Письмо к кн. Вяземскому от 14 октября 1823 года.

склонен чувствовать, думать, созерцать, поступать так, — говорит человек с безвольно-страстной душою; — но я мог бы и *иначе*, как бы мне в данный момент захотелось и понравилось». «Я чувствую, думаю, созерцаю и поступаю *так* и *только так*, — говорит человек, имеющий духовное бытие; иначе я не могу, не должен и не смею; и не могу хотеть иначе; и не хочу иначе мочь. Ибо *это* и только *это* соответствует зовам Предмета и ритму божественной основы».

В религии, в науке, в искусстве и в государственности — всюду есть эта высшая, божественно-предметная необходимость, которую человек призван увидеть и полюбить и познать, познать и осуществить. И в осуществлении этом построить свое *личное бытие* и бытие своей *национальной культуры*. Миллионы людей живут и умирают — и *не знают* об этой божественной, предметной необходимости; не знают, что она вообще обстоит; что она есть источник бытия; не знают, *в чем* она и *какова* она. Тысячи людей говорят о религии, работают в науке, распоряжаются в государствах, сочиняют в искусстве — и идут *мимо* этой стихии и ее законов, не видя или пренебрегая. Едва ли сотни людей слышат что-то о ней от мудрых вождей человечества и многие из слушающих *отрицают*, смеются и кошунствуют; и, отрицая, вносят слепоту в свое дело, повреждают свой дух и разрушают духовную культуру.

И все, кто, не видя или пренебрегая и осмеивая, пребывают вне этой высшей необходимости и не строят ею своего личного духа, все они именно постольку остаются в *возможности*: их жизнь призрачная; их деяния мнимы; вся их задача в том, чтобы уйти из жизни, родив новые поколения, чреватые лучшими, необходимейшими возможностями. Око их души близоруко и ослеплено поверхностною видимостью; и потому им *ничто не очевидно*, а все сомнительно, относительно и условно; и потому они *ни в чем не уверены*, и вера их, если она имеется, есть *суеверие*; и потому они не способны и к *верности* и не понимают ее могущества и блаженства, а всегда готовы *изменить* делу духа; но и измену их нельзя назвать

«предательством», ибо они ни к чему не питают *безусловной преданности*. Источник их житейского быта *вне* этих измерений: он беспредметен и недуховен, ибо они руководятся *чистым инстинктом самосохранения*. Они одержимы *потребностями* и *страстями*, а не волевыми, предметно-обоснованными решениями; поэтому они не способны и к *поступкам*, ни тем более к *подвигам*; они не решают и не свершают, а текут, плывут по течению или ползут и сыпятся, увлекаемые тяготением. В их личности не найти *неразложимого* центра бытия: это не «неделимые» духи, не «ин-дивидуумы», а пыльные вороха хотений и случайностей; весь *характер* их состоит в *своеобразной бесхарактерности*: это *медиумы*¹ страстей, влияний и обстоятельств; не стволы дубов, которых буря вырвет, но не согнет, а зыбкие травы, лежащие под колесо событий.

Все вместе они — *прах истории*, и потому так бесследно выметает их Божия метла — вихрь исторических испытаний.

Непризрачен и нераспылим, напротив, тот дух, который взрастил себя в *необходимостях* божественного Предмета. Раз увидев и испытав этот Предмет и его ритм, он прилепляется к нему как к источнику спасения и радости; он прилепляется к нему *целостною любовью* и в постоянном любящем обращении к нему приобретает очевидность. *Очевидность, вскормленная любовью и насыщенная волею*, есть истинная религиозность даже тогда, если очевидность не объемлет всего предмета или оказывается частично мнимой. Очевидность духовного опыта строит душу, ибо сообщает ей *непоколебимую основу* — источник недвоящихся избраний и решений. *Целостная любовь* к предмету дает *бытие* духу, ибо сообщает ему ту *неразложимую интенсивность*, ту огненную одержимость, которая есть источник истинной и непобедимой силы. Самоутверждающаяся *воля* к предмету вводит душу в Его живой ритм и образует источник истинного *характера* и *подвига*. Возрастая в таком состоянии, человеческий дух может приобрести некое внутреннее, органическое единство; его своеобразие не исчезает и не меркнет, но *обосновывается на необходимостях Предмета* и насыщается

более или менее Его качеством, Его формою, Его ритмом. Тогда человек становится живым носителем Духа на земле и в земных делах; Его опорой, Его твердыней, Его оплотом. Око его души обращено к божественному Предмету и успокаивается только тогда, когда усматривает Его с очевидностью. Очевидность строит веру; вера является живою, окончательною уверенностью; уверенность, вскормленная преданностью, утверждает душу в *верности* Предмету со всем ее могуществом и блаженством.

Религиозное самоутверждение дает человеческой душе *силу* видеть, избирать и решать; оно дает ей *власть* звать, учить и вести, власть овладевать и строить. Склонности, влияния и обстоятельства не владеют такою душою, не засыпают ее своею пылью и не распыляют ее самое; напротив, все эмпирические пылинки прозрачно являют ей свою сущность и, встречаясь с самоутвердившимся центром духа, слагаются в органическое единство *миросозерцания*.

Не инстинкт самосохранения ведет такого человека, а *инстинкт высшей правоты*. Не страсти владеют им, а он страстями. Не течение несет его, а от него начинается течение. Не его влечет, а он совершает поступки или завязывает новые причинные узлы и ряды в мире. В душе его бьет *живой ключ духа* и духовной жизни; и воды этого ключа суть *воды самого Предмета* — даже тогда, если сам человек не видит, или не сознает этого, или вообще отрицает здесь высшее, таинственное тождество души и Предмета*. В истинном религиозном подъеме Предмет и душа суть в *живом единстве*, творческом и нерасторжимом; и нерасторжимость эта так велика и цельна, что связь человека с жизнью оказывается менее сильной и второстепенной: смерть становится для него нестрашным, быть может, желанным исходом, если свободная жизнь в Предмете оказывается невозможною. Это — дуб, который буря вырвет, но не согнет.

* По-видимому, к такому отрицанию склонялся князь Е. Н. Трубецкой в своем учении о трансцендентности Божества и о свободе твари. См., напр., *Смысл жизни*, с. 65 — 98 и др.

Такие люди с цельным религиозным характером, у которых все деяния суть *поступки* и многие поступки суть *подвиги*, драгоценны независимо от размеров личного творческого дара, от срока их жизни, от сферы их деятельности и от осязательных результатов их творчества. Им часто бывает присуща особая, предметно вскормленная неприязательная *скромность* в самооценке и повышенное *чувство ответственности* на деле. Они сильны не в показном блеске; они часто безыскусственны и просты. Их сила — в бытии и свершении. Это живые очаги *духовного здоровья*; или еще: это камни, полагаемые в угол здания. Из них, из этих людей слагается *ткань истории*, не истории жадного потребления, а истории духа и его культуры. Чтобы войти в эту историю, надо иметь *духовное бытие*; но, вступив в нее, *нельзя уже умереть* для нее и для ее достояния. И самая личная смерть и возможная безвестность ушедшего оказываются бессильны. Ибо бессмертие определяется здесь не славою личного имени и не признанием потомства, а зиждущей энергией лично предметного бытия. Не уходящему, а остающимся важно сохранить личный облик ушедшего; чтобы смерть не только унесла, но и даровала, не только скрыла, но и показала; и тогда она не только разлучит, но, освобождая дух от эмпирической оболочки, впервые соединит его с оставшимися, являя ушедшего в его чистом идейном составе, в его силе, в его славе, в его обращенности к Божеству; словом — в его *бессмертном облике*.

Этот бессмертный облик водительного человека есть *национальное духовное достояние*.

Каждый народ, исторически созидая свою национальную духовную культуру, вынашивает свой особый национально-духовный *характер*, свой особый духовный ритм, свой *идеал* человеческого облика и, наконец, свой *пантеон достижений и героев*.

Национальный *характер* народа определяется совсем не одною расою или климатом, земною поверхностью и внешнею природою; и не только общими законами *души* в ее одиночестве и в ее общении; но основнее, глубже, священнее, — его творческою *обращенностью к божественной стихии мира*. Эта божественная стихия едина и

неделима; но *являет* себя людям многообразно и берется ими и осуществляется ими *многообразно*. Каждый народ, утверждая ею свое бытие, обращается к ней по-своему: по-своему нуждаясь в ней — тоскою и сомнением; по-своему *порываясь* к ней — молитвою, научным исследованием и песнею; по-своему *воспринимая* ее — через таинство, через совесть и через научный закон; по-своему *утверждая* ее — исповеданием, философским учением и патриотическим подвигом; по-своему *изображая* ее — в своем лице, в своей иконе, в своем стихе, в своей музыке и в своих зданиях. Национальный характер народа складывается из его *земных особенностей* в их обращенности к *божественным содержаниям*; изо всего груза его земной данности, уже вместившей и еще не вместившей в себя весь идеальный объем духовного задания. Здесь по-своему смешаны — влага страстей с огненностью духа; прилепленность к быту с парением, уносящим из него. Здесь сумерки расовых особенностей уже пронизываются и вот еще недопронизаны лучом единого, вселенского солнца. Здесь особые свои — недуги воли и бури чувства; своя слабость в решении и своя сила мысли; свои падения и своя святость.

Но все это сдерживается, освящается и ведется через исторические пространства, именно *верным ритмом, ведущим к Богу*. В перепутьях и распутиях своих каждый народ имеет свой нешибочный, свой священный *путь*. Это путь, идя которым все сыны его придут к достижению и ни один не погибнет; путь особенный, национальный и постольку *не неизбежный* для других народов; но путь не мнимый, а истинный, приводящий, открывающий и дарующий, и постольку для *всех* народов и *всех* времен — призывный, и научительный, и строящий. Он обретается и прокладывается из поколения в поколение, ценою вековых исканий, ценою падений и неудач, ценою с виду неосмысленных страданий. Но строится он именно не падением, а *достижением*. Его созидают именно те, кто в *верности Предмету* находят свое *бытие* и утверждают свой *личный характер*. Они носят в себе и осуществляют своими силами *духовный ритм своего народа*; и этим указывают ему его верный путь; тот путь, с

которого *можно сбиться* (и тогда необходимо опять искать и найти его), но утратить который *совсем* — значит погубить свою духовную культуру и погибнуть. Поскольку народ пребывает в этом ритме, он духовно растет и процветает; собирает свои силы, осуществляет свои естественные права и свое назначение; и не влачится за колесницей истории, а правит ею — просто одним тем, что совершает свой путь.

И вот, именно пребывая в этом ритме, он вычерчивает свой особый *идеал человеческого облика* и создает *пантеон своих вождей*.

Этот идеал человеческого облика открывается каждому народу не через отречение от его национальных черт, а через их *приятие и преодоление*. Идеал — не отвлеченная схема, которая уходит в пустоту и возносится только потому, что пренебрегла живым содержанием; такой уход, осуществляемый мыслью и фантазией, создает некую мертвую абстракцию, и напрасно человек полагает в этом проявление своей силы. Не сила, а слабость бежит от жизненного бремени; не сильный дух, а слабый мечтает об «общечеловеческом» идеале, минуя национальный ритм; и тогда он, возносясь этою праздною мечтою, осуществляет на самом деле все порочные черты своего национального характера. Отречься от национальности — не значит угасить ее на самом деле; но значит пренебречь ею и обречь ее на распутство и гибель. Задание разрешает не тот, кто пренебрегает данными условиями и тешит себя беспочвенными и уродливыми химерами; но тот, кто сурово и ответственно приемлет данность, как таковую, и с ее бременем восходит к разрешению. Национальное, как таковое, не только и не просто «ограничивает» жизнь духа; но дает ему *границы бытия* и предназначает ему идеальное достижение. Идеал человеческого характера состоит в том, чтобы *целостно одухотворить национальные черты своего народа*; не отвергнуть их, а найти, *приятить* и соблюсти; не развязать, а *сковать законом*; не поклоняться им, распуская их, но *собрать их в поклонении* Богу; не предоставить им блуждать в беспочвенных возможностях, но *насытить их предметною необходимостью*. Ритм, ведущий к божественному, должен

поглотить их, пропитать их и властно повести их за собою. Каждая национальная черта должна быть здесь напоена и освящена предметным присутствием; каждая должна стать верным паладином², верным знаком, необходимым органом божественной стихии; каждая, не утрачиваясь, должна как бы *просиять изнутри* светом предметного сияния; каждая, не изменяя себе, должна преобразиться через свою предметную одержимость. И тогда, но только тогда, национальная «манера» перестанет быть простою исторически возникшею «манерою», но даст миру *истинный общечеловеческий водительный ритм*. Сквозь национальное «лицо» проступят чудесные черты вселенского лика; единый божественный огонь сверкнет в луче национального ока; в этом огне быт народа найдет свое *очищение и оправдание*; и национальный характер, явив себя в Боге, осуществив свой идеал, *узаконит себя для Вселенной на века*.

Именно в этом процессе духовного роста каждый народ создает *пантеон своих национальных вождей* — гениев, победно достигших, и *борцов*, восходящих и зовущих. И гении, и борцы имеют как бы два различных пути, два способа творить и достигать.

Одни — *герои духовного видения*, созерцающие божественный Предмет и поведывающие об узренном: пророки, художники, мыслители. Самое призвание их в том, чтобы *увидеть*; самое дело их в том, чтобы *поведать*; их видение есть уже достижение; их слово — уже подвиг. Энергия их духа переходит в их творения, а творения их слагают *объективированные богатства национальной культуры*.

Другие — *герои жизненного действия*, восприимляющие в себе подлинные божественные зовы и осуществляющие их волею, решениями и поступками: подвижники, властители, патриоты. Их призвание в том, чтобы быть живыми действенными органами, орудиями откровения, совести и правосознания; их дело в том, чтобы целостно жить и действовать; их достижение — в их характере; их подвиг — в жизненной преданности Предмету до гроба; самый личный облик их есть как бы живое пророчество,

живое произведение искусства, живая сокровищница духовного опыта. Энергия их духа выражается зреее всего в их жизни, в их добродетели и в их поступках: и облики их, живые облики совершенства, *spraescula perfectionis*, слагают *персонифицированные богатства национальной культуры*.

На грани этих двух видов или способов творить пребывает восходящий и зовущий облик почившего князя Евгения Николаевича Трубецкого.

Это был философ, ученый, творивший духовным видением и мысленною формою; но это был прежде всего целостный религиозный характер, живой сосуд благородства и любви к отечеству. Трудно сказать, к чему он был призван преимущественно и не отвлекало ли его жизненное действие от умственного созерцания. Но именно этим *совмещением философии и действительного патриотизма* в лоне *целостной религиозности* определяется его место в пантеоне вождей русской духовной культуры.

Это был философ, который видел немощь и пустоту отвлеченного рассудка* и обращал всю силу своего духа к живому *религиозному опыту*. Вся философия его была посвящена раскрытию и уяснению того *божественного всеединства*, которое он усматривал в мире. Но в то же время это был *верующий*, который носил в душе непоколебимую уверенность в *божественной силе* и *религиозной миссии человеческого разума*: «логическая функция судящей мысли, — говорил он, — необходима религиозному опыту» «более, чем всякому другому»; ибо только «строго логическим мышлением о вере» можно предохранить себя от «самовнушений своего порочного сердца»**.

И вот, религиозное видение дало содержание его философии, а философия его стала *разумною формою* принятого откровения. Религия и философия стали органическим единством; вера и разум слились в единую силу и образовали вместе цельную и неразложимую основу личного характера; духовный уклад приобрел некое высшее *равновесие, терпимость*, свойственную успокоенному

* Метафизические предположения познания. — С. 306 — 332.

** Ср.: Смысл жизни. — С. 199 — 200.

разумению, и ту *чистоту ока* и воли, что дается только через религиозное наполнение и изживание личной страсти.

Этот единую силу веры, разума и религиозно освобожденной страсти почивший видел, разумел и любил свою *родину*, постигая ее не рассудком, как отвлеченную идею сильного государства, и не смутным инстинктом самосохранения, уводящим душу ко вне-этическим эксцессам, но *религиозным созерцанием божественного лика нашей России*, политическим разумением ее духовных путей и заданий и горением бескорыстного чувства, воспитывающего в душе сверхклассовое правосознание и ведущего душу к волевым свершениям перед лицом смерти. Он искал духовный лик России и находил его в ее иконе, былине, сказке и песне, приемля этот лик религиозно, осмысливая его философически и осуществляя свое разумение живым патриотическим действием.

Единство чувства, разума, слова и дела в служении божественно-предметному ритму своего народа — вот чем определяется значение личности князя Евгения Николаевича Трубецкого; вот что укажет ему его место в пантеоне вождей русской духовной культуры, вот в чем тот облик совершенства, который мы должны осмыслить, принять и понести.

В падении и в несчастье русский человек искони умел видеть Божие посещение. И в этом *религиозном восприятии беды* он был прав. Ибо земное естество человека только в страдании и через страдание способно обретать духовно верный ритм и восходить к божественным содержаниям. Сила человеческого духа есть оформленная *сила его страданий*; мудрость его есть накопленный и сосредоточенный *смысл его страданий*; чистота его есть *освобожденность страданием* от зла и пошлости. Только страдая может земное естество человека восходить к *предметной очевидности*; только через предметную очевидность оно может влить свою жизнь в божественную стихию мира.

Через великие пространства истории бредут слепые поколения; и в слепоте заблуждаются; и, заблудшие, неистовствуют. Вся жизнь их разбивается в *пыль* разрознен-

ных миггов и бессмысленных случайностей; и насыщается разлившеюся *влагою* страстей. Но именно из пыли и влаги составилось некогда то *брение*, которое было возложено на очи слепому, дабы он прозрел.

В великой уверенности созерцает патриот историю своего народа: он знает, что прозреют очи от брения состоявшегося зла; и, прозрев, обратятся к божественному Предмету. И новые поколения, умудряясь страданием, будут искать и найдут себе предметно-водительные образы в своем национальном пантеоне.

ПАМЯТИ П. И. НОВГОРОДЦЕВА

Как тяжело на душе перед этой безвременной могилой! Какой энергичный дух отлетел, какое верное долгу сердце остановилось, какие зоркие глаза закрылись навек... Не видим, не разумеем, зачем надо было отозвать из жизни этого сильного, неутомимого, несломимого борца за нашу скудеющую, истомленную родину. Знаем, что мы потеряли в нем: знаем, как драгоценен был бы в будущем его спокойный, мудрый опыт. И молча шепчем: да будет воля Твоя...

Двадцать два года знал я Павла Ивановича. Я помню его еще в звании доцента, до защиты им докторской диссертации. Мы, начинающие студенты, слушали его по-особенному, многого не понимая, напряженно ловя каждое слово, напряженно вникая: он говорил о *главном*; не о фактах и не о средствах; отвлеченно, но о живом: он говорил о *целях жизни*, и прежде всего о *праве ученого* исследовать и обосновывать эти цели. Вокруг него, его трудов, докладов и лекций шла полемика, идейная борьба, проникавшая даже в газеты; с ним соглашались, ему возражали: раздраженно выступали «материалисты», энергично смыкали свои ряды «философы». Слагалось *идейное бродило*, закладывались основы *духовного* понимания жизни, общественности и политики. Его семинарий был многолюдный, оживленный, со страстными

встречами марксистов, народников, идеалистов; и с атмосферой общего доверия к искусному, уравновешенному, внутренне горящему и внешне сдержанному руководителю.

Я помню ту бурю приветствия, которую мы встретили его, вернувшегося из Петербурга после защиты докторской диссертации, его взволнованное, побледневшее лицо, его дрогнувший в словах благодарности голос...

Он «оставлял при университете» по своей кафедре охотно и легко. Помню мой первый приход к нему; он жил с чрезвычайной скромностью у Никитских ворот в простых, но чистых номерах Троицкой. Аскезом, строгостью, уединением веяло в его комнате. Атмосфера мягкой ласковости и своеобразного воспитывающего, сдерживающего холодка, импонируя, встречала студента. С первых же шагов юноша чувствовал себя не «оставленным», а *принятым*; не идущим, а *ведомым*. В мягкости скрывалось много оформляющей, требовательной суровости. В занятиях была программа, властно проводившаяся и выполнявшаяся: каждая тема должна была завершаться в форме письменного сочинения. Оставленные сходились к руководителю по желанию каждое воскресенье от 11 до 2 часов дня. В общей беседе чувствовался непрерывно внимательный взор, строгий суд, учет не только того, что говорится, но и стиля выражений. О каждом он заботился индивидуально, добывая стипендии, уроки, разрабатывал тему, щедро ставя свою подпись на библиотечных карточках. Сочинение подавалось за сочинением: медленно возрастало здание духовной индивидуальности. Но бывали и исключения, когда он не требовал сочинений и предлагал прямо вести завершающую работу; это были случаи особой даровитости. Я помню, как он несколько лет уговаривал Л. С. Мееровича¹ держать магистерский экзамен «через месяц»; он знал, с кем имеет дело, но, к сожалению, так и не сломил скромности уговариваемого.

Все, что написано Павлом Ивановичем после второй диссертации, задумывалось и слагалось как бы на моих глазах. Он обладал исключительным чутьем к *теме*. Интуитивно улавливая, как бы подслушивая внутренним

слухом, где и как бьется сердце предмета, он отыскивал то умопостигаемое место, в котором завязан главный узел проблем, уверенно направлял туда свое внимание и подсказывал ученикам тему за темой. Платон, Руссо, Кант и Гегель — таковы были идейные центры его «школы». С замечательною духовною зоркостью усмотрел он тот кризис, в который вступило современное правосознание. Опытное и умственное переживание этого кризиса поглощало его душу уже тогда, когда войны и революции последнего десятилетия не обнаружили еще ни размеров, ни глубины назревшего перелома. Убежденный ценитель начала долга и моральной дисциплины, Павел Иванович жил сам теми основами, которые исследовал теоретически и в которых искал общественного и государственного спасения. Те, кто мало знали его, напрасно пытались упрощать его сложную индивидуальность обычными трафаретными схемами. «Даровитый профессор», «блестящий публицист», «идеалист», «кадет» — эти мерила не только не исчерпывали его, но всегда упускали самое существенное. Это был *сильный, дисциплинированный характер*, в котором *эстетическая форма* облекала собою *огромную волю* и *живой духовный опыт*. У меня никогда не было чувства, что Павел Иванович сказал свое «последнее слово», исчерпал себя до дна, остановился на формуле или перестал внутренне искать и учиться. В нем всегда жило чувство *живой тайны бытия* и *мистического благоговения* перед нею. Он непрерывно осязал в своем опыте и в содержании своего предмета неизречаемую и неизреченную глубину, священный мрак, онтологически данную тайну. И принципы рационалистической морали — «долг», «свобода», «личность» — не рассудочно мыслились им, а мистически воспринимались и лирически воспевались в его писаниях. Он *знал*, что не исчерпывает предмета, не посягал на это исчерпание и потому сам не исчерпывался ни формулами, ни книгами. Этот опыт тайны, это мистическое начало жили в нем всегда. Павел Иванович не за последние годы «стал» религиозным человеком, но *всегда был им*. И раскрывшаяся ему за годы смуты и страданий мудрая глубина русского Православия придала не первую, но

новую и, верю, окончательную форму его религиозности. И из этой глубины он не успел сказать своего верного и окончательного слова.

Я помню Павла Ивановича членом Государственной Думы. Это был период всеобщей «оппозиции» и «левизны», левизны неудержимой, бескрайной, глупеющей от собственного угара, упоенно мятущейся и разлагающей всякую форму жизни. В нем — всегда была твердая, волевая грань налево; чувство *формы*, чувство *ранга*, органическое приятие *дисциплины*, *органичность* самой природы его — открывали ему мудрый путь «направо» и никогда не роднили его со слепую демагогиею. «Выборгское воззвание» было пределом его политической «левизны», последовательным и мужественным выводом из занятой однажды позиции. Впоследствии мы много раз обсуждали с ним этот акт: я никогда не выносил впечатления, что он *верил* в этот путь, *ценил* его или ждал от него *спасения*. С удивительным спокойствием и достоинством *жертвовал* он здесь *многим* и не приобретал ничего: с тем же достоинством он принимал последствия своего акта. Таков был он всегда: следуя долгу, он шел на утрату многого, всего; и глубоко хоронил в себе огорчение и боль. Я никогда не видал его в состоянии малодушия или уныния...

Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что мудрый лозунг, ныне принимаемый столь многими, предносился ему уже тогда: «налево надо идти *не* политически, а *социально*». Что Россия нуждается в *экономических* реформах и в *гражданской* справедливости, в личном и общественном воспитании, а не в политическом разнуздании и не во вторжении слепой толпы на форум; что тот, кто попытается делать «все через народ», вряд ли сделает хоть «что-нибудь» «для народа»; что «правовая демократия» не есть сама по себе панацея; что она таит в себе опасности и соблазны — среди наших современников Павел Иванович был один из первых, постигших это и положивших в основу своей деятельности.

Вот почему он шел к *левым* группам нашей общенности; не чтобы идти за ними политически, а чтобы звать их к огосударствлению их социального ре-

форматорства. Вот почему он ценил многое в правых течениях; не обскурантизм их, не цепляние за классовые привилегии, не социальное упорство, — а органический, зиждущий консерватизм, политическое умение, технику формы, традицию государственности, трезвый реализм...

Политически Павел Иванович не был ни левый, ни правый. Он был патриот и реалист, организатор и муж совета.

Он не участвовал во Временном правительстве. Ни в каких комбинациях и видоизменениях. В эти тягостные, постыдные месяцы семнадцатого года он был весь — зоркость, тревога и отвращение. Он один из первых понял обреченность этого безволия, этой сентиментальности, этого сочетания интернационального авантюризма с истерической мечтательностью. В июле по приглашению он ездил в Петербург и имел решительную, обличающую беседу с лицом, возглавлявшим этот провал и эту гибель. История вспомнит его энергичные, полные решимости слова, сказанные им в напутствие Н. М. Кишкину², уезжавшему на пост министра. Он понимал всю радикальность необходимых средств...

Я вспоминаю наши беседы в течение зимы 1917 — 1918 года. Мы думали об одном и том же; мы видели спасение в одном и том же: духовно вглубь и вперед, политически направо, социально налево... Я помню его в заседаниях Совета общественных деятелей; я помню его вернувшимся в университет после шестилетней отставки. Это было, как всегда, соединение зоркости и волевой энергии; но только омраченное скорбью и тягостным прогнозом.

18 мая 1918 года, накануне моей диссертации, я зашел к нему предупредить его. Я имел данные полагать, что ордер на его арест уже выписан в вечака³, и уговаривал его побережься и не ночевать дома. Он выслушал меня спокойно и долго не соглашался принять необходимые меры. Наконец обещал...

19 мая в 10 ч. утра я уже знал, что всю ночь у него шел обыск, что дома его не нашли, что семья его заключена в его квартире, что ученые рукописи его во власти

коммунистов, что у него оставлена засада. В два часа дня факультет был в сборе, царила тревога и неизвестность; диспут не мог состояться при одном оппоненте (князь Е. Н. Трубецкой). В два с половиною приехал Павел Иванович: бодрый, уравновешенный, в сюртуке, за которым он специально посылал на свою осажденную квартиру... Все знали, в какой он опасности и что он должен переживать. Он начал свои возражения около трех часов; до шести длились наши реплики. В семь диспут был закончен. Его самообладание, его духовная сила были изумительны.

Тревожно простился я с ним, уходящим; я знал уже, что такое подвал на Лубянке.

— Поберегите себя, Павел Иванович! Они будут искать вас...

— Помните ли вы, — сказал он — слова Сократа, что с человеком, исполняющим свой долг, не может случиться зла ни в жизни, ни по смерти?..

Это было указание на Божию волю и приятие ее.

С тех пор я с ним не виделся...

Я знаю о патриотическом пути, пройденном им за эти годы. Он был на юге; а семья его бедствовала и томилась четыре года под властью коммунистов. Я знаю, как он нес этот крест. Снова на Руси зазвучали и осуществились легендарные слова нижегородского патриота⁴: «Заложим жен и детей наших»... И сколько реальной муки сокрыто за этими словами, известно одному Богу...

В эти годы Россия распадалась, очищалась и углублялась. Вместе со всеми ее верными сынами уходил духом в древнюю, национальную глубину и покойный мыслитель. И как скорбно, что не успел он сказать из этой глубины своего верного, последнего слова...

Сильный, неутомимый, несломимый борец за Россию ушел из нашей среды. Не разумеем, не видим, зачем он отозван. И тихо молимся: прости, прими и упокой...

РОДИНА И МЫ

1

Как тяжело утратить родину... И как невыносима мысль о том, что эта утрата, может быть, состоялась навсегда... *Для меня* навсегда, ибо я, может быть, умру в изгнании...

От этой мысли все становится беспросветным: как если бы навсегда зашло солнце, навсегда угас дневной свет, навсегда исчезли краски дня... и никогда больше не увижу я цветов и голубого неба... Как если бы я ослеп; или — некий голос грозно сказал бы мне: «Больше не будет радостей в твоей жизни; в томлении увянешь ты, всем чужой и никому не нужный...»

Кто из нас, изгнанников, не осязал в себе этой мысли, не слышал этого голоса? Кто не содрогался от них?

Но не бойтесь этого голоса и этого страха! Дайте им состояться, откройте им душу. Не страшитесь той пустоты и темноты, которые прозяют в вашей душе. Смело и спокойно смотрите в эту темноту и пустоту. И скоро в них забрежит *новый свет*, свет новой, *подлинной любви к родине, к той родине, которую никто и никогда не сможет у вас отнять*. И тогда вы впервые многое поймете и многое вам откроется. И ваше изгнанничество перестанет быть пассивным состоянием; оно станет *действием и подвигом*: и свет не погаснет уже никогда.

Я помню, как осенью 1922 года в Москве, когда «вечное изгнание под страхом расстрела» было уже объявлено мне и оставались одни формальности¹, ко мне пришел проститься один из приятелей² и произнес мне надгробное слово: «Вы, — говорил он, — конченный человек; вы неизбежно оторветесь от России и погибнете... Что вы без родины? Что вы можете без нее сказать или сделать? Уже через несколько месяцев вы не будете понимать того, что здесь совершается, а через год вы будете совсем чужды России и не нужны ей... Иссеякнут ваши духовные родники... И вы станете несчастным, бесплодным, изверженным эмигрантом!...»

Я слушал и не возражал ему: он не видел дальше «пустоты и темноты»; он думал, что родина исчерпывает-

ся *местопребыванием и совместным бытом*, его патриотизм питался повседневностью; его любовь нуждалась в ежедневном подогревании; «русскость» его души была не изначальной, а привитой; он видел Россию не из ее священных корней и судил обо мне по себе. И, зная это, я не надеялся поколебать его в прощальной беседе...

Мы, русские, мы, белые, все мы, вынужденно оторвавшиеся от нашей родной земли, мы *не* оторвались от нашей *родины* и, слава Богу, никогда не сможем оторваться от нее. Всмотритесь и вслушайтесь в «пустоту» нашей тоски и в «темноту» нашей скорби: ведь мы сами — *живые куски* нашей России; ведь это *ее* кровь тоскует в нас и скорбит; ведь это *ее* дух молится в нас, и поет, и думает, и мечтает о возрождении, и ненавидит ее врагов. Почувствуйте это: *она в нас*, она всегда *с нами*, мы слеплены из ее телесного и духовного материала; и она *не может* оторваться от нас так же, как мы *не можем* оторваться от нее. И куда бы ни забросила нас судьба, в нашем лице дышит, и молится, и поет, и пляшет, и любит стихия нашей родины. И когда мы говорим, просто *говорим*, произносим русские слова, разве это не *ее* дивный язык (о, какой несравненный!) благовестит *о ней* и нам, и другим народам?..

Какие человеческие законы, какие бытовые уклады могут оторвать меня от моей родины, когда я, может быть, самый последний из ее сынов, *соткан из нее* и изменить это мог бы только тот, кто переплавил бы всего меня заново? «Эмиграция», «изгнание» меняют наше местопребывание и, может быть, наш быт; но они бессильны изменить *состав, и строение, и ритм* моего тела и моего духа. Посмотрите, как мы, русские, узнаем друг друга по походке, выражению лица, по произношению, по улыбке, по манере одеваться, — всюду: и в горах Тироля, и в Нью-Йорке, и на аванпостах африканской армии³. Все чувства наши обострились в изгнании для всего, что *наше*. Ширью, легкостью, простотою, искренностью, добротой, глубиной чувства, мечтательностью, даровитостью, темпераментом наделила нас Россия, — и все это слагает особый аромат бытия и быта... И нам, слава Богу, никогда не утратить этого!

За «пустотою» и «темнотою», там, глубже, в каждом из нас скрыто некое сокровище, светящийся клад русского

национально *духовного опыта* — религиозного, и нравственного, и художественного, и государственного. Убедитесь в этом, воззовите туда голосом скорби и внимайте ответу. Подумайте про себя из глубины, сосредоточенно, молча: «светлая заутреня»; «всенощная»; «панихида»; «Сергий»; «Гермоген»; «Кремль»; «Куликово поле»; «Пожарский»; «Киев»; «Москва»; «Петр»; «Пушкин»; «Гоголь»; «Достоевский»; «наша песня»; «наша армия»; «наши монастыри»; «Оптина Пустынь»; «коронование» — — —⁴ и никогда после этого не говорите и не воображайте, что вы «оторвались» от родины...

От родины оторваться нельзя! Можно жить на свете, не найдя своей родины: мало ли их, безродных, теперь; всюду они мутят, желая привить другим свое убожество. Но кто раз *имел* ее, тот *никогда ее не потеряет*, разве только сам предаст ее и не посмеет покаянно вернуться к ней... А нам всем родина дала уже, *дала раз навсегда* неумиряющее и неистощающееся богатство, в нас самих укрытое, всюду нас сопровождающее, дар навеки...

Конечно, это верно: что я без моей родины, которая *это* создала и *это* дала мне навеки? Да, но разве какое бы то ни было изгнание может отнять это у меня? Разве эти алтари не живут *во мне самом* и я не могу в любой момент обратиться к ним мою любовь, и мою гордость, и мою благодарность, и мою молитву? И какая «денационализация» страшна мне и моим детям, если я постоянно — трепетом моего сердца и огнем моей воли — молюсь у этих алтарей и учу тому же моих детей?

Но тогда где же «пустота» и «темнота»? Да, я оторван от родной *земли*; но *не от духа*, и *не от жизни*, и *не от святынь* моей родины, и ничто и никогда не оторвет меня от них!..

И вот, смотрите: «состояние» изгнанничества становится *заданием, действием и подвигом*. Мы должны найти в себе, углубить и укрепить свою русскую природу, свою «русскость» так, чтобы через «пустоту» и «темноту» видимого и мнимого «отрыва» от России засиял свет *подлинного единения и глубинного единства с нею*. Мы оторваны от родной *земли* именно для того, чтобы *найти в себе самих родной дух*, тот дух, который строил Россию от Феодосия Печерского⁵ и Владимира Мономаха⁶ до Опти-

ной Пустыни и Белой армии. И родная земля вернется нам только тогда, когда огонь этого духа загорится и в нас, и в оставшихся *там* братьях наших; загорится — и вернет нам нашу землю, и наш быт, и нашу государственность...

Где-то в мудром решении Божиим установлено так, что человек *находит* через *утрату*, прозревает в разлуке, крепнет в лишениях, закаляется в страдании...

Кара ли это? Возмездие ли?

Не милость ли? Не помощь ли?

Когда же, когда возрастал и окрылялся человек в легких, дешевых, слишком человеческих утехах?

И разве не на сильного и не на любимого возлагается более тяжкий крест?

Нам задано обрести родину через утрату ее; увидеть ее подлинный, прекрасный лик в разлуке; окрепнуть и закалиться в изгнании; и подготовить свою волю и свое разумение к новому строительству нашей России.

Верьте: кому дано *призвание*, тому дан и *обет*.

Окиньте же умственным взором пути нашей общей белой борьбы и каждый — свою личную судьбу; и постигнете — и наше призвание, и тот обет, который таинственно скрыт за призывом... Обет возврата и возрождения.

2

Мы, белые изгнанники, — не беглецы и не укрывающиеся обыватели. Мы не уклонились от борьбы за Россию, но приняли ее и повели ее всею силою, и любовью, и волею.

И ныне заявляем, — пусть слышат и друзья, и враги: *борьба не кончилась, она продолжается.*

Она окончится только с освобождением и восстановлением России. И тогда от этой борьбы останется драгоценное наследие: выделившийся и сплотившийся кадр белых патриотов, белая традиция, белая идея. Белая армия станет творческой основой, ферментом, цементом русской национальной армии — и в недрах ее она сделается *орденом чести, служения и верности*⁷. И этот орден

возродит не только русскую *армию*, но и русскую *гражданственность* — на основах *верности, служения и чести*.

Но для этого мы, белые, должны прежде всего соблюсти *свой дух и самих себя*.

Я не говорю: «себя» и «свой дух»; а в обратном порядке: *дух и себя*. Потому что дух важнее соблюсти, чем личную жизнь...

Тот, кто сберег свою жизнь, но не соблюл духа, тот не борец и не строитель родины. Что ему русская армия? Что он России? С чем вступит он в грядущий орден? Какую понесет и передаст традицию?

Нет, наша задача *не* в том, чтобы пережить этот трудный период *во что бы то ни стало*: это значило бы все продешевить, растерять и погубить. Но в том, чтобы пережить этот период, *оставшись белыми*, сохранив белый дух, дух чести, служения и верности.

Мы должны соблюсти, во-первых, *дух чести*, ибо *Россия погибла от бесчестия* и возродится только через честь.

Я разумею прежде всего общечеловеческую честь — *живое чувство собственного достоинства*; уважение к себе и к своим алтарям; отвращение ко всяческой кривизне; прямоту характера, слова и поступка; имущественную честность. Я разумею, далее, *воинскую честь* — достоинство солдата; уважение к воинскому званию и призванию; живое осознание той благой цели, для которой воину дан меч; культ воинской доблести и славы. Я разумею, наконец, государственную честь — достоинство русского гражданина, неотделимое от достоинства России; уважение к исторической государственности, строившей нашу чудесную родину; живое осознание самого себя в единстве со своей родиной; памятование о том, что мы — ее аванпост и что по нас судят о ней.

Мы должны соблюсти в себе, во-вторых, *дух служения*, ибо *Россия погибла от безразличия и своекорыстия* и возродится только через служение.

Я разумею тот дух патриотической преданности, который подчиняет все личные и классовые цели — благу родины; я разумею *рыцарственный дух* бескорыстия, свободной жертвенности, добровольного подчинения, дисциплины и бесстрашия; я разумею то состояние души,

когда любовь родит сильную и неподкупную волю, воля ведет к поступку, а поступок строит родину; когда чувство долга становится второй природой, а вера в свое призвание ведет к подвигу.

Мы должны соблюсти в себе, в-третьих, *дух верности*, ибо *Россия погибла от душевной смуты, двоедушия и предательства* и возродится только через верность.

Верным может быть только тот, кто чему-нибудь *религиозно предан*, кто в чем-нибудь безусловно и окончательно *убежден*, кто испытывал нечто с полной *очевидностью*, так, что душа его становится *одержима* тем, что ему очевидно. У человека безыдейного и безверного нет и верности; в нем все неясно, сбивчиво, смутно — в нем смута и шатание, и поступки его всегда накануне предательства.

Бесчестие, своекорыстие и смута — безрелигиозность и бесхарактерность — погубили Россию; и возродится она *честью, служением и верностью*. Эти три великие основы русского православного правосознания с самого начала создали, спаяли и укрепили Белую армию; ими она жила, за них боролась, ими побеждала. Благодаря им и через них она непобедима, ибо они слагают вместе тот дух, тот воздух, которым будет дышать и жить возрождающаяся и возрожденная Россия. Это есть как бы та «живая вода», которою должно быть вспрыснуто «мертвое тело» нашей родины...

И какой бы «строй» ни установился в России после перелома, какие бы люди ни оказались «во главе», какие бы «программы» ни восторжествовали, Россия будет существовать, расти и цвести только тогда, если в ней воцарится дух чести, служения и верности; ибо дух бесчестия, жадности и предательства поведет ее опять по путям революции, распада, «переделов», «социализма» и «интернационализма» — по путям позора и бессилия. Мудрые понимали это и раньше; ныне разумеют это все, в ком живо непристрастное разумение. Для нас же, белых, это *аксиома*.

И еще в одном мы можем быть уверены: если в России возобладает дух *чести, служения и верности*, то она станет *монархией*. Ибо этот дух — дух единения, достоин-

ства, дисциплины, порядка, честности и верности — породит *сильную, законную, несменяемую, сверхклассовую национальную власть, свободно и доверчиво любимую народом и воспитывающую его через честь к свободе и через собственность к труду.*

* * *

Соблюсти этот дух — значит для нас соблюсти верность тем знаменам, которые мы развернули восемь лет тому назад, — одни на юге, другие в Сибири и на севере, третьи в Москве, — и которые мы привезли с собой на чужбину; это значит соблюсти дух Белой армии — одно из лучших достояний и наследий русской духовной культуры.

Именно об *этом* говорю я: *это* важнее соблюсти, чем личную жизнь; ибо тот, кто умер белым, продолжает служить России и в смерти, самой смертью своею; а тот, кто отрекся от этого духа и этого дела, тот будет доживать свою жизнь или служителем бесчестия и предательства, или потатчиком жадности и разложения.

Наша задача в том, чтобы, несмотря ни на что, остаться у белого знамени; чтобы остаться белыми, не становясь ни черными, ни желтыми, ни красными.

Ни *черными*: теми, кто тянет направо во имя личных, групповых или классовых интересов; кто хотел бы принести русскому простому народу — месть, темноту и покорность; кто думает строить государство на мертвой букве и пустой форме; кто мечтает о политической и социально-имущественной реставрации и готов идти «хоть с чертом» (т. е. в соглашении с большевиками, если бы они того захотели) против революции.

Однако нам нельзя забывать и о грани между нами и *желтыми*: теми, кто долго подготовлял революционное крушение России и, в 1917 году став у власти, обеспечил победу коммунистам; кто предал на растерзание русское офицерство; кто на юге «подготовлял террористические акты против вождей белого движения»^{*}; кто преследовал наше Галлиполи⁸ голодом, пропагандой, инсинуацией и

^{*} Г е н . А . И . Д е н и к и н . Очерки русской смуты. — Т. IV. — С. 207.

клеветой; кто ничего не понял и ничему не научился и ныне желал бы заразить нас своим непротивленчеством, соглашательством и всяческим полубесечеством.

И в то же время нам надо всегда помнить, что главная беда в *красных*: в тех, для кого покоренная Россия не отечество, а лишь плацдарм мировой революции; в тех, кто разжег и *возглавил собою* дух бесчестия, предательства и жадности, кто поработил нашу родину, разорил ее богатства, перебил и замучил ее образованные кадры и доныне развращает и губит наш по-детски доверчивый и неуравновешенный простой народ. Надо постоянно помнить о том, что такое сознательно обдуманное, организованное и нестыдящееся выступление зла *мир видит впервые* и что силою исторических судеб Белая армия стала основоположником и пионером борьбы с этим невиданным злом.

Пять лет прожил я в Москве при большевиках: я видел их работу, я изучил их приемы и систему, я участвовал в борьбе с ними и многое испытал на себе. Свидетельствую: это растлители души и духа, безбожные, бесстыдные, жадные, лживые и жестокие властолюбцы. Колеблющийся и двоящийся в отношении к ним — сам заражен *их* болезнью; договаривающийся с ними — договаривается с дьяволом: он будет предан, оболган и погублен. Да избавит Господь от них нашу родину! Да оградит Он от этого позора и от этой муки остальное человечество!..

Белая армия была *права*, подняв на них свой меч и двинув против них свое знамя — права пред лицом Божиим. И эта правота, как всякая истинная правота, измеряется мерилom *жизни и смерти*: лучше умереть и мне, и моим детям, чем принять красный флаг за свое знамя и предаться красному соблазну как якобы «благому делу». Лучше не жить, чем стать красным. Лучше медленно умирать в болезнях и голоде, чем принять это зло за добро и отдать свои силы этому злу. И если бы дело обстояло так, что мы были бы вынуждены выбирать между большевизмом и смертью, то естественно было бы предпочесть смерть; но не смерть самоубийцы, а смерть борца, с самого начала открыто предпочтенную белыми.

Нам всем надлежит измерять *верность* нашей жизни и *силу* нашей *преданности* перспективою близкой смерти борца. Стоит ли жить тем, чем я живу? — стоит, если за это стоит умереть... Предан ли я тому, чему я служу? — предан, если я способен и готов умереть за это дело. А если мне будет «грозить» не смерть героя в бою, а медленное, незаметное умирание от лишений, голода и болезней, — пойду ли я на бесчестие, унижение и предательство? — не пойду, если родина во мне и со мною; а если пойду, то это значит, что я заблудился в «пустоте» и «темноте» и не нашел в себе алтаря моей родины.

Не правы те из нас, кто не проверяет себя такими вопросами, кто уклоняется от такого смотра и ревизии; ибо он рискует медленно и незаметно опуститься ниже уровня нашей борьбы, он рискует потерять необходимую для нее спартанскую выдержку и закаленность.

Не от нашего выбора зависело стать современниками великого крушения России и великой мировой борьбы; не мы повинны в том, что злодейство создало это крушение и распаляет эту борьбу; не мы насильники и не мы ищем гибели и крови. Историческая сила вещей вложила нам в руку меч, и мы взяли его, следуя зову чести, служения и верности. История обернулась к нам своим *трагическим* ликом; она поставила нас свидетелями не идиллии и не эпоса, а *трагедии*, и нам оставалось только выйти из состояния зрителей и стать участниками этой трагедии. Могли ли мы, должны ли мы были уклониться от этого? *Смели* ли мы отвернуться от этой трагедии и не принять этого меча? Спросим об этом в сотый, в тысячный раз нашу любовь к России, нашу *русскую честь* и *русскую верность*. И в сотый, и в тысячный раз насладимся тем благодатным успокоением и равновесием, которые даются *чувством духовной правоты*.

Нам надо понять и помнить, что неисповедимые пути Божии поставили нас участниками небывалой по остроте и по размаху мировой борьбы. Нам надо исторически расширить и углубить наш горизонт, чтобы увидеть правоту и ответственность нашей позиции — нашего поста; и чтобы, усвоив его почетность и его трудность, держать на надлежащей высоте *чистоту наших решений* и *силу*

нашего характера. Нам надо всегда помнить, что мы — независимо от того, понимают это другие или не понимают, — что мы волею судеб оказались *авангардом мировой борьбы* и что каждый из нас должен быть на высоте этой борьбы и ее целей.

Да, нужно время и нужны испытания для того, чтобы другие народы постигли то, что нам ясно уже восемь лет, — постигли и ужаснулись; чтобы они сделали те усилия и приняли те решения, которые созрели и состоялись в наших душах восемь лет тому назад. Но смотрите: время уже идет и испытания уже приходят и научают; предчувствия уже превращаются в тревогу, тревога уже пробуждает разумение и вызывает волевые решения. Смотрите, как сложились патриотические силы в Венгрии, Италии, Испании и Болгарии, как движение, подобное нашему, назревает и организуется в Англии, во Франции и в Германии⁹. Это не значит, что все и всюду на высоте, что спасение найдено, что нет ошибок, что не будет потрясений и крови; но это значит, что дело, начатое нами в 1917 году, и путь, избранный тогда нашими вождями, есть дело *общечеловеческое* и путь *классический* в своей необходимости и правоте. Народы или пойдут этим путем, или погибнут.

Мы не знаем сроков и не можем предвидеть события. Но близится час, когда народы поймут, что в избавлении и возрождении России они все заинтересованы до конца; что в этом они все заинтересованы *порознь и сообща*, что они в этом *солидарны*; что здоровая и самобытная национальная Россия *необходима миру*... И тогда придет час обнаружения нашей правоты, час увенчания нашего дела. Тогда многое поймется, многое будет духовно признано, многое утвердится государственно и совершится исторически.

К этому часу мы должны быть духовно готовы и сильны. Соблюсти себя к этому часу есть наше основное *патриотическое задание*; и тот, кто ныне работает в этом направлении, делает свое *главное жизненное дело*.

Скитаясь здесь, за границей; работая то в конторе, то в шахте, то на заводе, то на туземной службе¹⁰, еле прокармливаясь, недоедая и болея, но *соблюдая белый дух*,

мы этим, *одним этим* уже блюдем и строим нашу Россию. Бедствующий изгнанник, живой духом, — одним тем, что он жив духом, уже служит России драгоценную незаменимую службу. Ибо он сам — живой кусок России, ее хранилище, ее драгоценный орган. Или иначе: он как бы ее оружие, временно сложенное ею в арсенал. Роптать ли нам на нашу родину за то, что она, погибая, не нашла для нас лучшего арсенала, чем изгнание? Блюдайте же в себе, в своем лице это оружие, чтобы оно не заржавело; ибо заржавевшее оружие никому не нужно. Не нужно и России.

Берегите свои *силы*, не тратьте их зря. Если *есть* выбор, то выбирайте труд хотя бы и скучный, но не грозящий жизни. Помните, что жизнь *каждого* белого драгоценна для родины; что *каждый* из вас *незаменим* для нее; что смерть и без того уносит нас и что не следует торопиться ей навстречу. Берегите друг друга; помогайте друг другу перейти на неизнуряющий труд; крепко держите белую спайку.

Берегите свою *бодрость и веру*. Не верьте злым и лукавым разговорам о том, что белая армия «потерпела неудачу», что дело ее «кончено» или «обличено и приговорено», не верьте им, откуда бы они ни раздавались, справа или слева, от явных или прикровенных соглашателей. Наша победа в том, что после всего вынесенного и выстраданного мы *сохранили любовь, веру и волю*; а способность нашей любви, веры и воли изливаться в дела и достижения — уже не требует доказательств.

Берегите нашу *идею* и верьте нашим *вождям*. И тогда терпение и выдержка довершат остальное.

3

Теперь уже нетрудно ответить на вопрос о том, что же нам делать и на кого нам надеяться? Ответ слагается сам собою, и я уверен, что по-прежнему среди нас не будет разноречий и споров.

1. Прежде всего: во что бы то ни стало стать на свои ноги в смысле трудового заработка, и притом так, чтобы на время изгнания войти полезной и ценной трудовой силой в туземный строй и оборот. Если надо, то эконо-

мически и культурно приспособиться к заграничному спросу и предложению; если необходимо, то переехать в другую страну; если неизбежно, то уехать за море.

Нам нельзя надеяться на «авось» или на «теперь уже скоро»; нельзя оставаться безработными; нам не следует становиться в положение «призреваемых». Надо, чтобы нас уважали там, где мы живем, и чтобы нас ценили там, где мы работаем. Белый изгнанник должен соблюсти свою трудовую и бытовую *независимость* как внешний оплот своего *достоинства*, он не может ставить себя в положение растерянности и беспомощности перед лицом тех, которые захотят купить его «партийность», или его «вероисповедание», или его «подданство». Мы должны иметь возможность *независимо и достойно выжидать совершения сроков*; а для этого не следует ни пессимистически унывать, ни оптимистически фантазировать. Надо найти *свое* место в реальной жизни и постоянно помогать в этом *другим*.

2. Мы не должны надеяться ни на кого, кроме *Бога*, наших *вождей и себя*.

Не потому должны мы надеяться на себя, что мы самонительны и заносчивы, а потому, что мы люди *воли* и служим делу *правому* и всегда зовем на помощь Того, в Чьей руке всякое правое дело. Дело освобождения и возрождения России есть *наше* дело, и оно будет выполнено *нашими* силами и *нашими* руками.

Нам надо всегда помнить, что на чужие силы надеется лишь *безвольный* человек, а безвольный человек *не победит никогда*. Победа вообще возможна только как деяние самого побеждающего, а не чужой силы; побеждает *его* воля, *его* сила, *его* усилие, *его* акт, а не «стечение обстоятельств». Победа безвольного есть пустая видимость; для безвольного самая победа есть разновидность поражения, которая вот-вот обнаружит всю его немощь... Если он случайно «победит», то не сумеет *взять* свою победу, если он случайно «возьмет» ее, то *не удержит*...

Нам надо всегда помнить, что затруднение и неудача ослабляют силу безвольного человека и *укрепляют силу волевого*. Что можно ждать от существа, которое «заранее предвидит», что «затруднения будут непреодолимы»? Та-

кие люди просто *мечтают* о непреодолимых затруднениях для того, чтобы тотчас провозгласить их непреодолимость и успокоиться! Обратное этому живет и чувствует волевая натура: «не удалось — значит, мало сил собрал, значит, соберу их вдвое»... «непреодолимо — значит, не так взялся, момент не выбрал, значит, найду верный способ и выберу верный момент»... Затруднение заставляет волевого человека извлечь из самого себя еще большие силы, чем он извлекал доселе, — и только.

Волевому человеку надо иметь только *Бога в сердце, царя в голове и вождя впереди*. И тогда он борется не «постольку, поскольку», а без оговорок; не по принуждению, а добровольно; не по должности, а всей душой; не напоказ, а честно и грозно. Он отдает все, чтобы взять все, т. е. осуществить всю свою цель и удержать ее.

Нам надо всегда помнить, что в деле избавления и возрождения России будет сделано не то, что «люди» сделают, а то, что *сделаем мы сами*.

3. Мы должны укреплять и закалять свои душевные силы, приобретая умение *молиться, не бояться, молчать, вести конспиративную работу, хладнокровно готовить и наносить удары в борьбе*.

Кто хочет быть *сильным* в борьбе со злом, тот должен молиться, ибо молитва есть живое *единение* с абсолютным *Благом* и абсолютною *Силою*. Всякий из нас может впасть в заблуждение: молитва очищает душу, отверзает ее духовные очи и возвращает ее на верный путь. Всякий из нас может устать, изнемочь и впасть в уныние: молитва дает силу, бодрость и мужество.

Силен тот, кто не боится одиночества; но одиночество по силам лишь тому, кто может молиться. Молитва дает власть над самим собою, а в этом первая основа настоящего характера.

Время изгнания дано нам для укрепления в себе *духовного характера*, силы воли, несломимой в преданности Божьему делу.

Эта сила нужна нам для борьбы с врагом. Наш враг лукав, бесстыден, изощрен и многообразен. Это нам надо всегда помнить и потому всегда *владеть своими словами и внешними проявлениями*. Нельзя выдавать врагам ни себя,

ни друзей, ни дела; надо приучить себя к осторожному и выдержанному самообладанию во всем, что касается нашей борьбы.

Хотим мы того или не хотим — мы, белые, уже состоим в сговоре и заговоре (конспирации) против врага нашей родины. Это необходимо продумать, усвоить и принять. Знайте: девяносто процентов заговоров против большевиков провалилось в России *вследствие неумения молчать* и работать *незаметно*: это неумение свело в могилу десятки тысяч благородных, но неискусных людей; и нам пора сделать из этого теоретические и практические выводы, ибо неумеющий молчать и незаметно работать не может стать участником будущего ордена.

Конспирация имеет свои правила; из них первое: говорить о деле не там, где «хочется» или «можно», а только там, где это необходимо, где без этого пострадает дело.

Правила конспирации необходимо добыть, продумать и практически усвоить: никто не знает, через какие стадии борьбы нам еще предстоит пройти в будущем.

4. Мы должны всегда и во всем искать людей, которым можно *безусловно доверять* и с ними устанавливать *связь безусловного доверия*.

Безусловного доверия заслуживает человек *белого образа мыслей*, если он *искренен и силен*. Знаю, что «чужая душа потемки» и что люди легко обманывают и обманываются; знаю, что черные, желтые и красные ищут нашего сочувствия и доверия и что многие из них уже начинают «хвалить» Белую армию для того, чтобы спровоцировать наше доверие и сочувствие... Но есть испытанные друзья, есть зоркие вожди, есть чуткие души. Необходимо проверять друг друга и помнить правило: при сомнении воздержись.

Люди *по-своему* добрые, *по-своему* благонамеренные, *по-своему* привлекательные могут найтись всюду, во всех течениях и группах; но для них достаточно *условного доверия*. Для безусловного доверия необходимы все три условия: верность белому делу, неспособность к двоедушию и сила воли. Четвертое условие — конспиративный навык приобретется сообща.

5. Мы не должны поддаваться *никогда и никому*, кто пытается *ослабить* в нас *стойкость белого сердца* или *скомпрометировать белую идею*.

Что бы они нам ни говорили, чем бы нас ни смущали, какие бы «открытия» или «откровения» нам ни преподносили.

Основным вопросом пути будет всегда: признают ли они *безусловно* правоту Белой армии, белого дела, белой идеи? И если ныне признают, то признавали ли *с самого начала*? И чем реально проявили это в годы борьбы? Эти вопросы сразу осветят собеседника: того, кто умалчивает, недоговаривает, двоится, лукавит или лжет; кто идет к нам в качестве лстивого демагога или хитрого провокатора.

В основном, родовом лоне белой идеи есть место и свобода для *различных* настроений, симпатий и воззрений; но нет в ней ни места, ни свободы для построений, отрицающих и подрывающих самую белую борьбу и белую идею. В белом сердце есть *неоспоримые аксиомы*; не признающий их пусть выговаривает свое отрицание открыто; умалчивающий и двусмысленный пусть будет разоблачен.

Все эти «приходящие» и «манящие» в большинстве случаев ищут для себя покорную аудиторию, партийных последователей, подвластный кадр; и поэтому их основная задача — незаметно исказить белую идею так, чтобы увести пропагандируемого от *наших* вождей и *нашего* дела: «это хорошо, что вы до сих делали, но *теперь* это устарело и вы должны найти себе лучших вождей! Вот, например, мы»... мы, «легитимисты», или «демократы», или «республиканцы», или «социалисты» и т. п.

Мы всегда узнаем их по этому зазыванию, по предложению новых вождей, новой ориентации, новых партийных или чисто политических подчинений. Знайте, что им нужно не дело России, а *партийные штйки*...

Ответ им всем один: «белая идея, белое дело, белые вожди»!

6. Каждый из нас про себя должен умерить или побороть в себе самом *жажду чести и власти*, памятуя, что к власти истинно призван не тот, кто проталкивается и интригует, а тот, кто умеет за совесть работать в подчинении, тот, к кому власть приходит сама.

Белому борцу подобает молиться так: «...не надо мне ни заслуг, ни власти, ни чести, но только помоги нам, Господи, спасти нашу Россию!..»

7. Всюду и всегда, про себя и в общении, с друзьями и публично, нам надо вынашивать, углублять и развертывать нашу *белую идею*.

Эта идея дана нам; она живет в каждом из нас. Она добыта нами в борьбе, в усилиях и страданиях перед лицом смерти; она живет в глубине нашего чувства и воли; но живет как бы в нераскрытом, нераспустившемся виде. В противоположность то разнузданным, то рыхлым и беспринципным натурам, творившим революцию и смуту, белый воин имеет в себе освященный и неразрушимый *духовный Кремль*. Не бойтесь признать это и выговорить; не стыдитесь этого преимущества и этой силы; спокойно утверждайте ее в себе и не презирайте тех, кто ее лишен. Но не давайте этой энергии и этой силе растрачиться на борьбу с повседневностью; не позволяйте быту одолевать бытие; не допускайте того, чтобы время, страсти, изгнание и болтовня врагов омрачили белую купину¹¹ вашего сердца.

Для этого надо чаще и увереннее возвращаться к этому огню; пытаться уловить, выговорить и формулировать ту *идею-силу*, которая вела нас, ведет ныне и будет вести и впредь.

Родина? Что есть истинная родина? И разве патриотизм не имеет своих извращений?..

Россия? Чем велика, самобытна и священна наша Россия? Что есть в ней такого, что делает ее великою для *всех* других народов?..

Государственность? В чем состоит настоящая здоровая государственность по содержанию и по форме?..

Честь и достоинство? А почему же говорят иногда, что смирение и покорность выше достоинства и чести?..

Право и свобода? Но разве всякое право священно? И разве государство не урезывает свободу человека?..

Меч против злодея? А почему же многие доселе вопиют о «греховности» меча¹² и, ссылаясь на Евангелие, рекомендуют «кроткую уступчивость»?..

Собственность и семья? Но разве «братская общность имуществ» не есть «высшее» слово человеческого «развития»?..

Православие? Но разве у протестантов не больше «свободы»? А у католиков — не больше «воли» и «организованности»? В чем же духовные преимущества Православия?..

...Не потому ставлю я эти вопросы, что сомневаюсь в их верном разрешении; а потому, что ответы на них должны быть у белого готовы, и не только в сердце, но и в сознании и на языке.

Не бойтесь этих вопросов. Ваше сердце уже ответило на них. Но эти ответы нужны в зрелом виде; и для вас самих, и для ваших братьев по изгнанию, и для ваших братьев, томящихся там, в большевистской смуте.

Время есть еще: испытайте, думайте, читайте, обсуждайте, учитесь неопровержимо спорить с хитрыми и изворотливыми врагами. Организуйте кружки и общества, ищите докладчиков, вооружайтесь мыслью и словом. Впереди духовно больная, духовно голодная и беспомощная Россия.

8. Всюду и всегда, про себя и в общении, с друзьями и публично, нам надо углублять и утончать наше понимание *революции*, ее природы вообще и ее *разрушительного действия в России* в особенности.

Мы должны верно и точно знать, с *чем* мы боролись и боремся. Белые никогда не были и не будут классовой или сословной организацией; они никогда не отстаивали чьего-нибудь сословного или классового интереса. Они боролись не «с Россией», а *за Россию*. Они боролись не с «народом» и не с «простонародьем», а за единое, сверхклассовое, всенародное, *национальное* русское дело; они боролись с людьми, которые, *не будучи русскими*, превращали русское простонародье в *чернь*, а русский народ в *рабов*. Белая идея есть не идея *мести*, а идея *воссоединения и примирения*; она содержит не *реставрацию* (восстановление бывшего), а *возрождение*, не порабощение, а *освобождение*.

И тем не менее белая идея не революционна, а *противореволюционна*. Ибо революция есть духовная, а может быть,

и прямо душевная болезнь. Революция есть развязание безбожных, противоестественных, разрушительных и низких страстей; она родится из ошибок правящей власти и из честолюбия и зависти подданных; она начинается с правонарушения и кончается деморализацией и гибелью.

Вот почему белые боролись с революцией и революционерами, но не с теми патриотами, кто искал права, справедливости, хозяйственного и духовного развития масс. Мы не партия и никакой партийной программой не связаны. Мало того, в белом движении заложена *надпартийная и противопартийная* тенденция. И тем не менее мы категорически отрицаем право на существование за партиями, явно или тайно отрицающими родину: это не русские партии, а враги России.

Чем была наша родина? И чем стала она после возвышения этих партий? Что мы имели и что мы потеряли? Что принесли нам социалисты, коммунисты, интернационалисты? Что сделали они с нашей Церковью, с нашим правопорядком, с нашей наукой, с нашим искусством, с нашим хозяйством, с нашими молодыми поколениями?

Мы должны изучать это, чтобы знать верно и точно, чтобы понять основные *причины* стряслейшей беды и чтобы верно установить *цели* дальнейшей борьбы.

Удержите ваше негодование, ваше отвращение, горечь и ненависть. Изучайте события, прежде чем судить людей. Добивайтесь истины, не преувеличивая и не преуменьшая: истина окажется *страшней преувеличений* — но именно ей вы должны научиться спокойно смотреть в глаза.

9. И вот, всему, что мы уже испытали и еще испытаем, что постигнем в нашей *идее* и в *революционной трагедии*, мы должны неустанно учить наше молодое поколение за рубежом, готовя его нам на смену.

Не знаем сроков. Впереди огромное, ответственное, священное дело. А там, в России, молодежь развращается или гибнет.

Национальное дело строится поколениями; традицией; духовным углублением и очищением, передаваемым от отца к сыну.

Начало положим мы; а наши дети и внуки пусть завершат начатое...

10. Еще одно: не думайте, что «спасение» и «мудрость» требуют от нас возможно *скорейшего возвращения* на русскую территорию, под власть советов. Час нашего возвращения еще не настал, но придет он для *всех нас одновременно*.

Коммунисты не меняются и не «эволюционируют»; они останутся теми же до конца. Они по-прежнему ищут мировой власти через мировую революцию; по-прежнему безбожны их цели и отвратительны их средства; по-прежнему попирают они все законы человеческого духа и пользуются Россией, как плацдармом для подготовки разрушения и ограбления остального человечества. Правда, поведение их извилисто и лживо; они приспособляются в борьбе и симулируют «цивилизованность». И их «хозяйственное строительство» в России, поскольку оно не обман и не реклама, объясняется лишь тем, что революция в других странах запаздывает и что они предчувствуют возможность похода против них. Но кого же все это может обмануть?

Качество большевизма не меняется и измениться не может. Об этом они сами заботились с самого начала: для этого им нужен был террор, для этого им нужна была кровь Царя и его семьи. Эта кровь *объединила их в злодействе и спаяла их страхом*; она углубила вражду к ним до бездны и *отрезала им пути отступления*. Их корабли сожжены; они обречены на то, чтобы до конца идти на рожон. А тот, кто примет их, тот должен принять все их бесчестие и всю их кровь; тот станет их сообщником; тот им не страшен и для них безвреден.

Что же означает «возвращение» белого изгнанника к большевикам?

Они не признали родину. Что же, *он* признал интернационал? *Они* остались бандитами. Что же, *он* уверовал в бандитизм? *Они* остались безбожниками и разрушителями. Что же, *его* потянуло на разрушение и безбожие? Ибо, возвращаясь, он может быть уверен, что его или *заставят* делать гнусности и погубят духовно, или ему не дадут делать *ничего* и уморят его голодом. По-прежнему

коммунисты знают только два способа обходиться с инакомыслящими: или *порабощение*, или *истребление*.

И вот, добровольно возвращающийся эмигрант должен отдать себе отчет в том, что он делает и на что он идет.

Своим возвращением он, во-первых, выдает большевикам публичный аттестат на доброкачественность: «они исправились» настолько, что «к ним идут» их принципиальнейшие враги. Этим он помогает им, но обманывает всех остальных и самого себя; и потому совершает акт в корне фальшивый и вредный.

Своим возвращением он, во-вторых, предает себя, бывшего борца, в руки злодеям. Он оказывается человеком, добровольно подавшим донос на самого себя и явившимся к отбыванию «высшей меры наказания». Если большевики убьют его, то поступок его получит значение малодушного, сентиментального и (по отношению к России) предательского *непротивленчества*. Если же они позволят ему дышать, то надзор их все равно поставит его в невозможность работать, бороться и служить России. Поэтому возвращающийся выходит из ряда борцов; он сдает позицию без боя и совершает акт политического мазохизма.

Наше «расхождение» с большевиками совсем не «тактическое» только, как у социалистов; и не «программное» только, как у левых партий. Для нас эта борьба не сводится к «политике» и не исчерпывается «экономикой». Для нас это прежде всего вопрос *религии, духа и патриотизма*; а все остальное есть лишь необходимое последствие и проявление главного. Поэтому и вопрос о «моем переезде с одного места на другое» не имеет ни для кого из нас центрального значения. О, мы умеем любить родную землю и родной быт не меньше, чем другие! Но примиренно принять «землю» без родины или «быть» без духа, *согласиться* на поругание, унижение и искоренение России, и все только ради того, чтобы подышать родным воздухом, взглянуть на родные храмы и леса и поговорить с измученными братьями (которых мы вот только что глупо предали своим возвращением)... — для

этого у нас не хватает ни сентиментальности, ни подлости, ни глупости! Не хватает теперь; и не хватит до конца...

И пусть не говорят нам, что мы «боимся» вернуться. Нет, мы не боимся и не прячемся; мы только *продолжаем борьбу*. Нас не страшила смерть ни в кубанских степях, ни в одиночках «особого отдела»; не устрасит и впредь. И именно поэтому мы будем хладнокровно выжидать благоприятного момента для... нашего возвращения!

Те, кто уговаривают нас «возвращаться», *морально обязаны ехать первыми и ехать немедленно*; право уговаривать они получают только *там* и пусть они говорят *оттуда*. Но они *сами не едут* и предпочитают уговаривать *отсюда*. Им естественно ехать туда, ибо, как они ныне сами уже признают, между ними и большевиками различие не *качественное*, а только в *степени* и в *оттенках*. Но они *не едут*, а зовут только нас.

Знают ли они, что предстоит *возвращающемуся белому*, если он не унижится до сыска и доносов? *Не могут не знать...*

Значит, сознательно зовут нас на расстрелы? Не потому ли, что *боятся нас* и нашего «фашизма» и *желают нам гибели?* И нашими телами рассчитывают завалить «ров гражданской войны»?

И если мы услышим еще этот лепет о том, что «сатана эволюционировал» и что «теперь можно уже ехать работать с ним, помогать ему, договориться с ним, служить ему... вот только бы он сам захотел пустить нас к себе» — будем спокойно слушать и молча делать выводы: ибо говорящий это сам выдает себя с головой...

Такова должна быть наша позиция и наша белая работа за рубежом...

И делая ее, мы будем уже не только верными сынами России, но и строителями ее.

И если от этого строительства Господь отзовет кого-нибудь из нас до возвращения, то последний вздох его будет принадлежать ей, нашей неутраченной родине.

И вздох этот будет послан ей не из «пустоты» и не из «темноты». Да живет же наша чудесная Россия!

РЕЧЬ НА МИТИНГЕ ГЕРМАНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ НАРОДНОЙ ПАРТИИ

Я — русский. Истинно русский по национальности и патриотически настроенный человек. 5 лет боролся я против позора коммунизма; подвергался арестам; был выслан; сейчас обосновался в Германии.

Я выступаю от себя, но я хорошо знаю, что мои друзья, мои соотечественники во всех странах думают так же, как и я; значит, я выражаю и их мнение. С напряжением слушал я честные, открытые, сугубо немецкие мысли выступающих. Они были истинной правдой, под которой я целиком подписываюсь, о том, как Германия вскоре станет относиться к России и как Россия станет относиться к Германии. С ноября 1917 года России в Европе больше нет.

То, что существует сейчас на территории России, уже не Россия. Это нечто совершенно другое. Если бы Россия была на своих ногах, в Европе за эти годы очень многое пошло бы по другому пути.

Все договоры, которые осуществляются в Европе без России, мы не подписывали и не можем их признать. Что для нас договор в Локарно?¹ Отвечаю: нечто гораздо меньшее, чем даже Версальский договор², который для нас просто нуль.

Что же происходит у нас, в России? Интернациональное уродство коммунистической теории и коммунистической революции. А это — угроза миру. Обнищание России — это символ мировой опасности. Только уже поэтому Европе следовало бы давным-давно положить конец этой «злой» игре. Но она не делает этого. Ориентация на войну — конец. У нас, у новой национальной России (об этом я публично говорил 26 марта вечером в Верхней палате), теперь развязаны руки.

Кто нам поможет встать на ноги, тот делается нашим другом. Национальная Россия своим обязательствам

всегда была верна. Останется верной и в будущем. Мы это тысячу раз доказывали своею кровью и сумеем еще не раз доказать и в будущем.

В 1918 году, во времена страшнейшего унижения, я утешал своих друзей тем, что говорил: недалеко то время, когда Европа станет искать нашей дружбы. Россия — это красавица, которая спит; рыцарь, который разбудит ее, получит ее руку.

Как это сделать?

Это не тема для дискуссий.

Для этого нужно воспитать по всем правилам волю Германии и волю национальной России. Германия должна начать с того, чего мы давно хотим.

Чего же мы хотим?

По большому счету говоря, мы ищем друга, который помог бы нам встать с колен. Мы — не пророки. Но, по всей видимости, друг этот не придет к нам из тех государств, которые выиграла войну; он придет оттуда, где войну *проиграли*.

Леонардо сказал когда-то хорошие слова: что такое арка из двух колонн? Это великолепная, удерживающая сила, возникшая из двух падающих сил.

Тяжкой и мрачной видится нам сотрудничество Германии с Советской республикой. Германия тем самым поддерживает бедственное положение России, наш позор, наше унижение.

В русских национальных кругах не раз говорилось: Европа хочет нашей гибели, нашего вымирания. Значит, Германия вместе с нею хочет того же.

3 года я уже живу в Германии, высланный после тяжелой борьбы из России. И теперь меня постоянно мучает один мрачный вопрос: неужели Германия так близорука? У всякой революции есть свой конец.

И что потом? Я не профессионал, чтобы давать уроки дипломатии немецким политикам. Но мы вступаем в эпоху, в которой дальноркость действительно важна.

Бисмарк³ никогда не советовал своей стране воевать с Россией. Разве он был не прав? А потому самым большим моим желанием ныне является одно: чтобы Германия встала провидчески на тот великий путь, на который указывали ей ее великие мужи.

БЕЛАЯ ИДЕЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СМЫСЛ БЕЛОЙ АРМИИ

Петру Бернгардовичу Струве

Одна из самых подлинных и духовно значительных побед, осуществившихся в истории человечества, есть победа русской Белой армии. Если из этой победы будет извлечено все, что в ней заложено, то Россия скоро возродится в силе и славе и явит небывалое еще величие. И это величие будет живым назиданием и живою опорой для возрождения других народов. В этом основной смысл «белого» бытия, «белых» страданий.

Не стратегическая наивность, не историческое невежество, не инерция пристрастности и не реакционное упрямство заставляют нас утверждать это. Противники и враги наши могут быть уверены в том, что фактической осведомленности, исторических познаний и политического реализма у нас вполне достаточно для того, чтобы понимать то элементарное и поверхностное, что они «понимают». Но дело в том, что судьбы народов и государств имеют еще иное, более глубокое измерение, открытое религиозному духу и закрытое для безбожной души. И пребывание в этом измерении открывает особый смысл у всех стратегических, исторических и политических событий.

Русская Белая армия победила — и мы утверждаем эту победу, несмотря на оставление ее национальной территории, на ее переход в гражданское обличие, на дрящущее в России злодеяния советского строя. Это есть победа, по внешности и для поверхностного ума облеченная в видимость стратегического поражения и политической неудачи. Но видимость для того и существует, чтобы ослеплять, и вводить в соблазн, и повергать в заблуждение непрозорливые души. И потому первая и основная задача наша состоит в том, чтобы оградить себя от этого ослепления, и соблазна, и заблуждения. Истинный политик невпечатлителен; настоящий историк не может быть поверхностен и близорук, только плохой стратег лишен государственного смысла и цепляется за видимость внешнего успеха.

Итак, в чем же победа Белой армии?

Установим прежде всего, что вся борьба русских (военных и гражданских) патриотов, пытавшихся не допустить Россию до поражения в великой войне и до полного разложения в революции, пытавшихся вооруженной рукой свергнуть власть интернациональных авантюристов, — не достигла своей прямой и непосредственной цели: война преждевременно закончилась открытием фронта; революция разлилась во всей стране и дошла по качеству и интенсивности — до самого дна. Всей русской культуре, всем русским людям, всей земле было суждено стать лицом к лицу с *революционной одержимостью*: с хулою безбожника, с нападением разбойника, с бесстыдством помешанного, с покушением убийцы. Всем пришлось взглянуть или долго смотреть в глаза сатаны, искушающего последними соблазнами и пугающего последними страхами.

За всю внешнюю видимость революции — от анкеты до расстрела, от пайка до трибунала, от уплотнения до изгнания и эмиграции, от пытки голодом, холодом, унижением и страхом до награбленных богатств и посягания на мировую власть — за всем этим вот уже шесть лет укрывается один смысл, единый, главный, по отношению к которому все есть видоизменения, оболочка, наружный вид; этот смысл передается словами: *духовное искушение и религиозное межевание*.

Да, сокровенный и глубочайший смысл революции состоит в том, что она есть прежде всего — великое духовное *искушение*; *суровое*, жестокое испытание; до дна прожигающая души, прокаляющая их огненная проба.

Это испытание вдвинуло во все русские души один и тот же прямой вопрос: Кто ты? Чем ты живешь? Чему служишь? Что любишь? И любишь ли ты то, что «любишь»? Где твое главное? Где центр твоей жизни? И предан ли ты ему, и верен ли ты ему? Вот пробил час. Нет отсрочек и укрыться некуда. И не много путей перед тобою, а всего два: *к Богу и против Бога*. Встань и обнаружь себя. И если не встанешь и не обнаружишь себя, то тебя заставят встать и заставят обнаружиться: найдут тебя искушающие в поле и у домашнего очага, у станка и у алтаря, в имуществе и в детях, в произнесенном слове и

в умолчании. Найдут и поставят на свет, — чтобы ты заявил о себе недвусмысленно: к Богу ты идешь или против Бога.

И если ты *против Бога*, то оставят тебя жить; и не все отнимут у тебя; и заставят тебя служить врагам Божиим; и будут кормить, ублажать; и наградят; и позволят обижать других, мучить других и отнимать у них имущество; и дадут власть, и наживу, и всю видимость позорящего почета.

И если ты *за Бога и к Богу*, то отнимут у тебя имущество; и обездолят жену и детей; и будут томить тебя лишениями, унижениями, темницею, допросами и страхами; ты увидишь, как отец и мать, жена и дети медленно, как свечка, тают в голоде и боязнях, — и не сможешь им; ты увидишь, как упорство твое не спасает ни родины от гибели, ни душ от растления, ни храмов от поругания; будешь скрежетать в бессилии и медленно гаснуть; и если прямо воспротивишься, то будешь убит в потаенном подвале и зарыт, неузнанный, в неизвестной яме.

Выбирай и решай.

Скажем же, наконец, открыто и определительно: *человеческая история не видела еще ничего подобного* этому — по злодейской обнаженности искушения, по всепроникающей планомерности, по бешеному напору, по объему действия, по организованности и длительности. Мы помним языческие гонения на христиан; мы помним гонения инквизиции; мы помним французскую революцию; и, вспоминая эти черные страницы истории, мы с содроганием видим, что их чернота всемерно превзойдена. Уже по одному тому, что там было столкновение двух противоположных пониманий Бога или блага; уже по одному тому, что там не было этой всепроникающей, организованной планомерности; уже по одному тому, что те гонения бывали всегда местными и никогда не охватывали сразу и надолго одну шестую часть земной поверхности.

Мир не видел еще подобного по бесстыдству, по глубине, по объему, по сознательной организованности искушения, где видимость научного доказательства *так* соединялась бы с планомерною ложью, где слагалось бы

в единство и систему *такое* своекорыстие с *такою* злобою; такой подкуп с таким террором; такие биржевые затеи с *такою* проповедью общности имущества; такое лицемерие с таким цинизмом; такое упоенное кощунство с таким посягательством на мировую власть. Злодеи всего мира объединились для завладения нашей чудесной родиной, чтобы превратить ее в пороховой погреб соблазна и взорвать из него мир. И Россия стала полем невиданного по качеству и объему покушения и искушения; искушения — до наготы и до смерти, до последнего унижения, до людоедства, до животности...

О, мы, прожившие в России пять революционных лет, знаем, что это не только слова и что слова для этой муки еще не найдены на человеческом языке. Пусть не верит в личного сатану тот, которому не верится; но всею силою моего долгого и подлинного опыта и моей совести утверждаю и удостоверяю я, что эта стихия в душах и делах есть *стихия сатанинская* и что искушение, идущее от нее, сочетает соблазн и страх в небывалую еще продуманную *систему*...

И вот избавить Россию от этого искушения, от этого соблазняющего и пугающего напора Белой армии не удалось; и люди, видящие только эту видимость, давно уже провозгласили эту неудачу.

От этого искушения в России не ушел никто; это испытание настигло всех: от Государя — до солдата, от Святейшего Патриарха — до последнего атеиста, от богача — до нищего. И каждый должен был в этом небывалом испытании стать перед лицом Божие и заявить о себе: или словом, которое стало равносильно *делу*; или делом, которое стало равносильно *смерти*.

Проба же была огненная и глубинная; ибо начиналось и совершалось — и совершается еще — не партийное и не классовое и не всенародное только, а мировое, общечеловеческое межевание, духовное деление, религиозный отбор, *религиозная дифференциация человечества*. Эта дифференциация далеко еще не кончилась, она только еще началась; Европа, уже приобщенная ей, рано или поздно увидит еще ее, буйствующую в ее собственных недрах; двадцатый век только еще начал свое подводящее итоги и очистительное дело.

И победит в этом религиозном испытании, принимающем форму мирового катаклизма, не тот, кто на срок захватит где-нибудь власть, и не тот, кто займет какую-нибудь территорию, — ибо власть-то и может обнаружить, и скомпрометировать, и погубить захватчика; и занятие территории может как раз оказаться роковым для занявшего, — а тот, кто *устоит*, и вот, уже устоял в этой буре; кто выдержал испытание и пребыл *верным*; кто нашел в себе любовь и *силу любви* для выбора; кто нашел в себе слово, равносильное *делу*, и совершил дело, равносильное *решимости умереть*.

Победил не тот, который временно, физически одолел, может быть, именно этим обрекая себя; не тот, кто оказался силен чужою слабостью, чужим ничтожеством, чужим недугом, низостью черни и темнотою массы, — ибо сильный силен собою, *своим* творчеством, своим *творчеством*, раскрывающим в нем все новую силу из первоначального заряда жизни; нет, победил тот, кто противостоял: противостоял соблазну, *не соблазняясь*, противостоял страху, *не устрашаясь*; кто в страшный миг выбора, миг великого одиночества, когда никто за тебя не решит, и никто тебя не заменит, и когда чужой совет не поможет, — в миг великого одиночества, когда человек стоит, тоскуя, перед выбором, выбирая между позорною жизнью и почетною смертью; когда человек запрашивает свою собственную последнюю темноту и глубину, и инстинкт молит о жизни, хотя бы позорной, а дух требует верности, хотя бы в смерти; так победил тот, кто в этот момент *одиночества пред лицом Божиим не принял позора жизни*.

И может быть, что смерть не придет и что он останется жить; но именно тогда и потому жизнь его не будет позорна, а сам он будет *победителем*.

Есть такой закон духа, что достоинство человека и его жизнь измеряются особым мериллом; живет ли он тем, за что стóит умереть; стóит ли умереть за то, чем он живет; и способен ли он умереть за то, чем стóит жить, за что стóит умереть и чем он в действительности живет. И не то важно, чтобы он умер, а то важно, чтобы он предпочел смерть позорной жизни, искренно и цельно избрал бы

смерть; чтобы он решил: «лучше не жить мне, чем жить отступником и предателем»; чтобы он удостоверился в себе, о самом себе: «отступив и предав — все равно жить не смогу»; чтобы он понял правоту римлянина, сказавшего: «Победить необходимо, а жизнь без победы не нужна».

И вот этот миг избрания и самоутверждения есть тот таинственный миг, когда победа, еще не наступившая во внешнем порядке вещей, уже состоялась и обеспечена в духовном основополагании человека; и ему остается словом и делом утвердиться на этой основе.

В этот миг, в эти миги, в этом делании он побеждает и победил страх, ибо *добровольно* избрал самое страшное. Здесь человек закладывает камень своего алтаря, своего жизненного храма и сам становится неодолимым для врат ада, посылающих соблазны и страхи. Человек уже победил, еще не победивши, и останется победителем, даже умирая до внешней победы, и останется победителем, если даже умрет, во внешней видимости, пораженный.

Побеждает тот, кто соглашается *потерять все свое* для того, *чтобы спасти что-то Божие*.

Таинственный закон жизни и духа состоит в том, что он одной своей решимостью, словом и делом сожигает корабль, уже спас Божие дело, уже победил для него, вместе с ним, в нем: ибо он *сделал себя орудием Божьего дела в мире*. Он стал больше себя самого, сильнее самого себя; он стал сопричастником Божьего дела на земле¹. Побеждает тот, кто *сливает свою судьбу с судьбою Блага*; кто в жизни закрывает глаза на себя и открывает их, обращаясь к Богу; кто наполняет *свою* волю *Его* делом, а *себя* вверяет *Его* воле; кто чувствует это дело настолько своим собственным, что любит его больше своей земной оболочки. Тогда, повторяю я, живя и умирая за это дело, он оказывается больше себя самого и сильнее самого себя: ибо его личное дело оказывается общенародным и общечеловеческим; и так как он сам есть прежде всего и по существу свое *дело*, то, умирая, он побеждает; и умирая, *не умирает на земле* — ибо уже *при жизни* он реально *не исчерпывался своею особью*, ибо еще при жизни он жил в том особом измерении событий и дел, о котором близорукие эмпирики и не подозревают.

Неужели христианину надо еще доказывать, что крестный путь, принимаемый во имя Божие, всегда ведет к победе?

А помните вы надпись на могиле спартанского царя Леонида² и его воинов, утверждающую, что «умершие герои не умерли»³?

Из глубины этого опыта прозвучали когда-то слова великого русского Государя: «А о Петре ведайте: ему жизнь не дорога...» И не про миг опасности сказаны эти героические слова — на них строилась *вся* жизнь нашего царственного вождя, из них восставал «он весь, как Божия гроза...».

Довольно: есть на земле победы, которые остаются победами в самые часы своей видимой неудачи. Этих побед никто не умалит и не отнимет; ими строится жизнь народов и человечества; раз одержанные, они становятся историческим достоянием — не потому, что отходят в прошлое, а потому, что *не* становятся прошлым, но остаются навсегда живою основой настоящего и будущего.

И вот такова победа русской национальной Белой армии.

В наши дни в мире действует некое великое веяло, предвиденное в Писании: «Лопата Его в руке Его, и он очистит гумно Свое и соберет пшеницу в житницу Свою, а солому сожжет огнем неугасимым» (От Луки, 3, 17).

Это великое веяло, отвеивающее зерно от мякины, этот великий *отбор крепких и верных* имел в России историческое обличие *гражданской войны*. Эта гражданская война имела и донныне еще имеет *два* различных вида. Первый вид: столкновение двух враждебных армий. Второй вид: невооруженное сопротивление на местах, распыленное по всей России и выдерживающее людей в сатанинской, закаляющей характер плавильне, в лишениях, унижениях и угрозах, в заговорах и казнях.

Гражданская война первого вида вот уже три года как прервалась, не закончившись; о ней мы можем говорить сравнительно объективно и свободно. Это было движе-

ние белых армий, пытавшееся не проиграть великую войну и пресечь революцию. Это была как бы героическая попытка спасти разлагающийся организм родины — отвлечь надвинувшееся искушение и избавить Россию «от лукавого»⁴. Таков был ближайший смысл движения, его действенный мотив, его *осознанное задание*; события показали, что глубокий, религиозно-государственный, сокровенный смысл его был *иной*.

Но остановимся сначала на первом, действенном и сознательном мотиве движения.

Я не могу и не хочу вдаваться ныне и здесь в вопрос о том, следовало России или не следовало ей втягиваться в великую международную войну 1914 года. Был факт, что война была начата, велась уже три года, имела огромные жертвы и грозила великими опасностями. И был еще факт, что с отречением всеми покинутого Государя и водворением временного республиканского строя Россия закипела самочинством и беспутством, самовластием при безвластии, агитацией пораженцев и социалистическою проповедью захвата.

Те, кто взялись за власть, те не понимали ее природы, не хотели и не умели ею пользоваться, зараженные духом безвольного непротивленчества и в то же время тайно сочувствующие революционному захвату; зараженные духом сентиментального «отрицания войны вообще» и в то же время тайно сочувствующие пораженческому миру, заключаемому якобы массами. А между тем превращение международной войны в гражданскую было провозглашено коммунистами в марте 1917 года, подготовлялось 7 месяцев и началось в октябре.

При таком положении дела каждый русский человек имел только *три* пути перед собою: или идти с коммунистами; или заползти в свою нору и трусливо выжидать; или встать добровольно на защиту Родины. Первые два пути — каждый по-своему позорный и по-своему предательский; и третий путь — единственный путь *патриотизма и чести*.

Не первый раз в истории всколыхнулась и разлилась смута на Руси; не первый раз наметились и сложились три пути. Опять появились на Руси «*ворь*», которые «душою

кривые» и «сатанинским наущением ведомые» начали «Русь нести розно»; опять запрятались по щелям (но теперь уже и русским, и заграничным) осторожные и тепло-прохладные «хороняки»; и опять восстали на защиту Родины «прямые», те, что хотели «дело Царево нести честно», те, что, по слову летописца, «дали Богу души свои» и «не пощадили себя ни в чем»; и вожди у них были: «стоявшие в твердости разума своего, крепко и непоколебимо безо всякия шатости»; «смелые дерзновением» и «зоравельски болевшие душою» о гибнущей родине⁵.

Спросите себя: думали ли вы когда-нибудь, что было бы, если бы на Руси остались одни *воры* и *хороняки*? Если бы совсем не оказалось «прямых», готовых «служить и прямить» родине так, как в старину служили и прямили царям? Если бы совсем не нашлось людей, способных сложить свои головы за целостность родины, за национальную свободу, за честь России и армии, за неподчинение полуворам и ворам? Если бы никто не принял на свои плечи судьбу распадающегося отечества?

Думали ли вы об этом? Что означало бы тогда слово России? Предательство и трусость... Злодейство и ничтожество... Чем явилось бы наше прошлое? Самовырождением, саморазвращением, самопогребением великого народа... Что сказали бы мы нашим детям? Что мы были рабами, бесхарактерными и безвольными холопами... что мы завещаем им о нас памяти не хранить и забыть наши могилы...

Что ответили бы мы Тому, Кто одним бичом погнал кошунственную толпу из храма?⁶

Но не случилось этого — на Руси встали «прямые»; они «дали Богу души свои» и «не пощадили себя ни в чем»...

Дело русской Добровольческой армии, возникшей в 1917 — 1918 годах и связанной с именами Корнилова, Алексеева⁷, Каледина⁸, Дроздовского⁹, Колчака¹⁰ и их сотрудников и преемников, есть дело русской национальной *чести*, русского патриотического горения, русского народного *характера*, русской православной *религиозности*.

В этом глубоко бескорыстном, до безрассудства трудном и героическом сопротивлении *Россия утверждала*

свое волевое бытие, Россия свидетельствовала о здоровых корнях своего духа, Россия обороняла свое достоинство и честь, она обнаружила героические основы своего характера, она доказывала свою гражданственность, она сверкала своим прошлым и закладывала фундамент своего будущего.

Об этих походах, которые будут любовно изучаться русскими историками и стратегами; об этих решениях и подвигах, на которых мы построим новую русскую этику; об этих именах, которые станут легендарными, — мы скажем нашим детям и внукам, чтобы они учились по этим заветам жить и умирать за нашу Россию.

Во всей духовной и исторически-внешней обстановке этой борьбы, в ее мотивах и в ее судьбах заложен еще более глубокий, *религиозно-государственный смысл Белой армии.* Этот смысл и составляет ее идею.

Белое движение отнюдь не надо идеализировать: с одной стороны, всегда и всюду могут оказаться люди слабые, неустойчивые и даже порочные и наделать неподобающее; особенно после перенапряжений такой войны, которая велась недовооруженной армией; особенно когда вся страна болела смутю; особенно при подвятии такого исключительного по размерам и напряжению подвига. С другой стороны, самые лучшие люди могут совершать ошибки, недосмотры — да еще при таких потрясениях, сдвигах и во всеобщем замешательстве и переосложнении. Однако только «воры» и «полуворы» заинтересованы в том, чтобы вводить отдельные эксцессы или ошибки в самую идею Белой армии, сознательно извращая ее.

Идея Белой армии, которой армия всегда была и будет верна, есть идея духовно чистая и государственно великая. И ее необходимо вскрыть и утвердить.

Эта идея не имела философической формы и не являлась тогда осознанной всеми идеологией: армия жила, борясь и страдая, непосредственно погружаясь в темные воды новых опасностей и событий; она принимала эти события как великое, трагическое наследие больной России, состоявшее почти сплошь из долгов, — принимала и смертью изживала его; она носила свою идею в чувстве, в

любви, в молитве и в деянии, творя и не теоретизируя. Однако ныне давно уже пришла пора осознать эту идею и утвердить ее.

Это есть идея *автономного патриотического правосознания*, основанного на *достоинстве и служении*; правосознания, имеющего возродить русскую государственность и *по-новому осмыслить и утвердить ее драгоценную монархическую форму*.

Тот, кто хочет верно и мудро достигнуть сущность переживаемой революции, тот прежде всего не должен искать виноватых и мечтать о возмездии. Это наивно и поверхностно; это ослепляет, это расплывает великую беду на мелочи. А воры и полуворы и без этих поисков не уйдут от своей судьбы.

Организм болеет потому, что он слаб и не может сопротивляться, а не потому, что есть единичные виновники. Россия, религиозно горящая, Россия, патриотически преданная, Россия с верным монархическим правосознанием, сильною волею и твердым характером не имела бы оснований опасаться «коммунистов», «революционеров», «евреев», «латышей», «китайцев», «поляков» и других недоброжелателей. Беда не в их силе — а в *нашей* слабости; не в их предательстве — а в *нашей* неверности; не в их агитации — а в *нашей* удобоискушаемости и нестойкости. Это *мы* — плохо верили, мало любили, глупо думали, двоились в желаниях, тянулись к бесу.

И вследствие всего этого русский человек как участник великого государственного дела, как гражданин *не стоял на своих ногах*; не умел отличать добро от зла; не имел ни в мысли, ни в чувстве — ни нерушимой преданности, ни крепких убеждений; не имел воли, характера, инициативы, выдержки. Русский гражданский атом был подобен слабому, но испорченному ребенку, который по-детски ищет удовлетворения желаний, по-детски верит потатчику, по-детски хитрит с воспитателем, по-детски своевольничает и по-детски лишен чувства ответственности и чувства собственного достоинства.

И все это как будто появляется, если дисциплинирующая волна *властно идет сверху*, и все это оказывается призрачным и исчезает, как только волна сверху ослабевает или прекращается.

Правосознание русского человека в неинтеллигентной и в интеллигентной массе — не самостоятельно, не само-бытно, *не автономно* и поэтому слабо, неустойчиво, ненадежно. Но нельзя «стоять человека» или «ходить человека». Стоять и ходить можно только *самому*. Кто сам, один, предоставленный себе, не стоит и не ходит, тот и при чужой помощи имеет только вид стоящего, только вид идущего. На слепом, запуганном, покорном, несамостоятельном правосознании, на *гетерономном правосознании* государство наших дней существовать не может и не будет. Кто этого не понимает, тот ничего, кроме вреда, не принесет своей стране и своему государству.

И вот все великое революционное крушение нашей родины есть *крушение исторически сложившегося в России гетерономно правосознания*.

Государственным и национальным центром дореволюционной России был Императорский Престол. Но этот центр правил народом, поддерживая и закрепляя в нем гетерономное правосознание. Гетерономно правящий центр всегда впадает в иллюзию и ошибку, будто *его* изволение, налагаемое на народ, и есть изволение *самого народа*; на самом же деле не всякое такое изволение, и не всегда, и всегда лишь отчасти становится гетерономно принятым *поведением*, не изволением народа; так что гетерономное правосознание народа влечется за его собственным гетерономным поведением. И только при наличии религиозного, патриотического и государственно-сверхклассового *единения Царя и народа* гетерономный приказ вызывает в душах взрыв автономного сочувствия, признания, любви и благодарности. И тогда обнаруживается и осуществляется подлинная и *священная природа монархического начала*.

Трагедия России состояла в том, что этого единения, в котором гетерономная форма государственности покрывается автономным приятием, не было; хотя наверху считалось, что оно есть. Назревал и слагался раскол и разъединение между монархическою *формою* государства и монархически не горящим *правосознанием* в стране. И когда отречение систематически и искусно изолированного Государя погасило и самую монархическую форму, — то народ не рванулся к ее восстановлению и не проявил

автономного правосознания в новой форме; а, подождав новой гетерономии и встретив сверху волну принципиального безвластия и другую волну принципиального призыва к самоправству, — поколебался и рухнул *в автономную вседозволенность*. Но это-то и означало осуществление революционного распада государства: всякий стал творить произвол и посягать.

Внезапно поставленный на свои собственные ноги, русский гражданин, по-детски покорявшийся и хитривший, начал по-детски верить потатчику, своевольничать, хватать, расправляться так, как если бы ему никогда не было присуще ни чувство собственного достоинства, ни чувство ответственности.

Это означает, что революционно свалившаяся на голову русского человека «свобода», т. е., точнее выражаясь, *автономность сознания* оказалась ему не по силам.

Установим теперь, что человеческий дух живет и творит на высоте только тогда, когда в его жизни и деяниях сочетаются и взаимно пропитываются *автономность* и *предметность*. Это закон, это критерий — универсальный, не меняющийся в веках, и притом потому, что он выражает самую основную *природу человеческого духа* и духовной культуры.

Так, религиозность человека стоит на высоте не тогда, когда слепа, запугана, покорна, несамостоятельна, *неавтономна*; но и не тогда, когда она произвольна, фантастична, суеверна, еретична, *непредметна*; а тогда, когда она самостоятельна, зряча, дышит преданностью, цельностью и искренностью — *автономна*; и в этой автономности заполнена подлинным Откровением Божественным — *предметна*. Так обстоит и в нравственности, и в науке, и в художественном творчестве: дух тогда на высоте, когда он *сам* служит Предмету, *самоу*; когда в самом лютом одиночестве пустыни, моря, снегов или тюрьмы он внемлет голосу Божию и *правит* собою по Его слову.

Так обстоит дело и в *правосознании*: оно тогда, и только тогда, на высоте, когда оно *автономно* и *предметно*. Правосознание *автономно* тогда, когда оно без внешнего

побуждения открывает человеку верный путь, правоту дела, право и обязанность, честь и достоинство, благо и долг; и открывает с такою определительностью и силою, что само оказывается жизненаправляющею силою души. Правосознание *предметно* тогда, когда оно наполняет чувство, волю и мысль и деяние человека верным, справедливым правом, сверхклассовою природою государства, благом *родины* и ее спасением.

Да, начало *родины* соответствует в жизни правосознания тому, что есть истина в научном знании, красота в искусстве, добро в нравственном делании, Божество в религии. Ибо родина — это не земля, и не природа, и не хозяйство страны, и не эти единичные люди; родина — это *национальная обращенность к Богу*, национальное служение Его зову и Его делу; это и земля, и природа, и хозяйство, и люди, но все сие — *пред лицом Божиим*, Его зовом и Его делом измеренное, оваянное, осмысленное и освященное; родина — это весь государственно оформленный и спаянный народ со всем его земным достоинством, народ как духовное единство, связанное однородностью, совместностью, взаимодействием и общностью *пред лицом Божиим и на его путях*. В этом значении своем родина есть начало священное и составляет предмет правосознания.

Настоящее, здоровое правосознание, то, которое делает народы неодолимыми и государства неразрушимыми, есть правосознание автономное и предметное, т. е. *добровольно свободное и патриотически религиозное*.

Теперь уже выясняются перед нами события последних лет. Большинство русских людей умело блюсти предметность своего правосознания только в гетерономности. С отпадением гетерономности в 1917 году большинство русских людей восприняло автономию как вседозволенность. Внутреннего само-стояния, само-верховодства — *Царя в душе и в духе* — не оказалось; и автономия наполнилась противопредметным, противопатриотическим произволом и разложением — предательством и расхищением страны.

В этом сущность *революции и красноты* как исторического пути.

Но к чести и к счастью России, нашлись кадры людей, которые в труднейшую эпоху переутомления и запутанности сумели наполнить свою автономию предметным патриотическим содержанием и направлением; которые восприняли безвластие вверху как величайшую опасность для страны; как величайшее бремя падающей на них ответственности; как призыв к патриотической самодеятельности; как жизненный долг и смертный призыв; которые «дали Богу души свои» и «не пощадили себя ни в чем».

И в этом сущность *белой контр-революции* как исторического пути.

Первый путь есть долгий, обходной, трагический путь: в душах восторжествовал «*раб*», раб определил себя как «*хама*» и узаконил себя как «*товарища*». Тем, кто пошли этим путем, суждено было изжить в себе «*хама*» и «*товарища*», провалиться из «*товарища*» в обнищавшего и измученного *обывателя* и только потом выстрадать в себе проблеск *личности* и попытаться раздуть эту искру в огонек автономного *гражданина*. Повторяю: этот путь долгий и трагический, не закончившийся еще и поныне.

Второй путь был путь прямой и героический: в белых душах восторжествовал *патриот* и *гражданин*. Белые не были рабами и не стали ни товарищами, ни обывателями; они восстали в личность, в *автономного гражданина* и *автономного воина*.

Знаем, что не все это выдержали и не всем оказалось это по силам. Но именно внешние, стратегические и политические неудачи имели значение великого фильтрующего и очищающего *отбора*. Каждое крушение отвалило и отцеживало неустойчивых и слабых: одни отпадали, утомленные или неверующие, другие соблазнились «на воровскую прелесть» или впадали в «шатость» и измену. И все это не только не губило *идеи* и *дела*, но, наоборот, выкристаллизовывало, выдифференцировывало *идейно верный и чистый персональный состав*.

И вот на наших глазах весь путь Белой армии приобретает единый и великий государственный смысл. Смысл,

обращенный не к свержению настоящего, хотя и проникнутый этим отвержением; смысл не стратегический и не политический, хотя оформленный и стратегически, и политически. Смысл, обращенный *к будущему*, к основам возрождающейся в будущем новой, великой и неодолимой России.

Весь путь Белой армии был выстрадыванием и укреплением *нового духовного уклада*, нового способа гражданского бытия, нового строения души у воина и гражданина. Все опасности, все неудачи, все успехи, все испытания делали одно дело: они выделяли, воспитывали, закаляли и спаивали — кровью и любовью, бедою и подвигом — *гражданские кадры для новой России*.

Самое бытие белого воина — все претерпевшего и утвердившегося — уже содержит в себе духовно-государственную идею новой России; эта идея *автономного патриотизма*; идея *добровольной субординации*; идея *на смерть отстаиваемой чести*; идея о том, что родина выше имущества, семьи и жизни; идея государственной ответственности личного атома за общее дело; идея о том, что государство строится не только приказом и законом, но *любовью и долгом*, сросшимися в живой *подвиг*; идея о том, что истинный гражданин живет не страхом и не алчностью, а силою *убежденности* и *общим*, единым для всех интересом; идея о том, что гражданин призван активно и вооруженно бороться с предателем и врагом своей родины; идея о том, что публичная дееспособность гражданина измеряется его способностью к самоотречению и верности...

Мы, русские, можем сказать открыто: за последние пять лет наша Россия явила не только последнюю низину разложения, но и жгучий идейно-водительный подъем.

Не праздным словом, а долгим, верным и смертным делом Россия в лице своей Белой армии выдвинула в осуществленном виде, не в воображении, а *в бытии*, облик верного государственного правосознания и характера в *русских национальных* чертах, в русских людях, но в *мировой* значительности и показательности. Эта идея стала сначала актом, реальностью, действием и бытием; она возникла сначала в опыте и деянии; и в этом ее сила, ее подлинность; ее доказательность — в ее показательности,

в ее *действенной наличности*. Из величайшего, невиданного в истории крушения, из неизреченной муки и скорби, из огненной любви Россия выстрадала, выделила, откристаллизовала, из самых недр своих подняла эту идею, воплощенную в лицах и характерах, эту идею как обновленный маяк человечеству.

Не впервые в своей истории Русь выдвигает — делом и словом — эту идею: идею *самопочинного служения родине* как *сосуду духа Божия*, служения вдохновенного, непосягающего; служения общему делу во имя Божие. Эта идея искони и всегда жила на Руси; но не ценилась в должную меру, не разумелась достаточно национальной властью и не воспитывалась в народе в качестве живой основы государственности.

Такова была прежде всего *государственная идея Православной церкви*, осуществлявшаяся монастырями, подвижниками и высшим духовенством.

Вспомним: никем не заставляемые, без приказа и поуждения, по вдохновению боголюбивого ума и сердца — какие вклады внесли в пути и в судьбу русской государственности Киевская Лавра, Троице-Сергиева Лавра, Соловецкий монастырь, Оптина Пустынь и другие бесчисленные обители! Вспомним, что пишет Ключевский о государственном значении деятельности св. Сергия Радонежского и Стефана Пермского¹¹... Вспомним эту мудрую, не посягающую на власть, авторитетную свободу допетровской церкви! Вспомним подвиги святителей Петра¹², Алексия¹³, Ионы¹⁴, Филиппа¹⁵, Гермогена¹⁶ и Филарета¹⁷.

Вспомним, далее, дела Иулиании Милостивой¹⁸; вспомним Минина и Пожарского; вспомним государственное значение южных и восточных казачьих походов и поселений; вспомним Ордына-Нащокина¹⁹ и его «красный крест»²⁰, вспомним историю Земских Соборов, думающих вместе с Царем великую русскую государственную думу, вспомним добровольцев славянской войны; вспомним помещиков, отпускавших на волю крепостных; вспомним мировых посредников; вспомним лучшую неревolutionционную, государственную традицию русского города, посада и земства; вспомним историю московских

клиник; — и скажем: *всегда* была на Руси, в Православии зародившаяся (хотя за XIX век свое родство забывшая), благодарная рыцарственно мотивированная традиция — выступать в жизни *патриотическим добровольцем общественного дела и публичного тягла*; еще в то время, когда служилые люди называли себя «холопами» Государя, а весь остальной народ — государевыми «сиротами», наряду с «холопами» и «сиротами» третий слой, «богомольцы», творили и растили в душах автономное, патриотическое правосознание.

И вот, в наши дни Белая армия с ее центральным ядром добровольчества, то превращавшегося в организационный принцип (при Корнилове, при эвакуации, в Галлиполи), то сохранявшегося в духе и настроении, — Белая армия движется в этой древней и здоровой русской традиции.

Это организованные и дисциплинированные *кадры патриотических добровольцев русского государственного тягла*. Это — утвердившиеся в духе древних русских богомольцев слуги и строители родины, будущие *слуги Царя*, но уже не «холопы» и не «сироты», а «не пощадившие себя ни в чем» *строители России*. Это продолжатели старого и основоположники нового автономного и патриотического правосознания на Руси.

В эти последние годы Россия как бы держала великий экзамен на гражданскую зрелость и публичную дееспособность. И одни не выдерживали, а другие выдерживали. *Не* выдержали те, кто подкопались под престол и водворили безвластие, не выдержали те, кто рвались к власти — и постыдно разбежались от крика пьяного матроса; не выдержали те, кто хоронились по русским и заграничным щелям; не выдержали те, кто примкнули к ворами и помогали им «Русь нести розно». Но *выдержали* те, кто делом доказали, что чувствуют и понимают различие между частно-правовым и публично-правовым началом жизни; те, которые смотрели на власть как на бремя смертной ответственности и от этого бремени не бежали. Они подлинным делом доказали свою публичную дееспособность.

Эти основы, этот дух — не беспримерны; и в мировой истории они имеют свою традицию так же, как и в русской истории.

Истинною и живую опору государства и государственной власти всегда были те люди, те слои, те группы, которые воспринимали общественное делание как *сверхклассовое служение родине*; которые в этом служении видели *долг чести и бремя ответственности*; которые стремились именно *служить* земле, а не *властвовать* над нею.

Это есть *рыцарская и дворянская* традиция в мировой истории. Не всякий, родившийся дворянином, есть рыцарь по духу; но всякий дворянин, не таящий в себе рыцаря, есть дворянин только по видимости. Но мало этого; верно и обратное. Всякий, не родившийся дворянином, но таящий в себе рыцаря и несущий рыцарственное служение родине, — уже есть *подлинный дворянин*, хотя бы он формально таковым не считался.

Кто же был на самом деле в духовном дворянстве: полувор, ли дворянин Заруцкий²¹, подсылавший убийц к князю Пожарскому? Или те бояре и князья, что «припадали на всякие стороны» и сами «подыскивались на царство»? Или же посадский староста Кузьма Минин Сухорук? Да посадский же «бесстрашный человек» Родион Мокеев, все время носивший народу грамоту от заточенного в Кремле Патриарха Гермогена²²? Да «мужик» Иван Сусанин?.. Сомнений нет. И когда Царь Михаил Федорович пожаловал Минину думное дворянство, то он просто констатировал его достоинство и честь.

Весь кризис, переживаемый ныне Россией и миром, есть кризис по существу своему духовный. В основе его — *оскудение религиозности*, т. е. целостной, жизненно-смертной преданности Богу и Божьему делу на земле. Отсюда возникает все остальное: измельчание духовного характера, утрата духовного измерения жизни, омеление и прозаизация человеческого бытия, торжество пошлости в духовной культуре, *отмирание рыцарственности и вырождение гражданственности*.

В наши дни все колеблется и рушится именно от отсутствия рыцарственности в душах. И именно в наши

дни Россия сомкнула организованный кадр рыцарственных душ, реально постигших правду древнего рыцарского девиза «блаженство в верности» и до конца пребывающих, по слову князя Пожарского, «в неподвижной правде и в соединении».

Шесть лет тому назад, немедленно после октябрьского переворота в Москве, я напечатал статью, обращенную к павшим в борьбе белогвардейцам, «Ушедшим победителям». «Вы победили, друзья и братья. И завещали нам довести вашу победу до конца. Верьте нам, мы исполним завещанное...»

Я утверждал тогда победу духа над соблазном и страхом; победу чести над чернью; верности над предательством; патриотизма над безродностью; прямоты над хорячеством; добровольчества над покорностью; гражданина над холопом.

И вот прошло шесть лет. Я вспоминаю, что я высказал тогда, — и всемерно поддерживаю и подкрепляю сказанное.

Да, Россия запомнит эти дела и эти имена и передаст их детям и внукам; и они услышат этот голос и поймут этот подвиг; и будут учиться этой любви и этой смерти. Ибо белые герои были глашатаями грядущего русского правосознания; и пока Россия будет жить, наши потомки будут гордиться ими и идти за их зовом.

Пройдет время, исполнятся сроки. В страданиях и покаянии очистится от смуты наша Россия. И снова будет у нас единая, братски спаянная воинская сила, ведомая духом чести и патриотизма, духом рыцарственным, духом белого служения.

Этому духу принадлежит будущее; верю, что светлое, верю, что *монархическое* будущее России. Кадры испытанных и верных слуг родины найдет будущий законный Государь под единым белым стягом армии. И на этих кадрах, как на камне нерушимом, он будет строить национальный религиозно-государственный храм новой России!..

БЕЛАЯ ИДЕЯ

Белое дело не нами началось, не нами и кончится. Но силою исторических судеб нам пришлось поднять ныне его знамя в России, и мы несем это знамя с чувством величайшей духовной ответственности. Не мы создали его: оно древне, как Русь; мы только стали под него опять, как бывало в час смуты и разложения. Мы знаем тех вождей и строителей русского национального и государственного дела, которые не раз на протяжении русской истории становились под это знамя, скликали под него верных сынов родины и, претворяя чувство в волю и слово в дело, выводили Россию из бед и опасностей. Мы знаем эти имена и эти деяния; и знание это только усиливает и углубляет наше чувство ответственности и повышает те требования, которые мы сами к себе предъявляем. Но именно признание этой традиции пробуждает в нас надежду, что мы сумеем быть достойными этого знамени; что честна и грозна будет наша борьба под ним; что мы донесем его до конца и передадим его нашим детям. Мы знаем, *что* на нем начертано. Мы знаем, *к чему* оно нас обязывает. Но мы знаем также, что в верности ему — спасение и возрождение России.

Мы стали под его знамя потому, что иначе мы не могли и не хотели; ибо нас поставила под него *любовь к России*, которая сильнее нас, и *честь России*, без которой жизнь на земле теряет для нас цену. Это мы чувствовали с самого начала; с тою же силою мы чувствуем это и теперь. Наши братья, замученные в подвалах и павшие в боях, засвидетельствовали это и жизнью, и смертью. И поэтому, куда бы ни привела нас белая борьба, мы прежде всего с благоговением вспоминаем о них.

В едином, общем деле они опередили нас; они уже совершили и победили; они донесли наше знамя до конца и показали, как можно и должно строить родину, умирая за нее. Их дух, их деяния, их слова живы среди нас; мы помним их; мы гордимся ими; мы сами хотели бы совершить то, что они совершили. И потому мы стремимся прежде всего сохранить *историческую правду* об их деяниях, подлинную правду о том, что было: какие

события вызвали белую борьбу; как она началась и возникла; чего хотели, что думали и что совершили те, которые становились под белое знамя. Мы знаем, что эта строгая и подлинная историческая правда таила в себе с самого начала ту *духовную правду*, ту *идею и правоту*, которой они служили и которой мы будем служить и впредь. И вот, пусть повествования нашей Летописи¹ вскроют помыслы, цели и деяния белой борьбы, ее порывы и подвиги, ее победы, неудачи и заблуждения. И вскрытые неудачи пусть дадут нам лучшее понимание белого дела; а вскрытые заблуждения пусть оттенят чистоту и верность нашего знамени и нашей идеи. И пусть на этом пути правда истории осветит правоту Духа.

То, чего мы ищем — это не пристрастное восхваление, и не замалчивание, и не преувеличение; но *историческое освещение и умудрение*. Белая борьба нуждается в летописи, а не в идеализации; в верном самопознании, а не в создании легенды; в удостоверении, а не в искажении. То, что было, то было *в действительности*; и никто никогда не отнимет у нас бывшего и не вычеркнет его из истории России. Мы хорошо знаем, *какие* духовные ключи породили белое течение наших дней, какие чувства и намерения воодушевляли его деятелей, к каким деяниям это их вело и приводило. Нам надлежит лишь удостоверить прошлые исторические факты и тем вернее и глубже раскрыть *движущую идею* белой борьбы, а грядущие события и беспристрастная история доделают и допишут остальное.

Движущая идея белой борьбы *проста*, как сердце честного патриота; *сильна*, как его воля; *глубока*, как его молитва о родине. Она вела белых с самого начала; и тогда, когда их сознание еще не могло формулировать ее; она поведет их и далее, после того как она будет до конца осознана и выговорена. Без нее вооруженная белая борьба была бы обычною гражданскою войною; с нею и через нее она возрождала древнюю русскую патриотическую традицию и знаменовала зарождение новой, государственно-здоровой России... В то время, когда вооруженная борьба только еще начиналась, бывало так, что борющиеся вливались в нее *по отрицательному признаку*.

по признаку неприятия коммунистической революции. Однако бороться с коммунистами можно было по разным побуждениям и мотивам — и личным, и партийным, и имущественным, и мстительным; и те, кто боролись по этим *не* белым побуждениям, бывали, конечно, драгоценны и полезны в сражении, но бывали и опасны для белого дела вне боя... Но и тогда уже многие, очень многие, именно те, кто составляли основное, неутомимое ядро борцов, носили в своем сердце то положительное — простое, сильное и глубокое, — что образует природу белого сердца и белой воли. С тех пор неудачи и испытания, соблазны слева и справа отметали и отвевали все шаткое и небелое от крепкого и белого. Время шло. Те, кто выдержали горнило *боя и разоруженного лагеря*, вступили затем в горнило черной работы и *рассеянного изгнанничества*. Это горнило еще не изжито нами. Но, может быть, не за горами и его конец, и тогда круг подготовительных испытаний будет нами пройден. И сквозь весь этот круг мы пронесли и пронесем наше знамя, нашу идею — простую, сильную и глубокую.

Эта идея выношена нами в военной борьбе с революцией и коммунизмом; но белое дело не исчерпывается этой борьбой и не сводится к ней. Вот уже шесть лет, как Белая армия лишена оружия и не сражается с коммунистами; а ее дух не поколеблен, ее цели не померкли, ее бытие не потеряло смысла. И дух ее, и смысл ее будут жить неумаленными и в том случае, если исторические судьбы не приведут ее в дальнейшем к возобновлению прервавшейся вооруженной борьбы. Белое дело по необходимости велось и, может быть, будет вестись и далее — мечом; но меч совсем не есть его единственное оружие. Белый дух будет верен себе и в гражданском служении, и в созидающем труде, и в воспитании народа. Пройдут определенные сроки, исчезнут коммунисты, революция отойдет в прошлое; а белое дело, возродившееся в этой борьбе, *не* исчезнет и *не* отойдет в прошлое: дух его сохранится и органически войдет в бытие и строительство новой России. Ибо, возродившееся в отрицании, белое дело отнюдь не исчерпывается отрицанием; собрав свои

силы в гражданской войне, оно отнюдь не питается гражданской войною, не зовет к ней во что бы то ни стало и не утасует вместе с нею; пробужденное революцией, оно отнюдь не сводится к «контр-революции»; борясь против губительной химеры коммунизма, оно совсем не выдыхается вместе с этой химерой; восставая против интернационала и его предательства, оно имеет свой *положительный* идеал родины. Поэтому не правы все те, кто думает или говорит, что белое дело есть то же самое, что «вооруженная контр-революция».

Эта неправда связана с другою такою же неправдою, будто белое дело есть дело «сословное» и «классовое», дело «реставрации» и «реакции». Мы знаем, что есть «сословия» и «классы», особенно сильно пострадавшие от революции. Но ряды белых борцов всегда пополнялись и будут пополняться совершенно независимо от личного и сословного ущерба, от имущественного и социального убытка. И в наши ряды с самого начала становились и те, кто все потерял, и те, кто ничего не потерял и все мог спасти. И в наших рядах с самого начала были и будут до конца люди самых различных сословий и классов, положений и состояний; и притом потому, что белый дух определяется не этими вторичными свойствами человека, а первичным и основным — *преданностью родине*. Белые никогда не защищали и не будут защищать ни сословного, ни классового, ни партийного дела: их дело — дело России, родины, дело *русского государства*. И самая близна личной воли определяется именно этой способностью — *жить интересами целого*, бороться не за личный прибыток, а за *публичное спасение*, потопить и сословное, и классовое, и партийное дело в *патриотическом и государственном*. И понятно, что те, кто не способен к этому, не выдерживают соблазнов и обсыпаются налево или направо.

Подобно этому, белое дело *никогда не было и не будет* делом «реставрации» и «реакции». Быть может, есть люди, которые желали бы механически поставить все на старое место, но среди нас нет таких людей. Мы не политическая партия и не обязаны иметь выработанную

политическую программу; среди нас есть место людям различных уклонов, оценок и влечений. Но суровая борьба научила нас всех глубже всматриваться в исторические события и трезво учитывать условия реальной жизни. И поэтому мы свободны и от революционных, и от реакционных предрассудков; и то, чего мы желаем для России, это — *исцеление и возрождение, здоровье и величие*, а не возврат к тому недугующему состоянию, из которого выросла революция со всем ее позором и унижением.

Придет время, когда белое движение примет форму патриотического ордена и породит национальную политическую партию. Сейчас это время еще не пришло: белая организация еще оторвана от своего государственного лона; она еще не освободила Россию. И потому она имеет и должна иметь ныне форму *невооруженной армии*, облеченной в ризу «Общевоинского союза»². Эта организация не завершила еще своего исторического испытания. И задача ее ныне состоит в том, чтобы *углубить, очистить и укрепить свой дух, соблюсти свои личные силы и свою организацию, осознать свою идею и пребыть до конца в верности своему знамени*.

Белое дело требует прежде всего *белого духа*. Утратить дух — значило бы утратить все; соблюсти и укрепить его — значит спасти главное и выполнить нашу историческую миссию. Дух может и не иметь политической программы; но он имеет свои основоположения, свои неоспоримые аксиомы. Формулировать эти аксиомы — значит выговорить нашу *идею*. Эта идея редко нами выговаривается; но живет она во всех нас, в нашем чувстве, в нашей воле, в наших поступках. Это значит, *мы живем ею*. И вот, эта жизнь — вера в нее, борьба за нее, смерть за нее — и составляет наше *белое дело*. И нашей главной заботой должно быть ныне то, чтобы белое дело, жившее и до нас, но не раз затеривавшееся в истории России, сохранилось после нас и творчески вошло в жизнь нашей родины. Ибо мы должны быть уверены, что если бы Россию вела белая идея, то не было бы вовсе революционного крушения, и если бы *белые девизы*³ владели русскими сердцами, то Россия и ныне цвела бы во всей своей духовной красоте и во всем своем государственном величии.

По глубокому смыслу своему *белая идея*, выношенная и созревшая в духе русского православия, есть идея *религиозная*. Но именно поэтому она доступна всем русским — и православному, и протестанту, и магометанину, и внеисповедному мыслителю. Это есть идея борьбы за дело Божие на земле; идея борьбы с сатанинским началом в его личной и в его общественной форме; борьбы, в которой человек, мужаясь, ищет опоры в своем религиозном опыте. Именно такова наша белая борьба. Ее девиз: *«Господь зовет, сатаны убоюсь ли?»*

Поэтому если белые берутся за оружие, то не ради личного и частного дела и не во имя свое: они обороняют дело духа на земле и считают себя в этом правыми перед лицом Божиим. Отсюда религиозный смысл их борьбы: она направлена против сатанинского начала и несет ему меч, но внутренне она обращается к Богу и возносит к Нему молитву. Господь не влагает нам в руки меч; мы берем его сами. Но берем мы его не ради себя и сами готовы погибнуть от взятого меча. И из глубины этой духовной трагедии мы обращаем к Нему наш взор и нашу волю. И в жизни наша борьба и наша молитва являются единым делом. Девиз его: *«Моя молитва, как мой меч; мой меч, как молитва»*.

Это означает, что белая идея есть идея волевая. Пассивный мечтатель, колеблющийся, сентиментальный, робкий — не шли и не пойдут в белые ряды. Белый — человек решения и поступка, человек терпения, усилия и свершения. Жизнь есть для него действие, а не состояние; акт, а не стечение обстоятельств. Ему свойственно двигаться по линии наибольшего, а не наименьшего сопротивления. Ему свойственно не созерцать свою цель и не мечтать о ней, а пробиваться к ней и осуществлять ее. Поэтому его девиз: *«Умей желать, умей дерзать, умей терпеть»*. И еще: *«В борьбе закаляюсь, в лишениях крепну»*.

И все это во имя идеала, которому белое сердце предано, во имя которого белая воля напряжена. Жизнь без идеала, жизнь безыдейного авантюриста и карьериста непонятна и отвратительна белой душе. Белый живет чем-то таким, чем поистине стоит жить, стоит потому, что за это стоит и умереть. Этот идеал для него не мечта,

а волевая задача; не предмет пассивного воображения, а предмет живых усилий. Он любит его огнем своей души, и любовь эта может стать грозой. И поэтому девиз его: «Грозная любовь, честная борьба».

Это значит, что белый дух покоится прежде всего на силе личного характера. Люди слабохарактерные и бесхарактерные, ни в чем насмерть не убежденные, с двоящимися мыслями и нецельными желаниями — или не шли в ряды белых, или скоро уходили из них. Напротив, человек с характером всегда находил себе здесь братьев по духу. Характер белого состоит в том, что он предан своей святыне; из нее вырастает его жизненное слово; а за словом его следует его дело. Он верит в то, что исповедует; и делает то, что говорит. От этой цельности — его сила; от этой силы — его самообладание. От цельности и самообладания — его жизненная прямота и его презрение ко всяческим нашептам, ко всякой лжи, кривизне и интриге. И поэтому его девизы гласят: «*Моя святыня, мое слово, мое дело*». И еще: «*Владею собою*». И наконец: «*С поднятым забралом*».

Но всюду, где живет и дышит сила подлинного характера, она несет человеку драгоценные дары: *достоинство, свободу и дисциплину*. И по этим дарам каждый из нас может и должен всегда проверять, насколько его характер уже развился и окреп.

Наше достоинство в том, что мы блюдем в себе нашу святыню. Она — наш духовный Кремль; в служении ей слагается наша жизнь; к ней мы обращаемся в трудные минуты нашей жизни; она дает нам уверенность и силу. Она дает нам способность *быть*, а не *казаться*; и этому девизу мы должны быть верны до конца. Святыня веры и родины — вот наше достоинство и наша честь. И тот, кто имеет ее, тот блюдет себя и свое уважение к себе, сохраняет свое благородство во всех жизненных положениях; и в изгнании, и в черной работе, и в нищете, и в опасности. Ему дорога его *честь*, а не *почести*; таков его девиз, и искушения честолюбия не уведут его на кривые пути.

Наша свобода в том, что мы, согласно великим заветам нашей церкви, сами любим и сами видим то, во что мы верим, как в святыню. Наша святыня живет в нас; мы

преданы ей без всяких приказов и понуждений, без всяких разрешений и запретов. Мы духом не рабы, мы свободны духом — свободны верою, чувством и волею. Поэтому мы и не приняли с самого начала ига революционной черни и коммунистического рабства; но восстали за свободу, которая стала нашим девизом, за священное право *молиться, любить, творить и умереть в свободе*. И это право мы утвердим в России навсегда.

Отсюда, именно отсюда сила нашей белой организации: ибо нет более крепкой, более выдержанной, более неразрушимой дисциплины, чем та, которая рождена свободной убежденностью и силой характера. Этой дисциплине не страшны никакие трудности, никакие искушения, никакие страхи и соблазны. Потому что она питается свободною верою и свободною волею самого дисциплинированного борца. Она родит не слепую покорность, пассивную и двусмысленную, и не послушание за страх, рабское и лукавое, — а за свободное повиновение, за совесть. И такое повиновение покоится на преданности и становится творчеством. Что может превзойти его по силе? И отсюда наш девиз: «*Силен свободным повиновением*».

И весь этот душевный уклад, живущий с большей или меньшей зрелостью в каждом белом борце, сообщает ему то уверенное спокойствие, которое необходимо ему в борьбе и неудачах. Он знает всею силою своей веры и своей воли, что победит то Божье дело, которому он служит, и поэтому «неудача»⁴ есть для него не более чем отсрочка победы; и видимость «поражения» не может его поколебать. Победа есть для него вопрос *правоты*, правоты перед лицом Божиим; а молитва, воля и время довершат дело и рассеют призрак вражьего успеха. Он следует девизу: «*В правоте моя победа*»; и уверенно предвкушает победу в самой своей смерти. Ибо он всегда помнит другой белый девиз, утверждающий, что «*Свободный в жизни силен в смерти*».

Именно такова наша белая борьба за родину. Россия для нас не просто «территория», и не просто «люди», и не только «быт», «уклад» и «мощь». Но это прежде всего национальный сосуд Духа Божия; это наш родной ал-

тарь, и храм, и освященный им кровный дедовский очаг. И потому «родина» есть для нас не предмет бытового пристрастия, а подлинная религиозная святыня. Борясь за родину, мы боремся за совершенство, и силу, и свободу русского духа; а для его расцвета нам нужна и территория, и быт, и государственная мощь. И потому — не бытовой, а религиозный смысл имел для нас всегда наш кличущий девиз: «*Все за родину, всё за родину*».

России — родине и были даны с самого начала наши молчаливые, наши грозные клятвы, когда поколебались основы ее бытия и ее быта. Они были даны там, в донских степях, и в северных снегах, и в сибирской тайге, и в первых одиночках Москвы. Мы ни в чем не изменили с тех пор этим клятвам: они помогли нам найти друг друга; они закалили нас; они сделали нашу армию органом национального достоинства и спасения. И ныне, обертываясь на пройденный путь, мы знаем, сколь верен и мудр наш девиз, утверждающий, что «*Блаженство в верности*».

Могли ли, могли ли мы, должны ли были действовать иначе, чем мы действовали? В час величайшей беды, в час национального крушения и унижения, могли ли мы не встать и не принять на свои плечи бремя, свалившееся на нашу родину? Разве патриот отделим от своего отечества? Разве есть для него жизнь, и солнце, и радость, когда гибнет его родина? Или он может делить с нею годы расцвета и отступаться от нее в часы гибели? Слабы были наши плечи; скудны были наши силы; неясны были наши пути... Но нас вел наш святой, добровольческий девиз: «*Подъемлю доброю волею*», и родина оценит наше белое дело.

Мы верим в это и будем верить до конца; ибо дух народа и совесть народа произносят свой суд тогда, когда действовавшее поколение уходит из жизни и стихает кипение личных страстей, тщеславий и честолюбий; когда беспристрастная история вскрывает архивы, освещает поступки намерениями и вычитывает сокровенный смысл событий. Тогда обнаружится во всей своей полноте наша историческая и идейная правда и Россия не забудет тех, кто пошел за Алексеевым и Корниловым, не

ища для себя ничего и отдавая все, что человеку бывает дорого в личной жизни. Ибо их девиз гласил: *«Любовию ведам, жертвою очищаюсь»*. Что нам отзывы современных недругов, зоилов⁵ и клеветников? Что знают они о наших подлинных побуждениях и целях? Что нам кривые суждения непротивленцев и ханжей, полупредателей и лицемеров? Что знают они о нашей «сухости» и «жестокости», о нашем «бессердечии» и «злобствовании»? Не им дадим ответ; не их суда мы ждем. Наш девиз учит иному; он говорит: *«Служу России, отвечаю Богу»*.

Богу и судьбе было угодно так, чтобы жизнь наша была достигнута великою русскою смутою, имя которой «революция», «гражданская война» и «коммунизм». Не мы вызвали эту смуту; не мы хотели революции; не мы начали гражданскую войну; не мы губили Россию коммунизмом. И, может быть, многие из нас мечтали бы родиться в другую эпоху и служить России иначе. Но жребий был брошен, и притом не нами; предотвратить трагедию было не в наших силах. Мы могли только мужественно принять ее и честно изжить ее в борьбе.

Весь дух этой смуты был тягостен и отвратителен нам. Ибо это был дух жадности и посягательства, зависти и злобы. А наш дух иной, обратный смуте: *«Жертвую, но не посягаю; соревную, но не завидую»*. Перед нами было одно задание, один исход: надо было спасать Россию; надо было избавить ее от духовной заразы; надо было остановить ее распадение. И гражданская война стала для нас духовной неизбежностью. Жалок тот народ, который при таких условиях не нашел бы в себе сил для военного сопротивления... И Россия нашла их в нашем лице. И если бы история вернулась вспять, мы совершили бы опять то же самое... Но не личная ненависть водила нас в бой и не личная злоба; и не мести искали мы. И ныне, предвидя возможное возобновление борьбы, свидетельствуем: не месть, а отрезвление, очищение и примирение несем мы в Россию. Ибо наш девиз: *«Побеждаю, но не мщу»*. Мы не одержимы духом гражданской войны; мы знаем ее гибельность и ее безумие. И никто из нас не прольет в России ни одной лишней капли крови.

Да, белое дело состоит в том, чтобы бороться за родину, жертвуя, но не посягая; утверждая народное спасение и народное достояние, но не домогаясь прибýtка для себя; строя национальную власть, но не подкапываясь под нее; служа живой справедливости, но не противоестественному равенству людей. Мы не верим в справедливость насильственного уравнивания и имущественного передела; мы не верим в целесообразность общности имуществ, в правоту социализма, в спасительность коммунизма. Дело не в бедности, а в том, как справляется дух человека с его бедностью. Дело не в богатстве, а в том, что делает человек со своим богатством. Дело не в бедности и не в богатстве, а в том, чтобы каждый человек мог трудиться: трудясь, строить и приумножать; приумножая, творить новое и делиться с другими. Мы утверждаем естественность и необходимость частной собственности и видим в ней не «грех» и не «стыд», а личное и общественное духовное задание. И потому наши девизы: *«Собственность и творчество; изобилие и щедрость»*.

И мы знаем, что на этих основах будет строиться грядущая, новая Россия.

Она предносится нам *единою*, ибо в центробежном распаде государство не живет, а умирает, не крепнет, а слабеет и гибнет. Она предносится нам *великою* — в качестве и в размере, в духе и в силе, в заданиях и в достижениях. Она предносится нам *примиренною* — установившею мир, терпимость, доверие и уважение среди своих народностей, классов, провинций и сословий. Она предносится нам *возрожденною* — в религии и в просвещении, в правопорядке и в хозяйстве, в семье и в быту. И мы выражаем этот облик в нашем исконном девизе: *«Единая великая, примиренная, возрожденная»*.

Мы не сомневаемся в том, что это грядет и осуществится. Россия была духовно больна перед смутой; революция явилась как обострение и развитие этой болезни. И вот, в страданиях и лишениях открываются глаза и у наших братьев, несших доселе иго коммунистов: идет отрезвление и оздоровление; выдыхается ненависть и истощается зависть; в душах пробуждается патриотизм и гражданственность. Русский в русском опять научается

видеть брата по крови и по духу, а в России — единую и общую мать. Близок тот час, когда все поймут, что у родины нет и не может быть пасынков, что у нее не должно быть обездоленных, бесправных, беззащитных и угнетенных; что русским становится всякий, кто огнем своей любви и своей воли говорит: «Я — русский!» И когда придет этот час, тогда все почувствуют и поймут, что в единстве русского лона — все остальные деления второстепенны или несущественны; что все «классы» и все «партии» — для России, что Россия существует не для классов и не для партий. И тогда победят наши девизы: первый — «Сыны и братья»; второй — «Один за всех, все за одного».

Вне этих основ нет здоровой государственности; и на них будет стоять наша Россия. Знаем, что для этого русские души по обе стороны родного рубежа должны очиститься от предреволюционных недугов и революционных страстей; что они должны погасить в себе старый дух и зажечь новый; что они должны принять по-новому родину как целое и восчувствовать по-новому государственное дело России. И прежде всего усвоить дух *качества* и дух *служения*. Не худшему, а лучшему должен быть открыт путь вверх. Всякий государственный строй, не соблюдающий этого, обречен на гибель. Путь вверх должен быть открыт не тому, кто одержим похотью властвования, а тому, в ком государственная воля и разумение соединяются с обостренным чувством ответственности; не бесчестному демагогу и не бездарному интригану, а мужу служения и совета; не тому, кто ранее чем-то был, а тому, кто ныне способен к несению государственного бремени. Тому, кто умеет обретать свое *достоинство в служении*; кто словом или делом исповедует, что *власть есть бремя* и что *верность долгу есть утешение*. Мы верим, что править Россией и вести ее должны ее лучшие сыны. Отсюда наш девиз: «Дорогу честности и таланту» и еще: «Нами правит лучший».

Будет ли это русский Государь? Доживем ли мы до этого счастья, чтобы его благая и сильная воля всех примирила и объединила, всем дала справедливость, закон-

ность и благоденствие?.. Будет, но не ранее чем русский народ возродит в себе свое древнее умение иметь Царя... А до тех пор мы примем волю и закон от того русского патриота, который поведет Россию к спасению, кто бы он ни был и откуда бы он ни пришел: ему наша сила, ему наша верность, ему наше свободное повиновение за совесть. Ибо он будет живым органом России, орудием ее национального самоспасения.

Пусть в этом деле не проснется дух раздора, тягания, отмщения, требовательности и местничества... Пусть личная жертвенность и государственная амнистия совместно погасят обиды и несправедливости смутного времени. Пусть раскаяние и личная годность дадут исход тому, кто позволил революции увлечь себя; пусть только бывшие «красные» солдаты и офицеры поймут, кому они служат, вспомнят свой долг перед Россией и братски, да, братски воссоединятся с нами; пусть, наконец, всякий русский, живший за рубежом, свободно вернется и найдет свое место в возрождающейся родине. России нужны все ее национальные силы, все ее верные сыны, все, кто несет ей преданность, а не предательство. Все они составляют ее живое достояние; все они должны быть призваны и соблюдены; все должны быть допущены к новому творчеству и строительству. И наш девиз выговаривает это в словах: *«Творю и соблюдаю»*. Ибо в жизни человека и народа новое всегда создается и вырастает из соблюденного старого; и отвергающий свое историческое достояние обессиливает себя самого...

В верном предвидении этого, в крепкой уверенности живут и готовят это возрождение России люди белой идеи. Они знают друг друга; и доверяют друг другу; и доверяют своим вождям. Их основной и последний девиз — *«ЛЮБОВЬЮ И КРОВЬЮ СПЯЯННЫЕ»* — останется до конца их утешением и опорой. Что бы ни случилось еще; какие бы удары ни были еще нанесены белому делу и откуда бы они ни последовали, — эта спайка переживет все и сохранится до конца. Ибо она необходима России. Так, как мы спаялись друг с другом — любовью к родине и кровью на полях чести, — так да спая-

емся мы в будущем с нашими братьями, офицерами и солдатами, ныне имеющими несчастье числиться в красной армии! Так, как мы нашли друг друга в добровольном служении России, в жертвенной борьбе за нее и в свободном повиновении нашим вождям, — так должны найти себя и объединиться все русские люди от земледельца до ученого, от рабочего до художника! Белая идея больше нас: она велика, как Россия, и она должна охватить ее всю. Белое дело не нами началось: оно коренится в исконных русских традициях и оно доступно всем русским сердцам без исключения. Белый дух не нами кончится: он будет вести и строить Россию и тогда, когда нас не будет в живых...

Ибо этот дух не дух части, а дух целого. Этот дух русского национального всеединства. И дело это есть правое дело. И идея эта есть верная идея.

И именно потому — за нами будущее...

БОРЬБА ЗА РОССИЮ

ОСНОВЫ БОРЬБЫ ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ РОССИЮ

1. НА КОГО НАМ НАДЕЯТЬСЯ

Мы должны надеяться на Бога, на духовные силы национальной России и на самих себя, верных Богу и родине. И только; этого довольно и больше надеяться нам не на кого.

И прежде всего, и больше всего — мы должны надеяться на *Божью помощь*, молитвенно призывать ее и укреплять свои души в Божиих веяниях и зовах.

Напрасно иные представляют себе дело так, что между Богом и человеком лежит разобщение, что человек предоставлен в земной жизни своим собственным силам, что Господь есть судия и взыскатель, но не помощник и не источник любви и силы. Если бы люди знали, что *Бог есть Дух*¹, то они поняли бы, что *во всякой человеческой духовности веет живое присутствие Божие*: в совести, в верности и в храбрости, в смирении и в жертвенности, в знании и в науке, в красоте и в искусстве, в дисциплине и в правосознании, в молитве и в богомыслии... И если бы люди знали, что *Бог есть Любовь*², то они поняли бы, что *во всякой искренней любви веет живое дыхание Божие*: в любви ко всякому совершенству, в любви к родителям, к жене, к другу и к детям, в любви к родине и к своему народу, к ближним и ко всякому живому существу. Бог доступен нам и близок нам; от нас зависит призывать его, т. е. укреплять свою слабую силу Его великою Силою, свой дух — Его Духом, свою любовь — Его Любовию. Мы должны помнить, что «всякий, делающий правду, рожден от Него» (1 Ин. 2, 29); и еще, — что «если сердце наше не осуждает нас, то мы имеем дерзновение к Богу, и, чего ни попросим, получим от Него» (1 Ин. 3, 21 — 22). Мы должны быть уверены, что наше дело есть дело самой России, а дело России — правое; правое же дело всегда найдет защиту и помощь у Бога.

Мы должны надеяться, далее, на *духовные силы национальной России*. Тот, кто сомневается в них, пусть изучает русскую историю и пусть увидит, какие природные, про-

странственные и исторические бремена поднял русский народ, создавая на протяжении тысячелетия свое единство, строя свое государство, отстаивая свою веру и творя свою культуру*. Пусть припадет он душою к тем источникам, из которых русский народ черпал свои силы; к его молитве, к его совестным исканиям, к его патриотическому и национальному чувству, к его художественному созерцанию, к его государственной воле, к самобытности его на всех путях жизни. Надо *утвердить свой дух в духе национальной России; надо слить свой инстинкт с русским национальным инстинктом самосохранения*. И тогда нам откроется, что русский народ искони обретал свою силу *через молитву, верность и жертвенное служение*.

И, наконец, мы, русские люди всех племен, всех народностей и всех исповеданий, должны надеяться на себя, *на самих себя и ни на кого другого*. Будет сделано только то, что мы сделаем сами; чего мы сами не сделаем, того не сделает за нас никто другой... Дело освобождения и возрождения России есть наше общее дело, и оно будет выполнено нашими силами и нашими руками. Поэтому нам необходимо усвоить три правила, ввести их в свою душу, как бы в плоть и кровь, и передать их детям и внукам.

Первое: *на чужие силы надеется лишь безвольный человек, а безвольный человек не победит никогда*. Победа безвольного есть пустая видимость. Для него самая победа есть разновидность поражения, которая вот-вот обнаружит всю его немощь. И если он случайно «победит», то он не сумеет взять свою победу, а если он случайно возьмет ее, то не удержит...

Второе правило: *затруднение и неудача ослабляют силу безвольного человека и укрепляют силу волевого*. Волевой человек живет и рассуждает так: «не удалось — значит, мало сил собрал, значит, соберу их вдвое...»; «непреодолимо — значит, боролся не так, как надо, значит, найду верный способ, может быть, недооценивал силы врага, переоценивал свои силы, плохо готовился, мало углублялся, неумело организовывал...» Затруднение за-

* См. мои «Три речи о России». См. также соответствующие статьи в журнале «Русский Колокол», кн. 1 — 9.

ставляет волевого человека извлечь из самого себя еще больше силы, чем он извлекал доселе, но отнюдь не отнимает у него решимости и мужества.

И, наконец, третье правило: *из двух людей к победе ближе тот, в ком сильнее любовь к делу, кому лично нечего терять и кто ничего не боится.* Такой человек борется не «постольку-поскольку», а — без оговорок; не по принуждению, а добровольно; не по должности, а всей душой, не напоказ, а честно и грозно. Он отдает все, чтобы взять все; т. е. чтобы осуществить *всю* свою цель и удержать ее.

Трудно представить себе, что смогут сделать два волевых человека, которые укоренились в Боге и в патриотической верности, которые безусловно верят друг другу и сговорились друг с другом на жизнь и на смерть... А три таких человека? А десять? А тысячи?..

Что же нам нужно?

Глубокая вера в то, что наше дело — правое перед лицом Божиим и что молитвенное очищение души даст нам нужные силы. Сосредоточенная подготовка своей воли и своего умения. Неошибающийся отбор волевых и безусловно доверяющих друг другу людей. Выдержанный, трезвый расчет в борьбе. И неколеблющееся подчинение единому вождю и единому плану.

Вот на что и на кого нам надо надеяться.

2. О РУССКОМ САМОСТОЯНИИ

При свете того мученического костра, на котором горит Россия, мы должны пересмотреть *все* основы нашего государственного быта и нашего национального самочувствия. И первое, чему мы должны научиться, — это *русскому национальному самосознанию.*

Мы должны укрепить в себе и в наших детях и внуках *инстинкт национального самосохранения.* Мы должны научиться слышать его в наших душах и повиноваться его требованиям. Мы должны понять, что все совершившееся с Россией во время великой войны и революции и еще совершающееся на наших глазах, — возникло оттого, что в русском народе временно помрачилось духовное самосознание и временно ослаб инстинкт национального самосохранения, тот самый инстинкт, который увел его

от татар из южных степей в северные леса, который вел политику московских князей, собирателей Руси, который вывел Россию из татарщины и смуты, повел ее за Петром Великим и Ломоносовым, восстал на Наполеона и замирил оружием, колонизацией и культурой одну шестую часть земной поверхности. В этом исторически замедленном, но великом подъеме русский народ обнаружил такую силу и гибкость инстинкта самосохранения, такой государственный смысл и такт, такую способность личного самопожертвования, такое всеперемалывающее и всепобеждающее терпение, такую цепкость, верность себе и самобытность, что сомневаться в его грядущем возрождении могут только совершенно неосведомленные и непомерно жадные иностранцы. Русский народ восстанет и возродится. Но для того чтобы это совершилось, должно быть преодолено то временное *изнеможение его национального инстинкта*, то временное *помрачение его духовного самосознания*, которое привело его к нынешнему состоянию. Гнет коммунистов является, по-видимому, величайшим препятствием для этого; но именно он-то пробуждает, и углубляет, и закаляет русское национальное самосознание, в унижениях и муках подготавливая великий подъем религиозной веры и национального чувства.

Народ с колеблющимся инстинктом национального самосохранения и помраченным духовным самосознанием — не может отстаивать свою жизнь на земле; а заменить этот инстинкт и это самосознание нельзя *ничем*. Народ должен чувствовать в поддонных глубинах своей души свое *единство*, свою неразрывную связь и принадлежность, свою *самобытность и духовную драгоценность своего своеобразия* перед лицом Божиим; он должен чутя свое «мы» и его величие; он должен верить в свои силы, в свою *правду* и свою *богоблагодословенность*. И это чувство и чутье, эта вера и гордость должны будить в нем в роковые исторические часы ту особую природно-инстинктивную «муравьиность» и «пчелиность», без которых ему нельзя отстаивать свое существование на земле.

Здесь нужна не хвастливость, не гордыня и не «мессианская» мания величия. Здесь нужна крепкая *вера*

в Бога и воля к жизни. Здесь необходимо полусознательное, национально-государственное чутье; и чувство собственного достоинства. *Нация есть живая система самоутверждения и самопомощи.* Ей не на что и не на кого надеяться, кроме Бога и своих собственных сил. И после верности Богу у нее нет другого высшего закона, кроме самоподдержания и расцвета духовно-национальных сил. Народ призван блюсти себя сам. Он призван к духовному и государственному *самостоянию*. Он сам должен уметь заклинять свои злые страсти и будить свои благие силы. Он должен помнить, что всяким изнеможением его инстинкта и всяким помрачением его самосознания беззащитно и безжалостно воспользуются все его непоколебавшиеся и непомрачившиеся соседи. Ибо миром международных отношений движет не благородство, не благодарность и даже не правосознание, а интересы и силы народов.

Только самодеятельностью спасаются народы. Только в самостоянии будет жить Россия. Никто ей не поможет. Она должна помочь себе сама: *молитвенным подъемом и действенной волей.*

3. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ

Россия должна прежде всего почувствовать сердцем и волею, а затем восстановить и организовать на деле свое *духовное единство*.

Духовное единство России доказано той великой — самобытной и глубокой — культурой, которая была создана единым русским народом во всем сложном сочетании его национальностей. Эта культура создавалась в течение целого *тысячелетия* на единой, все расширяющейся территории, в единой и общей *равнинной* природе, в едином сурово-континентальном *климате*, под единой *государственной властью и системой управления*, при едином государственном и культурном *языке*, в единой судьбе международных *войн* и *социально-классового, хозяйственно-торгового сотрудничества*. Все это выработало у народов России сходство душевного уклада, подобие характеров, близость в обычаях и, наконец, то *основное единство в восприятии мира, людей и государства*, кото-

рым русские народы без различия племени отличаются от западноевропейских народов.

Из этого единого и общего «материала» жизни и быта *славяно-русское племя*, исповедовавшее христианско-православную веру, создало и выносило *тот самобытный духовно-творческий акт*, которым творилась и создавалась *русская национальная культура*.

Славяно-русское племя исторически вело и государственно строило Россию. Оно никогда не угнетало других, численно меньших племен, но само вынуждено было то свергать их гнет (татарское иго), то обороняться всею силою от их завоевательных вторжений (крымские татары, литовцы, поляки, шведы). Русский народ не жесток и не воинствен; он от природы благодушен, гостеприимен и созерцателен. Но русские равнины были искони со всех сторон не защищены и открыты, и все народы рады были травить их безнаказанно. И поэтому России пришлось провоевать ровно *две трети* своей жизни. Издревле русский пахарь погибал от меча: а русский воин кормился сохой и косою. Замирение и колонизация шли тысячу лет рука об руку*.

Славяно-русское племя, прошедшее Россию через все эти испытания, не отгораживалось от замиренных и присоединенных им племен даже тогда, когда они были совершенно чуждыми ему в расовом отношении, но принимало их постепенно — гражданственно, кровно, культурно и правительственно — в свой состав. Различия не исчезали, но равноправие и душевно-бытовое общение вызывали к жизни духовно-братское единение. Вследствие этого *духовно-творческий акт славяно-русского племени*, не изменяя своей природе, *приобретал все новые горизонты и задания*: чтобы вести Россию, он должен был становиться *все более свободным, гибким, отзывчивым и глубоким*. Его вели: *славянская даровитость и вселенское дыхание русского Православия*. И когда он окреп и развернул свое творчество, то оказалось, что Россия есть не пустое слово и не просто единое государство, но *система*

* См. мои «Три речи о России». См. в «Русском Колоколе» статьи Б. А. Никольского: № 3 — «Воины России», № 5 — «Русская колонизация».

духовного единства, создаваемая единым, русско-национальным духовным актом.

Этот единый акт есть по глубине и гибкости своей национальный акт для всех племен России: все они найдут себе в нем творческий исход и родную стихию. Он собрал все их различные творческие струи и, впитав их, уместил, угнездил их в себе. Этим он их принял, освободил и оформил. И всякий сын России, владеющий русским языком, найдет себе в русской вере, в русской добродетели, в русской песне и музыке, в русской живописи и архитектуре, в русской науке и философии, в русском праве и правосознании — такие пути жизни и такие формы творчества, которых никогда не даст ему ни один чужой народ.

Это *духовно-культурное* единство России завершается ныне, как и встарь, ее *территориально-политическим* единством, ее *общей международно-военною* судьбою и ее *хозяйственно-производительною* и *торговою* принадлежностью. Россия не выдумана дерзким завоевателем подобно империи Наполеона; она не есть недавно и наскоро построенная федерация подобно Штатам Северной Америки. Она есть живой, духовно и исторически сложившийся *организм*, который при всякой попытке раздела и из всякого распада вновь восстановится таинственной, древней силой своего духовного бытия.

4. ЧТО ДАЛО РОССИИ ПРАВОСЛАВНОЕ ХРИСТИАНСТВО

Национальная духовная культура творится из поколения в поколение не сознательной мыслью и не произволом, а целостным, длительным и вдохновенным напряжением всего человеческого существа; и прежде всего *инстинктом* и *бессознательными, ночными силами души*. Эти таинственные силы души способны к *духовному* творчеству только тогда, если они озарены, облагорожены, оформлены и воспитаны *религиозной верою*. История не знает культурно-творческого и духовно-великого народа, пребывавшего в безбожии. Самые последние дикари имеют свою веру. Впадая в безверие, народы разлагались и гибли. Понятно, что от совершенства религии зависит и высота национальной культуры.

Россия была искони страной православного христианства. Ее творчески ведущее национально-языковое ядро всегда исповедовало православную веру*. Вот почему дух Православия всегда определял и ныне определяет столь многое и глубокое в строении русско-национального творческого акта. Этими дарами Православия в течение столетий жили, просвещались и спасались *все* русские люди, все граждане Российской империи, — и те, которые о них забывали, и те, которые их не замечали, от них отрекались или даже их поносили; и граждане, принадлежавшие к инославным исповеданиям или инородным племенам; и другие европейские народы за пределами России.

Для исчерпывающего описания этих даров понадобилось бы целое историческое исследование. Я могу указать на них лишь кратким исчислением.

1) Все основное содержание христианского откровения Россия получила от православного Востока и в форме Православия на греческом и славянском языках. «Великий духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В этой священной стихии исчез и обновился мир» (Пушкин). Эту священную стихию — крещения и облечения во Христа Сына Божия — русский народ переживал в Православии. Оно было для нас тем, чем оно было для западных народов до разделения церквей; оно давало им то, что они впоследствии утратили, а мы сохранили; за этим утраченным духом они начинают ныне обращаться к нам, потрясенные мученичеством Православной церкви в России.

2) Православие положило в основу человеческого существа *жизнь сердца* (чувства, любви) и исходящего из сердца созерцания (видения, во-ображения). В этом его глубочайшее отличие от католицизма, ведущего веру от *воли к рассудку*, — и от протестантизма, ведущего веру от *разума к воле*. Это отличие, тысячу лет определявшее

* См., например, статистические данные Д. Менделеева «К познанию России», с. 36 — 41, 48 — 49. К началу XX века Россия насчитывала около 66% православного населения, около 17% неправославных христиан и около 17% нехристианских религий (около 5 миллионов евреев и около 14 миллионов тюркско-татарских народов).

русскую душу, останется навеки; никакая «уния», никакое «католичество восточного обряда», никакое протестантское миссионерство — не переделает православную душу. Весь русский дух и уклад оправославлены. Вот почему когда русский народ творит, то он ищет *увидеть* и *изобразить любимое*. Это основная форма русского национального бытия и творчества. Она возвращена Православием и закреплена славянством и природой России.

3) В нравственной области это дало русскому народу живое и глубокое *чувство совести*, мечту о праведности и святости, верное осознание греха, дар обновляющего покаяния, идею аскетического очищения, острое чувство «правды» и «кривды», добра и зла.

4) Отсюда же столь характерный для русского народа *дух милосердия* и всенародного, бессловного и сверхнационального *братства*, сочувствия к бедному, слабому, больному, угнетенному и даже преступнику*. Отсюда наши нищелюбивые монастыри и Государи**; отсюда наши богадельни, больницы и клиники, создававшиеся на частные пожертвования.

5) Православие воспитывало в русском народе тот *дух жертвенности, служения, терпения и верности*, без которого Россия никогда не отстоялась бы от всех своих врагов и не построила бы своего земного жилища. Русские люди в течение всей своей истории учились строить Россию «целованием Креста» и почерпать нравственную силу в молитве. *Дар молитвы есть лучший дар Православия*.

6) Православие утвердило религиозную веру на *свободе* и на *искренности*, связав их воедино; этот дух оно сообщило и русской душе, и русской культуре. Православное миссионерство стремилось приводить людей «на крещение» — «любовью», а «никак не страхом»***. Именно отсюда в истории России этот дух религиозной и национальной терпимости, который инославные и иноверные

* См., например, у Достоевского: «Дневник писателя за 1878 г.», статья III «Среда» и статья V «Влас».

** Ср., например, у И. Е. Забелина: «История города Москвы», с. 431 — 432 и др.

*** Из наставления Митрополита Макария первому казанскому архиепископу Гурию в 1555 г. См. «Русский Колокол», кн. 2, с. 42. Статья И. И. Лаппо. Исключения только подтверждают основное правило.

граждане России оценили по достоинству лишь после революционных гонений на веру.

7) Православие несло русскому народу все дары христианского *правосознания* — волю к миру, к братству, справедливости, лояльности и солидарности; чувство достоинства и ранга; способность к самообладанию и взаимному уважению — словом, все то, что может приблизить государство к заветам Христа* .

8) Православие вскормило в России чувство *ответственности* гражданина, чиновника и Царя пред Богом, и прежде всего упрочило идею призванного, помазанного и Богу служащего монарха. Благодаря этому тиранические государи были в истории России сущим исключением. Все гуманные реформы в русской истории были навеяны или подсказаны Православием.

9) Русское Православие верно и мудро разрешило труднейшее задание, с которым почти никогда не справлялась Западная Европа, — найти правильное соотношение между *церковью и светскою властью*** , взаимное подержание при взаимной лояльности и взаимном непосягании.

10) Православная монастырская культура дала России не только *сонм праведников*. Она дала ей ее летописи, т. е. положила начало русской *историографии* и *русскому национальному самосознанию*. Пушкин выражает это так: «Мы обязаны монахам нашей историей, следственно и просвещением»*** . Нельзя забывать, что православная вера долго считалась в России истинным критерием «русскости».

11) Православное учение о бессмертии личной души**** , о повиновении высшим властям за совесть, о христианском терпении и об отдаче жизни «за други своя» дало *русской армии* все источники ее рыцарственного, лично бесстрашного, беззаветно послушного и всепреодоле-

* См. ниже главу шестнадцатую.

** См. ниже главу двенадцатую. Имеется в виду допетровская Россия.

*** Пушкин, «Исторические замечания», 1822 г.³

**** Утраченное в современном протестантизме, толкующем «вечную жизнь» не в смысле бессмертия личной души, которая признается смертной.

вающего духа, развернутого в ее исторических войнах и особенно в учении и в практике А. В. Суворова и не раз признававшегося неприятельскими полководцами (Фридрихом Великим, Наполеоном и др.).

12) Все русское искусство изощло из православной веры, искони впитывая в себя ее дух — дух сердечного созерцания, молитвенного парения, свободной искренности и духовной ответственности*. Русская живопись пошла от иконы; русская музыка была овеяна церковным песнопением; русская архитектура пошла от храмового и монастырского зодчества; русский театр зародился от драматических «действ» на религиозные темы; русская литература пошла от церкви и монашества.

Все ли здесь исчислено? Все ли упомянуто? Нет. Здесь еще не сказано о православном старчестве, о православном паломничестве, о значении церковно-славянского языка, о православной школе, о православной философии. Но всего здесь и нельзя исчерпать.

Все это и дало Пушкину основание установить как незыблемую истину: «Греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер»**.

Таково значение православного христианства в русской истории. Вот чем объясняются те лютые, исторически неслыханные гонения на Православие, которые оно претерпевает ныне от коммунистов. Большевики поняли, что корни русского христианства, русского национального духа, русской чести и совести, русского государственного единства, русской семьи и русского правосознания — заложены именно в православной вере, поэтому они пытаются искоренить ее. В борьбе с этими попытками русский народ и Православная церковь выдвинули целые сонмы исповедников, мучеников и священномучеников; и в то же время возродили религиозную жизнь эпохи катакомб — всюду, в лесах, в оврагах, в селах и городах. За двадцать лет русский народ научился сосре-

* См. у Гоголя «В чем же наконец существо русской поэзии?». А также «О лиризме наших поэтов». Ср. мою книгу: «Основы художества. О совершенном в искусстве».

** Пушкин, «Исторические замечания», 1822 г.

доточиваться в молчании, очищать и закалять свою душу перед лицом смерти, молиться шепотом, организовывать церковную жизнь в гонениях и закреплять ее в тайне и тишине. Закладывается фундамент новой России: она будет строиться на священной крови и на молитвенных слезах.

И ныне, после двадцати лет гонения, коммунисты должны были признать (зимой 1937 г.), что одна треть городских жителей и две трети сельского населения продолжают открыто верить в Бога. А сколько из остальных веруют и молятся *втайне*?..

Гонения пробуждают в русском народе новую веру, полную новой силы и нового духа. Страдающие сердца восстанавливают свое исконно древнее религиозное созерцание. И Россия не только не уйдет от Православия, как надеются ее враги на Западе, но укрепитя в священных основах своего исторического бытия.

Последствия революции преодолеют ее причины.

5. ТВОРЧЕСКИЕ УРОКИ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Для того чтобы увидеть будущую Россию и верно пойти ей навстречу, мы должны глубоко вдуматься и вчувствоваться в русское историческое развитие, как бы подслушать *законы и формы русского национального бытия* и сделать соответствующие выводы. Эти выводы будут приблизительно таковы.

1. Для того чтобы русская жизнь духовно цвела, вера должна быть в России свободна*, а церковь — не подчинена государственной власти. Только свободная вера искренна; только искренняя вера цельна и сильна; только цельная и сильная вера воспитывает людей и вдохновляет их творчество.

2. Для того чтобы религиозно воспитать народ, христианская церковь должна преодолеть в себе склонность к сентиментальному непротивленчеству и преклонение перед западным богословием. Православная церковь,

* Это не относится к учениям сатанинским, противоестественным и противогосударственным.

строившая Россию, была мироприемлюща и национальна; она не отвергала государства и блюла верные и мудрые пути *восточного* православия.

3. Русский народ справится с историческим бременем и опасностями только тогда, если это бремя будет несомо *всеми*. Все русские люди должны быть вовлечены в судьбу и в борьбу своего отечества. Это участие совсем не должно выражаться непременно в «демократических голосованиях», в которых обычно своекорыстные люди противогосударственно отвечают на непонятные вопросы. Это участие должно выражаться во внутреннем отношении к России и в вытекающих из него организованных действиях. Каждый русский человек должен любить свою родину, видеть сердцем и волею ее пути, принимать правосознанием ее законы и ее власть и искать жертвенного служения России на законных путях. Задача власти — открывать и подсказывать эти пути гражданам. В этом — основная задача будущего русского государственного устройства.

4. Государство совсем не есть сочетание насилия и коварства, свирепости и обмана. Корень его жизненности — *внутри* человека, в его *правосознании*. Поэтому в душах должно воспитываться от малых лет и на протяжении всей жизни здоровое правосознание, приемлющее *за совесть* правопорядок, законы и власть. Правосознание есть крепчайший цемент государства, источник его силы и расцвета.

5. Россия будет творить свою культуру и цвести только тогда, если в русских людях сложится сильный, духовный и дисциплинированный характер. Бесхарактерная Россия будет подкуплена, обманута, разложена и завоевана другими народами. Русскому человеку необходимы — закон, мера и форма. Его величайшая опасность — разнуздание и всесмешение* .

6. Никакое государство не может строиться без жертвенности. К России, с ее опасностями и затруднениями, это относится с особенной силой. Но это распределение жертв между сословиями и классами *должно быть равно-*

* См. мои брошюры «Три речи о России» и «Творческая идея нашего будущего».

мерным, посильным и братским. Абсолютная справедливость неосуществима; но у всех граждан должна быть живая уверенность, что справедливость ищется искренно всенародно и правительственно.

7. Россия многонациональна и многоисповедна. Без взаимного братского признания и уважения, без культурной автономии и терпимости Россия не сможет объединиться и окрепнуть.

8. Русский человек даровит и предприимчив. Его творческая инициатива должна быть не скована, а освобождена и поощрена. Достаточно вспомнить историю русской колонизации; историю русского казачества; историю русской торговли; введение подушной подати Петром Великим, развязавшее на сто лет запашку земли; земельную реформу Столыпина...

9. Россия при ее объеме и составе не будет существовать под слабой государственной властью, чем бы эта слабость ни вызывалась: безволием правителя, противодействием партий или международной зависимостью. Русская государственная власть или будет сильной, или ее не будет вовсе. Но эта власть должна быть в то же время — не бюрократической, не централизованной, не далекой от населения и не грубо-насильственной. Она должна быть ответственной и творческой; с дальнозоркой, большой идеей, с чистыми руками и с жертвенным служением.

10. Россия искони велась и строилась своими законными монархами. Ее история отмечает республиканскую форму правления *два раза* — московская «семибоярщина» в эпоху Смуты (1609 — 1612) и современное нам революционное бедствие (1917 — 1938?). Это означает, что *Россия становилась республикой только в периоды разложения и провала.* Русская политика велась князьями и государями в период домонгольского киевского расцвета, в эпоху татар и освобождения от них, в эпоху возвышения Москвы, в эпоху возвышения Петербурга, в эпоху имперского и императорского объединения России, в эпоху освобождения крестьян и предреволюционного роста. Это историческое сопоставление говорит само за себя.

11. Историческая задача верховной власти в России была и будет всегда одна и та же: властно внушаемая сверху солидаризация всего народа вопреки сословному и классовому явлению; организация России в *духе братской корпорации* и в то же время в *форме отеческого учреждения*; патриотическое объединение русских людей и народностей на основах веры в Бога, верности, чести, служения и жертвенности при постоянном привлечении творчески сильных и идейно талантливых людей снизу.

12. Россия может быть сильна и свободна только тогда, когда духовно и государственно на высоте ее ведущий слой (духовенство, офицерство, чиновничество, интеллигенция). Крушение ведущего слоя означает всегда крушение здоровой государственности и распад страны. Так всегда было, так всегда и будет.

13. России необходимо, чтобы ее *средний слой* был многочислен, состоятелен, патриотичен и организован. России необходимо, чтобы ее *крестьянство* владело землей на праве частной собственности; чтобы оно имело гражданское полноправие; чтобы оно вело интенсивное хозяйство. России необходимо, чтобы ее *рабочее сословие* было братски поставлено в достойные — духовные, материальные, жилищные, оседлые и семейные — условия жизни.

14. Жизнь России требует, чтобы все стояли за каждого, а один за всех; чтобы правительство и армия были неотрывны от народа, а народ от них; чтобы национальный инстинкт самосохранения чувствовал себя духовно правым и религиозно благословленным.

Таковы творческие уроки русской истории.

6. ВНЕШНИЕ ПРИЧИНЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Причины русской революции глубоки и сложны. Не следует ни замалчивать их, ни упрощать. Напротив, тот, кто хочет бороться за Россию, должен тщательно и всесторонне продумать их...

Но это не значит отыскивать виновников и карать их.

Дело не в наказании и не в мести. Кто из нас самих во всем прав и безошибочен? А революция уже оказалась неслыханным по суровости мучительным наказанием.

Наказаны все: и богатые, и средние, и бедные; и социалисты, и либералы, и правые; и народ, стонущий под игом коммунистов; и эмиграция, рассеянная по лицу земли, нищая и униженная. А ныне наказуются уже сами коммунисты, ненавистные всему народу, проклятые в истории и сами изобретшие для себя унижительные судьбища, пытки и казни; они будут терзать друг друга до конца, пока гнев народа не смоеет их в бездну. Историческое возмездие неизбежно и неотвратимо; и только злобные и мстительные натуры могут предвкушать его и требовать новых потоков крови, которые прольются и без их требования.

Итак, за Россию отвечаем перед Богом мы все, все условия, все партии, все поколения, весь народ. Одни виновны в своекорыстии и жадности; другие в доктринерстве и заблуждениях; третьи в трусости и сентиментальности; четвертые в прямой измене; пятые в беспочвенном бахвальстве, заносчивости и непредметном образе действий. Все виновны и в неверном делании, и в пассивном неделании...

Но суть дела не в *виновниках*, а в причинах. Причины же — не личные, а *общие*.

Говоря о причинах русской революции, надо иметь в виду причины *внешнеевропейские* и *внутрирусские*. Начнем с первых.

1. Русская революция есть *последствие* и *проявление* *глубокого мирового кризиса*, переживаемого всеми странами, каждую по-своему. Этот кризис грозит всем народам. Он назревал давно, но большинство не видело его и не разумело. Сущность его в *засилии материи* и в *бессилии духа*.

Человек призван от Бога к духовной власти над своею *душою* и над миром *материи*. Эту власть западноевропейское человечество постепенно утрачивает.

Оно утрачивает власть над *душою* потому, что перестает верить в ее *самостоятельное бытие* и пренебрегает ее глубокими *бессознательными истоками*. В древности человек владел душою при помощи *магии*. В христианскую эпоху он научился владеть ею через *божественное откровение* и *веру*. Ныне человек отверг и магию, и религию, и притом потому, что отверг и самую душу: он считает себя

существом *материальным* и живет *суевериями*. Дух отмирает в нем; душа пренебрежена и запущена: ее ведут интересы, страсти и произвол. В человеке торжествует *материя* и *чувственный инстинкт*.

Но именно поэтому современное человечество утрачивает и власть над *материей*. Технические науки открывают перед ним *чрезмерные возможности*, которые человек не успевает ни продумать, ни подчинить высшим целям своей жизни. Материально современный человек *может слишком много*; душевно — *слишком мало*; духовно — *почти ничего*. Он подобен ребенку, играющему с огнем, или обезьяне, жонглирующей динамитными бомбами. Материя становится самозаконной силой и увлекает человека в пропасть.

Так современное человечество затеяло и войну 1914 года, которая была ему не по силам. Так оно приближается и ныне к новой войне. Испытания и соблазны нарастают; для слабого духом жизненное бремя становится непосильным; техника изобретает душепотрясающие средства разрушения; духовные устои и удержки слабеют...

Русская революция возникла именно из такой диспропорции: испытаний, соблазнов и нервных потрясений, с одной стороны, и духовной неподготовленности — с другой. Эта диспропорция была выношена в Западной Европе и навязана ею нам *в виде войны*. Революция пришла в Россию в форме *военного крушения*.

2. Русская революция есть проявление современного *религиозного кризиса*: это есть попытка осуществить *антихристианский общественный и государственный строй*, задуманный в нравственном отношении Фридрихом Ницше, а хозяйственно и политически — Карлом Марксом. Эта *зараза антихристианства* была принесена в Россию с Запада.

Западный европеец постепенно утрачивает веру в Бога и во Христа. Истоки этого безверия восходят к эпохе Возрождения (XIII—XV вв.) и к эпохе Реформации (XVI в.). Французские «энциклопедисты» (половина XVIII в.) как бы подводят итоги прежним «завоеваниям» безбожия и материализма. Французская революция явилась первым практическим проявлением их учения. Наполеоновские войны

разнесли этот дух по всей Европе. «Просвещение» стало равнозначным материализму, отвлеченно-рассудочному мышлению, безверию и безбожию. Великие системы немецкой идеалистической философии (Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля) пытались противостать этому безбожному духу и найти *философический* путь к Богу. Но учения их были непонятны даже современной им интеллигенции, а народу они не могли дать почти ничего. К тому же они были быстро извращены в сторону окончательного безбожия, материализма и прямого нигилизма (Бауэр, Фейербах, Штраус, Штирнер, Маркс). Во вторую половину XIX века эта атмосфера захватывает широкие круги западного общества и все более сгущается: повсюду *торжество чувственного опыта, плоского рассудка, материализма и безбожия*. Новое протестантское богословие питает дух сомнения и все более суживает сферу христианской веры. Запад теряет Христа. Фридрих Ницше начинает прямое восстание против христианства во имя «нестыдящегося варвара», во имя (буквально!) «дикого», «злого», «преступного» человека*. В то же время этот новый враг христианства получает политическую и хозяйственно-общественную программу, а также и организацию от Карла Маркса... Яд готов. Ему нужно еще отстояться, перебродить и найти массу последователей. Он будет применен *в точке наименьшего сопротивления*. Этой точкой оказалась военно-переутомленная Россия, не выработавшая в себе этого яда, но именно поэтому не выработавшая и *необходимых отпорных противоядий для него*.

3. Итак, русская революция есть первый *опыт применения* западноевропейской программы экономического материализма и интернационального коммунизма. Россия стала как бы *опытным полем*, где жизненно насаждается безбожная и противоестественная химера, выдуманная на Западе, для разрешения европейского социально-

* Ср. Friedrich Nietzsche Werke, в изд. «Bong». Том VII, «Ecce Homo», с. 80, 86 — 87, 95, 96, 101, 141, 146, 147. «Der Antichrist», с. 12, 28, 29. «Wille zur Macht», с. 151, 152, 154, 158, 161, 163, 166, 175, 177, 179, 195, 200, 203, 209 — 210, 230, 234 — 235, 236, 239, 323, 326, 329, 341 — 344, 359, 365, 381, 389.

хозяйственного кризиса. Надо изумляться, с какою готовностью и безответственностью, с каким отсутствием патриотизма и достоинства русская революционная интеллигенция предоставила Россию западноевропейским экспериментаторам и палачам...

Открытия естествознания (пар, электричество и др.) и практическое использование их в промышленной технике вызывают в XIX веке великий переворот в промышленности и в строении общества. Промышленность становится машинной и фабричной; машина подавляет ручной труд; образуется промышленный и торговый капитал, с одной стороны, и всевозрастающий класс наемных рабочих, с другой*. Развивается мировой торговый оборот, слагается биржевой капитал со всеми его соблазнами и злоупотреблениями. Население Европы численно возрастает и уплотняется. Начинается погоня за рынками и колониями. Возникают две враждебные силы: *мировой капитал* и *мировой пролетариат*. Каждое государство оказывается *вооруженным хозяйственным предприятием* и конкурирует — и хозяйственно, и национально, и политически, и военно — с другими государствами. И в то же время каждое государство *раздирается внутренними противоречиями*: и хозяйственными (борьба капитала и пролетариата, борьба промышленности и земледелия, борьба торговца и потребителя), и национальными (борьба национальностей и «меньшинств»), и политическими (республиканцы против монархистов, демократы против консерваторов, социалисты против буржуазных партий, клерикалы против светских партий), и религиозно-исповедными.

В этой атмосфере *назревающей социальной революции* и выдвинулась социалистическая программа. Коммунизм же есть не что иное, как последовательно и безоглядно проведенный социализм. Так, *Россия становится жертвою мирового капитализма и мирового социализма...*

4. Русская революция началась, однако, не во имя коммунизма, а во имя *демократии* и *республики*: она готовилась как *политическая* революция, которая

* Статистические данные о европейском пролетариате приведены в «Русском Колоколе», № 4.

должна водворить в России «свободу», «равенство» и «народоправство». Императорскую Россию расшатывали и подрывали, чтобы насадить в ней западноевропейские формы жизни, уже приведшие Европу к тупику и кризису.

Европейский политический кризис состоит, во-первых, в том, что в людях *вырождается правосознание*: оно оторвалось от своих *религиозных корней* и от христианского духа; и поэтому оно все более впадает в беспринципность и формализм; а это ведет к разнузданию правовой жизни, ко всеобщей деморализации и к социальному распылению. Правосознание отрывается постепенно и от *любви к родине*; в наши дни мир кишит людьми, которые или действительно не считают ни одну страну своею родиною, или же пытаются уверить себя, что они «интернационалисты».

Европейский политический кризис состоит, во-вторых, в том, что *демократически-парламентарный* строй медленно, но верно разлагает государственную машину, ослабляет государственную власть, понижает уровень правящей элиты и подрывает государственное единение партийной рознью. Все эти проявления и последствия демократически-парламентарного строя могли быть только вредны для России: они могли только развязать центробежные силы в стране, ослабить государственную власть, вызвать к жизни неслыханную демагогию, обострить классовую борьбу, создать угрозу гражданской войны и расшатать и ослабить Россию во всех отношениях — национально, хозяйственно и военно.

В действительности Россия нуждалась в *мире*, религиозном и государственном, в *воспитании народных масс*, в *закреплении и углублении аграрной реформы Столыпина* и в *развитии производительных сил*. Главные опасности ее были: *война и революция*.

5. Европейский кризис был делом, чуждым России. Европейская война была делом, крайне опасным для нас. Мы имели иные задания; мы боролись с иными затруднениями.

Рассудочное, *материалистическое «просвещение»* еще не проникло в толщу русского народа; оно заразило только русскую интеллигенцию — и то не всю, не до

конца, и преодоление этой заразы было уже в ходу. Россия таила в себе великие запасы религиозной веры, что она и доказала во время коммунистических гонений на церковь. Русской интеллигенции предстояло великое задание — найти верное сочетание веры и знания и избежать того безбожия, которое разъедало европейскую культуру. К началу XX века этот поворот от *рассудка* к *верующему разуму* уже наметился в русской интеллигенции.

Хозяйственный кризис имел в России совсем иную природу, чем в Европе. Капитализм в России только еще зародился, и размеры русского «капитала» по сравнению с европейскими странами, а тем более с Соединенными Штатами, были просто детскими. Россия была страной сельскохозяйственной; и промышленного пролетариата в ней было сравнительно ничтожное количество. В «колониях» Россия нисколько не нуждалась: она еще не проработала своих собственных внутренних пространств и богатств. Вывоз и ввоз ее за последние 14 лет перед войною почти удвоились; вопрос о рынках сбыта мало беспокоил ее. Территориальные приобретения были ей решительно не нужны. Вопрос о черноморских проливах был делом далекого будущего. Участие в европейской войне, где, в сущности, за мировую гегемонию боролись Англия и Германия, ничего не обещало ей.

Политический кризис в России смягчался перед войною; он утратил свою остроту с тех пор, как благодаря Столыпину началась творческая работа Государственной Думы. Россия нуждалась больше всего в длительном *мире*, в *развитии своих производительных сил*, в установлении *прочного правопорядка* и расцвете своего *духовного творчества*. Как страна технически отсталая, хозяйственно экстенсивная, не проработавшая еще ни своих душевных, ни своих хозяйственных возможностей, она не могла принимать участия в борьбе европейских стран, которые *отчасти именно поэтому* торопились и ускорляли эту войну.

6. Вступая в 1914 году в великую войну, Россия имела единственного истинного друга — маленькую, но героическую Сербию. Только Сербия видела великие задания России; только она им сочувствовала; только для нее Россия была не «*просто средством*» и не просто *объектом* или *жертвою*.

Запад *никогда не знал Россию и не понимал ее*. Не зная ее и ее языка, не чуя ее духа, он верил всякому вздору о ней и сам сочинял и распространял этот вздор. Европа боялась России, не любила ее и презирала ее. За последние 100 лет она всегда была готова навредить ей, ослабить и оклеветать ее. Запад интересовался Россией лишь в торговом и военном отношении; да разве еще в смысле возможного расчленения или подчинения ее. Следуя тайным указаниям европейских политических центров, которые будут впоследствии установлены и раскрыты исторической наукой, Россия была *клеветнически ославлена на весь мир* как «оплот реакции», как гнездо деспотизма и рабства, как рассадник антисемитизма, как колосс на глиняных ногах. Движимая враждебными побуждениями, Европа была заинтересована в военном и революционном крушении России и помогала русским революционерам укрывательством, советом и деньгами. Она не скрывала этого. Она сделала все возможное, чтобы это осуществилось. А когда это совершилось, то Европа под всякими предложениями и видами делала все, чтобы помочь главному врагу России — советской власти, выдавая ее и принимая ее за законную представительницу русских державных прав и интересов.

Таким образом, русская коммунистическая революция была гибельным даром Запада — Востоку, а затем и всему миру. Она есть плод европейского духовного разложения; продукт европейского хозяйственно-социального кризиса; результат европейского политического «просвещения»; последствие европейской войны за рынки и за мировую гегемонию. Она есть детище европейского безбожия, европейского распада и европейского империализма.

7. ВНУТРЕННИЕ ПРИЧИНЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

К внешним причинам присоединились внутренние. Ни те ни другие сами по себе не были *достаточными* причинами, но вместе они довершили беду, и катастрофа разразилась.

В отличие от Франции, переживавшей перед своей большой революцией период упадка, Россия переживала

в царствование Императора Николая Второго период бурного роста и расцвета*.

За двадцать лет (1894 — 1914) население ее увеличилось на 40%; урожай хлебов возрос в одной Европейской России на 78%; количество рогатого скота возросло на 64%; количество добываемого угля увеличилось на 300%; нефти — на 65%; площадь под свеклой увеличилась на 150%, под хлопком — на 350%; железнодорожная сеть возросла на 103%; золота в Государственном Банке прибавилось на 146%. Бюджет Министерства народного просвещения увеличился на 628%, число обучающихся в низших учебных заведениях возросло на 96%, в средних — на 227%, в университетах — на 180%. Россия бурно строилась и расцветала; темп этого строительства значительно, иногда во много раз, опережал рост населения и мог соперничать с темпами Канады. Каждое следующее поколение имело бы все лучшие и лучшие условия жизни. Главный и труднейший из ее внутренних вопросов — аграрный — мирно разрешался. Помещичьи хозяйства, поскольку они были нежизнеспособны, таяли и скупались при содействии государства крестьянами. Перед самым началом революции крестьяне составляли около 80% всего населения страны. И вот, 79% земель сельскохозяйственного назначения принадлежало трудовому крестьянству** и только 21% этих земель можно было причислить к «капиталистическому» землевладению. В то же время великая аграрная реформа Столыпина постепенно, но чрезвычайно успешно рассасывала хозяйственно и психологически застойную сельскую общину, укрепляя в крестьянстве личную собственность на землю, насаждая хуторское землевладение и *развязывая великие запасы творческой инициативы во всей России****.

* См. подробную статистическую сводку С. С. Ольденбурга в № 1 «Русского Колокола». В основе этой сводки лежат данные объективного и очень осведомленного английского источника.

** Считая участки до 50 десятин. См. подробные данные у лучшего знатока аграрного вопроса в России проф. В. А. Косинского: «Русский Колокол», № 4.

*** См. мою статью «Будущее русского крестьянства» в № 3 «Русского Колокола».

Итак, Россия шла на всех парах к великому подъему и расцвету. Этот подъем был сорван войной и революцией. В чем же причина этого срыва?

1. Великая европейская война (1914 — 1918) была для всех воюющих стран страшным потрясением, грозным историческим экзаменом. России пришлось приступить к нему в состоянии *не готовом*, в период неподготовленности армии и флота (после японской войны), в эпоху хозяйственного переустройства, в эпоху духовного и политического брожения, в эпоху ослабления императорской власти, в эпоху технической отсталости. Все эти условия до крайности затрудняли военную победу. Война должна была неминуемо проявить все технические затруднения и все хозяйственные неустройства; а военные неудачи грозили вызвать всеобщий упадок духа и обострить душевно-духовный и политический кризис в стране. Это и совершилось.

2. Духовный кризис, проявившийся во время войны, состоял в том, что *русское всенародное правосознание не стояло на том уровне великодержавия, который был необходим России*. Так было и в народной массе, не постигавшей ни разумом, ни волею великодержавных задач, затруднений и опасностей России, и в интеллигенции, предавшейся сентиментальным мечтам, политическому радикализму и хозяйственно-социалистическим утопиям. Борься за русское самостояние и за историческое единство России такое правосознание могло только *при большом подъеме духа, при непоколебимости монархической формы и при отсутствии тяжелых неудач на фронте*.

3. Это можно было бы выразить еще так: *русский духовный характер оказался не на высоте тех национальных задач, которые ему надо было разрешать*. В нем не оказалось надлежащей *религиозной укорененности, непоколебляющегося чувства собственного духовного достоинства, волевой самодисциплины, отчетливого и властного национального самосознания*. Все это имелось налицо; но не в дос-

* См. об этом мои опыты: «Основные задачи правоведения в России». Публичная речь, произнесенная в Москве в 1922 году. «Русская мысль», Прага, 1922, кн. VIII — XII. А также «Творческая идея нашего будущего», 1937.

таточной силе и распространенности. Почему? Вследствие ряда исторических причин: вследствие недостаточной просвещенности простонародной души светом Евангелия и светом исторически-национального видения; вследствие зараженности русской интеллигенции безбожием и революционностью; вследствие сравнительной молодости и отсталости русского образования; вследствие двух-половиною-векового татарского ига; вследствие непрерывных и трудных войн за последние 400 лет; вследствие великих бунтов — Смуты, Разинщины и Пугачевщины; вследствие непреодоленности сословных обид эпохи крепостного права; вследствие многонационального состава русского народа; вследствие всех трудностей смешанной азиатской крови, равнины и климата...

Русскому народу пришлось принять на свои плечи бремя великодержавия до того, как созрел окончательно его характер, до того, как окрепло его государственное и национальное самосознание. Нам пришлось нести все бремя азиатского тыла и материкового пространства и в этой войне. И русский характер поколебался. России, стране экстенсивной и технически отсталой, пришлось воевать со странами интенсивными и технически передовыми. Время работало на Россию; но время требовало выдержки, а ее не хватило.

4. За последние два века *Православная церковь* утратила свою независимость от государства и от его великодержавного аппарата. Это отразилось и на ее самосознании (она привыкла служить правительству и не дерзать самостоятельно вести народ к Богу), и на ее строении (назначение, отзыв от верующих, ослабление приходской жизни), и на ее воспитывающей силе, и на свободе и авторитетности ее суждений.

5. В крестьянстве не было утверждено начало *частной собственности*; а частная собственность воспитывает народ к хозяйственной инициативе, к самостоятельности, к правопорядку, к чувству собственного достоинства, к элементарной честности, к лояльности, к борьбе за родину. Крестьянство находилось во власти *количественного аграрного психоза*, всячески поддерживавшегося демагогией левых партий. Крестьянство видело спасение не в ин-

тенсификации хозяйства, а в расширении площади своего землевладения, и воображало при этом, что в стране имеются бесконечные запасы удобной земли и что запасы принадлежат помещикам: оставалось только «нажимать» на помещиков и «захватывать» государственную машину, т. е. приступать к *погромам* и *революции*. На этом психозе партия социалистов-революционеров и проводила Февральскую революцию и выборы в Учредительное Собрание (1917 г.).

6. В России не сложился еще и не окреп *средний класс*, уравновешивающий государство, составляющий оплот правопорядка, правосознания, частной инициативы, патриотизма, семьи, добрых нравов и порядочности. Богатое крестьянство, вышедшее из общины, и окрепший средний класс сумели бы уже через 20 лет отстоять Россию от соблазна социализма и от восстания коммунистов. Это понимали европейские державы и поэтому торопились с войною.

7. Значительный кадр русской интеллигенции не был на высоте. Он был заражен западным рассудничеством, доктринерством, безбожием и революционностью. Он «верил» в демократию и не понимал, что демократический строй не для всех народов подходящ и что он сам переживает великий кризис*. Эта часть русской интеллигенции предавалась всевозможным утопиям — то сентиментальным (анархизм Кропоткина, толстовство), то революционным (республиканство, социализм, коммунизм). При этом революционная интеллигенция раз навсегда отвернулась от трона, создававшего 1000 лет великую Россию; она изолировала его, расштатала его оппозицией и клеветой, а сама оказалась совершенно неспособной к власти.

В России была и другая интеллигенция: верующая и верная, патриотическая и созидательная. Но именно *вследствие этого* она не болела честолюбием, не политиканствовала и обычно оказывалась оттесненной и заглушенной радикальными партиями.

* См. книгу проф. П. И. Новгородцева «Кризис современного правосознания».

8. В предреволюционной России не было *государственной сплоченности* и русский национально-государственный интерес не царил в умах. Шла социально-классовая борьба: помещики и крестьяне, фабриканты и рабочие, горожане и сельские жители, торговцы и потребители выдвигали свой классовый интерес и группировались вокруг своих классовых партий. *Сверхклассовое единение* — важнейшее в жизни каждого государства — только намечалось. Военные неудачи развязали классовую борьбу, и простой народ повалил за классовыми революционными партиями. Белая армия осуществила сверхклассовое государственное единение всей России, но психоз разложения и распада взял уже верх.

9. В предреволюционной России недоставало и *национальной сплоченности*. Целый ряд народов, входивших в состав русского государства, тянул *не к России, а от России прочь*. Эти народы не только участвовали в русском революционном движении; некоторые из них старались вредить России и за границей — при помощи как явных, так и тайных организаций. Россия как многонациональная империя не закончила еще своего формирования. А за границей *назревал мировой заговор против нее*.

10. *Отношение к русской национальной армии* было в России не на высоте. Все слои народа, затронутые революционным брожением, смотрели на армию как на орудие «реакционного» правительства, тянули к ее разложению и «революционному братанию» с нею. Так было уже в 1903 — 1905 годах. В 1917 году это настроение вспыхнуло в виде настоящего психоза.

11. В довершение всех этих опасностей в России *пошатнулась вековая сила императорской династии*.

Силу династии колебали и расшатывали еще в XVIII веке дворцовые перевороты, производившиеся дворянством (1725 г. — восшествие на престол Екатерины I, 1730 г. — воцарение Анны Иоанновны, 1740 г. — воцарение Анны Леопольдовны, 1741 г. — воцарение Елизаветы Петровны, 1762 г. — свержение Петра III и воцарение Екатерины II, 1801 г. — убийство Павла I и 1825 г. — бунт декабристов): участники переворота навязывали трону свою волю и свой классовый интерес. Чтобы пред-

ставить себе, чем это грозило России, достаточно вспомнить, что декабристы намеревались освободить крестьян *без земли*, т. е. пролетаризировать русское крестьянство (это всего через 50 лет после пугачевского бунта!)

Для того чтобы правовое оформление России, оживление ее творческих сил и освобождение крестьян могли состояться ко благу России, трон должен был предварительно окрепнуть и подняться на высоту сверхсословного, всенародного созерцания; что и состоялось при Императоре Николае I. Славные реформы Императора Александра II, и в частности освобождение крестьян на условиях, недоступных и неизвестных Западу, были величавым проявлением окрепшей монархической власти. *Именно после этого творческого апофеоза монархии революционные партии немедленно начали свою террористическую работу против трона.*

Последовавшие затем многочисленные покушения на Царя-Освободителя, завершившиеся его мученической кончиной 1 марта 1881 года; новые покушения на Императора Александра III (1883 г. — при участии Ульянова, брата Ленина, и 1888 г. — крушение императорского поезда в Борках); убиение великого князя Сергея Александровича (1905 г.); поток террористических угроз, направленных против Императора Николая II и других членов династии (1905 г. и сл.) — все это глубоко оскорбляло русскую императорскую династию, колебало ее веру в свое призвание, подрывало в ней волю к власти, расшатывало ее водительскую силу. Вокруг трона все время подогревалась и искусственно сгущалась атмосфера *республиканствующего недоверия*; в либерально-радикальных кругах царила клевета и разливалось злорадование...

После военных неудач 1915 года это настроение стало принимать формы сознательной изоляции и подготовки дворцового переворота. Монархический строй заживо разлагался. В членах династии угасала воля к трону и воля к власти.

И все закончилось отречением и великим неискупимым мученичеством.

Таковы были внутренние причины революции в России. Все остальное было лишь проявлением или последствием этих причин: и февральский переворот, и октябрьская революция.

8. ОТЖИВШИЕ ПРЕДРАССУДКИ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В духовном укладе русской интеллигенции есть отжившие предрассудки, к которым она не должна возвращаться. Некоторые из этих предрассудков открыто выговаривались, другие допускались бессознательно и молчаливо. Ныне мы призваны продумать их до конца и освободиться от них.

1. Русская интеллигенция не видела и не постигала *глубокого своеобразия России*. Она не понимала, что Россия может строиться только *самобытным творчеством*, а не слепым заимствованием у Запада. Она не разумела, что *русский национальный духовный акт* — иной, чем у западного европейца, и что поэтому у русского должна быть иная вера, иная наука, иное искусство, иное правосознание, иное государство, иной уклад жизни. Петр Великий никогда не поработал русский дух западному. Остерман⁴ недаром записал за ним слова: «Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повернуться задом». Творящему не страшно никакое заимствование; кто умеет только подражать, тот погубит свое творчество.

2. Русская интеллигенция обычно относилась к простому народу с «состраданием» и с затаенным чувством «вины» («кающийся барин»). Но она не знала своего народа, не видела его творческую силу, плохо верила в его *организаторскую* способность и даже уверовала в подкинутую иностранцами теорию, будто порядок и культура были принесены русским полудикарям «норманнами»*.

3. Истинная наука не исключает *веру* и не разрушает ее. Безбожие есть не высшее проявление культуры, как думала русская интеллигенция, а проявление духовной слепоты, духовной нечуткости и ограниченности. Христианское откровение отнюдь не осуждает науку и не стремится заменить ее. Русской интеллигенции предстоит великая творческая задача — внести дары христианст-

* Доктрины Байера и Шлецера (восемнадцатый век).

ва в научное исследование и утвердить христианство светом истинного научного знания* .

4. Христианство отнюдь не отрицает ни права, ни государственной культуры; оно совсем не проповедует сентиментального непротивленчества** . Об этом свидетельствует вся великая традиция христианской церкви и русского православия. Русская интеллигенция должна раз навсегда отвергнуть соблазны непротивления.

5. *Культура* (дух!) и *цивилизация* (внешняя дисциплина и техника!) — отнюдь не одно и то же. Русская интеллигенция должна понять, что у цивилизованных народов может выродиться духовная жизнь, что мы ныне и наблюдаем. Русский народ, сильно отставая в вопросах цивилизации, *всегда имел* глубокую и самобытную духовную культуру. Противоестественно думать, будто менее цивилизованные народы суть исторический навоз для более цивилизованных.

6. Русская интеллигенция воображала, будто в жизни есть только «отвратительная действительность» и «святой идеал». Она не видела Божьего присутствия в ходе истории и не понимала, что «идеал» требует от человека прежде всего строгости к самому себе, скромности и долгой борьбы со своими страстями; что *Бог близок*, а *идеал далек*. Поэтому она страдала маниловской мечтательностью, доктринерством, политическим максимализмом и социальным утопизмом. Надо уметь трезво беречь унаследованное национальное достояние и с молитвою в сердце впрягаться волею и делами в несовершенное (творческий реализм!).

7. Русская интеллигенция вслед за Кропоткиным, Бакуниным и Л. Н. Толстым верила, что чем полнее *свобода*, предоставленная человеку, тем быстрее и полнее он приблизится к совершенству. Отсюда ее сентиментальный либерализм и тяга к анархии. Она считала, что государство не столько воспитывает человека, сколько развращает его; и поэтому она всегда была готова поддерживать всякое оппозиционное, противогосударственное,

* См. в № 5 «Русского Колокола» мою статью «Идея обновленного разума».

** См. мое исследование «О сопротивлении злу силою».

революционное начинание. С этим соблазном она должна покончить.

8. Русская интеллигенция держалась за предрассудок, будто справедливость требует *равенства* и будто жизнь будет тем справедливее и лучше, чем больше люди будут во всех отношениях уравнены*.

9. Русская интеллигенция склонялась к тому мнению, что «гражданин вселенной» всегда выше патриота с его националистическими пристрастиями. Отсюда возникало ее тяготение ко всевозможным «интернационалам» и ее безразличное или холодное отношение к своей национальной армии.

10. Русская интеллигенция не умела верно принимать и уважать *частную собственность*. Многие собственники умели быть щедрыми; но далеко не многие понимали, что собственность обязывает к творческому труду и что богатеющий хозяин служит не только себе, но и всему народу и своему государству. В связи с этим русская интеллигенция готова была преклоняться перед низшим видом труда — физическим (перед «мозолистыми руками» и «пролитым потом») и решительно недооценивала *глубину, утонченность и ответственность духовного творчества*.

11. В довершение всего русская интеллигенция страдала неверным самосознанием. Она рассматривала свое положение как «привилегированное» и всегда несколько «конфузилась» от своих «преимуществ». Она не понимала, что ведущий слой должен давать народу *творческую идею, волевою энергиею, воспитание характера и национально-правовую организацию*; и что если он выполняет это призвание свое, то все связанные с этим «преимущества» являются не более чем необходимым условием жизни и скромным вознаграждением**.

Будущая русская интеллигенция должна быть свободна от этих предрассудков; иначе она не поведет Россию и не возродит ее. Эти предрассудки во многом подготовили и февральский переворот, и коммунистическую революцию.

* См. ниже главу о равенстве и справедливости.

** Ср. у Ключевского: «Русская история», т. V, с. 115 и 141.

9. СУЩНОСТЬ БОЛЬШЕВИЗМА

Большевизм есть не что иное, как *последовательно проведенная революция*, ничем не сдержанный и все сметающий дух безбожия, дух поругания святынь, дух зависти и мести, дух восстания низшего на высшее, дух отрицания и разложения, дух грабежа и террора. Этот дух заложен в *каждой революции*, хотя не каждая осуществляет его последовательно и до конца. Русская же революция явила его именно до конца.

Революция не есть просто «насильственное свержение нежелательной власти». Такое свержение следует называть не революцией, а *переворотом*. Революция же есть *массовое духовное заболевание* — ослабление и распадение *духовных устоев*. Если слабеет только одно правосознание, а силы религиозной веры, совести, чести, патриотизма, национального чувства остаются непоколебленными, то все эти силы скоро залечивают рану правосознания и переворот не становится революцией. Но если все эти священные силы духа находятся в состоянии кризиса, то может распасться и выродиться вся жизнь. Поэтому ныне для России надо желать не «революции», а *политического переворота*, который должен возродить национальную Россию и обновить всю жизнь.

В силу указанных выше внешних и внутренних причин политический переворот в России в 1917 году не мог не превратиться в революцию, которую революционеры всячески старались углубить, разлагая все устои жизни и духа. В результате этого и возник большевизм*.

Итак, большевизм есть *разложение духа и разнуздание алчности* в человеческой душе. В человеке разлагается и слабеет духовное начало: он начинает посягать на все и разрешать себе все. Формулы большевизма: «все немедленно мне» и «все средства хороши». Именно поэтому на большевизм так легко отзываются все *беспринципные карьеристы, все политические авантюристы, безыдейные честолобцы, продажные люди, хулиганы* и в особенности *профессиональные преступники*. Большевизм есть вторжение *разбоя* в *политику* и в то же время превращение

* См. мою брошюру «Яд большевизма», Женева, 1931.

внутренней и внешней *политики* государства в *уголовщину*.

Большевистское настроение всегда живет в нравственных низах общества. Но оно может охватить и целый класс. Тогда этот класс станет *революционным*; требования его окажутся *максимальными* и государственно разрушительными; он не остановится ни перед какими средствами борьбы и начнет гражданскую войну. Поэтому в политическом отношении большевизм есть *максимализм* и *терроризм*.

В душе, заболевшей большевизмом, смолкают все духовные побуждения: правосознание, патриотизм, чувство чести, долг, совесть и вера. Тогда человек отдается жадности и «политика» его становится свирепой и бессовестной. Такой дух живет в классовом понимании государства у Маркса. Классовая борьба есть не что иное, как прикровенная и «приличная» гражданская война; достаточно «революционному классу» потерять терпение и ожесточиться — и гражданская война начнется в открытую. Поэтому большевизм по самому существу своему отвергает *государство*, ибо государство есть начало *сверхклассового мира, солидарного сотрудничества, твердого правопорядка и справедливости*. Большевизм отвергает и самое *право* и пытается построить жизнь на *принуждении*.

Правопорядок строится на самостоятельном и самодеятельном субъекте прав; на законе и законности; на справедливости. Большевизм отвергает все эти основы. Он подавляет свободного человека, его инициативу и его духовное самоуправление: человек есть для большевика материальный атом, покорная машина или раб. Большевик отдает все в монопольное распоряжение государства: люди делятся для него на *чиновников* и *бесправных рабов*. Поэтому большевизм есть *деспотизм*. Он презирует закон и законность: власть не связана ничем, а рабы связаны вечным гнетом и страхом. Большевистское государство является *единственным работодателем во всей стране*, всякая частная собственность отменяется; частных предприятий нет. Все оказываются *абсолютно бедными и абсолютно зависимыми от монопольного работодателя*. Все оружие конфискуется: восстание без оружия невозможно.

Нищета, голод и страх закрепляют рабство. И над всем возвышается новое привилегированное сословие — коммунистическая партия (около 2% всего населения), вооруженная, всем распоряжающаяся и пронизывающая страну всеобщим политическим сыском и доносительством.

В хозяйственном отношении большевистское государство осуществляет коммунистический строй (называемый также социализмом). Идея коммунизма состоит в том, чтобы 1) погасить личную инициативу в хозяйстве и заменить ее всепредусматривающим и всерегулирующим распоряжением, идущим из полновластного центра; 2) в том, чтобы погасить у людей личную заинтересованность в труде и заменить ее принуждением и обязательным для всех революционным «пафосом»; 3) в том, чтобы построить хозяйство по единому плану на равенстве бесправных наемников. Это приводит ко всеобщему безразличию, к падению качества и количества продукта, к страшному повышению себестоимости, к «плановому» хаосу, ко всеобщей бесхозяйственности и безответственности, к падению производства, потребления и вывоза.

В смысле мирозерцания большевизм есть материализм: нет ничего кроме материи и чувственных состояний тела. Нет души. Нет духа. Нет Бога. Религия есть лицемерная выдумка богатых для одурачивания и порабощения бедных. Иисуса Христа «не было». Христианство есть фальшь. Любовь есть вредный предрассудок. Духовная культура есть «буржуазный» вздор и ложь. Хорошо то, что полезно большевистской революции. Добро и зло, красота, истина, честь, любовь к отечеству, национализм — пустые и вредные выдумки. Семья есть реакционная форма жизни; ее надо разрушить. Христианская церковь есть главная реакционная сила и главная опасность для большевистской революции. Отсюда гонения на христианство, и в особенности на Православие. *Россия есть лишь плацдарм и орудие для мировой революции. Все народы должны быть соблазнены, разложены и покорены коммунистической революцией.*

Для всего этого необходимо разрушить весь исторически унаследованный душевный уклад и подорвать все преж-

ние духовные силы человека. Это надо осуществить во всем мире; и притом — любой ценой, не останавливаясь ни перед какими злодействами, не щадя ни поколений, ни народов.

Таковы планы и «дары» большевизма: освободить человека от веры, совести и чести, сделать его безродным, бессемейным нищим и поработить его мировому коммунистическому центру, опирающемуся на безбожников и злодеев всех стран (Коммунистический Интернационал).

10. ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ УРОКИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Все то, что русский народ пережил в коммунистической революции и что я здесь не могу ни описать, ни исчерпать, открыло и утвердило в назидание нам следующие истины.

1. *Безбожие* разлагает в человеческой душе все священные основы жизни: веру, совесть, честь, верность, любовь к отечеству, правосознание, чувство ответственности, чувство ранга, справедливость и дисциплину. Начинается разнуздание человеческого инстинкта; бессознательная духовность человека перестает определять его образ жизни. Всюду торжествуют злые страсти. Правопорядок гибнет. Государство переживает крушение. Народ обрекается на унижение, муку и вымирание.

2. *Материализм* обесмысливает, опустошает и разрушает жизни. Человек не сводится к телу, чреву и похоти; он не машина, не чувственное животное и не голодный зверь. Такое понимание ведет ко всеобщему унижению, к рабству и бесконечной муке.

3. Всякий *ненавистник* вызовет в других ненависть и сосредоточит ее на себе. Всякий *предатель* будет однажды предан сам. Всякий грабитель будет сам ограблен и убит. Таков закон самоуничтожения зла.

4. Завистью и ненавистью нельзя ничего построить: ни государства, ни культуры, ни хозяйства. *Созидает только любовь*: любовь к Богу, любовь к отечеству, доверие к правителю, взаимное доверие, уважение и братство граждан, сострадание к слабым, всеобщая сверхклассовая солидарность.

5. В жизни народа важнее всего и ценнее всего *качество*: качество души (сердца, воли, ума, образованности) и качество создания (поступка, строения, картины, книги, закона, хозяйственного продукта). Количество, лишенное качественного достоинства, — обманно, смешно и позорно. Злая душа не построит ни здоровую семью, ни здоровое государство.

6. Кто отменяет и разрушает *семью*, тот уродует детскую душу; он насаждает общий разврат, общее ожесточение, нравственную анархию и беспризорность. Он подрывает самые основы народной и государственной жизни.

7. *Общественный класс* имеет смысл и жизнь только как живая часть народно-государственного организма. Различные классы нуждаются друг в друге и восполняют друг друга. Они должны ценить друг друга и сотрудничать. Диктатура одного класса (*все равно какого!*) разваливает всю народную жизнь: восстающий и посягающий класс погубит государственное единение, обессилит страну и сам будет поработен своими вожаками.

8. *Классовая борьба* есть прикровенная гражданская война. Гражданская война свирепее и разрушительнее международной. Кто начинает ее во имя одного класса, тот становится предателем своего отечества и ведет к гибели всю страну.

9. *Революция* есть не «спасение», а начало гибели. Она разнуздывает людей; она научает людей пренебрежению к праву и закону. Народ, не уважающий права и закона, — потеряет все свои права и будет поработен.

10. *Социализм* несет людям не братство, а классовую ненависть; не новую справедливость, а худшую несправедливость; не свободу, а свирепый зажим.

11. Коммунизм не уважает *человеческую личность* и ее свободную самодеятельность. Поэтому он идет *против духа* и *против природы* и может насаждаться только голодом, страхом и кровью (террором).

12. Коммунизм отменяет *частную собственность* и делает всех безнадежными нищими, зависимыми от коммунистической партии и власти. Этим он подрывает в народе желание трудиться и распространяет всеобщую

лень, саботаж, взяточничество, воровство и всяческую безответственность. Все это губительно для культуры и народного хозяйства.

13. Коммунизм не бережет народные силы, а *растрчивает* их: личная, частная инициатива подавляется; работа из-под палки становится ненавистна и непродуктивна, всенародное уговаривание работать из-под палки — безнадежно; аппарат всенародного надзора и понуждения к работе не заменит человеческой самостоятельности; все предвидеть из центра и все всем приказывать через чиновников есть затея нелепая и неосуществимая. Все это *ведет к растрате сил и всеобщему оскудению.*

14. Если в государстве начнут править интернационалисты, то они не захотят и не сумеют блюсти *исторические интересы народа.* Порабощенный народ станет средством для чуждых ему интересов. Он будет разорен и обессилен, а в последний час предан на поток и разграбление воинственным соседям.

Таковы отрицательные уроки революции. Этим они отнюдь не исчерпываются, здесь они только начинаются. Однако непродумавший и неусвоивший этих основ не постигнет и остального.

И прежде всего он не постигнет религиозного смысла русской революции.

11. РЕЛИГИОЗНЫЙ СМЫСЛ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Коммунистическая революция является величайшим бедствием и провалом в истории России. С нею не может сравниться ни одна из войн, ведшихся русским народом. С нею не может сравниться ни Смута (1605 — 1613), ни бунты Разина (1667 — 1670) или Пугачева (1771 — 1775). Это бедствие равновелико по своей глубине и по своим последствиям разве только татарскому погрому, хотя разворачивается в совершенно иных формах. Как тогда, так и теперь дело идет о *самом бытии России*, об ее *исторической судьбе*, о *субстанции ее духа.* Как тогда, так и теперь русский народ стоит перед величайшим испытанием, которое или погубит его, или закалит; оно или разложит до конца его дух и его культуру, или же очистит их, углу-

бит и возвеличит. Как тогда, так и теперь русский народ чувствует себя стоящим перед лицом Божиим и отвечает на ниспосланное ему бедствие молитвенным сосредоточением души и воли.

И он прав в этом. Путь к возрождению России ведет через *одухотворение и благодатное оживление русского национального инстинкта*. Именно последняя глубина души может и должна возродить Россию: искренняя и цельная жажда Бога и божественного в жизни. Испытания и лишения, унижения и муки должны поднять со дна наш затонувший «град Китеж», должны возродить «Святую Русь» в душе русского народа. В этом религиозный смысл революции.

Революция совершилась отнюдь не в силу положительной воли Божией, ибо Господь не может хотеть зла; но в силу Его *позволения*. Нелепо и пагубно думать, будто коммунистическая власть в России «установлена» Богом и будто в силу этого русские люди должны повиноваться ей «за совесть». На самом деле не Господь восхотел этого потока зла и страдания, но соблазняющие и соблазненные люди восхотели его, злоупотребляя своею человеческою свободой и идя по пути страстного произволения и греха.

Напрасно было бы приводить здесь слова Апостола Павла из Послания к Римлянам (гл. 13, ст. 1 — 10), где действительно сказано, что «нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» (ст. 1) и что «противящийся власти противится Божиему установлению» (ст. 2). Ибо эти слова Писания, как и другие, непозволительно отрывать от контекста, от общего духа и смысла. Из общего же контекста и смысла (ст. 1 — 10) явствует с очевидностью, что Ап. Павел требует повиновения властям потому, что он *подчиняет самих правителей Богу и Его заповедям*. Власть устанавливается Богом для того, чтобы начальник был «Божьим слугой», чтобы он поощрял добро и пресекал зло; правители «постоянно заняты» этим служением Богу, и в греческом тексте называются не только «архонтами», но и «диаконами» и «литургами». В этом их призвание. Ими должен руководить тот же высший закон любви, что и повинующимися им гражданами. Именно поэтому (по-гречески «дио»)

мы должны повиноваться им «не только из страха наказания, но и по совести». Иными словами: *наша совестная лояльность причитается Божиим слугам, а не слугам сатаны*. Коммунистическая же власть, сеющая зависть, ненависть, страх, унижение и ложь, поощряющая всякое зло и искореняющая всякое добро, ведущая кровавое гонение на веру и верующих, служит не Богу, а сатане, и потому мы, христиане, должны отказать ей в повиновении и повести против нее непримиримую борьбу словом и делом*.

Итак, безбожная и бессовестная власть не связывает нашего правосознания. Она послана русскому народу для закаления, очищения и укрепления его духа. Попустить злу — значит «не воспрепятствовать» ему, как бы отвести обороняющую руку, предоставить злу развернуться по его внутренним законам и совершить заложенную в нем судьбу его: одним в наказание, другим в научение, третьим в испытание или в укрепление и закаление; героям — в возвеличивание, мученикам и святым — в прославление.

Попущению этому придет однажды конец: *когда окрепнет вера и закалится воля в русском народе*. К этому времени и мы должны быть готовы: мы должны умудриться через наказание, закалиться в испытаниях, уразуметь ошибки и упущения прошлого, преодолеть соблазны настоящего; чтобы с обновленною, крепкою верою и государственно-национальной волею заткать ткань новой России.

Религиозный смысл русской революции — не в подчинении большевизму, а в борьбе против него во славу Божию и во имя Великой, Богу служащей России.

12. ВЕРА В БОГА

Чтобы возродить Россию, русский человек должен *жизненно укоренить свою душу в Боге и принять* эту укорененность — *сердцем, волею и разумом*. Тогда в его душе расцветет цельная и огненная вера,двигающая горами.

* См. об этом в моих статьях в «Возрождении», 1936, от 18, 23 и 25 апреля, № 3972, 3977, 3979.

Именно такая вера ему необходима для возрождения и воссоздания России.

Здесь недостаточно мыслить «идеал» и иметь в душе «идеализм». Идеал есть величина отвлеченная; он зовет только издали; он не срастается с последними, глубокими корнями инстинкта. А если он срастается с ними и начинает вести человека изнутри, то он становится предметом *веры*.

Несомненно, что «идеализм» гораздо лучше безразличия и гораздо выше своекорыстия. Но «идеализм» должен стать *реальной силой* в жизни и *целостным* состоянием души. Он должен связать себя с таким идеалом, который есть сразу нечто *объективно лучшее* и в то же время *объективно существующее*, т. е. *подлинно реальное, подлинное совершенство*. А это есть *Бог*.

Надо *цельно и верно любить идеал*. И для этого надо убедиться в том, что этот идеал не только «мой» идеал и не только «для меня» идеал; но что он есть идеал *всегда и для всех*, потому что он *на самом деле совершенен*. И это есть *Бог*.

Надо *видеть реальность идеала* — не только тогда, когда нам удастся осуществить его в жизни, но и тогда, когда мы далеки от него в наших слабостях, страстях и грехах. Он подлинно реален и без нас, и помимо нас; он хочет и должен осуществиться через нас. И это мы должны видеть — сердцем, волею и воображением. И это есть *вера*. А предмет веры есть *Бог**.

Вера не есть умственная теория; но она не есть и слепой страх. Вера не отвлеченное богословие; но она не есть и суеверие фанатика. Вера есть *живой огонь*, светящий и греющий; вера есть *личная сила*, возникающая от *богосозерцания*; *открытость души для всего божественного*; *преданность* Богу даже до смерти: способность *жить* тем, за что *стоит* бороться и умереть. Она *свободна* и не терпит запрета и принуждений. И потому она *терпима*. Она ценит каждую искру Божию в душе человека; она ценит и внеисповедную религиозность. Она *цельна* и *действительна*.

* См. об этом в первых двух главах моей книги «Путь духовного обновления».

Никакое земное строительство невозможно без Бога. Так обстоит не потому, что Бог не терпит человеческого безбожия и немедленно наказывает за него. Нет, человеку дается *свобода* верить и не верить, молиться и не молиться, помнить о Боге и безумствовать во грехах. Ибо Богу нужна *свободная* вера, *свободная* молитва, *свободное* благочестие. Откровение даруется, а не навязывается. Путь к Богу открывается, но не делается принудительным и не должен становиться насильственным. Но человек свободно впадает в неверие и нечестие, *сам опустошает свою душу от всех божественных зовов, желаний и побуждений.* Смолкает *голос совести*, и люди становятся бессовестными. Исчезает *воля к качеству* на всех путях жизни, и люди предаются всем порокам, скверно работают и создают одно плохое (плохое искусство, плохую жизнь, плохие дома, плохой хозяйственный продукт). Отмирает *чувство ранга*, и все начинают посягать на все. Любовь уступает место ненависти, знание подменяется и снижается, воспитание становится развращением. В душах не остается *чувства ответственности.* И вся жизнь наполняется жестокостью, страхом, бесстыдством и нуждой. И это понятно. Ибо *чувство Бога* есть первоисточник совести и любви, то первичное лоно, где зарождаются *воля к качеству, чувство ранга и чувство ответственности.*

Ныне русский народ, оторванный террором от храмов и духовенства, измученный и униженный безбожниками, будет свободно и настойчиво искать путей к Богу, будет добиваться искренней, цельной и неколеблющейся веры, основанной на самостоятельном, но подлинном богосозерцании. Из тюрьмы не возвращаются «бесследно», прозревший слепой смотрит на жизнь новыми глазами: видевший ад обращается к Богу из последней глубины, из потрясенного сердца и трепещущего инстинкта. Это будет настоящая жажда Бога и всего божественного. Религия и храмы будут восстанавливаться с любовью и благоговением. Души обратятся к Богу; это обращение будет осуществляться живым личным опытом; живой опыт найдет примирение с разумом. Возникнет обнов-

ленная вера; она углубит и окрылит созерцающее воображение, чтобы *сердце узрело Бога и все Его лучи в мире*. Такая вера пробудит волю; воля станет характером, а характер поведет к поступкам. Так, верою в Бога возродится русский национальный характер.

Крушение наше последовало потому, что мы не жили Богом в наших сердцах и делах: погасили в себе Его огонь, растеряли в себе Его искры и разложили первоосновы нашей жизни. Теперь наши души должны укорениться в Боге.

13. О ХАРАКТЕРЕ И ПРЕДМЕТНОСТИ

Укорениться в Боге — значит стать *сильным в добре*. Быть сильным в добре — значит иметь настоящий *духовный характер*.

России необходимы, ей дороже всего отныне и на века люди с сильным, религиозно укорененным и верным характером. Это они строили Россию в прошлом. Это они будут строить ее и впредь. Для русского народа нет выбора; если он не сумеет укрепить в себе национально-духовный характер, тогда он вообще не сможет удержаться на исторической арене; тогда он будет отвеян в пространство, как мякина, или затоптан, как глина*.

Россия сокрушилась в революции потому, что русские люди были в большинстве своем добродушны, но *слабы в добре*. Сильных же в добре было немного. И вот, когда появились люди *сильные во зле* и стали звать массы не бояться падения, падать, скользя вниз по линии наименьшего сопротивления, — то множество слабых поколебалось и отдалось этому зову. Тогда сильные в добре повели неравную борьбу с сильными во зле при бесхарактерном нейтралитете или слабохарактерном разложении массы. И победило зло.

Чтобы в русском человеке сложился и окреп духовный характер, он *должен увидеть добро, поверить ему и в него и полюбить его*; это видение, эта вера и любовь должны передать свой *духовный заряд воле*, и заряд этот должен

* См. мою брошюру «Творческая идея нашего будущего».

быть осмыслен и принят *разумом*. Тогда душа русского человека станет *свободною и цельюю в добре*: он утвердит свое *духовное достоинство*, и вследствие этого *честь* и *честность* станут необходимыми и устойчивыми формами его жизни. Рабские черты угаснут в нем навсегда. Он утвердит в себе *Сына Божия*; и соблазны разнуздания и всесмешения будут ему не страшны. Его поведет *дух предметного служения*.

Россия не освободится и не возродится, пока русские люди не вступят на *предметный путь*.

В каждом труде, в каждом жизненном деле есть своя большая, *все осмысливающая цель*: высшая задача всех усилий, прекрасное и священное призвание нашей жизни. Все мы — от уличного метельщика до министра — не рабы и не каторжники; мы никогда и не были ими, даже во времена сословного закрепощения. Это проклятие, ныне повисшее над русским народом при коммунистах, должно исчезнуть вместе с ними навсегда. Мы все призваны к тому, чтобы верно осмысливать *предметную сущность нашей работы*, чтобы видеть оком духа ее предметное значение и назначение, чтобы желать сердцем ее успеха. Ибо мы все служим некоему высшему Делу на земле, Божьему Делу, делу России и через это Божьему плану мира и истории. Ибо жизнь русского народа, *бытие России*, — достойное, творческое, величавое бытие — входит в этот план и составляет живую и благодатную часть этого Дела.

Кто бы я ни был, каково бы ни было мое общественное положение, — *я служу России*; не маммону и не просто «начальству»; не карьере и не просто работодателю. Но именно России: ее спасению, ее строительству, ее качеству, ее величию, *ее оправданию перед лицом Божиим*. Жить и действовать так — значит жить и действовать согласно главному *предметному* призванию русского человека; это значит служить Божьему Делу и жить *предметно*: службу превратить в *служение*, «дела» и «делишки» освятить духом *Дела*.

Это значит, во-первых, вывести себя из состояния холодного безразличия и слепоты ко всему *общему и высшему*: к делам совести, веры, чести, права, справедливости, церкви, искусства и родины. Проснуться и выйти из

гипноза бездействия и страха; растопить свою льдину, расплавить свою черствость, преодолеть свою проклятую жестоковыйность. Ибо *предметность* противостоит прежде всего *духовному безразличию и холоду*.

Она противостоит, во-вторых, узкому и плоскому своекорыстию, тому «шкурничеству» и той *беспринципной изворотливости*, к которым советская власть систематически приучает русских людей вот уже двадцать лет. Ибо по духу и по программе коммунист есть рабовладелец; а тем, кого он ограбит и поработит, он прививает *рабский дух* «шкурника», «ловчилы» и лодыря: нежелание трудиться, презрение к качеству труда и продукта, жажду урвать, окопаться и отсидеться, пользование всеми средствами и путями и пораженческое злорадство во всех делах. Коммунизм есть настоящая школа *противопредметности*.

Этому мы противопоставляем ныне *идею религиозной предметности в жизни и в делах, идею верности Делу, идею мужественной и жертвенной прямоты*.

В непредметной душе нет *духовного измерения вещей* и нет *чувства собственного достоинства*; нет совести и чести; нет *чувства ответственности*; нет крепкой грани между добром и злом. *Бога нет. Предстояния нет. Нет правосознания и национального достоинства*. А потому такой человек не служит Делу. Его ведут *приобретательство и честолюбие* — эти исконные, вековые враги всякой *предметной политики*.

И как всегда и во всем, так и здесь: *начинать оздоровление надо с самого себя*. Надо победить в самом себе дух национального безразличия, уныния и малодушия: надо любить Россию и верить в творческие силы русского народа. Надо победить в себе *дух частного, личного, партийного, классового интереса*: надо восхотеть русского, всероссийского, единого и общего. И наконец, *надо укорениться сердцем и волею в Божьем Деле* до бесстрашия, до непоколебимости: надо твердо верить *в свои и в национальные богоукорененные силы*.

Тогда остальное воспоследует и развернется само собою.

14. ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО

Это драгоценное и спасительное укоренение русских душ в Боге отнюдь не надо представлять себе как систему «религиозного принуждения», или как появление «обязательной церковности», или как водворение официального ханжества, или как гонение на иноверцев и безбожников.

Вера, исповедание и церковь есть дело внутренней духовной потребности. Это есть дело *добровольное и свободное*; дело личного обращения, духовного видения, исповедующего сердца. Вера не терпит принуждения; «обязательная» вера родит одно лицемерие. Для иноверцев мы имеем только свободное изложение доводов и удостоверение веры делами. Безбожники нуждаются в духовной помощи, а не в преследовании. Им можно *воспретить сеяние соблазна*, но их нельзя лишать других человеческих и гражданских прав.

Вообще нельзя делать веру, исповедание или церковность критерием гражданской или публичной правоспособности: напр<имер>, «только верующие могут вступать в брак»; или — «только члены прихода участвуют в государственных голосованиях»; или — «кто не принадлежит ни к какому исповеданию, тот не может занимать никакой должности». Вера есть счастье; безверие — несчастье; несчастному нужна помощь, а не наказание. Вера насаждается свободно, а не вымогается в государственном порядке. Сделать веру и церковность условием правоспособности — значило бы *вызвать в массе интерес к религиозному притворству и наводнить церковь симулянтами и лицемерами*. Вера по расчету есть соблазн и извращение. Вера от страха есть ложь и пошлость.

Принадлежность к исповеданию и церкви может быть только невынужденной и свободной. В этом церковь принципиально отличается от государства. Ибо принадлежность к государству определяется законом: она обязательна и принудительна. В силу одного этого церковь и государство не могут ни *совпадать*, ни *подчинять*, ни *заменять* друг друга. Они должны быть самостоятельны.

Это не есть «отделение церкви от государства», но *духовное согласование их служений*. Нужно возвращение к

старой русской, допетровской (отнюдь не византийской) традиции. Церковь должна быть самостоятельной и самозаконной организацией внутри государства под единым главою (в Православной церкви — Патриарх). Церковь и государство служат единой высшей цели: Делу Божию на земле; но — *разными способами и средствами*. Отсюда разделение сфер и органическое согласование целей и усилий; обоюдная независимость организаций при взаимном непосягании и невторжении.

Мы не верим в «теократию»: государство есть дело земное, человеческое; его надо строить, *имея Бога в сердце*, но не возлагая на Бога ответственности за свои земные решения и человеческие поступки. Мы отрицаем «цезарепапизм»: Государь не может и не должен быть главою церкви. Мы отрицаем и «папоцезаризм»: глава церкви не должен посягать на светскую власть в государстве, на звание правителя или Государя.

Государство не должно править церковью ни в сфере догмата, ни в сфере обряда, или таинства, или организации; оно может требовать от церкви только *верности родине и соблюдения общих законов*. Церковь учит и советует; если необходимо, то обличает и отлучает; но не властвует в государстве. Государство ограждает церковь и помогает ей, но не господствует над ней. Церковь молится и проповедует; государство правит, судит и воюет. Священник и правитель, монах и воин — сослужители дела Божьего на земле, совоспитатели национальной души народа. Они сочетают свои усилия, но идут различными путями.

Государство не может и не должно злоупотреблять церковью в светских делах, обезличивать ее, навязывать ей свои мерилы и способы действия, нарушать тайну исповеди, искажать или снижать присущую церкви любовную благодарность зова и научения. Государство не должно превращать свои субсидии церкви в орудие давления на нее. История знает такое обхождение государства с церковью, но она свидетельствует о том, что оно всегда вредило призванию и делу церкви, что оно всегда было в высшем смысле слова — *противопредметным*.

Однако церковь не должна злоупотреблять своим влиянием и авторитетом в жизни: ни в государственных делах, ни в делах духовной культуры. Политиканство только уронит авторитет церкви. Попытки принудительного оцерковления жизни и культуры только восстаноят людей против веры. Формальная причисленность к церкви есть *сущая неправда перед лицом Божиим*. Церковь должна звать людей откровением и любовью, примером и свободой; но не навязывать себя принудительно, торопясь любой ценою установить церковную «тоталитарность».

Церковь приемлет мир и возводит его к Богу; но не насилует его и не распоряжается его земными делами.

Только в таком сочетании своих сил церковь и государство смогут достойно строить свою земную родину.

15. ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ

Родина не есть то место на земле, где я родился, произошел на свет от отца и матери или где я «привык жить»; но то *духовное* место, где я родился *духом* и откуда я *исхожу в моем жизненном творчестве*. И если я считаю моей родиной Россию, то это означает, что я по-русски люблю, созерцаю и думаю, по-русски пою и говорю; что я верую в духовные силы русского народа и принимаю его историческую судьбу своим инстинктом и своею волею. Его дух — мой дух; его судьба — моя судьба; его страдания — мое горе; его расцвет — моя радость.

Вот что думает и чувствует настоящий патриот, говоря о своей родине:

«Народ мой! Я рожден из твоих недр плотию и духом. Во мне горит тот самый дух, который горел в моих предках. Во мне живет и меня водит тот инстинкт народного самосохранения, который вел тебя через дебри и муки твоей истории»... «Вздох моего народа есть *мой* вздох; и стон моего народа есть *мой* стон. Я силен *его* силою; и эту силу я отдаю *ему* и *за него*. Я связан с ним в единое *мы*. Я верую, в его духовную мощь и в его творческие пути. Я сам творю так, как он; с ним молюсь и работаю; с ним созерцаю и мыслю; мечтаю иметь все его достоин-

ства и болею о его слабостях и несовершенствах. *Его* национальный интерес есть *мой*, личный. Я радостно общаюсь к его славе; и терзаюсь в дни его крушения и позора. *Его* друзья — *мои* друзья. *Его* враги — *мои* враги. Ему принадлежит моя жизнь. Его язык есть мой язык. Его земная территория есть моя территория; и армия, верная ему, есть моя родная армия. Я не избирал его, ибо это он сам родил меня из недр своих. Но, будучи рожден им, я избрал его и принял его в последнюю глубину моего сердца. И потому я *верен* ему; и верен именно *ему* — во всех положениях, трудностях и опасностях жизни. Этого чувства я не могу питать сразу к двум народам. Нельзя человеку иметь двух матерей или исповедовать две различные веры. И если народ мой велик и многообразен и принял в себя струи многих кровей, — то всякая из этих кровей может и должна найти свое крещение в его *духе*; и всякая из них призвана связать *свою* судьбу с *его* судьбою, и мыслить, и чувствовать себя в духовном тождестве с ним»...

Такое исповедание своей родины произносится нами не только перед людьми, но прежде всего *перед лицом Божиим*. Правоту нашей родины, священность ее великих очагов, ее историческое призвание — все это мы должны утвердить в порядке религиозном. И если кто-нибудь скажет нам, что христианство несовместимо с патриотизмом, потому что христианин есть «гражданин вселенной», то мы ответим ему, что заблуждение на его стороне. Ибо христианин не отвергает богоданный мир, но *приемлет его во всех его драгоценных ризах и необходимых законах*.

Христианин любит свою земную родину, дорожит ею, блюдет ее достоинство, радуется о ее величии. Он видит в ней некое *священное сокровище, живое веяние Духа Божия*. Родина есть для него национально воспринятый, исторически взращенный и в земные дела вработанный *дар Духа Святаго*. *Народ не Бог, но силы его духа — от Бога*. Путь его исторической борьбы и его страданий есть путь его восхождения к Богу; этот путь дорог и священен для меня. Его святые и пророки — мои духовные отцы; его гении — мои учителя; его правители и герои — мои вожди.

Поэтому я всегда молюсь за него; ненасытно и трепетно изучаю его историю; горжусь созданиями его культуры (религии, науки, искусства, права, хозяйства); берегу его земное жилище (территорию, природу, богатства, здания); приемлю его армию сердцем и честью, волею и делом.

И потому исповедую перед лицом Божиим: *родина священна; ею надо жить; за нее сто́ит бороться и умереть*. Отрицание ее есть соблазн. Отречение от нее губительно. Правы другие народы, если они любят *так* свое отечество. И если *все* народы будут *так* чувствовать и поступать, то они научатся чтить друг друга, как братья перед лицом Единого Отца.

Первая, живая ячейка родины есть семья.

16. СЕМЬЯ

Человек рождается не только в недрах родины, но и в лоне семьи. Семья есть первая родина. Родина есть великая, национальная семья. Как соты пчелиные состоят из запечатанных ячеек с благоухающим медом, так жизнь народа состоит из семей: каждая ячейка отделена и запечатана, и все-таки все они вместе сращены в единство; в каждой ячейке свой мед, но из этих медов состоит единый мед целого улья. Разружьте ячейки — и вытечет мед, и распавшуюся вошину отдадут на переплавку...

Семья вырастает из *любви*, живет любовью, родит и растит любимых детей. Поэтому она есть первая школа любви и жертвенности. Кто убивает семью, тот гасит любовь в своей стране. Тогда остается одна разрушительная ненависть.

То, что нужно сейчас России, — это *умение любить крепко и долго*. Ей нужна любовь долгого и глубокого дыхания. Где же научатся русские дети, если не в крепкой, единобрачной семье своих родителей?

Только в семье любовь *чиста*, верна и органически строительна. Вне семьи она становится распутною и приучает людей к безответственности, измене, анархии и общественному распаду; безответственные и распущенные родители плодят беспризорных детей.

Нам не удастся ни освободить, ни возродить Россию без чувства национального достоинства, без веры в благие силы своего народа. Где же научатся этому русские дети, если не в своей родной семье? Где загорится этот огонь национальной гордости, если отец и мать не будут блюсти его словом и делом? Кто внушит нашим детям веру в Русский Народ, если русская семья развеет и растеряет эту веру?

То, что нужно России навеки, — это сила русского национального характера. Исторически этот характер зарождался в суровой русской природе; он закалялся в войнах; приобретал глубину и благородство в молитвах; выковывался в монастырях и в армии. Но хранилищем его была прежде всего русская семья. И ныне эта семья должна понести и осуществить свое призвание: она должна превратить самые нужды, беды и лишения свои в школу характера для своих детей, чтобы новое русское поколение получило тот крепкий закал, ту стоическую выдержку, ту свободу небоящегося духа, без которых нам не воссоздать порядка в России.

Семья есть первая школа взаимного доверия, солидарности и дисциплины. Именно здесь человек учится подчиняться и властвовать в знак любви и справедливости. Таким образом семья дает человеку первые начатки правосознания.

В семье русский ребенок должен научиться первой основе гражданственности: умению чтить авторитет и в то же время оставаться внутренне свободным. Он должен научиться здесь чести, жертвенности и справедливости. Здесь он должен въяве и вживе понять, что значит «один за всех, все за одного». Ибо он сам однажды создаст семью, новую семью следующего поколения, и внесет в нее тот самый дух, который он бессознательно вынес из впечатлений своего детства.

Семья есть родовой очаг всех здоровых традиций. Человечеству нелепо начинать все сначала каждые двадцать лет. Опыт и мудрость накапливаются тысячелетиями. Культура без традиции — невозможна; а традиция передается верно и полно только в знак любви и заботы, т. е. в семье.

Семья есть *трудовой* очаг, трудовое, наследственное единение людей. Где прочная семья, там народ работает и богатеет. Где семья богатеет, там цветет народное хозяйство.

Семья дает человеку два священных первообраза: образ *любящей чистой матери* и образ *сильного и благостного отца*. Через них душа учится прилепляться к родине-матери и возноситься к Богу-Отцу. И кто пронесет эти два первообраза через всю жизнь, тому никакие дьявольские соблазны не будут страшны.

Вот в каком смысле семья есть хранилище национального духа и здорового правосознания.

17. ЧТО ЕСТЬ ИСТИННЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Есть закон человеческой природы и культуры, в силу которого *все великое* может быть сказано человеком или народом *только по-своему* и все гениальное рождается именно в лоне *национального опыта, уклада и духа*. Денационализуясь, человек теряет доступ к глубочайшим колодцам духа и к священным огням жизни. Ибо эти колодцы и эти огни всегда национальны: в них заложены и живут целые века всенародного труда, страдания, борьбы, созерцания, молитвы и мысли. Национальное обезличение есть великая беда и опасность: человек становится безродным изгоем, беспочвенным и бесплодным скитальцем по чужим духовным дорогам, обезличенным интернационалистом, а народ превращается в исторический песок и мусор.

Всей своей историей и культурой, всем своим трудом, созерцанием и пением каждый народ служит Богу, как умеет. И для этого служения каждый народ получает свыше *дары Святого Духа и земную среду для жизни и борьбы*. И каждый по-своему приемлет эти дары и по-своему создает свою культуру в данной ему земной среде.

И вот, национализм есть уверенное и страстное чувство,

что мой народ действительно получил дары Святого Духа;

что он приял их своим инстинктивным чувствилищем и творчески претворил их по-своему;

что сила его жива и обильна и призвана к дальнейшим великим, творческим свершениям;

что поэтому народу моему подобает культурное «самостояние» как залог его величия (формула Пушкина) и *независимость государственного бытия*.

Итак, национальное чувство есть *любовь* к историческому облику и к творческому акту своего народа.

Национализм есть вера в его духовную и инстинктивную силу; вера в его духовное призвание.

Национализм есть *воля* к творческому расцвету моего народа — в земных делах и в небесных свершениях.

Национализм есть *созерцание* своего народа перед лицом Божиим, созерцание его истории, его души, его талантов, его недостатков, его духовной проблематики, его опасностей, его соблазнов и его достижений.

Национализм есть *система поступков*, вытекающих из этой любви и веры, из этой воли и этого созерцания.

Вот почему истинный национализм можно описать как *духовный огонь*, возводящий человека к жертвенному служению, а народ — к духовному расцвету. Это есть *восторг* от созерцания своего народа в плане Божьем, в дарах его Благодати. Национализм есть *благодарение* Богу за эти дары; но он есть и *скорбь* о своем народе, если народ оказывается не на высоте этих даров.

В национальном чувстве источник *достоинства* (Суворов: «Помилуй Бог — мы русские!»), источник братского *единения* («Постоим за дом Пресвятыя Богородицы!»), источник *правосознания* («Грозно служить и честно прямить»).

Но истинный национализм учит и покаянию, и *смирению* — при созерцании слабостей и крушений своего народа:

За всё, за всякие страданья,
За всякий погранный закон,
За темные отцов деянья,
За темный грех своих времен,
За все беды родного края, —
 Пред Богом благодсти и сил,
 Молитесь, плача и рыдая,
 Чтоб Он простил, чтоб Он простил!⁵

Хомяков

Истинный национализм открывает человеку глаза и на *национальное своеобразие других народов*: он учит не презирать другие народы, а чтить их духовные достижения и их национальное чувство, ибо и они причастны дарам Божиим, и они претворили их по-своему, как могли. Он учит еще, что *интернационализм* есть духовная болезнь и источник соблазнов; и что *сверхнационализм* доступен только настоящему националисту: ибо создать нечто прекрасное для *всех* народов может только тот, кто утвердился в творческом лоне *своего* народа. Истинное величие всегда почвенно. Подлинный гений всегда национален.

Такова сущность истинного национализма. И мы не должны колебаться в нем, внимая соблазнам псевдохристианского или безбожного интернационализма.

18. О ЗДОРОВОМ ПРАВОСОЗНАНИИ

Напрасно думают о праве и о государстве, что им есть дело только до «*внешнего поведения*» человека; что если это «*внешнее поведение*» в порядке, то внутренняя жизнь человека безразлична. Это западноевропейское понимание права, сложившееся в девятнадцатом веке, глубоко ошибочно и таит в себе множество опасностей. Ибо на самом деле право и государство обращаются к *внутреннему миру* человека, они чтут в нем *свободного субъекта прав* и подсказывают его *само-сознанию* и его *право-сознанию*, что именно ему по закону «можно» (полномочия), «должно» (обязанности) и «нельзя» (запретности). Поэтому в каждом государстве правопорядок зависит не только от «законов» и от «полиции», но прежде всего и глубже всего — от *правосознания граждан*.

Все, что человек творит, он творит изнутри; и если он хочет сделать что-нибудь хорошее, то он должен сам стать внутренне лучше. В этом нравственная аксиома христианства.

Поэтому мы, русские люди, должны прежде всего обуздать, воспитать и укрепить в добре свои души. Жадные люди создадут хищную государственность; завистливые люди создадут общественный строй злобы и террора; продажные люди сведут все к взятке и предательству.

России же нужны люди с христиански укорененным, честным и крепким правосознанием.

Поэтому мы должны научиться: ставить дело родины как Божие дело выше своего личного интереса; помышлять о служении России, а не о личной карьере; служить не соблазненно, неподкупно, по совести и по справедливости; на власть смотреть не как на почет и выгоду, а как на бремя, обязывающее и ответственное.

Мы должны утвердить в себе чувство собственного духовного достоинства, уважая в себе подобие Божие и звание русского человека. Только это застрахует нас от всяческой кривизны и низости.

Мы должны обуздать в себе беспредметное честолюбие и тщеславие, жадность, зависть, мстительность, склонность к озлобленному напору и отпору. Без этого мы не внушим к себе доверия, не создадим ни порядка, ни мира.

Мы должны развить в себе самообладание, дисциплину и чувство духовного ранга. Эти свойства необходимы всякому гражданину, тем более всякому организатору, чиновнику и правителю. Кто не умеет повиноваться, тот не способен повелевать.

Мы должны научиться чтить закон и добровольно, накрепко вменить себе в обязанность его соблюдение, — соблюдая при этом не букву закона, а *скрытый в каждом законе дух порядка, справедливости и братства.*

Мы должны чтить в каждом человеке бессмертную душу, *брата перед лицом Божиим и свободного субъекта прав.*

Каждый русский должен быть нам дорог как носитель русского огня и русского будущего.

Помышляя о России, мы должны всегда идти не от частей к целому (от людей, сословий, классов — к государству), но от целого к частям, понимая, что государство не только дает права и выгоды, но требует от всех служения и жертв. Один за всех, все за одного. Только жертвою и служением восстановим Россию.

Таковы черты здорового и могучего *христианского правосознания.* Мы должны усвоить его сами и передать его другим. Кто не усвоит его, тот извратит политическое единение людей и не выдержит бремени власти.

19. О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Тот, кто хочет *политически* служить России, должен прежде всего понять, *в чем состоит сущность политики*, и верно настроить свою душу для нее. При этом он, может быть, скоро убедится, что он *не призван* к такой работе, что в душе его нет надлежащих сил и умений; и тогда он поступит правильно, если сосредоточит свои силы на другой работе, а в политике уступит первенство другим, призванным. Надо раз навсегда покончить с вредным предрассудком, будто политика есть дело легкое, общедоступное и не требующее ни особых способностей, ни знаний, ни подготовки. Ибо на самом деле политика есть дело сложное и трудное, требующее дара и искусства.

Нам надо начать с того, чтобы извлечь идею государства и политики из той предреволюционной *пошлости*, в которую совлекает эти идеи демократический строй, и из той революционной *грязи*, в которую эти идеи сброшены коммунистическим строем. Политика совсем не есть сочетание из демагогической агитации и слепого, полупродажного «голосования», из честолюбивой толкотни, партийной интриги и беспринципного компромисса; так обстоит обычно в демократиях. Но политика не есть и смешение насилия и коварства, свирепости и лжи, она не есть темное дело презренных плутов, где чиновник становится вымогателем или разбойником, а авантюрист или уголовный преступник выходит в чиновники; так обстоит дело в большевизме.

Политика есть дело *правовой и справедливой организации* национального бытия. *Организации*: значит, необходима *воля, такт, прозорливость в распознавании людей, жизненное чутье* и знание законов общественной жизни (социологическое, юридическое, экономическое, историческое образование).

Эта организация должна быть *правовая*: значит, необходимо *здоровое правосознание, чувство ответственности, способность к подчинению и к власти, патриотическое и национальное чувство, честь и честность*.

Эта организация должна быть *справедливая*: значит, необходима *живая совесть, любовь к людям, религиозная и нравственная укорененность души*.

Следовательно, политика требует не ловкого проходимца и не хитрящего интригана, а человека настоящего (волевого и духовного) качества. Отсюда в высшем смысле слова *аристократическая* природа государства, значение духовной традиции, отбора характеров и профессиональной подготовки. При этом аристократия (правление лучших) разумеется не по рождению, не по сословию, не по богатству, а по *качеству и достоинству лица*. Нельзя вводить такой политический строй, при котором всякий бесстыдник и карьерист будет выдвигаться вверх только потому, что он сумел стать угодным массе. Выдвигаться должны *лучшие* люди, призванные к политической деятельности.

После революционной ставки на жадность, на слепоту, на трусость и на бесчестие — Россию спасет только *ставка на качество*. Из хаоса, из разложения, из оскудения есть только один путь: к сосредоточению благородной воли, к волевой дисциплине, к интенсивному труду, к *отбору и выдвиганию лучших* национальных сил. Надо *творчески развязать качественные силы России*.

Русская политика нуждается прежде всего в *честной верности*. Что могут построить бесчестные и продажные руки? Революция уже дала ответ на это.

России нужны *опыт и умение* — во всех областях: от генерального штаба до кооперации, от торговли до полиции. Нам надо приобретать этот опыт и это умение, чтобы отдать их России.

Россия будет голодать по *знающим и способным* людям — на всех поприщах: от бухгалтерии до медицины, от профессуры до агрономии, от церкви до армии. И особенно — в политике.

России необходимы *воля и талант*. Их нельзя ничем заменить: ибо талант творит новое, а воля строит и держит организацию народной жизни. Революция скомпрометировала партийный отбор; новый отбор должен быть деловым, *предметным*, а не *партийным*.

Дорогу честности! Дорогу знанию и таланту! Дорогу *русскому гению*! Новая, *качественная эпоха* нужна нашей родине, эпоха, которая довершила бы все упущенное, исцелила бы и заростила бы все язвы революционного

времени. *Качество* необходимо России: люди верные, волевые, знающие и даровитые; крепкая и гибкая организация; напряженный и добросовестный труд; выработанный, первосортный продукт; высокий уровень жизни. Необходима верная и мудрая, справедливая и предметная политика; политика, ведомая честью и прозорливостью, а не политиканство, мятущееся в честолюбии, криводушии и всеобщем обмане.

Только так создадим новую, сильную и национальную власть в России.

20. О ВЛАСТИ

Есть русская национальная идея власти, выношенная русской историей, вскормленная и освященная православным христианством. Согласно этой идее христианин берет власть не из честолюбия, а *из желания служить Богу и людям*. Поэтому он чувствует свою ответственность даже тогда, когда никто с него не взыскивает; именно поэтому он никогда не злоупотребляет властью.

Власть есть *духовная сила*; она покоится на уважении и доверии, на согласии людей повиноваться авторитету. Это согласие надо беречь, оно драгоценно. Если его разочаровать и растратить, то власть сведется к страху и насилию.

Кто принимает власть, хотя бы самую малую, тот принимает не только *полномочие* распоряжаться, но и *обязанность* распоряжаться. Отныне он обязан указывать людям, что им «можно», «должно» и «нельзя», конечно, — в отведенных ему пределах. И за неисполнение этой обязанности он подлежит суровой *ответственности*.

Только тщеславные люди пьянеют от власти; только глупцы впадают в «административный восторг» и в суетню; только неумелые люди начинают возвышать голос и махать руками. Власть есть бремя; надо нести его *достойно и спокойно*. Всякая власть имеет свои *пределы*; необходимо их строго соблюдать, не впадая в «превышения». Власть организует и движет жизнь, *бездействие* власти разрушает живой порядок. Власть должна *импонировать* людям; необходимо, чтобы люди ее уважали; кого они не уважают, тому они не повинуются. Надо, чтобы люди

постоянно ощущали, что власть *хочет добра*, что она *неподкупна и справедлива*, что она *сильна и тверда* и что ее дело *действительно удастся ей*. Внешние усилия власти не должны бросаться в глаза; пусть людям кажется, что дело идет *само собою*. И только тогда, когда неповиновение явно подрывает престиж власти, необходимо уметь показать, что она *сильна и даже грозна*.

Власть есть проявление *духовного достоинства и воли*. Кто вручает власть недостойным людям, тот губит ее. Кто вручает власть безвольному, тот подрывает ее. Власть призвана выбирать, решать, предписывать, настаивать и понуждать. Кто к этому не способен, тот *должен быть устранен от власти*. Властвующий обязан проявлять государственный авторитет и вести борьбу за него. Для этого ему необходимы независимость и мужество; он не должен и не смеет бояться толпы. В серьезном и критическом столкновении властвующий должен быть готов *умереть на своем посту*.

И притом он должен всегда: помнить Бога, блюсти верность Росси и не бояться ответственности.

Было бы, однако, величайшим заблуждением, если бы кто-нибудь захотел утверждать, будто государственная власть «всемогуща» и должна поэтому впитать в себя и как бы поглотить всю жизнь народа.

Все духовное в жизни зарождается, зреет и творится в *самодетельности человека*, по его внутреннему, таинственно-органическому почину. (Аристотель выражал это термином «диауту», буквально: «через самого себя»). Государственная власть ставит себя в нелепое и смешное положение, когда начинает предписывать веру, молитву, любовь, вдохновение, творчество, добродетель или иные духовные состояния. Столь же безнадежно и вредно подавлять свободный почин людей и в области хозяйства и труда. Жизнь народа подобна не машине, а растению: к ней надо присматриваться и приспособляться, ей можно осторожно помогать и устранять ее болезненные проявления. Но заменить ее — нечем; а произвол будет для нее губителен. И государственная власть всегда должна помнить, что ее настоящее призвание состоит в том, чтобы *служить живому организму* народа, защищать его и оберегать, а не подавлять.

21. О СОПРОТИВЛЕНИИ ЗЛУ СИЛОЮ

Нельзя сделать людей насильно — честными и добрыми. Совершенствование души есть дело свободы, любви и очевидности. Ни приказ, ни принуждение, ни запрет, ни угрозы, ни наказание — этого не достигнут. Христианину это ясно без доказательств.

Но это не значит, что право «не нужно», что государство правит «насилием», что суд есть дело «греховное», а наказание нравственно недопустимо (как думают непротивленцы во главе с Л. Н. Толстым).

Отвергнуть право — значит отвергнуть мирное и справедливое размежевание человеческих притязаний. Отвергнуть право — значит разрушить все человеческие организации и водворить повсюду хаос и резню. Кто от чрезмерной «святости» отвергает право, тот дает людям возможность сложить с себя всякие обязанности и попрасть чужие полномочия: он должен понять, что его святошничеством воспользуются злоумышленники...

Государство держится совсем не насилием, а *правовым авторитетом, живым правосознанием* граждан, их *добровольной «лояльностью»*. Нелепо думать, что в государстве все всех ко всему принуждают. Сила пускается в ход редко; огромное большинство людей не нуждается в ее применении. Судится в судах и наказывается самое небольшое меньшинство граждан. Отождествлять государство с насилием могут только наивные люди или же отъявленные хитрецы.

Суд и наказание необходимы: они укрепляют и воспитывают человеческое правосознание. «Не судите» сказано не государству, а подозрительному и злоязычному человеку; это сказано о нравственном суде, а не о юридическом. И Христос сам не уклонился от суда, зная, что этот суд будет злостный и жестокий.

Государство призвано сопротивляться злу силой. Его призвание не в том, чтобы проповедовать добро и вызывать в человеческих душах умиление — это призвание семьи и церкви, — но в том, чтобы пресекать противозаконные и злые дела всюду, где это необходимо. К этому деятельность государства *не сводится*; но это пресечение несомненно входит в его обязанности. Отказаться от этого значило бы предать слабых на угнетение или на

растерзание сильным; или же предать свой народ на порабощение и эксплуатацию иностранцам. Человек имеет право прощать *свои* обиды, но не чужие страдания. Он имеет право жертвовать *собою* и *своим* имуществом, но не своими братьями и не своей родиной.

Само собою разумеется, что это сопротивление злу силою может стать обязательным не только для людей, находящихся на государственной службе и пресекающих его от лица государства, но и для каждого из нас в повседневной жизни. Однако человек *имеет право* противопоставить злодею свою силу не тогда, когда ему этого *хочется*, а тогда, когда он чувствует, что при данном положении вещей он *призван* к этому и *нравственно обязан* это сделать. В этом случае *долг есть мерило права*.

Но и в этом случае человеку *естественно* (а может быть, даже и *неизбежно*) почувствовать в своей душе некоторый осадок злобы, ожесточения, отвращения или ненависти, вызванный этим необходимым и обязательным поступком и отравляющий его душу («как будто я в чем-то испачкался», или «огрубел», «озверел», или «грех на душу принял»). Тогда он призван *очистить свою душу покаянием*. Не раскаянием в том, что он совершил, как если бы он совершил что-то недолжное, запретное или греховное, в чем ему хотелось бы дать теперь зарок: «никогда больше не совершу этого» или «я не смел поступать так и впредь этого не повторится»; но раскаянием в тех *злых страстях*, которые живут в нем и вот пробудились от этого верного поступка и замешались в это необходимое дело. Тогда человек говорит о себе: «Поступив так, я был прав; я не должен был иначе поступать, и не смел иначе действовать; и если впредь случится подобное, то я опять поступлю так же; но душа моя от этого замутилась, соблазнилась и ожесточилась; она вложилась в это дело не только своими благими силами, но и злыми; и эти злые силы моей души нуждаются в покаянном очищении»...

После международных войн, гражданских войн, смут и революций такое покаянное очищение души надо проводить всецерковно и всенародно — и для тех, кто участ-

вовал в «смутном воровстве», и для тех, кто «верно служил и прямил» родине: дабы состоялось умягчение душ и «всепрощение» и люди «пришли в чувство и правду»*.

22. О ВЕРНОМ КОМПРОМИССЕ

Такова земная жизнь человека и христианина. Он всегда должен по совести хотеть лучшего; но он должен помнить, что есть множество положений в жизни, из которых *нет праведного исхода*, и что во всех этих случаях необходима *внутренняя честность с самим собою*.

Многие люди поступают так: всю жизнь ловко грешат в свою пользу; а когда придет опасность и потребует волевого подвига, тогда они вспоминают о праведности и о «нравственном совершенстве» и начинают разводить фальшивое и сентиментальное ханжество. В результате они оказываются жизненными дезертирами и прославляют впоследствии мнимую «чистоту своих «риз».

Человек с религиозным и сильным характером *не уклоняется от компромисса, когда этого требует его служение*: он принимает решение и совершает поступок, — защищает слабого и больного, обличает предателя, доносит на торговца живым товаром; он дерется с нападающим убийцей, отстаивает правое дело в гражданской войне, сражается за родину на фронте. Все это есть *отступление от праведности* и потому — компромисс. Но этот компромисс не компрометирует его; ибо это отступление — *бескорыстное, вынужденное, жизненно верное*; и, что особенно важно, оно не отрывает человека от Бога и не заглушает в нем голос совести. *Молитва* связует его с Богом; *покаяние* очистит его от злых страстей; *совесть* восстановит в нем волю к нравственному совершенству; а сознание того, что компромисс его не был корыстным, что он был принят не ради личной карьеры, а *в порядке служения*, — позволит ему не стыдиться перед своей совестью и перед людьми: уважение к себе не будет подорвано и чувство собственного духовного достоинства останется непоколебленным.

* Выражение Забелина. См.: Минин и Пожарский. Прямые и кривые в смутное время, с. 126.

Все это можно выразить так: благая цель *не оправдывает и не освящает* дурных средств, никогда и ни в чем. Человек нередко оказывается в таком жизненном положении, при котором самая искренняя и глубокая воля к *верной цели* и к *чистым средствам* встречается с *практической безвыходностью*; нет таких средств, которые были бы столь же верны и чисты, как сама цель. Тогда ему остается только два выхода: или предать свою цель, или прибегнуть к нравственно несправедливому, «нечистому» средству. Для благородного и нравственно чуткого человека такое положение является всегда *трагическим*, и душа его может оказаться в состоянии мучительного колебания и нерешительности.

Во всех таких случаях исход надо находить, руководясь следующими основаниями.

Во-первых, надо окончательно удостовериться в том, что других, нравственно чистых, средств действительно нет. Иногда человеку дается для этого кратчайший миг: например, в случае насилия над слабым или в случае необходимости тотчас же пресечь злую интригу.

Во-вторых, надо отдать себе ясный отчет в явной недоброкачественности этого средства и попытаться облагородить его или свести его дурную природу к возможному минимуму: ибо прямой и храбрый путь всегда лучше кривого и трусливого, и всюду, где жестокость не необходима, она всегда должна быть избегнута.

В-третьих, надо проверить в душе своей, не своекорыстие ли ведет ее к этому дурному средству; и не тайная ли порочная склонность ко злу тянет душу на этот путь; и не потому ли это средство кажется *необходимым* и *единственным*, что оно есть субъективно желанное...

В-четвертых, надо понять, что *благая верность цели никак не может передаваться дурному средству*. Нравственное качество средства измеряется не целью, а особым *суждением совести*; и если совесть свидетельствует, что средство несправедливо, нечисто, несовершенно, то жизненная целесообразность не может изменить в этом *ничего*. Может оказаться, что дурное средство вынужденно и тогда к нему надо обратиться; но никогда и никак не может оказаться, что вынужденное дурное средство стало благим или праведным. Жизненная целесообразность средства и

его нравственное качество — суть два совершенно различных свойства; их нельзя ни смешивать, ни подменять.

Нравственно дурное средство останется при всех условиях дурным. Следовательно, поступок окажется *жизненно необходимым и верным, но несправедливым*; и *нравственный компромисс* будет налицо. Есть немало прекрасных, мужественных и сильных людей, которые совершают такие поступки.

Но именно потому, в-пятых, нельзя закрывать себе глаза на природу таких средств и поступков. И после каждого жизненно необходимого и «предметно обоснованного» компромисса всякому человеку, а особенно христианину, необходимо подумать об очищении своей души.

Компромиссами живут все люди. Но я разумею здесь *только предметно обоснованные компромиссы*. Очищение души необходимо и после них, иначе душа снизится и очерствеет от того потока лжи, обмана и жестокости, через который ведет нас жизнь.

Итак, целесообразность или жизненная необходимость какого-нибудь средства не делает его ни добрым, ни «оправданным», ни «освященным». Христианину предоставлена *внутренняя и внешняя свобода* воздерживаться от жизненных компромиссов или решаться на них. Но эта свобода всегда предполагает ответственность человека за свое решение и за свой поступок.

23. О СВОБОДЕ

Если кто-нибудь требует свободы или призывает к ней, то он обязан точно сказать, *кто* должен быть свободен и *от чего* он должен быть свободен. Ибо свобода *всех* от *всего* привела бы только к общему разнузданию, разврату, поножовщине, хаосу и гибели.

Мы признаем и чтим свободу потому, что молиться, любить, творить, иметь убеждения, исследовать, совершать совестные поступки и строить семью — человек может только *сам, изнутри, по собственной инициативе, добровольно*. Все попытки предписывать, заставлять или принуждать в этих областях вредны и бессмысленны. Вот почему человеку необходима свобода сердца, веры, со-

вести и воззрений. Человек не механизм, а организм. Жизнь — как сад: она растет сама. А власть — как садовник: она может и должна только направлять этот свободный рост.

Это не значит, что все, что люди делают в этих областях жизни, одинаково хорошо и что им надо предоставить безграничную свободу. Преступное должно быть оговорено, запрещено и подвергнуто пресечению и наказанию. Злое и растленное должно быть решительно и сурово остановлено в своих *внешних* проявлениях; но *внутренно* оно должно воспитываться и преобразаться в свободном общении.

Однако получая эту внутреннюю *свободу духа* (свободу исповедания, любви, творчества, исследования и воззрений), человек призван не к тому, чтобы злоупотреблять ею, но чтобы *верно, предметно наполнить ее и осуществить ее в жизни*. Свобода веры не есть свобода изуверства. Свобода любви не есть право на разврат или извращение. Свобода творчества не есть свобода лени или безответственного произвола. Свобода исследования не есть свобода шарлатанства, лжи и фальсификации. Свобода воззрений не есть право на притворство, на продажность, соблазн или совращение глупых, необразованных или малолетних. Кто *так* понимает свободу духа, тот заслуживает того, чтобы у него ее отняли.

Свобода духа дается человеку именно для того и только для того, чтобы он *сам* освободил себя *внутренно* от звериного инстинкта, от порочных страстей, от дурного произвола и всяческих непредметных пристрастий. Свобода совести не есть свобода от совести. Свобода убеждений не есть беспринципность. Свобода питания не есть оправдание обжорства или пьянства.

Итак, свобода духа дается человеку только для того, чтобы он освободил свою *волю* от злых влечений и созрел к *христианской свободе*: к свободе самостоятельного, ответственного, совестного служения делу Божьему на земле (к этой свободе люди, конечно, могут приближаться и в нехристианских исповеданиях).

И вот политическую свободу (свободу публичного слова, печати, собраний и участие в выборах) можно и должно предоставлять только тому, кто словом и делом

показал, что он воспитывает себя к такой свободе воли и преуспевает в этом. Именно поэтому политическая свобода не дается сумасшедшим, преступникам и малолетним. Именно поэтому ее нельзя давать пьяницам, морфинистам, людям заторных профессий, дезертирам, взяточникам и всем осужденным по суду чести. И именно поэтому ее нельзя предоставлять людям, исповедующим *безбожие*, исповедующим *религию зла*, приверженным к учениям *ненависти, мести и зависти*, отвергающим *право и государство*, подрывающим основы родины, чести, совести и дисциплины.

Современная политика должна найти новые, жизненные мерила для политической зрелости гражданина и устранить незрелых или политически порочных от участия в политической жизни.

Только такое оздоровление духа и политики откроет людям верное разрешение вопроса о равенстве и справедливости.

24. О РАВЕНСТВЕ И СПРАВЕДЛИВОСТИ

Люди от природы не равны: ни здоровьем, ни полом, ни возрастом, ни красотой, ни силою, ни выносливостью, ни телесными потребностями. Они не равны и душою: ни восприимчивостью, ни отзывчивостью, ни памятью, ни умом, ни образованием, ни чувством, ни волею, ни творческим воображением, ни душевным здоровьем. Люди не равны и духом: они по-разному веруют и молятся; у них разные художественные вкусы. Мы не знаем двух одинаковых поступков, подвигов или преступлений. Мы знаем, что все люди единственны в своем роде и неповторяемы: мы знаем, сколь незаменимы у нас мать, жена, сын и друг; наше сердце всегда содрогается от разлуки, от невозвратности счастья и любви, от неправомерности всякой обиды, от смертности гениального человека...

Итак, люди *не равны*. Как же справедливость может требовать «равенства», т. е. *одинакового* обхождения с *неодинаковыми* людьми? Она этого и не требует. Напротив: справедлив человек тогда, когда ему удастся обходиться *неодинаково* с *неодинаковыми* людьми и притом —

соответственно их неодинаковости. Справедливость требует индивидуализированного подхода к человеку, личного учета, приспособления; справедливость не отвлеченна и не механична — она *художественна и любовна*, она старается верно (предметно) рассмотреть каждого человека и указать ему в жизни верную (предметную) сферу свободы и права.

Итак: справедливость требует не «равенства», а *предметного неравенства*. Так, кому много дано, с того надо больше взыскивать; и это справедливо. Кому меньше дано, с того надо меньше взыскивать; и это тоже справедливо. Есть *справедливые привилегии*, например женщины не служат в солдатах; беременные женщины освобождаются от труда; налог должен быть подоходным и прогрессивным. Но есть и *несправедливые привилегии*: напр<имер>, если только богатые имеют право получать образование; или если богатому обеспечена безнаказанность по суду; если только членом коммунистической партии предоставляются все блага жизни; если одни фабричные рабочие имеют доступ к высшим должностям и т. д.

Поэтому *никогда не следует обещать народу равенство*. Нелепо и невозможно уравнивать людей в их естественных свойствах. Несправедливо и разрушительно уравнивать неодинаковых людей в их правах.

Чтобы люди переносили *естественное* неравенство, надо их воспитывать к *свободе от зависти*. Зависть есть один из главных источников злобы, вражды, мстительности, беспорядка и революции. Зависть разрушительна; она портит, вредит, отнимает, убивает. Она говорит: «Я, а не ты». Напротив, жизненно и созидательно *соревнование*: «И ты, и я; посмотрим, кто лучше, а кто победит, тому не завидуй». Никогда не надо смотреть на то, чего у меня *нет*, а у других есть: надо смотреть на тех, кто беднее; ибо у них много нет, что у меня имеется. Это есть первое средство против зависти.

Чтобы люди переносили *правовое* неравенство, надо им объяснить, что *несправедливый* порядок лучше, чем *несправедливость всеобщего хаоса и резни*. Полной справедливости никогда не было на земле; при всяком порядке будет оставаться несправедливость. Но *пока есть поря-*

док, с несправедливостью можно бороться. А в революции и в гражданской войне царит голый произвол и с несправедливостью бороться нельзя: бессовестные грабят беззащитных и человек человеку волк.

Людей много. Каждый добивается своего. Как воздать каждому надлежащее? Как водворить всеобщую справедливость? Как найти эту желанную меру в жизни? Ведь люди обычно называют «справедливым» то, что им самим выгодно. Поэтому необходимо воспитывать в людях *чувство законности и чувство справедливости*. А для того чтобы люди до поры до времени терпели неизбежные несправедливости жизни, нужна всеобщая твердая *уверенность*, что «мы все искренно желаем и честно ищем справедливости для каждого из нас».

Революция звала людей к равенству и создала великий обман: новое неравенство и всеобщее угнетение. Мы должны звать людей к иному. Мы говорим:

надо примириться с естественным неравенством людей;

надо свободно и добровольно признавать чужой ранг;

надо совестно, братски искать живой справедливости;

надо открыть дорогу таланту, личной инициативе и нравственно сильным, ответственным, качественным людям, преобладание которых было бы для всех убедительным и водительство коих говорило бы само за себя.

Только на этом пути нам удастся уgomонить революционные страсти и воссоздать Россию.

25. О ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Может быть, ни в чем люди не воспринимают так болезненно отсутствие свободы и отсутствие равенства, как именно в сфере имущества.

Свободу творчества человек должен иметь и в области хозяйства. Человек хозяйствует из инстинкта самосохранения. А этот инстинкт есть начало *личное и самодеятельное*. Поэтому жизненны только те способы хозяйства, которые пробуждают и напрягают этот творческий инстинкт, а не пресекают и не подавляют его.

Именно частная собственность пробуждает и напрягает хозяйственный инстинкт и хозяйственное творчество

человека; она дает человеку уверенность в том, что продукт его труда не будет у него отнят; она дает ему спокойствие и вызывает в нем волю к усердному и постоянному труду; человек начинает охотно «инвестировать» (облекать) свой труд в вещи, как бы доверять его им; его чувство прилепляется к «своим» вещам (любовь к своей земле, к мастерской, к библиотеке), его воля оживает и дышит как бы полной грудью; его воображение творит, создает, предвидит; его мысль ищет знаний и верно разрешает жизненные задачи; его тело работает до пота и крови. Но именно тогда-то и обнаруживается, что его *личный* инстинкт служит не только самому ему, но и семье, и роду, и обществу; и что от его *самостоятельности*, от его частной инициативы приходят в движение все силы и возможности народной жизни.

Отменяя частную собственность, социализм и коммунизм пресекают действие этого инстинкта; они подавляют его и делают его бесплодным. Поэтому они не жизненны и обречены на хозяйственный провал.

Христианин должен глубоко и верно продумать все это, ставя перед собой вопрос о хозяйстве. Человек создан личным, индивидуальным и самодеятельным; таков он *от Бога и от природы*. Изменить в этом что-нибудь — пересоздать человека — нам не дано. Но нам задано *воспитать* душу человека так, чтобы *опасные* стороны частнособственнического строя (а следовательно, и капитализма) не влекли за собою противохристианских последствий.

Это значит взрастить в человеке *христиански-социальное понимание частной собственности*. «Спасителен» не социализм, а творческое сочетание *свободы, всенародного братства и справедливости*. Здесь не может быть единого практического рецепта для всех стран и народов. Проблема должна быть разрешена для каждого народа в отдельности в порядке *национально-христианского* воспитания и верных реформ.

В душах надо укрепить: творческую заботу о том, чтобы не было неимущих и безработных; свободу от зависти и естественное братское доброжелательство; уверенность, что богатство не определяет человеческого достоинства;

чувство общественной и нравственной ответственности за свою собственность; живое понимание, что всякий честный труд почетен; волю к общественной и национальной солидарности. В жизни надо утвердить три основы: *изобилие, качество продукта и щедрость.*

Только такое воспитание поможет людям найти новые формы частной собственности и установить законы, при помощи которых христианский дух преодолет дурные формы и дурные последствия имущественного *неравенства.* Итак, частная собственность есть как бы естественное, необходимое *земное жилище* человеческого инстинкта и человеческого духа. Нельзя отнимать его. Но надо научить человека владеть им творчески и братски.

26. О НАЦИОНАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ

Что для человека — частная собственность, то для народа и государства — его территория: *земное жилище национального инстинкта и национального духа.* Народ, творящий свое национальное дело, дело своей духовной культуры, нуждается в этом земном жилище, бережет его и обороняет. Это естественно и неизбежно. Народ призван владеть своей территорией в культурном и хозяйственном отношении, извлекая богатства из ее природы и для себя, и для других народов. И если он не выполняет этого призвания, то он рано или поздно окажется неспособным и *оборонять* ее. *Культура духа, культура природы и оборона страны* связаны между собою глубокою связью и эта связь бывает для народов судьбоносною.

Народ живет *не для земли и не ради природы.* Но он живет *на земле и от земли.* Ни одна великая культура не была создана кочевым народом или народом, находящимся в рассеянии. Настоящая культура начинается с оседлой и совместной жизни. Территорию мало завоевать; ее надо освоить и культивировать. Право на нее приобретается не только воинственно пролитой кровью, но и ее хозяйственным, и техническим приспособлением для жизни, а также ее искусною и упорною обороною. Тогда территория перестает быть пространством, условно ограниченным таможенями, но становится *творческим созданием народа.* Добытая кровью и трудом, волею и

духом, она становится *национальным наследием, священным достоянием нации**.

Народ теряет территорию тогда, когда оставляет ее лежать «впусте». Народ теряет территорию, когда в нем угасает воля к обладанию ею. Народ теряет территорию, когда он оказывается духовно, хозяйственно и стратегически бессильным для ее удержания.

Народ имеет право добровольно отказаться от ненужных ему кусков территории (так Россия уступила Аляску Северо-Американским Соединенным Штатам в 1867 г. за 7 200 000 долл.). Но народ имеет право *не отказаться* и от той территории, которая отнята у него силою оружия (так Италия не отказалась от Триеста и Триента и получила их вновь; так восстановилась трижды «разделенная» Польша и др.). Завоеватель должен всегда помнить, что история еще не сказала своего последнего слова; что занятие войсками и провозглашение «аннексий» часто бывает только *началом борьбы*; что насильственное присоединение территорий и народов может стать для самого завоевателя внутренним бедствием, историческим проклятием, началом конца (например, присоединение Австро-Венгрии в 1909 г. Боснии и Герцеговины). «Завоевать» — не значит освоить (достаточно вспомнить всех великих завоевателей, начиная от Тутмоса I, Александра Великого, Атиллы и Чингисхана и кончая Наполеоном); «присоединить» — не значит удержать. Завоеванный народ может как бы пробудиться от сна именно вследствие временного завоевания (Пруссия при Наполеоне).

Каждый русский патриот должен знать и видеть свою национальную территорию и ее природу; он должен крепко продумать ее состав с исторической, политической и хозяйственной точки зрения. Он должен знать, как она слагалась в истории, какую цену присоединялись к ней отдельные части; зачем каждая часть нужна России и что может означать для России ее утрата.

* Это не значит, что территория принадлежит народу на праве *частной собственности*; она принадлежит ему на праве *публичного владения*. Но культурная связь народа с территорией определяется именно через идею земного жилища и возделываемого поля.

27. НАЦИОНАЛЬНАЯ АРМИЯ

Армия представляет собою *единство* народа; его мужественное начало; его *волю*; его *силу*; его *рыцарственную честь*. Так она должна восприниматься и самим народом.

В будущей России отношение народа к армии обновится и углубится. Народ не должен и не смеет противопоставлять себя — своей армии, как это было перед революцией: «мы — рабочие, крестьяне, штатские, интеллигенция», а «они — военщина, орудие реакции, усмирители, опричники, янычары»... Это болезненное и позорное отношение исчезнет навсегда. На самом деле все обстоит иначе. Мы — это русский народ со всеми его братскими меньшинствами; и в нем — наше почетное и ответственное, вооруженное и знаменами славы осененное волевое средоточие, *наша армия и наш флот*: наша сила, наша надежда, основа нашего национального существования. Кость от нашей кости, кровь от нашей крови, дух от нашего духа. Мы сами ее составляем. Ее победа — наша победа. Ее разложение — наша гибель. Она — воплощение нашей национальной рыцарственности; ограда нашей национальной целостности и независимости.

Принадлежать к ней — значит не «отбывать воинскую повинность». А осуществлять свое *почетное право* и *приобщаться национальной славе*. Воинское знамя есть священная хоругвь всего народа. Военный инвалид есть почетное лицо в государстве.

Русская армия всегда была школой русской патриотической верности, чести, дисциплины и стойкости. Самое воинское звание и дело заставляет человека выпрямить хребет своей души, собрать свою распушенную особу, овладеть собою, победить свой «страх» и сосредоточить свою выносливость, мужественность и храбрость. Армия невозможна без *самообладания* и *усердия*. Армия требует воинского качества. Она гасит в душах распушенность, лень и склонность к раздору. Она учит повиновению и ответственности. Она приковывает волю человека к воинской чести, а чувство единства и солидарности — к своей воинской части. Армия невозможна без характера, патриотизма и жертвенности. Ее лозунг: «Жить для России и умереть за Россию».

Русскому народу предстоит изведать опять это радостное, искреннее волевое единение со своей армией. Это даст армии настоящий расцвет, а русскому народу — настоящий закал характера. Тогда будут осмыслены все великие заслуги армии в создании России, от похода князя Игоря на половцев до последней европейской войны, от Александра Невского до Салтыкова⁶ и от Петра Великого и Суворова до наших дней. Тогда будут окончательно сформулированы и признаны основы русской национальной стратегии и тактики, над которыми так ревностно работал всю жизнь генерал А. К. Байов*. И тогда каждая из народностей России по-настоящему вложит в оборону своей единой родины — свою самобытную доблесть и военное искусство.

Дух народа станет духом армии, и обратно. А сама армия станет истинной школой патриотического служения, верного заветам ее великих вождей — князей, императоров и полководцев.

28. О МОНАРХИИ И РЕСПУБЛИКЕ

Какая государственная форма установится в России после революции — мы не знаем. Мы не в состоянии предусмотреть и предопределить надвигающихся событий. Мы должны помнить, что мы всего-навсего незначительная часть русского народа и что за нами нет силы, которую мы могли бы противопоставить внутрирусской стихии и международным силам. Но мы знаем, что *мы примем Россию в момент падения большевиков такую, какова она будет к тому времени: с переутомленной, измученной, ожесточившейся народной душой, с дезорганизацией повсюду, в состоянии всестороннего оскудения и растерянности. Какая государственная форма будет тогда возможною, необходимою, желательною, спасительною? Ответ ясен и прост: внепартийная, сверхклассовая, национальная, религиозно-вдохновенная и жизненно-творчески-гибкая диктатура. Только она сумеет властно, авторитетною рукою остановить всякую новую гражданскую*

* См. поучительную книгу генерала Б. А. Штейфона «Национальная военная доктрина».

войну, подавить партийную резню и националистические погромы, сократить период хаоса, побудить население немедленно взяться за мирный труд, приступить сразу — к очищению страны от коммунистической нечисти и к водворению справедливых, устойчивых форм правопорядка. Без этого стране предстоит новая эпоха длительного распада и хаоса, с *вечными восстаниями авантюристов, субсидируемых из-за границы*, и с новыми попытками гибельных расчленений извне и изнутри. Никакая республиканская форма — центробежная по своей природе — не справится с этой задачей. Никакая монархическая форма не сможет быть установлена на основе не осевшего хаоса, в пыли и грязи революционно-контрреволюционного кипения. Спасти Россию сможет только *полновластный глава государства*, вокруг которого мы сможем творчески объединиться, *забыв все и помня одну Россию, не предпрешая* той окончательной государственной формы, в которой Россия сможет в дальнейшем жить и крепнуть.

Это есть великая иллюзия, что «легче всего» возвести на престол законного Государя. Ибо законного Государя надо заслужить сердцем, волею и делами. Мы не смеем забывать исторических уроков: народ, не заслуживший законного Государя, *не сумеет иметь его*, не сумеет служить ему верою и правдою и предаст его в критическую минуту. Монархия — не самый легкий и общедоступный вид государственности, а самый трудный, ибо душевно самый глубокий строй, духовно требующий от народа *монархического правосознания*. Республика есть правовой механизм, а монархия есть правовой организм. И не знаем мы еще, не видим мы еще, будет ли русский народ после революции готов опять сложиться в этот организм. Отдавать же законного Государя на растерзание антимонархически настроенной черни было бы сущим злодеянием перед Россией.

Посему: да будет *национальная диктатура, подготовляющая всенародное религиозно-национальное отрезвление!*

При таком положении дел нам, в зарубежии, надлежит блюсти скромность. А политически-партийное доктринерство из пространственного и временного далека является непозволительным. Мы должны быть готовы к

возвращению в Россию и к служению ей на месте *при всяком небольшевистском, некоммунистическом строе*. Мы будем служить ей, ее Делу, ее возрождению — предметно, честно и грозно. И тогда там на месте, учитывая реальную обстановку общенационального русского бытия, мы вместе со всей остальной Россией сумеем найти и создать, именно *творчески создать*, новую государственную форму для нашей родины.

Именно в этом смысле, и *только* в этом смысле, мы считаем правильным *не предрешать* будущую государственную форму в России. Нам «приемлема» всякая небольшевистски-коммунистическая Россия; мы примем Россию во *всякой* политической форме — *...только бы она нас опять приняла в свое вековое лоно*. И так обстоит потому, что мы *от России никогда и не отрывались*, что и в революционной горячке, и под коммунистическим игом, и в мученичестве тюрем, колхозов и концентрационных лагерей она всегда оставалась нашим духовным, национальным и территориальным лоном, нашей родиной, нашей святыней; и клятвы верности ей, произнесенные нами, будут жить в нас до конца.

Но это не значит, что мы согласны быть людьми без политической идеи, без государственного идеала, без национальной памяти и благодарности, без волевого хребта; людьми, не постигшими исторических путей и судеб своей родины; отвлеченными мечтателями, воображающими, что есть единая государственная форма, наилучшая для всех стран и народов, или что любой народный организм может по человеческому произволу жить и развиваться в любой государственной форме...*

В вопросе о монархии и республике ныне необходимо идейное очищение душ и глубокий идейно-государственный пересмотр. Здесь нельзя восклицать, шуметь, агитировать, интриговать и грозить. Здесь все поколеблено событиями последних двадцати пяти лет. Здесь ничего «само собой» не «разумеется». Здесь необходимо идейное творчество, восстановление старых забытых истин и но-

* Как образец отвлеченного доктринерства в политике, укажу на брошюру Ф. Ф. Кокошкина «Республика», Петроград, 1917.

вое освящение и новое углубление их из глубины нового опыта и вынесенных страданий.

Те, кто хотят быть ныне «русскими республиканцами»*, должны прежде всего показать совместимость русского исторического бремени и русской исторической судьбы с республиканской формой; они должны вскрыть республиканские способности и склонности русского правосознания, если таковые имеются; они должны показать, что республика всегда была формой русского национального расцвета или, если этого доселе не было, — что так «наверное будет в дальнейшем» и почему именно... Если же они не сумеют доказать этого, то им придется остаться при их отвлеченном «идеале» и признать его *неприменимость в России*. Ибо нелепа и скандальна такая постановка вопроса: «Россия должна стать республикой хотя бы ценою собственной гибели».

Но и этого мало, они должны открыто и принципиально *сосчитаться с фактом большевистской республики*, ибо этот факт *вскрыл в республиканстве ряд больных и отвратительных уклонов*. Им придется доказать, что начала классовой борьбы, личного карьеризма, партийной интриги, гражданской войны, одним словом — всяческой социальной и политической *центробежности*, не составляют самой сути республиканства. Они должны открыто выговорить, что идея республики переживает в России и повсюду острый кризис, ибо *именно республика оказалась подходящей государственной формой для большевистского содержания*. Пока русские республиканцы этого не сделали, пока они пытаются игнорировать постигшую их беду и притворяются, будто ничего особенного не случилось, они продолжают оперировать устаревшей и мертвой схемой; и к их республиканству нельзя относиться серьезно.

А те, кто хотят быть ныне *русскими монархистами*, должны утвердить свой монархизм в событиях и судьбах русского прошлого и вслед за тем показать, что русская национальная и историческая проблематика по-прежнему

* Я подчеркиваю эту формулу: она означает «республиканцами из любви к национальной России». Ибо «республиканцем для России» может быть любой доктринер-иностранец, чуждый России, не принимающий ее благо к сердцу.

требует монархической формы, что Россия может стать республикой только ценою своей собственной гибели. Мало быть «монархистом» в смысле отвлеченного идеала; Россия есть великая историческая реальность, а мы обязаны стать *политическими реалистами*. И иностранцы должны понимать и чтить этот реализм так, как мы умеем чтить реализм швейцарского или североамериканского республиканства.

Но и этого недостаточно. Русские монархисты обязаны открыто сосчитать с фактом крушения монархии в России и доказать, что *монархическая Россия рухнула не потому, что она была монархическая*. Они должны мужественно осмыслить и исследовать это крушение и постигнуть его духовные, социально-экономические и национально-имперские причины, и тогда заново обосновать и оправдать *идею монархии*. Они должны показать, что все те обвинения, которые выдвигаются республиканцами против монархии, — «вредная централизация», «кастовый режим», «бюрократическое средостение», «бесправный произвол», «реакционный обскурантизм», «временничество» и т. д., словом, все начала *вредной и застойной центристственности*, — совсем не составляют самой сути монархизма. Они должны доказать, что монархия сокрушилась в России не потому, что монархическая стихия была слишком *сильна* в стране, а потому, что она *ослабла, расшаталась и выветрилась в душах*; что за последние двадцать лет перед революцией государственный строй в России был «монархией» больше по закону и по имени, чем по существу, ибо радикально настроенная интеллигенция проводила *противомонархическую* тактику *изоляции*, оклеветания и обессиления Царя; что *монархия в России заживо захлебнулась в чисто республиканской стихии недоверия к главе государства, ослабления его власти, интеллигентского честолюбия и партийной борьбы за власть*. Пока русские монархисты этого не сделали, пока они не очистили и не укрепили свое собственное монархическое правосознание и не доказали всем, что монархическая идея *творчески жива, сильна и национальна* (а не партийна!), они рискуют тем, что их «политику» будут принимать за политиканство и

что они сами извратят идею монархии до полной неузнаваемости...*

Ныне весь мир стоит на великом распутии: и духовно, и политически, и социально. *И кто хочет жить старыми, отжившими трафаретами, тот не имеет ничего сказать миру.*

Новое же добывается лишь через духовный опыт и творческое созерцание.

29. РОССИЯ СПАСЕТСЯ ТВОРЧЕСТВОМ

Возродить Россию может только новая идея: ее могут воссоздать только обновленные души.

Нет больше *былой* России. Нет ее и не будет. Будет *новая* Россия. По-прежнему Россия, но не прежняя. Ее дух жив и будет жить; мало того, в невиданном крушении и в исторически небывалых страданиях дух русского народа очистится и углубится, закалится и расцветет. Но ее общественный и государственный уклад будет иной; и хозяйственный строй ее будет новый. Самый душевный материал, из которого будет строиться новая Россия, окажется не тем, что прежде. Все проблемы будут поставлены заново; все борозды и межи будут проведены иначе. Мы должны понимать это и предвидеть; мы обязаны готовиться к этому. Все, что было в нашем прошлом священного, мы должны понимать и хранить. Мы не смеем забыть ни одного из тех уроков, «нежданных и кровавых», которые послала нам история. Мы не отречемся ни от одной национальной святыни. И тем не менее мы должны готовить *не реставрацию, а новую Россию.*

Мы не должны пугаться этого: нас учит этому все наше историческое прошлое. Всю историю Россия провела в том, что *строилась на пепелище*. И то пепелище, которое останется нам в наследство от большевиков, будет не страшнее тех пепелищ, которые оставались нам от татар или от Смуты. Страшнее, опаснее будет то *духовное пепелище*, которое мы унаследуем после их крушения.

За прежними культурными, политическими и социальными лозунгами, увлекавшими русскую интеллиген-

* Ср., например, кощунственную, бредовую и бесконечно пошлую идею «Царь и Советы».

цию (от «кантианства» до «толстовства», от «демократии» до «анархизма», от «народнической общины» до «марксизма»), осталась некая духовная пустота; вся эта идеология повисла над бездною и все эти идеи стали беспочвенны и мертвы. Обновить их, наполнить их новым, зиждущим содержанием сможет только тот, кто, отрешившись от всех доктрин и предрассудков, *уйдет опытом и созерцанием в глубину, к последним истокам человеческого духа*, к последним корням человеческого существа и человеческой веры.

Мы должны понять и усвоить эту суровую истину: *бездейная интеллигенция не нужна своему народу*. Она не исполняет своего назначения; она не может никого вести; она есть мнимая реальность, историческая накипь, политический мираж.

Нет «всеисцеляющих средств» и рецептов; нет спасительных трафаретов. И заимствовать их нам не у кого. Никто не развеет руками нашу беду, никто не сумеет и ума приложить к ней. А если бы нашлись такие из иностранцев, то только с тем, чтобы использовать нашу беду и попытаться построить на ней свое собственное благополучие.

Россия спасется творчеством — обновленной религиозной верой, новым пониманием человека, новым политическим строительством, новыми социальными идеями.

Так, западноевропейский разрыв между *научным знанием* и *верою* может привести культуру только в тупик и в разложение. Россия будет добывать себе *новое знание и новую веру*^{*}.

Безбожная *мораль* черствой порядочности — не удовлетворит русскую совесть.

Русское *искусство* вернется к своим собственным созерцаниям и глубинам, и западный модернизм перестанет быть для него соблазном^{**}.

* При этом разумеется не новая религия, а новый акт веры в пределах православного христианства. См. об этом мою статью «Идея обновленного разума» в № 5 «Русского Колокола».

** См. об этом мою книгу «Основы художества. О совершенном в искусстве».

Европейский разрыв между формальным *правом* и живым правосознанием — не поведет за собою Россию. Возникнет новая, *русская культура права*.

Россия создаст *новую политическую форму*, подходящую только для нее, но зато действительно соответствующую всем ее нуждам.

Возникнет новая русская, национальная *культура*, которая пойдет от *прежних* национальных корней, но по-новому и к новому расцвету.

То, что нам нужно, есть *новая постановка и новое решение* все тех же вечных проблем, но из нового, национально-трагического опыта истории. Мы повинны России новыми идеями и новыми ведущими словами; не отрицательным только, но и положительным; не отвлеченными выдумками, не рассудочными построениями, не демагогическими выкриками. Здесь спасительны только: *чувство ответственности, почвенность духовного опыта, серьезность ищущей мысли*. Ибо те новые идеи и новые слова, которые необходимы новой России, будут, вероятно, лишь вновь открытую, но зато по-новому постигнутою древней мудростью.

Эта древняя и священная глубина духовного опыта не должна отпугивать нас. Наоборот, увидеть сквозь завесу новых событий старую истину и ее верность, увидеть ее по-своему и по-новому, извлечь из нее умудрение для будущей России — будет для нас не разочарованием, а радостью. Ибо в конечном счете новое ценно не новизною своею, а *целительной верностью*.

Русский народ вернется к Богу и ко Христу, чтобы по-новому заткать и создать новую христианскую культуру.

30. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Восстановить Россию можно только верным, предметным служением ей, которое должно быть почувствовано и осмыслено, как служение Делу Божьему на земле. Нас должен вести религиозно осмысленный патриотизм и религиозно вдохновленный национализм. Тогда наше служение найдет верные пути и примет верные формы.

Вот основы такого служения.

1. Для всех политических событий есть единое и единственное мерило: русский национальный интерес — интерес Богу служащей России.

2. Россия ни на кого не похожа. Она — единственна в своем роде во всей истории человечества. Она идет своими путями. Ей необходимы свои, особые формы жизни.

3. Чтобы найти эти новые русские формы бытия, надо созерцать Россию как она есть — *ее дары, ее опасности, ее нужды, ее силы и слабости*; и *из нее самой, для нее самой* создавать верный уклад, и строй, и порядок, и власть, а не навязывать ей иностранные, инославные, иноплеменные трафареты.

4. Россия — наше отечество, наша родина, русское государство — выше классов, сословий, партий, выше всякого лица и всякого рода, выше династии. *Мы призваны ей служить, а не она нам.* Она не есть «механическая сумма» лиц, партий и классов. Она есть живое, органическое, таинственное и священное единство и зовет нас всех к совестному единению перед лицом Божиим.

5. Русский — это тот, кто принимает Россию огнем своей любви и служит ей волею и делами. И вот, русский русскому — брат в предметном служении Родине как общему и совместному Делу Божьему на земле. Мы свободны объединяться с нашими братьями по одиночувствию и единомыслию. Но всякая непредметная вражда, борьба и ненависть между русскими — запретна и позорна.

6. У русских должна быть ныне одна главная забота: во всем и всегда искать ответственного служения, стоять «безо всякие штатости» и дело России «нести честно и грозно». И так служа, искать себе таких же людей, верных, крепких и грозных. С ними договариваться до полного доверия. И беспощадно жечь в себе всякие непредметные и противопредметные побуждения.

Таковы основы борьбы за национальную Россию.

СВОБОДНАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

1. ИСТОРИЧЕСКИЙ МОМЕНТ

Последние две тысячи лет все развитие европейского общества происходит под знаком обретенной и утраченной индивидуальности.

Идея последней пришла в мир с *Откровением Христа*. Сначала она светила нам в христианском видении совершенного человека, потому что христиански совершенный человек не просто *милостив и добр*, а еще и *свободен*, как его вера; еще и *счастлив*, как его свободная любовь. Свободен потому, что сам, автономно, постиг Закон Божий и сам же несет перед Богом ответственность; свободен потому, что по своей воле может избавиться от греха и на протяжении всей своей жизни в дальнейшем осознавать себя в этой своей ответственности духовной реальностью, и следовательно — бессмертным*.

Итак, христианство отстаивало человека свободного, который вследствие спонтанной любви и пережитой им очевидности обращается к Господу, свободно на своего Господа взирает, свободно воспринимает Его закон, а потом переносит эту внутренне обретенную *свободную лояльность* на свою жизнь и культуру в целом. Свобода и любовь знаменовали собою акт веры и акт жития христианина. Европейская культура, таким образом, никогда не должна забывать, откуда она заплучила основы своего самоопределения в творчестве и свободную лояльность в политике.

* См. Новый Завет: «Итак, будьте совершенны» (Мф. 5. 48); «радуйтесь, усовершенвайтесь» (2 Кор. 13, 11); «Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете» (Ин. 8, 36); «но кто вникнет в закон совершенный, закон свободы...» (Иак. 1, 25); «Сие сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна» (Ин. 15, 11); особенно же см. о *совершенстве*: Мф. 19, 21; Лк. 6, 40; Еф. 4, 13; Кол. 2, 10; 4, 12; 2 Тим. 3, 17; 1 Ин. 2, 5; Евр. 9, 9; Иак. 1, 4; 3, 2; и еще 2 Кор. 13, 9; Кол. 3, 14; Евр. 6, 1; о *свободе*: Мф. 17, 26; Ин. 8, 32; Рим. 8, 2; 8, 21; 1 Кор. 7, 21, 22, 37; 1 Пет. 2, 16; 2 Кор. 3, 17; Гал. 5, 13; Иак. 2, 12; о *радости*: Ин. 16, 24; 17, 13; 2 Кор. 13, 11; 2 Ин. 12 и др.

Но этот евангельский завет, это христианское наставление начали утрачивать уже в *Средневековье*. Рим заменил любовь волей, а свободу — послушанием и дисциплиной. Тем самым вера была регламентирована, но уже несвободна; внешняя жизнь была в известной мере упорядочена, но ценою внутренней свободы.

Эпоха *Гуманизма* и *Ренессанса* (с 1300 по 1600 г.) попыталась освободиться от этой регламентации и от этой упорядоченности, обратившись к античной культуре и к объективному наблюдению природы. Однако вместе с античностью проснулся не столько древний, наивный, образно-созерцательный дух греков, сколько не в меру регламентированный, не в меру подавленный в эпоху Средневековья инстинкт уже ничем не сдерживаемой жажды наслаждений, вырывающегося на волю «греха». Античные боги были уже не боги, а, скорее, зловещие природные силы, демоны-нехристи, у которых человек в своей пошатнувшейся вере и предрассудках учился дехристианизации и разнузданности. Из этого выходила не религия, а скорее — путь в безбожие; не свобода от христианства, а разгул нелояльности, «*libertas per uitium*»¹. Такая «свобода» несет в себе будоражащую, обновляющую, но далеко не освободительную силу, а потому должна была сойти на нет.

Но не вся, не полностью. Жажда свободного знания и свободной веры в ней остается и о себе заявляет. Эпоха *Реформации* черпала из этого источника свои силы и поворачивала путь такого рода в новом направлении. Человек должен знать, во что он верит, потому что он свободен. Человек должен молиться по своему собственному побуждению, потому что может обращаться к Богу свободно и непосредственно. Ведь в делах религии самое главное личное и внутреннее, и свободная индивидуальность призвана к проявлению религиозной инициативы. Таким образом, Реформация стала борьбой за свободную индивидуальность.

Раскрепощенная индивидуальность выступала, естественно, с критикой и начала отрицать все, что ей казалось непонятным («неразумным»). Ясно мыслящий человеческий рассудок вознесся со своей вездесущей волей над

духовными источниками религиозного опыта и начал свою осуждающую деятельность. В дальнейшем развитии (XVIII и XIX вв.) свобода бытия стала означать то же самое, что и свобода мышления, а свобода мышления означала исключение всего и вся кроме рассудка и чувственного опыта.

Так, из духа гуманизма и Реформации образовалась лавина свободы. Гуманисты придали ей все в светском плане, а реформаторы — в религиозном. В результате в сфере религии началось мощное оживление, обращение к миру души, индивидуализации и какое-то просветление веры. В сфере же мирозерцания — секуляризация, автономность наблюдающего, исследующего и выносящего свои суждения человека. Это тоже было освобождением, результатом которого был тот самый мыслящий человек, который заметнее утрачивал свою веру, который все больший упор делал на «просвещенный» разум-рассудок, на критико-аналитическое размышление вне созерцания, любви и веры. Исследователь-рационалист обретал тем самым свободу, зато все глубже утрачивал веру. Этот же дух переметнулся и на политику. Закипели революции XVIII и XIX вв. Были провозглашены и признаны неотъемлемые права личности, и граждане начали упиваться своей внешнеполитической свободой. Но внутренние, нравственно-религиозные скрепы, единственно способные дать верное наполнение и направление вольностям извне, становились все слабее. Человек делался свободным не столько *в вере и благодаря вере*, сколько в безверии; делался свободным *от Бога*, свободным в плане *разнuzданности**.

Подобные тенденции вызывают медленно; сменяются люди, эпохи, и каждое поколение являет собою лишь ступеньку в их развитии. От поколения к поколению все больше исчезает вера, а с исчезновением последней все поверхностнее становится человек, все ниже склоняется он к материализму, формализму, техницизму; все меньше ценит *духовную* свободу; все чаще кажется ему, что

* См. об этом подробнее в четвертой главе моей книги «Ich schaue ins Leben», Furchе-Verlag, 1938 и 1939. (Русский перевод «Я вглядываюсь в жизнь» см. в т. 3 наст. Собр. соч. — *Ред.*)

«свобода» заключается в праздности, комфорте и политической власти. Технические изобретения XIX в., зарождение крупного капитала и пролетаризация масс вызвали к жизни «четвертое сословие», и проблема свободы в плане *расшатывания власти и экономики* стала четкой, как никогда. Государство все больше превращалось в инструмент борющихся за экономические права масс. Речь уже пошла не об «отеческом единении народов» или «мире порядка и справедливости для всех», а об одностороннем захвате власти пусть даже ценой этой самой свободы. Так постепенно вызревали духовные и экономические предпосылки современного тоталитарного государства. Попытка одним махом покончить с духовно подорванной, изнутри ущемленной свободой была уже вопросом времени.

Вот так и очутилось современное человечество перед фактом тоталитарного государства.

2. ПРОБЛЕМА НАШЕЙ ЭПОХИ

Этот короткий исторический взгляд назад освещает нам пункт развития, в котором мы пребываем в данный момент. Точнее, наступило время задаться вопросом о смысле и цене свободы. Что значит — свобода? И когда индивидуальность свободна?

Свободна индивидуальность не тогда, когда она развязана и идет на поводу своих низменных инстинктов и страстей; и не тогда, когда, скованная слепым послушанием, она кое-как совершает правое дело. Свобода — это *самоопределение к правому делу*. Свободный человек добр по собственному почину; он поступает правильно из собственных убеждений. Свобода — это самоограничение, самоуправление и спонтанная лояльность. Только на этом пути любовь, добро, долг, дисциплина получают свою нравственную полноценность. Только так любовь становится творческой, добро — открытым, долг — радостным, а с дисциплиной стирается и последняя капля пота тяжелого² труда.

Христианство явило нам истинный облик божественной свободы во Христе — Сыне Божиим. Тем самым оно

дарит нам видение верующего, совершенного и в совершенстве своем свободного и радостного человека. И это видение мы утратили. Человечество заблудилось между *верой без свободы и свободой без веры*. Вера без свободы недостойна человека. Это испытали уже наши предки и отправились на ее поиски. Но в последние века они предали свободу без веры; *и вот теперь испытали это и мы*.

Свобода без веры — это свобода без глубокого и последнего укоренения. А свобода без внутренней укорененности все заметнее смахивает на разнузданность. Последняя же означает бесцеремонность и безудержность, *наглый произвол, безмерность притязаний, волю к суровой власти, скатывание к тоталитарной деспотии, закат свободы*. Вот стихия, в объятиях которой нам приходится жить и бороться. А ведь эта эпоха к нам не с неба упала, не случайно настигла нас; это тяжкий, но глубоко мотивированный капитал в истории обретенной и утраченной личной свободы.

Два вала кипят и пенятся в современном мире: вал *безудержной разнузданности* и вал *тоталитарного закабаления*. Личной свободе в обоих случаях — конец. Заметим, однако, что два этих вала и не враждуют друг с другом, и не исключают друг друга. Первый катит вперед и уготовляет путь другому. Это — вконец распоясавшийся человек, дерзающий всех прочих подчинить тоталитарному рабству, и в то же время это человек, которого самого проще простого сделать рабом. Если это тип с сильной волей, закабаляет он; если безвольный — закабаляют его.

Вот и стремятся эти два потока из единого источника — из безбожной вседозволенности, но совершают общее дело — уничтожают свободную личность, кладут конец свободной индивидуальности. Первый поток только *прокатывает*³. Он разъедает дух личности, компрометирует свободу ее, развязывает войну всех против всех, создает хаос. Второй поток следует тут же, перекрывая и затопляя первый. Он порождает лишенную корней, расхлябанную до предела, скомпрометированную личность и набрасывает на нее новое ярмо. Он взнуздывает разнузданного человека и дает ему *новую веру — веру в безбо-*

жие, материализм, светскую власть и обезличенное счастье земного довольства.

Христианство говорит: в вере ты обретаешь истинную свободу, потому что она расцветает из твоего личного, добровольного обращения к Богу; тогда ты получишь свободную укорененность, начнешь проявлять устойчивость в самоопределении, познаешь свободную лояльность. Тогда-то ты и будешь свободен как убежденный в себе верующий, как свободно любящий, как господин своих страстей, как свободно лояльный человек в делах культуры и государства, потому что только на фундаменте свободной лояльности ты, как свободная личность, начнешь строить свою культуру, свою державу.

Современные соблазны вопиют к нам: оставьте веру, т. к. она порождена страхом и зиждется на обмане; она лицемерна; закрепощает мысль. Зачем вам какие-то душевные скрепы, ведь они только сковывают творческий полет. Освободитесь и тогда — вы растворите свою индивидуальность в «диких водах души» и в вас взвыграет дикий «человек» с его «ликующей плотью» (Ницше)*. Ведь ваше призвание — в экзистенции без тормозов. *Все относительно. Все дозволено.* Добро не для умных, здоровых, крепких и ловких людей.

Современные тоталитаристы пытаются приостановить эти дикие воды, и им это удастся. Точка зрения их примерно такова: Бога нет, а вера — всего лишь жалкий предрассудок. А потому церковные организации надо парализовать, ликвидировать или же сделать послушными. Человек — создание земное, без особых достоинств, без бессмертной души, без божественного призвания. Он — не что иное, как *колесико государства*, полезный (и в равной мере вредный) силовой центр, живая машина, *предрасположенная к строгому послушанию*. А потому человеческий индивид не нуждается ни в какой свободе. Свободные люди способны лишь к политической и экономической анархии. Отдельный человек и глуп, и ничтожен; им надо руководить, его надо опекать, его надо

* См. «Воля к власти», с. 154, 175, 195, 200, 209, 210, 326, 329, 341, 359, 365, 389. «Ессе Ното», с. 96, 147. «Антихрист», с. 12, 28, 29. Я цитирую работы Ницше, вышедшие в издательстве «Bong», том VII.

контролировать, а в случае необходимости — устранить или лишить жизни, заправлять всем этим должно государство: оно всесильно, как ему и подобает, оно может и должно быть «всею во всею». Людям должно предписывать образ жизни, мнений, мировоззрений, сферу занятости, рабочее время, часы досуга. Форму собственности, хозяйственного уклада, строительства жилья — все должно определять государство. В его монополии — пресса, школа, дело воспитания. Искусство и наука должны строго придерживаться предначертанной им линии. Есть только одна-единственная монополистическая партия и один-единственный государственный центр, к которому все восходит и которым все регулируется, государство поглощает все. Зато отдельный человек теряет все: свободу веры, свободу мнений, частную собственность, частную инициативу, все субъективные частные и общественные права вплоть до неприкосновенных, интимных сторон семейной жизни, актов совести и молитв.

Так вершит современное тоталитарное государство небывалое доселе, неслыханное подавление свободы личности, лишает свободы дыхания, гасит пламя свободы, кладет конец свободе бытия.

Это институт жизнеустройства, с которым мы должны бороться, который мы должны одолеть. Мы — сегодняшнее поколение европейцев.

Мы должны отстаивать личную свободу и, если она исчезает, бороться опять и опять. Но давайте сначала установим, что такое свобода, а уже потом заявим о своей приверженности ей.

3. ПРИЗВАННЫЕ К СВОБОДЕ

Мы отстаиваем личную свободу, потому что видим человека (всякого человека) в Божием луче; потому что признаем более высокое призвание его и достоинство. Вот почему человек для нас — *живой дух*, которому подобает *свободное самоопределение*. Он ведь не креатура, не какая-то отдельная экзистенция животного мира, не бездуховное «ничто»; а «духовная реальность», самостоятельная «ens geale»⁴, и именно поэтому становится сво-

бодным субъектом права, жизненной основой, творческим источником культуры.

Напрасно пыталось древнеримское право доказать, что раб — не правоспособный субъект, а бесправная вещь (*servus est res*⁵). Эта бездумная, ложная теоретически и недееспособная практическая конструкция постепенно утрачивала силу, поскольку рабы, эти так называемые «вещи», жили, служили, торговали, выказывали верность, достоинство, смекалку и своеволие, демонстрируя практикам и теоретикам, насколько они не правы. Пришлось признать правоспособность рабов и представить их правосубъектами, поскольку они фактически изначально, как и все прочие люди, т. е. духовные существа, склонны к самостоятельности и призваны к самоопределению. Они «по природе» были свободны. И как оказалось впоследствии — первыми в массе своей обращались к христианскому Евангелию.

Неужто ж человечеству придется еще раз пройти весь этот путь заблуждений, эту трагическую подготовительную школу свободы? Для определенных народов это уже несомненно. К тому же мы знаем, что высшие блага жизни так просто не даются — их приходится отвоевывать снова и снова; так и со свободой — ее тебе не подарят, ее не навяжут, ее надо отвоевать и удержать. Но взять свободу и отстоять ее — это целое искусство, которое предполагает наличие *внутренней зрелости* у людей.

Когда человек свободен, он мало думает о ней; он просто живет *в ней*; наслаждается ею, свободно и непринужденно плавает в ее легком потоке. Тут у него все почти как с воздухом: он дышит им, не задумываясь о нем, само вдыхается легкими, само выдыхается, мигом — вдох, мигом — выдох. И вспоминаешь о воздухе, только когда его не хватает; когда он тяжел, сперт; когда задыхаешься оттого, что его нет. Тут-то и спохватываешься (не без ужаса порою), что без воздуха нет жизни, что не знал ему цену и надо добыть его, чего бы это ни стоило... Вот так и без свободы: человеку не жить — разве что прозябать, томиться, чахнуть... Почему?

Потому что самые лучшие, самые благодарные, самые мощные — творчески созидательные — силы человеческого

существа раскрываются и реализуются только в спонтанной свободе.

Можно ли заставить розу распусться, насильно раскрывая ее бутон? Можно ли угрозами заставить светлячка светиться? Можно ли корову заставить есть такую-то траву и давать молоко? Разве мы не знаем, как мстит замученный слон своему мучителю?.. *Органическая жизнь* имеет свои законы, и один из этих основополагающих законов гласит о самоопределении, спонтанности, о своеобразном «δὶ αὐτοῦ» (из себя самого), которым восхищался уже Аристотель. Ведь человек не механизм, не рабочая машина, а *естественный организм*, внутреннюю целесообразность которого надо, в его инстинктах, сознании и духе, уважать, ценить и поощрять.

Итак, человек нуждается в самоопределении, потому что он *естественный организм*, а значит, и более *высокая потенция*, потому что не хочет насилия над собою и не желает, чтобы с ним обращались, как с машиной. Человеческий инстинкт неподвластен насилию извне, и того, кто пытается учинить над ним диктат и произвол, надо посадить в школу естествознания, где бы он преодолел свою полуобразованщину.

Человеку довлеет свобода, так как он самостоятельный *природный организм*. И достоин он ее тем паче, что идет по жизни как самостоятельный дух.

Только те духовные акты его полновесны и полноценны, которые возникают и реализуются им вследствие его собственных внутренних побуждений. И притом во всяком деле — будь он пытливый изобретатель, полярный исследователь, отшельник или актер; но особенно это применимо к крестьянину, подневольный труд которого при крепостничестве лишает его возможности даже вполнину вкладывать свои силы или высвободить их.

Там же, где человек действует по-своему собственному почину, он вкладывается *целиком и полностью*; создает лучшее, на что способен, подходит к труду творчески; работа поет у него в руках, она ему в радость*. Конечно, он должен выбирать свой труд по себе, должен любить

* См. об этом подробнее в моей книге «Die ewige Grundlagen des Lebens», глава IX «Частная собственность», Zürich, Aehren-Verlag, 1943⁶.

свое дело; тогда и напряжение ему не в тягость, и результаты в радость. А чтобы было так, надо позаботиться, чтобы все это было заложено во всякую глубоко продуманную социальную программу, потому что чем свободнее человек, тем социальнее будет его жизнеустройство; чем несвободнее он, тем асоциальнее и антисоциальнее порабощающий его порядок. *Без свободы нет социального общества!* При тотальном принуждении все предстает в антисоциальном свете даже тогда, когда «продовольственная проблема» решается удовлетворительно. Потому как «не хлебом единым жив человек» (Мф. 4, 4; Лк. 4, 4); и сытый раб — не более чем раб и горемыка.

4. СВОБОДА И КУЛЬТУРА

Человек — существо не бездуховное, он есть *самостоятельный дух*. Вот первая аксиома правильной социальной программы. И чтобы это понять, стоит поразмыслить над культурно-созидательными аспектами в жизни людей.

Только свободно может человек *любить*. Потому что истинная любовь открыта и совершенна, непринужденна и искренна. Неискренняя или полулюбовь — не любовь. Вынужденная любовь лицемерна, несет в себе ростки неприязни и ненависти. Любовь или зарождается свободно («*δὲ αὐτοῦ*»), или не приходит вовсе.

Только свободно может человек *верить и молиться*. Потому что вера захватывает последние глубины духа, куда никогда не добраться ни чужому приказу, ни запрету и где только *сам* человек созерцает и *сам* усваивает. Насилием веру не дашь и не отнимешь, а если это пытаются сделать — получают или мученики, или обманщики и симулянты. Если ей угрожают, вера решается на исповедание или даже на мученичество; если ее преследуют, она уходит в глухие дебри молчания. Для преследователей вера недосягаема, а неверующего насилием можно обратить в веру столь же безуспешно, как отнять веру у верующего. Что же касается молитвы, то она как вздох, как песнь, как святое пламя, с которыми извне никому не справиться. В худшем случае человек от преследования прибегает к внутренней молитве, о

которой не догадывается никто, и только в ней черпает силу.

Только свободно человек *мыслит*, потому что истинное мышление — это *самостоятельное мышление*, т. е. собственная, внутренняя сосредоточенность личного созерцания, обдумывания, прозрения. Тот, кто навязывает мысль силой, парализует ее. Кто воспитывает молодежь в духе тоталитарного мышления, отбивает у нее охоту мыслить. Вмененное в обязанность мировоззрение уже не мировоззрение, предписанные убеждения — мертвый груз, звук пустой, ханжество и фальшь; духовно они бессильны; они никого не связывают, ни к чему не обязывают. Только свободное убеждение чего-то стоит; только оно, вопреки всему, имеет силу обращения, силу оставаться верным своему воззрению до гробовой доски.

Только свободно может человек *исследовать* и добывать *научные знания*. Академия или занимается исследованием свободно, или прекращает свое существование. Это школа национального самостоятельного мышления, и ею не должно повелевать. Она призвана воспитывать народ в духе свободной ответственности и самостоятельности, а потому должна действовать свободно, т. к. только свободный может даровать свободу другим.

Только свободно может различать человек *добро* от зла, выбирать добро, культивировать *его* в себе. Авторитарная мораль механична и мертва. Вынужденная добродетель — далеко не добродетель. Доброта из тщеславия — фальшивая доброта. Только свободно может человек обращаться к своей совести, открывать себе двери жизни, ею поверять свои побуждения и свое призвание, испытывать укусы ее, ей подчинять свою жизнь*.

Только свободно может человек предаваться *искусству* и создавать художественные ценности, потому что истинное искусство связано с вдохновением, а пласты вдохновения зарождаются и вынашиваются в иррациональных, недоступных глубинах духа. Здесь можно разве

* О сущности совестливого акта см. подробнее в моей книге «Die ewige Grundlagen des Lebens», Zürich, Aehren-Verlag, 1943.

что посоветовать, но никак не приказывать. Тот, кто врывается в творчески-художественный процесс извне, — или прерывает, или парализует его. Воодушевление не закажешь. Художественное созерцание извне не навяжешь. Только художник может в своем уединенном созерцании и представлении отыскать и выразить истинное и в художественном плане — совершенное.

Всякое созидательное творчество требует свободы, стремится без помех, приказов, запретов бороться за правду и добиваться истины. Так из *собственного побуждения* человека возникает целая духовная культура, между тем как сам человек прислушивается к себе, лелеет в себе сокровенные, таинственные источники жизни. Любить, верить, мыслить, исследовать, прозревать, убеждаться, поступать по совести, творчески оформлять и представлять созданное и есть то самое важное в человеческой жизни, в чем заключается собственно смысл нашего земного существования. Вот почему жизнь без свободы противостоит естественна и бессмысленна.

5. ЛОЖНЫЕ ПУТИ СВОБОДЫ

Две великие опасности подстерегают свободу человека: первая — *недооценка свободы*; вторая — *злоупотребление ею*. Любой человек (как и любой народ) может однажды испытать, насколько он недооценивал или злоупотреблял здоровой, благословенной свободой и вследствие этого потерял ее. Отсюда большие тяготы жизни и поучительный урок — пройти от начала до конца путь *страданий, терпения и спасения*.

Тому, кто утратил свободу, даже не заметив этого, придется *пострадать*, пока он не затоскует по ней. Придется ему немного *потерпеть* несвободу, пока не придет к мысли, что надо всячески пробиваться к ней. А *спасение*, т. е. обретение свободы, станет возможным только тогда, когда он отучится от недооценки свободы и злоупотребления ею. Принуждение ведет к застою энергии. Застой вызывает потребность в свободе, осмыслении, притязаниях, воле. Тогда-то созревает и воля к борьбе, к завоеванию свободы, и, что еще важнее, — способность

удержать, отстоять отвоеванную свободу, начать достойную жизнь. Иначе снова наступит отречение от нее, злоупотребление ею и весь процесс придется начинать заново.

Из сказанного следует, что не всякий человек и не всякий народ доросли до свободы.

Есть народы, которые *страстно жаждут ее*, но как только становятся свободными, *завышают* планку своей свободы и *злоупотребляют* ее возможностями. Таким народам недостает внутренней волевой зрелости, дисциплины, чувства меры, характера; и судьба их заканчивается тем, что они, в силу своих злоупотреблений, лишаются свободы и подпадают под гнет, который *еще можно преодолеть*. Тогда свобода представляется им высшим даром и чудесным искусством, которое надо и отвоевать в борьбе, и отстоять в борьбе.

А есть народы, которые по натуре своей склонны к авторитарному мышлению и чувству и имеют довольно смутное понятие о свободе. Чуть только ослабевают авторитарная инстанция, прописывающая народу его мировоззрение и образ действий, как он тут же начинает колебаться, испытывать неуверенность, разбросанность и беспомощность. Тогда он *тоскует по авторитарному игу* и чувствует себя спокойно и счастливо тогда, когда это иго снова в действии. Такой народ недооценивает свободу и всегда готов свое «первородство» уступить за «чечевичную похлебку»⁷; тогда он снова подпадает под гнет, который уже *едва ли можно преодолеть*. Потому что свобода — это прежде всего естественная жажда самоопределения и естественная тяга к самостоятельности; где этого нет, природа и достоинство в человеке, должно быть, еще только пробуждаются.

6. ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО И СОЦИАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Итак, самое важное сказано.

С философско-правовой точки зрения свободу надо рассматривать как составную часть *естественного права* человека, поскольку это право соответствует природе его, делая последнюю очевидной.

Во-первых, в том смысле, что человек есть *живой организм* со свойственным ему инстинктом, которому надо

отдавать должное; ибо за человеком признается все, что соответствует его здоровому инстинкту (стремление к свободе, выбор профессии, неприкосновенность жилища, частная собственность, свободное образование семьи и пр.).

Во-вторых, в том смысле, что человек есть *живой дух*, обладающий *самостоятельною творческою способностью*, с которой надо считаться, т. к. за человеком признается все, что соответствует его здоровому духу (свобода совести, мыслей, убеждений, устного и печатного слова, ассоциаций и пр.). Эти права *неотъемлемы* и требуют социальных и политических гарантий. Поэтому они четко оговорены в конституциях государств. Их *употребление*, в случае крайней необходимости и опасной обстановки, государство может *на время ограничить*, но никоим образом не отменить, потому что это естественные права.

Если это признается, то перед народом встает великая историческая задача — создать в *правовом* и *социальном* отношении общественную жизнь свободных индивидуальностей. В правовом — потому что *все остаются свободными*, но живут при *законном строе*. В социальном — потому что общественная жизнь организуется по принципу *справедливости* и *гуманности*. Эту задачу народ может решать двояким путем: укорененным и содержательно благоволящим *правосознанием* и живым, совестно созерцающим *сердцем*.

Нет другой силы на земле, которая могла бы заменить две эти установки, поскольку с «механизмом» здесь делать нечего. Самая умная, самая последовательная система даст сбой, если она отталкивается либо вынуждена отталкиваться от коррумпированного и формального правосознания или от заглохшего сердца. Злые, ненавидящие, завистливые, пронирыливые люди никогда не решат социальных проблем. Ведь где-то в глубинных пластах нашей природы таится это *органически здоровое, свободное, преисполненное любви и добра — единичное**. Ненависть порождает несправедливость. Никогда еще властолю-

* См. об этом подробнее в моей книге «Das verschollene Herz», Bern, Verlag Paul Haupt, 1943⁸.

бие не действовало от избытка любви. Сухой рассудок не способен проникнуться живительным добром. Вот почему именно *забота о свободной и милосердной индивидуальности является необходимой предпосылкой решения социальных проблем.*

Духовный индивидуализм и социальное жизнеустройство не есть противоположности. Наоборот, *истинно социальное* возникает из *доброты сердец*. Кто хочет социальности, тот нуждается в справедливости и гуманности. Но справедливость не ведет к уравниловке, наоборот, она есть обратная сторона индивидуальности и своеобразия; это — созерцающая и бережная забота о свободной индивидуальности. А гуманность — не рассудочная категория, а живое чувство и сочувствие страждущему рядом.

Вот почему социальная задача может быть решена только свободными и добрыми людьми. И чем скорее удастся ее решить, тем больше свободы получит индивидуальность для воспитания своего сердца и для реализации себя.

ДЕЛО ХРАНЕНИЯ

Трагедия, переживаемая Россией в нашу эпоху, единственна в своем роде. Помышляя о ней, невольно вспоминаешь самые тяжкие разрушения национальных культур и городов: афинский Акрополь, погребенный под персидским мусором; разрушение Иерусалима римскими солдатами Тита; разграбление Рима полчищами готов и вандалов. В такие времена спасающиеся призваны: 1. продолжать национальное творчество на прежних зрелых и самобытных основах; 2. спасать и хранить все, что возможно из национального достояния, не захваченного, не искаженного и не разрушенного врагом.

Это дело хранения требует прежде всего повышенного и **НЕПРЕКЛОННОГО ЧУВСТВА ОТВЕТСТВЕННОСТИ**. Провидение вывело нас из плена и рабства; и это **ОБЯЗЫВАЕТ**. Нам дана возможность свободно чувствовать, думать, говорить и иногда даже передвигаться из страны в страну. Отсюда первая потребность — гласно исповедовать свою национальную верность; открыто поведать

всему миру нашу национальную трагедию и убедительно показать другим народам сущность и своеобразие нашего национального духа и нашей национальной культуры.

Каждый из нас должен чувствовать себя представителем России, *ЕЕ* уклада, *ЕЕ* достоинства, *ЕЕ* характера; каждый из нас должен помнить, что по нему чужой народ судит о самой России и о всей России. Мы должны быть достойны ее; наша достойная жизнь должна излучать *ЕЕ* достоинство. И потому нам подобает говорить другим народам: «Дайте нам возможность честного труда! Дайте нам возможность показать вам верно лик нашей Родины! Дайте нам возможность собирать и беречь наше духовное достояние! Мы будем беречь его *ДЛЯ НАШЕГО НАРОДА*, а вы помогите нам, но не пытайтесь наложить на него руку, присвоить его или уничтожить его. Чем глубже вы поймете нашу трагедию и нашу борьбу, тем яснее вы увидите ваши собственные опасности и соблазны и нашу правоту. И чем гостеприимней и бережней вы отнесетесь к нашему духовному своеобразию и достоянию, тем живейшую благодарность и вернейшую дружбу¹ вы найдете впоследствии у нашего воскресшего и освобожденного народа...

Все это надо говорить, надо твердить другим народам с великой уверенностью, с крепким достоинством, убедительно, доказательно и властно. Да, именно властно; ибо нашими устами говорит сама Россия — не только «бывшая», но и грядущая.

Это значит, что наши архивы и музеи *ОТНЮДЬ НЕ ДОЛЖНЫ ПЕРЕДАВАТЬСЯ В СОБСТВЕННОСТЬ ИНОСТРАННЫМ ДЕРЖАВАМ*. Мы просим помочь нам в хранении. Мы просим признания, уважения и гостеприимства, а не захвата. Собранное должно иметь одно назначение — *ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ*, единую и освобожденную. Собранное должно быть ограждено не только от распыления и утраты, от расхищения и распродажи в частные руки, не только от материальной гибели (пожара, наводнения, землетрясения, крыс, червей и тли), но и *ОТ ВСЯКОГО ФАЛЬСИФИЦИРОВАНИЯ, ИСКАЖЕНИЯ И ПОДДЕЛКИ*, от всякого *ТАЙНОГО ИЗЪЯТИЯ* и *НЕЗАМЕТНОГО УНИЧТОЖЕНИЯ*.

То, в чем нуждается Россия, есть не ворох случайных корабельных обломков, собранных прибрежными жителями; это есть *АВТОНТИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ РУССКОГО БЫТИЯ, НЕИСКАЖЕННЫЙ ПОДЛИННИК* русской веры, русской мысли; русского сердца, русского творчества, русского искусства, русской живописи, литературы, скульптуры и науки; *ЖИВОЙ ПАМЯТНИК* русского горения, русского искания, русской борьбы. И все другие народы должны понять и восчувствовать: для них это в лучшем случае предмет дилетантского коллекционерства, пошлого любопытства, снобической покупки, а для нас это *ЖИВАЯ СУБСТАНЦИЯ РУССКОГО ДУХА и РУССКОЙ ЖИЗНИ*. Им — забава; нам — святыня. Им — куриозитет³; нам — залог нашего будущего. Им — экзотический и непонятный материал; нам — *ПЕРВОИСТОЧНИК НАШЕЙ ИСТОРИИ*.

Истинно здесь ответственность хранителей приобретает *РЕЛИГИОЗНОЕ* и *НАУЧНОЕ* значение. Тот, кто когда-нибудь касался историй священных книг Христианства, тот знает, какую великую борьбу вела и доселе ведет христианская Церковь за блюдение и очищение подлинного текста Писания; ибо печатание появилось поздно и книги Нового Завета переписывались от руки в течение 1300 лет, и притом людьми, не уразумевшими еще великого значения *АВТОНТИЧНОСТИ*, т. е. не умевшими благоговейно блюсти текст оригинального подлинника. И тот, кто когда-нибудь интересовался русскими летописями, тот знает, с каким трудом и с какою скорбью бьется русская историческая наука над установлением и восстановлением их подлинного текста. А мы должны помнить, что мы живем в эпоху великой и беззастенчивой фальсификации, которая грозит каждой значительной рукописи во славу того или другого тоталитарного направления; а их в мире — не одна, а несколько.

Незадолго до первой мировой войны в московском Румянцевском музее было установлено, что из драгоценных иллюстрированных изданий пропадают целые вырезанные листы; следствием было установлено, что это было делом рук известного поэта, которому эти иллюстрации просто приглянулись. Поэт безвозвратно исчез за границей.

В двадцатых годах нашего столетия в берлинской государственной библиотеке были вдруг установлены чрезвычайно строгие меры контроля для всякого посетителя, покидающего здание; выяснилось, что читатели похищали нужные им книги, унося их в закрытых портфелях.

На наших глазах пражский архив русской эмиграции, в который многие с наивной доверчивостью отдавали драгоценные материалы, был передан коммунистам и увезен ими для соответствующей «обработки».

Известен случай с другим хранилищем, куда осторожно и негласно проложили себе путь именно те, от которых сие хранилище должно было ограждать хранимое достояние...

Наряду с этим мне пришлось видеть в эмигрантских библиотеках драгоценные русские книги, настолько просверленные бумажным червем, что корешок не держал листов и текст был продырявлен по всем направлениям...

С одной стороны, тоталитарные политики не останавливаются буквально ни перед чем, чтобы совсем изъять нужные им или компрометирующие их документы. С другой стороны, история свидетельствует о том, что есть загадочные исторические документы, текст которых несколько раз подвергался позднейшей обработке — и притом в разных направлениях и разными стилями, так что теперь уже никто и никогда не сумеет отличить первоначальный подлинник от последующих фальсифицирующих наслоений...

Из всего этого нам необходимо сделать выводы.

1. Не следует оглашать, какие именно документы, от кого и на каких условиях поступили на хранение. Архив любит **ДИСКРЕТНОСТЬ**.

2. Необходимы твердые гарантии, что **УСЛОВИЯ**, поставленные обладателем книг, писем или иных памятников, будут **СТРОЖАЙШЕ** соблюдаться. Архив нуждается в **АБСОЛЮТНОМ ДОВЕРИИ**.

3. Особенно важно соблюдать **ЗАПРЕТНЫЕ СРОКИ**, до истечения которых документы **НЕ ДОЛЖНЫ БЫТЬ СОВСЕМ РАСПЕЧАТАНЫ**. Эти сроки должны соблюдаться в долготу дней, особенно ввиду возможного изме-

нения в составе руководителей, заведующих архивом. **АРХИВ ТРЕБУЕТ ТВЕРДОГО УСТАВА.**

4. Архив не есть публичная читальня; **ОН ЕСТЬ ХРАНИЛИЩЕ.** Книги и документы не должны выдаваться на дом ни под какие абонементы и залоги. К пользованию книгами в помещение самого архива должны допускаться только люди абсолютного доверия. Необходимы гарантии против неразрешенного фотокопирования, контрафакции⁴, плагиата и фальсификации.

5. В наши дни мир кипит тайными агентами ведомых и неведомых сил. Архив должен пользоваться максимальным доверием, а сам встречать людей **С ВЕЛИЧАЙШЕЙ ОСТОРОЖНОСТЬЮ: НЕ ОТ ВСЕХ И НЕ ВСЕ БРАТЬ НА ХРАНЕНИЕ** (возможна провокация); никому не давать на руки инвентарную книгу; ограждать себя от воров, уголовных и политических.

Невозможно исчислить здесь все правила и пожелания. Скажу еще только, что все мы, имеющие живое отношение к **ДЕЛУ ХРАНЕНИЯ** русского национального культурного достояния, поступим правильно, если продумаем, а может быть, и прослушаем курс лекций по архивоведению и архивоведению.

Ибо все мы призваны пожизненно учиться и совершенствоваться во всяком ответственном деле. А дело Архива и Музея есть ответственнейшее⁵.

КОММЕНТАРИИ

Настоящий двоянный том завершает десяти томное Собрание сочинений великого русского мыслителя и религиозного философа Ивана Александровича Ильина.

В него вошли работы, в большинстве своем написанные в первой четверти века. Они показывают, как изменялись политико-философские взгляды Ильина в ходе бурных событий тогдашней российской истории, как формировалось его мировоззрение в попытке постижения их скрытого смысла, а после октября 1917 г. — в стремлении помочь своей Родине, своему народу найти выход из трагического тупика. При этом он рассматривает все происходящее как в русле мирового духовного кризиса, так и в аспекте российских национальных бед и проблем, глубоко уходящих в историю русского народа.

Христианский мир пошел по неверному пути. Секуляризация культуры, отход от Бога подорвали его духовные основы, расшатали нравственные устои, вследствие чего человечеством стало овладевать демоническое начало, одним из самых разрушительных проявлений которого стал коммунизм. Либеральная Европа с трудом пока еще противостоит ему, но по-прежнему продолжает идти первоначально выбранной дорогой. Россия в силу ряда национальных особенностей не выдержала напора злой стихии и пала. Сатанизм, кровавый разгул в России и развращающий душу безвольный либерализм на Западе — итог вознательного пограниния замысла Бога о мире и человеке.

Ильин, как мог, предостерегал от этого, пытаясь в своих работах открыть людям глаза на то, что происходит. И в качестве альтернативы предложил философию *верного пути* — обращения к Богу и духовного обновления. Исходя из этого он решал уже конкретные задачи по избавлению России от коммунистической заразы и создания здорового национального организма. (Символично, что настоящее Собрание сочинений начинается узловой работой «Путь духовного обновления» и заканчивается «Основами борьбы за национальную Россию»).

Сам философ до конца дней следовал по этому пути как в творчестве, так и в жизни, не отрекаясь от своих взглядов, оставаясь всегда принципиальным и честным и во время проживания в большевистской России, и оказавшись после насильственной высылки за рубежом.

Итак, Собрание сочинений закончено. Однако продолжается выпуск дополнительных томов к нему. В них более углубленно и подробно будут освещены многие вопросы, поднятые в десятитомнике.

В предлагаемом томе в некоторых работах Ильин вкладывает особый смысл в отдельные слова, а потому пишет их с заглавной буквы («Царь», «Государь», «Закон» и т. д.). В тексте мы оставляем авторское написание.

ДУХОВНЫЙ СМЫСЛ ВОЙНЫ

Впервые вышла отдельной брошюрой в Москве в 1915 г. Печатается по указанному изданию.

¹ *Метнер* Николай Карлович (1879/1880 — 1951) — русский композитор и пианист, друг И. А. Ильина, с которым он вел обширную переписку, насчитывающую более 700 писем.

² Речь идет об учении Л. Н. Толстого «о непротивлении злу насилем».

³ Лук. 17, 21.

⁴ Имеется в виду город Глупов, описанный в «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина.

⁵ Эта фраза — жизненный девиз И. А. Ильина, проходящий красной нитью фактически через все его произведения. Впервые сформулирован в данной работе.

⁶ *раз что (устар.)* — раз, если.

⁷ См. тургеневское стихотворение в прозе «Воробей».

⁸ См. его предисловие к «Истории государства Российского».

⁹ Впервые встречающийся здесь у Ильина мотив «добровольчества» позже станет идеей «белого дела».

¹⁰ *Сократ* (470/469 — 399 до н. э.) — древнегреческий философ, один из родоначальников диалектики как метода отыскания истины путем постановки наводящих вопросов. Был обвинен в «поклонении новым божествам» и «развращении молодежи» и приговорен к смерти (принял яд цикуты).

¹¹ *Бруно* Джордано (1548 — 1600) — итальянский философ-пантеист и поэт. Был обвинен в ереси и сожжен инквизицией в Риме. Он выдвинул концепцию о бесконечности Вселенной и бесчисленном множестве ее миров.

¹² *Гус* Ян (1371 — 1415) — национальный герой чешского народа, идеолог чешской Реформации. Осужден церковным собором в Констанце и сожжен.

¹³ *Лувен* — город в бельгийской провинции Брабант. Был известен своим университетом, основанным в 1426 г. (до 1560 г. — единственным в Нидерландах). «В 1517 году Эразм Роттердамский организовал

здесь «коллегию трех языков» — латинского, греческого и европейского — и мечтал сделать Лувенский университет центром гуманизма и католического возрождения. Однако в 1521 г. ему пришлось покинуть Лувен, и университет с тех пор окончательно сделался оплотом борьбы с реформаторскими идеями. С 1545 г. от каждого вступающего в университет студента требовалась клятва «ненависти к ереси». Вскоре был основан особый курс «опровержения еретиков» (Новый энциклопедический словарь. — Т. 25. — Пг., 1917. — С. 5).

¹⁴ *Сцевола* Муций Гай — легендарный римский герой, прославившийся тем, что во время осады Рима этрусками ок. 510 г. до н. э. отправился в лагерь противника с целью убить царя Порсену и, будучи схвачен, опустил в огонь свою правую руку, тем самым демонстрируя презрение к пыткам и смерти. Изумленный стойкостью юноши, Порсена не только отпустил Муция, но и снял осаду Рима. Муций получил прозвище «Сцевола», что значит «Левша», которое стало передаваться в его потомстве по наследству как родовое имя.

¹⁵ *Кампанелла* Томмазо (1568 — 1639) — итальянский философ, поэт, политический деятель. С 1582 г. монах католического ордена доминиканцев. За свои идеи и высказывания неоднократно подвергался церковному суду по обвинению в ереси. В 1599 г. был приговорен к пожизненному заключению за организацию в Калабрии заговора против испанского владычества. Провел в тюрьме в общей сложности около 27 лет, выдержал все пытки и лишения, но не отказался от своих взглядов и убеждений. Находясь в заключении, написал несколько десятков сочинений, в том числе по философии, и среди них знаменитую коммунистическую утопию «Город Солнца». В 1626 г. был освобожден, а через три года оправдан. Однако, опасаясь своей выдачи испанским властям, в 1634 г. бежал во Францию.

¹⁶ *Комбатанты* (фр. combattant) — в международном праве — лица, входящие в состав вооруженных сил.

¹⁷ Аристотель не употреблял терминов «народный дух» и «личный дух» и вообще он не пользовался словом «дух» — это специфически гегелевский лексикон. Здесь И. А. Ильин в вольной форме формулирует тезис Аристотеля о том, что «целое» первично по отношению к своим «частям», а государство — по отношению к индивидуумам. «Итак, очевидно, государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку: поскольку последний, оказавшись в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, то его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому» (А р и с т о т е л ь. Политика. — 1. — 1253а, 26 — 31).

Что касается Гегеля, то в его схеме: «всеобщее» (народный дух) — «особенное» (сословия) — «единичное» (семья и личный дух), помимо спекулятивного тождества этих понятий, присутствует все та же аристотелевская субординация: «Субстанция народного духа есть абсолютная и самодовлеющая реальность, вырацаивающая из себя и в себе

свои единичные явления — индивидуальные души» (Ильин И. А. *Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека.* — Т. 2. — М., 1918. — С. 177. Там же даны и многочисленные ссылки на произведения Гегеля). Гегель считал, что отдельный индивид (личность) есть несовершенный дух и в духе вышестоящем, являющемся его субстанцией, низведен до незаметного момента (см.: Гегель Г. *Феноменология духа*//Соч. — Т. IV. — М., 1959. — С. 14 — 15). Ср.: «Дух народа составляет духовную субстанцию каждого отдельного гражданина» (Гегель Г. *Учение о праве, долге и религии*//Работы разных лет: В 2 т. Т. 2. — М., 1971. — С. 68).

¹⁸ Речь идет о франко-прусской войне 1870 — 1871 гг. Первой ее начала императорская Франция, стремившаяся сохранить свою гегемонию в Европе и не допустить объединения разрозненных германских княжеств в сильное государство. В тех обстоятельствах для немцев это была война за национальное выживание. Однако уже осенью 1870 г. после ряда сокрушительных поражений французской армии, падения императорского режима во Франции и создания единого немецкого государства под эгидой Пруссии угроза национальной безопасности Германии исчезла и война с ее стороны стала перерастать в откровенно захватническую и грабительскую. Это подтвердил Франкфуртский мирный договор от 10 мая 1871 г., по которому Германия аннексировала у Франции Эльзас, часть Лотарингии и получила контрибуцию в 5 млрд. франков.

Невзирая на такой видимый успех и престиж Германии: победа, объединение, империя, новые земли, контрибуция и связанный с этим подъем нации, — начинается обратный процесс — разложение государства. И симптомы его были налицо. Во-первых, прогрессирует духовная болезнь Германии, которая «заклучалась в яде морального разложения, в ослаблении инстинкта самосохранения, во всей той внутренней слабости, во всех тех разнообразных недомоганиях, которые уже давно подтачивали весь фундамент государства». Во-вторых, чрезвычайное значение придавалось хозяйственному фактору: «старые небесные боги все больше сдавались в архив; теперь фимиам воскурялся единому богу-мамоне». В орбиту финансового капитала втягивались и высшее дворянство, и сам германский император, не обошла эта беда и военную аристократию — идеальные добродетели подчинились силе денег. В политическом плане Германию подтачивал формальный парламентаризм, позволивший выйти на арену новой пагубной для страны воле. «Тем временем, — пишет немецкий историк Иегер, — возросло и до известной степени окрепло другое зло, которое само собою появилось, подобно крестьянским движениям в XVI в., на почве, взвращенной усиленной борьбою и переворотами всякого рода; это зло — *социал-демократия*» (см.: Иегер О. *Всеобщая история*: В 4 т. Т. 4. — СПб., 1894. — С. 619). При выборе в рейхстаг в 1876 г. социал-демократы под руководством «талантливого и самоуверенного демагога»

га» Фердинанда Лассаля завоевали значительное число мест. Деятельность этой партии привела позже к революции, к краху монархии и германской империи. В основе этого и было духовное падение, о котором так точно и пророчески заметил Ильин.

СВОБОДА СОБРАНИЙ И НАРОДНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Брошюра И. А. Ильина, вышедшая в 1906 г. в Москве в книгоиздательстве «Труд и воля» под псевдонимом «Н. Иванов». Печатается по этому изданию.

¹ В брошюре год указан ошибочно, а именно 1906-й. Мы исправляем эту очевидную ошибку.

Манифест 17 октября 1905 г. («Об усовершенствовании государственного порядка»), подписанный императором Николаем II, провозглашал гражданские свободы и создание законодательного органа — Государственной Думы. Содержание этого манифеста вошло в ст. 23 Основного Закона, изданного 22 апреля 1906 г.

² Какому английскому министру принадлежит эта фраза, выяснить не удалось.

³ 11-я статья «Декларации прав человека и гражданина»; всего в Декларации 17 статей.

ЧТО ТАКОЕ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

Брошюра И. А. Ильина, вышедшая в 1906 г. в Москве в книгоиздательстве «Труд и воля» под псевдонимом «Н. Иванов». Печатается по указанному изданию.

¹ Гапон Георгий Аполлонович (187? — 1906) — родился в семье бедного казака Полтавской губернии. Учился в Полтавской семинарии, затем поступил в Петербургскую духовную академию, которую окончил в 1901 г., и получил место священника при Санкт-Петербургской пересыльной тюрьме. Еще слушателем академии он сошелся с рабочими столицы и приобрел на них большое влияние. Сблизился он и с начальником московского охранного отделения Зубатовым, с Рачковским и другими членами департамента полиции, по его словам, для того, чтобы использовать эти связи для дела служения народу. В 1903 г. с разрешения властей было основано «С.-Петербургское общество фабричных и заводских рабочих» (своего рода профсоюз), председателем которого стал Гапон. В конце 1904 г. увольнение нескольких рабочих Путиловского завода дало повод Обществу предъявить руководству требование об их восстановлении. Когда оно было отвергнуто, нача-

лись забастовки на всех заводах Петербурга. По инициативе Гапона 6 — 8 января 1905 г. была выработана петиция царю от имени рабочих с политическими и экономическими требованиями (свобода личности, свобода слова, ответственность министров, восьмичасовой рабочий день и др.). В воскресенье 9 января Гапон организовал массовое шествие с разных сторон города к Зимнему дворцу для подачи петиции. Демонстрантов встретили залпами, пролилась кровь. Сам Гапон, возглавлявший шествие, получил легкое ранение. С помощью товарищей ему удалось бежать за границу. Осенью 1905 г. он вернулся в Петербург. 28 марта 1906 г. Гапон был завлечен членом эсеровской партии Рутенбергом на дачу в Озерках (под Петербургом) и там убит, причем в организации убийства принимал участие известный провокатор Азеф.

ПАРТИЙНАЯ ПРОГРАММА И МАКСИМАЛИЗМ

После Февральской революции 1917 г. И. А. Ильин, понимая, что России грозит опасность скатывания в пропасть национальной катастрофы, и стремясь внести свою лепту в дело спасения Родины, активно включился в пропагандистско-просветительную работу. В это время он пишет рассчитанные на самые широкие слои народа брошюры, в которых разъясняет своеобразие сложившейся политической ситуации и советует, как быть в данной обстановке. Иван Александрович рассчитывал публиковать их в серии «Задачи момента» под общим заголовком «Брошюры для народа». В первой из вышедших книжек приводился список предполагаемых номеров и названий выпусков:

№ 1. «Партийная программа и максимализм».

№ 2. «О сроке созыва Учредительного Собрания».

№ 3. «Почему социал-демократы, большевики говорят: «долгой войну».

№ 4. «Одна власть и две власти».

№ 5. «Демагогия и провокация».

№ 6. «По праву и захвату».

Всего Ильин успел издать пять выпусков. Они имели несколько иной порядок, а некоторые — и новые названия. Были ли написаны и опубликованы другие, заявленные в списке работы — неизвестно. Здесь приводятся все пять выпусков.

Брошюра «Партийная программа и максимализм» впервые вышла в Москве в 1917 г. в издательстве «1917-й год» (Библиотека народной свободы, серия «Задачи момента», № 1). Повторно была выпущена в Одессе в том же году. Печатается по первому изданию.

¹ Государственная Дума просуществовала с 27 апреля по 8 июля 1906 г. Распущена царским манифестом от 9 июля, ибо ее деятельность в условиях активизации революционных выступлений масс была сочтена опасной.

² После неожиданного для депутатов роспуска I Государственной Думы многие из них выехали в Выборг (в Финляндию, за пределы досягаемости царской полиции) и 9 июля 1906 г. собрались в количестве 178 человек в гостинице «Бельведер». На следующий день они приняли обращение (так называемое Выборгское воззвание) к гражданам России, в котором призывали отказаться от уплаты налогов и службы в армии в знак протеста против роспуска Думы. Правительство никак не реагировало на это обращение, но значительно позже подписавшие его были преданы суду (так называемый Выборгский процесс 12 — 18 декабря 1907 г. в Петербурге). 167 из них суд приговорил к трехмесячному заключению и лишению избирательных прав.

О СРОКЕ СОЗЫВА УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Вторая брошюра серии. Впервые опубликована в Москве в 1917 г. в издательстве «1917-й год» (Библиотека народной свободы, серия «Задачи момента», № 2). Печатается по указанному изданию.

¹ *Учредительное Собрание* — род парламента, созываемого для установления основных законов нового государственного строя. В задачу его входит двуединый вопрос: о форме нового государственного устройства и легитимности (законности) новой государственной власти.

В России после падения монархического строя в 1917 г. было избрано Учредительное Собрание, первое заседание которого проходило 5 (18) января 1918 г. уже после большевистского переворота. За непризнание делегатами Советской власти в ночь с 6 (19) на 7 (20) января ВЦИК принял решение о его роспуске. Тем самым вопрос о форме государственного устройства России и законности власти в России с тех пор остался открытым.

² *Курии* (лат. curia) — разряды, на которые подразделяются избиратели в целях ослабления роли большинства. Курии бывают составлены по сословным, цензовым (например, имущественным, национальным) и другим признакам.

³ *Наполеон III* (Луи Наполеон Бонапарт) (1808 — 1873) — французский император в 1852 — 1870 гг. 10 декабря 1848 г. всенародным голосованием избран президентом Франции. 2 декабря 1851 г. совершил правый государственный переворот, распустив Законодательное собрание, арестовал вождей партий. Стремясь заручиться поддержкой народа, восстановил право всеобщего голосования — плебисцит, отмененный парламентом в 1850 г. Первый такой плебисцит, проведенный 21 декабря 1851 г., фактически узаконил переворот, поддержав политику Наполеона («да» сказали 750 000 человек, «нет» — 650 000). Вторым, состоявшимся 22 ноября 1852 г., завершил наполеоновский переворот, одоблив новую конституцию (780 000 — «за», 253 000 — «против»). В результате 2 декабря Наполеон был провозглашен императором.

⁴ В первом французском парламенте — Законодательном собрании, начавшем свою работу 1 октября 1791 г., группы крайне левых депутатов, политически близких Робеспьеру, занимали места на верхних скамьях и получили название «Гора» (*фр.* *montagne*), или монтаньяров. Правые депутаты, представлявшие интересы буржуазии, в исторической литературе известны под именем жирондистов (по названию департамента Жиронда, откуда многие из них были родом). Дальнейший ход событий определялся борьбой этих двух группировок.

После свержения монархии в августе 1792 г. у власти обосновалось жирондистское большинство, стремившееся приостановить развитие революции. Монтаньяры же, напротив, считали необходимым максимально углубить ее, довести до логического завершения, апеллируя к беднейшим слоям французского общества. Такой шанс им представился: на волне народного антижирондистского восстания 31 мая — 2 июня 1793 г. они пришли к власти и установили режим революционно-демократической диктатуры. Эта диктатура приняла крайние формы, узаконив массовый террор, и была ликвидирована в 1794 г. в результате термидорианского переворота.

⁵ И. А. Ильин некоторое время после свержения царя, как это видно из данной брошюры, поддерживал Временное правительство. Есть свидетельства и его публичных выступлений в тот период в пользу правительства. Позже он резко отрицательно относился к Февральской революции и ее сторонникам (см.: И л ь и н И. А. Заветы февраля // Наши задачи. — № 63, 64).

⁶ *Гинденбург* Пауль фон (1847 — 1934) — немецкий генерал-фельдмаршал. В первую мировую войну с ноября 1914 г. командующий войсками Восточного фронта, с августа 1916 г. — начальник генштаба, фактически главнокомандующий немецкой армией.

⁷ И. А. Ильин ошибочно считал отречение от престола царя делом Временного правительства. На самом деле побуждал царя к этому Временный комитет Государственной Думы, представители которого — А. И. Гучков и В. В. Шульгин — приняли от Николая II 2 (15) марта 1917 г. манифест об отречении от престола в пользу брата — великого князя Михаила Александровича.

⁸ *Романов* Михаил Александрович (1878 — 1918) — великий князь, сын императора Александра III. В 1898 — 1917 гг. на военной службе (командовал Кавказской дивизией, затем корпусом, был генерал-инспектором, членом Государственного совета). 3 (16) марта 1917 г. отказался от права на престол.

⁹ Одним из актов Временного правительства, который поддерживал И. А. Ильин, хотя и не считал его благом для России, было решение о продолжении войны с Германией до победного конца.

ПОРЯДОК ИЛИ БЕСПОРЯДОК?

Третья брошюра серии. Вышла в Москве в 1917 г. без указания издательства (издание «Народное право», серия «Задачи момента», № 3). Печатается по этому изданию.

¹ Так в тексте. Очевидно, произошла ошибка при наборе.

² Так в тексте. Здесь явный пропуск при наборе.

³ Закон от 9 ноября 1906 г. стал начальным этапом столыпинской аграрной реформы. По этому закону крестьянам разрешалось выходить из общины и создавать единоличные типы хозяйств — хутора и отруба.

⁴ *Бакунин* Михаил Александрович (1814 — 1876) — русский революционер, теоретик анархизма, один из идеологов революционного народничества. Вот что он, в частности, писал в своей работе «Государственность и анархия» о созидании через разрушение: «На пангерманском знамени написано: удержание и усиление государства во что бы то ни стало; на социально-революционном же, на нашем знамени, напротив, огненными, кровавыми буквами начертано *разрушение всех государств, уничтожение буржуазной цивилизации, вольная организация снизу вверх посредством вольных союзов — организация разнузданной чернорабочей черни, всего освобожденного человечества, создание нового общечеловеческого мира*» (Б а к у н и н М. А. Государственность и анархия. См. в томе его произведений: Философия. Социология. Политика. — М., 1989. — С. 502 — 503).

⁵ *Черносотенцы* — приверженцы правых русских националистических организаций в России — «Союза русского народа» и «Союза Архангела Михаила». Возникли в 1905 г. как непосредственная реакция на еврейскую активность в общественной и политической жизни в России. Основателями и лидерами этих организаций были В. М. Пуришкевич, А. И. Дубровин и Н. Е. Марков. В уставе Союза русского народа говорилось, что цель его — «развитие национального русского самосознания и прочное объединение русских людей всех сословий и состояний для общей работы на пользу отечества — России единой и неделимой». Программой задачей объявлялось «благо родины в неизблемом сохранении Православия, русского неограниченного самодержавия и народности». После Февральской революции черносотенные организации в числе прочих правых объединений оказались под запретом. С приходом к власти большевиков как члены «Союза русского народа», так и «Союза Архангела Михаила» были физически истреблены чекистами.

⁶ *Максималисты* — отколовшаяся от эсеров фракционная группа, преобразованная в 1906 г. в самостоятельную партию. Ее программа — социализация земли, фабрик и заводов. Тактика — индивидуальный террор, экспроприация. После октября 1917 г. максималисты — участники антисоветских мятежей. В 1919 г. партия распалась, в 1920 г. часть ее членов вступила в РКП (б).

⁷ *Анархисты* — представители общественно-политического течения, провозглашавшего освобождение личности от всех разновидностей политической, экономической и духовной власти. В России анархизм возник в конце 60 — начале 70-х гг. XIX в. в среде народников под влиянием идей М. А. Бакунина. К 1917 г. анархистские организации имелись во многих городах России. После Февральской революции отдельные группы анархистов стали объединяться в федерации и фракции в рабочих Советах. Их программная цель — уничтожение государства и устройство общественной жизни на корпоративных началах. Тактика — террор и экспроприация.

⁸ Идею непрерывной (перманентной) революции выдвинули К. Маркс и Ф. Энгельс в 1845 — 1850 гг., понимая под этим поэтапный переход в процессе революционной борьбы от буржуазно-демократической фазы к социалистической вплоть до захвата власти пролетариатом. Положение о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую усиленно развивал В. И. Ленин. Активными приверженцами этой теории были А. Л. Парvus (Гельфанд) и Л. Д. Троцкий в годы первой русской революции 1905 — 1907 гг. Впоследствии термин «перманентная революция» стал связываться с теоретическими революционными установками Троцкого.

⁹ У Владимира Ульянова в это время на руках был паспорт на имя Николая Ленина. Этим инициалом и фамилией он подписывал некоторые свои работы. Поэтому Ильин приводит этот инициал.

ДЕМАГОГИЯ И ПРОВОКАЦИЯ

Четвертая брошюра серии. Вышла в Москве в 1917 г. без указания издательства (издание «Народное право», серия «Задачи момента», № 4.). Печатается по этому изданию.

¹ *Демагог* (греч. δῆμαγωγός) — в буквальном смысле руководитель, вождь народа. Отсюда *демагогия* (греч. δῆμαγωγία) — управление народом, влияние на народ, образ действий демагога; *демагогировать* (греч. δῆμαγωγέω) — руководить народом (в качестве оратора), привлекая его на свою сторону низкими средствами.

² Вероятно, опечатка. Должно было бы быть: «Эти».

ПОЧЕМУ «НЕ НАДО ПРОДОЛЖАТЬ ВОЙНУ?»

Последняя брошюра серии. Вышла в Москве в 1917 г. без указания издательства (издание «Народное право», серия «Задачи момента», № 5). Печатается по этому изданию.

¹ *Сухомлинов* Владимир Александрович (1848 — 1926) — русский генерал от кавалерии. В 1909 — 1915 гг. военный министр. В 1916 г.

арестован: на него возложили ответственность за неподготовленность русской армии к первой мировой войне. После проведенного расследования в 1917 г. обвинен в измене и приговорен к пожизненному заключению. В 1918 г. освобожден по старости и эмигрировал.

² Вот что пишет о Мясоедове крупный русский историк С. С. Ольденбург в книге «Царствование Императора Николая II» (Мюнхен, 1949. — С. 549): «В марте (1915 г. — Ю. Л.) начали распространяться слухи о раскрытии какой-то крупной шпионской организации, во главе с жандармским полковником Мясоедовым. Появилось официальное сообщение о том, что этот Мясоедов приговорен военнопольевым судом к смертной казни и повешен. Все это дело осталось окутано покровом военной тайны». И далее в сноске: «Оно так и осталось невыясненным. Более того, уже после революции в печати появились данные, возбуждающие серьезные сомнения в виновности Мясоедова и изображающие все дело как результат сложных интриг. (См. «Архив Русской революции». Т. XIV. Суд над Мясоедовым (впечатление очевидца). Капитан Б., бывший свидетелем на суде над Мясоедовым, утверждает, что против него не было никаких улик в смысле шпионажа, и для основания смертного приговора в нем было упомянуто о «мародерстве», выразившемся в том, что Мясоедов взял две статуэтки из брошенного дома в В. Пруссии: «его смерть была нужна толпе, подобно тому, как в 1812 году московской толпе нужна была смерть купеческого сына Верещагина».

³ *Штюрмер* Борис Владимирович (1848 — 1917) — председатель Совета министров, министр внутренних и иностранных дел России в 1916 г. Ставленник Г. Распутина и императрицы Александры Федоровны. В народе открыто поговаривали о его измене. В ноябре 1916 г. после бурного заседания депутатов IV Государственной Думы, где фигурировало его имя, Штюрмера отправили в отставку.

⁴ «Русское знамя» — с 1905 по март 1917 г. еженедельная газета «Союза русского народа». Издавалась в Петербурге. Запрещена Петроградским Советом.

БУНТ СТЕНЬКИ РАЗИНА

(Из русской старины)

Впервые эта работа под названием «Из русской старины. Бунт Стеньки Разина» вышла отдельной брошюрой в Москве в 1906 г. в книгоиздательстве «Труд и воля». Она была подписана псевдонимом «Н. Иванов». В основу ее легла книга известного русского историка Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина», изданная в 50-х гг. XIX в. Из его имени и отчества и составилась ильинский псевдоним. Впоследствии Ильин также использовал имя историка в этих целях. (Например, в

1912 г. одну из своих статей в петербургской газете «Русская молва» он подписал псевдонимом «Н. Костомаров».)

Брошюру с трудом разрешили к печати, а после публикации цензура пыталась конфисковать тираж, но в конце концов все обошлось благополучно.

Отметим, что, несмотря на сходство в изложении событий, брошюры Ильина и Костомарова написаны в совершенно разных планах. Для Ильина создание этого труда стало поводом исследовать неразгаданную природу «бунта», его иррациональность. Брошюра и создавалась им под впечатлениями от первой русской революции.

В 1917 г. в том же книгоиздательстве вышло второе, значительно переработанное издание «Бунт Стеньки Разина (Из русской старины)», которое несло на себе как впечатления уже зрелого философа-гражданина от второй русской революции, так и предложения ученого-правоведа для выхода из «бунта» и «революции» (временного беспорядка).

Первое издание работы выходило повторно уже в наши дни (см.: И л ь и н И. А. Родина и мы. — Смоленск, 1995. — С. 20 — 44). Здесь она печатается по изданию 1917 г.

¹ Эта глава в первом издании отсутствует.

² *Котошихин* Григорий Карпович (ок. 1630 — 1667) — подьячий Посольского приказа. Участник переговоров со Швецией в 1658 — 1661 гг. В 1664 г. был послан в войска, воевавшие с Польшей, под начало князя Я. К. Черкасского, но вскоре бежал в Литву, отказавшись по принуждению воеводы Ю. А. Долгорукова писать донос на Черкасского. В 1666 г. перебрался в Швецию, где поступил на службу. По заказу шведского правительства написал сочинение о государственном устройстве и управлении в России, которое неоднократно издавалось на русском языке под названием «О России в царствование царя Алексея Михайловича».

³ *Милославский* Илья Данилович (? — ?) — тесть царя. Его дочь Мария была первой женой Алексея Михайловича.

⁴ Причины московского восстания 1648 г. лежали в резком ухудшении социального положения «низов», всячески притеснявшихся властями. Непосредственно оно было вызвано действиями правящей верхушки во главе с боярином Борисом Ивановичем Морозовым — царским воспитателем, «дядькой», пользовавшимся неограниченным влиянием на царя, фактическим правителем государства. В его окружение входили люди, известные в народе своим произволом и лихоимством, — судья Земского приказа Леонтий Плещеев, окольный Петр Траханиотов, думный дьяк Назарий Чистой. 1 июня толпа обратилась к царю с жалобой на означенных лиц, но подверглась разгону. На следующий день несколько тысяч человек пришли в Кремль и потребовали выдачи своих «обидчиков», погромив дома многих знатных бояр и

приказных людей, в том числе и Морозова. В ходе погромов были убиты Плещеев, Траханиотов и Чистой. Морозова спасло лишь то, что по приказу царя его под сильным конвоем отправили в Кирилло-Белозерский монастырь. Однако с помощью стрельцов восстание вскоре удалось подавить.

⁵ Тяжелые войны со Швецией (1656 — 1658) и Польшей (1654 — 1667) истощили государственную казну. В 1661 г. правительство решило поправить дела за счет выпуска ничем не обеспеченных медных денег, что способствовало их обесценению: за 1 серебряный рубль давали до 15 медных. Между тем налоги подлежали уплате только серебряной монетой. Выпуском новых денег заведовал ненавистный народу тесть царя И. Д. Милославский, к тому же замешанный в финансовых злоупотреблениях. Замена серебра на медяки вызвала острое недовольство не только простых горожан, но и служилого люда, получавшего жалованье медью. В условиях многолетнего неурожая это привело к новому крупному восстанию в Москве, известному как «медный бунт». 25 июля 1662 г. в разных местах города появились листки, где говорилось о том, что Милославский и ряд знатных лиц — изменники. Толпа посадских людей отправилась к царю в Коломенское и потребовала их выдачи. Тем временем в Москве начались погромы домов знати и богачей. Безвластье продолжалось до тех пор, пока в город не ввели верные царю войска. Восстание было жестоко подавлено, во время казней и пыток погибло более двух тысяч человек (см.: К о с т о м а р о в Н. И. Бунт Стеньки Разина. — СПб., 1859. — С. 30, 33).

⁶ Там же. — С. 33.

⁷ *Черносошные* крестьяне — в XIV — XVII вв. разряд лично свободных земледельцев, живших волостными общинами на никому не принадлежавших землях и несших феодальные повинности в пользу государства. В XVIII в. они стали государственными крестьянами.

⁸ *Дворцовые* крестьяне — категория земледельческого населения, находившаяся во владении дворцового ведомства московских царей.

⁹ До 1649 г. существовала узаконенная царскими постановлениями практика так называемых «урочных лет»: бежавший от своего хозяина крепостной крестьянин по прошествии определенного срока уже не подлежал возврату обратно и наказанию, когда его разыскивали. В 1649 г. Земский собор утвердил свод законов — Соборное уложение, в соответствии с которым отменялись «урочные лета» и крестьяне окончательно закреплялись за своими владельцами.

¹⁰ *Флетчер* Джильс (1548 — 1611) — посланник английской королевы Елизаветы, доктор гражданского права. Находился в Москве с дипломатической миссией в 1586 — 1589 гг. В 1591 г. издал на английском языке книгу «О государстве Русском, или Образ правления русского царя, обыкновенно называемого царем Московским, с описанием нравов и обычаев жителей этой страны». (Русское издание: СПб., 1906.) Цит. по: К о с т о м а р о в Н. И. Бунт Стеньки Разина. — С. 35.

¹¹ Даются страницы работы Н. И. Костомарова.

¹² К о с т о м а р о в Н. И. Бунт Стеньки Разина. — С. 45 — 46.

¹³ Так в тексте.

¹⁴ Так в тексте. Явная опечатка. Должно быть: «как бы».

¹⁵ По свидетельству Н. И. Костомарова, «в его взгляде было что-то повелительное; толпа чувствовала в нем присутствие какой-то сверхъестественной силы, против которой невозможно было устоять, и называла его колдуном. В его душе действительно была какая-то страшная, мистическая тьма» (К о с т о м а р о в Н. И. Бунт Стеньки Разина. — С. 50 — 51).

¹⁶ Неточная цитата из сочинения С. М. Соловьева «История России с древнейших времен» (Кн. 3. — Т. XI — XV. — СПб., <1893 — 1895>. — С. 294).

¹⁷ Фамилия воеводы (в современном написании) — Долгоруков. Как описывает Н. И. Костомаров, в 1665 г. князь Юрий Алексеевич Долгоруков возглавлял поход против поляков. В осенние непогожие дни Разин — атаман одного из казачьих отрядов войска Долгорукова, попросил князя отпустить казаков домой, на Дон. Тот отказал, но Разин самовольно ушел вместе с отрядом. Беглецов догнали, и Долгоруков осудил их атамана на смерть. Вполне возможно, что младшие братья Разина Степан и Фрол, находившиеся в войске, были очевидцами казни. И Степан замыслил не только отомстить за брата, но и задать страху боярам и знатным людям Московского государства. (Более подробно см.: К о с т о м а р о в Н. И. Бунт Стеньки Разина. — С. 47 — 49.)

В связи с этим любопытна историческая аналогия с осуждением и казнью старшего брата Владимира Ульянова — Александра.

¹⁸ Так в тексте. Возможно, опечатка и следует читать: «увещательную».

¹⁹ Учуг — устроенная особым образом перегородка поперек реки для отлова идущей на нерест рыбы. Здесь: рыбный промысел.

²⁰ Согласно легенде Разин сначала обратился к реке: «А ты, Волгаматушка, река великая! Много дала мне злата и серебра и всего доброго! Как отец и мать, славой и честью меня наделила! А я тебя еще ничем не отблагодарил! На ж тебе, возьми! — с этими словами Стенька схватил персидскую княжну и бросил ее в воду». (См.: Трехсотлетие дома Романовых: 1613 — 1913. Исторические очерки. — М., 1913. — С. 62.)

²¹ Неточная цитата. См.: К о с т о м а р о в Н. И. Бунт Стеньки Разина. — С. 98.

²² Неточная цитата. См.: К о с т о м а р о в Н. И. Бунт Стеньки Разина. — С. 100 — 101.

²³ Неточная цитата. См.: К о с т о м а р о в Н. И. Бунт Стеньки Разина. — С. 119.

²⁴ Так в тексте. Возможно, опечатка и следует читать: «мучениками».

²⁵ К о с т о м а р о в Н. И. Бунт Стеньки Разина. — С. 137.

²⁶ Там же. — С. 145.

²⁷ Там же. — С. 145.

²⁸ Царевич Алексей умер 17 января 1670 г.

²⁹ *Никон* (Минов Никита) (1605 — 1681) — патриарх Московский и всея Руси с 1652 г., одна из ярких фигур русской истории, человек разносторонних дарований. Никон пользовался большим влиянием на царя Алексея Михайловича и принимал участие в решении многих политических вопросов. В 1653 г. он начал проведение церковной реформы, заключавшейся в исправлении книг и обрядов по греческим образцам и унификации культа. Это вызвало протест части русского духовенства и верующих и привело к церковному расколу. Одновременно реформа положила начало конфликту между царем и Никоном. Царь рассматривал ее как этап на пути усиления государства, подчинения ему церковной власти. Патриарх же видел в начатых преобразованиях средство укрепления авторитета церкви и освобождения ее из-под опеки светской власти. В 1658 г. противостояние привело к окончательному разрыву их отношений: Никон самовольно оставил патриаршество и удалился в Новоиерусалимский Воскресенский монастырь, думая таким способом заставить царя пойти на попятную. Однако этого не произошло. И когда в 1664 г. Никон приехал в Москву и попытался снова занять патриаршее место, он был выслан обратно. Церковный Собор 1666 — 1667 гг. снял с него патриарший сан, и опально-го сослали в Ферапонтов монастырь на Белоозере. В 1681 г. царь отменил ему ссылку и позволил перебраться в Новоиерусалимский монастырь. По дороге туда Никон умер.

Народ воспринял осуждение патриарха как несправедливую расправу и всячески выражал ему свою любовь. Слухи об укрытии его Разиным отнюдь не были случайными и имели под собой реальную почву. Есть сведения, что атаман пытался привлечь Никона на свою сторону. Если бы эта попытка удалась, он решил бы сразу две задачи: во-первых, из мятежника сразу превращался в борца за восстановление справедливости и, во-вторых, придавал своему движению «легитимный» характер. Вот что сообщает в связи с этим прот. Л. Лебедев: «Правительству донесли о том, что в 1668 г., весной, к Никону приходили «воры донские казаки» «в монашеском платье» и имели с ним тайные беседы, говоря: «Нет ли тебе какого утеснения: мы тебя отсюда опростаем». Доносили, что, по словам Никона, казаки приходили к нему еще в Воскресенский монастырь с предложением, «собрав вольницу», «посадить его на патриаршество по-прежнему». Некий монах Пров донес также, что Никон хотел бежать из заточения и обратиться за помощью к народу. Кроме того, царю сообщали, что митрополит Иконийский Афанасий, находившийся в России, писал Никону о новом Соборе, который должен быть созван в Москве по требованию Константинопольского Патриарха с целью оправдать Никона.

В Ферапонтов поскакали царские посланники. В монастыре были усилены караулы, Никону запретили выходить из кельи. Что же все-таки происходило между Никоном и восставшими разинцами? Никон впоследствии утверждал, что о Разине ничего не знает. Но к нему, по его словам, действительно приходили в Ферапонтов три казака: «Федька да Евтюшка, а третьего позабыл, как звали». Они являлись под видом паломников на Соловки; на самом же деле «приходили они для меня, — сообщал Патриарх, — собравшись нарочно, взять меня с собою, пришло их двести человек; Степана Наумова хотели убить до смерти, Кириллов монастырь разорить и с казною его, запасами и пушками хотели идти на Волгу; но я на ту их воровскую прелесть не поддался, во всем отказал, от воровства («воровством» тогда называлось политическое преступление. — *Прот. Л.*) их унял и клятвою им приказал, чтоб великому государю вины свои принесли, и они пропали неведомо куда». На вопрос, почему Никон тогда же не донес об этом посещении и не задержал этих троих, Патриарх ответил, что «боялся, чтобы смуты не учинить, а обороняться от них было некем». К государю же Никон будто бы тогда писал о казаках и говорил о них приставленному к нему архимандриту Иосифу. Но царю Никон «тогда» ничего не писал, а Иосифу сказал гораздо позже; он явно покрывал казаков, хотя и не принял их предложений» (Протоиерей Лев Лебедев. Патриарх Никон//Богословские Труды. — Т. 24. — М., 1983. — С. 163 — 164).

³⁰ Неточная цитата (в круглых скобках добавление И. А. Ильина). См.: Костомаров Н. И. Бунт Стеньки Разина. — С. 165 — 166.

³¹ Одну из таких легенд, услышанную от древнего старика, приводит Н. И. Костомаров. Ею он заканчивает свое исследование: «За городом Царицыном, в степной деревне жил, а может быть, и теперь живет столетилетний старик, и глухой, и слепой, и чуть движется, и трудно с ним говорить: надобно на ухо кричать во все горло; но он сохранил память и воодушевляется, когда вспомнит старые времена. Он собственными глазами видел Пугачева. «Тогда (говорил он) иные думали, что Пугачев-то и есть Стенька Разин: сто лет кончилось, он и вышел из своей горы». Впрочем, сам старик не верит этому; зато верит вполне, что Стенька жив и придет снова. «Стенька (говорит он) это мука мирская! Это кара Божия! Он придет, непременно придет, и станет по рукам разбирать... Ему нельзя не придти. Перед судным днем придет. Ох! Тяжкие настанут времена... Не дай, Господи, всякому доброму крещеному человеку дожить до той поры, как опять придет Стенька!» (Костомаров Н. И. Бунт Стеньки Разина. — С. 237).

КУДА ИДЕТ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ?

Впервые опубликовано под псевдонимом «Юстус» в газете «Утро России» в № 242 от 8 (21) октября 1917 г. Печатается по этому изданию.

¹ Имеется в виду тогдашний председатель Временного правительства А. Ф. Керенский.

² *Абсентеизм* (лат.) — уклонение избирателей от участия в выборах.

ОТКАЗ Г. КЕРЕНСКОГО

Впервые опубликовано под псевдонимом «Юстус» в газете «Утро России» в № 245 от 12 (25) октября 1917 г. Печатается по этому изданию.

¹ Имеется в виду подавление антиправительственных выступлений в Петрограде, ознаменовавшее конец двоевластия. К началу июля 1917 г. недовольство в народе политикой Временного правительства достигло критической точки. 3 (16) июля солдаты 1-го пулеметного полка обратились к рабочим и военным Петрограда с призывом к вооруженной демонстрации против правительства. Начались стихийные выступления на заводах и в воинских частях. На следующий день состоялась мирная 500-тысячная демонстрация под лозунгами «Долой Временное правительство», «Вся власть Советам». Большевики поддержали и возглавили шествие. Власти направили против демонстрантов войска и применили оружие: в результате несколько сот человек было убито и ранено. Вскоре с фронта прибыли верные правительству части, начались преследования большевиков, было объявлено об аресте Ленина, а принимавшие участие в демонстрации воинские подразделения расформировали.

Все распоряжения по подавлению выступлений исходили от Керенского, который занимал тогда пост военного и морского министра, а с 8 (21) июля возглавил правительство.

² *Корнилов* Лавр Георгиевич (1870 — 1918) — генерал от инфантерии, в июле — августе 1917 г. Верховный главнокомандующий русской армией.

Видя нарастание хаоса в государстве и угрозу прихода к власти левых, предложил правительству в августе 1917 г. программу вывода страны из кризиса, однако никакой реакции не последовало. Тогда он потребовал подчинить себе войска столичного гарнизона, находившиеся под началом правительства, расширить компетенцию военных трибуналов и восстановить в тылу смертную казнь. Керенский отклонил все эти требования.

25 августа (3 сентября) Корнилов двинул на Петроград верные ему части, предложив премьеру прибыть к нему в Ставку и распустить правительство как недееспособное. Керенский, почувствовав угрозу своей власти, объявил его мятежником и изменником и сместил с поста главнокомандующего.

С помощью верных правительству войск столичного гарнизона и при поддержке Петросовета, организовавшего блокаду железных дорог, линий связи и формирование отрядов Красной гвардии, мятеж через несколько дней был подавлен.

Самого Корнилова арестовали и посадили в тюрьму в г. Быхове. Вскоре ему удалось бежать на Дон, где он возглавил Добровольческую армию белых. 31 марта 1918 г. был убит в результате прямого попадания снаряда в помещение штаба армии.

РЕЧЬ И. А. ИЛЬИНА НА 2-М МОСКОВСКОМ СОВЕЩАНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Эта речь была произнесена на 12 (25) октября 1917 г. и опубликована частично в газете «Утро России» в № 246 от 13 (26) октября 1917 г. Печатается по этому источнику.

ЧЕГО ЖДАТЬ?

Впервые опубликовано под псевдонимом «Юстус» в газете «Утро России» в № 253 от 21 октября (4 ноября) 1917 г. Печатается по указанному источнику.

КОШМАР

Впервые опубликовано под псевдонимом «Юстус» в газете «Утро России» в № 259 от 10 (23) ноября 1917 г. Печатается по указанному источнику.

КТО ОНИ?

Впервые опубликовано под псевдонимом «Юстус» в газете «Утро России», в № 266 от 19 ноября (1 декабря) 1917 г. Печатается по указанному источнику.

¹ Неясно, что Ильин имеет в виду, фамилии ли известных тогда матросов или что-либо другое.

² *Дубровин* Александр Иванович (1855 — 1921) — врач, монархист, организатор и руководитель «Союза русского народа».

³ *Климович* Евгений Константинович (1871 — 1930) — генерал-лейтенант, сенатор. С 1908 г. на службе в отдельном корпусе жандармов. Сделал быструю карьеру во время революционных событий 1905 г., находясь на должности начальника охранного отделения ряда городов, позже став московским градоначальником. С 15 сентября 1916 г. уволен со своей должности, а в 1917 г. арестован. После ареста бежал на юг в Добровольческую армию, но был назначен начальником Особого отдела только с приходом генерала Врангеля.

⁴ *Бурцев* Владимир Львович (1862 — 1942) — русский публицист, в 80-х гг. XIX в. народоволец. Ярый антимонархист. До Февральской революции, спасаясь от преследований, жил в основном за границей, где издавал антиправительственные журналы. С 1906 г., находясь в Париже, занялся разоблачением провокаторов и агентов царской ох-

ранки. Именно он разоблачил известных провокаторов Евно Азефа и Малиновского. После Февраля 1917 г. приехал в Петроград, где издавал газету «Общее дело». После октябрьского переворота подвергся преследованиям со стороны большевиков и вынужден был перебраться к белым на юг России, а затем эмигрировать в Париж. И в России, и за границей вел активную антикоммунистическую пропаганду, занимался антисоветской деятельностью.

УШЕДШИМ ПОБЕДИТЕЛЯМ

Статья впервые опубликована в московской газете «Русские ведомости» в № 249 от 14 (27) ноября 1917 г. и посвящена памяти юнкеров, погибших в Москве в ходе боев с большевиками 27 октября (9 ноября) — 2 (15) ноября 1917 г. Она была подписана инициалами «И. Л.». В письме к П. Б. Струве от 20 ноября 1923 г. Ильин писал: «Вчера я говорил на студенческом национальном вечере большую идеологическую речь о Белой армии. Аудитория была полна. Справляли годовщину — шестую!! Как долго, как давно и как недавно... Мне пришлось в этой речи раскрыть ту статью мою «Ушедшим победителям», которую я поместил 10 ноября (здесь память Ильина подводит и он неточен. — Ю. Л.) 1917 года в «Русских ведомостях». Это было только раскрытие; менять было нечего» (ГАРФ, ф. 5912, оп. 1, ед. хр. 60, л. 15 об.).

Печатается по указанному источнику.

МОЛИТВА ПЕРЕД РЕШЕНИЕМ

Из записок убитого друга

Впервые статья опубликована в журнале «День русского ребенка» (Сан-Франциско, 1940. — Вып. VII. — Май). Хотя хронологически работа относится ко времени более позднему, мы включаем ее в эту подборку, так как она, по существу, возвращает нас к моменту большевистского переворота.

Печатается по указанному источнику.

¹ Позже И. А. Ильин написал молитву, которую назвал «молитвой служения и одоления»:

«Вот я, перед Тобою, Господи, слуга Твой, ищущий только воли Твоей. Научи меня верно служить тебе всяким дыханием и деянием моим. Пошли мне силы Твоей, мудрости Твоей, вдохновения Твоего. Не отдай меня на поругание врагам Твоим; изведи меня от угроз их. И соблюди мою свободу в жизни и творчестве, ибо свобода моя — в совершении воли Твоей» (Ильин И. А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний//Собр. соч.: В 10 т. Т. 3. — М., 1994. — С. 306).

КОРЕНЬ ЗЛА

Статья впервые опубликована под псевдонимом «Юстус» в газете «Утро России» в № 276 от 2 (15) декабря 1917 г. Печатается по этому источнику.

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ПРАВОВЕДЕНИЯ В РОССИИ

Речь И. А. Ильина, произнесенная весной 1922 г. в Москве на общем собрании Московского юридического общества при Московском университете (это было первое заседание Общества после пятилетнего перерыва, вызванного революцией и гражданской войной). Впервые опубликована в журнале «Русская мысль» (Прага; Париж, 1922. — Кн. 8 — 12). Печатается по этому источнику.

¹ ...в филогенетическом порядке... — здесь: в рамках исторического развития социума как единого целого.

² ...онтогенетически — здесь: на уровне развития отдельного индивидуума.

³ ...этиологически зрячим... — то есть способным видеть причину явления.

⁴ *Детерминанта* — здесь: определяющая; то, что определяет.

⁵ *Гетерономная государственная форма* — то есть чуждая по отношению к отмеченным духовным основам, навязанная им извне, а не вытекающая органично из них самих.

⁶ *Сулейман* (Сулайман) — в мусульманской мифологии сын Дауда. Соответствует библейскому Соломону. Популярный персонаж мусульманских преданий. Одно из них — наказание Сулейманом злых духов заточением их в запечатанные сосуды. Силу и власть давал перстень с печатью, имевшей форму шестиконечной звезды.

⁷ *Ревенанты* (от фр. *revenant*) — привидения.

⁸ *Епитимия* (греч.) — в христианской церкви наказание в виде поста, длительных молитв и т. д.; налагается исповедующим священником.

⁹ *status quo* (лат.) — положение, существующее или существовавшее в данный момент.

¹⁰ *fidem* (лат.) — веру.

¹¹ *justum titulum* (лат.) — правовой почет.

¹² *tempus* (лат.) — время.

¹³ *nudum corpus* (лат.) — голая плоть.

¹⁴ *detentio* (лат.) — захват (только в средневековых текстах и правовых нормах).

¹⁵ *proprietas* (лат.) — право собственности.

¹⁶ *animus* (лат.) — душа.

¹⁷ *furtum* (лат.) — кража, воровство.

¹⁸ *acquisitio naturalis* (лат.) — приобретение естественным путем.

¹⁹ *Соловьев* Сергей Михайлович (1820 — 1879) — русский историк, академик, автор многотомной «Истории России с древнейших времен».

²⁰ *Леонтьев* Константин Николаевич (1831 — 1891) — русский писатель, публицист и литературный критик, философ, поздний славянофил.

²¹ *Чичерин* Борис Николаевич (1828 — 1904) — русский юрист, историк, философ.

²² *Герье* Владимир Иванович (1837 — 1919) — русский историк.

²³ *Дескриптивный* (англ.) — описательный.

²⁴ *Гипостазированный* (греч.) — наделенный самостоятельным бытием.

²⁵ Современное написание — «Шу цзин».

²⁶ *Конфуций* (Кун-цзы) (ок. 551 — 479 до н. э.) — древнекитайский мыслитель.

²⁷ *Законы Ману* — наиболее известная часть древнего сборника предписаний о правилах поведения индийца в частной и общественной жизни в соответствии с религиозными догматами брахманизма. Содержит также наставления об управлении государством и по судопроизводству. Приписывается мифическому прародителю людей — Ману.

²⁸ *Фукидид* (ок. 460 — 400 до н. э.) — древнегреческий историк.

²⁹ *Плерома* (греч.) — полнота, обилие, наполнение, исполнение. Термин ортодоксальной и особенно еретической христианской мистики, означающий некую сущность в ее полноте, совершенстве, без ущерба и недостаточности.

³⁰ *Интенция* (лат.) — в самом общем понимании: волевая направленность на какую-либо цель, стремление к чему-либо.

³¹ *Терсит* — в греческое мифологии незнатный воин, участвующий в осаде Трои, недруг Ахилла и Одиссея. На собрании ахейского войска он, движимый алчностью, обвинил предводителя Агамемнона в несправедливом захвате большей доли добычи. За это Одиссей жестоко избил его. Он олицетворял человеческие пороки и изображен в «Илиаде» безобразным, горбатым, хромоногим, косым, лысым, болтливым.

³² *Калибан* — персонаж драмы Шекспира «Буря», злой, дикий, свирепый и безобразный раб.

³³ *Андроник I Комнин* (ок. 1123 — 1185) — византийский император с 1183 г. Добившись демагогией поддержки народных масс, захватил престол. Проводил политику террора по отношению к аристократии. Свергнут знатью Константинополя с помощью народных масс и казнен.

РЕЧЬ

(на торжественном вечере немецкого Красного Креста и общества по изучению Восточной Европы)

перед русскими профессорами-изгнанниками

14 ноября 1922 года

Эту речь И. А. Ильин произнес в Берлине. Рукопись ее на немецком языке находится в мичиганском архиве философа (Courtesy of Special Collections, Michigan State University Libraries, East Lansing, MI 48824 — 1048, кор. 23, п. 5). Копию рукописи для настоящего Собра-

ния сочинений прислал профессор русской словесности Вассерколледжа (США) Алексей Евгеньевич Климов, которому мы приносим нашу сердечную благодарность.

Отрывок из речи публиковался в российской печати. Полностью она печатается впервые. Настоящая речь представляет интерес тем, что является, по-видимому, первым выступлением Ильина сразу после высылки его из Советской России, по крайней мере, первым письменным зафиксированным словом-заявлением изгнанного и лишившегося Родины русского национального мыслителя.

Перевод сделан З. Г. Антипенко.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЖДИ

Памяти князя Евгения Николаевича Трубецкого

Впервые опубликована в журнале «Русская мысль» (Прага; Париж, 1923. — Кн. 1.). Печатается по этому источнику.

¹ *Медиумы* (лат.) — здесь: проводники.

² *Паладин* (лат.) — здесь: тот, кто беззаветно предан кому-либо или чему-либо.

ПАМЯТИ П. И. НОВГОРОДЦЕВА

Статья впервые опубликована в журнале «Русская мысль» (Прага; Париж, 1923/24. — Кн. 9 — 12). Печатается по этому источнику.

Эта работа предваряется интересным предисловием П. Б. Струве, которое мы приводим полностью:

«Смерть П. И. Новгородцева не пришла неожиданно, и все-таки весть о ней глубоко взволнует всех тех, кто знал его, работал с ним и кто так или иначе отдавал себе отчет в большом значении этой большой и упорной работы.

В П<авле> И<вановиче> было редкое сочетание человека, жившего философским созерцанием, с общественным деятелем, способным на упорную деловую работу. Это сказалось ярко во всей его жизни. Он сам упорно работал, как ученый и мыслитель ставя широкие научные проблемы и постепенно расширяя и углубляя их. В этом отношении интересно сопоставление его диссертации об исторической школе в правоведении и о Канте и Гегеле с позднейшими большими томами о кризисе правосознания и об общественном идеале. Как расширился тут захват мысли Новгородцева и как она в то же время стала увереннее, тверже и глубже!

И этот философ права и общественной жизни был в то же время прирожденным администратором. Я помню, как в свое время, когда учредители предложили покойному князю Е. Н. Трубецкому пост директора Московского коммерческого института, Трубецкой без колебаний отказался, одно время думая, что тяжелую работу по организации нового учебного заведения, которое могло сыграть и сыграло видную роль в жизни Москвы и Московской области, может взять на себя

проф. С. Н. Булгаков. Но и Булгаков отказался, и тогда как-то естественно выдвинулась кандидатура П. И. Новгородцева. На посту директора Московского коммерческого института П<авел> И<ванович> впервые обнаружил таившееся в нем дарование устроителя и администратора. Московский коммерческий институт всецело явился созданием П<авла> И<вановича>. Неудивительно, что во время войны на него возложена была уже чисто административная функция — московского уполномоченного Особого совещания по топливу.

Гражданская война перенесла П<авла> И<вановича> из Москвы на юг России и разлучила с семьей, остававшейся тогда в Со-в<етской> России. Трудности жизни в обстановке оторванности от семьи, в бурной смене успехов и неудач «белой» борьбы впервые нанесли удар его, казалось, крепкому и выносливому организму. Осенью 1919 г. он заболел воспалением легких в Харькове и, совсем еще не оправившийся, эвакуировался в вагоне А. И. Фенина¹, вместе с несколькими другими профессорами в Ростов, оттуда в Новороссийск, а затем в Крым...

Наконец за границей он явился основателем и руководителем Русского юридического факультета в Праге — дела, которое для духовной жизни всей русской эмиграции получило чрезвычайно большое значение, в настоящее время во всей его полноте не могущее еще быть оцененным.

Я знал П. И. Новгородцева с 1896 г. и наблюдал его рост, как ученого и общественного деятеля, в разных внешних условиях. Это было непрерывное духовное возрастание, развертывание всех заложенных в этой сильной личности разнообразных возможностей, дарований и устремлений. Последний фазис его духовной жизни был отмечен глубокой религиозностью, детски беззаветной и в то же время мужественно твердой преданностью Православной Церкви. Религия стала для него основой и единственным абсолютно ценным содержанием жизни. Но как подлинный христианин он, напряженно живя жизнью внутренней, всецело наполемой религией, стойко и сурово к себе и другим исполнял общественные и житейские обязанности. В этом сочетании устремленности духа ввысь с твердой поступью на земле была большая сила и великое поучение. Казалось, дух нашего почившего друга окончательно нашел несдвигаемую точку опоры. Он окончательно успокоился не в от-вращенном от мира бессилии и бездействии, а, наоборот, в живой и деятельной обращенности к миру духа, обретшего себе мир в Высшем, в Боге.

Петр Струве

Берлин, 24 апреля 1924 г.»

¹ Фенин Александр Иванович (1865 — 1944) — горный инженер. Член Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами юга России А. И. Деникине. Осенью 1919 г. занял должность управляющего ведомством торговли и промышленности. После гражданской войны эмигрировал в Чехословакию. Преподавал в Горной академии в Пршибраме. Автор книги «Воспоминания инженера. Об истории общественного и хозяйственного развития России (1883 — 1906 гг.)» (Прага, 1938). Умер и похоронен в Праге.

¹ *Меерович* Лазарь Соломонович (настоящее имя Хаим-Шимон Меерович Роговин) (? — 1927) — юрист, в 1909 г. оставлен вместе с Ильиным на кафедре энциклопедии права и истории философии права, друг Ильина (см.: ГИАМ, ф. 418, оп. 88, д. 388, л. 6).

² *Кишкин* Николай Михайлович (1864 — 1930) — один из лидеров партии кадетов, министр Временного правительства. В октябре 1917 г. — петроградский генерал-губернатор. Входил в число основателей организации «Союз возрождения России» (1918, Москва).

³ Имеется в виду ВЧК.

⁴ Имеется в виду Козьма Минин.

РОДИНА И МЫ

Впервые вышла отдельной брошюрой в Белграде в 1926 г. в издательстве «Общества галлиполийцев». Печатается по этому изданию.

Брошюра вызвала широкий отклик в печати, в частности, П. Б. Струве в парижской газете «Возрождение» (№ 478 от 23 сентября 1926 г.) поместил заметку «О брошюре И. А. Ильина и о нем самом».

¹ Об этом см.: И л ь и н И. А. Дневники, письма, документы. — Т. 1. — М., 1999.

² Имя этого человека установить не удалось.

³ Может быть, имеются в виду русские эмигранты, жившие и служившие в Марокко и Алжире. У И. А. Ильина были русские друзья из этих стран.

⁴ Так в тексте.

⁵ *Феодосий Печерский* (ок. 1036 — 1074) — преподобный, игумен Киево-Печерского монастыря, православный писатель. Вел подвижнический образ жизни. Имел непререкаемый авторитет не только среди монашества, но и среди князей. Мощи его были обретены нетленными в 1091 г.

⁶ *Мономах* Владимир Всеволодович (1053 — 1125) — князь Киевский в 1113—1125 г. Его княжение было временем политического и экономического усиления Руси. Он сумел прекратить княжеские междоусобицы и объединить под своей властью до 3/4 территории Русского государства.

⁷ Любопытна в этом отношении статья белого офицера А. Дисского «Утопическая идея и ее реальное осуществление», опубликованная впервые в журнале «Корниловец» в Болгарии (№ 2 от февраля 1922 г.), где речь идет о необходимости создания такого ордена. (См. наст. Собр. соч. Т. 5. С. 549 — 556.)

⁸ Имеется в виду Галлиполийский полуостров в северной части Турции, между проливом Дарданеллы и Саросским заливом Эгейского моря. Там были расквартированы войска Белой армии генерала Врангеля после эвакуации из Крыма.

⁹ Речь идет о национальных и фашистских движениях, которые в большинстве своем были естественной реакцией на масонское и мировое революционное коммунистическое движение. Однако И. А. Ильин, различая белое движение как родовое и фашистское движение как ви-

довое, подчеркивал слабости последнего (см.: И л ь и н И. А. О русском фашизме// Русский Колокол. — Берлин, 1928. — № 3. — С. 56 — 58).

¹⁰ То есть на государственной службе страны пребывания.

¹¹ *Купина* — терновый куст. Терновыми растениями была обильна гора Синай, отчего она и получила свое название (*евр.* Сепен значит «терновый куст»). «И явился ему Ангел Господен в пламени огня среди тернового куста. И увидел он, что терновый куст горит огнем, но куст не сгорает» (Исх. 3, 2). Неопалимая купина — несгорающий терновый куст — символ тяжелого страдания, но вместе с тем и очищения в горниле бедствий.

¹² Имеется в виду полемика, направленная против книги И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою», вышедшей в Берлине в 1925 г. и посвященной «белым воинам, носителям православного меча, добровольцам русского государственного тягла» (см. наст. Собр. соч. Т. 5).

РЕЧЬ НА МИТИНГЕ ГЕРМАНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ НАРОДНОЙ ПАРТИИ

Речь была произнесена 16 марта 1926 г. в Берлине. Автограф речи на немецком языке находится в архиве философа в Мичигане, кор. 23, п. 5.

Перевод с немецкого З. Г. Антипенко. Публикуется впервые.

¹ Имеются в виду Локарнские договоры о гарантии западных границ Германии и арбитраже, подписанные в 1925 г. после международной конференции, в которой участвовали Великобритания, Франция, Германия, Италия, Бельгия, Чехословакия и Польша. Основной документ — Рейнский гарантийный пакт предусматривал неприкосновенность германо-французской и германо-бельгийской границ, сохранение демилитаризованной Рейнской зоны, подтверждение обязательств по Версальскому мирному договору.

² *Версальский договор* — мирный договор 1919 г., закрепивший итоги первой мировой войны. Согласно этому договору интересы проигравшей войну Германии были сильно ущемлены.

³ *Бисмарк Отто фон Шёнхаузен* (1815 — 1898) — первый канцлер Германской империи в 1871 — 1890 гг., объединивший разрозненные немецкие земли в единое государство.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СМЫСЛ БЕЛОЙ АРМИИ

Настоящая работа представляет собою речь, произнесенную И. А. Ильиным в Берлине 19 ноября 1923 г. в шестую годовщину основания Добровольческой армии. Впервые статья опубликована в журнале «Русская мысль» (Прага, 1923/24. — Кн. 9 — 12). Печатается по этому источнику.

¹ *«Божье дело на земле»* — устойчивое ильинское выражение, определяющее его религиозную установку. С одной стороны, она отличается от «хилиастической» (проповедующей приход тысячелетнего царства на земле), от «коммунистической» (построение бесклассового общества —

«рая на земле») и «моралистической», «теократической» (построение «Царства Божьего» на земле). С другой стороны — от метафизических построений, отрицающих всякое верное устройство на земле. Ильин различает мир «тварный» и «невидимый», премирный, но не впадает в одностороннее приятие одного из них и как православный видит глубокий смысл в Творении Господнем, знает, что «Царствие Божье не от мира сего», но истинные дела людские на этой земле, «верные перед лицом Божиим», одобряет, пытается их угадать и им следовать: сам он называет это «построением христианской культуры».

² *Леонид* (508/507 — 480 до н. э.) — спартанский царь в 488 — 480 гг. до н. э. В период греко-персидских войн возглавил объединенное войско греческих полисов против персидского царя Ксеркса. Погиб в сражении у Фермопил — горного прохода, соединяющего северную и южную равнины Греции.

³ «Умершие герои не умерли» — ильинское толкование известной надписи на надгробном камне царя Леонида, принадлежащей древнегреческому поэту Симониду Кеосскому: «О, чужеземец, поведай Лакедемонянам, что здесь вот мертвыми мы полегли, их соблюдая закон». (Пер. сост.)

Как Сократ, ставивший законы своей страны выше собственной жизни, так и 300 спартанцев, сложивших свои головы, следуя законам древней Спарты, остались бессмертными в истории.

⁴ Из молитвы «Отче наш» (Мф. 6, 13).

⁵ *Зоровавель* (рожденный в Вавилоне) — предводитель первого отряда иудеев, возвратившихся из плена Вавилонского в Иерусалим, правитель Иудеи, который приложил много трудов, забот и усилий для водворения благоустройства и порядка церковного и гражданского среди множества врагов и препятствий. Отсюда и выражение «зоровавельски болевшие душою» — так заботиться о государстве и народе, как это делал в свое время правитель Зоровавель.

⁶ Ин. 2, 15.

⁷ *Алексеев* Михаил Васильевич (1857 — 1918) — русский генерал от инфантерии, Верховный главнокомандующий в марте — мае 1917 г., организатор Добровольческой армии.

⁸ *Каледин* Алексей Максимович (1861 — 1918) — генерал, с 1917 г. атаман Войска Донского. Воевал против большевиков, после военных неудач казаков застрелился.

⁹ *Дроздовский* Михаил Гордеевич (1881 — 1919) — генерал-майор, начальник 3-й дивизии Добровольческой армии. Скончался от заражения крови, в результате ранения в боях под Ставрополем в январе 1919 г.

¹⁰ *Колчак* Александр Васильевич (1874 — 1920) — адмирал, в 1918 — 1919 гг. Верховный правитель Российского государства (в него входила территория Сибири, контролировавшаяся белыми), воевал с большевиками на восточном фронте. Был предательски выдан в Иркутске комиссарам командованием чехословацкого корпуса, судим и расстрелян.

¹¹ *Стефан Пермский* (сер. XIV в. — 1396) — святой, первый епископ Великопермский. Добровольно отправился в пермские земли и более 20 лет проповедовал христианство среди коми (зырян). Создал

письменность коми, перевел для них церковные книги. Его деятельность увенчалась полным успехом, и в 1387 г. была образована Пермская епархия, которую он и возглавил.

¹² *Петр* (? — 1326) — святой, митрополит всея Руси. В 1308 г. Петр поставлен был митрополитом Киевским и всея Руси и поселился во Владимире. В 1325 г. он перенес свою кафедру в Москву, что весьма способствовало возвышению этого, тогда еще незначительного, города и объединению вокруг него русских земель. Святитель много потрудился над примирением князей, сам ездил в Орду ходатайствовать за духовенство перед ханом, строил храмы, наставлял народ в вере и святой жизни.

¹³ *Алексий* (1293/1298 — 1378) — святой, митрополит Киевский и всея Руси с 1352 г. Обладал даром исцеления: исцелил от слепоты Тайдулу — жену хана Чанибека. После убийства хана своим сыном, наложившим новую непомерную дань на русских князей, сам поехал в Орду и с помощью Тайдулы договорился об уменьшении поборов. Митрополит Алексий воспитывал малолетнего кн. Дмитрия (Донского).

¹⁴ *Иона* (? — 1461) — святой, митрополит Московский и всея Руси с 1433 г. Он был посвящен в этот сан собором русских архипастырей, то есть стал первым независимым от Константинополя митрополитом. В 1451 г. возглавил оборону Москвы против ногайцев во время отсутствия в столице великого князя. Обладал даром прозорливости и исцеления.

¹⁵ *Филипп* (Колычев Федор Степанович) (1507 — 1569) — святой, митрополит Московский и всея Руси с 1566 г. Выступал против опричнины Ивана Грозного, за что был судим в 1568 г. и сослан в монастырь. По приказу Грозного задушен Малютой Скуратовым.

¹⁶ *Гермоген* (ок. 1530—1612) — патриарх всероссийский с 1606 по 1612 г. Его деятельность выпала на годы лихолетья для России (Смутное время). Послания патриарха Гермогена вдохновляли народное ополчение на борьбу с поляками. Поляки угрожали ему смертью, но он отказался подчиниться им, за что был заключен в Судов монастырь, где скончался, умеренный голодом.

¹⁷ *Филарет* (Романов Федор Никитич) (1554/1560 — 1633) — патриарх всероссийский с 1619 г., отец первого царя династии Романовых Михаила.

¹⁸ *Иулиания*, именуемая Лазаревской (? — 1604) — святая, праведная. Она родилась недалеко от г. Мурома от богатых и благочестивых дворян Недюревых. В 6 лет осталась сиротой и ее взяли на воспитание родственники. «Молитва, пост, занятие рукоделием, посещение больных и благотворение бедным были ее любимыми занятиями. За это ей пришлось немало перенести скорбей, так как ее подруги осмеивали ее за ее благочестивую жизнь. На 16-м году жизни ее выдали замуж за одного богатого человека, но и в супружеской жизни она не переставала совершать подвиги молитвы, поста и милостыни. Со своими слугами она обращалась снисходительно и вежливо, кроткими увещаниями и наставлениями утверждала между ними согласие и любовь, старалась, по возможности, делать все сама и тяготилась их услугами. Ино-

гда тайно она занималась рукоделием, проводя за такой работой целые ночи, и деньги, вырученные от продажи изделий своих рук, отдавала бедным или на украшение храма. Во время появившейся заразной болезни она своими руками обмывала умерших и хоронила многих на свой счет. После смерти мужа она усугубила пост и молитву, спала не более двух часов в сутки на кусках дерева или железа, ходила в сапогах, в которых были насыпаны черепки или ореховая скорлупа. Скончалась мирно. В 1614 году мощи ее были обретыны нетленными и источающими миро. Они покоятся в селе Лазаревском близ Мурома под спудом» (Б у л г а к о в С. В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. — Харьков, 1900. — С. 8).

¹⁹ *Ордин-Нащокин* Афанасий Лаврентьевич (? — 1680) — думный боярин, воевода, дипломат, главный управитель Посольского приказа с громким титулом «царской большой печати и государственных великих посольских дел обретателя» (государственный канцлер). Один из образованнейших государственных деятелей и виднейший реформатор эпохи царя Алексея Михайловича.

²⁰ «Красный крест» — неясно, что Ильин имеет в виду.

²¹ *Заруцкий* Иван Мартынович (? — 1614) — донской атаман, политический авантюрист. В 1606 — 1607 гг. примыкал к И. И. Болотникову, а в 1608 — 1610 гг. был боярином Лжедмитрия II. Одно время сблизился с поляками. В 1611 г. один из руководителей 1-го земского ополчения. В 1612 г. выступил против народного ополчения и организовал покушение на его руководителя кн. Д. М. Пожарского, подослав к нему двух убийц — казаков Обрезку и Стеньку. Последний пытался нанести удар ножом, но промахнулся. С подходом ополчения к Москве Заруцкий бежал в Астрахань. В 1614 г. пытался скрыться в уральских степях, но был схвачен казаками и выдан правительству. Казнен в Москве.

²² Поляки, напуганные антипольскими воззваниями патриарха Гермогена к народу, увели у него дьяков и подьячих, отняли бумагу, чтобы он не мог писать новых грамот. Но явившемуся к нему под благословение боярскому сыну Роману Пахомову и посадскому человеку Родиону Мосееву удалось устно передать ополченцам в Нижний Новгород его слова: «Писать мне нельзя: все побрали поляки, и двор у меня пограбили; а вы, памятуя Бога и Пречистую Богородицу и московских чудотворцев (святителей Петра, Алексея и Иону. — Ю. Л.), стойте все заодно против наших врагов» (К о с т о м а р о в Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. — М., 1994. — С. 622).

БЕЛАЯ ИДЕЯ

Впервые опубликовано в качестве предисловия в книге «Летопись белой борьбы» (Т. 1. Белое Дело. — Берлин, 1926). Второй раз работа была напечатана во втором томе книги И. А. Ильина «Наши задачи. Статьи 1948 — 1954 гг.» (Париж, 1956). Печатается по второму изданию, курсив восстановлен по первому изданию.

¹ Имеется в виду упомянутая выше книга «Летопись белой борьбы».

² 1 сентября 1924 г. последний главнокомандующий белой Русской армией Петр Николаевич Врангель преобразовал кадры ее в воинское братство, именовавшее себя «Русским общевоинским союзом» (РОВС). Его создание мыслилось по образцу рыцарского ордена, члены которого были «чинами», связанными обетом; это был «кадр русской армии, орденски спаянный национально-патриотическим единомыслием, единочувствием и единоволем». В 20-х гг. РОВС насчитывал до 100 тыс. членов и имел свои отделы во многих странах мира. Штаб РОВСа находился на улице Колизе в Париже, печатным органом являлась газета «Часовой». И. А. Ильин с 1948 по 1954 г. выпускал «еженедельные листки только для единомышленников», которые печатались на ротаторе и рассылались руководством РОВСа чинам союза, а после смерти философа были изданы в Париже и составили знаменитый двухтомник «Наши задачи». Этот труд без сомнения можно назвать «Аксиомами политической жизни».

³ Девизы белого движения были опубликованы И. А. Ильиным в издаваемом и редактируемом им самим журнале «Русский Колокол» (Берлин, 1927. № 1).

⁴ См. замечательную главку «Неудача» в работе И. А. Ильина «Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий» в настоящем Собрании сочинений (Т. 3, С. 100).

⁵ *Зоил* — древнегреческий философ и ритор IV в. до н. э. Ученик Сократа. В XIX в. имя Зоила стало нарицательным для обозначения придиричивого, недоброжелательного и язвительного критика.

ОСНОВЫ БОРЬБЫ ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ РОССИЮ

Впервые работа вышла в сокращении отдельной брошюрой без подписи автора в 1937 г. в Женеве. Называлась она «Спутник русского христианина-националиста». Полностью опубликована под названием «Основы борьбы за национальную Россию» за подписью автора в 1938 г. в Нарве в издательстве «За Россию».

Печатается по указанному полному изданию.

¹ Ин. 4, 24.

² 1 Ин. 4, 8.

³ Здесь и далее в ссылках на эту работу неточность. У Пушкина она называется «Исторические заметки». См.: П у ш к и н А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 8. — Л., 1977 — 1979.

⁴ *Остерман* Андрей Иванович (1686 — 1747) — русский государственный деятель, дипломат. В 1725 — 1741 гг. вице-канцлер, в 1726 — 1730 гг. член Верховного тайного совета (высшего законодательного органа при императорской особе), в 1730 — 1740 гг. фактический руководитель внутренней и внешней политики России. При Петре I (с 1723 г.) был заместителем главы коллегии иностранных дел.

⁵ Концовка стихотворения «Не говорите: «То былое...» (1844).

⁶ *Салтыков* Петр Семенович (1696 — 1772/73) — русский генерал-фельдмаршал, граф. В Семилетней войне, командуя русской армией в 1759 — 1760 гг., одержал победы при Пальциге и Кунерсдорфе.

СВОБОДНАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

Настоящая работа представляет собой брошюру на немецком языке, вышедшую в Цюрихе в издательстве «Kommissions-Verlag Jacques Bollmann AG» (дата не указана). По цитируемой Ильиным литературе можно сделать вывод, что брошюра издана после 1943 г.

На русском языке публикуется впервые. Перевод З. Г. Антипенко.

Приносим благодарность Екатерине Николаевне Квартировой (США) — вдове Алексея Квартирова, ученика и друга Ильина, за предоставление столь редкой брошюры.

¹ *libertas perditionis* (лат.) — свобода погибели.

² В оригинале стоит немецкое слово *aufgebracht* — взбешенный, рассерженный, возмущенный.

³ Буквально *sich voranwältzt* — проезжает катком.

⁴ *ens reale* (лат.) — реальная сущность.

⁵ *servus est res* (лат.) — раб есть вещь.

⁶ Дается ссылка на книгу Ильина «Вечные основы жизни» (Цюрих, 1943). Это немецкий расширенный вариант его книги «Путь духовного обновления» (Белград, 1937). Ильин ссылается на отсутствующую в русском варианте главу «Частная собственность». Полный русский вариант книги вышел уже после смерти Ильина. См. гл. 10 «О частной собственности» в наст. Собр. соч., т. 1.

⁷ Быт. 25, 34.

⁸ Дается ссылка на немецкую книгу Ильина «Поющее сердце» (Берн, 1943). Русское издание ее вышло после смерти Ильина. См. наст. Собр. соч., т. 3.

ДЕЛО ХРАНЕНИЯ

Впервые опубликовано в сборнике «Museum of Russian culture. Хранилища памятников культуры и истории зарубежной Руси» (Сан-Франциско, <1966>). Материал получен нами от известного архивиста из Бремена Габриэля Суперфина, которому мы признательны за это. Печатается по указанному изданию.

¹ Так в тексте.

² *автентический* (греч.) — подлинный.

³ *куриозитет* (фр.) — здесь: праздное любопытство, забава.

⁴ *контрафакция* (фр.) — неразрешенное издание.

⁵ В указанном выше сборнике помещена заметка Вл. Маевского и выписка из письма Ильина, которую мы тут приводим.

СУДЬБА БИБЛИОТЕКИ РУБАКИНА В ШВЕЙЦАРИИ

Библиотека Н. А. Рубакина была одной из замечательных и богатейших библиотек в эмиграции. Работать в эту библиотеку приезжали ученые из разных стран.

Мать Н. А. Рубакина имела частную библиотеку в Петербурге, и после ее смерти сын перевез книги в Швейцарию (1906 — 1907 гг.). С тех пор в течение 40 лет все свои силы и средства Рубакин употребил на пополнение библиотеки редкими изданиями, получая часто для этой цели помощь различных обществ и частных лиц. (По данным М. Бетман, жур<нал> «Зарницы» № 10, 1926 г., к 1926 году библиотека имела 43 000 томов.)

Перед войной Рубакин подписал условие с советским посольством, что до смерти будет получать от него значительное пособие на содержание этой библиотеки, а после... она переходит СССР.

В 1947 году в возрасте 84 лет Рубакин скончался. Швейцарское правительство в течение года вело переговоры с посольством, добиваясь, чтобы библиотека осталась в Швейцарии. Но посольство настояло на контракте и вывезло библиотеку. Конечно, для эмиграции и, в частности, русских ученых это огромная потеря.

Вл. Маевский

Профессор И. А. Ильин из Швейцарии пишет (письмо 31 марта 1953 года): «Сообщаю достоверно: драгоценная библиотека русских книг передана Рубакиным в распоряжение советской власти и, по-видимому, давно уже увезена. Имеется ли при ней какой-нибудь архив документов — мне неизвестно. Если таковой был, то он, наверно, разделит судьбу библиотеки».

Указатель имен Собрания сочинений И. А. Ильина

- Alagona P. P. — V 197
Alberti L. B. — VI-1 416,
Ambrosii Mediolanensis — V 210
Arsenjew N. S. — VI-2 513
- Bestushew-Rumin K. N. — VI-2
512
Boissier G. — IV 467, 468, 470
Botticelli — VI-1 420, 425, 428, 431,
434, 436, 438, 440, 442-444
Brabisius K. von — II-2 422
Brinz — IV 581
Brunner H. — IV 427
Bruyere La — IV 573
Busenbaum H. — V 197
- Caesar G. J. — IV 468
Chledowsky C. von — VI-1 545
Chomjakow A. S. — VI-2 513
Cohn W. — VI-1 128
Coulanges F. de — VII 396
- Danilewsky N. J. — VI-2 512
Dernburg — IV 581
Dostojewski F. M. — VI-3 540,
541, 552
Douillet — VII 55
- Ehrt A. — I 396
Erdmann — IV 581
Erxleben — IV 581
Escobar-a-Mendoza — V 201
- Fichte — III 572
Flach J. — IV 427, 429, 434, 435,
471, 473, 505, 599
Fleury A. de — IV 429, 599
Foucart P. — IV 605
Frazer J. G. — IV 438, 465, 605
- Goethe — VI-1 492, 548
Gareis K. — IV 586
Ghuguey V. — V 583
Gierke O. — IV 585
Gogol N. V. — I 397; VI-3 535
Gumplowicz L. — IV 29, 30, 586
- Hardenberg F. — IV 613
Harnack — IV 467
Hegel — IV 161
Heureaux — IV 443
Hugo V. — VI-2 227
- Ihering R. — IV 30, 37, 586
Iljin I. A. — I 396, 397; IV 581,
584-587; V 481
Jellinek G. — IV 10, 584
- Karamsin N. M. — VI-2 511
Kawelin K. D. — VI-2 512
Kipp — IV 581
Kistiakowsky Th. — IV 10
Klutschewsky W. O. — VI-2 512
Kohler I. — IV 586
Kostomarov N. I. — VI-2 511
- La Bruyère — IV 617
Laband P. — IV 10, 37
Lang L. — VI-1 132
Langen A. — VII 375
Las Cases E. A. de — IV 429, 600
Le Bon G. — VI-2 415
Lecky W. E. H. — VI-2 461
Leibniz — IV 584
Luther M. — V 196
- Martin — IV 470
Maury A. — IV 473, 610
Maury B. — VI-2 461

- Medtner N. — VI-3 556
 Merkel A. — IV 30, 31, 586
 Musset — VI-2 227
- Naquet A. — VII 93
 Nietzsche F. — IX-X 334
- Platonow S. F. — VI-2 512
 Puchte — IV 581
 Puschkin A. — VI-3 534, 535
- Regelsberger F. — IV 586
 Rilke R. M. — VI-1 127
 Roussel A. — IV 586
- Schelting A. von — I 387
 Schubart W. — VII 378
 Schultz J. H. — VI-2 391
 Schweickert J. — I 396
 Simmel G. — VI-1 7, 41
 Stirner — IV 588
- Tchertkoff A. — V 563
 Tolstoj L. — VI-3 555
 Tourgueniev I. S. — VI-1 287
 Trubetzkoy E. — VI-2 513
- Ustrjalow N. G. — VI-2 512
- Vandal A. — IV 492, 612
 Vronskaya J. — V 583
- Weber M. R. — IV 10
 Windscheid — IV 581
- A. K. (A. B. Карташев) — V 367, 590
 Аббасиды — IV 439
 Абдалла Ибн-Маймун (Абдулла Ибн-Маймуна) — II-1 116, 476
 Абдеррахман — IV 439
 Абрамович (Рейн) P. A. — II-2 140, 464
 Абуль-Аббас — IV 439
- Аваддон (Аввадон) — V 561
 Аввакум — I 36; II-2 383
 Август II — IV 602
 Август III — IV 437, 602
 Август князь Иван, лжецаревич — IV 531
 Августин Блаженный, св. — I 24, 39, 151, 288; III 564; IV 579; V 168, 384, 569; VI-1 94, 431; VI-2 220, 300, 472, 610; VI-3 336; VIII 424
 Авель — II-2 75, 459; VII 167; VIII 372
 Аверкиев, романист — VI-3 304
 Авессалом, царь — IV 437, 603
 Авксентьев Н. Д. — VI-1 279
 Авраам, пророк — V 569; VI-3 56
 Авранек У. И. — VI-2 367; VII 425, 597
 Авсеенко, романист — VI-3 304
 Агас (Агис IV) — IV 437
 Агассиц Ж. Л. (Агассис) — I 62, 371
 Агранов (Сорензон) Я. С. — II-2 59, 458
 Адам — II-1 472; II-2 459; VI-1 132
 Адамович Б. — II-1 468
 Аденауэр К. — II-2 54, 227, 456
 Аджер Хисс — II-1 399
 Адольф Нассауский — IV 430
 Адриан — I 317, 379; II-2 275; IV 552, 607; VI-1 97
 Адриан VI — II-1 60; IV 464, 468, 473, 489
 Адриан, св. — VI-3 126
 Азеф Е. Ф. — II-2 298, 304, 473; V 583; IX-X 422, 435
 Айвазовский И. К. — II-1 357; II-2 124; VI-2 203, 387, 562
 Айналов Д. — VI-2 420
 Айхенвальд Ю. И. — II-2 144, 146; V 243, 245, 250, 257, 276, 395, 485, 495, 496, 510-512, 517, 518, 543, 575; VI-2 168, 649

- Аксаков И. С. — I 182; II-2 462;
VI-2 205; VI-3 296, 304, 360
Аксаков С. Т. — VI-3 275, 361
Аксаковы — VI-3 247, 266
Аксенов Л. — II-2 389, 419
Аксентьев — IX-X 151
Алагон — VII 404
Алагона П. Петрус — II-1 393,
488; V 197, 317, 362, 570
Аларих — VI-3 136, 531
Алданов М. — II-2 427; VI-1 108;
VI-2 141, 155, 354
Александр — IV 588
Александр I — II-1 65, 92, 295,
482; II-2 239, 280, 285; IV
553; V 541; VI-2 175, 181,
184, 505, 506; VI-3 231, 290,
435, 447; VII 413
Александр I Карагеоргиевич —
II-2 284, 329, 475; IV 441,
606, 616
Александр II (Освободитель) —
II-1 69, 108, 124, 322, 482;
II-2 99, 280, 356, 405, 462,
470; IV 143, 442, 464, 489,
490, 521, 537, 606; VI-2 50,
247, 409, 488, 507, 508, 551,
559, 568, 585, 626, 652; VI-3
266, 303, 344, 356; VII 34,
331, 339, 410, 413; IX-X 344
Александр III — II-1 65; II-2 107,
252, 281; IV 606; V 582; VI-2
508; VI-3 408; IX-X 344, 424
Александр VI (Родриго Борджиа) —
IV 616; V 156, 320, 568
Александр Македонский — I
317; III 580; IV 460, 489, 603;
VI-1 97; IX-X 386
Александр Невский, св. — II-1
140, 248, 293; II-2 167; IV 442;
V 285, 514, 552, 553; VI-2 60,
499; VII 384, 468; IX-X 388
Александр Обренович — IV 441
Александра Федоровна, имп. —
IV 616; IX-X 192, 427
Александров — II-1 148
Александровский Б. Н. — II-1
475
Алексеев — IX-X 290
Алексеев А. С. — IV 10, 584
Алексеев М. В. — I 18; IX-X 442
Алексеев Н. Н. — I 7, 9, 363,
364, 367; II-2 367, 375; IV
581; V 604; VI-1 541
Алексеев, художник — VI-1 537
Алексей IV, визант. имп. — IV
605
Алексей Алексеевич, сын царя
Алексея Михайловича IX-X
165, 431
Алексей Михайлович, царь — II-1
136, 314; II-2 106, 283; IV 490,
531, 554, 599; V 257; VI-2 502;
VI-3 111; VII 407; IX-X 133,
137, 139, 165, 428, 431; IX-X
444
Алексей Петрович, сын Петра I —
IV 531; VI-2 186, 649
Алексий I (С. В. Симанский),
патриарх — II-1 470; II-2 61;
VII 363, 364, 367, 368, 589
Алексий, митр. — V 234, 507; VI-2
537; IX-X 297, 443, 444
Алексинский Г. А. — V 332, 586
Алена, старица — IX-X 169, 170
Алпатов М. — VI-2 423, 545; VI-3
133
Альба А. Т. Ф. де — II-1 215, 299
Альберти Л. Б. — VI-1 180, 416;
VII 446, 599
Альбрехт I — IV 430
Альбрехт-Медведь — IV 528
Альтани И. К. — VII 435, 598
Альтузий, публицист — IV 582
Альфонс X Кастильский — IV
430
Альфонс XIII — IV 441, 443, 606
Альфред Великий — IV 434, 489
Амальрих Бенский — II-2 292,
472; VI-2 434

- Амброс А. В. (Амброз X) — VI-3 499, 556
- Амвросий (Гренков), св. — V 569; VI-2 440
- Амвросий Медиоланский, св. — IV 553, 554, 616; V 210, 217, 234, 284, 506, 570, 571
- Амвросий, еп. — VII 232
- Аменемхат I — VI-1 97
- Аменотеп IV (Аменхотеп) — I 317, 378; IV 466, 473
- Аменхотеп — VI-2 181
- Аммун — V 185, 186, 233, 371
- Амфилохий — V 185, 569
- Анаксимандр — III 512, 513, 586; VI-1 331
- Анаксимен — VI-1 316
- Анастасий Иерусалимский (Грибановский), архиеп. — I 29; II-1 267; V 236, 378, 398-400, 401, 524, 525, 528, 544, 573
- Анастасия Николаевна, вел. княжна — VII 48
- Ангулемский, герцог — II-1 92
- Андерсен Г.-Х. — III 110, 261; VI-1 87, 107, 527; VI-3 510
- Андреев Л. Н. — I 364; V 586; VI-2 288, 289, 332, 654
- Андреев Н. Е. — V 539, 540, 603
- Андреева И. С. — VI-2 513
- Андрей Боголюбский, кн. — II-1 247; IV 441; VI-2 498, 518
- Андрей Первозванный, ап. — IV 527; VI-3 145
- Андрей Юродивый, св. — I 130; III 580; VI-1 293; VI-2 449; VI-3 92
- Андроник I Комнин — II-1 442; IV 440, 498, 565, 606; IX-X 225, 437
- Андроник II — I 372
- Андроник Родосский — III 567
- Андроник, архиеп. Пермский — VII 232
- Андроникашвили Л. — I 24
- Андроников И. Л. — I 24
- Анит — VI-2 108; VIII 373
- Анна Иоанновна, имп. — II-1 122, 295; IV 421, 431, 597; VI-2 503; IX-X 344
- Анна Леопольдовна, мать Иоанна VI — II-1 295; IV 602; VI-2 503; IX-X 344
- Анна, дочь Ярослава Мудрого — VI-2 519; VI-3 147, 148
- Анна, св. — VII 402
- Анненков П. В. — II-2 394, 461; VI-2 644; VI-3 252, 286, 436
- Аннибал (Ганнибал) — IV 437, 604
- Ансон — IV 421
- Антигон I — II-1 442; IV 489
- Антигон III Досон — IV 437, 489, 602
- Антиох, св. — VI-2 452
- Антипенко З. Г. — I 34, 36; III 574; IV 581; V 602; VI-2 552, 589, 620, 632, 658, 663, 665-667; VI-3 523, 527, 529-531, 533-535, 537, 540, 542, 549, 552, 554-556; VII 576-578, 580, 581, 583-585; VIII 570, 571; IX-X 438, 441, 446
- Антокольский М. М. — II-1 301, 483; VI-2 605; VII 441
- Антоний — IV 467, 598, 608
- Антоний (Храповицкий), митр. — I 29; V 186, 233, 236, 339, 341, 368, 378, 507, 524, 528, 569, 573, 574, 588, 590
- Антоний Великий, св. — I 77, 309, 372; III 74, 263, 571; V 41, 564; VI-1 96; VI-2 433, 436, 453; VI-3 15, 28, 525
- Антоний Печерский, св. — VI-3 152
- Антоний Юродивый — VI-3 96
- Антонин Пий — IV 489
- Антонины — IV 607

- Антонов А. С. — VII 349, 587
 Анфимий из Тралл — VI-3 116
 Аод — IV 603
 Аполлион — V 561
 Аполлодор — III 569
 Апухтин А. Н. — II-2 319
 Аракчеев А. А. — IV 520
 Арапова А. П. (Пушкина) — VI-2 82, 645
 Арбогаст, полководец — IV 439, 605
 Ардашев — IV 565, 571
 Арденнский В. — V 485, 500, 501, 601
 Аренс Г. — IV 579
 Арина Родионовна — VI-2 51, 495
 Ариовист, царь — IV 437, 604
 Ариосто — VI-3 449
 Аристид — II-1 259, 481; III 110, 574; VI-2 103; VIII 373
 Аристотель — I 232, 238, 240, 242, 288, 351, 377, 397; II-1 39, 49, 51, 54, 472; II-2 76, 152, 182, 212, 215, 459; III 35, 53, 160, 191, 334, 435, 444, 467, 485, 528, 533, 567, 570, 577, 584; IV 187, 266, 283, 338, 413, 467, 486, 550, 563, 579, 590-592, 614; V 540, 592; VI-1 47, 96, 104, 211, 545, 547; VI-2 58, 59, 447, 573, 666; VI-3 28, 530; VII 150; VIII 426, 470, 478, 526, 542, 572; IX-X 34, 374, 405, 419
 Аронсон Г. — II-2 140, 141
 Арсеньев Н. С. — II-2 389, 419; V 543, 604; VI-2 513; VII 577
 Архангельский А. П. — II-2 369, 393
 Архангельский, композитор — VII 439
 Архарова — VI-2 84
 Архимед — III 187
 Арцыбашев М. П. — II-2 282; V 333-336, 587
 Аскольд, кн. — VI-2 497; VI-3 145, 146, 154
 Астиаг, царь — IV 437, 603
 Атауальпа (Атагуальпе) — IV 466, 608
 Атений — IV 467, 608
 Атилла — IX-X 387
 Аухаген — VII 338
 Афанасий Великий, св. — I 24; II-1 392, 487; V 185, 186, 330, 362, 363, 371, 506, 569; VI-2 433
 Афанасий Иконийский, митр. — IX-X 431
 Афанасий Кальнофойский — VI-3 153
 Афанасьев А. Н. — VI-1 274, 275; VI-2 266, 267, 269
 Афанасьев, ком. деятель — II-2 211
 Афинагор — I 309; II-1 309, 484; V 83, 208, 246, 274, 283, 566; VI-3 12, 525
 Афинянин — VIII 425
 Ахемениды — IV 603
 Ахенатон — VI-2 190, 192, 649
 Ахмат, хан — V 541, 604
 Ахматова А. А. — II-2 320, 321, 474
 Ахмет — II-1 137
 Ахмет III — IV 437, 602
 Ачесон Дин (Гудерхам) — II-1 485
 Аэций, историк — V 136
 Б., — капитан IX-X 427
 Баадер Ф. — IV 580
 Бабеф Г. — II-1 116, 477; IV 490, 611
 Бабина Б. А. — V 587
 Багратион П. И. — VI-3 435
 Баден-Поуэлл Р. — II-1 471
 Базэн А. Ф. — II-1 356, 485
 Баиов А. К. — IX-X 388
 Байдаков, купец — I 5, 361
 Байер IX-X 346

- Байрон Д.-Г. — II-1 70; VI-2 40, 44, 48, 49, 64, 241, 276; VI-3 219, 221, 229, 230, 426, 427; VII 219; VIII 375, 434
- Бакунин М. А. — II-1 295; II-2 99, 460; V 267, 458, 579; VI-2 444, 616; VI-3 21, 136, 402, 403, 404, 465, 494, 531; VIII 204, 333*; IX-X 35, 92, 347, 425, 426
- Балтрушайтис Ю. — II-1 301, 484
- Балу (Баллу) Адин (Эйдин) — V 565, 566
- Бальзак О. де — VI-2 276; VI-3 272, 284, 301
- Бальмонт К. Д. — II-2 124, 320; VI-1 121, 135; VI-2 212
- Баммель И. — II-2 387
- Баратынский Е. А. — I 77, 156, 372; II-2 124, 311, 319; VI-1 55, 102, 103; 109, 128, 210, 340; VI-2 39, 86, 107, 213, 223, 243, 255, 256, 295, 321, 351, 387, 637, 647
- Барбэ — VIII 240, 241, 333
- Барбюс А. — VIII 133, 333
- Барейсс Ш. — I 32, 36
- Бари В. А. — I 18
- Барклей — IV 582
- Барма, зодчий — VI-2 603; VI-3 124
- Баррис, президент — II-2 138; IV 443
- Барт К. — II-1 75, 152, 473, 479
- Бартенев П. И. — VI-2 644-646
- Барту Л. — II-2 475
- Барышников, переводчик — VI-3 143
- Барятинский, кн. — IX-X 163, 164, 166, 167
- Баттистини М. — VI-1 85, 546; VI-2 342; VII 429
- Батурицкий В. П. — V 567
- Батый — VI-2 470, 499, 539, 637; VI-3 148
- Батюшков К. Н. — II-1 465, 489; VI-2 220, 228, 230, 232, 651
- Баумгартен А. Г. — VI-1 411
- Бауэр Б. — VII 126, 297, 578; IX-X 334
- Бах И.-С. — VI-1 76, 110, 459, 467, 482, 501, 520, 529; VI-2 292, 298, 336
- Бахтин М. М. — VI-1 542
- Башмаков А. А. — II-1 302, 484
- Бебель А. — II-1 150; II-2 214; VII 88, 91
- Бевин Э. (Беван) — II-2 140, 334, 337, 463
- Беда Достопочтенный — IV 609
- Беджгот — IV 555, 597
- Бедный Д. — II-2 311; VII 419, 436
- Безобразов П. В. — IV 427, 430, 439, 440, 469, 470, 550, 551, 562, 565, 598
- Безобразов, воевода IX-X 151
- Бейлис М. — V 311, 584
- Беклин А. — VI-1 121
- Бекmesser — VI-1 482
- Беленький, ком. деятель — II-2 211
- Белецкий С. П. — II-2 470
- Белинский В. Г. — II-2 461; IV 520; V 381; VI-1 92; VI-2 155, 346, 443; VI-3 255, 284, 285, 286, 348, 407, 408, 538
- Белл Д. — VIII 8, 149, 232, 234, 254, 295, 333, 569
- Беллини Д. — VI-1 108; VI-2 354; VI-3 259
- Белый А. (Бугаев Б. Н.) — I 15, 16, 365, 367; II-2 320; V 593; VI-1 66, 70, 86, 273, 279, 411; VI-2 168, 649

* В VIII томе на стр. 333 Михаил Александрович Бакунин ошибочно назван Александром Михайловичем.

- Беляев И. Д. — IV 606
 Беляев, издатель — VI-2 291
 Бёме Я. — III 199, 306, 578, 581;
 V 579, 593; VII 579
 Бенедикт VIII — II-1 486
 Бенедикт XV — II-1 385
 Бенедиктов В. Г. — II-2 318, 319,
 473; VI-1 92, 121; VI-2 346
 Бенжгот, юрист — IV 421
 Бенигсен (Беннигсен) Л. Л. — I
 178, 375; IV 532
 Бенкендорф А. X. — V 455
 Бентам И. — V 567
 Беранже П.-Ж. — VI-2 276
 Бергсон А. — V 412, 594, 595;
 VI-3 23, 29, 526
 Бердяев Н. А. — I 14, 15, 29, 34,
 368, 390; II-1 56, 221, 223,
 480; II-2 289, 335, 377, 378,
 408; V 236-245, 248, 250-252,
 255-258, 260, 267, 276, 378,
 393-397, 401, 446-449, 462,
 471, 485, 486, 490, 494-496,
 503, 507-512, 517-521, 524,
 527, 528, 535, 537-539, 543,
 544, 574, 579, 580, 591-593,
 596, 598; VI-1 541, 542; VI-2
 173, 641; VII 379, 590
 Берия Л. П. — II-1 9; II-2 172,
 212, 246
 Бёркли Д. — III 274, 580
 Берлиоз Г. — VI-2 276
 Бернадоты — IV 494
 Бернгард Иврийский — IV 435
 Берри Ш.-Ф., дюк де — VI 440
 Берснев, артист — VI-2 290
 Берсень И. — IV 515
 Бесс — IV 603
 Бестужев-Рюмин К. Н. — IV
 438, 605; VI-2 512
 Бетман М. А. — I 32; IX-X 447
 Бетховен Л. ван. — I 209, 337;
 III 130, 132, 200, 432, 514;
 VI-1 54, 77, 107, 109, 110,
 121, 137, 147, 180, 459, 461,
 467, 474, 482, 484, 485, 493,
 504, 507, 508, 515, 516, 530,
 545; VI-2 91, 151, 292, 295,
 298, 320, 353, 354, 394, 398;
 VI-3 197, 369, 402, 468, 501;
 VII 377; VIII 448, 470; IX-X
 36
 Бибииков А. И. — II-1 413, 488
 Бидо Ж. — II-1 488
 Бизе Ж. — VI-1 499, 532; VII 421
 Биконсфильд (Дизраэли) Б. — I
 177, 375
 Билимович А. Д. — I 29; II-2
 391, 403, 407; V 449, 485, 503,
 504, 598
 Бирон Э. М. — II-1 122, 216; IV
 531, 602; VI-2 503; VII 344
 Бирюков П. И. — VI-3 554
 Бисмарк О. — II-1 28, 120; II-2
 54, 456; IV 489; IX-X 277, 441
 Благоев Д. — VIII 119, 333
 Блауберг И. И. — V 595
 Блаурок, баптистский проповед-
 ник — VI-3 475, 476
 Блейлер Э. — VI-3 463, 555
 Блок А. А. — II-2 320, 321, 406;
 V 267; VI-1 66, 70, 75, 86,
 127, 411, 413; VI-2 130, 140,
 250, 251, 344; VII 437
 Блудов Д. Н. — VI-2 87
 Блэкстон — IV 555, 556, 597;
 VI-2 587
 Блюм Л. — II-2 194, 468
 Богомил — V 602
 Богомолов А. Е. — II-1 469
 Богров Д. Г. (М.) — I 376; II-1
 473; II-2 457
 Боденштедт, переводчик — VI-3
 558
 Бодлер Ш. — II-1 70, 472; VI-2
 276; VI-3 59
 Бойль Р. — I 61, 350, 371; III
 291, 467, 528; VI-1 96; VIII
 539
 Бойто А. — VII 441, 598

- Бокий Г. И. — VII 436
 Бокль Г. Т. — II-1 49
 Болейн А. — IV 615
 Болеслав I Храбрый — IV 600
 Болеслав III Кривоусый — IV 600
 Болотников И. И. — IV 531;
 IX-X 444
 Больтраффио Д. — VI-2 193
 Больцано Б. — III 47, 568
 Бомарше П.-О. — VI-2 94, 100,
 102, 103
 Бонвеч, теолог — VI-2 461
 Бонг, издатель — VII 124
 Бонкур Ш. де — I 177
 Боллан Г. де — VI-3 153
 Борда — II-2 138
 Борджа — IV 551
 Борзов Н. В. — II-2 361
 Борис, св. — IV 441, 606
 Борисов — I 315; VI-3 18
 Боркхайм С. — VIII 17
 Боровиковский В. Л. — VI-1 537;
 VI-2 170; VII 409, 415
 Бородатый — VI-3 85
 Бородин А. П. — II-1 357; III
 457; VI-1 137; VI-2 387; VI-3
 67, 499
 Борткевич — VIII 76
 Боссюэ Ж. Б. — IV 474, 548; V
 325, 586
 Боткин Е. С. — IV 561, 616
 Боттичелли С. — II-2 67; VI-1
 76, 94, 108, 109, 133, 220,
 415-444, 531, 543, 551; VI-2
 302, 336, 347, 354, 397, 600;
 VI-3 59, 167, 369, 402
 Бозси — IV 564
 Бозций — IV 492
 Брайс — II-1 258
 Браманте Д. — VI-1 110
 Брамс И. — VI-1 477
 Бранденбургский — VII 92, 93,
 95, 110
 Браччио Мантуанские (Браччио
 ди Монтонэ) — IV 565, 616
 Бреши Г. — IV 441
 Бринц, правовед — IV 587
 Брокгауз Ф. А. — VI-2 513
 Брокдорф-Ранцау — II-1 12, 253,
 469
 Бронзино А. — VI-1 108; VI-2
 185, 354
 Брум, юрист — IV 421, 555; VI-2
 587
 Бруннер Г. — IV 599
 Бруно Д. — IX-X 26, 418
 Брунов Н. — VI-2 423
 Брусилов А. А. — II-2 174
 Брут Марк Юний — III 458; IV
 611; VI-2 103, 475
 Бруцкус Б. Д. — VII 34, 35
 Брюллов К. П. — VI-1 538
 Брюнинг Г. — II-2 251, 327, 475;
 VIII 331
 Брюс Я. В. — IV 481
 Брюсов В. Я. — II-2 318, 320;
 VI-1 99; VI-2 349
 Брюханов Н. П. — VII 52
 Буасье Г. — IV 426, 431, 438,
 439, 444, 468-470, 514, 565,
 572, 573, 598; V 258; VI-2
 591; VIII 551
 Буденный С. М. — VII 419
 Будих, ком. деятель — VIII 135-
 137, 334
 Бузенбаум Г. — II-1 393, 487; V
 197, 317, 362, 570; VII 404
 Булавин К. А. — IV 531
 Буланже Ж. — IV 460, 607
 Булгаков С. В. — VI-2 660, 664;
 IX-X 444
 Булгаков С. Н. — I 14, 34, 378;
 IV 589; V 267, 446, 537, 579,
 580, 593, 596-598; VI-2 108,
 173, 647; IX-X 439
 Булганин Н. А. — II-2 212
 Булгарин Ф. В. — VI-2 82, 645
 Бунге А. фон — I 385; II-2 389,
 419; VII 29, 238

- Бунин И. А. — I 35, 382, 398; II-1 214; II-2 366, 390, 391, 421, 422, 425, 427, 538, 540, 543; VI-1 108, 135, 136, 183, 188, 196, 210-213, 215-247, 249-254, 256, 259-262, 264-266, 268-270, 281, 293, 304, 313, 327, 358, 369, 374, 404, 405, 542, 543, 549, 553; VI-2 141, 153-155, 160, 186-188, 354, 364, 445, 648; VI-3 30, 445, 446; VII 443
 Бунина В. Н. — V 543
 Бунины — V 543
 Буонинсеня Д. ди — VI-2 324
 Бурбоны — IV 494, 605, 606, 612; VI-2 506
 Буркхардт Я. — II-2 239, 470; VI-2 587
 Бурлюк Д. Д. — VI-1 114, 547; VI-2 356
 Бурцев В. Л. — V 301, 583; IX-X 191, 434
 Буслаев Ф. И. — VI-2 413
 Бугашевич-Петрашевский — VI-3 286
 Бухарин Н. — II-2 126, 145, 209, 245; VII 86, 93, 104, 114, 115, 224, 226, 228, 229, 239, 241, 248, 251, 283, 286; VIII 51, 58, 67, 68, 74, 133, 176, 178-180, 201, 207, 275, 280, 320, 332, 333
 Бухман Ф. Н. Д. — II-2 290, 292, 472
 Буше, публицист — IV 582
 Бушуева Т. С. — II-1 479
 Бьюкенен Д. — IV 582
 Бэван — II-2 194
 Бэджгот — VI-2 587
 Бэкон Ф. Веруламский — I 61, 350, 371; III 291, 467; VI-1 96
 Бюлов Г. фон — VI-2 394
 Бюффон — VI-1 169
 Бюхнер Г. — VII 297
 В. М. — V 485, 501, 502, 601
 Вааса — IV 603
 Вагнер Р. — VI-1 129, 136, 137, 165, 476, 481, 484, 490, 493, 501, 504; VI-2 151, 263, 361, 471, 662; VI-3 35, 493
 Вакар Н. П. — V 319, 332, 485, 489, 490, 581, 585, 599
 Валентиниан II — IV 439, 605, 570
 Валентинов А. А. — V 583; VII 582
 Валерий Максим — IV 468
 Валерия Мессалина — VIII 483,
 Валленштейн — VI-2 91; VI-3 401, 449
 Валуа — IV 605
 Вальсамон (Валсамон), церк. писатель — IV 469; V 185, 569
 Вальян М.-Э. — II-2 463
 Ван Дейк А. — VI-2 398
 Вандаль А. — IV 612
 Ванденберг А. — II-1 78, 473
 Ванини Д. Ч. — III 526, 586
 Ванцетти Б. — II-2 336; VIII 34
 Варга Е. С. — II-1 150, 478; VIII 56, 334
 Варде, дядя имп. Михаила — IV 562
 Вардин, ком. деятель — II-2 211
 Варламов К. А. — VI-2 393; VII 423
 Варнава, старец — VI-1 396
 Варсануфий Великий — VI-2 435
 Варфоломей (Ремов Н. Ф.), еп. — VII 588
 Варшавский С. И. — V 289, 581
 Василий I Московский — VI-2 499
 Василий II — II-1 137; IV 442; VI-2 499
 Василий III — IV 472, 515; VI-2 500

- Василий Блаженный, св. — II-2 470; VI-3 70, 102, 123
- Василий Великий, св. — II-1 387; II-2 122; III 421, 515, 528, 584; V 185, 186, 233, 329, 362, 363, 399, 506, 569. 594; VI-2 433, 452, 453; VI-3 116, 126
- Василий Кефал (Василий I Македонянин) — IV 616
- Василий, архиеп. Черниговский — VII 232
- Василий, лжецаревич — IV 531
- Васильев, коммунист — VIII 213, 334
- Васильев, художник — VI-1 537
- Васильев-Востоков В. (псевд. В. Д. Поремского) — VI-2 660
- Василько Ростиславич, кн. — II-1 246; IV 441, 606
- Васко Г. (Васец) — II-1 393, 487; V 201; VII 404
- Васнецов В. М. — VI-2 606; VI-3 154, 161; VII 418
- Васнецовы — VII 422
- Вассиан (Рыло), архиеп. — V 541, 604
- Вассиан, старец — VI-2 666
- Васька Ус — IX-X 157, 162
- Ватутин Н. Ф. — II-1 343
- Вашингтон Д. — II-1 440; II-2 54, 457; IV 508, 518; VI-2 460
- Вебер М. — IV 584, 586; VI-2 468
- Вейнингер О. — V 413, 595
- Вейцман Х. — II-2 135, 463
- Веласкес Д. — VI-1 121
- Вельхаузен Ю. — VI-2 461
- Венгеров С. А. — VI-2 168, 649; VI-3 541
- Веневитинов Д. В. — I 77, 372; II-2 319; VI-1 55, 128; VI-2 222, 327, 656
- Венецианов А. Г. — VI-1 537; VII 409
- Вениамин (Казанский В. П.), еп. Петербургский — II-1 107, 216, 267, 476; VII 232, 234, 295, 363, 588
- Вениамин (Федченков И. А.), еп. — V 577
- Вениамин, еп. Парижский — V 251
- Венсли Э. — II-1 488
- Вергилий Марон Публий — VI-1 59, 340; VI-2 324; VI-3 330, 449
- Вердеревский Д. Н. — II-1 18, 469
- Верди Д. — VI-1 532; VI-3 259; VII 421
- Вересаев В. В. — VI-2 53, 60, 64, 451, 644-646; VI-3 534-537
- Верещагин В. В. — VI-1 106; VI-2 353, 606
- Верещагин, купеческий сын — IX-X 427
- Верлен П. — VI-2 276
- Вермер Делфтский — VI-1 531
- Вернадский В. И. — V 597
- Вероккио А. дель — VI-1 131, 132, 416, 419; VI-2 354
- Верон — VI-1 411
- Веронезе П. — VI-1 93, 123; VI-2 185, 347, 398, 600; VI-3 259
- Вероника, св. — VI-3 130
- Верстовский А. Н. — VII 421
- Веселовский А. — VI-2 413
- Веспасиан — IV 473
- Вессли — VI-2 461
- Вестфаль Р. — II-2 254; VI-2 389
- Виардо П. — VI-3 354
- Виардо, муж П. Виардо — VI-3 544
- Визин фон (Фонвизин Д. И.) — II-1 413
- Викман Н. Ф. — I 6
- Виктор-Эммануил III — II-2 284; IV 537
- Виланд К. М. — VIII 372, 571
- Вильгельм — IV 529

- Вильгельм I Завоеватель — IV
 434
 Вильгельм I Оранский — II-1
 215, 480; II-2 186; III 110,
 575; IV 442
 Вильгельм II — II-1 26, 215; II-2
 257; VII 338
 Вильгельм, кайзер — VI-3 350
 Вилькс Д. IX-X 52, 53
 Вильямс Р. — I 178, 375; IV 246,
 594
 Виндшайд, правовед — IV 587
 Винклер Б. — IV 580
 Винчи Л. да — I 209; III 190,
 412, 432, 447, 514, 528, 531,
 542; IV 240; V 182; VI-1 94,
 110, 121, 128, 132, 133, 134,
 180, 220, 416, 438, 531; VI-2
 175, 181, 183, 190, 191, 193,
 347, 355, 397, 600; VI-3 132,
 135, 530; VII 415, 446; VIII
 427, 470, 529, 549
 Виньи А. де — VI-2 276
 Вирт К. Й. — II-1 253, 481
 Висконти Ф. М. — III 585; IV 598
 Виталий, св. — VI-1 133
 Вителлий А. — II-2 153; III 485;
 IV 437, 604
 Витковский, ком. деятель — VIII
 288, 289, 299, 319, 334
 Витт, св. — III 111, 577; VI-1 67;
 VI-3 372; VII 193
 Витте П. де — I 363
 Витте С. Ю. — II-1 273, 482; IV
 516, 532, 613; VII 338, 436
 Вишняк М. В. — I 6, 7, 10, 362,
 363, 365; V 594, 596
 Вишняков, свящ. — VII 232
 Владимир I, св. — II-1 421; IV
 606; V 234, 256, 507, 597;
 VI-2 497, 542; VI-3 147, 154
 Владимир II Мономах — II-1
 246-248, 323, 421; II-2 167; IV
 606; VI-2 60, 498, 521; VII
 488, 495; IX-X 258, 440
 Владимир Старицкий, кн. — V
 568
 Владимир, митр. Киевский —
 VII 232
 Владимирский-Буданов — VI-2
 413
 Владимирцов Б. — VI-2 480
 Владислав III Ягеллон (Ягайло) —
 IV 431, 600
 Владислав IV Ваза — IV 612
 Владислав польский — II-1 249,
 294; IV 492; VI-2 501, 586
 Владиславлев — VI-3 304
 Власов А. А. — II-2 170, 465
 Войков П. Л. — II-1 468; IV 532
 Войтинский — VII 63; VIII 76
 Вокач (Ильина) Н. Н. — I 8; VI-1
 415, 543, 544, 546, 551
 Вокач А. Я. — I 363
 Вокач Н. А. — I 8, 363
 Волжский-Глинка А. С. — V 447
 Волконский С. Г. — II-2 464
 Волконский С. М. — II-2 149,
 464; VI-1 163; VI-2 358
 Володарский Л. М. — II-2 236
 Волошин М. А. — I 15; VI-2 231
 Вольтинский (Флексер) А. Л. — I
 365
 Вольтинский А. П. — IV 531
 Вольдемар III — IV 432
 Вольтер Ф. М. — II-2 98, 137; IV
 437, 478, 487, 602, 608; VI-1
 89; VI-2 241; VI-3 219, 222,
 229, 230, 426, 427; VII 124,
 125, 297
 Вольф Х. — IV 580
 Вольф, ком. деятель — VIII 210,
 334
 Вольфинг (псевд. Метнера Э. К.) —
 VI-2 293
 Воровский В. В. — I 368; II-1
 469
 Воронов — VI-2 290
 Воронцов-Дашков И. И. — I 6
 Ворошилов К. Е. — VII 419

- Востоков А. Х. — VI-2 413
 Восторгов И. И. — II-2 234, 470
 Врангель А. — VI-3 297
 Врангель П. Н. — I 28, 368, 385, 390, 394, 398; II-1 13, 36, 200, 253, 469, 474, 481; II-2 164, 304, 367, 373, 389, 411, 440; IV 498; V 299, 539, 572, 575, 585; VI-1 340; VII 488, 587; IX-X 434, 444
 Вреден Н. Р. — II-2 391
 Врубель М. А. — II-1 465, 489; III 6, 20, 566; VI-1 109, 121, 132; VI-2 295, 355; VI-3 66; VII 418, 422, 426, 436, 440; IX-X 35
 Всеволод, кн. — II-1 247; VI-2 498, 519; VI-3 121, 148
 Вуйович — VIII 158, 334
 Вульф А. Н. — VI-2 81, 645, 646, 651
 Вульф О. — VI-1 534; VI-2 607
 Выгодский — VII 40, 42, 43, 44
 Вышеславцев Б. П. — II-2 375, 377, 387; V 460
 Вышинский А. Я. — II-1 42, 58, 142, 153; II-2 52, 334, 454
 Вяземская В. Ф. — VI-2 82, 88, 646
 Вяземский П. А. — I 59, 60, 73, 370; III 585; VI-1 69; VI-2 39, 49, 58-60, 78, 87, 213, 223, 240, 244, 457, 642, 644-646, 661; IX-X 239
 Вяземский П. П. — VI-2 82
 Вячеслав, кн. — VI-2 519; VI-3 148
 Габричевская Е. В. — V 600
 Габричевская Е. Г. — V 600
 Габричевская И. Г. — V 600
 Габричевские — V 601
 Габричевский А. Г. — V 600, 601
 Габричевский Г. Г. — V 481, 600, 601
 Габричевский Г. Н. — V 600
 Габричевский Е. Г. — V 600, 601
 Габсбурги — IV 611, 613
 Гаврилка, лжецаревич — IV 531
 Гаврюшин Н. К. — V 539, 603
 Гагарин И. С. — II-2 255, 471
 Гайдн Ф.-Й. — VI-1 475, 520; VI-2 91, 97
 Гакон VII — IV 432
 Галахов А. Д. — II-2 461
 Галахов, ген. — VI-3 288
 Галеаццо Мария Сфорца — II-2 153; III 485
 Галилей Г. — I 61, 350, 371; II-1 51; II-2 67; III 291, 444, 467, 526, 586; V 53, 565; VI-1 96;
 Галл — VI-2 187
 Галле Ф. — VIII 224
 Галлер К.-Л. — III 444; IV 7, 42, 583; VIII 539
 Галлиен — IV 426, 598
 Галопен — VIII 288, 287, 334
 Гальярден К.-Ж.-К. — IV 481, 611
 Гамсун К. — VI-1 188, 352; VI-2 397; VI-3 205
 Ганди М.-К. — II-2 288, 324, 472, 474; VI-3 484, 556
 Ганецкий Я. С. — V 487, 578, 601
 Ганнибал — VI-2 73
 Ганнибал Н. О. — VI-2 73
 Гапон Г. А. — II-2 304, 473; IX-X 62, 421, 422
 Гаральд (Гарольд II) — IV 434, 601
 Гаральд, норвежск. король — VI-3 148
 Гарейс К. — IV 33, 586
 Гарланди — VIII 283, 286, 298, 334
 Гарнак А. — IV 608
 Гаррисон У. Л. — V 55, 565
 Гарун-Аль-Рашид — II-1 442; IV 489

- Гаршин В. М. — II-1 465, 489
 Гауф В. — VI-3 510
 Гафиз (Хафиз) Ш. — III 199; VI-1 146, 147, 410, 548; VI-2 107; VI-3 216, 224, 235, 502, 557
 Ге Н. Н. — VI-1 134
 Геббель К. Ф. — VII 116, 578
 Геббельс Й. — I 31; II-2 194, 467
 Гегель Г.-В.-Ф. — I 8, 13, 27, 28, 79, 242, 381-384; II-1 473; II-2 257, 365, 366, 368, 377, 380, 384, 388, 389, 415, 416; III 35, 43, 49, 53, 54, 78, 98, 116, 212, 331, 544, 567-569, 572, 573, 582; IV 14, 15; 113, 161, 201, 240, 253, 580, 589, 590-592; V 238, 239, 379, 384, 386, 393, 424, 447, 456, 460, 462, 504, 532, 533, 537, 539, 596; VI-1 41, 57, 149, 411, 545, 548; VI-2 108, 323, 593, 642, 647, 663; VI-3 23, 209, 216, 277, 455, 537, 555; VII 123, 148, 297, 298, 300, 415, 595; VIII 335, 551; IX-X 34, 36, 251, 334, 419, 420, 438
 Гедеонов Д. Д. — II-1 429, 489; VI-2 413
 Гедеонов С. А. — VI-2 513
 Гедимин, кн. — VI-2 499; VI-3 149
 Гейзенберг В. — IV 588
 Гейзерих — VI-3 136, 531
 Гейне Г. — VI-3 226
 Геккель Э. — VII 297
 Гельдерлин (Кельдерлин) Ф. — II-1 465, 489
 Гельдерлинг Ф. — II-1 489; III 20, 565
 Гельфанд (Парвус) А. Л. — II-2 452
 Гельфман Г. — IV 532
 Гемминг Н. — IV 580
 Гендель Г. Ф. — VI-3 59
 Гендрикова А. В. — IV 561, 616
 Генель — IV 584
 Геннадий Новгородский, архиеп. — V 541, 545, 604
 Генрих I, франц. — VI-2 519; VI-3 148
 Генрих II (Валуа) — IV 437, 604
 Генрих III (Валуа) — IV 437, 440
 Генрих IV Бурбон — II-2 201, 275, 280; IV 437, 464, 481, 490, 605, 611
 Генрих IV, имп. — IV 434, 437, 600, 605; V 589
 Генрих VI — IV 437, 604
 Генрих VII — V 568
 Генрих VIII — II-1 299, 442; IV 552, 615
 Генрих Лев — IV 527
 Генрих, сын Генриха IV — IV 605
 Генрихи, короли — VI-2 91
 Гентилис А. — IV 580
 Георг III — II-2 283
 Георг С. — VI-3 224
 Георгий Всеволодович, кн. — VI-2 637
 Георгий Победоносец, св. — II-1 471; IV 528; V 126, 141, 227, 293, 372, 471, 484, 542, 571, 572; VI-2 294, 423, 525, 527, 545; VI-3 128, 160
 Георгиос II — II-1 471
 Геракарис — IV 443
 Гераклит Понтийский — II-2 152; III 485, 585
 Гераклит Эфесский — I 67, 78, 82, 240, 317; II-2 212, 468; III 53, 54, 73, 78, 274, 322, 445, 569, 581, 584; IV 283, 594; V 136, 138, 447, 567, 568; VI-1 326, 364, 547, 549; VI-2 33, 68, 140, 180, 328, 352, 640; VI-3 463, 464, 555; VII 462; VIII 372, 425
 Герасимов О. П. — II-2 145

- Герберштейн З. фон — IV 472, 474, 610; VI-3 153
- Гердер И. Г. — VIII 551
- Гере Э. — II-1 480
- Геринг Г. — II-2 194
- Германова М. Н. — VI-2 290
- Гермоген, еп. Тобольский — VII 232, 276
- Гермоген, патриарх — II-1 294; II-2 167; IV 549; V 156, 234, 257, 259, 285, 507, 512, 514, 568; VI-2 60; VII 488; IX-X 257; IX-X 297, 299, 443, 444
- Гермодор — VIII 372
- Гернет М. Н. — IV 588, 590
- Геродот — IV 590; VI-2 228, 377, 475, 496, 573, 658; VI-3 140
- Герцен А. И. — II-1 322; II-2 100, 404, 405, 461; IV 520; V 521; VI-2 178
- Герцог Г. А. — I 32
- Герцык А. К. — I 363, 367
- Герцык Е. В. — V 567
- Герцык Е. К. — I 8, 9, 15, 361, 363, 364; V 604
- Гершензон М. О. — V 597
- Герье В. И. — IV 438, 439, 459, 468, 472, 487, 549, 573, 598, 602, 607; IX-X 214, 437
- Герье Э. — II-2 463; IV 425, 434, 436
- Гесс Р. — II-1 25
- Гессен И. В. — I 365
- Гете И.-Ф. — I 16, 62, 86, 371; II-1 70; III 111, 119, 133, 199, 417, 576, 578; VI-1 110, 122, 147, 151, 180, 188, 275, 411, 498, 519, 548, 552; VI-2 44, 64, 107, 263, 275, 276, 296, 298, 302, 314, 398; VI-3 35, 73, 136, 206, 216, 221, 222, 226; VII 134, 219, 384, 415, 437, 456; VIII 375, 434
- Гейдинг В. — II-2 389, 418, 419; VII 29, 47
- Гизы — IV 605
- Гильфердинг А. Ф. — II-1 301, 484; II-2 454
- Гинденбург П. — IX-X 80, 113, 114, 424
- Гиппиус (Мережковская) З. Н. — I 29; II-2 169, 284, 378, 465; V 234, 235, 276, 310, 337, 373, 376-378, 403, 447, 452, 485, 490, 492-494, 517, 518, 520, 522, 537, 539, 543, 573, 584, 594-596; VI-2 171, 172
- Гирке О. Ф. — IV 23, 585, 587
- Гирландайо Д. — VI-3 127, 530
- Гитлер А. — I 30, 31, 365; II-1 11, 12, 25-29, 52, 87, 90, 128, 142, 151, 154, 215, 252-265, 451; II-2 56, 135, 175, 176, 194, 200, 218, 221, 222, 226, 251, 257, 262, 289, 385, 465; IV 508, 533; VI-3 544; VII 330, 349
- Гладстон (Глэдстон), юрист — IV 421, 555, 556, VI-2 587, 597
- Глазунов А. К. — VI-3 67, 500
- Глеб, св. — IV 441, 606
- Глинка М. И. — I 315; VI-1 76, 532, 534; VI-2 336; VI-3 67; VII 421, 441; IX-X 35
- Глинка Ф. Н. — VI-2 60, 80, 645; VI-3 235
- Глубоковский Н. — VII 577
- Глюк К.-В. — VI-2 97
- Гнедич Н. И. — VI-2 213, 457; VI-3 221
- Гнушенко, ком. деятель — II-2 209
- Гоббс Т. — I 255; II-1 165; III 143, 577; IV 7, 41, 63, 582, 588; V 238, 239, 569; VI-3 29; VIII 393, 570
- Гобза И. О. — I 6
- Гогель С. К. — I 390; II-2 251, 252, 470
- Гогенцоллерны — IV 607

- Гогенштауфены — IV 430, 600, 606
 Гоголь Н. В. (Гоголь-Яновский) — I 397, 399; II-1 109, 384; II-2 70, 113, 124, 280, 318, 323, 412, 462, 474; III 229, 301, 315, 410, 414, 432, 444, 564, 578; IV 520; V 561; VI-1 81, 87, 101, 112, 113, 121, 123, 141, 144, 169, 275, 281, 356, 391, 534, 536, 546; VI-2 13, 39, 47, 63, 86-88, 150, 154, 155, 195, 294, 295, 338, 345, 387, 391-394, 396, 438, 451, 457, 488, 641, 642, 656; VI-3 35, 143, 220, 221, 228, 240-267, 271-276, 285, 316, 327, 342, 354, 432, 531, 534-536, 544, 557; VII 338, 376, 410, 438; VIII 411, 427; IX-X 25, 31, 35, 257, 327
 Годвин (Гудвин) В. — VI-3 465, 494
 Годунов Б. — II-1 274, 369; VI-1 293; VI-2 76, 228, 238, 445, 501, 544, 602; VI-3 70, 103, 104, 105, 401, 408, 505; VII 407, 422, 440, 441, 445, 448
 Гойхбарг А. Г. — VII 89, 91, 92, 95, 98, 100, 101, 105, 110, 111, 238
 Гойя Ф. — VI-1 121
 Голд Г. — II-1 399, 488
 Голенищев-Кутузов А. А. — VI-2 249, 314
 Голиаф — IV 610
 Голиков И. — VI-2 602
 Голицын А. М. — II-1 482
 Голицын В. В. — IV 489, 531
 Голицын Д. — IV 531
 Голль Ш. де — II-2 54, 456
 Голова И. — VI-1 89
 Головин Н. Н. — II-1 423; VII 48
 Голощекин Ш. И. — IV 532
 Голубкина А. С. — VI-1 107, 109, 121, 132, 251, 404; VI-2 355; VI-3 191, 500; VII 443
 Гольденвейзер А. Б. — VI-3 488
 Гомер — VI-1 59; 101, 147, 340, 549; VI-2 263, 324; VI-3 35, 369, 449; VII 380
 Гомулка В. — II-1 74
 Гончаров И. А. — II-2 129; VI-2 63, 75, 155, 644; VI-3 189; VII 410
 Гончарова Н. Н. — VI-2 84
 Гораций — IV 467, 608
 Горбунов-Посадов И. И. — I 363; V 565
 Горев-Галкин — II-2 219
 Горкич, ком. деятель — VIII 155, 334
 Городецкий С. М. — II-2 320
 Горький А. М. — II-2 245, 298, 468; V 452, 485, 487, 488, 543, 598, 599, 601; VI-1 205; VI-2 155, 170; VII 425-427, 441; VIII 133
 Горяинов И. — II-2 407
 Готвальд К. — II-1 73
 Готман, публицист — IV 582
 Готхельф И. — VIII 551
 Готье Т. — VI-2 276
 Гофман И. — VI-2 311
 Гофман М. — II-2 298, 473
 Гофман Э.-Т.-А. — I 73; II-1 70, 472; VI-1 108, 188, 200, 275, 285, 290, 345, 352; VI-2 64, 111, 141, 149, 150, 276, 354, 394, 397; VI-3 247, 344, 375; VIII 379, 392
 Гофолия, царь — IV 437, 603
 Грабарь И. Э. — VI-1 132
 Гракхи — V 265, 578; VII 81
 Гранвела А. П. де — II-1 215, 479
 Грановский Т. Н. — II-2 100, 461; VI-3 402, 403, 408

- Грациан, имп. — IV 439, 572; V 570
- Гребель, баптистский проповедник — VI-3 475
- Гребенщиков Г. Д. — VI-2 146, 150, 154, 162, 648
- Грек М. — IV 549
- Гречанинов А. Т. — VII 439, 442, 598
- Гржебин З. И. — VI-1 555, 556, 662
- Грибоедов А. С. — I 144; II-1 86, 474; IV 533; IX-X 31
- Григ Э. — VI-1 477, 509, 530
- Григорий VII — IV 434; V 589
- Григорий Назианзин (Богослов), св. — II-1 387, 392, 487; III 584; IV 470, 609; V 399, 594; VI-2 427, 453
- Григорий Нисский, св. — IV 588
- Григорий Палама, св. — VI-2 660
- Григорий Синаит, св. — I 81, 372; VI-3 25, 525
- Григорович Д. В. — VI-3 283, 284, 285, 304
- Григорьев А. А. — VI-2 641; VI-3 304
- Григорьев Ф. — VII 441
- Гримм Я. и В. — III 110; VI-3 510
- Громыко А. А. — II-1 42, 153; II-2 52, 454
- Гроссман Л. П. — VI-3 402, 403, 404, 422, 529, 537, 538, 540, 541, 552
- Грот Н. Я. — V 597
- Грот Я. К. — II-2 122, 463; VI-2 85
- Гроций Г. — IV 580
- Грубе, ком. деятель — VIII 168, 176, 334
- Груйтер В. де — VI-2 420
- Грюневальд М. — VI-1 134
- Грязной В. Г. — IV 571, 617
- Губер Э. — VI-2 231
- Губонин П. И. — II-1 273, 482
- Гувер (Хувер) Д. Э. — II-2 175, 339, 340, 467
- Гуго Г. — IV 580
- Гуго Капет — IV 599
- Гуго Флерийский — IV 471
- Гукасов А. О. — V 500
- Гуль Р. Б. — V 577, 590; VI-2 654
- Гумберт, король — II-2 137
- Гумилев Н. С. — II-2 318, 320
- Гумполович Л. — IV 7, 29, 30, 583
- Гуно Ш. — VI-1 467; VI-2 276; VII 421, 441
- Гунтер М. Д. — II-1 438, 440; II-2 325
- Гуревич А. Я. — I 24
- Гуревич В. Я. — I 24
- Гуревич Е. Я. — I 24
- Гуревич Л. Я. — I 9, 12, 14, 15, 21, 24, 361, 363, 364, 366, 367; V 604; VI-1 543; VI-2 659
- Гуревич Я. Г. — I 364
- Гуревич Я. Я. — I 24
- Гуриан В. — II-2 216, 251, 468
- Гурий (Ругонин), архиеп. — I 102; II-1 392, 487; VI-2 543; IX-X 325
- Гус Я. — IV 567, 616; IX-X 26, 418
- Гусев С. И. (Драпкин Я. Д.) — II-2 123; VIII 332
- Гусева Т. В. — V 532, 602
- Гуссерль Э. — I 11, 366; III 47, 566, 568, 578; V 605; VI-2 659
- Густав IV Адольф — II-1 125, 298, 338, 477; VII 211, 333, 586
- Гутнов Е. А. — VI-1 555
- Гучков А. И. — II-1 186; II-2 102, 461; IX-X 424
- Гэлэхэд, писатель — VII 375
- Гюго В. — I 128; II-2 124; III 552, 586; VI-1 122, 359; VI-2 118, 276; VIII 551

- Гюисманс Ш. М. Ж. — I 363;
VI-1 188; VI-2 276; VI-3 205,
533
- Гюйо Ж. М. — VI-1 411
- Д'Ангвиллари Э. — III 485, 585
- Д'Артуа, граф — IV 427
- Д'Оревилли, писатель — VI-2
276
- Д'Эрбиньи М. — II-1 253, 385,
481; VII 588
- Даватц В. Х. (Давац) — I 393; II-2
374; V 243, 312, 485, 502, 510,
575, 601
- Давид Ж. Л. — VI-1 108
- Давид Игоревич, кн. — II-1 246;
IV 606
- Давид Святославич, кн. — IV 606
- Давид, царь — I 317; IV 441, 603,
610, 612; VI-3 56
- Давыдов В. Л. — VI-2 49
- Давыдов В. Н. (Горелов И. Н.) —
VI-2 393; VII 423
- Давыдов Д. В. — VI-2 86, 651
- Давыдов Н. В. — I 14
- Давыдов, профессор — VI-2 75
- Дайси, юрист — IV 421; VI-2
587
- Дакэн, композитор — VI-1 137
- Далилова Е. Н. — II-2 454
- Даль В. И. — II-2 97, 149, 460;
IV 589, 590; VI-1 282; VI-2 53
- Дальский М. В.¹ — VII 439
- Дамаскин (Орловский), иеромо-
нах — VII 582, 588
- Даниил (из Тулы), св. — VI-3 92
- Даниил Галицкий — II-2 167
- Даниил Московский — II-1 248;
VI-2 499
- Даниил, митр. — V 540, 603
- Данила Коломенский — VI-3 87,
91
- Данилевский Н. Я. — II-1 62,
250, 384, 472; VI-2 510, 512;
VI-3 253, 304; VII 454
- Данилин Н. М. — VI-2 367
- Данилов Ф. — II-1 107, 475; VI-2
403, 465; VI-3 361
- Данте А. — III 375; VI-1 59, 232,
437; VI-2 92, 295, 324; VI-3
59, 247, 257, 325, 326, 330,
531
- Дантес Ж. Ш. — III 432; VI-2 86
- Дантон Ж. Ж. — II-2 98
- Дарвин Ч. Р. — I 62, 371; VII 88
- Даргомьжский А. С. — VI-3 67;
VII 421, 439
- Дарий I — VI-2 475, 496
- Дарий III (Кодоман) — IV 437,
603
- Дарси С. — VIII 153, 155, 156,
334
- Дауд, пророк — IX-X 436
- Даумер, переводчик — VI-3 224
- Дашков Д. М. — VI-2 232, 652
- Де Гаспери (Де-Гаспери) А. —
II-2 54, 202, 203, 456
- Дебюсси К. — VI-3 59
- Девлет-Гирей, хан — II-1 137;
VI-2 23, 638
- Деева Н. Н. — VI-1 551
- Дейбнер А. — V 563
- Декарт Р. (Картезий) — I 39; III
53, 444, 570; VI-2 300, 610;
VI-3 336, 369; VIII 424
- Деландр М. Ч. Э. — IV 23, 585
- Деларю (Делярю) М. Д. — VI-1
102
- Делианнис, министр — IV 443
- Делльс (Даллес) Д. Ф. — II-1 78,
473
- Дельвиг А. А. — VI-1 546; VI-2 59,
63, 66, 79, 82, 107, 231, 348,
351, 464, 645, 647; VI-3 247
- Дельвиг А. И. — II-1 301; VI-1
95, 102
- Делянов И. Д. — II-1 301, 483

¹ В наст. Собр. соч. в этом месте ошибочно напечатано «Далекого».

- Демидов А. П. — II-2 389, 419; VII 119, 184
 Демидов И. П. — V 228-230, 234, 243, 255, 276, 303, 306, 307, 319, 324, 485, 486, 488, 489, 497, 499, 500, 505, 506, 510, 528, 537, 543, 572, 581, 599
 Демокрит — V 541
 Демосфен — I 191, 376
 Денерт Е. — I 61; III 550; VIII 538, 556
 Деникин А. И. — II-1 189, 253, 474, 481; II-2 466, 467; V 299, 539, 572, 582, 599; IX-X 261, 439
 Деппинг Д. Б. — IV 482, 611
 Деренталь-Диркгоф, секретарь Савинкова Б. — II-2 169, 465
 Державин Г. Р. — II-2 311, 318, 322; III 305, 328, 581, 582; VI-1 55, 332; VI-2 44, 212, 220, 223, 230, 235, 236, 255, 351, 454, 457; VI-3 71; VII 409; IX-X 31
 Дернбург, правовед — IV 587
 Джанибек, хан — VI-2 537
 Джаншиев Г. А. — II-1 301, 484
 Джексон А. — II-1 440
 Джемс У. — III 502, 585; VIII 522, 572
 Джефсон — IX-X 54
 Джефферсон Т. — II-1 440
 Джиованни М. — VI-1 133, 134; VI-3 59
 Джойс В. — I 363
 Джотто (Джиотто) ди Бондоне — VI-1 110, 134; VI-3 157
 Джунковский В. Ф. — II-2 231, 469
 Дзержинский Ф. Э. — I 27, 393; II-1 142; II-2 210; V 261, 262, 264-266, 299, 359, 385, 394, 395, 487, 577, 578, 590, 601; VII 46, 229
 Диадок — VI-3 25, 525
 Дидро Д. — IV 478
 Дидрон — VI-2 461
 Дизраэли Б. — II-2 54, 457
 Диккенс Ч. — I 73, 118, 211; VI-1 108, 188; VI-2 157, 354, 397; VI-3 167, 216, 247, 301, 310, 369; VIII 392
 Диксон В. В. — VI-2 202, 226, 231, 252, 257, 650
 Димитрий Солунский, св. — VI-2 523; VI-3 120, 121
 Димитрий Хаматиан, архиеп. — IV 469
 Димитров Г. М. — II-1 73-75, 215, 261, 480; II-2 194, 467; VIII 284, 290, 334
 Диоген Лаэртский — IV 594; VI-3 555; VIII 372, 425
 Диоген Роман, имп. — IV 426, 598
 Диоген Синопский — I 373; III 263, 580
 Диоклетиан Г.-А.-В., имп. — IV 598; V 572
 Диомид, юродивый — VI-3 92
 Дионисий Сиракузский (Дионисий II Младший) — IV 161, 437, 603
 Дионисий, иконописец — I 314, 378; VI-1 76; VI-2 545, 548; VI-3 131
 Диотима — III 132, 576
 Дир, кн. — VI-2 497; VI-3 145, 146
 Дисский А. — V 502, 549, 585; IX-X 439
 Дитман В. — VIII 251, 334
 Дмитриев И. И. — II-2 124; VI-2 58; VI-3 247
 Дмитрий Донской, св. — II-1 137; V 219, 256, 572, 604; VI-2 438; VI-2 499, 544, 558; VII 366, 589; IX-X 443
 Дмитрий Самозванец (Лжедмитрий I, Г. Отрепьев) — II-1 294;

- II-2 96; IV 431, 442, 493, 531;
 VI-3 104
 Дмитрий Тверской, кн. — IV 442
 Дмитрий, царевич — VI-2 501;
 VI-3 103, 104
 Д-н А. — V 335
 Доазан Ж. — VII 591
 Доберт П. — VI-3 513
 Добролюбов, свящ. — VII 232
 Добронравов Л. М. (псевд. —
 Фонич) — V 324, 332, 343,
 485, 497, 498, 517, 518, 586
 Добрыня Никитич, богатырь —
 VI-2 606
 Долгорукие — VI-2 54
 Долгорукий А. — IV 531
 Долгорукий В. — IV 531
 Долгорукий И. — IV 531
 Долгорукий Я. Ф. — II-1 107,
 476; II-2 231, 469; IV 481,
 516, 572
 Долгоруков (Долгорукий) В. А. —
 IV 561, 616
 Долгоруков (Долгорукий) Ю. А. —
 IX-X 148, 167, 168, 169, 428,
 430
 Долгоруков П. Д. — VI-2 659;
 VII 590
 Дольфус Э. Ф. — II-1 90, 117,
 474, 476
 Домбаль, ком. деятель — VIII
 184, 286, 290, 301, 334
 Домициан, имп. — II-2 153; III
 485; IV 437, 468, 472, 572, 604
 Дон Карлос, король порт. — II-2
 137; IV 441
 Донателло ди Никколо ди Бетто
 Барди — VI-1 132
 Донской Д. Д. — V 587
 Доримедонт, кучер — I 5
 Дорофей, авва — V 438, 597
 Дорошевич В. М. — VI-2 398
 Дос Рейс М. — IV 441
 Достоевская А. Г. (Сниткина) —
 VI-3 300, 302, 313, 529, 538-540
 Достоевская А. М. — VI-3 282
 Достоевская Варвара М. — VI-3
 282
 Достоевская Вера М. (Иванова) —
 VI-3 282, 537
 Достоевская Л. М. — VI-3 282
 Достоевская Л. Ф. — VI-3 537
 Достоевская С. Ф. — VI-3 302
 Достоевские — VI-3 281
 Достоевский А. М. — VI-3 282,
 538
 Достоевский М. М. — VI-3 282,
 283, 298, 538
 Достоевский Ф. М. — I 60, 73,
 118, 161, 211, 351, 355, 399;
 II-1 32, 54, 62, 71, 82, 111,
 130, 134, 216, 242, 271, 281,
 322, 353, 384, 472; II-2 55, 70,
 78, 99, 124, 257, 259, 278,
 305, 405, 408, 412, 459, 460,
 461, 470; III 239, 328, 432,
 458, 542; IV 518, 520, 613; V
 12, 134, 290, 331, 370, 379,
 385, 419, 544, 551, 561, 567,
 579, 586, 591, 597, 605; VI-1
 60, 77, 106, 108, 121, 122,
 135, 136, 188, 196, 198, 232,
 240, 273, 281, 293, 310, 313,
 315, 344, 352, 358-360, 364,
 368, 369, 381, 401, 403, 534,
 541; VI-2 33, 39, 42, 43, 44,
 60, 63, 68, 71, 80, 111, 116-
 118, 122-126, 138, 141, 149,
 150, 154, 156-158, 161, 170,
 187, 294, 295, 353, 354, 386,
 394, 397, 398, 400, 410, 432,
 438, 440, 443-445, 451, 457,
 465, 488, 494, 526, 554, 574,
 610, 613, 636, 640, 642, 659,
 663; VI-3 30, 93, 96, 129, 191,
 202, 204, 206, 211-214, 216,
 246, 275, 277-289, 291, 292,
 294-300, 302-308, 310-354,
 356-358, 360-363, 365-372,
 376, 377, 379, 382, 383, 387,

- 392, 394-396, 399-404, 407-410, 420-422, 426-428, 432, 445, 446, 450, 497, 499, 529, 534, 537-554; VII 50, 258, 307, 376, 377, 410, 584, 590, 591, 594; VIII 376, 470, 488, 549; IX-X 25, 31, 35, 36, 214, 257, 325
- Драга Обренович, король серб. — IV 441
- Драгунов Г. П. — VI-2 666
- Древс А. — VII 240
- Дроздовский М. Г. — IX-X 290, 442
- Дружинин В. Г. — V 540
- Дубовской Н. Н. — VI-2 203, 387
- Дубровин А. И. — II-2 462; IX-X 191, 425, 434
- Дузе Э. — VII 415, 596
- Дука Андроник — IV 427, 598
- Дука Константин (сын) — IV 427, 598
- Дука Константин X — IV 426, 598
- Дука Михаил — IV 426, 598
- Думнов В. В. — IV 588
- Дуров В. Л. — VI-2 437
- Дуччио-ди-Буонинсеня — VI-1 60
- Дыдышко, художник — VI-2 605
- Дьюи (Дуй) Т. Э. — II-1 77, 473, 475, 476; II-2 54
- Дьяков Ю. Л. — II-1 479
- Дьяченко Г. — I 374; VI-2 639, 661
- Дэвисон, секретарь Елизаветы I — IV 615
- Дюбуа-Реймон Э. Г. — I 63, 350, 372; III 291, 468, 529, 586; VI-1 96; VIII 539
- Дюплесси-Морне Ф. — IV 582
- Дюшен Л. — IV 469, 609
- Ева — II-1 472
- Евагрий Понтянин (Монах) — I 77; VI-1 96; VI-3 26, 526
- Евгений, ритор — IV 439, 605
- Евдокимов, посол — IX-X 156, 157
- Евдокия Макремболитесса — IV 426, 598
- Евлогий (Георгиевский), митр. — II-1 96, 475; V 577, 580
- Еврипид — VI-3 555
- Евсевий, церк. историк — II-2 472
- Евтихий, архимандрит — V 574
- Евтюшка, казак — IX-X 432
- Егидей, мурза — VI-2 499
- Егоров Д. Н. — I 14
- Ежов Н. И. — II-1 44; II-2 210, 212, 246; V 338, 583
- Екатерина I — II-1 295, 482; VI-2 503
- Екатерина II — II-1 124, 295; II-2 98, 106, 280, 283; III 526; IV 431, 473, 520, 549, 554, 573, 600, 613; V 257; VI-2 235, 247, 504, 505, 544, 651; VI-3 111, 231; IX-X 344
- Екатерина Арагонская — IV 615
- Екатерина, св. — IV 528
- Елевферий, митр. — VII 585
- Елена, св. — IV 561; VII 386
- Елизавета I Тюдор — IV 552, 604, 615
- Елизавета Австрийская — II-2 137; IV 441
- Елизавета Петровна, имп. — II-1 295, 476; II-2 98, 280; IV 431, 600; VI-2 503, 504; IX-X 344
- Елизавета, англ. королева — IX-X 429
- Елизавета, дочь Ярослава Мудрого — VI-2 520
- Елима, волхв — I 292
- Ерм, раннехристианск. писатель — I 309, 378

- Ермак Тимофеевич — VI-2 564; VII 344
 Ермолова М. Н. — VI-2 393
 Ерошка, лжецаревич — IV 531
 Есенин С. А. — II-2 320, 321; VI-1 86; VI-2 251, 344
 Ефимов Д. П. — I 10, 364
 Ефраим, еп. — VII 232
 Ефрем Сирианин (Сирин), св. — III 524, 586; V 41, 564; VI-1 96; VI-2 433, 452; VI-3 28, 526; VIII 535
- Жам Ф. — VI-1 311
 Жанен П. М. — II-2 168
 Железняк (Железняков А. Г.) — II-2 374
 Желябов А. И. — IV 520, 532; V 334
 Жерар Б. — IV 442
 Жобар А.-Ж.-Б. — VI-2 86
 Жолио Ф. — II-1 399, 488
 Жолио-Кюри, супруги — II-1 399, 488
 Жолковский С. — II-1 294; VI-2 23, 638
 Жоффри, переводчик — VI-2 511
 Жуков Г. К. — II-1 343
 Жуковский В. А. — II-1 70, 323; II-2 280, 311, 319, 323; IV 520, 548; V 152, 232, 330, 331, 343, 359, 568; VI-1 55, 101, 128, 155-157, 160, 161, 210, 360; VI-2 59, 64, 79, 84, 87, 217, 228, 231, 255, 263, 321, 457, 464, 644; VI-3 242, 247, 256, 266, 276, 316, 528, 536, 410; IX-X 214
- Забелин И. Е. — II-1 250, 384, 394, 429, 489; IV 515, 531, 606, 612, 614; VI-1 337, 545; VI-2 138, 212, 413, 512, 551; VI-3 109, 110; VII 454; VIII 551; IX-X 325, 377
- Загоскин М. Н. — VI-1 337; VI-3 247
 Задерхолъм (Зедерхолъм) К. К. — II-1 301, 484
 Зайцев К. И. (архимандрит Константин) — I 6, 362; II-2 382; V 377, 490, 562, 563, 591
 Зайцев, заводчик — V 584
 Зайцевский Е. — VI-2 221
 Закржевский Д. Н. — VII 600
 Закхей, мытарь — I 275, 293, 376
 Залкинд, ком. деятель — VII 263
 Замрий, раб — IV 603
 Заозерский, свящ. — VII 232
 Зарецкий, ком. деятель — VIII 172
 Заровавель — IX-X 442
 Заруцкий И. М. — II-1 249; IX-X 299, 444
 Заруцкой И. — IV 531
 Заур С. А. — V 528
 Захария, пророк — VI-1 132
 Зееберг, теолог — VI-2 461
 Зейдель Ф. К. — IV 586
 Зейпель, прелат — I 294
 Зеленский И. А. — II-2 208, 209
 Земан З. — II-2 453
 Землячка (Залкинд Р. С.) — V 577; VII 580
 Земцов, художник — VI-2 531
 Зенон, имп. — IV 433
 Зенон, философ — I 377; VIII 451
 Зеньковский В. В. — I 29; V 276, 423, 449, 450, 485, 486, 496, 497, 503, 504, 517, 520-523, 543, 580, 596
 Зеринг М. — II-1 446; II-2 101; VII 82, 338
 Зернов Н. М. — II-2 458
 Зиле Р. М. — I 33, 35, 369; II-2 413; IV 591; V 527, 602
 Зиммель Г. — I 363; VI-1 41, 544
 Зиновьев Г. Е. (Родомысльский) — II-1 142; II-2 123, 208, 209, 211, 245; V 250, 299, 576; VII

- 88; VIII 43, 50, 52, 54, 68, 77,
134, 251, 262, 278, 280, 335
Златовратский Н. Н. — VI-1 205
Зоил — IX-X 444
Золя Э. — VI-1 108, 111, 188,
199, 237; VI-2 354, 355; VI-3
59, 203, 272
Зонар, церк. писатель — V 185,
569
Зороастр (Заратустра) — I 111,
317, 374; II-2 291; IV 550,
615; V 604; VI-3 216
Зубатов С. В. — II-2 473; IX-X
421
Зубовы — IV 532
- И. А. И. (Ильин И. А.) — VI-1
223, 348
И. Л. (псевд. И. А. Ильина) —
IX-X 435
Иаков I — IV 440; V 329
Иаков II — II-2 279
Иаков, ап. — II-1 420; III 335; V
403; VI-2 427
Иафет — IV 595
Ибн-Даства, путешественник —
VI-2 496
Ибн-Фозлан, путешественник —
VI-2 496
Ибсен Г. — V 397; VI-1 188, 310;
VI-2 492; VI-3 205, 272; VII
85
Ива Эдесский — IV 609
Ивайэ, дирижер — VI-2 311
Иван I Калита — VI-2 499
Иван II — VI-2 499
Иван Дмитриевич, сын Дмитрия
Самозванца — IV 531
Иванов А. А. — VI-1 112, 537;
VI-3 66
Иванов Вяч. И. — I 14, 15; II-2
320; V 267, 593; VI-1 66, 70,
99, 413; VI-2 349; VI-3 433
Иванов И. И. — II-2 461; VI-3
552
- Иванов Н. (псевд. И. А. Ильи-
на) — I 9, 364, 381, 382; IX-X
421, 427
Иванов П. К. — V 422, 423, 595
Иванова Е. В. — V 584
Иванова С. А. — VII 594
Ивановский А. А. — VI-2 60, 645
Ивер (псевд. И. А. Ильина) — I
381, 389, 390, 394
Игнатий Брянчанинов, св. — III
564
Игорь, кн. — VI-2 52, 497; VI-3
146
Иден А. (Эйвон) — II-2 261, 324,
474
Иегер О. — IX-X 420
Иезекииль, пророк — VI-1 133
Иеллинек Г. — IV 426, 580, 583,
584
Иеремия, пророк — VII 312
Иеринг Р. — IV 30, 37, 580, 586,
588
Иероваам, царь — IV 437
Иехония, царь — IV 437, 603
Изгоев А. С. — V 592
Изяслав, князь — VI-2 497
Ииуй — IV 603
Иларион, св. ?? — VI-3 152
Илия, пророк — V 403; VI-1 263;
VI-3 123, 146
Илличевский А. Д. — III 328,
581
Иллюстров И. И. — II-2 97, 460
Иловайский Д. И. — V 306, 308,
583
Ильин А. И. — I 5
Ильин А. Н. — I 24
Ильин Александр А. — I 5
Ильин Алексей А. — I 5, 24
Ильин Вл. (псевд. Ленина) — I
27, 368, 388
Ильин И. А. — I 5-13, 15-21, 24-
32, 35, 36, 360-370, 373, 378,
379, 381, 382, 389, 395-398;
II-1 394, 468-470, 473, 477-

- 481, 483, 484; II-2 358, 361, 366-409, 412-438, 440, 451, 454, 457, 459, 461, 463, 469-471, 475; III 563-566, 568, 570-573, 576-582, 584, 585; IV 579-581, 583-586, 588, 594-602, 605, 606, 608, 610, 611, 615-617; V 229, 240, 241, 261, 276, 289, 292, 294-296, 298-324, 326-332, 334, 338, 339, 343, 344, 346, 348-354, 357-361, 363-370, 372-403, 405-428, 436-444, 447-457, 459-467, 469-471, 473, 474, 476, 478-569, 573, 574, 576, 578-581, 583-585, 588, 590, 591, 593-596, 598-602, 604, 605; VI-1 409-414, 541-547, 549-552, 635, 636, 638-642, 644, 646-650, 653-667; VI-3 523-531, 533-556; VII 575-585, 589, 591, 592, 594-602; VIII 567-571; IX-X 182, 183, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 424, 428, 435, 438, 440, 444, 445, 446, 447
- Ильин И. И. — I 5
- Ильин Игорь А. — I 24
- Ильин М. А. — I 24
- Ильин Н. И. — I 5, 6, 24, 362; III 578
- Ильин С. И. — I 5
- Ильина (Вокач) Н. Н. — I 9, 34-36, 363; II-2 371, 383, 390, 391, 394, 401; IV 591; V 603; VI-1 94; VI-2 639, 663
- Ильина (Гуревич) Л. И. — I 5, 21, 24, 364
- Ильина (Швейкерт) Е. Ю. — I 5
- Ильина В. А. — I 24
- Ильина Л. П. — I 5
- Ильины — I 12
- Илья Муромец, св. — II-1 298; III 522, 554; VI-1 550; VI-2 403, 404, 606; VI-3 479, 481
- Иннга, дочь Энглерт В. М. — VII 590
- Иннокентий III — IV 434
- Иннокентий VIII — II-1 60
- Инститор Г. — II-1 60; VII 403
- Иоаким, св. — VII 402
- Иоанн III — II-1 294, 369, 408; IV 515; V 541, 604; VI-2 500, 666; VII 333
- Иоанн IV Грозный (Великий) — I 379; II-1 129, 135, 137, 248, 273, 280, 314, 404, 408, 487; II-2 98, 238, 258, 454, 469; IV 461, 472, 481, 498, 508, 515, 530, 548, 551, 601, 612, 613; V 568; VI-1 134, 136; VI-2 23, 76, 77, 91, 500, 501, 543, 551, 559, 564, 568, 584, 586, 605, 606, 666; VI-3 65, 70, 101, 102, 103, 104; VII 333, 344, 400, 407, 422, 440; IX-X 443
- Иоанн V Алексеевич — IV 428, 597; VI-2 502, 503
- Иоанн VI Антонович — II-1 122, 442; IV 437, 442, 532, 602; VI-2 503
- Иоанн Безземельный — IV 434
- Иоанн Богослов, ап. — I 369; II-1 420; II-2 420; V 371, 403; VI-2 421, 427; VI-3 11, 57, 127, 334, 385, 422; VII 400
- Иоанн Гербиний — VI-3 153
- Иоанн Дамаскин — I 93; VI-2 647, 651
- Иоанн Златоуст, св. — I 321, 379; II-1 387; III 410, 581; IV 566, 616; V 234, 256, 506, 511; VI-2 452, 661; VI-3 65, 126
- Иоанн Кассиан Римлянин — III 305, 581; V 41, 42, 564
- Иоанн Комнин Добрый — IV 489
- Иоанн Креститель — I 5, 361; VI-1 133, 426, 428, 429, 435, 537

- Иоанн Кронштадтский, св. — III
 564; VI-2 436
 Иоанн Латвийский — II-1 216,
 480; II-2 69, 329, 374
 Иоанн Лествичник — V 41, 378,
 564, 585, 586, 591
 Иоанн Максимович, митр. — V
 560
 Иоанн Прозорливый — I 5
 Иоанн Рижский, архиеп. — I 35
 Иоанн Рыдающий (Калинин И.
 Е.), блаженный — VI-3 88
 Иоанн Цимиский — IV 440
 Иоанн, ученик Варсануфия
 Великого — VI-2 436
 Иоаким (Иоаким), царь — IV
 437, 603
 Иов Многострадальный, св. — I
 209; II-2 104; VI-2 431; VII
 316
 Иов Почаевский, преп. — I 370;
 IV 591; VI-1 549
 Иов, патриарх — IV 513
 Иоиль, пророк — VI-1 132
 Иона, митр. — V 234, 507; IX-X
 297, 443, 444
 Иона, пророк — VI-1 133
 Иорам, царь — IV 603
 Иосиф Аримафейский — I 275,
 293, 376
 Иосиф Волоцкий (Санин И.), св. —
 IV 472, 474, 552, 561, 566,
 609, 610; V 546, 603
 Иосиф, архим. — IX-X 432
 Иосиф, патриарх — IV 554
 Иосия, царь — IV 603
 Иоффе А. А. — II-2 211
 Иохаз, царь — IV 603
 Иохим Флорский — III 576
 Ипатьев Н. Н. — II-1 23
 Иракий, имп. — IV 439, 470
 Ирина, имп. — IV 440, 470, 572
 Ирод, царь — VI-3 102, 105
 Исаак II Ангел — IV 440, 470,
 605
 Исаак Сириянин — II-2 122; III
 554, 587; VI-1 96; VI-2 433;
 VI-3 26, 526; VIII 560
 Исаак, сын Авраама — VI-3 56
 Исаакий Далматский, св. — II-2
 466
 Исаева М. Д. — VI-3 297
 Исаия, авва — I 309; VI-1 96
 Исая, пророк — VI-2 92
 Исидор из Милета — VI-3 116
 Исихия Иерусалимский — VI-1
 96
 Иуда (Искарот) — II-2 406;
 VI-2 101, 102, 108, 647; VII
 256
 Иулиания Праведная, св. — VI-2
 492, 662; IX-X 298, 443
 Йолович, переводчик — VI-2 461
 К. Р. (Романов К. К.) — VI-1
 127, 548
 Каас, прелат — II-2 251
 Кавелин К. Д. — VI-2 512
 Кавур К. Б. — II-2 54, 456
 Каганович Л. М. — II-2 135, 209,
 463
 Каганович М. М. — II-2 463;
 VIII 338
 Казальс (Касальс) П. — VI-2 311
 Казимир I Восстановитель — IV
 600
 Казимир I Ягеллон — IV 431
 Казимир III Великий — IV 600
 Казимир IV Ягеллончик — IV
 600
 Казимир Литовский — II-1 293
 Казы-Гирей, хан — II-1 137
 Каиафа — VI-3 56
 Каин — II-1 70, 472; II-2 75,
 459; VI-2 102; VII 167, 256;
 VIII 372
 Кайзерлинг Г. — VII 412, 595
 Каледин А. М. — IX-X 290, 442
 Калигула, имп. — II-1 442; II-2
 153, 238; III 485; IV 438, 468,

- 472, 609; VI-2 237; VII 353; VIII 354
- Калинин М. И. — II-2 211; V 299; VII 239; VIII 22, 335
- Кальверлей, лорд — II-2 172
- Кальвин Ж. — I 319, 379; II-1 115, 476; II-2 66, 67, 242; VI-2 473, 662
- Каляев И. П. — II-2 462; IV 606; V 355-357, 589
- Каменев (Розенфельд) Л. Б. — II-2 211, 245; V 299; VII 436, 447
- Кампанелла Т. — VII 192; IX-X 32, 419
- Канегиссер Л. С. — V 334, 588
- Кановас, министр — IV 442
- Кант И. — I 8, 166; III 43, 44, 110, 363, 544, 567, 568, 575, 584; IV 13, 580, 585; V 8, 191, 387, 542, 604; VI-1 411; VI-3 9, 222, 333, 524; VII 123, 300; VIII 451; IX-X 251, 334, 438
- Капет Г. — IV 427
- Капет Р. — IV 427
- Капетинги — IV 429, 435, 471, 473, 599
- Капица П. Л. — II-1 56
- Каплан Ф. Х. (криптоним — Ф. Е.) — V 334, 587
- Капнист В. В. — II-2 319, 474
- Капп В. — II-1 458
- Карамзин Н. М. — II-1 250, 364; II-2 254; VI-1 360; VI-2 58, 228, 511, 650, 653; VI-3 266, 283; IX-X 18, 214
- Карамзина Е. Н. — VI-2 88
- Каратыгин В. А. — VI-2 393
- Каратыгина А. М. — VI-2 646
- Карбасников Н. П. — VI-1 553
- Карер О. — VII 590
- Карл I — II-1 215; IV 437, 602
- Карл I Стюарт — IV 440, 604
- Карл II Стюарт — II-1 215
- Карл IV — IV 430, 600
- Карл V — II-2 279; III 531; IV 431, 444
- Карл V (Валуа) — IV 489
- Карл V, имп. — IV 601
- Карл X — IV 440
- Карл XII — II-1 28; VI-2 503; VI-3 159; VII 375
- Карл Великий — II-1 329, 387, 486; II-2 228; IV 422, 435, 439, 440, 471, 597, 599, 605, 609; VI-2 542; VII 394
- Карл Лысый — IV 597, 601; VI-3 145
- Карл Толстый — IV 439, 605
- Карл Фридрих — IV 528
- Карл Эдуард Английский — IV 437
- Карл Эдуард Английский (Эдуард II) — IV 602
- Карлейль Т. — I 40, 63, 101, 105, 110, 139, 350, 370, 372, 373; II-2 8, 186, 195, 344, 347, 451, 468; III 390, 401, 404, 468, 583; IV 482, 485, 486, 515, 561, 611; VI-1 97, 100, 101, 275; VI-2 291, 340, 346, 655, 657; VI-3 344, 439; VIII 551
- Карломан, король — IV 434, 601
- Карнеги Э. — II-1 488
- Карно Н. Л. С. — II-2 138, IV 442
- Каролинги — IV 427, 429, 433, 434, 473, 599, 601; VI-3 145
- Карп Н. — II-2 474; III 576
- Карпентер Э. — I 363; V 94, 103, 566
- Карпов Ф. И. — V 540
- Карсавин Л. П. — I 34; IV 438, 605; V 579, 597
- Карташев А. В. — II-2 170, 424; V 300, 301, 338, 367, 452, 582, 583, 590; VII 587
- Карузо Э. — VI-1 85, 546; VI-2 342

- Кассий — IV 611
 Кастракани К. (Каструччио-Кастракани) — IV 565, 616
 Катвильф, еп. — IV 471
 Катилина, имп. — VII 213
 Катков М. Н. — VI-3 396, 552
 Катон Марк Порций (Старший) — IV 518; V 258, 577
 Каутский К. — II-2 141, 214; V 263; VII 88, 91, 240; VIII 332; IX-X 97, 117, 122
 Качалов (Шверубович) В. И. — II-2 60, 458; VI-2 290; VII 361, 588
 Каченовский В. — VI-2 52, 75
 Квартиров А. А. — I 31; IX-X 446
 Квартирова Е. Н. — IX-X 446
 Квеллин Младший — VI-1 108
 Квинтилиан, оратор — III 416; VIII 414
 Квислинг В. — II-2 194, 468
 Кедров М. А. — II-1 18, 470
 Кейхель Э. К. — V 455, 485, 491, 599
 Кемаль Паша (Гази Мустафа) — II-1 89
 Кеннан Д. Ф. — II-2 52, 455
 Кеплер И. — I 61, 350, 371; III 291, 444, 467, 528; VI-1 96; VIII 539
 Кеппен Б. Г. фон — V 562
 Керенский А. Ф. — II-1 186, 190, 400, 401, 454, 479; II-2 9, 96, 138, 298; V 485, 490, 537, 571, 575, 576; VI-1 279; VI-2 170; IX-X 178-181, 183, 433
 Керзон Д. Н. — II-1 126, 340
 Керн А. П. — VI-2 83, 644, 646
 Кеслер В. К. — I 5
 Кефал В. — IV 562, 567
 Кизеветтер А. А. — II-2 373; V 594, 596
 Киплинг Р. — III 415; VI-3 8; VIII 414
 Кипп Т. — IV 587
 Кипренский О. А. — VI-1 537; VI-2 77
 Кир II Великий — IV 550, 603
 Киреевский И. В. — V 446; VI-2 661; VI-3 266; VII 384, 454
 Киреевский П. В. — VI-2 644
 Кирилл Владимирович, вел. кн. — II-2 373; V 341, 539, 582, 588; VII 585
 Кирилл Иерусалимский — II-1 392, 487
 Кирилл, митр. Ростовский — V 257
 Кирилл, св. — II-2 144; V 563; VI-3 145, 158
 Кирков Г. — VIII 119, 335
 Кистяковский Б. (Ф.) А. — I 13; IV 581
 Китченер Г. Г. — VII 339; VII 586
 Кишкин Н. М. — IX-X 440
 Клавдий, имп. — IV 608
 Кларк М. У. — II-2 340, 476
 Клаузевиц К. фон — VIII 271, 272, 335
 Клаус из Флю, св. — VI-2 438, 660; VI-3 29, 526
 Клейгес, градоначальник Петербурга — I 9
 Клеман Ж.-П. — IV 440, 481, 611
 Клементий, лжецаревич — IV 531
 Клеомен III — IV 428, 437, 599, 602
 Клеопатра, царица египет. — IV 468, 608
 Климент I Римский, св. — V 563
 Климент IX — VI-2 661; VI-3 526
 Климент Александрийский — II-1 484; III 581; VI-1 547
 Климент Римский — I 309, 377; V 41
 Климов А. Е. — VI-3 523; VIII 570; IX-X 438

- Климов Е. Е. — I 27, 32, 369; VI-1 534, 543, 545, 551; VI-2 654
Климович Е. К. — IX-X 191, 434
Климовы — VI-1 552
Клодт П. К. — VI-1 132; VI-2 604
Клопшток Ф. Г. — VI-2 398
Ключевский В. О. — II-1 84, 123, 248, 250, 384, 394, 473; II-2 122, 463; IV 472, 473, 553, 573, 610; V 594; VI-1 172; VI-2 413, 512, 559, 560, 665; VII 343, 344, 422, 440; IX-X 297
Клюшников И. П. — VI-3 304
Кнейп С. — III 481, 585
Книпович, ком. деятель — VII 35
Кобленц Й. — VII 32, 40-42
Ковалевская С. В. — VI-3 191, 300
Ковалевский, ком. деятель — VII 46
Коварда Б. С. — II-1 15, 469
Кожанчиков Д. Е. — I 364
Козеренко Н. — VII 40, 42, 43
Козимо Тура — VI-1 108; VI-2 354
Козлов А. А. — V 446
Козлов И. И. — VII 421
Козьма Прутков (А. К. Толстой и братья Жемчужниковы) — II-2 42, 281, 406; V 574
Коковцев В. Н. — II-2 231, 234, 469
Кокоскин Ф. Ф. — II-2 71, 100-102, 459; VII 489, 600; IX-X 391
Коларов В. — VIII 119, 333, 335
Колер И. — IV 33, 586
Колтыпина О. В. — III 574; VI-3 534, 537, 540; 542, 549, 552, 554-556; VII 576-578, 581, 583-585; VIII 569
Колумб Х. — V 349; VI-3 412
Колчак А. В. — I 386; II-2 466; IV 498; V 299; VII 48, 586; IX-X 290, 442
Кольбер Ж. Б. — IV 481, 489, 610
Кольцов М. Е. (Фридлянд) — V 301, 485-487, 527, 536, 537, 539, 543, 583
Конан-Дойль А. — VI-3 206
Кондаков Н. П. — VI-2 413
Кони А. Ф. — VI-3 304
Конрад I — IV 430, 600
Конрад IV — IV 600, 606
Конради М. — I 368; II-1 15, 469
Конрадин Гогенштауфен — IV 440, 606
Константин V Копроним — IV 440, 605
Константин I Великий — IV 439, 468, 469, 547; V 256, 312, 332, 577
Константин VI — IV 440, 470, 572
Константин X Дука — IV 598
Константин Павлович, вел. кн. — II-2 286
Константиновский М. — VI-3 255, 276
Констанций, имп. — IV 470
Конфуций — I 24, 111, 209, 240, 317, 373; II-2 186, 291; III 78, 178, 435; IV 283, 548, 550, 608; VI-2 433; VI-3 216; VII 380, 446; VIII 473; IX-X 218, 437
Концевич И. М. — VI-2 661
Конюс Г. — VI-2 98
Коперник Н. — I 57, 61, 350, 371; II-1 353; III 291, 305, 444, 467, 528; 586; V 565; VI-1 96; VIII 539
Копо-ди-Марковальдо — VI-1 76
Копотль, царь — IV 549
Корвин-Круковская А. — VI-3 300

- Корде Ш. — V 588
 Корево Н. Н. — II-2 104, 105, 462
 Корейш И. Я. — VI-3 93, 529
 Корелин М. С. — IV 468
 Коркунов Н. М. — IV 473, 584, 610
 Корнилов В. А. — II-2 167
 Корнилов Л. Г. — I 388; II-1 36, 189, 190, 273, 301, 479; II-2 367; V 223, 224, 227, 289, 292, 294, 295, 299, 301, 304, 308, 342, 483; 485, 486, 488, 489, 499, 505, 542, 543, 571, 576; VII 468; IX-X 180, 183, 289, 433, 434
 Коровин К. А. — II-2 8, 451; VI-1 106; VI-2 353; VI-3 66; VII 416-418, 420, 422-425, 427, 434, 436, 440, 447, 596-599
 Короленко В. Г. — V 447; VI-1 205
 Корш Ф. Е. — II-2 146
 Косинский В. А. — VII 33, 34; IX-X 339
 Коста А. да — IV 441
 Костомаров Н. (псевд. И. А. Ильина) — I 381; VI-2 654, 427
 Костомаров Н. И. — I 364; II-1 138, 250; IV 436, 602, 606; V 145, 256, 568; VI-2 511; IX-X 135, 141, 427, 428, 429, 430, 432
 Костючик И. И. — II-2 149
 Косяровский П. П. — VI-3 536
 Котляревский С. А. — I 13, 14
 Котошихин Г. К. — IX-X 135, 428
 Кох Г. — VII 577
 Кочубей В. П. — II-2 285
 Кошелев А. И. — VI-2 530
 Кошко А. Ф. — II-1 33, 186, 465; II-2 304
 Коялович М. И. — VII 454
 Кравченко В. А. — II-1 15, 469
 Краевский А. А. — VI-2 85, 646
 Крайний А. (псевд. Гиппиус З. Н.) — II-2 465; VI-2 171
 Крамарж К. П. — IV 523, 613
 Крамер Д. — VII 577
 Крамской И. Н. — VI-1 536, 537; VI-2 605
 Красин Л. Б. — II-1 52; II-2 212, 213; VIII 171, 314, 335
 Краснов П. Н. — II-2 170, 427, 466
 Красс, полководец — IV 604
 Краузе К. — IV 580
 Крез, царь — IV 437, 603
 Крестинский, посол — II-2 252
 Кречетов С. А. — II-2 320
 Кржижановский Г. М. — II-2 210; V 578
 Кривой С. — IX-X 151, 152
 Кривошеин А. В. — II-1 470
 Кривошеин В. В. — I 18
 Кривошеин И. А. — II-1 18, 470; VII 338
 Криспиен А. — VIII 251, 335
 Крицкий М. — II-2 389, 419
 Кришна-Мурти Дж. — II-2 289
 Кромвель О. — II-1 215, 442; IV 421, 444, 533, 597; V 229
 Кропоткин П. А. — II-1 82, 165, 295; II-2 71, 137, 138, 459; V 96, 248, 267, 271, 452, 458, 567, 576; VI-2 616; VI-3 21, 465, 494; IX-X 342, 347
 Крупп А. — V 542, 604
 Крупская (Ленина-Ульянова) Н. К. — II-2 209; VII 239, 349
 Крыленко Н. В. (псевд. — Абрам) — II-1 84, 473; II-2 210; VII 89, 98, 99, 101, 109, 110, 111
 Крылов И. А. — II-1 317; II-2 80; VI-1 501, 527; VI-2 54
 Крым-Шохмалов (Карым Шамхалов) — II-1 301, 484; II-2 46

- Ксенофонт — I 119; III 575; IV 548, 550, 615
 Ксеркс — IV 91, 562, 590; VI-2 529; IX-X 442
 Кудеяр — II-2 95
 Кузнецов Е. — II-2 470
 Кузьмин, ком. деятель — VIII 320
 Кузьмина-Караваева Е. Ю. (мать Мария) (Скобцева) — II-1 477
 Кузьмин-Караваев Д. Д. — II-2 170
 Куйбышев В. В. — II-2 211
 Куклин, чекист — VII 419
 Куланж Ф. де Н. Д. — I 152, 192, 374; IV 428, 432, 436-438, 465, 467, 479, 537, 538, 563, 614; VI-2 467; VII 594; VIII 551
 Кульман Н. К. — II-2 389, 419
 Кун Б. — V 250, 577; VII 349, 580, 587; VIII 44, 87, 240, 335
 Куперен Ф. — VI-1 137
 Куприн А. И. — II-2 170, 427, 466; VI-2 161
 Кураев А. — VII 588
 Курбский, кн. — II-1 137
 Курелла А. — VIII 308, 332, 336
 Курский Д. И. — II-2 123, 145, 209; VII 104, 109, 238
 Курциус Ю. — II-2 327
 Кускова Е. Д. — II-1 20, 442, 470; V 332, 487, 586, 587
 Кустодиев Б. М. — VII 418, 419
 Кутепов А. П. — V 318, 585
 Кутон (Катон) — II-2 153; III 486
 Кутузов М. И. — II-1 27; II-2 211, 251; VI-2 91; VI-3 70, 435, 447; VII 376
 Кутырина Ю. А. — II-2 394
 Куусинен О. В. — VIII 80, 336
 Куш К. — II-1 488
 Кушнерев И. Н. — V 55, 563, 565, 567
 Кшесинская М. Ф. — II-2 298
 Кьеркегор С. — V 533
 Кюн, ком. деятель — VIII 83, 335
 Кюри И. — II-1 399, 488
 Кюри П. — II-1 488
 Кюстин А. де — II-2 259; VI-2 396
 Кюхельбекер В. К. — VI-1 102; VI-2 351
 Лабанд П. — IV 23, 37, 580, 583-585
 Лабрюер Ж. де — IV 617
 Лаваль П. — II-2 22, 194, 468
 Лаврентий, лжецаревич — IV 531
 Лавров П. Л. — II-2 137
 Лагерлеф С. — I 363
 Лагорио Л. Ф. — VI-2 387
 Лажечников И. И. — VI-1 337; VI-2 644
 Лазарев А. С. — VI-2 658
 Лайман П. — II-1 393, 488
 Лайэльль Ч. — I 62, 371
 Ламанский В. И. — VI-3 304
 Ламбаль (Кариньян) М.-Т.-Л. — II-2 8, 451
 Лампе А. А. фон — I 18, 28, 367; II-2 371, 407, 414, 418, 433; VIII 569
 Ламсдорф, граф — IV 516
 Ланге Г. — IV 7, 582
 Ланкастеры — IV 604
 Лаотэ (Лао-цзы) — I 111, 240, 317, 374; III 435, 584; IV 460, 607; VI-2 433; VI-3 216; VII 446; VIII 473
 Лапин И. И. — VI-2 645
 Лаппо И. И. — I 102, 373; VI-2 664; IX-X 325
 Лапшин И. И. — II-2 373
 Ларин Ю. (Лурье М. З.) — II-2 211; VII 110, 111, 577; VIII 55, 204, 312, 336
 Лас Касес Э. А. де — IV 600

- Ласк Э. — IV 584
Ласказ, секретарь Наполеона — IV 516, 561
Лассаль Ф. — VIII 337; IX-X 421
Лассот Э. — VI-3 153
Лауренций, историк — IV 473
Лафайет М. Ж. — IV 518
Лафатер И. К. — I 156, 375; III 121, 576; VI-2 619; VIII 405, 551, 571
Лацис М. И. (Судрабс Я. Ф.) — V 359, 590; VII 229
Лебедев Л. — IX-X 432
Лебедев П. Н. — II-1 429, 489
Лебон Г. — II-1 37, 471; VI-2 415
Лев I — IV 600
Лев III — IV 440, 470
Лев XII — VII 74
Лев XIII — I 278, 376; II-1 486; VI-3 351
Лев, оптинский старец — V 569
Левитан И. И. — II-1 301, 483; VI-1 108, 537, 538; VI-2 170, 203; VII 422, 440
Левицкий Д. Г. — VI-1 537
Левицкий, ком. деятель — VII 268
Левкович (Швейкерт) А. Ю. — I 24
Ледницкий А. Р. — I 14
Лезюр, публицист — II-2 454
Лейбниц Г. В. — I 63, 372; III 98, 110, 224, 291, 444, 467, 528, 575, 578; IV 12, 195, 580, 584, 592; VI-1 544; VIII 539, 551
Лейхтенбергский Г. Н. — II-2 367
Лемерсье Л. Ж. — IV 547
Лемкуль А. — II-1 393, 487
Лемонте, переводчик — VI-2 54
Ленин (Ульянов) В. И. — I 27; II-1 33, 51, 52, 90, 150, 271, 295, 400, 446, 451, 463, 483; II-2 76, 96, 125, 126, 139, 145, 196, 199, 204, 205, 207, 208, 215, 216, 236, 248, 251, 298, 304, 313-315, 386, 429, 452; IV 532, 566; V 264, 365, 377, 479, 578, 584, 586-588; VI-2 574; VI-3 219; VII 49, 87, 89, 92, 110, 119, 125, 138, 149, 150, 171, 190, 195, 202, 203, 209, 213, 224, 225, 226, 229, 239, 240-242, 249, 254, 267, 283, 284, 286, 288, 297, 300, 327, 377, 426, 578, 585; VIII 10, 21, 22, 44, 48-50, 52, 57, 58, 83, 99, 145, 158, 174, 190, 192, 193, 214, 235, 238, 254, 269, 271, 272, 277, 279, 285, 313, 325, 326, 332, 333, 336; IX-X 114, 125, 189, 344, 426, 430, 433
Ленин Н. (псевд. Ленина В. И.) IX-X 94, 426
Ленокс Бюлер — VI-3 513
Ленский (Виленский) А. — VIII 97, 261, 336
Лентовский М. В. — VII 421, 596
Леонид, царь — III 78, 571; IX-X 442
Леонтий, еп. — VII 232
Леонтьев К. Н. — II-1 484; II-2 470; IV 480; V 591; VI-1 541; VI-2 440, 457, 513, 637; IX-X 214, 437
Лермонтов М. Ю. — I 181, 375; II-1 109; II-2 70, 93, 124, 311, 319, 323; III 242, 283, 305, 413, 420, 432, 578-580, 583, 584; VI-1 55, 92, 93, 108, 122, 128, 147, 149, 156, 210, 232, 285, 448; VI-2 220, 247, 296, 298, 302, 303, 346, 387, 438, 457, 650; VI-3 266, 408; IX-X 25, 31
Лесков Н. С. — I 73, 82, 126, 372; II-1 32, 107, 216, 317, 424; II-2 70, 124, 186; III 305,

- 581; IV 573; VI-1 112, 165, 174, 274, 281, 282, 310, 313, 321, 346, 349, 356, 368, 381, 537; VI-2 113, 138, 141, 145, 150, 170, 203, 216, 230, 237, 242, 245, 250, 273, 295, 356, 360, 361, 369, 370, 387, 403, 438, 444, 445, 450, 457, 494, 636; VI-3 30, 191, 275, 304, 316, 362; VII 376, 470
- Лессий Л. — II-1 393, 487; V 201; VII 404
- Лефорт Ф. Я. — II-1 273, 482; IV 481
- Лжедмитрий — II-1 369; IV 531; VI-2 501, 586; VI-3 425; VII 407
- Лжедмитрий II — VI-2 501; IX-X 444
- Лжедмитрий III — VI-2 504
- Либ Ф. — II-1 152, 479; VII 577
- Либих Ю. — I 62, 371; III 291, 444, 468; VI-1 96; VIII 539
- Либкнехт К. — VIII 118, 119, 158, 336
- Ликург, царь — IV 428, 437, 599
- Лилина (Радомыльская) З. И. — VII 88
- Лингг, юрист — IV 584
- Линкольн А. — II-1 440
- Линник Ю. В. — V 532, 602
- Лисий, оратор — III 531
- Лисица Ю. Т. — I 36; III 571
- Лисицын, иерей — V 328
- Лист Ф. — II-1 70, 472; VI-1 137; VI-2 91, 276; VIII 375
- Литвинов (Валлах М. Х. М.) М. М. — II-1 142; II-2 36, 298, 452; VII 213, 419
- Лихтенбергский Г. Н. — I 393
- Ллойд-Джорж Д. — II-1 150, 253, 478; II-2 170, 171, 265, 329, 466; VII 150, 578
- Лобачевский Н. И. — VI-2 413, 615; VI-3 185
- Лодзьженский М. — III 564
- Лодзьженский Ю. И. — II-2 368
- Лозовский А. (Дридзо) — VIII 53, 60, 61, 77, 84, 87, 96-101, 103, 104, 106, 107, 208, 210, 214-217, 226, 228, 269, 272, 336
- Лойола И. — VI-2 434, 660
- Ломоносов М. В. — II-1 51, 62, 109, 273, 322, 429, 476, 482; II-2 98, 318, 322, 405; III 305, 444, 467, 528; VI-2 44, 60, 214, 220, 229, 413, 504; VI-3 71; VII 409, 415, 488; IX-X 35, 320
- Лонгинов М. Н. — VI-2 645
- Лопатин Л. М. — I 21, 365; VI-2 457
- Лопатин, военачальник IX-X 157
- Лопухин А. П. — IV 588, 595; V 561
- Лоренц, профессор — VI-3 220
- Лоренцо Великолепный — VI-1 420
- Лоример Ф. — II-1 148, 478
- Лорис-Меликов М. Т. — II-1 301
- Лосев А. Ф. — III 575, 576; VI-1 541
- Лосский Н. О. — I 29; V 460, 486, 504, 505, 528, 543, 593, 599
- Лотарь, король — IV 597
- Лувель Л. — IV 440
- Лузин Н. Н. — VI-2 413, 615; VI-3 185
- Луи Филипп — II-2 137; IV 441
- Лука, евангелист — VI-3 406
- Лукиан, писатель — VI-3 60
- Луккени, анархист — IV 441
- Лукомский Г. К. — VI-2 493
- Луначарский А. В. — I 27; II-2 219; VII 239, 297
- Лурье С. — IV 581
- Лутхин, воевода IX-X 162
- Луцилий Гай — V 564

- Лысенко Т. Д. — V 602
 Львов Г. Е. — V 575, 576, 598
 Львов Н. Н. — I 362, 390
 Львов, воевода IX-X 153, 158, 159
 Льюис Д. — II-2 194, 468
 Любимов Б. Н. — V 538, 602, 603
 Любищев А. А. — V 533, 602
 Людвиг Э. — VI-2 182, 649
 Людендорф Э. — II-2 196, 265, 468; VII 375
 Людовик II (Заика) — IV 601
 Людовик III — IV 433, 601
 Людовик IX Святой — IV 435, 599
 Людовик XI — II-2 238; IV 435, 481, 530; VI-3 101
 Людовик XIV — II-2 238; IV 112, 459, 471, 481, 482, 490, 491, 498, 530, 549, 590, 607, 610; VI-1 504; VI-3 177
 Людовик XV — IV 603
 Людовик XVI — II-1 215; IV 440
 Людовик XVIII — II-1 92; IV 427, 473, 599
 Людовик Немецкий — IV 597
 Людовик, сын Максимилиана II — II-2 276
 Людовик-Дитя (Каролинг) — IV 429
 Люксембург Р. — VIII 336
 Лунгтрен М. — VIII 570
 Лютер М. — II-1 70; III 160, 577, 578; V 195-197, 317, 361, 546, 569; VI-3 216, 219; VII 123, 154, 448
 Лютч В. — VI-3 513
 Ляпунов П. П. — VI-2 238
 Лясковский А. И. — VI-3 537, 538, 539, 540, 541

 Маврикий, писатель — II-1 312, 484; IV 439, 551; VI-2 496
 Магеллан Ф. — III 586
 Магмет-Гирей, хан — II-1 137
 Магомет — VI-1 218; VI-3 257, 394
 Магомет IV Константинопольский — VI-2 562
 Маевский В. А. — VI-2 648; IX-X 446
 Мазарини Джулио — IV 489, 610
 Мазепа И. С. — VI-2 503; VI-3 159
 Мазини А. — VI-1 85, 546; VI-2 342; VII 425, 440
 Мазовши — II-1 137
 Майер Ю. Р. фон — I 63, 372; III 291, 468; VI-1 96
 Майков А. Н. — II-2 319; VI-3 296, 303, 304
 Майков Л. Н. — VI-2 645, 646
 Маймун А. ибн — VII 192
 Мак Кинлей — II-2 138; IV 443
 Макарий (Булгаков), митр. — VI-2 664
 Макарий Великий (Египетский), св. — I 24, 51, 79, 347, 372; III 552, 587; V 41, 156, 564; VI-1 96; VI-2 427, 433, 436, 452, 453, 641; VI-3 28, 526; VII 479; VIII 559
 Макарий, еп. — VII 232
 Макарий, митр. Московский — I 102, 373; II-1 135, 392, 478; V 567; IX-X 325
 Макарий, оптинский старец — V 569; VI-3 536
 Макартур Д. (Мак Артур) — II-2 53, 54, 326, 329, 455; IV 461, 508, 607
 Макдональд (Мэк-Дональд) Д. Р. — II-1 356, 485; II-2 56, 194, 457, 468
 Максеев Н. В. — V 449, 598
 Макиавелли Н. — II-1 49; IV 7, 565, 582, 616; VI-2 181, 573, 575, 665; VII 12, 189; IX-X 36
 Маккарти Д. Р. — II-2 175, 336, 339, 340, 467

- Маккензи Уоллес — VI-3 296
 Маклаков В. А. — I 14; II-1 82, 132, 469, 477; IV 523, 613
 Мак-Магон П. — IV 460, 607
 Маковский К. Е. — VI-1 121
 Максим Валерий — IV 439, 609
 Максим Грек — V 603
 Максимилиан I Габсбург — II-1 49; IV 440
 Максимилиан II — II-2 276
 Максимилиан, имп. — IV 598
 Максимилиан, сын Энглерт В. М. — VII 590, 591
 Максимов С. В. — I 268; II-2 97, 460
 Максимович М. А. — VI-3 247
 Маленков Г. М. — II-2 172, 212, 225, 334, 336, 467
 Малик Я. А. — II-1 349; II-2 52, 455
 Малиновский Р. В. — V 583; IX-X 435
 Мальбранш Н. — V 438, 597
 Мальцан А. Г. О. — II-1 253, 481
 Мамонов Я. — VII 439
 Мамонтов С. И. — II-1 273, 482; VII 418, 422, 425, 428, 436, 440
 Манилий, поэт — IV 468
 Манн Т. — III 566; VI-1 111; VI-2 161, 355
 Маннергейм К. Г. — II-2 329, 475
 Мантенья А. — VI-1 89, 109, 133; VI-2 332
 Мануильский — VIII 23, 36, 56, 61, 68, 73, 198, 208, 214, 268, 273, 308, 336
 Мануйлов А. А. — II-2 35, 145, 451
 Мао Цзэдун — II-1 348, 350; II-2 171, 200, 463; VII 599
 Марат Ж. П. — II-2 153, 164; III 486, 496; V 588; VI-2 530
 Маргарита Датская — IV 601
 Маргарита Пармская — II-1 479
 Маргарита, дочь Вольдемара III — IV 432
 Марголин Ю. Б. — II-2 260, 261, 265-267, 269, 471
 Мариана, публицист — IV 582
 Мариенгоф А. Б. — VI-1 546
 Марий Гай — IV 533, 538, 614; VI-2 103; VII 81, 150, 190
 Марина Мнишек — IV 531
 Маринетти Ф. Т. — VI-1 114, 547; VI-2 356
 Мария Николаевна, вел. княжна — VII 48
 Мария Стюарт — IV 437, 515, 604, 613, 615
 Мария Феодоровна, имп. — II-2 286; VI-2 508
 Мария-Антуанетта — II-2 451
 Марк Аврелий Антонин — I 123, 317, 374; II-1 442, 484; II-2 186, 283; IV 489, 548, 549, 554; V 83, 566; VI-2 103; VI-3 336
 Марк Подвижник (Отшельник), св. — III 524, 586; V 41, 563, 564; VI-3 26, 525, 526; VIII 535
 Марк Юний Брут — IV 486
 Марк, ап. — VI-3 26, 27
 Маркевич Б. М. — IV 607
 Маркион, теолог — V 566
 Марков Н. Е. (Марков 2-й) — II-1 189, 479; II-2 462; V 337, 340; IX-X 425
 Марков, экономист — II-1 148
 Марковальдо К. ди — VI-2 336
 Маркс А. Ф. — VI-1 553
 Маркс К. — I 175, 263; II-1 51, 52, 72, 154, 161, 241, 445; II-2 76, 139, 141, 156, 214-216, 218, 247, 453; III 486; V 263, 265, 588; VI-2 241; VI-3 219; VII 12, 29, 86, 88, 124, 224, 249, 282, 297, 298, 300, 301,

- 305, 307, 341, 353, 425; VIII 10, 11, 16, 19, 32, 33, 40, 47, 49, 76, 103, 230, 332, 336, 337, 339; IX-X 96, 97, 116, 117, 333, 334, 349, 426
- Марти Х. Х. — II-1 73, 75
- Мартин К. — IV 609
- Мартов Л. (Цедербаум Ю. О.) — II-2 464
- Мартынов А. Е. — VI-2 393
- Мартынов Н. С. — III 432
- Марфа Борецкая — VI-2 492; VI-3 190
- Марфа, царица — IV 531
- Маршалл Д. К. — II-1 10, 74, 77, 78, 348, 468
- Масперо А. — VI-1 97
- Массне Ж. — VII 421, 442
- Масуди, историк — IV 437, 605
- Матильда, маркграфиня — V 589
- Матисс А. — VI-1 534; VI-3 206
- Матусов, монархист — II-2 234, 470
- Матушка, преступник — VII 152
- Матфей, ап. — V 256
- Махно Н. И. — II-1 84, 311, 473
- Маяковский В. В. — II-2 311, 320, 321, 406; VI-1 66, 70, 114, 413; VI-2 251, 356
- Медичи — I 379; II-1 476; IV 480, 597
- Медичи Л. — VI-1 416
- Меерович Л. С. — IX-X 250, 440
- Межлаук В. — V 578
- Мей Л. А. — II-2 124; VI-2 91, 231
- Мейер Ю. Л. — VIII 539
- Мейербер Д. (Либман Б. Я.) — VI-1 532; VI-2 276; VII 421, 436, 598
- Мейерхольд В. Э. — II-2 145, 464; VI-1 70
- Мелангтон Ф. — IV 580
- Мелит — VI-2 108; VIII 373
- Мельгунов С. П. — VI-2 648; VII 32, 326, 586
- Мельгунов Ю. Н. — III 276, 580; VI-2 389
- Менгден В. А. фон — VI-2 659
- Менделеев Д. И. — I 42; II-1 51, 65, 84, 143, 357, 429, 473; VI-2 413, 415; VII 51, 230, 488; IX-X 324
- Мендельсон Ф. — VI-1 121; VI-3 259, 528
- Менеды-хан IX-X 152
- Менжинский В. Р. — V 251, 577
- Менц (Манц), баптистский проповедник — VI-3 475, 476
- Меншиков А. Д. (Меньшиков) — IV 481, 531, 537
- Меншиков П. Д. — II-1 273, 482
- Мережковские — VI-2 172, 173, 177
- Мережковский Д. С. — I 398; II-1 444; II-2 169, 427, 465; V 538, 573, 584; VI-1 198, 313, 337, 358; VI-2 141, 155, 161, 168, 170-178, 180-186, 188, 190-198, 648, 649; VI-3 326, 445, 541; VII 379
- Мериме П. — VI-1 537; VI-2 276
- Меринг Ф. — VIII 293, 337
- Меркель А. — IV 30, 586
- Меркер П. — VIII 62, 90, 337
- Меровей, король — IV 599
- Меровинги — IV 427, 434, 473, 559, 599, 610
- Мессалина — IV 468, 608
- Местр Ж. де — II-2 378; IV 580
- Метерлинк М. — VI-1 310
- Метнер А. М. — VI-1 551
- Метнер В. К. — I 27, 367; VI-1 551
- Метнер Н. К. — I 15, 386, 390-392; VI-1 76, 129, 137, 138, 171, 445, 534, 543, 545, 551; VI-2 151, 170, 291-311, 313, 327, 354, 366, 387, 655; VI-3

- 30, 67, 433, 497, 500, 501, 504-513, 556; VII 443, 446; IX-X 7, 418
- Метнер Э. К. — I 15, 16, 367; VI-1 551
- Метгерних К. — II-1 27
- Мефодий, св. — II-2 144
- Мешко I — IV 600
- Мещерская М. Н. — VI-2 646
- Мещерская-Карамзина Е. Н. — VI-2 646
- Микеланджело Буанаротти — I 353, 380; III 432; VI-1 76, 77, 107, 109, 110, 131, 132, 152; VI-2 103, 104, 354, 600; VI-3 223, 279; VIII 470
- Миклашевский, полковник — VI-3 160
- Миллер Е. К. — II-1 323, 475, 485
- Миллер О. — VI-2 404; VI-3 304
- Миллер П. И. — VI-2 64
- Милославская М. И. — IV 428; IX-X 428
- Милославский И. Д. — IX-X 135, 162, 163, 170, 428, 429
- Милюков П. Н. — I 6; II-1 185, 384, 400, 479; II-2 37, 70, 101, 453; V 276, 300, 306, 308, 332, 485, 488, 499, 537, 572, 582
- Милютин Д. А. — II-1 322, 485; II-2 405; IV 520, 613
- Милютин Н. А. — VII 339, 587
- Миндсенти, кардинал — II-1 480
- Минин К. — II-1 250; II-2 167; IV 531, 614; V 223, 292; VI-2 231, 501; VII 468, 495; IX-X 298, 299, 377, 440
- Минис М. Н. — VII 599
- Миних Б. К. — IV 531, 536; VII 342, 587
- Миннс, англ. художник — VI-1 535
- Мины — IX-X 191
- Митридат, царь — IV 468
- Митрофан, архиеп. — VII 232
- Мифф П. — VIII 74, 337
- Михаил II — II-2 106
- Михаил VIII — I 372
- Михаил Александрович, вел. кн. — II-2 105, 453; IV 442, 606; V 576; IX-X 83, 424
- Михаил Тверской, кн. — IV 442, 606
- Михаил Федорович (Романов), царь — II-1 129; IV 531; VI-2 501, 502; IX-X 142, 299, 443
- Михаил, архангел — V 141, 227, 293, 368, 484, 542, 571, 588; VI-2 253, 527; VI-3 129; IX-X 425
- Михаил, имп. — IV 562
- Михайлович Д. — II-2 170, 466
- Михайловский Н. К. — II-2 137; IV 520; V 355, 457, 521, 589; VI-3 186
- Михей, пророк — VI-3 89
- Михельсон И. И. — II-1 414, 488
- Мицкевич А. — VI-2 87, 646
- Мишле Ж. — II-2 451; VI-2 276
- Млечин Л. — II-1 475
- Моирова, ком. деятель — VIII 145, 149, 337
- Моисей — III 574; VI-1 97, 110; VI-2 85, 349; VIII 372
- Мок — II-1 458
- Мошешотт Я. — VII 297
- Молотов (Скрябин) В. М. — II-1 42, 153, 346; II-2 52, 172, 211, 334, 475; VIII 66, 78, 89, 270, 337
- Мольер Ж.-Б. — VI-3 247
- Монтан, еретик — I 378
- Монтень М. де — VI-2 171
- Монтескье Ш.-Л. — II-1 49; VI-2 573
- Монэ К. — VI-1 106; VI-2 353
- Монюшко С. — VII 421

- Мопассан Г. де — VI-1 108, 237;
 VI-2 150, 354; VI-3 205, 272,
 402
 Мор (Мур) Т. — VI-1 114, 547;
 VI-2 352; VII 192
 Моралес Бермудес — II-1 212
 Мори Л. Ф. А. — IV 610
 Морозов Б. И. — IX-X 428
 Морозов Д. А. — IV 515, 567, 613
 Морозов С. Т. — II-1 32, 133;
 II-2 218, 468; VI-1 534
 Морозова (Соковнина) Ф. П. —
 VI-1 134
 Морэ А. — IV 466, 608
 Мосеев (Мокеев) Р. — II-2 167;
 IX-X 299, 444
 Москвин И. М. — VI-2 290; VII
 423
 Мотта Д. — II-2 329; VIII 7, 569
 Моцарт В.-А. — II-2 411, 412;
 VI-1 109, 475, 482, 504, 509,
 520, 524; VI-2 80, 90-105, 295,
 305, 354, 646; VI-3 206
 Мочалов П. С. — VI-2 393
 Мстислав Великий, кн. — VI-2
 498
 Мстислав Владимирович, кн. —
 VI-3 117
 Мстислав Удалой — II-1 293
 Муравьев А. Н. — III 564; VI-2
 82, 645
 Муравьев Н. К. — II-1 185
 Муратов П. П. — I 391
 Муратов Р. — VI-2 461
 Мурза Егидей — II-1 137
 Муразул Баксанук Пашаевич —
 II-1 484; II-2 46
 Мурильо Б.-Э. — VI-1 134
 Муромцев С. А. — IV 37, 587
 Муромцева М. А. — I 8
 Мусоргский М. П. — II-2 124;
 III 457; VI-1 136, 137, 534;
 VI-2 138, 387, 445, 544; VI-3
 30, 67; VII 432, 435, 437-439,
 441; IX-X 35
 Муссолини Б. — I 389; II-1 87,
 90, 151, 260; II-2 204, 218,
 284, 289; IV 332, 533, 537; V
 333; VII 137
 Мэдлер (Медлер) И. Г. — I 62,
 371
 Мюллер Г. — VIII 331
 Мюллер М. — I 100, 143, 373
 Мюнценберг В. — VIII 132, 135,
 337
 Мюнцер Т. — III 576
 Мюссе А. — I 363
 Мясницкий И. И. — VI-2 169
 Мясоедов, полковник — IX-X
 125, 427
 Н. П. В. (Вакар) — V 295
 Набоков В. В. — V 582
 Набоков В. Д. — V 300, 301, 576,
 582, 583
 Навуходносор, царь — IV 551,
 603, 612
 Надаб (Надав/Нават), царь — IV
 437, 603
 Надеждин, свящ. — VII 232
 Надсон С. Я. — II-2 319; VI-2
 176, 231; VII 424
 Наживин И. Ф. — V 566; VI-2
 169
 Назаров М. В. — VII 590, 591,
 601
 Наке А. — VII 93
 Наньини А. — VI-3 153
 Наполеон I — II-1 28, 65, 123,
 215; II-2 280, 289, 454; III
 160; IV 431, 435, 440, 444,
 459, 460, 464, 492, 516, 530,
 533, 547, 561, 600, 602, 612; V
 229, 541; VI-1 151; VI-2 23,
 175, 181, 184, 232, 460, 480,
 484, 505, 506; VI-3 70, 94,
 227, 339, 363, 401, 434, 444,
 447; VII 209, 335, 374, 375,
 386, 400, 413; IX-X 30, 320,
 323, 327, 387

- Наполеон III — IV 431, 444, 508, 533; IX-X 80, 423, 424
 Направник Э. Ф. — VII 421
 Нарышкина Н. К. — IV 428
 Наталия, св. — VI-2 420; VI-3 65, 126
 Наумов С. — IX-X 432
 Нахимов П. С. — II-2 167
 Нащокин П. В. — VI-2 75
 Нащокина В. А. — VI-2 644
 Неволин К. А. — VI-2 413
 Недюревы — IX-X 443
 Некрасов Н. А. — II-2 137, 319, 463; IV 520; VI-1 392; VI-2 216, 224, 238, 403, 494; VI-3 284, 285
 Нельсон Г. — VI-2 598
 Неманов Л. Н. — V 453, 599
 Немирович-Данченко В. И. — VI-2 288
 Немиц Ф. — VI-1 534
 Ненни П. — II-2 140, 202, 464
 Нерваль Ж. де — VI-2 276
 Нерон, имп. — II-1 442; II-2 153, 164, 238, 283; III 485, 496; IV 437, 468, 498; 564, 604, 604; VII 353
 Неру Д. — II-1 78; II-2 324
 Нестеров М. В. — I 23, 314, 378; VI-1 106, 537, 538, 550; VI-2 138, 203, 336, 353, 432, 605; VI-3 66, 154, 161; VII 422, 440
 Нестор, летописец — II-1 216
 Нётцель К. — VI-2 512
 Нехао (Нехо II) — IV 464, 607
 Нечаев С. Г. — II-2 99, 460, 461; VI-3 402, 403, 408, 552; VIII 204, 337
 Никитин Афанасий — II-1 286
 Никифор Фока, имп. — IV 440, 489
 Никиш А. — VI-2 311, 360, 367, 389
 Никодим, еп. — VII 232
 Никодим, св. — I 293
 Николаевский Б. И. — II-1 20, 146, 147, 470; VII 585
 Николай I (Павлович) — II-1 124, 167, 482, 484; II-2 46, 99, 106, 252, 280, 286, 470; IV 532; V 328, 588; VI-2 49, 62, 87, 506, 507; VI-3 220, 232, 248, 253, 266, 286, 290, 291; IX-X 344
 Николай II — II-1 167, 188; II-2 104, 252, 280, 281, 469; IV 442, 553, 561, 606, 613, 614, 616; V 408, 416, 576, 582, 584, 588, 590; VI-2 508, 611; VII 585, 586; IX-X 192, 339, 344, 421, 424
 Николай Николаевич (Младший), вел. кн. — II-2 470; V 539, 540, 588
 Николай Николаевич (Старший), вел. кн. — II-2 470
 Николай Чудотворец, св. — V 330; VI-1 318, 319, 324, 325, 330, 372; VI-2 432, 546; VI-3 53, 54, 55, 132, 159
 Никольский Б. А. — II-2 389, 419; VI-2 478; VII 239; IX-X 322
 Никон (Минов Н.), патриарх — IV 531, 554; V 234, 257, 507; IX-X 165, 431
 Никон, архиеп. (Рклицкий) — V 590
 Нил Сорский, св. — V 546, 603; VI-2 433
 Нилус С. А. — III 564
 Ницше Ф. — I 290, 363, 377; II-1 71, 72, 154, 161, 451, 473; II-2 77, 214, 460; III 20, 418, 565; IV 13, 585; V 604; VI-2 176, 241, 276; VI-3 219, 222, 426, 427; VII 124, 125, 126, 219, 220, 283, 284, 287, 297, 298,

- 300, 301, 307, 590; VIII 376, 387; IX-X 36, 333, 334, 402
- Нишвитц — VIII 146; 337
- Нобель А.-Б. — VI-2 198
- Новалис (Ф. фон Харденберг) — III 200, 578; IV 516; VI-3 59, 167
- Новгородцев П. И. — I 7, 8, 14, 19, 362, 364, 367, 384; II-2 375, 377, 381, 387; IV 10, 213, 580, 584; V 247, 576; VI-3 186; IX-X 249-254, 438, 439
- Новиков, ком. деятель — VII 111
- Новицкий И. Б. — IV 588, 590
- Новоскольцев, художник — VI-2 606
- Ногин В. П. — II-2 209, 210
- Нодье, писатель — VI-2 276
- Ной, праведный — IV 595
- Нокс Д. — IV 515, 613
- Нольде Б. Э. — II-1 135, 136, 477
- Норманн (Норман) А. (Norman A.), псевд. И. А. Ильина — I 375; VII 203, 580
- Носке Г. — II-1 458, 478
- Нума Помпилий, царь — IV 466
- Ньютон И. — I 63, 372; II-1 51; III 444, 467; VI-1 96; VIII 539
- Обер А. — VI-2 605
- Обер Т. — I 30, 368; II-2 429; VIII 8
- Обрезка, казак — IX-X 444
- Оверлах Л. — VIII 331
- Овидий Назон — III 199; VI-1 340; VI-2 195, 263; VI-3 35, 206
- Огановский, публицист — VII 48
- Огарев Н. П. — IV 520
- Одоакр — IV 433, 600, 601
- Одоевский В. Ф. — V 446; VI-2 510, 646
- Октавиан Август, имп. — II-2 280, 442; IV 426, 431, 436, 439, 443, 460, 464, 468, 489, 533, 572, 598; V 229, 573; VI-1 97
- Олег, кн. — VI-2 497; VI-3 146
- Оленина-д'Альгейм М. А. — VI-2 307, 308
- Ольбрих, ком. деятель — VIII 256, 337
- Ольга Николаевна, вел. княжна — VII 47
- Ольга, св. — VI-2 497, 519; VI-3 146
- Ольгерд (Альгирдас) — VI-3 149
- Ольденбург С. С. — II-2 389, 419; IV 614; V 312, 584; IX-X 339, 427
- Ольденбург С. Ф. — V 584
- Ольдендорп И. — IV 580
- Омайяды — IV 439
- Орджоникидзе Г. К. (Серго) — II-2 209, 210, 245
- Ордин-Нащокин А. Л. — IV 489; IX-X 298, 444
- Орест, военачальник — IV 431, 600
- Ориген, учитель Церкви — I 307, 377
- Ориоль В. — II-2 201, 357, 468
- Орлов А. Г. — II-1 482
- Орлов В. Г. — II-1 482
- Орлов И. Г. — II-1 482
- Орлов Ф. Г. — II-1 482
- Орлов, свящ. — VII 232
- Осинский (Оболенский) В. В. — II-2 145
- Осипов М. — IX-X 167
- Ослябя (псевд. И. А. Ильина) — I 381, 393
- Ослябя, воин — V 307, 308, 368, 489, 499, 535
- Остаде А. ван — VI-1 134
- Остерман А. И. — IV 531; IX-X 344, 445
- Островский А. Н. — II-2 137; VI-1 121, 281
- Острогорский В. П. — VI-2 645

- Остроградский М. В. — VI-2 413
 Остроухов И. С. — VII 422
 Оттон (Оттон Сильный) — IV 437, 604
 Оттон I Великий — IV 435
 Оттон, сын Максимилиана II — II-2 276
 Офферманс В. — I 34, 369, 381; V 528, 602
 Охозия, царь — IV 437, 603
- Павел I — II-1 124, 295; II-2 98, 258, 280; IV 431, 442, 532; VI-2 175, 181, 505, 506; VI-3 290; IX-X 344
 Павел IV, римский папа — IV 611; V 320
 Павел Алеппский — VI-3 153
 Павел, ап. — I 77, 130, 131, 292-294, 347; II-1 392, 420, 473; II-2 150; IV 474, 482, 592; V 41, 208, 231, 250, 253-255, 259, 282, 322, 325, 326, 369, 370, 437, 438, 490, 498, 506, 510-512, 514, 516, 522, 563, 585, 595; VI-2 427, 436, 449, 542; VI-3 15, 16, 57, 97, 173; VII 310, 314, 320, 376; IX-X 354, 355
 Павел, пасынок Ф. М. Достоевского — VI-3 297, 298, 300
 Павелич А. — IV 441
 Павлов И. П. — VI-2 413
 Павлова К. К. — VI-2 650
 Павсаний, царь — IV 437, 562, 567, 602
 Пазухин А. М. — VI-2 169
 Пайоний, художник — VI-1 108
 Пален П. А. — IV 532
 Палестрина (Джованни Пьер Луиджи да) — VI-1 501
 Палладио, архитектор — VI-1 110
 Панаев И. И. — II-2 461
 Панин П. И. — II-1 414, 489
- Панина В. В. — VII 439
 Панина М. Р. — II-1 482
 Папен Ф. фон — VIII 331
 Парамонов, издатель — I 9, 364
 Параскева, св. — VI-2 422, 527, 662; VI-3 127
 Парвус А. Л. (Гельфанд) — II-2 36, 194, 196, 298, 452, 453; IX-X 426
 Парменид — III 53, 569
 Парни Э. — VI-3 219, 229
 Парэ А. — I 61, 371
 Паскаль Б. — II-2 381
 Пасманик Д. С. (Бен-Самуэли Д.) — V 298, 581
 Патрокл, св. — VI-1 128
 Паулюс Ф. — II-1 11, 12, 469
 Паустовский К. Г. — VI-1 537
 Пахомов Р. — II-2 167; IX-X 444
 Пашенко И. Г. — VI-3 535
 Пекин А. — IX-X 169
 Пепин Геристальский (Пепин Короткий) — IV 433, 439, 599, 601
 Пересвет (псевд. И. А. Ильина) — I 381, 393
 Пересвет, воин — V 307, 308, 368, 489, 499, 535
 Перикл — IV 518
 Перовская С. — IV 532; V 334
 Перон (Перрон) Х. Д. — II-1 90, 474; II-2 54, 456
 Перрон Э. — II-2 289
 Персей, царь — IV 437, 603
 Перуджино П. — VI-1 109, 121
 Песль Л. — VII 74
 Песталоцци И. Г. — VI-2 585, 619, 627; VIII 551
 Пестель П. И. — II-1 295; IV 520
 Петен А.-Ф. — II-2 171, 466; IV 461, 498, 607
 Петерс Я. Х. — V 359, 590
 Петлюра С. В. — VII 191
 Петр (Полянский П. Ф.), митр. Крутицкий, патриарший ме-

- стоблюстителъ — II-2 458; VII 234, 363, 588
- Петр I Великий (Петр Алексеевич) — I 135, 368; II-1 27, 65, 68, 69, 107, 115, 118, 124, 140, 155, 167, 259, 273, 295, 314, 316, 322, 357, 368, 369, 370, 372, 408, 442, 482; II-2 42, 106, 106, 110, 167, 186, 239, 257, 275, 276, 278, 283, 286, 405, 454, 469; IV 428, 464, 472, 481, 489, 490, 515, 536, 537, 551-553, 572, 600, 615; V 257, 258, 278, 301; VI-1 60, 97; VI-2 52, 53, 60, 73, 85, 175, 181, 184, 186, 191, 230, 232, 324, 388, 394, 478, 502, 503, 504, 544, 565, 584, 586, 593, 598, 649, 665; VI-3 151, 159, 160, 190, 233, 355; VII 333, 342, 387, 395, 400, 407, 408, 488, 495, 587, 589; IX-X 35, 257, 320, 330, 344, 388, 445
- Петр II — II-1 482; IV 597; VI-2 503
- Петр III — II-1 122; II-2 258, 280; IV 442, 532, 552, 600; VI-2 504, 505; IX-X 344
- Петр Федорович, лжецаревич — IV 531
- Петр, ап. — I 101, 293, 295; II-1 420; II-2 472; V 208, 231, 254-256, 259, 282, 328, 344, 365, 506, 511, 512, 514, 563; VI-2 427; VI-3 16, 56, 312, 320; VII 481
- Петр, митр. Московский — V 234, 507; IX-X 297, 443, 444
- Петражицкий Л. И. — IV 25, 172, 453, 586; VI-2 413
- Петрарка Ф. — III 199, 375; VI-1 232; VI-2 574
- Петрашевский (Буташевич) М. В. — VI-3 291, 348
- Петренко Н. — VII 578
- Петропавлов П. — V 485, 501, 601
- Печерин В. С. — II-2 255, 471
- Пешкова Е. П. — V 601
- Пигаль Ж. Б. — VI-1 89
- Пизарро — IV 505
- Пий IX — VI-3 350
- Пий XI — II-1 481; VII 588
- Пик В. — II-1 73; VIII 287, 337
- Пикассо П. — II-2 344; III 401, 451; VI-1 66, 411; VI-2 332, 592; VI-3 59, 199, 206
- Пилсудский Ю. — II-1 89, 252, 253, 474, 481; IV 533, 614
- Пилянкевич Н. И. — IV 582
- Пиндар, поэт — IV 467, 608
- Пиндемонти И. — VI-1 549; VI-2 657; VI-3 535
- Пирогов Н. И. — II-1 357, 394, 429, 489; VI-1 552; VI-2 413
- Пирр, царь — IV 437, 473, 603
- Писарев Д. И. — II-1 465, 489; II-2 137; V 580; VI-1 205
- Пифагор — III 569; VI-3 172
- Пиччино Н. — IV 565, 616
- Пияде М. — II-1 215, 480; II-2 126, 143, 463
- Плантагенеты — IV 602, 604
- Платон — I 8, 71, 209, 240, 317, 377, 397; II-1 115, 476; III 47, 53, 54, 132, 178, 411, 436, 544, 569-572, 575, 576, 580, 582, 583, 585; IV 266, 336, 479, 579, 593, 594; V 25, 238, 330, 562, 579; VI-1 96, 104, 147, 232; VI-2 427; VI-3 13, 14, 166, 172, 216, 501; VII 192, 446; VIII 373, 411, 474, 551; IX-X 251
- Платон, митр. — V 541
- Платонов С. Ф. — II-1 138, 250, 294; II-2 252, 471; IV 515, 531, 554, 613, 614, 616; VI-2 512; VII 378, 592
- Плеве В. К. — V 348, 356, 589

- Плевицкая Н. В. — II-1 475
Плетнев П. А. — VI-2 49, 80, 89, 645; VI-3 247, 254, 276
Плеханов Г. В. — II-1 131, 477
Плещеев А. Н. — II-2 319
Плещеев Л. — IX-X 428
Плиний Младший — IV 467, 608
Плотин — I 377
Плутарх — II-2 152; III 110, 485, 574; IV 438, 444, 473, 610; VI-2 573; VIII 372, 373, 448
По Э. — VI-1 275
Победоносцев К. П. — V 300, 502, 547, 582; VI-3 304, 397
Погодин М. П. — VI-2 75, 76, 83, 86, 644, 646; VI-3 247
Подолинский А. И. — VI-2 208, 650
Пожарский Д. М. — II-1 250; II-2 167; IV 531, 614; V 223, 257, 292; VI-2 231, 501; VII 495; IX-X 298, 299, 377, 444
Покровский И. А. — IV 203
Поле, ком. деятель — VIII 261
Полевой Кс. А. — VI-2 644
Полевой Н. А. — II-1 485; VI-2 52
Поленов В. Д. — VI-1 537; VI-2 203, 607; VII 422
Полетаев Н. М. — V 599
Полициано А. — VI-1 416
Поллайоло (Бенчи) А. дель — VI-1 416
Поллукс Юлий — I 191, 375
Половцева В. — III 570
Половцов П. А. (Половцев) — IV 523, 613
Полонский Я. П. — II-2 319
Полторацкая Т. М. — VI-3 523
Полторацкий Н. П. — I 29, 33, 35, 36, 361, 362, 365, 366, 368, 369, 377; III 563, 571, 581; IV 595, 617; V 479, 480, 543, 544, 546, 578, 594, 600-602; VI-2 640, 644, 646-650, 653, 654, 656, 657; VI-3 523, 527, 528; VIII 568
Польский М. А. — II-1 267; II-2 62, 458; VII 582
Полянов Н. — II-2 409
Помазанский М., протопресв. — V 593, 596, 597
Помещик (псевд. И. А. Ильина) — I 381, 389; V 538
Помпей Г. — IV 437, 533
Понтекорво Б. М. — II-2 337, 476
Понтий Пилат — I 293, 376; V 208, 283; VI-2 327; VI-3 16
Понтрягин Л. С. — IV 588
Попов И. В. — I 24, 309, 378
Попов М. М. — VI-2 645
Попов, жандармский чиновник — VI-2 82
Поппея — IV 468, 608
Поремский В. Д. — VI-2 660
Порсена, царь — IV 438; V 565; IX-X 419
Поселянин Е. — III 564
Поскребышев — II-2 210, 212
Поснов М. Э. — IV 609
Постник, зодчий — VI-2 603; VI-3 124
Потенба А. А. — VI-1 541; VI-2 413
Потемкин Г. А. — VI-2 598; VIII 132
Пракситель — I 209, 376; III 130
Прахов, искусствовед — VI-2 413
Преображенский Е. — VIII 332
Преображенский П. — I 378; V 566; VII 226
Прескотт В. — IV 444, 466, 505, 606
Прессель В. — VII 582
Пришвин М. М. — V 452, 487
Пров, монах — IX-X 431
Прозоровский, воевода IX-X 151, 155, 158, 160, 161

- Прокопий Кесарийский — II-1 312, 484
- Прокопович С. Н. — II-1 144, 145, 148, 478; VI-2 381
- Прокофьев С. С. — VI-1 66; VI-2 170, 592; VI-3 67, 186, 316, 499
- Протагор — III 582
- Пруденций, поэт — IV 469
- Прудон П.-Ж. — I 266; VI-3 465, 494; VII 74
- Пруст М. — VI-2 592; VI-3 59, 205
- Прянишников Б. В. — VII 601
- Псевдо-Маврикий, писатель — II-1 484
- Птолеми — IV 608
- Птоломей — I 57
- Пуанкаре А. — IV 588
- Публий Сириянин — I 117
- Пугачев Е. — II-1 124, 295, 314, 409, 413, 488, 489; II-2 96; IV 230, 541; V 294; VI-2 46, 51, 504, 533; VI-3 233; IX-X 211, 225, 354, 432
- Пуришкевич В. М. — II-2 231, 462, 469; IX-X 425
- Пулята Н. В. — VI-2 646
- Пухте, правовед — IV 587
- Пушкин А. С. — I 28, 35, 39, 59, 77, 93, 109, 117, 167, 168, 180, 187, 197, 206, 315, 326, 353, 370, 373, 376, 380, 383, 386, 399; II-1 62, 63, 65, 69, 83, 216, 322, 336, 357, 363, 372, 421, 472, 473, 485; II-2 70, 99, 108, 124, 147, 189, 244, 254, 257, 280, 311, 319, 323, 346, 380, 405, 410-412, 421, 434; III 230, 274, 305, 316, 337, 375, 402, 414, 432, 444, 453, 454, 457, 542, 578, 580-582, 583, 585; IV 509, 520, 526, 613; V 136, 257, 301, 455, 568; VI-1 54, 55, 57, 60, 69, 70, 76, 78, 79, 87, 88, 93, 99, 100, 102, 104-106, 111, 114, 115, 117, 121, 122, 128, 135, 137, 140, 143, 144, 147, 162, 166, 168, 169, 175, 180, 195, 198, 210, 232, 275, 293, 340, 341, 342, 359, 360, 377, 391, 393, 410, 414, 452, 454, 519, 534, 536, 545, 546, 548, 551; VI-2 12, 13, 33, 34, 37-39, 41-46, 48-51, 53, 55-96, 98, 100, 102, 105, 107, 133, 138, 140, 146, 154, 160, 211, 212, 215, 223, 228-231, 241, 242, 244, 263, 264, 271, 273, 292-299, 301-306, 308, 313, 315, 321, 323, 324, 330, 332, 336-338, 345, 347, 350-353, 357, 360-362, 364, 366, 385, 386, 394, 396, 410, 445, 454, 457, 464, 479, 488, 492, 495, 505, 561, 613, 635-637, 639, 640-646, 648, 653, 656, 659, 663; VI-3 35, 101, 103, 104, 191, 211, 213, 214, 216-239, 241, 247-250, 255, 257, 262, 266, 271-273, 276, 283, 304-306, 312, 313, 316, 327, 333, 336, 342, 354, 369, 393, 401, 406, 408, 432, 497, 499, 505, 506, 512, 517, 519, 534, 535, 539; VII 376, 384, 400, 409, 410, 437, 471, 594, 595, 599, 600; VIII 470, 471, 532, 560; IX-X 25, 31, 35, 214, 239, 254, 323, 327, 445
- Пушкин Л. С. — VI-2 49, 81, 645, 653
- Пушкин С. Л. — VI-2 73
- Пушкин, участник стрелецкого бунта — IV 531
- Пушкина Н. Н. — VI-2 642, 645

- Пушкина О. С. — VI-2 78
 Пушкин И. И. — VI-2 82, 645
 Пшебышевский С. — VI-3 202, 533
 Пюис-де-Шаванн, живописец — VI-1 123
 Пяст, основатель династии — IV 600
 Пясты — IV 431, 600
 Пятаков Г. Л. — II-2 245
 Пятницкий О. — VIII 79, 82, 109, 123, 126, 159, 220, 337
 Пятс К. — II-1 89, 474
- Рабинзон (Паукер) А. — II-1 215, 480
 Рабинович, ком. деятель — VII 44
 Рабинсон Ц. — II-1 480
 Равашоль (Кенигштейн Ф. А.) Л. Л. — II-2 463
 Радек (Собельсон) К. Б. — II-2 194, 468; V 578; VII 268
 Радишев А. Н. — II-2 404; VI-1 359; VI-2 55; VI-3 535
 Разин С. Т. — II-1 124, 295, 314, 409; II-2 78, 95, 96; IV 531, 541; V 257, 294; VI-2 79, 502, 535, 565; VII 426; IX-X 130, 133, 141, 145-160, 162-166, 169-171, 211, 213, 354, 427-432
 Разин Ф. — IX-X 430
 Разин, брат С. Т. Разина — IX-X 430
 Раифский, игумен — V 564
 Райс С. — II-1 480
 Ракоши М. — II-1 480; II-2 463
 Рамзес Великий, фараон — IV 468
 Рамо Ж. Ф. — VI-3 59
 Ранке Л. — IV 481, 610
 Раскольников Ф. Ф. — V 578
 Распутин Г. Е. — II-2 469; V 267; IX-X 191, 427
 Распутина М. Г. — II-2 469
- Растрелли В. В. — VI-3 63, 160
 Ратгауз Д. — VI-2 231
 Ратенау В. — II-1 481
 Рафаэль Санти — VI-1 110, 121, 133; VI-2 355
 Рахия, чекист — VII 419
 Рахманинов С. В. — I 32, 391; II-2 124, 374; VI-1 210, 534, 551; VI-2 138, 297, 311, 319, 387; VI-3 67; VII 418, 422, 425, 426, 440, 442, 443
 Рачинский Г. А. — I 14, 15
 Регельсбергер Ф. — IV 33, 586, 587
 Редлих Р. Н. — I 31, 36, 369; II-2 385; V 462, 599, 600
 Рейли С. — II-1 470; II-2 473
 Рейсдаль (Рюисдаль) Я. ван — VI-1 89
 Рейсин (Рейзман), ком. деятель — II-1 480
 Реклю А. — VI-3 465, 494
 Рем Э. — II-1 25
 Рембо А. — VI-2 276
 Рембрандт Н. ван Рейн — I 12; III 130, 412, 432; VI-1 106, 133; VI-2 353, 398
 Ремизов А. М. — I 35, 382; II-2 366, 390, 391, 421, 422, 425, 427; V 586; VI-1 111, 135, 136, 183, 188, 196, 271, 273-276, 278-283, 285, 287, 290, 292, 294, 297-301, 303-314, 316, 318, 320-322, 324-327, 330, 331-333, 350, 358, 368, 404, 405, 542, 543, 549, 555, 556; VI-2 114, 146, 155-157, 165, 355, 403, 648; VI-3 30, 316, 317
 Ремизова-Довгелло П. — VI-1 283
 Ренувье Ш. — I 7
 Рео Л. — VI-1 534
 Реомюр Р. А. — VII 582
 Репин И. Е. — VI-1 134; VI-2 562, 606; VII 418

- Репнин М. — IV 481, 515, 567, 612
 Репнин Н. Г. — VI-2 86
 Рессель, юрист — IV 421
 Рибанпьер Э. де — I 394
 Риббентроп И. — II-2 327, 328, 334, 475
 Ризенкамф А. Е. — VI-3 284
 Рильке Р. М. — II-1 465, 489, 548
 Риманы IX-X 191
 Римский-Корсаков Н. А. — III 457; VI-1 136, 137, 457, 472, 534; VI-2 90, 479; VI-3 35, 67; VII 421, 425, 428, 437, 441, 443
 Рихтер Ж. П. — VI-1 275
 Рицимер, предводитель — IV 431, 600
 Ричард II — IV 437, 604
 Ричард III — II-1 442; IV 437, 604; V 156, 568; VI-1 122; VI-3 401, 446
 Ричард Корнваллийский — IV 430
 Ричард, сын Кромвеля — IV 444
 Ричарды, короли — VI-2 91
 Ришелье А. Ж. дю Плесси — IV 489, 530
 Роберт Благочестивый — IV 471
 Роберт Фюльбер Шартский — IV 471
 Робеспьер М. — II-1 442; II-2 98, 153; III 486; IV 490; V 385, 394; VI-2 540; VI-3 219; IX-X 424
 Роден О. — III 444; VI-1 107, 132, 180; VIII 425
 Родичев Ф. И. — II-2 71, 459
 Розанов В. В. — V 267, 311, 429, 455, 458, 579, 584, 586, 599; VI-1 70, 297, 324, 546; VI-2 173, 440
 Розенберг (Розамяги) А. — II-1 400, 488; II-2 132, 176, 194, 259, 465
 Розенберги Э. и Ю. — II-2 336
 Розенгейм М. — VI-2 231, 233; VI-3 304
 Розов, проф. — II-1 422
 Рокоссовский К. К. — II-2 169, 465
 Рокотов Ф. С. — VI-1 537
 Роман IV Диоген — IV 598
 Романовы — II-2 470
 Ромул Августул — IV 431, 433, 600, 601
 Ромул, царь — IV 438
 Россет А. О. — VI-2 644
 Ростовцев М. И. — IV 546, 615
 Рубакин Н. А. — I 32; IX-X 446
 Рубенс П.-П. — VI-1 89, 93, 108, 123; VI-2 185, 347, 354, 398
 Рубинштейн А. Г. — II-1 301, 483; VII 435, 442
 Рубинштейн Н. Г. — II-1 301, 483
 Рудольф I Габсбургский — IV 430
 Рузвельт Ф. — II-1 151, 438, 439, 440; II-2 123, 126, 176, 224, 266, 325
 Румянцев П. А. — VI-2 598
 Руссель А. — IV 33, 586
 Руссо Ж.-Ж. — I 8, 266, 363, 397; II-1 81, 84, 224, 229, 378, 473; II-2 98; III 525; IV 113, 209, 590, 592, 593; V 238, 239; VI-2 585, 619, 627; VI-3 475, 494; VII 74, 405; IX-X 251
 Рутенберг П. М. — IX-X 422
 Рухимович, ком. деятель — VII 43, 44
 Рыбинский Н. З. — I 35, 369; II-2 375
 Рыков А. И. — II-2 210, 245; V 299, 578
 Рыков Б. — VII 35
 Рылеев К. Ф. — VI-2 247
 Рысаков Н. И. — IV 532
 Юрик, основатель династии — VI-2 497; VI-3 145, 146

- Рюрики — VI-2 496, 501, 519;
 VI-3 147
 Рябушинский В. П. — II-2 398
 Рязанов (Гольдендах) Д. Б. — II-1
 52; II-2 208, 210

 С. Г. — VI-2 635
 Сабашниковы М. В. и С. В. — I
 363
 Савва, поп IX-X 169
 Савелий, лжецаревич — IV 531
 Савинков Б. В. (псевд. — Роп-
 шин) — I 25; II-2 169, 236,
 465, 473; V 334, 335, 587;
 VI-2 172
 Савиньи Ф. К. фон — IV 580,
 587
 Савицкий П. Н. — VI-1 541
 Савонарола Дж. — I 319, 379; II-1
 115, 476; II-2 66, 67; VI-1 94,
 416, 441, 546; VI-2 185, 473,
 662
 Саврасов А. К. — VI-1 537
 Сад де, маркиз — II-2 378
 Садовская О. О. — VI-2 393; VII
 415, 425, 439
 Садовский П. М. — VI-2 393
 Сазонов (Созонов) Е. С. — V
 356, 357, 589
 Саип-Гирей, хан — II-1 137
 Сакко Н. — II-2 336, 475; VIII 34
 Сакс Г. — VI-1 482
 Салаевы, издатели — IV 588
 Салазар А. ди О. — II-1 89, 90,
 458, 474; II-2 54, 455
 Салтыков А. А. — II-1 65; II-2
 251, 252, 470; VII 51
 Салтыков П. С. — VI-2 504; VII
 374, 591; IX-X 388, 445
 Салтыков-Щедрин М. Е. — IV
 520; IX-X 418
 Салтыковы — IV 531
 Сальери А. — II-2 411, 412; VI-1
 98; VI-2 89-105, 107, 108, 305,
 349, 646; VII 441
 Самарин А. Д. — II-2 231, 469
 Самарин И. В. — VI-2 393
 Само, кн. — IV 428, 599
 Самойлов, артист — VI-2 393
 Самсонов А. В. — II-2 174
 Самуэли Т. — II-2 463
 Санд Ж. — VI-3 301
 Санкец (Санкез) Т. — II-1 393,
 487; V 201; VII 404
 Сарагат Д. — II-2 203, 468
 Сарнисия С. — VI-3 153
 Сарто А. дель — VI-1 110
 Саул, царь — VI-3 102
 Сафа-Гирей, хан — II-1 137
 Сафо, поэтесса — VI-3 199, 206
 Сафонов В. И. — VI-2 291; VI-3
 500
 Сахаров А., еп. — II-2 458
 Сахат-Муратов, ком. деятель —
 II-2 211
 Свенцицкий В. П. — V 546, 548,
 585
 Свердлов Я. М. — IV 532; VII
 202, 203; VIII 21, 22, 338
 Светоний Г. Т. — II-1 442; II-2
 239; III 110, 574; IV 438, 438,
 444, 468, 473, 605
 Свидерский А. И. — VII 52
 Свитков Н. — IV 613
 Святополк I Окаянный — IV
 441, 606
 Святополк II Изяславич — II-1
 246; IV 606; VI-2 498
 Святослав I — II-1 402; VI-2 497;
 VI-3 146, 147
 Святослав, брат свв. Бориса и
 Глеба — IV 441
 Святослав, сын Ярослава Муд-
 рого — VI-2 519; VI-3 148
 Себастьян, св. — VI-1 421
 Северянин Игорь (Лотарев И. В.)
 — II-2 320; VI-1 70
 Сегантини Д. — III 581; VI-3 59;
 VIII 408, 571
 Сегюр, граф — VII 386

- Седекия, царь — IV 437, 603
 Седых, публицист — II-1 438
 Сезанн П. VI-1 538
 Секст Проперций — III 583; VIII 571
 Секст Эмпирик — V 136, 567, 568
 Селиверстов Ю. И. — I 35
 Семенов Г. М. — II-2 168, 465, 470
 Семирадский Г. И. — VI-2 185
 Сенека Л.-А. — I 317; IV 438, 438, 605; V 44, 560, 564
 Сен-Симон К.-А. де Рувруа — VI-3 334
 Сен-Том, переводчик — VI-2 511
 Серафим (Лукиянов), митр. — II-1 96, 475
 Серафим Роуз, иеромонах — III 579
 Серафим Саровский, св. — I 325, 379; II-1 65, 362; III 243, 346, 516, 554, 579; V 234, 312, 507; VI-2 433, 437, 439; VI-3 29; VII 488; VIII 530
 Сервантес С.-М. де — VI-3 247
 Сервет М. — II-2 67
 Ссрвий Туллий, царь — IV 438
 Сергеевич В. И. — II-1 250; IV 431, 436, 505, 600; VI-2 413, 512
 Сергеев-Ценский С. Н. — V 453, 487
 Сергей Александрович, вел. кн. — II-2 104, 462; IV 442, 606; V 356, 589, 590; IX-X 344
 Сергей (Воскресенский), митр. — II-2 60, 458; VII 366
 Сергей (Орлов С. И.), свящ. — I 394, 399; II-2 411; VII 582
 Сергей (Страгородский И. Н.), патриарх — II-2 458; VII 234, 363, 364, 365, 366; 588, 589
 Сергей Радонежский, св. — I 378; II-1 107, 216; IV 549; V 219, 234, 256, 259, 285, 306, 308, 309, 312, 434, 489, 499, 504, 507, 512, 515, 580; VI-1 393, 395; VI-2 437, 438, 543; VII 488, 495; IX-X 257, 297
 Серов А. Н. — VII 421, 441
 Серов В. А. — VI-3 66; VII 418, 422, 424-426, 436, 440
 Сигизмунд III — II-1 249, 294
 Сигизмунд Малатеста — II-2 153; III 485, 585
 Сид Кампеадор (Родриго Диас де Бивар) — VI-2 404
 Сидень Лоу — IV 421; VII 499
 Сийес Э. Ж. — II-1 442
 Сикиона, царь — IV 467
 Сильвестр, свящ. — IV 549; VI-2 543
 Сим, сын Ноя — IV 595
 Симеон Великий, царь — IV 489
 Симеон Владимирский — I 5, 361
 Симеон Гордый — VI-2 499
 Симеон Новый Богослов, св. — I 24; VI-2 433
 Симеон Столпник, св. — III 247, 579; VI-3 13, 525
 Симеон, архиеп. Солунский — IV 469
 Симеон, лжецаревич — IV 531
 Симмах, философ — IV 492
 Симон, волхв — I 292; II-2 292, 472
 Симонид Кеосский — III 571; IX-X 442
 Синайский В. И. — I 266
 Синани Е. А. — VI-1 556
 Синичкин П. (псевд. И. А. Ильина) — II-1 470
 Синклер Э. — VIII 133, 338
 Синьорелли Л. — VI-1 133, 134; VII 369
 Сирах, свящ. — VI-2 83
 Склодовская-Кюри М. — II-1 488
 Скобелев М. Д. — II-1 273, 482

- Скоблин Н. В. — II-1 96, 223, 475
- Сковорода Г. С. — V 446, 596
- Скопин-Шуйский М. — II-2 167; VI-2 60
- Скотт В. — VI-1 188; VI-2 561; VI-3 247
- Скрыпник Н. А. — V 578
- Скрябин А. Н. — VI-1 66, 68, 70, 87, 109, 110, 121, 411; VI-2 170, 295, 344, 354; VI-3 67
- Скуратов Малюта (Скуратов-Бельский Г. Л.) — I 379; II-1 487; II-2 469; IV 571, 617; V 156, 568; VI-2 606; IX-X 443
- Сланский (Зельцман) Р. — II-1 480
- Случевский К. К. — VI-3 538
- Сметона А. — II-1 89, 474
- Смидович П. Г. — VII 235
- Смирнов Е. — II-1 486, 487
- Смирнов Н. М. — VI-2 646
- Смирнова-Россет А. О. — VI-2 87, 646; VI-3 276
- Снегирев И. М. — II-2 97, 460
- Собинов Л. В. — VII 420
- Соболевский С. А. — VI-2 645
- Соковнин, участник стрелецкого бунта — IV 531
- Соколов Б. Н. — VII 38
- Соколов В. В. — III 570
- Соколов, свящ. — VII 232
- Сократ — I 17, 19, 20, 39, 111, 119, 120, 130, 317, 374; II-1 259; II-2 186; III 49, 50, 53, 54, 75, 78, 110, 368, 444, 448, 504, 554, 566, 570-572, 575, 582; IV 210, 229, 406, 413, 593, 594; V 164, 401, 562; VI-1 549, 552; VI-2 103, 108; VI-3 176, 216, 369, 462, 555; VII 446; VIII 373, 419, 424, 428, 523, 551, 560; IX-X 217, 254, 418, 442
- Солженицын А. И. — V 470, 600
- Соллогуб В. А. — VI-3 275
- Соловьев Б. Н. — II-2 233, 469, 470
- Соловьев Вл. С. — I 6, 24; V 8, 25, 325, 367, 380, 390, 398, 405, 414, 415, 416, 417-419, 422, 423, 443, 446, 447, 493, 494, 535, 560, 561, 579, 595, 596, 598, 599; VI-1 541; VI-2 22, 312, 315, 440, 457; VI-3 304; VII 590
- Соловьев Вс. С. — VI-1 338
- Соловьев М., публицист — II-2 212
- Соловьев С. М. — II-1 138, 250, 394, 410, 429, 489; IV 493, 505, 513, 531, 612, 614; V 234, 256, 463, 507; VI-2 413, 477, 495, 511; IX-X 139, 146, 214, 430, 437
- Сологуб (Тетерников) Ф. К. — I 156; II-1 361; II-2 320; V 586; VI-1 276, 291, 292; VI-2 212, 218, 223, 224, 246, 271
- Соломон, царь — IV 492, 612; VI-1 217, 218; IX-X 436
- Солон — IV 608
- Солсбери, граф. — IV 528
- Сольц А. А. — VIII 238, 338
- Сомов К. А. — VI-1 108, 133, 134; VI-2 354, 605
- Сорин, художник — VI-1 106; VI-2 353
- Сосницкий И. И. — VI-2 393
- Сот, иезуит — II-1 393; V 201; VII 404
- Софийский Л. И. — VI-2 645
- Софокл — VI-1 59, 77, 187, 340; VI-2 91, 324; VI-3 205, 216
- Софья Алексеевна, царевна — II-1 295; IV 428, 531, 599; VI-2 492, 502; VI-3 190
- Софья Палеолог — V 604; VI-2 500
- Спартак — II-2 215

- Спартиан, историк — IV 473
 Спекторский Е. В. — I 292
 Сперанский В. Н. — I 8, 363; V 525
 Сперанский М. М. — II-1 273, 322, 323, 482; II-2 280, 379, 405; IV 531; VI-2 413, 506; VI-3 266, 443, 447, 451; VII 339, 409
 Спиноза Б. — I 82; III 44, 50, 53, 54, 78, 263, 568, 570, 572, 580; IV 7, 12, 14, 42, 112, 583, 588; V 597; VI-3 25, 177, 369, 533
 Срезневский И. И. — VI-2 413
 Ставицкий (Ставиский) А. — II-2 36, 194, 452
 Сталин (Джугашвили) И. В. — II-1 11, 44, 52, 77, 90, 144, 145, 151, 153, 254, 279, 463, 469; II-2 61, 76, 170-172, 204, 209-211, 218, 222, 226, 239, 243, 298, 304, 454, 463, 465; IV 566; V 250, 479, 578; VI-2 574; VII 119, 196, 210-213, 265, 297, 300, 348, 349, 353; VIII 32, 44, 49, 50, 55, 57, 193, 308, 313, 332, 333, 338
 Станислав Лещинский — IV 437, 602, 603
 Станиславский (Алексеев) К. С. — I 364; VI-1 123, 180, 194, 309; VI-2 290, 393, 659; VII 426, 446, 447
 Станиславский, ком. деятель — VIII 290
 Старцев О. — VI-3 159
 Старый Политик (псевд. И. А. Ильина) — I 381, 384-386
 Стеклов Ю. М. (Нахамкис) — V 389, 394, 593
 Стенька, казак — IX-X 444
 Степун Ф. А. — I 29; V 276, 446, 449, 485, 496, 503, 517, 519-521, 523, 527, 543, 580
 Стессен — II-2 54
 Стефан Душан — IV 489
 Стефан Пермский, св. IX-X 297, 442
 Стефан, игумен — III 580
 Стефан, римский папа — IV 439
 Столыпин П. А. — I 265, 276, 368, 376, 390; II-1 69, 84, 132, 167, 259, 270, 282, 323, 401, 446, 473; II-2 54, 96, 101, 104, 231, 267, 280, 315, 457, 469; IV 489, 520; V 359, 377; VI-2 409, 508, 509; VII 62, 338, 410, 488; IX-X 330, 336, 340
 Страбон — IV 467, 608
 Стравинский И. Ф. — VI-1 66, 70, 107, 411; VI-2 170, 353; VI-3 67, 186, 316, 499
 Страхов Н. Н. — VI-3 302, 303, 539
 Струве Г. П. — V 542
 Струве П. Б. — I 11, 14, 29, 365, 367, 395; II-1 477; II-2 37, 146, 373, 374, 412, 453, 470; III 578; V 229, 230, 234, 236, 289, 294, 298, 302, 306-311, 337, 338, 340-342, 375, 376, 401, 452, 481, 485, 487, 489-492, 499, 500, 503, 524, 528, 537, 542, 543, 546, 562, 563, 572, 573, 583, 584, 590-592, 594; VI-1 543, 544; VI-2 413; IX-X 281, 435, 438-440
 Струцкий, камер-гусар — IV 561
 Стшиговский Й. — VI-3 108, 119, 530
 Стюарты — VI-3 524
 Суарец (Суарес) Ф. — II-1 393, 487; V 562
 Суарец, публицист — IV 582
 Суворин Б. А. — V 341, 498, 588
 Суворов А. В. — II-1 27, 65, 108, 140, 314, 322, 357, 364, 394; II-2 167, 186, 405; IV 348, 536; VI-2 393, 394, 485, 505,

- 593, 598, 619, 666; VII 335, 374, 409, 415, 446, 488, 495; IX-X 327, 368, 388
- Суворов М. Н. — II-2 170
- Сувчинский П. П. — VI-1 279
- Судковский, художник — VI-2 387
- Сулла К. Л. — IV 533, 538, 614; VI-2 103; VII 81, 150, 190; VII 578
- Сунь Ятсен, жена Сунь Ятсена — VIII 133, 338
- Сунь Ятсен — II-2 200
- Суперфин Г. — IX-X 446
- Суриков В. И. — VI-1 109, 121, 134; 537
- Сусанин Иван — VII 421, 442; IX-X 299
- Сулова А. П. — VI-3 298
- Сухомлинов В. А. — II-2 231, 232, 469; VII 587; IX-X 125, 426
- Сухотин Н. Н. — II-1 123, 410, 477; VI-2 22, 478, 638; VII 454
- Сфорца Галеаццо Мария — III 585; IV 565
- Сфорца Миланские — IV 565, 616
- Сфорца Франческо — IV 565
- Схарий, еретик — V 604
- Сцевола Муций Гай — V 52, 565; IX-X 32, 419
- Сыровы Я. — II-2 36, 168, 453
- Сытин И. Д. — II-1 133
- Сю Э. — VI-3 284
- Таганцев Н. С. — II-1 301, 483; VI-3 304
- Тайдула — VI-2 537; IX-X 443
- Тальбот-Райс, художник — VI-1 535
- Тамерлан, полководец — II-1 137; VI-2 499; VIII 328
- Танеев С. И. — VI-1 510; VI-3 499
- Тарасов Н. П. — I 27
- Тарасова Н. — II-2 321, 404-406, 474
- Таратута Е. — II-2 298
- Тарквиний Гордый — IV 438
- Тарквиний Приск — IV 438
- Татиан, апологет — I 309, 377; V 83, 566
- Татищев И. Л. — IV 561, 616
- Татьяна Николаевна, вел. княжна — VII 48
- Татьяна, св. — II-2 411
- Тафт У. Х. — II-2 54, 455
- Тацит — II-1 442; II-2 239; IV 473, 564; VI-2 496
- Телегин, свящ. — VII 232
- Тель Вильгельм — VI-2 627
- Тельман Э. — II-2 194, 467; VIII 68, 78, 80, 82, 84-87, 103, 104, 106, 107, 109, 270, 286, 338
- Теляковский В. А. — VII 448, 599
- Телятевский А., кн. — IV 531
- Тентелис, проф. — II-2 415
- Теньер, художник — VI-2 398
- Теодор Корсиканский (Нейгоф Т. фон) — IV 437, 603
- Теодорих Великий — IV 491, 492
- Теотокопули-иль-Греко — VI-1 123
- Тереза Авильская, католич. св. — VI-3 533
- Терещенко М. И. — II-1 147
- Тертуллиан К.-С.-Ф. — I 309; IV 470, 609; V 208, 246, 251, 283; VI-2 651, 660
- Тиберий — II-1 442, 449; II-2 153, 238, 283; III 485; V 570; VI-1 217
- Тигеллин, временщик — IV 519, 613
- Тик Л. — VI-1 275
- Тимашев Н. С. — II-1 145-148, 478; II-2 419

- Тимирязевы — VI-2 84
Тинторетто (Робусти) Я. — VI-1 123, 133
Тит Ливий — IV 466, 608
Тит, ап. — V 254, 511
Тито (Броз Тито) И. — II-1 74, 75, 90, 215, 346, 475, 480; II-2 54, 126, 143, 144, 170-173, 333, 337, 389, 456, 466
Титтель, ком. деятель — VIII 66, 338
Тихомиров Л. А. — IV 551, 615
Тихон (Беллавин), патриарх Московский — II-1 388, 475; II-2 313; V 300, 582; VII 234, 276, 304, 575, 582, 588
Тихон Берлинский (Лещенко), еп. — V 236, 378, 524, 528, 573
Тихонравов Н. С. — I 6
Тициан (Тициано Вечеллио) — VI-1 108; VI-2 185, 354
Толет Ф. — II-1 393, 487; V 201; VII 404
Толстая С. А. (Берс) — VI-3 483
Толстая А. Л. — VI-3 480
Толстой А. К. — I 92, 93, 117, 182, 373, 380; II-1 33; II-2 70, 272, 319, 322, 323, 342, 357, 472, 474; III 399, 436, 584; IV 458, 499, 567, 568, 607, 612, 617; V 35-37, 338; VI-1 55, 76, 80, 110, 147, 293, 338, 340, 410; VI-2 91, 110, 140, 200, 205, 225, 233, 243, 245, 249, 250, 254, 304, 334, 338, 355, 385, 394, 445, 457, 483, 561; VI-3 101, 188, 191, 316, 502, 533
Толстой А. Н. — VI-1 86, 111, 547; VI-2 344, 355, 385
Толстой Л. Н. — I 12, 33, 127, 211, 277, 296, 364, 399; II-1 108, 274, 295; II-2 70, 288, 311, 412, 472; III 308, 455; IV 217; V 25-27, 42, 48, 54-56, 59, 64, 80, 81, 83, 85, 88-90, 93-95, 98-100, 102, 104, 110, 111, 113, 114, 117-119, 224, 233, 246, 248, 251, 268, 271-275, 285, 289, 290, 295, 297, 306, 313-315, 332, 334, 344, 345, 351, 369, 370, 372, 378-380, 385, 387, 397, 407-410, 413, 414, 423, 425, 426, 443, 444, 446, 458, 460, 467, 471, 483, 492, 499, 501-504, 512-515, 517, 518, 521, 526-528, 530, 534, 547, 562, 563, 565-567, 579, 588, 591, 594; VI-1 106, 110, 135, 136, 188, 195, 198, 200, 205, 210-218, 220, 221, 237, 241, 243, 244, 263, 293, 313, 332, 344, 346, 356, 360, 364, 381, 410, 411, 534; VI-2 60, 91, 96, 118, 138, 153-155, 160, 163, 170, 353, 355, 385, 387, 396, 398, 403, 432, 438, 440, 443, 445, 450, 457, 458, 494, 526, 613, 616, 650; VI-3 21, 30, 82, 98, 101, 129, 191, 202, 204, 275, 310, 316, 341, 362, 401, 428-470, 472, 474-476, 478-483, 486, 488-497, 554-556; VII 64, 376, 377; VIII 513, 572; IX-X 8, 26, 31, 35, 36, 347, 375, 418
Толук Ф. А. — I 143; II-1 485
Тольятти П. — II-1 73-75; II-2 194, 467
Томазий К. — IV 580
Томский (Ефремов) М. П. — II-2 210; VII 246
Торез М. — II-1 73-75; II-2 194, 467
Торквемада — V 276, 300, 358, 385, 394
Тотлебен Э. И. — VI-3 538
Тохтамыш — II-1 137
Траханиотов П. — IX-X 428

- Траян — I 377; IV 489, 572, 573; V 563
- Тредьяковский В. К. — II-2 318, 473; VI-1 99; VI-2 97, 349
- Трельч, теолог — VI-2 461
- Третьяков П. И. — II-1 273, 483
- Троицкая, домовладелица — IX-X 250
- Тропинин В. А. — VI-1 537; VII 409
- Троцкий (Бронштейн) Л. Д. — II-2 123, 204, 208; V 479, 577; VII 229, 377; VIII 44, 54, 171, 280, 332, 339; IX-X 189, 426
- Трубецкие — VI-1 210; VI-2 457, 495
- Трубецкой Г. Н. — V 582
- Трубецкой Е. Н. — I 7, 8, 14-16, 19, 362, 363, 365, 384; II-2 375; V 446, 542, 597, 598; VI-1 547; VI-2 457, 495, 513, 662; VI-3 494, 556; IX-X 235, 242, 247, 254, 438
- Трубецкой П. — VI-1 122; VI-2 604
- Трубецкой С. Е. — VII 29
- Трубецкой С. М. — IV 531
- Трубецкой С. Н. — I 12; II-1 429, 489; II-2 149, 464; III 52; V 597; VI-2 457; VI-3 556
- Трумэн Г. — II-1 348; II-2 52, 54, 126, 172, 175, 176, 261, 266, 325, 329, 333, 455; III 568; IV 504, 612; V 560
- Труффи И. А. — VII 436, 598
- Тулл Гостилий — IV 438
- Тургенев А. И. — VI-2 58, 84, 646
- Тургенев И. С. — I 86; II-1 108; II-2 70, 100, 113, 251, 461, 462; IV 520; VI-1 60, 111, 122, 135, 136, 174, 188, 210, 211, 232, 237, 287, 310, 313, 346, 356, 369, 374, 376, 377, 537; VI-2 96, 142, 154, 355, 369, 445, 457, 458, 494; VI-3 30, 189, 191, 203, 211, 286, 354, 362, 402, 403, 436, 440, 441, 445; VI-3 257, 258; VII 410
- Тургенев, воевода — IX-X 157
- Тутанхамон — VI-2 175
- Тутмос I — IX-X 386
- Тучков (Сучков) П. А. — VII 434
- Тьеполо Д. Б. — VI-1 93, 123; VI-2 398, 600; VI-3 259
- Тьер А. — IV 490, 611
- Тэкер (Таккер) Б. — VI-3 465, 494
- Тэнн И. — IV 435, 459, 547, 602
- Тютрюмов И. М. — II-1 301, 483
- Тютчев Ф. И. — I 60, 87, 180, 181, 371-373; II-1 106; II-2 70, 124, 189, 231, 311, 312, 319, 323, 462; IV 520; VI-1 55, 59, 66, 76, 92, 112, 128, 129, 135, 137, 144, 145, 171, 210, 403, 406, 409, 451; VI-2 12, 37, 39, 100, 107, 138, 140, 170, 206, 220, 221, 233, 248, 250, 294-298, 302, 303, 319, 321, 346, 351, 356, 387, 431, 457, 637, 639, 641, 650, 651, 656; VI-3 206, 518, 519, 528; VII 378; IX-X 31
- Тютчева А. Ф. — II-2 118, 462
- Уайльд О. — VI-1 122
- Уайт В. Ф. — II-2 261
- Уваров С. С. — V 588, VI-2 75
- Угланов Н. А. — II-2 210, 211; VIII 54, 279, 338
- Удегей — VI-2 533
- Уланд Л. — VI-1 155, 156, 157, 160, 161; VI-3 73, 528
- Улу-Махмет — II-1 137
- Ульбрихт В. — VIII 79, 97, 109, 116, 126, 205, 266, 271, 338
- Ульманис К. — II-1 89, 117, 474; IV 533, 614

- Ульянов А. И. — I 27; II-1 483; IX-X 344, 430
 Ульянов И. Н. — II-1 483
 Ульяновы — I 27
 Умов Н. А. — V 597
 Унковский, воевода — IX-X 155
 Унтерберг, генерал-губернатор — II-2 231
 Уншлихт И. С. — V 250, 577, 578
 Уоллэс Г. Э. — II-1 42
 Урбан II — II-1 135, 478
 Урицкий М. С. — II-2 236; V 588
 Урия, военачальник при войске Давида — VI-3 56
 Усатов Д. А. — VII 421, 429, 434, 439, 597
 Успенский Г. И. — II-1 282, 465, 489; VI-1 205
 Устинов В. М. — IV 588, 590
 Устрялов Н. В. — II-1 223, 480
 Устрялов Н. Г. — VI-2 512
 Уткин Н. И. — VI-2 77
 Ушинский К. Д. — II-1 394
 Уэльский, принц — IV 528; VI-2 583
- Ф. С. (Ф. Стогов, псевд. Пильского П. М.) — V 457, 485, 491, 512, 599
 Фальк, представитель УНРРА — II-1 147
 Фатимиды — II-1 477
 Федин К. А. — V 452, 487
 Федон — III 570, 575
 Федор Алексеевич, царь — VI-2 502, 584
 Федор Иоаннович, царь — II-1 137; IV 551; VI-2 501; VI-3 65, 103
 Федор, лжецаревич — IV 531
 Федоров В. — IX-X 169
 Федоров Н. Ф. — V 597
 Федорова-Вторая С. В. — VI-2 367
- Федотов Г. П. — II-1 167, 215, 217, 227, 449, 479; II-2 253, 471
 Федотова Г. Н. — VI-2 393
 Федька, казак — IX-X 432
 Федя-навозник — VI-3 86
 Фейербах Л. — VII 224, 297; IX-X 334
 Фекла, св. — VI-3 126
 Фельдман, чекист — V 577
 Фемистий — IV 573
 Фемистокл — II-1 481; III 574
 Фенелон Ф. — IV 595; VI-3 9, 524
 Фенин А. И. — IX-X 439
 Феодор Мопсуэстийский — IV 609
 Феодор Стратилат, св. — VI-2 545, 664
 Феодорит Кирский — IV 609
 Феодосий I (Великий Флавий) — IV 439, 572, 605; V 570
 Феодосий Печерский, св. — V 145, 227, 234, 256, 293, 476, 484, 568; VI-3 152; VII 488; IX-X 258, 440
 Феодосий, св. — II-1 421
 Феофан (Прокопович), митр. — IV 548, 615
 Феофан Затворник, свт. — I 24, 41, 49, 370; II-1 357; III 564, 580; V 372; VI-1 95; VI-2 433, 436, 453
 Феофано, жена Никифора Фоки — IV 440
 Фердинанд II — V 604
 Ферра, ком. деятель — VIII 297, 339
 Ферранте Арагонский — II-2 153; III 485, 585
 Ферреро Г. — II-1 118, 121, 296, 477
 Фест Г. — VIII 24
 Фет (Шеншин) А. А. — I 353; II-2 319; III 441, 584; VI-1 137, 147, 166, 210; VI-2 296, 298, 302,

- 303, 361; VI-3 431, 443, 444, 517, 528
- Фехнер Г. Т. — I 63, 86, 372; III 291, 305, 444. 529, 581; VI-1 96; VI-2 428; VIII 539, 551
- Фидий — VI-1 132
- Фидлер К. — VI-3 230, 406, 558
- Филарет (Дроздов), митр. Московский — I 6, 315; II-1 108, 476; II-2 380; V 233, 234, 320, 506, 507, 573; VI-3 95
- Филарет (Романов), патриарх — V 257, 573; VI-2 501; VII 501; IX-X 297; 443
- Филипп (Кольчев Ф. С.), митр. — I 321, 379; II-1 388, 487; II-2 231, 469; IV 515; V 234, 507, 568; VI-2 543, 606, 666; IX-X 297, 443
- Филипп II — IV 442, 444, 491, 611
- Филипп II Август — IV 435, 599
- Филипп IV Красивый — IV 435, 440, 599
- Филипп Великодушный — IV 529
- Филипп Македонский — VI-2 475, 496
- Филипп Мария Висконти — II-2 153; III 485
- Филипп шведский — II-1 249
- Филиппов Т. И. — VI-3 304; VII 421
- Философов Д. В. — II-2 169, 465; VI-2 172, 649
- Фихте (Старший) И. Г. — I 11, 128, 366, 383, 397, 398; II-2 257, 366, 389, 410, 415; III 43, 49, 53, 54, 78, 218, 566-568, 572; IV 13, 14, 564, 584; V 384, 386, 387, 392, 460; VI-2 660; VI-3 172, 176, 213; VII 117, 300; VIII 560; IX-X 36, 334
- Фишер К. — IV 12, 584
- Фишер Р. (Айслер Э.) — VIII 49, 73
- Флавий Веспассиан — IV 604
- Флах Ж. — IV 599
- Флери де, аббат — IV 599
- Флетчер Д. — IX-X 139, 429
- Флобер Г. — VI-1 57, 108, 109, 145, 150, 169, 180, 275, 548; VI-2 323; VI-3 15, 203, 272, 354, 525
- Флоренский П. А. — I 378; V 534, 579, 597, 602
- Флоровский Г. В. — VI-1 542
- Фок Е. И. — VI-2 645
- Фока, имп. — IV 439, 440, 551
- Фока-Угодник — VI-1 228, 229
- Фома Аквинский — I 121; II-1 487; IV 579; V 382, 565, 570, 592
- Фома Кемпийский — VI-2 427
- Фондаминский (Бунаков) (Фундаминский) И. И. — II-1 131, 477; II-2 101, 461
- Форд, негр — VIII 264, 339
- Фосс К. А. — VII 600
- Фотий, патриарх — II-1 486
- Фра Беато Анжелико — VI-1 108, 360; VI-2 295, 302, 354; VI-3 206
- Фра Филиппо Липпи — VI-1 416, 419
- Франк С. Л. — II-2 373; III 7, 564; V 401, 525, 538, 544, 545, 591, 592, 597, 600
- Франклин Б. — VII 88
- Франко Б. Ф. — II-1 89, 90, 260, 474; II-2 54, 329, 455
- Франс А. — VI-1 188, 275; VI-2 175
- Францева Е. Д. — VI-2 646
- Франц-Иосиф, имп. — VI-2 583
- Франциск I — IV 431, 571, 601
- Франциск Ассизский, св. — III 389, 564, 583; V 156, 568; VI-1

- 134; VI-2 103; VI-3 95, 529;
VII 395; VIII 560
- Франча Ф. — VI-1 121
- Фрейд З. — I 157; III 53, 570; V
561; VI-1 27, 544; VI-3 530
- Фрейзер Д. Д. — IV 605
- Фридрих I Барбаросса — IV 600
- Фридрих II Великий — II-1 26;
II-2 239; III 110, 575; IV 464,
481, 554, 561, 607; VI-1 89;
VI-2 460, 504; VII 123, 374,
446, 591; IX-X 327
- Фридрих II Прусский — III 526;
IV 481, 490; VI-1 97
- Фридрих II Штауфен — IV 600
- Фридрих Вильгельм Бранден-
бургский — IV 490
- Фрунзе М. В. — V 299; VII 419
- Фрязинов, свящ. — VII 232
- Фукар П. — IV 438, 605
- Фукидид — IV 562, 564, 616;
VI-2 228; VIII 448; IX-X 218,
437
- Фукс К. — II-1 399, 488; II-2
337, 476
- Фурман Е. — VI-1 89
- Фурье Ш. — VI-3 286, 334
- Фюльбер Шартрский (Фульхерий
Шартрский) — IV 609
- Хайнц Харбах — VII 575
- Халафов К. М. — I 18
- Халле Ф. — VIII 332, 339
- Халлер А. (Галлер) фон — I 62,
371; VI-1 96
- Хам, сын Ноя — IV 329, 595
- Ханслик Э. — VI-1 94; VI-2 98,
294, 347, 655; VI-3 499, 556
- Харальд, король — VI-2 520
- Харитонов М. — IX-X 168, 169
- Харламов, скульптор — VI-1 132
- Харнак (Гарнак) А. — VI-2 461
- Хартман (Гартман) Э. фон — VI-1
219, 549
- Хвостов А. Н. — II-2 470
- Хеббель К. Ф. — VI-3 35
- Хёглунд, ком. деятель — VIII 119
- Хельмсдорфер — VI-2 461
- Хёльц М. — VIII 339
- Хёч, проф. — II-2 252
- Хилков, воевода — IX-X 150, 151
- Хильдерих III (Меровинг) — IV
439, 605
- Хинкмар, министр — IV 433, 601
- Хинчин А. Я. — I 367
- Хисс А. — II-1 488; II-2 261
- Хитров С. Д. — VII 268
- Хитрово Я. — IX-X 169
- Хлодвиг, король — IV 473, 610
- Хмельницкий Б. М. — VI-3 155
- Хованский И. А. — IV 531
- Ходасевич В. Ф. — II-2 320; V
452
- Ходлер Ф. — VI-1 134
- Хойм К. — VIII 329, 330
- Холодковский Н. А. — VI-1 552
- Холодный Н. Г. — V 597
- Хомяков А. С. — I 22, 88, 327,
373, 379; II-1 196; II-2 257,
319, 364; V 390, 446; VI-1
210; VI-2 74, 238, 239, 240,
248, 254, 410, 438, 457, 513,
644, 661; VI-3 266; VII 414,
454; IX-X 369
- Хорти М. — II-1 89, 474
- Хох П. ван — VI-1 531
- Христофор, св. — VI-2 197
- Хрущев Н. С. — II-2 334, 467
- Хуберт, св. — IV 527
- Хумер Й. — VII 39
- Цвингли У. — VI-3 476, 555
- Цебрикова — II-2 281
- Цезарь Борджиа (Чезаре Борд-
жиа) — II-2 164; III 496; IV
565, 571, 616; VI-2 103
- Цезарь Гай Юлий — II-1 442; IV
444, 470, 604; VI-1 340, 376;
VI-2 103
- Цейс К. Ф. — VI-1 224
- Целлер Э. — IV 565

- Цельсий А. — VII 582
 Церетелли И. Г. — II-1 131, 477
 Церковник (псевд.) — V 392, 490, 491, 496, 594
 Циммерман, издатель — VI-2 291
 Циолковский К. Э. — V 597
 Цицерон Марк Тулий — I 121, 192, 374; II-1 353; II-2 147; III 446; IV 425, 431, 438, 444, 564, 565, 598; VI-3 251
 Цуриков Н. А. — II-2 418
 Цыклер, участник стрелцкого бунта — IV 531
 Цыпин В., прот. — V 582; VII 584, 589
- Чаадаев П. Я. — II-1 130, 384, 477; II-2 253, 254, 255, 256, 258, 471; IV 520; V 446; VI-1 99, 547; VI-2 55, 59, 349
 Чавчавадзе И. Г. — II-1 301, 484
 Чайковский Н. В. — V 452, 598
 Чайковский П. И. — II-1 65, 140; III 412; VI-1 127, 136, 137, 457, 472, 477, 484, 499, 534; VI-2 387; VI-3 35, 67, 369; VII 442
 Чамберс, свидетель — II-1 488
 Чан Кайши — II-1 89, 347, 474; II-2 126, 171, 172, 326, 463
 Чанибек — IX-X 443
 Чаплин Ч. — VII 436
 Цезаре Борджиа — V 568
 Челлини Б. — VI-1 122; VI-2 103
 Чемберлен Н. — II-2 457
 Чемберлен Х. С. — VII 412, 595
 Чемберлен Э. С. — I 177, 375; II-2 56, 194
 Черкасский Я. К. — IX-X 428
 Чернов В. М. — II-1 84, 189, 442, 473; II-2 96, 236; V 276, 344, 589, 601
 Чернышевский Н. Г. — II-2 137, 386; IV 520; VI-1 205
- Черчилль У.-Л.-С. — II-1 151, 260; II-2 22, 53, 54, 126, 170, 172, 224, 225, 261, 324, 325, 329, 334, 455; VII 151
 Четвериков С., прот. — VI-2 440
 Чехов А. П. — II-2 70, 391; III 263, 390; VI-1 57, 109, 110; 122, 123, 136, 166, 188, 194, 200, 237, 238, 241, 310, 313, 346, 363, 534; VI-2 63, 138, 140, 142, 148, 156, 161, 162, 165, 169, 184, 323, 355, 362, 394, 457, 458, 658; VI-3 29, 30, 205, 206, 316, 402, 493; VII 443
 Чжоу Эньлай — II-2 324, 333, 474
 Чижевский А. Л. — V 597
 Чижигов Анемподист (псевд. И. А. Ильина) — II-1 31, 470
 Чижигов Коля (псевд. И. А. Ильина) — II-1 470
 Чижигов Петя (псевд. И. А. Ильина) — II-1 470
 Чижигов Семен Петров (псевд. И. А. Ильина) — II-1 470
 Чимабуэ (Ченни ди Пепо) — VI-1 134
 Чимароза Д. — VII 421
 Чингисхан — VI-2 470, 480, 498, 499, 515, 533, 539; VI-3 148; IX-X 387
 Чистой Н. — IX-X 428
 Чичерин Б. Н. — IV 548, 615; V 592; VI-1 210, 211; VI-2 413, 457; IX-X 214, 437
 Чичерин Г. В. — II-1 253, 481
 Чубарь В. Я. — II-2 145
 Чулков, чиновник — VI-2 604
 Чупров А. А. — VI-2 413
 Чурлянис (Чюрленис) К. К. — II-1 301

- Шалковитый, дьяк — IV 531
 Шаляпин Ф. И. — I 399; II-2 8, 411, 451; V 586; VI-2 90; VI-3 35; VII 415-450, 595-599
 Шамиссо А. фон — I 177, 375; II-1 70, 472; VI-1 137; VI-2 276; VIII 375
 Шархау В. — II-2 453
 Шатилов П. Н. — VII 600
 Шафаревич И. Р. — II-1 476; VIII 568
 Шафиров П. П. — II-1 273, 301, 482
 Шах Наср-Эддин — IV 441
 Шахматов А. А. — II-2 146, 464
 Шаховской Г. П. — IV 531
 Шварц С. — II-2 140, 464
 Швейкерт (Ильина) Е. Ю. — I 5, 21, 24
 Швейкерт Ю. — I 5, 361
 Швейкерт Ю. (псевд. И. А. Ильина) — I 381; VIII 48
 Шверник А. — VIII 288, 339
 Шевченко Т. Г. — VI-1 205
 Шевырев С. П. — VI-1 141; VI-2 76
 Шедель Г. И. — VI-3 156
 Шекспир В. — I 100, 186, 207, 209, 211, 376; II-1 171, 336, 353, 395; II-2 8; III 458, 542; IV 594; VI-1 76, 77, 109, 110, 111, 122, 136, 187, 188, 240, 310, 352, 360; VI-2 44, 91, 118, 140, 149, 150, 158, 292, 333, 355, 356, 574; VI-3 59, 204-206, 212, 216, 220, 221, 247, 288, 310, 325, 329, 368, 369, 401, 446, 449, 493, 548; VII 189, 415; VIII 448, 486, 549, 551; IX-X 437
 Шелли П.-Б. — III 199
 Шеллинг Ф.-В. — I 397; II-2 255; III 43, 98, 567, 568; VI-1 411; VI-2 593; VI-3 23; VII 300; IX-X 334
 Шельба — II-1 458
 Шельтинг А. фон — II-1 297, 483; II-2 253, 255-259, 471
 Шемяка — IV 442
 Шенье А. — VI-2 49; VI-3 219
 Шепелев А. Е. — VI-2 651
 Шереметев Б. П. — IV 481
 Шереметев С. Д. — I 6, 362
 Шершеневич В. Г. — VI-1 66, 114, 413, 546; VI-2 251, 356
 Шершеневич Г. Ф. — IV 10, 584
 Шерюэль П.-А. — IV 481, 482, 610
 Шестов Л. И. — V 593
 Шефтсбери А.-Э.-К. — VI-2 585; VIII 405, 571
 Шешковский С. И. — IV 519, 613
 Шиллер И.-Ф. — I 117; II-1 70; III 514; VI-1 54, 155, 188, 411, 545; VI-2 68, 91, 276, 295, 320, 398, 464, 561, 574, 639, 640, 656; VI-3 205, 307, 310, 401, 446, 449; VII 219; VIII 372, 375, 448
 Шингарев А. И. — II-2 459
 Ширков, юрист — IV 223
 Шкирятов М. Ф. — II-2 210
 Шлейден М. Я. — I 62, 371; III 291; VI-1 96; VIII 539
 Шлейер — I 375
 Шлейермахер Ф.-Д.-Э. — I 11, 366, 384; III 6-11, 13, 564; V 19, 561
 Шлецер, историк — IX-X 346
 Шмелев И. С. — I 35, 73, 83, 133, 155, 339, 366, 373, 374, 382, 387, 388, 391, 392, 394; II-1 233, 409, 434; II-2 8, 113, 149, 366, 390, 391, 394, 418, 421, 422, 425, 427, 451; V 538, 543; VI-1 108, 111, 135, 146, 151, 174, 183, 188, 232, 237, 241, 280, 281, 304, 310, 313, 331, 334-345, 347, 349, 350,

- 352-372, 374-376, 378, 380-386, 388, 390-393, 396-399, 401, 402, 404-406, 409, 542, 543, 545, 549, 551, 557; VI-2 110, 111, 113-131, 133, 134, 137, 138, 140-143, 145-152, 155-167, 169-171, 187, 334, 354, 355, 364, 370, 387, 403, 445, 447, 494, 495, 638, 647, 648, 658; VI-3 30, 106, 191, 316, 362, 445; VII 443
- Шмераль, ком. деятель — VIII 140, 339
- Шмидт А. Н. — V 447, 598
- Шмурло Е. Ф. — VI-2 512, 513; VII 343, 587
- Шнайдер Ф. — VII 584
- Шнейдер Е. А. — IV 561, 616
- Шнеллер Е. — VIII 339
- Шнеллер Э. — VIII 284, 295, 311, 319, 321, 331
- Шопен Ф. — III 432; VI-1 77, 89, 110, 137, 152, 360, 461, 476, 504, 521; VI-2 151, 297, 355, 398; VI-3 307, 369, 510; VIII 470
- Шопенгауэр А. — I 92, 373, 380; III 78, 573, 584; IV 13, 585, 595; V 95, 566; VI-1 219, 411, 549; VI-2 304, 655
- Шпаак П. Г. — II-1 377, 485; II-2 54, 456
- Шпенглер О. — VII 412, 595
- Шпёрри Т. — II-2 291; VI-2 591
- Шпет Г. Г. — I 365; V 605; VI-1 541
- Шпренгер Я. — II-1 60; VII 402
- Шрамченко, юрист — IV 223
- Штаммлер Р. — IV 586
- Штейн Г. фон — IV 489
- Штейнер Р. — I 16, 17; III 567
- Штейфон Б. А. — IX-X 388
- Штёрк, юрист — IV 585
- Штирнер М. (Шмидт К.) — I 383; II-1 154, 472, 473; II-2 410; IV 7, 42, 583; VI-2 276; VI-3 426; VII 126, 287, 297; VIII 362, 375, 570; IX-X 334
- Штольцинг, композитор — VI-1 482
- Штраус Д. Ф. — VII 298; IX-X 334
- Штраус И. — VI-1 521
- Штраус Р. — VI-1 66; VI-3 59
- Штрэземан Г. — II-2 327, 474, 475
- Штрейхер, нацист — II-2 132
- Штук Ф. фон — II-1 70, 472; VI-3 59
- Штюрмер Б. В. — II-2 453; IX-X 125, 427
- Шуб, ком. деятель — VII 44
- Шубарт А. В. — VII 590
- Шубарт В. М. — VII 591, 592
- Шубарт Вальтер — VI-2 410, 659, 660; VI-3 353, 544; VII 373, 383, 384-390, 395-397, 400, 403, 405, 412, 413, 589, 590-594
- Шубарт Н. В. — VII 590
- Шубарты — VII 590
- Шуберт Ф. — VI-1 137, 467, 485, 527; VI-3 528
- Шубин Ф. И. — II-1 273, 482; VI-1 89, 132; VI-2 538, 604, 499; VII 409
- Шуйский В. — II-1 294; II-2 98; IV 442, 531; VI-2 501
- Шуленбург фон дер, посол — VII 591
- Шульгин В. В. — II-1 471; II-2 473; V 312, 338, 491, 584, 588; IX-X 424
- Шульц Б. — II-2 135
- Шульц Й. Г. — VI-2 391
- Шуман Р. — II-1 465, 489; III 20, 412, 565; VI-1 137, 467, 476; VI-3 35, 528
- Шумахер К. — II-2 140, 464
- Шумский (Чесноков) С. В. — VI-2 393
- Шустер Г. Ю. — IV 440, 606

- Шюллер Р. — VIII 161, 162, 241, 244, 254, 255, 339
- Шегловитов И. Г. — II-2 470
- Щедрин С. Ф. — VI-1 537
- Щепкин М. С. — VI-2 393, 451; VI-3 247
- Щербатов М. М. — IV 573, 617
- Щербатов Н. Б. — II-2 418
- Щербатов, воевода — IX-X 167, 168, 169
- Щукин С. — II-2 403
- Эбнер-Эшенбах М. фон — VI-2 374, 630, 658
- Эвербек К. — VII 581, 583
- Эверсо д'Ангвиллари — II-2 153
- Эверт А. Е. — II-2 232
- Эврипид — VI-1 59; VI-2 324
- Эгберт, король — IV 434
- Эглон, царь — IV 437, 603
- Эгмонд (Эгмонт) Л. граф — II-1 215, 480
- Эдуард II — IV 437
- Эдуард III — IV 528
- Эдуард V — V 568
- Эдуард Старший — IV 435
- Эзоп — VIII 570
- Эйдеман Р. — V 578
- Эйзенхауэр Д. Д. — II-1 252, 261; II-2 42, 54, 110, 173; VII 345, 587
- Эйхендорф Й. — II-2 78, 322, 474; III 111, 200, 576; VI-1 63, 76, 144, 410, 412; VI-2 107, 302, 336, 398, 448; VI-3 75, 206, 210, 226, 506, 528, 557; VII 55, 116, 307; VIII 380, 386, 551
- Эккарт, издатель — VII 238, 239, 240, 578
- Экхарт И. — I 24; III 389, 583; VI-2 427
- Экштейн (Галахад) Б. — II-2 251, 259
- Эла (Ила), царь — IV 437, 603
- Эльцбихер, философ — I 363
- Эмпедокл — III 565
- Энгельгарт В. П. — VI-2 666
- Энгельс Ф. — I 263; II-1 52, 445; II-2 214; VII 29, 86, 88, 224, 341, 353; VIII 10, 11, 16, 17, 19, 32, 47, 76, 230, 280, 332, 337, 339; IX-X 97, 116, 117, 426
- Энглерт В. М. (Берман-Долгорукова) — VI-2 659
- Энштейн А. — VIII 133, 339
- Эпикур — V 566
- Эразм Роттердамский — VI-3 219; IX-X 418
- Эрдели И. Г. — VII 601
- Эрдман Б. — VI-1 546
- Эрдман Н. — VI-1 546
- Эрик IV — II-1 442
- Эрик XIV — IV 515, 612
- Эрколи, ком. деятель — VIII 211, 212, 215, 242, 339
- Эрксleben, правовед — IV 587
- Эрн В. Ф. — I 14; V 446, 541, 597, 604
- Эро, президент — II-2 138
- Эрстед Х. К. — I 62
- Эрт А. — I 31; VII 123, 577, 580; VIII 46, 48, 334
- Эрхард, проф. — II-2 224
- Эскобар-а-Мендоза А. — II-1 393, 487; V 201, 570; VII 404
- Эсхил — VI-1 59; VI-2 324
- Эттли К. Р. — II-2 56, 200, 333, 337, 457
- Эчесон (Ачисон) Д. — II-1 348; II-2 261, 333
- Эшенбах В. фон — VI-3 524, 525; VIII 571
- Югурта, царь — IV 437, 604
- Юденич Н. Н. — II-2 170, 176, 466, 467
- Юзефович М. В. — VI-2 75, 644

- Юлиан Отступник — IV 491, 549, 611; V 542, 604; VI-2 175, 181, 183, 185, 187, 190, 192, 194, 195, 649
 Юлиан, имп. — IV 573
 Юлиания Милостивая — VI-3 190
 Юлий II — II-1 60
 Юлий Цезарь — II-2 289; III 458; IV 431, 437, 438, 460, 467, 468, 533, 564, 598, 608, 611; VI-2 44, 91
 Юлихер, теолог — VI-2 461
 Юргенсон, издатель — VI-2 291
 Юрий Данилович, вел. кн. Московский — IV 441, 442, 606
 Юрр, ком. деятель — VIII 339
 Юстиниан I — III 531; IV 430, 470, 489, 550, 609; VI-3 116
 Юстиниан II — IV 439, 551
 Юстус (псевд. И. А. Ильина) — I 381, 389; IX-X 432, 433, 434, 436

 Юшкова, тетья Толстого Л. Н. — VI-3 482
 Ющинский А. — V 584

 Яворский Б. Л. — VI-2 98
 Ягелло, кн. — VI-3 150
 Ягеллоны — IV 600
 Ягода Г. Г. — II-2 246; V 583
 Ягужинский П. И. — II-1 273, 301, 482

 Языков Н. М. — II-2 124, 311, 319, 323; VI-1 55, 113; VI-2 39, 86, 208, 214, 223, 224, 228, 229, 256, 306, 314, 321, 642, 644
 Якоби П. Н. — V 456
 Яков II — VI-3 9, 524
 Яковенко Б. В. — VII 379, 592
 Яковлев А. И. — I 27; II-1 483
 Яковлев И. Я. — I 27; II-1 300, 483
 Яковлев К. — IX-X 149, 156, 157, 171
 Яковлев Ф. — IX-X 156
 Яковлев, ком. деятель — II-2 210
 Якулов, художник — VI-1 546
 Якушев (Федоров) А. А. — II-1 32, 470; II-2 304
 Якушев (Федоров) А. А. — II-2 473
 Яниш Е. Н. — I 363
 Ян-Рубан А. М. — VI-2 308
 Яо — IV 608
 Ярослав Мудрый — II-1 23, 421; IV 606; V 571; VI-2 497, 519, 521; VI-3 117, 147, 155,
 Ярославский Е. М. (Губельман М. И.) — II-2 211; VII 173, 224, 228, 229, 232-234, 239-246, 260-262, 264-266, 268, 283, 284, 288, 297, 579; VIII 240, 243, 251, 340
 Ященко А. С. — VI-1 279

СОДЕРЖАНИЕ

О ВОЙНЕ

Духовный смысл войны 7

ПОРЯДОК ИЛИ БЕСПОРЯДОК?

Свобода собраний и народное представительство 41
Что такое политическая партия 60
Партийная программа и максимализм 72
О сроке созыва Учредительного Собрания 78
Порядок или беспорядок? 84
Демагогия и провокация 99
Почему «не надо продолжать войну»? 114
Бунт Стеньки Разина. (Из русской старины) 132

КРУШЕНИЕ РОССИИ

Куда идет революционная демократия? 175
Отказ г. Керенского 178
Речь И. А. Ильина на 2-м московском совещании
общественных деятелей 182
Чего ждать? 183
Кошмар 187
Кто они? 189
Ушедшим победителям 192
Молитва перед решением. Из записок убитого друга 194
Корень зла 197
Основные задачи правоповедения в России 201

РОДИНА И МЫ

Речь (на торжественном вечере немецкого Красного Креста
и общества по изучению Восточной Европы) перед русскими
профессорами-изгнанниками 14 ноября 1922 года 233
Духовная культура и ее национальные вожди 235
Памяти П. И. Новгородцева 249
Родина и мы 255
Речь на митинге Германской национальной народной партии. 276

БЕЛАЯ ИДЕЯ

Государственный смысл Белой армии 281
Белая идея 301

БОРЬБА ЗА РОССИЮ

Основы борьбы за национальную Россию	317
Свободная индивидуальность.....	397
Дело хранения	411

КОММЕНТАРИИ.....	416
-------------------------	------------

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.....	447
----------------------------	------------

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ИЛЬИН

**Собрание сочинений
в 10 томах**

Том 9 — 10

Редактор В. Шмельков
Художественный редактор Г. Шацкий
Технический редактор И. Павлова
Корректоры А. Лазуткина, Н. Бучарова
Компьютерная верстка В. Горшкова, А. Токер

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 010058 от 23 октября 1996 г.

Подписано в печать с оригинала-макета 15.11.99. Формат
84×108/32.

Бумага газетная. Гарнитура таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26,99 (в т. ч. вкл. 0,11). Уч.-изд. л. 28,29 (в т. ч. вкл. 0,03).
Тираж 8500 экз. С-42. Изд. инд. НА-62. Заказ № 3420.

Издательство «Русская книга»
Комитета Российской Федерации по печати.
123557, Москва, Б. Тишинский пер., 38.

Отпечатано на Государственном издательско-полиграфическом
предприятии «Вятка».

610044, г. Киров, ул. Московская, 122.